

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И
НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД
И ОСВОБОЖДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

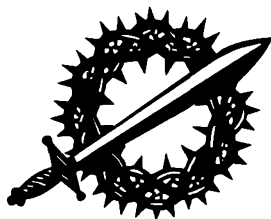
ВТОРОЙ
КУБАНСКИЙ ПОХОД
И ОСВОБОЖДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

ВТОРОЙ
КУБАНСКИЙ ПОХОД
И ОСВОБОЖДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2002

ББК 63.3(2)-8
В87

Под общей редакцией предводителя
Российского Дворянского Собрания
князя А.К. Голицына

Авторы проекта:
Валентина Алексеевна БЛАГОВО
Сергей Алексеевич САПОЖНИКОВ

Оформление художника И.А. Озерова

В87   **Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа / Составление, научная редакция, предисловие и комментарий доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. — 639 с.**

ISBN 5-227-01652-6

Книга «Второй Кубанский поход и освобождение Северного Кавказа» представляет собой шестой том серии, посвященной истории Белого движения в России, и знакомит читателя с боями Добровольческой армии во второй половине 1918 года по воспоминаниям участников этих боев.

За небольшим исключением помещенные в том материалы в России никогда не издавались, а опубликованные за рубежом представляют собой библиографическую редкость. Том снабжен предисловием и обширным комментарием, содержащим несколько сот неизвестных и публикуемых впервые биографических справок об авторах и героях очерков.

Книга входит в издаваемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная»

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, составление, предисловие,
комментарий, 2002

© Художественное оформление серии,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2002

ISBN 5-227-01652-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестой том серии «Белое движение в России» посвящен боям Добровольческой армии во второй половине 1918 года: Второму Кубанскому походу и осенне-зимним боям под Армавиром и в Ставрополе, завершившимся полным разгромом большевиков и очищением от них всего Северного Кавказа. Настоящий том служит непосредственным продолжением первого, второго и третьего, в которых были собраны воспоминания о формировании на Дону и на Кубани добровольческих частей и об их действиях до выступления в Первый Кубанский поход и во время Первого Кубанского похода (т. е. до конца мая 1918 года).

Второй Кубанский поход Добровольческой армии начался 9 июня 1918 года. К этому времени она насчитывала до 9 тысяч человек, примерно в 10 раз уступая по численности противостоящим ей красным войскам на Кубани и Северном Кавказе. Однако качественный состав Добровольческой армии в это время оставался еще исключительно высоким: среди строевых бойцов до 60—70% составляли офицеры, а остальные были близкие им по духу и боевым качествам добровольцы.

В начале июня, перед выступлением во Второй Кубанский поход, армия была разбита на следующие соединения:

1-я дивизия (генерал-лейтенант С.А. Марков; впоследствии Б.И. Казанович), в которую входили 1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й Офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня;

2-я дивизия (генерал-майор А.А. Боровский): Корниловский ударный, Партизанский пехотный, 4-й Сводный Кубанский конный полки, 2-я Инженерная рота и 2-я Офицерская батарея;

3-я дивизия (полковник М.Г. Дроздовский): 2-й Офицерский стрелковый, 2-й Офицерский конный полки, 3-я Инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, конно-горная и Мортирная батареи;

1-я конная дивизия (генерал от кавалерии И.Г. Эрдели): 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский конные полки и конно-горная батарея;

1-я казачья Кубанская бригада (генерал-майор Покровский): 2-й и 3-й Кубанские конные полки и взвод артиллерии. Не входили в состав дивизий Пластунский батальон, 6-дюймовая гаубица, радиостанция и 3 броневика («Верный», «Доброволец» и «Корниловец»).

В ходе 2-го Кубанского похода были сформированы 1-я и 2-я Кубанские казачьи дивизии и Пластунская бригада (генерал А.А. Гейман). В июле—августе 1918 года 1-я конная дивизия включала полки: Корниловский, 1-й Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный, 2-й Черкесский; 1-я Кубанская казачья дивизия (генерал В.А. Покровский) — 2-е полки этих наименований; 2-я Кубанская казачья дивизия (полковник С.Г. Улагай) включала 1-й и 2-й Хоперские, 1-й Лабинский и 2-й Кубанский полки.

В ноябре 1918 года дивизии Б.И. Казановича и А.А. Боровского были развернуты в 1-й и 2-й армейские корпуса, сформирован 3-й армейский корпус (генерал В.П. Ляхов), а из 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий сформирован 1-й конный корпус (генерал барон П.Н. Врангель). К сентябрю 1918 года в армии было 35—40 тысяч штыков и сабель, в декабре в действующих войсках было 32—34 тысячи и в запасных, формирующихся частях и гарнизонах городов 13—14 тысяч, т. е. всего около 48 тысяч человек.

Непосредственной целью похода было очищение от большевиков Кубани и овладение ее столицей Екатеринодаром и Черноморским побережьем. Первый удар был нанесен по станции Торговой, а 1 июля была взята и Тихорецкая. Во второй половине июля армии пришлось выдержать чрезвычайно тяжелые бои у станции Кореновской, но к 1 августа Екатеринодар был окружен и 3 августа освобожден. Однако после этого у красных оставались на Северном Кавказе по-прежнему значительные силы, в несколько раз превосходившие Добровольческую армию. Центром последующих операций стал Армавир. 6 сентября он был занят дивизией Дроздовского, но 13 сентября был вновь захвачен красными в ходе предпринятого ими контрнаступления. Под городом развернулись тяжелые бои. 10 октяб-

ря началось наступление красных на Ставрополь, который добровольцам пришлось оставить 17 октября. Добровольческой армии бои второй половины 1918 года обошлись очень дорого. В некоторых боях, например при взятии Тихорецкой, потери доходили до 25—30% состава, и вновь стоял вопрос о самом ее существовании. Ценой огромного напряжения сил и благодаря искусному маневрированию Добровольческой армии удалось переломить ход событий в свою пользу и перейти в решительное наступление. 13 октября дивизией генерала Казановича был взят Армавир, а 1 ноября генералом бароном Врангелем — Ставрополь. От разгрома в ходе этих операций красные уже не смогли оправиться, и к началу 1919 года был освобожден от большевиков весь Северный Кавказ.

В настоящем издании собраны воспоминания участников боев Добровольческой армии с лета по конец 1918 года, в разное время публиковавшиеся в русской эмигрантской печати. Помещены как фрагменты из книг, так и журнальные и газетные публикации. Почти все эти воспоминания (за исключением мемуаров генералов А.И. Деникина и А.В. Туркула, а также книг С. Мамонтова и Э. Гиацинтова) никогда в России не публиковались.

Материалы тома сгруппированы по двум разделам. В первом из них собраны материалы, посвященные 2-му Кубанскому походу, во втором — боям под Армавиром и Ставрополем осенью—зимой 1918 года.

В книге приводятся воспоминания как вождей и руководителей Белого дела (Деникина, Врангеля, Шатилова), так и рядовых участников тех, ставших легендарными, событий. В результате перед читателем открывается истинная картина Белого движения: и из штабов, и из окопов.

Во многих воспоминаниях подробно описываются обстоятельства гибели 12 июня 1918 года генерала Сергея Леонидовича Маркова. И это не случайно — С.Л. Марков действительно был одним из самых выдающихся белых генералов, и многие эксперты полагают, что, если бы он остался жив и участвовал в дальнейшей борьбе, исход Гражданской войны мог быть иным.

В описываемых боях раскрылся воинский талант генерала П.Н. Врангеля. Читатель убедится, что именно ему принадлежит решающая заслуга в освобождении Северного Кавказа от большевиков и создании условий для последующего наступления белых армий на Дон, Донбасс, Украину и Москву. Этим и другим событиям

Гражданской войны в России будут посвящены следующие тома нашей серии.

Как правило, все публикации приводятся полностью. Из крупных трудов взяты только главы и разделы, непосредственно относящиеся к теме. Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки.

Поскольку в Белой армии на Юге России вплоть до ее эвакуации из Крыма использовался старый стиль, все даты, кроме особо оговоренных случаев, приводятся по этому стилю.

**ВТОРОЙ
КУБАНСКИЙ ПОХОД
И ОСВОБОЖДЕНИЕ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА**

Раздел 1

*А. Деникин*¹

НА КУБАНЬ!²

Итак — на Кубань!

Стратегически план операции заключался в следующем: овладеть Торговой, прервав там железнодорожное сообщение Северного Кавказа с Центральной Россией; прикрыв затем себя со стороны Царицына, повернуть на Тихорецкую. По овладении этим важным узлом северо-кавказских дорог, обеспечив операцию с севера и юга захватом Кушевки и Кавказской, продолжать движение на Екатеринодар для овладения этим военным и политическим центром области и всего Северного Кавказа.

Для прикрытия со стороны группы Сорокина³ я оставил только один полк и два орудия генерала Покровского, который должен был объединить командование и над ополчениями задонских станиц.

Этот план был проведен до конца, невзирая на противодействие вражеской силы и сторонних влияний.

Нас было мало: 8—9 тысяч против 80—100 тысяч большевиков. Но за нами было военное искусство... В армии был порыв, сознание правоты своего дела, уверенность в своей силе и надежда на будущее.

9—10 июня 1918 года армия выступила во 2-й Кубанский поход.

Взятие Торговой. Смерть генерала Маркова

На 12 июня назначена была атака станции Торговая.

Еще 9-го началось расхождение дивизий на широком фронте, причем конница Эрдели⁴ и дивизия Маркова⁵ с донскими частями Быка-

дорога⁶ должны были накануне (11-го) выйти к линии железной дороги Тихорецкая—Царицын, очищая свои районы от мелких партий большевиков, отвлекая их внимание и 12-го завершая окружение Торговой; две сильные колонны — Дроздовского⁷ и Боровского⁸ — направлены были с возможною скрытностью вдоль линии железной дороги Батайск—Торговая и берегом реки Средний Егорлык для непосредственного удара на Торговую. Дивизия Боровского составляла вначале мой общий резерв.

В этом походе армия, невзирая на свою малочисленность, двигалась все время широким фронтом для очистки района от мелких банд, для прикрытия железнодорожного сообщения и обеспечения главного исправления от удара мелких отрядов и ополчений, разбросанных по краю.

10 июня после упорного боя генерал Эрдели овладел селом Лежанкой; часть красноармейцев была изрублена, другая взята в плен, остальные бежали на юг. 11-го конница с таким же успехом овладела селом Богородицким, выслав в тот же день разъезды для порчи и перерыва железнодорожного пути от Тихорецкой.

Я со штабом шел при колонне Боровского и заночевал в селе Лопанском. На рассвете 12-го видел бой колонны. Побывал в штабе Боровского, цепях Кутепова⁹ (полковник Кутепов командовал бригадой во 2-й дивизии. — А. Д.), ворвавшихся в село Крученобалковское, с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в 1-м походе, живет и в начальниках, и в добровольцах.

Около 7 часов утра, разбив большевиков у Крученой Балки, Боровский преследовал их передовыми частями в направлении Торговой, дав отдых главным силам.

Со стороны Торговой, которую должна была атаковать колонна Дроздовского на рассвете, слышен был только редкий артиллерийский огонь. Мы с Романовским, несколькими офицерами и казаками, перейдя речку, поскакали к его колонне.

Дроздовский, сделав ночной переход, с рассветом развернулся с запада против Торговой и вел методическое наступление, применяя тактику большой войны... В тот момент, когда мы въехали в хутор Кузнецова, части Дроздовского готовились там к переправе через реку Егорлык. Большевики от Торговой обстреливали нас редким артиллерийским огнем; с противоположного берега и хутора Шавалиева шел ружейный и пулеметный огонь; туда, стоя открыто в расстоянии 150 шагов, стреляло картечью наше орудие...

Прошло уже более пяти лет с того дня, когда первый раз увидел дроздовцев в бою, но я помню живо каждую деталь. Их хмурого, нервного, озабоченного начальника дивизии... Суетливо, как насадка,

собиравшего своих офицеров и бродившего, прихрамывая (старая рана), под огнем по открытому полю Жебрака...¹⁰ Перераненных артиллеристов, продолжавших огонь из орудия, с изрешеченным пулями щитом... И бросившуюся на глазах командующего через речку вброд роту во главе со своим командиром штабс-капитаном Туркулом¹¹ — со смехом, шутками и криками «ура»...

* * *

Хутор Шавлиев был взят, и дивизия стала переходить через Егорлык и разворачиваться против Торговой, откуда из длинных окопов была встречена огнем. Дроздовский долго перестраивал боевой порядок; темп боя сильно замедлялся. Между тем со стороны Крученой Балки по всему полю, насколько видно было глазу, текли в полном беспорядке толпы людей, повозок, артиллерии, спасавшихся от Боровского. Я послал приказание всей колонне последнего продолжать немедленно наступление на Торговую.

Около двух часов дня начал подходить Корниловский полк, и дроздовцы вместе с ним двинулись в атаку, имея в своих цепях Дроздовского и Жебрака.

Торговая была взята; захвачено три орудия, много пулеметов, пленных и большие интендантские запасы. На железнодорожной станции, где расположился мой штаб, тотчас по ее занятии дроздовцы установили уже пулемет на дрезину и погнались за уходившими эшелонами большевиков; другие мастерили самодельный «броневой поезд» из платформ с уложенными на них мешками с землей и ставили орудие, пулеметы. Вечером «первый бронепоезд» (!) Добровольческой армии двинулся к станции Шаблиевская.

В этот же день генерал Эрдели с кубанскими казаками захватил с бою село Николаевское, станцию Крученская и, оставив там полк для прикрытия со стороны Тихорецкой, двинулся к Торговой. Казаки и черкесы прошли за три дня 110 верст с несколькими боями; уставшие лошади еле двигались. Тем не менее Эрдели к вечеру подошел к Торговой, успев перехватить большевикам юго-восточные пути отступления, и в происшедшей там конной атаке казаки многих изрубили, более 600 взяли в плен.

12 июня воссозданная Добровольческая армия одержала свой первый крупный успех. С 12 июня в течение 20 месяцев Северный Кавказ был отрезан от Центральной России, а центр страны — от всероссийских житниц — Кубанской области и Ставропольской губернии и от грозненской нефти (в районе Кизлярского и Петровс-

кого участков Владикавказской железной дороги царила анархия и велась борьба между терцами, горцами и большевиками. — А. Д.). Это обстоятельство, несомненно, подрывало экономический базис советской власти, но в силу роковых переплетений интересов не могло не отозваться на общем состоянии народного хозяйства. Утешала меня надежда, что такое положение недолговечно и что штыками своими Добровольческая армия принесет вскоре северу освобождение, а вместе с ним хлеб, уголь и нефть. Мечты!..

* * *

Спускалась уже ночь, замирали последние отзвуки артиллерийской стрельбы где-то на севере, а от колонны Маркова не было никаких известий. Наконец, пришло донесение:

«Станция Шаблиевская взята...

Генерального Штаба Марков смертельно ранен...»

11 июня Марков очистил от мелких большевистских банд район между Юлой и Манычем и приступил к операции против Шаблиевки. Станция оказалась занятой сильным отрядом с артиллерией и бронепоездами. Взять ее в этот день не удалось. Весь день 12-го продолжался тяжелый и упорный бой, вызвавший серьезные потери, и только к вечеру, очевидно, в связи с общей обстановкой большевики начали отступать. Уходили и бронепоезда, посылая последние, прощальные снаряды по направлению к брошенной станции. Одним из них вблизи от Маркова был тяжело ранен капитан Дурасов... Другой выстрел — предпоследний — был роковым. Марков, обливаясь кровью, упал на землю. Перенесенный в избу, он мучился недолго, приходя иногда в сознание и прощаясь трогательно со своими офицерами-друзьями, онемевшими от горя.

Сказал:

— Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас...

Наутро 1-й Кубанский стрелковый полк провожал останки своего незабвенного начальника дивизии. Раздалась команда: «Слушай — на караул!..» В первый раз полк так небрежно отдавал честь своему генералу: ружья валились из рук, штыки колыхались, офицеры и казаки плакали навзрыд...

К вечеру тело привезли в Торговую. После краткой литии гроб на руках понесли мы в Вознесенскую церковь сквозь строй добровольческих дивизий. В сумраке, среди тишины, спустившейся на село, тихо подвигалась длинная колонна. Над гробом реял черный с крестом флаг, его флаг, мелькавший так часто в самых опасных местах боя...

После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей, и отдался своему горю.

Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...

Вспомнились последние годы — Галиция, Волинь, ставка, Бердичев, Быхов, 1-й Кубанский поход... Столько острых, тяжких и радостных дней, пережитых вместе и сроднивших меня с Марковым... Но не только потерял друг. В армии, в ее духовной жизни, в пафосе героического служения образовалась глубокая брешь. Сколько предположений и надежд связывалось с его именем. Сколько раз потом в поисках человека на фоне жуткого безлюдья мы с Иваном Павловичем¹², точно угадывая мысль друг друга, говорили со скорбью:

— Нет Маркова...

В ту же ночь два грузовика со взводом верных соратников, с пулеметами по бортам везли дорогую кладь по маньчжурской степи, еще кишевшей бродячими партиями большевиков, в Новочеркасск. Там осиротевшая семья покойного — мать, жена и дети, там «его» полк и десятки тысяч народа отдали последний долг праху героя, который когда-то учил своих офицеров:

— Легко быть честным и храбрым, когда сознал, что лучше смерть, чем рабство в униженной и оскорбленной России...

* * *

13 июня я отдал приказ по армии:

«1

Русская армия понесла тяжелую утрату: 12 июня при взятии станции Шаблиевка пал смертельно раненный генерал С.А. Марков.

Рыцарь, герой, патриот, с горячим сердцем и мятежной душой, он не жил, а горел любовью к Родине и бранным подвигом.

Железные стрелки чтут подвиги его под Творильней, Журавиным, Борыней, Перемышлем, Луцком, Чарторийском... Добровольческая армия никогда не забудет горячо любимого генерала, водившего в бой ее части под Екатеринодаром, в «Ледяном походе», у Медведовской...

В непрестанных боях, в двух кампаниях, вражеская пуля щадила его. Слепой судьбе угодно было, чтобы великий русский патриот пал от братоубийственной русской руки...

Вечная память со славою павшему...

Для увековечения памяти первого командира 1-го Офицерского полка части этой впредь именоваться 1-й Офицерский генерала Маркова полк¹³».

Бои на путях к Екатеринодару. Кореновская

Для овладения Екатеринодаром направлена была большая часть армии. Дивизии Казановича¹⁴ и Дроздовского (1-я¹⁵ и 3-я¹⁶) — вдоль Тихорецкой линии; Эрдели (1-я конная¹⁷) — севернее, параллельно им, к Черноморской линии для удара по городу с севера; Покровский (1-я Кубанская дивизия¹⁸) — с севера на Тимашевскую и далее в тыл Екатеринодарской группе большевиков. Боровский (2-я дивизия¹⁹) должен был частью своих сил наступать вдоль Кавказской железнодорожной линии для обеспечения главного направления и для демонстрации. Для обеспечения тыла в Кореновской был оставлен пластунский батальон с двумя орудиями.

14 июля я с Романовским был в центральной группе, в станции Пластуновской, установил окончательно детали наступления и напутствовал каждую дивизию пожеланием, чтобы она «первою вошла в Екатеринодар». Этот прием боевого соревнования как нельзя более соответствовал общему настроению — все рвались к Екатеринодару.

К вечеру того же дня Дроздовский маневром окружения взял станцию Динская, захватив 3 орудия, 600 пленных и большую добычу; южнее Казанович занял с боя монастырь (Покровская община).

Поздно ночью я вернулся в Тихорецкую. Штаб армии на другой день должен был перейти в Кореновскую.

Но утром 15-го связь с центральными колоннами была порвана. По железнодорожному телефону мы получили донесение, что станция Кореновская была атакована крупными силами противника и взята им; гарнизон наш частью уничтожен, частью попал в плен.

Большевицкие войска с занятием Кореновской оказались в тылу центральной нашей группы, разъединили ее от конницы Эрдели и штаба армии и создали непосредственную угрозу Тихорецкому узлу, для обороны которого оставались лишь 1—2 формирующихся батальона, 1—2 сотни и мой конвой.

Положение создалось грозное.

Я приказал немедленно отозвать из Ставрополя полк с батареей для нанесения совместно с бронепоездами удара по Кореновской с северо-

востока, тогда как центральная группа будет наносить его, очевидно, с юго-запада; послал Покровскому²⁰ приказание — минуя всякие препятствия и чего бы это ни стоило, атаковать Тимашевский узел и выйти в тыл Сорокину; Эрдели — ударить на Кореновскую с севера.

В центральную колонну штаб послал на аэроплане сообщение о направленной помощи; летчик должен был спуститься в районе Пластуновской с риском попасть в руки неприятеля...

Прошли томительные сутки...

* * *

Сведения разведки о движении большевиков из Тимашевской на Екатеринодар имели некоторые основания: туда текли обозы, беженцы, дезертиры, мелкие отряды, отколовшиеся от Сорокина. Главные силы оставались, однако, в районе Тимашевской, приводились в порядок, пополнялись по пути мобилизованными. Силы эти насчитывали, как оказалось, не менее 25—30 тысяч. На основании согласных показаний пленных Сорокин принял решение: выставив против Покровского заслон из лучшей своей дивизии, которая должна была впоследствии отступать на Тамань и Новороссийск, самому пробиться через Кореновскую на Усть-Лабу с целью уйти за Кубань. Вероятно, только впоследствии легкость овладения Кореновской и создавшаяся благоприятная обстановка побудили его использовать свое положение и попытаться разбить Добровольческую армию. Во всяком случае, весь план свидетельствует о большой смелости и искусстве. Не знаю чьих — Сорокина или его штаба. Но если вообще идейное руководство в стратегии и тактике за время северокавказской войны принадлежало самому Сорокину, то в лице фельдшера-самородка Советская Россия потеряла крупного военачальника (убит в октябре большевиками в Ставрополе. — А. Д.)...

14-го Сорокин перешел в наступление на широком фронте, направляя главные силы на Кореновскую. В этот день он, отбросив конницу Эрдели, вышел на линию Переяславская—Ново-Корсунская—Сергиевская, а 15-го взял Кореновскую.

* * *

Ввиду неясных слухов о появлении противника у Сергиевской и Дядьковской, полученных к вечеру 14-го, послана была туда новая разведка, а колонны Казановича и Дроздовского были придержаны у Динской.

Когда утром 15-го колонны оказались отрезанными от Тихорецкой, Казанович и Дроздовский, по взаимному соглашению, оставив аррьергард с бронепоездом у Динской (из состава 1-й дивизии батальон марковцев и 1-й конный полк²¹. — А. Д.), двинулись на Кореновскую с целью атаковать ее. Марковцы Казановича — в поезде, дроздовцы — на подводах. 2-й конный полк²² был направлен на станцию Раздольная для атаки Кореновской с юго-востока.

С рассветом Казанович, имея всего два батальона марковцев с артиллерией и бронепоездом, атаковал большевиков в направлении станции (Станичная), не дождавшись подхода Дроздовского, и потерпел неудачу: батальоны его залегли, отбиваясь огнём от наступавшей пехоты противника, от атаковавшей большевистской конницы. В 8 утра войска Дроздовского развернулись севернее железной дороги, направляясь на станицу с запада, и бой под Кореновской, тылом к Екатеринодару, продолжался с новым напряжением в течение всего дня.

Войска Сорокина оказались здесь в значительно превосходных силах и отменного боевого качества. Артиллерия его выпускала огромное количество снарядов.

Напрасны были многократные атаки наших дивизий, выезды «на картечь» батарей, личный пример начальников: Дроздовского, под непрерывным огнём ободрявшего свои войска, Казановича, выезжавшего в цепи противника на броневике в горячие минуты боя, Тимановского²³, водившего лично в атаку батальон марковцев для спасения положения...

Дивизии наши понесли тяжелые потери, были смяты и к вечеру отошли, преследуемые противником, за ручей Кирпели к станице Платнировской. «Отход пехоты, имевшей на своем пути болотистую речку, — говорится в описании действий Дроздовской дивизии, — носил очень тяжелый характер... Были случаи самоубийства добровольцев, от изнеможения не имевших возможности [уйти] от противника и боявшихся попасть в его руки. Оставленных на поле боя раненых и выбившихся из сил постигла страшная смерть. Красные проявляли нечеловеческую жестокость, выкалывали глаза, вырезали члены и сжигали [потом] раненых на кострах...»

Дивизии остановились на ночь на позиции за ручьем. Части стали подсчитывать свои поредевшие ряды и почти израсходованные боевые припасы, приводились в порядок. На совещании, состоявшемся в эту ночь в штабе 3-й дивизии, обстановка рисовалась в крайне мрачном свете. Казанович так описывает это совещание: «Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, от-

ступить в восточном направлении и искать кружным путем соединения с командующим армией или Боровским... Что надо спасти части от уничтожения...» Казанович протестовал: «Такое отступление развяжет большевикам руки, они [возьмут] Тихорецкую, порвут всякую связь между отдельными частями армии... Операция будет сорвана... наше отступление поведет к поражению армии по частям. С другой стороны, нельзя себе представить, чтобы генерал Деникин оставался в бездействии — очевидно, он направляет все, что ему удалось собрать, в тыл стоящим против нас большевикам».

Казанович, наконец, заявил, что ввиду потери связи с командующим армией он, как старший, на основании полевого устава, вступает в командование группой и приказывает с рассветом возобновить наступление на Кореновскую...

С утра 17-го были сделаны попытки наступления Марковским полком, но безуспешно. Противник в свою очередь перешел в наступление по всему фронту.

С особенной силой большевики обрушились в направлении железной дороги на правый фланг дроздовцев (Солдатский полк²⁴) и на марковцев. Во многих местах окопы наши были захвачены, и в них шел жестокий штыковой бой. С большим трудом благодаря незначительным поддержкам храброго 2-го Офицерского полка²⁵ и батарее доблестного подполковника Миончинского²⁶ удалось восстановить положение.

В атаках большевиков, невзирая на их исключительное упорство, добровольцы заметили, однако, какую-то необычайную нервозность.

Большевики не просто атаковали — они пробивались...

В то время, когда силы добровольцев были уже на исходе, возле Платнировской спустился летчик штаба армии. Он сообщил так страстно желанную весть о приближении помощи со стороны Тихорецкой.

Настроение войск сразу поднялось.

Полудни над Кореновской появились высокие разрывы шрапнелей. Это 1-й Кубанский полк с батареей и бронепоездом атаковал Кореновскую группу противника с тыла.

Вскоре на всем поле между Кореновской и Платнировской добровольцы увидели ясную и знакомую им картину «конца», когда поле сразу оживает и по нему мечутся во все стороны повозки, всадники и пешие люди... 1-й Кубанский полк²⁷ ворвался в Кореновскую; навстречу ему шел стремительно Марковский. Разбитый противник спешно уходил двумя волнами: одна, смяв правый фланг марковцев, бросилась на юг, на Раздольное, откуда ее встретил ата-

кой 2-й конный полк; другая в сравнительном порядке текла на запад, провожаемая огнем артиллерии Дроздовского, и остановилась тыловыми частями верстах в двух-трех от Кореновской. Дроздовский под впечатлением вчерашнего дня не решился преследовать ее пехотой...

Связь с Тихорецкой была восстановлена. Большевики понесли весьма тяжелые потери — добровольцы пощады не давали. Но и Добровольческая армия была сильно обескровлена. 1-я и 3-я дивизии потеряли 25—30 процентов своего состава. В числе убитых были храбрейшие первопоходники-марковцы полковник Хованский²⁸, подполковник Плохинский²⁹, штаб-ротмистр Дударев и много других...

Не один день потом в Тихорецкой провожал я в могилу прах своих старых соратников, со скорбью в душе и с большой неотвязчивой думой:

— Уходят, уходят... один за другим...

Проклятая русская действительность! Что, если бы вместо того, чтобы уничтожать друг друга, все эти отряды Сорокина, Жлобы, Думенко и других, войдя в состав единой Добровольческой армии, повернули на север, обрушились на германские войска генерала фон Кнерцера, вторгнувшиеся в глубь России и отдаленные тысячами верст от своих баз...

* * *

К утру 18-го войска Добровольческой армии на екатеринодарском направлении располагались следующим образом: на севере генерал Покровский, ведя весьма упорные бои, форсировал низовья Бейсуга и после уличного боя овладел Брюховецкой. Эрдели расположился главными силами в районе Березанской, одним полком занимая Батуринскую. 1-я дивизия Казановича была на подходе к станице Выселки, выделив Марковский полк на станцию Бейсуг. Дроздовский оставался в районе Кореновской, имея авангард в Платнировской.

Время, когда происходили описанные выше события в южной группе Сорокина, северная продолжала наступление на восток, угрожая Березанской и Выселкам. 18-го большевики выбили Эрдели из Березанской и заняли станицу. В то же время другая их сильная колонна сосредоточилась у хутора Журавского, подойдя к вечеру к станице Выселки и открыв по ней артиллерийский огонь.

Необходимо было покончить во что бы то ни стало с этой группой, вновь угрожающей железной дороге и нашим сообщениям. Я прика-

зал Дроздовскому вести активную оборону Кореновской, а Казановичу, с подчинением ему, кроме 1-й дивизии, и конницы Эрдели, разбить северную группу большевиков.

Казанович 18-го производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном...

На другой день Кореновская группа большевиков с утра большими силами обрушилась вновь на колонну Дроздовского. Весь день шел бой, в течение которого большевики несколько раз врывались в Кореновскую с юга. Одновременно замечено было движение сильной колонны вдоль реки Малеваны, с запада на восток, в глубокий обход позиций 3-й дивизии. Войска Дроздовского проявляли большое упорство, но противник был также необыкновенно настойчив, шел в превосходных силах, а главное, взял уже в свои руки инициативу, приковав Дроздовского к Кореновской и заставив его перейти к пассивной обороне.

Положение Кореновской стало безнадежным.

Понеся серьезные потери, утомленный физически и морально, Дроздовский отдал приказ об отступлении. Начав с трудом вывод войск из боя еще засветло, он в течение ночи отошел на восток верст за 30, в станицу Бейсутскую, оторвавшись совершенно от противника. На другой день (20-го) он донес мне, что за минувшие бои дивизия сильно пострадала, в настоящее время не боеспособна и требует полного отдыха...

Известие об отступлении 3-й дивизии пришло в штаб армии и к Казановичу только пополудни 20-го. Казанович между тем вел упорные атаки Березанской и Журавки. Первая была нами взята; но сопротивление Журавской группы противника разбивало все наши усилия. Войска Казановича, в особенности Марковский полк во главе с Тимановским, ходили многократно в атаку, несли тяжелые потери, но успеха не имели.

21 июля Сорокин был назначен главнокомандующим красных войск Северного Кавказа, и это назначение, по-видимому, повлияло на упорство его войск.

На Екатеринодарском фронте создалось для нас положение тягостной, томительной неопределенности. Только на севере обстановка несколько улучшилась.

20-го наша флотилия, организованная в Ейске, вошла на рейд Приморско-Ахтарской и высадила там небольшой десант, который занял станцию, а в то же время Покровский после упорного боя взял станицы Ново-Джерлиеветскую, Роговскую и Ново-Корсунскую, охватив с севера Тимашевский железнодорожный узел.

На 24 июля я вновь назначил общее наступление Екатеринодарской группы, привлекая и 3-ю дивизию.

Дроздовскому приказано было, несмотря на переутомление дивизии, наступать на Кореновскую, в тыл Северной группе большевиков с целью облегчения задачи Казановича.

Оставив большую половину своих сил для выполнения задачи пассивной — прикрытия усть-лабинского направления, Дроздовский с остальными 24-го двинулся левым берегом реки Бейсужка; но атаковать Кореновскую, занятую, по его сведениям, крупными силами противника, не решился и заночевал на полпути в хуторе Бейсужек. Казанович атаковал опять, опять понес большой урон, и безрезультатно. Между 1-й и 3-й дивизиями создавались натянутые отношения, основанные меньше всего на их боевых достоинствах: и начальники, и части могли поспорить в доблести... Но трудно было сочетать два характера — безудержного Казановича и осторожного Дроздовского, две системы в тактике: у Казановича лобовые удары всеми силами, рассчитанные на доблесть добровольцев и впечатлительность большевиков; у Дроздовского — медленное развертывание, введение в бой сил по частям, малыми «пакетами» для уменьшения потерь, которые от этого не раз становились еще тяжелее.

Утром 25-го Дроздовский продолжал движение, изменив его направление: учитывая слабость своих сил, он отказался от глубокого обхода и решил выйти в ближайший тыл Журавской группе большевиков. Двинувшись на хутор Малеваный и овладев им в десятом часу утра, Дроздовский направил 1-й Солдатский полк в сторону Выселок, где вел бой генерал Казанович. Появление наших войск вызвало большую панику среди большевистских обозов. В течение 4—5 часов Дроздовский, прикрывшись со стороны Кореновской конницей, вел здесь двусторонний горячий бой: обойдя большевиков, он оказался сам обойденным противником, подошедшим к Малеваному с юго-запада от Кореновской. Сдерживая его с этой стороны артиллерийским огнем, Дроздовский лично с «солдатскими» ротами отражал атаки с северо-востока. Большевики, стоявшие против Выселок, повернули в его сторону. Сначала одна волна, которая была расстреляна и уничтожена в штыковом бою, потом вскоре и остальные силы, преследуемые с севера марковцами и 1-м конным полком. Последний в пылу увлечения, гоняся по пятам за большевиками, налетел и на дроздовцев и, пока недоразумение разъяснилось, понес потери от их огня.

Севернее между тем у Журавской 1-й Кубанский полк и конница Эрдели вновь с большим подъемом атаковали позицию противника с севера и северо-востока и, опрокинув большевиков, заняли станицу.

К 4 часам все было кончено.

Армия Сорокина, на этот раз понеся жестокое поражение, отступала на всем фронте, преследуемая и избиваемая конницей, броневиками, бронепоездами. К вечеру занята была с бою и Кореновская.

Только в этот день (25-го) я приобрел вновь полную свободу действий и получил возможность продолжать выполнение своего основного плана.

Взятие Екатеринодара

Армия Сорокина уходила с большой поспешностью главной массой в направлении на Екатеринодар, частью на Тимашевскую; там по-прежнему Таманская дивизия оказывала упорное сопротивление коннице Покровского и даже 28-го предприняла серьезное контр-наступление в направлении на Роговскую... На юге отдельная группа большевиков — 4—6 тысяч с артиллерией и бронепоездами — располагалась в районе Усть-Лабинской (постоянная переправа через Кубань), занимая станицы Воронежскую и Ладожскую и выдвинувшись передовыми частями к Раздольной и Кирпильской. Под прикрытием Екатеринодарской укрепленной позиции и Усть-Лабинской группы по мостам у Екатеринодара, Пашковской, Усть-Лабинской шло непрерывное движение обозов: советское командование перебрасывало свои тылы и коммуникации за реку Кубань...

Невзирая на крайнее утомление войск непрерывными боями, я двинул армию для неотступного преследования противника: Эрдели и Казановича — в направлении Екатеринодара с севера и северо-востока, Дроздовского — против Усть-Лабы. Покровский по-прежнему имел задачей овладение Тимашевским узлом и Боровский — содействие колонне Дроздовского продвижением части сил вниз по Кубани.

27-го кубанская конница Эрдели вышла к Черноморской железной дороге у станицы Медведовской, а по Тихорецкой ветви блестящей конной атакой одного из кубанских полков овладела станицей Пластуновской. Дроздовский в этот день взял с бою Кирпильскую, а Корниловский полк — станицу Ладожскую, причем захватили исправный неприятельский бронепоезд с 6 орудиями и 8 пулеметами (дело капитана Морозова).

28-го, продвигаясь вдоль обеих железнодорожных линий, Эрдели занял Ново-Титоревскую и Динскую, подойдя на 20 верст к Екатеринодару. 29-го в районе Динской сосредоточилась и 1-я дивизия Ка-

зановича, причем бронепоезд ее подходил в тот день к разъезду Лорис, на полпути к Екатеринодару.

Штаб армии перешел в Кореновскую, потом в Динскую.

Задержка была за Усть-Лабой.

28-го Дроздовский производил развертывание по линии реки Кирпили и на следующий день атаковал Усть-Лабу, одновременно выслав конный полк с полубатареей против Воронежской. 4-й Кубанский пластунский батальон ворвался на станцию и в станицу, но, не поддержанный главными силами, вскоре был выбит оттуда большевиками, подошедшими из Воронежской, отрезанные от Екатеринодара, сами многократно атаковали с фланга боковыми отрядами главные силы Дроздовского, перешедшие к пассивной обороне, задержав их к северу от станицы; в то же время параллельно фронту шла непрерывная переброска за Кубань по усть-лабинскому мосту большевистских обозов и войск. Только к вечеру по инициативе частных начальников кубанские пластуны ворвались вновь на Усть-Лабу совместно с корниловскими ротами, наступавшими с востока. Арьергард противника, метавшийся между Воронежской и мостом, совместными действиями конницы Дроздовского был уничтожен, захвачены многочисленные еще обозы, орудия, пулеметы, боевые припасы; конница заняла Воронежскую.

30-го дивизия Дроздовского отдыхала. Я послал приказание двигаться безотлагательно к Екатеринодару, оставив лишь небольшой отряд для прикрытия усть-лабинской переправы. В этот вечер и следующий день Дроздовский подошел к станице Старо-Корсунской, войдя в связь вправо с Казановичем.

Таким образом, к 1 августа вся Екатеринодарская группа Добровольческой армии подошла на переход к Екатеринодару, окружив его кольцом с севера и востока.

1-го предстоял штурм екатеринодарских позиций.

Они тянулись от Кубани, опоясывая Пашковскую, разъезд Лорис, и далее к екатеринодарским «Садам» (предместье города. — А. Д.), пересекая Черноморскую железнодорожную линию; непосредственно впереди города шла вторая непрерывная линия окопов. Местность кругом была совершенно ровная, покрытая садами и обширными полями кукурузы.

1 августа после ожесточенного боя Покровский взял, наконец, Тимашевскую, и разбитый противник начал отходить в общем направлении на Новороссийск...

В этот же день с раннего утра начались бои на всем Екатеринодарском фронте. Кубанцы Эрдели дошли до «Садов», сбивая передо-

вые части противника, поддержанные бронепоездом; Казанович после горячего боя овладел разъездом Лорис и продвинулся вперед версты на две; Дроздовский потеснил противника к станице Пашковской и занял разъезд того же имени. В таком положении наши войска застала ночь, а наутро возобновился опять упорный бой.

Я шел с войсками Казановича. Все поле боя было видно как на ладони; вдали виднелись знакомые очертания города... Четыре месяца тому назад армия уходила от него в неизвестное, раненная в сердце гибелью любимого вождя. Теперь она опять здесь, готовая к новому штурму...

Шел непрерывный гул стрельбы. Быстро подвигался вперед 1-й Кубанский полк под сильным огнем; левее цепи Дроздовского (4-й Кубанский пластунский батальон и батальон 2-го Офицерского полка. — А. Д.) катились безостановочно к Пашковской, на некоторое время скрылись в станице и потом появились опять, пройдя ее и гоня перед собой нестройные цепи противника... Проходит немного времени, и картина боя меняется: начинается движение в обратном направлении. Наши цепи отступают в беспорядке, и за ними текут густые волны большевиков, подоспевших из резерва; прошли уже Пашковскую, угрожая и левому флангу Казановича. Дроздовский, вызвав свои многочисленные резервы, останавливает с фронта наступление противника; я направляю батальон Кубанского стрелкового полка в тыл большевикам: скоро треск его пулеметов и ружей вызывает смятение в рядах большевиков. Волна их повернула вновь и откатилась к Екатеринодару.

К вечеру Дроздовский занимал опять Пашковскую, заночевав в этом районе. Казанович продвинулся с боем до предместья.

На фронте Эрдели, у Ново-Величковской, бригада кубанцев (запорожцы и уманцы) атаковала и уничтожила колонну, пробивавшуюся на соединение с Тимашевской группой большевиков. К концу дня Эрдели атаковал на широком фронте арьергарды противника с севера и запада от Екатеринодара и в девятом часу вечера ворвался в город.

Утром 3-го наши колонны, штаб армии вступали в освобожденный Екатеринодар — ликующий, восторженно встречавший добровольцев. Вступали с волнующим чувством в тот город, который за полгода борьбы в глазах Добровольческой армии перестал уже вызывать представление о политическом и стратегическом центре, приобретя какое-то особое мистическое значение.

Еще на улицах Екатеринодара рвались снаряды, а из-за Кубани трещали пулеметы, но это были уже последние отзвуки отшумевшей над

городом грозы. Войска Казановича овладели мостом и отбросили большевиков от берега.

В храмах, на улицах, в домах, в человеческих душах был праздник — светлый и радостный.

МАРКОВЦЫ ВО ВТОРОМ ПОХОДЕ НА КУБАНЬ³⁰

Восстание донских казаков разрасталось, но шло медленно и неуверенно. Не было всеобщего подъема. На выбранного в атаманы генерала Краснова³¹ ложилась трудная задача: поднять казачий свободолюбивый дух, формировать крепкие части, и это — в условиях борьбы и неустойчивости положения в тылу. Немцы помогали Дону лишь вооружением и боеприпасами и поддержкой формирования на его территории Южной³² и Астраханской³³ армий, протекавшего весьма слабо.

Против Дона красные сосредоточили большие силы и оказывали ему активное сопротивление. Прошло лишь всего недели две, как Добровольческая армия перешла с Кубани на Дон, едва изжила в себе внутренний кризис, была ничтожной численности, но атаман Краснов уже настоятельно просил генерала Деникина о выступлении на помощь донцам на царицынском направлении. Основания к этой просьбе были весьма существенны: помимо физической и моральной помощи восставшим, Добровольческая армия выходила бы на дорогу к центру России; взятие Царицына удаляло бы ее от немцев и давало бы ей большую свободу действий; в Царицыне армия нашла бы столь нужные ей боевые припасы; там она пополнилась бы бойцами и при продвижении на север она вливалась бы в свои ряды выражающее открыто недовольство красной властью крестьянское население. Затем, очень важно для боевых действий, — взятие Царицына прерывало бы связь центра красных с их армией на Северном Кавказе, что приводило бы к ослаблению последней, и, наконец, Добровольческая армия приблизилась бы к Чехословацкому корпусу³⁴, базировавшемуся на Самару, настроенному явно против большевиков и считающему себя в продолжении борьбы с Германией, как и Добровольческая армия.

Командование Добровольческой армии соглашалось со всем этим, но учитывало и другое. Оно считало, что пассивность красных на Северном Кавказе явление временное и что они неизбежно перейдут в наступление на Дон, а тогда незначительные донские части, стоящие против них, не будут в силах сдержать его. Дон, атакованный с тыла

огромными силами, неизбежно подвергнется разгрому, и тогда ему не поможет уже и Добровольческая армия.

Силы красных, стоявшие на южном рубеже Дона, исчислялись следующими цифрами:

1 — в районе Азов—Батайск—Кушевка, частью против немцев, частью против Добровольческой армии, стояла армия Сорокина в 30—40 тысяч человек при 80 орудиях и двух бронепоездах.

2 — в районе Тихорецкая—Торговая — группа в 30 тысяч человек при слабой артиллерии, целиком стоящая против Добровольческой армии.

3 — в углу между реками Маныч и Сал, с центром в станице Великокняжеской, — группа в 12 тысяч человек при 17 орудиях, висевшая на фланге Добровольческой армии, против которой стоял отряд донцов в 3 тысячи человек, подчиненный ее командованию.

Кроме того, во всех крупных пунктах Кубани и Ставрополя были красные гарнизоны, задача которых — подавлять восстания казаков и готовить резервы для красной армии из неистощимого запаса людей, сочувствующих большевикам.

Но сила красных на Северном Кавказе была не только в их численности, но и качественная, и моральная. Во-первых, потому, что немалую часть их составляли целые части бывшей Кавказской армии, бившиеся с турками, уже организованные, обученные и сплоченные. Во-вторых, в состав армий входили тысячи матросов Черноморского флота. И в-третьих, вся эта масса, отрезанная от центра России, но стремящаяся «по домам», веря комиссарам, не видела иного выхода, как только силой прочистить себе путь на север, что поднимало ее дух и решимость. Уверенность в успехе поддерживали комиссары, указывая на слабость как казаков, так и «деникинцев».

Учитывая это, командование Добровольческой армии считало, что прежде, чем начать наступление на север, необходимо разбить красных на Северном Кавказе, создать там базу снабжения и спокойный тыл. Кроме того, Северный Кавказ даст дополнение в армию и главным образом конницей, роль которой в текущей войне огромная. Считалось, что освобождение Северного Кавказа не займет долгое время, т. к. кубанские и терские казаки готовы к борьбе с красными, а за это время донцы смогут удержаться.

Было и еще одно веское основание идти на юг: Добровольческая армия наполовину состояла из кубанских казаков, стремившихся скорее освободить свои станицы. Это — более чем основание; это моральное обязательство.

Итак, Добровольческая армия пойдет на юг — на Кубань!

Начало похода

Когда генерал Марков вернулся из отпуска, в частях его дивизии решили: на днях пойдем в дело! Обсуждался вопрос: в каком направлении? Высказывались две мысли: на Сосыку и на Торговую — обе наперерез железным дорогам. Однако для всех было безразлично — куда. Подсчитывались силы Добровольческой армии: 5 пехотных полков, инженерные роты, пластунские батальоны, не менее 6 конных полков. Насчитывалось что-то не более 10 тысяч штыков и сабель (согласно сведениям генерала Деникина: до 9 тысяч штыков и сабель, 21 орудие, 2 броневтомобиля). О силах противника не имелось представления, кроме уверенности во много раз превышающей его численности. Но это вовсе не играло никакой роли в настроении добровольцев: была вера в себя и вера в Вождей.

Проходили дни без каких-либо явных признаков скорого похода. Но вот 7 июня с переднего фаса фронта пришли в Егорлыкскую два батальона Кубанского стрелкового полка и взвод батареи: как будто началось сосредоточение частей. А 8 июня — реальный признак к выступлению: по станице прошел станичный трубач и объявил казакам распоряжение о приготовлении каждым двором по полпуду сухарей и приведении в порядок стоведерных бочек на колесах.

Однако почему же не возвращается 1-й Офицерский полк? Генерал Марков ничего не говорит, а спрашивать его рискованно. Наконец, 9 июня в частях дивизии объявлено: приготовиться к походу; к вечеру все должно быть готово.

С наступлением ночи на северо-восточной окраине станицы выстроились:

1 — Кубанский стрелковый полк.

2 — Инженерная рота³⁵.

3 — 1-я батарея (2 орудия)³⁶.

4 — Отдельная конная сотня.

«И это — вся дивизия?» — задавали недоуменный вопрос, но okazалось, что ей приданы еще и

5 — Донской пеший полк с 1 орудием и

6 — небольшого состава Донской конный полк. Подъехал генерал Марков. Он здоровался с каждой сотней отдельно, приветствуя с походом и предупреждая экономить воду.

— Кубанцам поменьше есть сала, — шутил он.

— Свое все вышло, а у гостропузых (так кубанцы называли донцов) нет в заведении солить. Пора идти нам на Кубань за новыми запасами, — весело отвечали кубанцы.

Возразил на это казак-донец, бывший при генерале Маркове для связи:

— Никак нет, ваше превосходительство! Куркули (так донцы называли кубанцев) брешут, что сало поели; они его поизрасходовали на пятки, когда утекали с Кубани.

Все смеялись. Поход начался очень весело. Хорошо и легко было идти свежей ночью.

10 июня. Рассветало. Колонна с небольшими остановками продолжает идти. Солнце быстро подымалось и начинало припекать, и главное, прямо в лицо. Начинала мучить жажда, и у людей быстро стали опоражняться флаги. Большой привал. Раздача воды из бочек: по ведру на лошадь и на взвод людей. Генерал Марков присутствует при раздаче воды. Люди жуют сухари и заливают водой. Лошади «проят» добавка воды, и генерал Марков отпускает им его.

Снова в пути... Кругом голая степь и нестерпимый зной. Люди, кони уже не идут, а еле плетутся. Ведут колонну конные калмыки-проводники. Кто-то спросил одного из них:

— Сколько верст осталось до зимовника?

— Не знаю. Никогда не ходил, а на лошадях часа через два дойдем, — ответил тот.

И действительно, вскоре на горизонте показались признаки растительности. Заметили это и кони и пошли быстрее. Последние версты две они даже подымались перейти в рысь. Пройдя около 30 верст, колонна остановилась в большом, богатом зимовнике. Был объявлен привал до ночи. В течение семи часов люди и лошади просидели в воде большого пруда, к великой досаде дежурного батальона. С наступлением ночи колонна снова двинулась в путь.

11 июня. К рассвету она вошла в большой зимовник (Королькова). Зимовник пуст: ни людей, ни скота. Здесь уже хозяйничали большевики. В огромный колодезь, снабжавший зимовник водой, ими сброшена дохлая лошадь. После небольшого отдыха колонна перешла в другой небольшой зимовник, совершенно разрушенный. Уже все знали, что дивизия подходит к железной дороге Тихорецкая—Царицын и, следовательно, скоро бой. Колонна здесь простояла до ночи. Генерала Маркова не было видно. Узнали, что он с конной сотней и батареей выехал на разведку в направлении на станцию Шаблиевка.

Маленький отряд, не доехав до станции Шаблиевка верст 8—10, остановился. С возвышенного места генерал Марков отлично видел станцию, хутор Попова в 2 верстах перед ней, в пологой балке с речкой. Противника не видно. Картина мирная. Но показался поезд, идущий к станции с юга. «Обстрелять его» — приказал генерал Марков

батарее. Снаряды ложились на большом недолете. От выстрелов картина быстро изменилась: на окраинах хутора и станции появились цепи красных. Разъезд, посланный влево, донес о красной кавалерии. Генерал Марков повел отряд влево, в северном направлении. Колонна кавалерии, силою в полк, шла на пересечение пути отряда. До нее было верст пять. «Рассеять ее!» — отдается приказание батарее. Беглым и удачно направленным огнем колонна была рассеяна и ускакала в направлении станции. Отряд продолжал движение к реке Маныч. Вскоре подскакал разъезд от донцов и доложил генералу Маркову о переходе красных на южный берег реки Маныч. Отряд направляется в указанном разъездом направлении и опять артогнем принуждает красных, очевидно их разведывательные части, быстро удалиться за реку.

Генерал Марков доволен: стало известно расположение сил противника и возможные его действия; но главное то, что противник узнал о готовящемся на него наступлении с участием артиллерии, а это, возможно, побудит его усилить оборону станции подводом к ней сил с других участков, и в частности от станции Торговая.

Вся эта разведка, оказавшаяся столь сложной, протекала быстро; к вечеру генерал Марков уже был в своей дивизии и отдал приказание о расположении частей на ночь и об охране. Инженерная рота, конные части в зимовнике. Кубанский стрелковый полк и батарея — на северной его окраине, окружив себя подводами, наподобие древнего вагенбурга, выставив на позиции пулеметы и орудия. Донской пеший и конные полки в отделе — в сторону реки Маныч.

Генерал Марков объехал части. «Инженерам» он сказал:

— Ночь отдыхать будем здесь. Сегодня нет желания драться с красной сволочью. А завтра дадим бой, что небу будет жарко. Спите спокойно!

В наступившей ночи генерал Марков собрал всех начальников частей в расположении батареи у ее костра, позволив чинам батареи присутствовать при его совещании.

Прежде всего он осветил обстановку на фронте всей армии и данную ей задачу. Армия должна атаковать противника в районах станций Торговая (2 и 3 пех. и конная дивизии) и Шаблиевка (1 див.). Завтра, 12-го, начнется наступление. Его дивизия, выступив с места стоянки задолго до рассвета, будет наступать следующим образом: Кубанский стрелковый полк — прямо на Шаблиевку. Ему придется выбить противника из хутора Попова, сбить его с позиций на другом берегу речки, а затем атаковать и взять станцию, причем нельзя допустить, чтобы противник взорвал мост. Батарея задача — всемерная

поддержка пехоты. Донской пеший и конный полки будут прикрывать наступление с севера. Инженерная рота — в резерве. Задачи конной сотне будут даваться в ходе боя. Генерал Марков закончил, с присутшим ему весельем, словами:

— Кажется, все, как положено по полковому уставу. Да?! Заместители: полковник Третьяков, Туненберг и ты — Миончинский. — Затем, обратившись к артиллеристам, сказал им: — А вам всем, господа, могу сказать вот что: на пехоту ляжет штурм станции, а вам придется принять на себя весь огонь артиллерии и бронепоездов в открытом поле. Будут потери, но — учить мне вас нечему!

Отпустив начальников, генерал Марков завернулся в бурку и уснул тут же у батарейного костра.

Бой у станции Шаблиевская

12 июня. Дивизия была поднята задолго до рассвета и в темноте двинулась, имея впереди дозорные цепочки Кубанского стрелкового полка. Когда раздались первые выстрелы сторожевого охранения красных, полк, не останавливаясь, развернулся в боевой порядок.

Светало. Впереди показался хутор, и вскоре оттуда по наступающим затрещали пулеметы и массовый ружейный огонь. Затем открыла огонь и батарея противника, стоявшая у станции. Стрелки вынуждены продвигаться перебежками по открытой и ровной местности. Атака неизбежно сулит большие потери. Генерал Марков это видит и приказывает командиру конной сотни, есаулу Растегаеву³⁷, указывая на низину вправо, обскákat по ней хутор с юго-востока и атаковать его. Сотня, проделав предварительный маневр по низине, с расстояния чуть ли не с версту, кинулась в атаку на хутор. Она налетела на левый фланг расположения красных. Снаряды красных рвали сзади нее. Огонь пехоты с противоположного берега речки почти не нанес ей потерь, когда она с гиком ворвалась в южный край хутора, захватив сразу же два пулемета и до 150 пленных. Углубиться в хутор сотня не смогла, но ее удар заставил красных отступить позиции перед хутором.

Генерал Марков, увидев это, вместе с группой бывших с ним конных помчался к хутору. Орудие штабс-капитана Шперлинга с батарейным пулеметом скачет за генералом Марковым, обогнав цепь стрелков. Вскочив в хутор, группа конных с генералом Марковым была встречена огнем. Двое свалились с лошадей. Пулемет и орудие открыли огонь по сараям, в которых задержались красные. Помогла

и артиллерия противника, снаряды которой ложились как раз по расположению красных. Через короткое время подбежали цепи стрелков. Хутор занят. Стрелки бегут вперед, на плечах убегающих красных переходят мост через речку и продолжают наступление на станцию.

За это время 1-я батарея обстреляла идущий из Торговой эшелон, подбила его паровоз и засыпала снарядами красных, выскочивших из эшелона и бегущих на станцию. Она заставила замолчать красную батарею и сняться с позиции. Но обстрел хутора артиллерийским огнем продолжался: стрелял красный бронепоезд.

Генерал Марков вышел из хутора, чтобы видеть переправу стрелков через речку. Он отдавал распоряжения кубанцам и батарее. Близко рвались снаряды. Есаул Растегаев, бывший в это время с ним, едва уговорил генерала Маркова уйти в хутор, но и там, едва он отошел от одного здания, как на месте, где он был, разорвался снаряд.

— Знатно, но поздно! — бросил генерал Марков.

Генерал Марков должен видеть все поле боя, должен видеть противника, его бронепоезд и красных, оставляющих свой подбитый эшелон, о чем ему только что доложили. Он взбирается на крышу одного сарая, где батарея устраивает свой наблюдательный пункт. Но быстро спускается: приехал разъезд от 3-й пехотной дивизии. Выслушав доклад о положении у станции Торговая, он приказывает передать туда, что его дивизия сбила красных с выдвинутой их позиции и переходит к атаке станции Шаблиевка, и сам спешит опять на окраину хутора. Рвутся снаряды красных. Стреляет их бронепоезд, стоявший у самого моста. Есаул Растегаев снова просит генерала Маркова уйти с явно наблюдаемого противником места, но, получив задачу для конной сотни, отходит от него.

Было около 6 часов утра. Артиллерийский бой в полном разгаре. В 1-й батарее уже выбыло из строя 9 человек и 7 лошадей. Кубанские стрелки атакуют станцию, и вдруг...

«Один из вражеских снарядов упал с левой стороны, шагах в трех от генерала Маркова. Раздался взрыв, и генерал Марков как подкошенный свалился на землю. Рядом — его белая папаха».

«Наблюдая за ним, я и находящийся рядом со мной прапорщик Петропавловский бросились вперед и подбежали к генералу Маркову. В первое мгновение мы думали, что он убит, т. к. левая часть головы, шея и плечо были разбиты и сильно кровоточили, он тяжело дышал. Мы немедленно подхватили раненого и хотели унести его назад, за сарай, как раздался новый взрыв с правой стороны. Мы невольно упали, прикрыв собой генерала. Когда пролетели осколки,

мы отряхнулись от засыпавшей нас земли, снова подняли его и перенесли в укрытие», — из записи кубанского стрелка, поручика Яковлева, бывшего со взводом в прикрытии батареи.

Больше бронепоезд красных уже не стрелял по хутору: он уходил на север.

Смерть генерала Маркова

Раненого перенесли в дом. Доктор ужаснулся при виде ранения: осколочное ранение в левую часть затылка и вырвана большая часть левого плеча.

— Положение безнадежно, — сказал он.

Стоявшие тут перекрестились. Генерал Марков тяжело дышал. Спустя часа два он пришел в сознание.

— Как мост? — спросил он.

Командир Кубанского стрелкового полка поднес к лицу генерала его икону, которую всегда возил его ординарец. Генерал Марков поцеловал икону и сказал отрывисто:

— Умираю за вас... как вы за меня... Благословляю вас... — Дальше нельзя было разобрать, что говорил он.

Через несколько минут его не стало...

А в это время кубанцы ворвались на станцию и отбросили красных на север за реку. Железнодорожный мост оказался неповрежденным. Дивизия под командой генерала Маркова выполнила задачу, но тяжелой ценой!

12 июня 1918 года у станции Шаблиевская был смертельно ранен и скоро скончался генерал Марков.

Все потрясены этой смертью. Текут неудержимые слезы у «инженеров» и «батарейцев», всхлипывают кубанцы прикрытия у батареи, полюбоившие до самозабвения генерала с первого момента, как только встали под его команду.

Полковник Третьяков³⁸, заместивший генерала Маркова, едва смог собрать в себе силы, чтобы руководить еще не закончившимся боем. По его приказанию батарея должна быстро ехать к станции, для непосредственной поддержки кубанцев. С трудом снялась она...

Весть о смерти генерала Маркова дошла до одержавшего большой успех Кубанского полка и быстро распространилась по его цепи. Стрелки сбились в кучки, потеряли свой порыв. Беспokoйство было на лицах их. Перейди противник в контрнаступление, не удержались бы они. Где генерал Марков — там победа! Нет теперь его...

* * *

У тела погибшего стояли почетные часовые от Кубанского стрелкового полка и Инженерной роты. На нем лежал флажок: черный с белым Андреевским крестом, флажок первого командира Офицерского полка.

При тусклом мерцании света лампы и свечей, тихими шагами входили и выходили из комнаты, где лежал Вождь, соратники, творя молитвы о вечном упокоении души усопшего.

А за стенами дома — бойцы в тяжелых думах. Вяло, с глубокими вздохами, они перебрасываются фразами все о нем, о своих душевных переживаниях, о своих тревогах...

Нет уже ни Корнилова, ни Маркова...

Почему в этой кровавой борьбе, когда так нужны люди сильные, авторитетные, люди ума и воли, люди, подающие пример любви к Родине — злой рок вырывает их из рядов Армии?

«Сердце упало... Уныния не было, не было и отчаяния: была какая-то пустота. Отомстить, отомстить! Ко многим счетам прибавился еще один — огромный. Не такой смерти заслуживал генерал Марков».

«Нам продлена еще жизнь для того, чтобы мы продолжали выполнять свой Долг перед Родиной, и выполнять его так, как показал нам генерал Марков и те, кто погиб в бою...»

На следующий день, 13 июня, гроб с телом генерала Маркова был перенесен на станцию Шаблиевка, погружен в вагон и отправлен на станцию Торговая, накануне взятую армией. В последний раз отдали ему честь стрелки, «батарейцы» и «инженеры»... Дрожали винтовки в их руках, слезы лились из глаз. Почетный караул от Инженерной роты сопровождал гроб.

«К 19 часам 13 июня на улице, ведущей от станции Торговой в центр села Воронцовского, выстроились войска. Уже в сумерках с вокзала двинулась печальная процессия. Над гробом генерала Маркова плавно колыхался его черный с крестом флаг.

В церкви села отпевали и прощались с дорогим для всех нас генералом Марковым.

Главный священник армии в своем последнем слове призывал всех нас дать клятву выполнить долг до конца. И клятва эта была мысленно дана.

В этот момент каждый из нас, ярче чем когда-либо, чувствовал правоту творимого армией дела и уходил от гроба генерала Маркова с полной уверенностью, что дело армии будет завершено» — так писал в газете «Свободный казак» кубанец.

Можно ли описать те переживания, которые перенес генерал Деникин, узнав о смерти генерала Маркова и прощаясь с ним? Какое должно было быть самообладание у человека и Вождя маленькой армии, начавшей свой новый поход и понесшей в первый же день невознаградимую потерю, чтобы не потерять сердце, не предаться унынию?

«После отпевания я отошел в угол темного храма, подальше от людей и отдался своему горю. Уходят, уходят один за другим, а путь еще такой длинный, такой тяжелый...»

Ночью гроб с телом генерала Маркова был отправлен для погребения в город Новочеркасск, куда и прибыл 14 июня.

* * *

Весть о смерти генерала Маркова стоявший в Новочеркасске 1-й Офицерский полк получил утром 13 июня. Она потрясла всех. Была отслужена первая панихида...

Всего лишь несколько дней назад генерал Марков был здесь, был в центре всех разговоров, вызывал желание и надежды всех и главным образом «молодых» идти в бой под его руководством, быть достойными его подчиненными, уметь бороться «по-марковски».

Теперь — печаль молчаливая, глубокая...

Вечером полк построился снова. Командир полка, полковник Тимановский, прочел приказ генерала Деникина и затем сказал: отныне каждый чин полка носит имя первого его командира; не будет с нами генерала Маркова, но он будет жить в сердцах всех нас и незримо вести нас, руководить нами; мы увековечим его память своей жертвенной любовью к Родине, непоколебимым духом, своими делами, пример которых он показал нам; мы в рядах полка его имени будем выполнять свой долг с полной верой, что Россия снова будет Великой, Единой и Неделимой. И, в конце своего слова, добавил: чтобы укрепить нашу духовную связь с Шефом, устанавливается день полкового праздника в день его Ангела — 25 сентября, день, посвященный святому Сергию Радонежскому.

Стало как-то легче на душе у добровольцев.

* * *

Утром 14 июня гроб с телом генерала Маркова и несколько других гробов с убитыми был привезен в Новочеркасск и поставлен в Войсковом соборе, а затем он был перенесен в домовую церковь при Епархиальном училище.

Все в городе узнали об этом и пошли поклониться телу убитого, всем известного генерала.

«Я немедленно, чуть не бегом отправился в собор, — записал полковник Биркин³⁹. — Подхожу к клиросу и вижу несколько гробов, стоящих на левом крыле. Вхожу на клирос и сразу остановился у первого гроба, т. к. через стекло, вделанное в крышке, увидел лицо своего удивительного командира полка.

Не помню уже, как долго я стояла над гробом.

Мыслей не было, а я не мог оторвать свой взор от лица того, кого больше всех других уважал и более всех других боялся.

И, положив земной поклон великому воину и еще раз взглянув на того, который ничего не боялся, я пошел домой.

Если бы все генералы были такие, как он, — думал я...

После смерти двух великих людей: генерала Корнилова и генерала Маркова, остался в живых только один, третий — генерал Деникин, заместитель последних и равный им. Что ожидает его?»

В церкви Епархиального училища у гроба генерала Маркова стали почетные часовые его полка. Целый день к церкви тянулся народ, несли венки. Приходили марковцы. Церковь всегда была полна.

Вот наполнившие церковь молящиеся стали тесниться: вошел генерал Алексеев⁴⁰. Он стал у гроба, молился, всматривался в лицо погибшего и — из глаз его текли слезы. И невольные слезы текли у всех. Старый Вождь попрощался с верным сыном Родины. Отвесив земной поклон, он вышел из церкви.

Похороны генерала Маркова

15 июня. Гроб с останками Великого Русского Патриота перенесен в Войсковой собор для последнего отпевания. Вокруг гроба много венков; лежит ряд черных подушечек с орденами. В центре их — подушка с орденом Святого Георгия IV степени. Орден как был накрепко пришит к гимнастерке генерала Маркова, так и остался пришитым к куску этой гимнастерки, вырезанному из нее и теперь приколотому к подушке.

В соборе генерал Алексеев, Донской Атаман, высшие чины Добровольческой и Донской армий. Семья генерала Маркова: мать, жена, дети... Собор полон. На площади перед ним выстроился 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

Отпевание окончено. Последнее прощание — и гроб запечатан. Ко гробу подошел наряд офицеров от 7-й Офицерской роты и взял орден и венки. Процессия стала выходить из храма.

Впереди несли венки от Командующего Добровольческой армией генерала Деникина и его Начальника Штаба генерала Романовского с надписью на ленте:

«И жизнь и смерть за счастье Родины».

За венком — офицеры с орденами покойного. Впереди с орденом Святого Георгия — офицер, фельдфебель 7-й роты, георгиевский кавалер.

Гроб из собора вынесли высшие чины и поставили на лафет орудия.

Полк взял «на караул». Оркестр заиграл «Коль славы».

Процессия вытянулась по Платовскому проспекту, направившись на кладбище, за городом, под звуки похоронных маршей. Полк шел за гробом.

Военное кладбище. Длинная аллея, вправо и влево от которой ряды свежих могил. Вот и вырытая могила. Последняя лития и... гроб опущен.

Несколько залпов полка генерала Маркова.

Семья покойного, генерал Алексеев и все со слезами на глазах смотрят на опущенный в землю гроб...

Но вот, как-то тяжело, генерал Алексеев поворачивается лицом к присутствующим и не сразу начал говорить свое последнее надгробное слово. Он говорил о Христолюбивом Воине Сергии, прожившем «жизнь свою за други своя»; говорил о верном сыне Отечества, для которого жизнь была не дорога, «жила бы только Россия во славе и благоденствии»; говорил он о примере для всех, который дал воин Сергей... Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил генерал Алексеев. Но вот он смотрит на семью покойного и наконец, повысив с усилием свой голос, обращается к присутствующим:

— Поклонимся же мы земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины, — и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним — все присутствующие.

— Поклонимся мы и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине, — и снова земной поклон.

— Поклонимся мы и его детям, потерявшим любимого отца.

И, повернувшись к могиле, генерал Алексеев бросил первую лопату земли на гроб. Застучала земля по гробу и закрыла его. Новая могила со скромным деревянным крестом, как и на всех других могилах, появилась на новочеркасском кладбище. На кресте не было надписи, но висел лишь терновый венец.

Все стали расходиться. 1-й Офицерский генерала Маркова полк большой колонной в 1500 штыков вернулся в свое расположение. Для

него наступил новый период жизни и боевой службы: без Маркова, но по-марковски; для каждого — по правилу: «жизнь и смерть за счастье Родины». Жизнь — всю жизнь, все годы жизни... Смерть — всегда, всю жизнь, быть готовым принять ее...

«За счастье Родины!»

На черных, марковских погонах отныне уже был вензель генерала Маркова: «М» и вензель — «Г. М.» для 1-й роты полка — «роты генерала Маркова».

Развитие боевых действий

Для дальнейшего наступления Добровольческой армии нужно было обеспечить свой тыл (железнодорожный узел станции Торговая) и облегчить донцам удерживать юго-восточный район, для чего требовалось разбить сильную группу красных, имеющих центр в станице Великокняжеской. Сил 1-й пехотной дивизии и левее ее стоявшего Донского отряда для этого было недостаточно, тем более потому, что нужно было переходить реку Маныч.

13 июня 1-я дивизия имела стычки с красными в районе станции Шаблиевская, а Кубанскому полку пришлось даже отбить атаку красной конницы. Вечером к ней подходили 3-я пехотная и конная дивизии.

В этот день во временное командование 1-й дивизией, впредь до прибытия из секретной командировки в Москву генерала Казановича, вступил полковник Кутепов.

14 июня дивизии заняли исходное положение для наступления: 3-я — у железной дороги; конная — правее; 1-я — левее.

15 июня они перешли в наступление. Решающий успех был одержан на участке 1-й дивизии, и помогли ей сами красные. Утром они перешли реку Маныч и стали теснить Донской пеший полк, но с подходом на помощь полуроты Инженерной роты и 1-й батареи полк перешел в контрнаступление и на его плечах переправился через реку, продолжая решительное преследование. Красные отходили на север, оставив направление на восток, на ст. Великокняжеская, не прикрытым. Туда поскакали конные группы и конные разведчики 1-й батареи и ворвались на станцию и в станицу.

Занятие Великокняжеской в тылу у красных, ведших еще бой южнее ее, по реке Маныч, заставило их начать поспешный отход по всему фронту. На станции ими было оставлено масса военного имущества и боевых припасов. Отошли они далеко на север.

16—18 июня все главные силы армии сосредоточивались в районе станции Торговая. У Великокняжеской остались одни донцы, в числе пехотный и конный полки, которые входили в 1-ю дивизию. Полковник Кутепов теперь командовал лишь отрядом из Кубанского стрелкового полка, Инженерной роты, 1-й батареи и Отдельной конной сотни. В эти дни возникшая было серьезная опасность глубоко-му тылу армии — у станицы Егорлыкской была устранена частями генерала Покровского и пласт. батальонами, с помощью переброшенного туда по железной дороге Корниловского ударного полка⁴¹.

19—24 июня армия перешла в наступление вдоль железной дороги в направлении на станцию Тихорецкая, по территории Ставропольской губернии и за эти дни с сильными боями продвинулась на 80—90 верст.

Отряд полковника Кутепова наступал в 25 верстах восточнее железной дороги вместе с конной дивизией, уничтожая и рассеивая большие силы красных. Он прошел села: Саңдата, Ивановское, Красная Поляна, Рассыпное и, приблизившись к железной дороге, с 3-й дивизией взял село Белая Глина.

Отличные действия 1-й батареи полковника Миончинского вызвали восторг пехоты и высокую оценку полковника Кутепова. Она не была только механизмом, выпускающим снаряды, базируясь на трех точках: позиция (не важно где), наблюдательный пункт и цель (не важно какая). Она живой организм в бою, всегда в полном контакте с пехотой: в ее цепях, бьющей по целям, важным для каждого момента боя, маневрирующий и даже — атакующий своими конными разведчиками. Батарея брала сотни пленных.

25 июня армия, наконец, вступила в Кубанскую область. Конная дивизия с отрядом полковника Кутепова, которому были приданы два броневедомости, обошли правый фланг противника и взяли — Кубанский полк — станцию Новопокровскую, а конница — ст. Ея. В станице был взят испортившийся броневик красных — «Черный ворон», после ремонта вставший в ряды армии под названием «Генерал Марков», как пожелали назвать его кубанские стрелки.

* * *

Добровольческая армия была теперь в 45 верстах от станции Тихорецкая; более чем ста — от ст. Торговая и в 50 верстах к югу от станицы Егорлыкской. Она угрожала тылу Батайской группы красных, но и сама находилась под угрозой охвата ею справа в свой тыл, т. к. силы армии, стоявшие от главных ее сил до станицы Егорлыкской,

были незначительны. И эта угроза стала реальной: красные перешли в наступление, и не только на участке армии, но и правее — на участок донцов. Их наступление на станицу Кагальницкую грозило перерывом главного пути связи армии с Новочеркасском через станицу Манычскую. Чтобы устранить угрозу, из Новочеркасска выступили на фронт 1-й Офицерский генерала Маркова и 1-й Конный Офицерский полки. 25 июня полк генерала Маркова уже был в бою и одержал успех у станицы Кагальницкой. Части генерала Покровского и другой отряд армии сдержали красных на своих участках.

В районе ст. Ея армия простояла более или менее спокойно до 30 июня. Она произвела перегруппировку своих частей: 1-я и 2-я дивизии поменялись своими местами — 1-я, отряд полковника Кутепова, перешла с левого фланга на правый; 2-я — на место 1-й. 3-я дивизия оставалась в центре. На правый фланг армии перешла и Конная дивизия.

Выступление 1-го офицерского генерала Маркова полка

22 июня полку было объявлено о выступлении на следующий день. К этому времени силы полка достигли внушительных размеров: в 1-м и 2-м батальонах в ротах до 150 штыков, в 3-м — до 250. Много пулеметов. Слабые места: почти полное отсутствие пулеметных дулонок или тачанок, а в хозяйственной части не хватало походных кухонь, лошадей, повозок. «Добудем у красных» — было решение.

В офицерских ротах возник серьезный вопрос: кому быть хозяйственными чинами — кашеварами, конюхами, артельщиками? Кому быть санитарями? Но нашлись офицеры, охотно согласившиеся на эти должности. Они стали «героями дня». Утвердился принцип: на каком бы посту Добровольческой армии ни служил офицер, он выполняет в равной степени свой долг со всеми остальными. Санитарями согласились стать сверхштатные штаб-офицеры или же были назначены, хотя и временно, вопреки их желанию, бывшие в ротах добровольцы — зауряд-врачи.

Энтузиазм в ротах был большой. Подпрапорщик Сербинов⁴² записал: «Вечером командир роты поздравил нас с походом и высказал свою надежду, что, несмотря на тяжелое материальное положение роты, мы в боевой обстановке оправдаем себя в борьбе за Родину. Рота ответила громовым «ура».

23 июня. «Утром (продолжение записок подпрап. Сербинова) рота была разбужена и роздана пища. Настроение приподнятое.

Никто не спросил, почему нам не дали обмундирования и снаряжения и нет ни у кого ни одного патрона. Кухню пришлось оставить, т. к. не было колеса да и лошадей тоже».

«Около 8 часов утра раздалась команда: строиться! У выхода из здания стоял командир роты и рассматривал каждого выходящего бойца. Обратил внимание на капитана в дамских туфлях. Его сделал «гренадером». Да и я имел вид не лучший: сапоги, штатский костюм, винтовка без штыка и ремня, без головного убора и... никаких вещей».

«Рота выстроилась. Раздалась команда: смирно! Еще командирское слово — и рота тронулась, запев:

Смело мы в бой пойдем
За Русь Святую...

На тротуарах стояли толпы народа. Женщины плакали и давали нам разные подарки: белье, носки... Из магазинов также спешно выносили все...»

Полк выступал побатальонно. Путь шел через станицу Кривянскую и далее на станицу Маньчскую. Кривянская встречала проходившие батальоны молоком, хлебом, разными продуктами питания. За ней началась безбрежная, совершенно голая равнина, и только, оглядываясь вправо и назад, видна была возвышенность, тянувшаяся от Новочеркаска на юг к Ростову, покрытая садами, и Новочеркасск с его златоглавым собором.

Солнце поднялось и стало припекать, обжигая лица: появилась жажда. От земли шло испарение. Всего лишь накануне марковцы из тенистого Александровского сада любовались этой голой степью; теперь они ее ощущали всем организмом. Было несколько легких солнечных ударов. На одном из привалов у какой-то речки, поросшей камышами, соблазнились купаньем, но не освежились, а лишь вымазались, не доставив удовольствия ни себе, ни лягушкам, перепутанным неожиданным для них нашествием.

Во второй половине дня, пройдя около 30 верст, батальоны подошли к Дону и немедленно начинали переправу на пароходе. С высокого правого берега реки станица Маньчская была видна как на ладони, широко раскинувшаяся по его низкому, левому берегу, вся утопавшая в зелени и манящая к себе истомленных жарой. Переправившиеся части немедленно разводились по квартирам. Люди сбрасывали с себя все и, столпившись у колодезев, обливали друг друга холодной водой и с жадностью пили принесенное казачками в ведрах молоко. А часа через два казачки уже звали есть, выставив на

столы яичницы, вареники, хлеб, масло и даже вареную и жареную птицу. Не было аппетита приступить к еде, но аппетит пришел.

Заночевать в станице посчастливилось лишь 3-му и 2-му батальонам, а 1-й, отдохнув в ней около трех часов, посаженный на подводы, уже наступившей ночью продолжал поход в станицу Кагальницкую, до которой было 40 верст. Ехал он переменным аллюром. Тряска основательная.

Не доезжая до станицы верст десять, батальон проехал мимо таборов людей. Это — жители станицы: старики, дети, женщины. Сотни подвод.

— Спешите, господа, спешите, — говорил священник, — красные у самой станицы.

24 июня, утром, батальон подъехал к станице. Ему была объяснена обстановка и дана задача: сменить на западной окраине казаков и оборонять станицу. В роты были выданы недостающие штuki и по 2 цинки патронов, т. е. по 1—2 обоймы на человека и при том сказано: «Патроны беречь, т. к. их больше нет».

Смена прошла спокойно, и батальон расположился в тех ямах, которые были вырыты казаками. Обрадованные казаки, уходя, даже поделились своими запасами патронов. С рассветом артиллерия противника приветствовала марковцев довольно метким огнем. Одна граната ударила в землю перед ямой, занятой тремя офицерами, и, не взорвавшись, очутилась среди них. Ее осторожно выкатили в сторону.

Красные занимали позиции верстах в двух от станицы за выгоном, шагов в 500 шириной, и за полем ячменя, шириной чуть ли не в версту, по легкой, холмистой и голой возвышенности, пересекающей большую и широкую ложину реки Кагальник, протекавшей вдоль ее северного края. Позиция в тактическом отношении — отличная, с укрытым холмами тылом и дорогой, ведущей к сѣ.-Каяля.

Свежевырытые и весьма густые окопы красных тянулись далеко влево, поднимаясь на высокий южный край ложины, и их конца видно не было. Судя по ним, силы красных на видимом участке исчислялись тысячи в две бойцов с массой пулеметов. Артиллерия красных стреляла с четырех позиций, что допускало наличие уже 8 орудий. Замечен был и бронепоезд. Впечатление — красные скорее склонны к обороне, чем к наступлению. Ночью охранение 1-го батальона местами вело перестрелку с партиями противника, выдвигавшимися вперед по полю ячменя.

Вся местность к северу от реки Кагальник наблюдалась лишь конными разъездами с обеих сторон. Объяснялось это близостью ст. Батаяск, зоны немецкой оккупации.

Утром этого дня 3-й батальон, также на повозках, выступил из Манычской в Кагальницкую. В пути его обогнал командир полка, полковник Тимановский. Вечером батальон был на месте назначения и расположился по квартирам. Почти все дома были оставлены жителями, и чинам его пришлось самим заниматься приготовлением пищи, что не представляло особых забот: в домах было все. На каждую роту выдано по 2 цинки патронов.

На следующий день, 25 июня, полку дана задача: отбросить противника от станицы. Атакуют 3-й Офицерский батальон, с поддержкой и обеспечением левого фланга первым. 2-й батальон должен подойти к началу боя и составить полковой резерв.

Батальону офицеров предстоял серьезный экзамен, и он уснул далеко не крепким сном.

Бой у Кагальницкой

25 июня. Перед рассветом 3-й батальон разбужен и поротно идет на передний фас для смены 1-го батальона. Смена происходит без всякой помехи со стороны противника. 1-й батальон уходит на левый фланг 3-го. Светает. Справа налево разворачиваются 7-я, 8-я и 9-я роты, на интервалы в 4—5 шагов между бойцами. 7-я рота своим правым флангом упирается в реку Кагальник. В цепь рассыпаются все взводы рот. В батальоне резервов нет.

Совершенно светло. Ротам даются направления. 7-я по обе стороны дороги на ст. Каял; левее ее 8-й роте — на выдвинутую вперед ключевую позицию противника, ясно обозначенную курганчиками. 9-я еще левее.

Роты готовы, но... задержка. Оказывается, не прибыл взвод орудий. Наконец, раздалась команда: «Господа офицеры! В атаку вперед!» — скомандовал командир 9-й роты, полковник Блейш⁴³, молодой, стройный, подав сигнал своей шашкой. В центре — полковник Попов, командир 8-й роты, пожилой, грузный, но полный энергии, скомандовал: «Рота вперед!» — и сам пошел впереди нее. Командир 7-й роты, полковник Б., «заболел», и роту повел полковник Ценат, георгиевский кавалер, суховатый, спокойный: «Господа офицеры! С Богом — вперед!» За цепями рот пошел командир батальона, полковник Наркевич⁴⁴, пожилой, ничем не выделяющийся, разве только своим одеянием — самого простого солдата. За ротами, на некотором удалении, — реденькая цепь санитаров.

750 офицеров, длинной, почти выравненной цепью, спокойно и уверенно шли по открытому выгону на глазах противника. Но тот

молчал. Цепь вошла в поле ячменя и проходит почти половину его ширины, при том же молчании противника. Но вот заговорила беглым огнем артиллерия красных. Ее снаряды рвутся по всей длине офицерской цепи и с поразительной точностью. Офицеры без остановки продолжают идти и с тем же равнением. Падают первые жертвы.

Когда офицеры подошли приблизительно на 800 шагов к позиции красных, сразу заговорили их пулеметы и винтовки. Потери резко увеличились, но огонь не остановил офицеров. Падает с оторванной осколком снаряда рукой полковник Ценат. К нему подбегают ближайšie офицеры. «Господа офицеры! Прощу — вперед!» — говорит он, встает, но, пройдя с десяток шагов, снова падает. (Полковника Цената после боя нашли на этом месте. Он умер от потери крови.) Падает, сраженный пулей, полковник Попов, а вскоре и его заместитель, подполковник Щавинский. Но офицеры идут. До противника остается 600... 500 шагов. Они еще в поле ячменя.

Но кончается ячмень. Впереди 300—400 шагов голого подъема до линии, извергающей адский огонь. Видны головы красных. Стоят их командиры, кричащие: «По офицерской банде — бей!» Офицеры невольно залегли и открыли огонь по красным командирам...

На левом фланге 3-го батальона роты 1-го батальона наступают небольшими уступами одна за другой, причем правый фланг его 1-й роты сразу же вышел на линию 3-го батальона.

«Огонь был адский. И на германском фронте не приходилось видеть и слышать ничего подобного. Вся масса пулеметов и винтовок стреляла по 3-му батальону. И мы невольно, почти бегом, бросились вперед, чтобы выйти на линию 3-го батальона и поддержать его», — записал один из участников.

И вот только в этот критический момент, как бы желая искупить свою вину за опоздание, карьером, обгоняя цепь рот 1-го батальона, вылетает артиллерийский взвод и становится на позицию в каких-нибудь 1000 шагах от красных. Но открыть огонь ему не удалось: в цепи 9-й роты своим могучим баритоном поручик Погорлецкий⁴⁵ запел: «Смело мы в бой пойдем», подхватили пение ближайшие офицеры, но на короткий момент — неслось уже «ура» всего 3-го батальона, а за ним и 1-го.

Один за другим замолкли пулеметы красных... Упорно дрался противник, но был принужден бежать, и все поле покрылось его массой. Огрызнулись картечным огнем их батареи, но, попав под ружейный огонь, стали сниматься с позиций, потеряв одно орудие. Спасли бегущих красных их два бронеавтомобиля, но и те скоро стали отходить, будучи обстреляны арт. взводом. Один из них был подбит.

Преследование красных по приказанию остановлено. Но это приказание не дошло до 7-й и части 8-й рот. Они быстро шли вперед и, только дойдя до хутора, верстах в 8 от станицы, остановились, подвергшись нападению красного броневедомоцила, одной пулеметной очередью выведшего из строя сразу 6 офицеров. Влево, где водворилась уже тишина, они не имели зрительной связи. Послали связь и донесение.

Темнело. Незаметно прошел целый день — день непрерывного, отчаянного боя. Вскоре, уже в полной темноте, из Кагальницкой к хутору подъехала большая колонна подвод с приказанием: немедленно ехать в станицу. Приехав, ротам не пришлось даже сгрузиться с подвод: полк на подводах куда-то трогался.

* * *

Перевязочный пункт, станичная школа, был переполнен ранеными, и пришлось занимать соседние здания. Во второй половине дня, только после того, как красные были сбиты с позиций и по полю наступления не неся рой пуль и снарядов, смогли выехать для сбора тяжелораненых санитарные подводы. До позднего времени шли поиски раненых на поле ячменя. Целыми подводами увозились и убитые.

Тяжела и утомительна была работа медицинского и санитарного персоналов всего полка. (В 3-м батальоне половина санитаров переранена и убита.) Они работали и всю ночь. Раненых нужно не только перевязать, но и напоить, и накормить. Их нужно было отправлять в Новочеркасск. Убитых похоронить. Великой благодарностью отвечали пострадавшие за жертвенную энергию и сердечное участие сестер милосердия, во главе со старшей сестрой — Полиной Гавриловой. Закончив свое дело только наутро следующего дня, они, не отдохнув, должны были отправиться нагонять полк.

Потери огромны. У главного участника боя — 3-го батальона:

В 7-й роте — до 60 офицеров, из них около 15 убитых.

В 8-й роте — свыше 200, при 40 убитых.

В 9-й роте — до 45, при 10 убитых.

В 1-м батальоне одна только рота генерала Маркова потеряла до 50 человек, из которых 4 убитых.

Общие потери в двух батальонах достигали 400 человек, из них около 80 убитыми. Несколько тяжелораненых умерли в станице и в Новочеркаске.

Ряд больших братских могил появились на кладбище станицы Кагальницкой.

* * *

Полк выполнил свою задачу. Он понес потери пропорционально к численности, хотя и большие, нежели противник, однако нанес ему потрясающий моральный удар, сказавшийся в последующее время. Разгрома противника не произошло только потому, что было остановлено преследование. Захвачено одно орудие, свыше 10 пулеметов и небольшое число пленных.

«Экзамен» Офицерский батальон, по признанию «старых» марковцев, выдержал блестяще.

26 июня. Всю ночь и день около 200 повозок с 8 бойцами на каждой катили по степи, растянувшись на многие версты. Утомленные бессонной ночью, боем, безжалостно жгущим солнцем, они спали, не чувствуя неудобств, на трясших их подводах. На остановках слезали и засыпали на земле. Они не замечали, что их лица до неузнаваемости покрылись толстым слоем пыли; не интересовались, какие населенные пункты они проезжали; их совершенно не беспокоили одно время недалеко рвущиеся снаряды.

27 июня. Так тряслись они и вторую ночь, и второй день. Мучил уже сильный голод, не говоря о жажде. Ели и пили все, что попадалось, без разбора: воду, молоко, незрелые фрукты, ягоды шелковицы; в ничтожном количестве хлеб, сало... Стали страдать расстройством желудка.

Наконец, около 17 часов колонна втянулась в какое-то село и остановилась. «Слезай! — раздались крики. — Приехали!» И через короткое время роты были разведены по квартирам и скоро, едва освежившись и подкрепившись тем, что дали хозяева, люди уснули.

28 июня. Тяжелое пробуждение, но бодрость и силы быстро восстанавливались, тем более что на столах стояла уже обильная пища.

Первый вопрос всех: «Где мы?» Название села Горькая Балка ничего не говорило, но, узнав, что полк присоединился к армии, оживились и обрадовались, и особенно когда было объявлено, что после обеда генерал Деникин сделает смотр полку.

Полк выстроился развернутым фронтом в колоннах поротно, имея на правом фланге 3-й батальон. Командир полка, полковник Тимановский, обошел полк.

— Полк, смирно! — скомандовал он.

— Полковник Кутепов — начальник нашей дивизии... — передал в роты. Его знали лишь участники 1-го Кубанского похода.

С орденом Святого Георгия на груди и Георгиевским оружием, на что прежде всего обратили внимание «молодые» марковцы, он лег-

кой походкой обошел полк и энергичным голосом поздоровался с ним. Впечатление он произвел отличное.

— Равняйся! — снова раздалась команда полковника Тимановского.

— Полк, смирно! Слушай на караул!

— Генерал Деникин! — передалось по рядам.

К полку подходила группа: генерал Деникин, генерал Романовский и др. Взоры всех обращены на Вождя. Большинство его видели в первый раз. На его шею и груди блистали эмалью и золотом ордена Святого Георгия. Генерал Деникин громким, слегка хриповатым голосом поздоровался с полком и стал медленно проходить перед его фронтом, обращаясь со словами благодарности от имени Национальной России к каждой роте в отдельности.

Перед 8-й ротой он задержался. Перед ним стояла офицерская рота в 28 человек. Это все, что осталось от нее. В глазах генерала Деникина появилась глубокая скорбь.

— Благодарю вас! — с трудом произнес он.

Обойдя роты, генерал Деникин обратился ко всему полку. Он сказал, что минувший бой, проведенный марковцами с полным успехом, теперь дает армии возможность, без опасения за свой тыл, продолжать наступление. Что в успехе он не сомневается, что неизбежные потери будут восполняться при током сильных духом новых добровольцев, что к армии массой присоединяются кубанские казаки и что Добровольческая армия выполнит взятый на себя великий и святой долг перед Родиной.

Громким «ура» ответил Вождю 1-й Офицерский генерала Маркова полк.

После этого роты с песнями направились по квартирам, проходя мимо генерала Деникина. Настроение у всех было превосходное. Генерал Деникин произвел сильное и восторженное впечатление и вызвал к себе глубокое чувство преданности и доверия. То, что армия совершила за две недели своими малыми силами, проведя ряд рискованных маневров и продвинувшись на сотню верст в глубь расположения противника, — дело воли, расчета и дерзания генерала Деникина.

В 3-м батальоне велись оживленные разговоры о первом для него бое у Кагальницкой. Но не успех боя восхищал всех его участников, а дисциплина и мощь офицерских рот, когда каждый офицер на своем месте выполнял поставленную ему задачу, без того, чтобы им руководили, его вели. В этом бою никакое руководство было невозможно. Сплоченность и крепость, до сего времени подразумевавшиеся теоретически, стали утверждены практически.

29 июня. В 8-ю роту влито пополнение — около ста кубанцев. День прошел спокойно, и только вечером было получено извещение: ночью выступление. Судя по тому, что на площади стали собираться подводы, решили: «Едем!»

Мало кто смог заснуть. Естественно, обсуждался вопрос: куда двинемся? Исходили из представления, что переходит в наступление вся армия, и если так, то цель ясна — ст. Тихорецкая, взятие которой нарушит железнодорожную и телефонную связь в расположении противника и разобьет его силы. Успех будет огромный. Но не окажется ли армия под ударом по меньшей мере с трех сторон: севера, запада и юга? Операция рискованная. Однако, имея более слабые силы, чем противник, должно рисковать. Генерал Деникин на это пойдет; он учтет все. Так рассуждали «ротные стратеги».

30 июня. В час ночи полк был поднят. Ночь совершенно темная: ничего не видно и в 10 шагах. Батальоны погрузились на подводы и тронулись по разным направлениям. По колоннам передают: «не отставать!»

При выезде из села голову 3-го батальона пересекла колонна кавалерии, и когда она прошла, оказалось, что штаб батальона с проводниками и командиры рот, бывшие с ним, исчезли из вида. В голове всего батальона был помощник командира головной, 7-й роты. Ждать нельзя, и он повел батальон прямо по дороге. Ночь была также абсолютно тиха, как и темна. «Вперед!»

Так ехали долго, пока не забрезжил рассвет и пока впереди не показались всадники, оказавшиеся казачьим постом, стоявшим всего лишь в двух верстах от станицы Кальниболотской, занимаемой красными. Пост никаких подвод не видел.

Послав казаков вправо и влево, капитан, ведущий колонну, с волнением ожидал их возвращения. А в это время не так далеко влево началась стрельба.

Вскоре вернулся казак, ездивший вправо, с сообщением, что там стоят подводы и офицеры обеспокоены какой-то пропавшей колонной на подводах. Это был штаб 3-го батальона. Все оказалось благополучно, и даже не было потеряно время, в которое назначено начало наступления на станицу.

Перейдя в наступление, когда уже поднялось солнце, батальон видел, как вправо от него, уже по ту сторону большой, пологой балки, лавы кавалерии шли в атаку, как блистали на солнце клинки казачьих шашек. Там шли части дивизии генерала Эрдели. Марковцы вошли в станицу, почти не встретив сопротивления. Серьезное

сопротивление пришлось сломить Кубанскому стрелковому полку, наступавшему левее.

Чины Офицерского батальона заинтересовались результатами атаки кавалерии, виденной ими издали. Кое-кто сходил на те места, видел «результаты» и рассказывал о них с содроганием.

Ожидалось дальнейшее наступление, но полк был разведен по квартирам. Теперь уже все уверены — будем брать станцию Тихорецкую, и готовились не без тревоги, ожидая упорного боя. До станции оставалось 30 верст.

Наступление на станцию Тихорецкая

1 июля. Ранним утром армия перешла в наступление: 1-я дивизия на правом фланге, 3-я — в центре, вдоль железной дороги, 2-я — на левом. Гремела орудийная стрельба в районе железной дороги.

В 1-й дивизии в передовой линии Кубанский стрелковый полк с батареей. Офицерский полк побатальонно на подводах следовал за ним. Он — в резерве армии. Кубанцы быстро идут вперед, выбивая красных из Ново-Романовских хуторов. Во второй половине дня они подошли к станции Тихорецкой, в 8 верстах от станции. Здесь они встретили упорное сопротивление противника, подержанного двумя броневедомыми. Был момент неустойки на их левом фланге. Туда на подводах подъехал 3-й батальон марковцев, развернулся и перешел в наступление, но серьезного столкновения с противником у него не произошло: слева перед его фронтом пролетел броневедомый «Верный»⁴⁶, принудивший красных бежать в станицу. Следовавшие за ним кубанцы и 3-й батальон вошли в станицу, не встретив уже никакого сопротивления. Вскочившие первыми в станицу конные разведчики 1-й батареи захватили штаб красных, руководивший ее обороной. Время — около 15 часов.

Немедленно была произведена перегруппировка частей 1-й дивизии для атаки станции: Кубанский стрелковый полк стал на левом фланге и должен атаковать станцию вправо от большой дороги. С ним батарея. Генерала Маркова полк — правее на некотором интервале, для атаки северной части станции и поселка перед ней, имея один батальон выдвинутым к северу, для охвата станции.

В 17 часов началось наступление. Цепи марковцев шли по высокой, выше роста человека, пшенице. Где позиции противника, видно не было. Не доходя полутора верст до станции, пшеница оказалась скошенной, и едва цепи вышли на эту полосу, как по ним был от-

крыт убийственный огонь. Цепи рванулись вперед, смяли красных, взяли пленных, но вынуждены были остановиться: на их правом фланге стояли два красных броневедомоци, а впереди голый выгон и вторая линия окопов красных, откуда неслась стрельба. Но что-то происходило на левом фланге у кубанцев. Там шел, судя по стрельбе, отчаянный бой; оттуда летели пули почти в тыл левофланговому 2-му батальону марковцев.

В это время начало темнеть и отпадала последняя возможность, хоть и на незначительное расстояние, наблюдения. И совершенно неожиданно для 2-го батальона по нему была открыта стрельба с тыла, куда только что отводились пленные.

В цепи батальона оказался полковник Тимановский.

— Он показался нам каким-то великаном-рыцарем, — записал подпрапорщик Сербинов, — он спокойно приказал нашей лежащей цепи рассчитаться на «первый-второй» и скомандовал: «Вторые номера встать! Кругом! Вперед!»

Перед идущей назад цепью вторых номеров оказались толпы красных. Их смяли штыковым ударом, никого не беря в плен. Но в высокую пшеницу, откуда неслись крики: «Товарищи, сюда! За мной!» — и слышно было движение многих людей, цепь не вошла.

А тем временем красные, выйдя на полевую дорогу, ведущую на станцию, повернули по ней. Эта дорога шла между участками 2-го и 3-го батальонов, которые и заметили бегущие к станции толпы красных. Под перекрестным огнем эти толпы полегли на ней и лишь какой-то части их удалось достичь станции.

Бой у станции стихал, а марковцы продолжали лежать в цепях не более как в версте перед ней. Что происходит — никто не мог себе представить. Полковник Тимановский куда-то уехал. И только через короткое время было получено приказание: батальонам сосредоточено оставаться на месте, выслать разведчиков и — особое внимание за правым флангом.

Донесения разведчиков говорили: броневедомоци красных, висевшие на правом фланге, ушли; красные оставили свою позицию перед станцией; в станционном поселке, на его восточной окраине, не обнаружено противника; и наконец — в районе вокзала встречены разведчики 2-го Офицерского полка.

Но и на эти донесения следовало приказание: оставаться на месте. Недоумение! Вообще какой-то странный бой.

Такое же чувство испытывали и бойцы 1-го батальона, не видевшие перед собой противника, обеспечивая правый фланг всей операции. Батальон выступил из станицы Тихорецкой по дороге, обсажен-

ной редкими вербами, через какие-то гати. Влево, очень близко, за буграми, начался бой, но он стих раньше, чем батальон без выстрела вышел на полотно железной дороги в 3—4 верстах севернее станции. Батальон оседлал железную дорогу фронтом на север и завернул фланги на запад и в то же время выставив караулы на восток и на юг. Такое построение действовало на нервы. Одиночные выстрелы раздавались крутом. Но бой уже стих. Никто не знал, что же произошло. Все сгорали от любопытства.

2 июля. И только утром полк генерала Маркова перешел и стал на квартиры на северо-восточной окраине поселка станции, а Кубанский стрелковый полк — на северо-западной.

Поселок и станция Тихорецкая, видимо, были забиты войсками красных, т. к. решительно всюду оставались их следы. Это подтверждали и жители. На железнодорожных путях красными были оставлены три бронепоезда и много составов, порожних и нагруженных военным имуществом, десятками орудий, ящиками с патронами и снарядами, даже один аэроплан. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев.

Странным и непонятным казался для всех минувший бой. Постепенно выяснились его подробности. 3-я дивизия наступала по обе стороны железной дороги, 2-я — левее ее, обходя станцию с запада, 1-я — с востока и, в сущности, в лоб противнику. Жестокое сопротивление встретил Кубанский стрелковый полк. Он ударом в штыки ворвался в окопы красных, но те, с поддержкой своих броневых автомобилей, контратаковали, также в штыки. Кубанцы подались назад. Им на помощь пришел эскадрон 2-го конного офицерского полка и броневый автомобиль, но и это не сломило сопротивления красных. И только то, что части 3-й дивизии влево от кубанцев ворвались на станцию и оказались в тылу у красных, заставило последних отходить, но не к станции, а в сторону. Это они оказались в тылу у взявших первую линию их обороны марковцев. Сотни заколотых красных остались лежать у своих окопов.

Как и кубанские стрелки, отлично действовала с ними 1-я батарея. Командир стрелков несколько раз благодарил ее и в отдельности 4-е орудие поручика Боголюбского, уничтожившее броневый автомобиль красных.

«Если принято утверждать, что исход боя зависит иногда от самой незначительной боевой единицы или даже от маленькой группы, то этой группой в настоящем бою явилось 4-е орудие», — сказал он.

Большие потери понесли стрелки, но у марковцев они не превышали 40 человек.

* * *

При наступлении на станцию Тихорецкая 1-я Инженерная рота оставалась в тылу армии и ее задачей было немедленное исправление железнодорожного пути, установление телеграфного и телефонного сообщения и обеспечение тыла.

Вечером первого же дня на станцию Тихорецкая из Торговой прибыл эшелон с добровольцами на пополнение армии. 87 офицеров было назначено в полк генерала Маркова.

— Господа офицеры! — обратился к ним полковник Тимановский. — Я могу сказать вам только одно: вы будете служить в 1-м Офицерском генерала Маркова полку, в его 8-й роте, и это должно говорить вам о многом. Желаю вам всего наилучшего!

Наконец-то в Тихорецкой все роты обзавелись трофейными походными кухнями, необходимыми хозяйственными повозками и лошадьми к ним. Кухни задымили и в определенные часы развозили по своим частям пищу.

В Тихорецкой же 1-я отдельная батарея развернулась в дивизион, получив 3 орудия и сформировав 2-ю батарею, одно орудие которой было поставлено на железнодорожную платформу для борьбы на железных дорогах.

Наступление в тыл армии Сорокина

От станции Тихорецкая Добровольческая армия начала наступление по трем направлениям: 1-й дивизией на север, в тыл Сорокинской армии, 2-й — на юг, в направлении на ст. Кавказская, и 3-й — на запад, в направлении на город Екатеринодар. Дивизии расходились, чтобы самостоятельно выполнять свои задачи.

Весьма трудная задача легла на 1-ю дивизию: если не заставить, то принудить армию Сорокина в 30 тысяч бойцов, которую не коснулись последние бои и лишь частично испытавшей силу Офицерского полка у Кагальницкой, оставить занимаемый ею район. Дивизии, несущей удар в тыл, должны содействовать: бригада генерала Покровского справа и дивизия генерала Эрдели слева.

3 июля. Генерала Маркова и Кубанский стрелковый полки по железной дороге переехали и расположились в станице Ново-Леушковской.

4 июля полки пешим порядком выступили далее на север. В пути их застал ливень с сильнейшим ветром. Стало темно, как ночью. Вода

била в лицо и заставила людей и лошадей повернуться к ней спиной и крупами. Мгновенно все промокли до нитки и стояли по колена в воде. Так продолжалось минут десять. Туча пронеслась, и снова засияло жаркое солнце. Но дальнейший путь по черноземной грязи был уже труден.

К вечеру полки с боем заняли обе станции: Сосыка и станицу Павловскую.

5 июля. Марковский полк стоял на позиции, седлая жел. дор. на Ростов, имея свой резерв за правым флангом, т. к. вправо красные значительными силами занимали хутора и находились лишь под наблюдением 1-го конного Офицерского полка, наконец присоединившегося к своей дивизии.

Неприятный случай произошел с 7-й офицерской ротой. Она занимала позицию по невысокому хребту, впереди которого, на склоне, в полях кукурузы, залегли красные. Последние стреляли редким, но метким огнем. Несколько офицеров были ранены. Невидимость противника и его огонь настолько расстроили нервы офицеров, что они в какой-то момент вдруг не выдержали и бросились бежать, оставив даже своих раненых и орудие, ехавшее занять позицию и застрявшее в грязи. Но эта моральная неустойка продолжалась несколько минут. Офицеры быстро вернулись назад. А противник даже и не пытался выйти из кукурузы на хребет, на, казалось, лучшую для него тактическую позицию. Глубокое смущение пережили офицеры.

6 июля. Дивизия перешла в наступление: Кубанский стрелковый полк западнее железной дороги, с задачей занять в этот день станицу Михайловскую и близлежащие хутора. Полку генерала Маркова занять ст. Крыловскую и находившуюся более 10 верст восточнее ее станицу Екатериновскую.

Вдоль железной дороги повели наступление 1-й и 2-й батальоны с 3 орудиями. 3-й батальон с одним орудием пошел по дороге в северо-восточном направлении, ведущей к станице Екатериновской.

Во второй половине дня станица Михайловская и ст. Крыловская были заняты, после чего 1-й батальон с одним орудием был направлен на станицу Екатериновскую, с целью содействовать 3-му батальону во взятии этой станицы. Полк оказался растянувшимся на 10 вер. фронте.

Перед 1-м батальоном противник отходил без сопротивления. Впереди него шла 1-я рота. Она вышла на гребень, и перед ней открылась картина: узкий мостик через небольшую речку, поросшую камышом; по обе стороны моста густая толпа до 2—3 тысяч красных; многочисленные всадники на этой стороне торопят переправ-

ляющихся; тут же сзади какие-то тачанки. На той стороне два орудия... Цепь роты залегла. Но кто-то крикнул: «Вперед! Ура!» — и рота рванулась. В этот момент орудия красных открыли огонь прямой наводкой, ранив 6—8 человек, потом еще двух... откуда-то застрочили пулеметы, а конные с криком: «Их мало!» — поскакали с шашками на роту. Роту смело с гребня, как ветром. Но красные не преследовали.

А в это время правее повел наступление развернувшийся 3-й батальон, имея 8-ю и 9-ю роты в передовой линии, а 7-ю — во второй, за правым флангом. Местность совершенно открытая, с легким подъемом, на гребне которого свежеврытые окопы, с сидящим в них противником. Когда цепь подошла к противнику шагов на 1200, тот открыл сильнейший огонь. На гребне появились многочисленные тачанки с пулеметами. Пулеметный огонь был ужасен. Цепь залегла шагах в 500 от противника. Для поддержки своей пехоты вынеслось вперед орудие, но оно не смогло даже открыть огня, т. к. вся прислуга его была моментально переранена, а лошади перебиты.

Красные перешли в наступление. 8-я рота стала быстро отбегать. Остановить противника не смогла и атака эскадрона 1-го Офицерского конного полка на правом фланге батальона. Цепи красных уже дошли до оставленного орудия, но резервная 7-я рота, приняв на себя отступавшую 8-ю роту, задержала их.

— По тачанкам! — раздалась команда, и через короткое время тачанки мчались назад. Огонь пулеметов прекратился, но силен еще был ружейный огонь противника.

Не обращая внимания на огонь, вдоль цепи 9-й, а затем и 7-й роты проезжал мелкой рысью полковник Тимановский со своим левым адъютантом, говоря одну только фразу:

— Господа офицеры! Спасти положение!

Офицерские роты перешли в атаку. За ними, за правым флангом, приведшаяся в порядок 8-я рота. Красные стали отступать. Их попытка задержаться в своих окопах не имела успеха. Однако дальнейшее наступление на станицу было остановлено, хотя и не предвиделось сопротивления противника. Приказано оставаться на занятых участках и обратить серьезное внимание на правый фланг.

Наступила ночь. За 9-й ротой остановился броневедомитель «Доброволец». Из него вышел полковник Тимановский, подошел к группе пулеметчиков и низко им поклонился, сказал: «Земной поклон от меня 9-й роте». Этот жест до слез растрогал офицеров. Если полковник Тимановский, вообще скупой на похвалы и благодарности, так

поступил, то офицеры поняли, какой опасный и критический бой пришлось им перенести.

Потери полка за весь день 6 июля были громадны, особенно рот 3-го батальона. 7-я и 9-я роты потеряли около 50 человек каждая, 8-я — около 100, т. е. половину своего состава. Сильно пострадала 4-я рота — 48 человек. В общей сложности полк потерял до 350 человек. Большие потери понесла и батарея — 8 человек и 9 лошадей.

7 июля. Ночь была чрезвычайно свежей, а для 1-го и 3-го батальонов, кроме того, без сна и пищи. Прошла она спокойно, а к утру приятное сообщение: станица Екатериновская оставлена противником. В колоннах батальоны вошли в станицу и расположились по квартирам.

В полдень в расположении рот появились ротные кухни. Напрасно офицеры — кашевары и артельщики — кричали официальное: «Рота, за обедом!»; напрасно затем они перешли на просьбу: «Господа, просим покорно откусывать отличного супа из трофейной кухни! Сами готовили. Старались вовсю!» Никто на эти зовы не откликнулся, т. к. все до отвала и очень вкусно были накормлены радушными казачками. А вечером казаки приготовили марковцам сюрприз: пригласили на киносеанс, и т. к. уже было объявлено о ночевке в станице, то с радостью воспользовались этим приглашением.

2-й батальон с батальоном Кубанского стрелкового полка стояли на станции Крыловская.

8 июля. Перед рассветом подъем и выступление «вперед». 1-я дивизия пошла тремя колоннами: первая — два батальона марковцев со взводом батареи, из станицы Екатериновской на хутор Зубова и далее на станицу Кисляковскую; средняя — батальон марковцев и батальон кубанцев, с другим взводом 1-й батареи, орудием 2-й батареи на железнодорожной платформе и приданной дивизии гаубицей 1-й отдаленной батареи, вдоль железной дороги на станцию Кисляковская; левая — два батальона Кубанского стрелкового полка из станицы Михайловской, вдоль большой дороги, также на Кисляковскую.

Для всех было очевидно, армия Сорокина находится в критическом положении. Она отгесняется к западу, лишается последнего участка Владикавказской железной дороги, и для нее остается единственная железная дорога, ведущая от ст. Куцевка на Екатеринодар, наперерез которой шла конная дивизия генерала Эрдели.

Марковцы выступили бодро и уверенно. Еще один-два сильных удара — и армия Сорокина вынуждена будет поспешно отходить.

Правую колонну красные встретили упорным сопротивлением у хутора Зубова, но были сбиты и стали отходить к станице Кисляков-

ской. Их преследовал один батальон, т. к. другой получил приказание форсированным маршем идти к Кисляковской.

Средняя колонна лишь на полпути до ст. Кисляковская вступила в бой с красными, не оказавшими ей большого сопротивления. Но лихо и смело действовал их бронепоезд, тормозивший наступление, пока не был подбит снарядами. Он едва двигался, подавая тревожные свистки и у семафора станции, прямое попадание гаубичного снаряда в вагон со снарядами, произведшее страшный взрыв, прекратило его сопротивление. С потерей своего бронепоезда красные очистили станцию и остановились верстах в трех за ней.

Левая колонна — два батальона Кубанского стрелкового полка — в это время подошла к станции несколько западнее ее, и наступление обеих колонн возобновилось. Однако красные, с подходом к ним новых сил, перешли в контр наступление, направив более энергичный удар по левой колонне, с охватом ее левого фланга. Кубанцы стали подаваться назад. Ей в помощь высылается батальон кубанцев из средней колонны, но и это не изменяет положения: весь Кубанский стрелковый полк, несмотря на его упорное сопротивление, оттесняется к станции. Батальон марковцев, сдержавший красных вправо от железной дороги, вынужден загнуть свой левый фланг и занять им позицию вдоль железной дороги.

И вот в это время к расположению своего 2-го батальона подошел 3-й батальон, прошедший по жаре 10 верст менее чем в 2 часа.

Через короткое время со станции, находящейся в двух верстах, прискакал офицер с приказанием: «двум офицерским ротам [7-й и 9-й] бегом на станцию». Через 15 минут роты были там и выстроились за зданием пакгауза. Бой шел близко. Носились пули, щелкая по зданиям. Офицеры тяжело дышали, хватая ртом воздух, а во рту давно у всех полная сушь до боли, до коликов. Все твердили одно слово: «воды». Послали за водой.

— Смирно! Господа офицеры! — как-то не своим голосом командовал командир батальона полковник Наркевич, хотя он не шел, а ехал верхом.

На платформу пакгауза быстро вышел полковник Кутепов. Начальник дивизии, но... в этот момент к нему галопом подскакал офицер-кубанец и, не слезая с коня, что-то доложил ему. И сейчас же в ответ раздался громкий и резкий голос полковника Кутепова:

— Передайте командиру полка: больше ни шагу назад! Расстреляю всех, кто отойдет на станцию. Сообщите ему, что две офицерские роты идут для поддержки.

Офицер мгновенно ускакал, а полковник Кутепов, не поздоровавшись с ротами, отдав короткое приказание полковнику Наркевичу, ушел обратно. Роты немедленно двинулись, перешли линию железной дороги, пересекли улицу поселка, через дворы вышли в сады и огороды и залегли на окраине их. Впереди, шагах в 500, — цепи кубанцев, стреляющие по противнику, до которого от последних также около 500 шагов. Красные лежат за копнами сжатого хлеба. К ним перебежками подходят резервные цепи. Готовится их атака.

Такое положение марковцы наблюдали несколько минут, как вдруг левее кубанцы поднялись и с криком «ура» бросились вперед. Мгновенно поднялась и вся их цепь. Красные встретили кубанцев сильным огнем и встали всей своей массой. Несколько критических моментов и у красных, и у кубанцев... Как-то мгновенно поднялись офицерские роты и стройной цепью пошли впереди. Они увидели, как поднялись и залегшие было кубанцы и как все они ринулись на красных.

Красные обратились в бегство. Не отставая от них, бежали за ними кубанцы, местами работали штыки, местами красные, собравшись в группы, вдруг останавливались и открывали стрельбу... Отличить, где кубанцы, где красные, было невозможно.

Офицерские роты прошли вперед не менее версты и значительно отстали от кубанцев. Их поддержка была уже не нужна. Они остановились на поле, покрытом убитыми красными. Среди них было немало матросов. Несколько красных было найдено укрывшимися в копнах хлеба.

Через цепь офицеров проходили раненые кубанцы, и редко кто из них не улыбнулся, глядя на офицеров, а один храбрый урядник, раненный в грудь, сказал: «Наша взяла! Когда нам сказали, что идут на помощь офицеры, откуда силы взялись? А было плохо...»

Скоро офицерские роты вернулись на станцию, а в сумерках пришел туда и Кубанский полк. Красные отошли далеко. Они, после слабого сопротивления, оставили станицу Кисляковскую, в которую батальон марковцев с юга и части генерала Покровского с востока вошли одновременно.

Тяжелые потери понесли кубанцы. Марковцы потеряли до 100 человек.

Вероятно, лучшие части армии Сорокина в этот день участвовали в бою и вынуждены были далеко отойти так, что с ними было утеряно соприкосновение. Пехотные полки 1-й дивизии могли спокойно отдохнуть ночь. Воды было выпито и вылито на умывание невероятное количество, но уснуть пришлось голодными. В небольшом стан-

ционном поселке продуктов питания нашлось весьма мало. И только ночью спящих людей разбудил знакомый крик: «За обедом!» — приехали кухни. Все вскочили моментально, и на этот раз кашевары не только были «удостоены» благодарности, но и похвалой «за усердие!».

9 июня. Перед рассветом — подъем, а через несколько минут и приказание: «Строиться!» Объявлена задача дивизии: занять станицу Кушевскую — и предупреждение о возможности тяжелого боя. С места, взяв сразу же форсированный шаг, дивизия в колонне двинулась вдоль железной дороги. 1-й батальон выступил из Кисляковской прямой дорогой на ту же Кушевку.

Рассветало. Полковник Кутепов со штабом оторвался от колонны и поспежал вперед. С ним и полковник Миончинский с батальонными разведчиками. Никаких признаков противника. Тишина.

Но вот впереди послышался какой-то гул... гул в воздухе, характерный, знакомый... «Аэроплан» — сразу же определили все. «Та-у-бе! Та-у-бе!» — гудели моторы. И на небольшой высоте, над продолжавшей идти колонной, пролетели два аппарата с черными крестами на крыльях.

За весь поход добровольцы не вспоминали о немцах, и вот — напоминание. Неприятное и тревожное: ведь дивизия идет в тыл армии Сорокина, стоящей против немцев у Батайска: возможно, красные оставили свои позиции против них, отходят, а за ними следуют немцы, и как результат — неизбежность встречи с ними и даже, может быть, столкновение. Эту мысль, однако, не развивали, но быстрый марш дивизии объяснили целью — занять Кушевку ранее немцев.

Никакого боя перед Кушевкой не произошло: красные ушли в западном направлении, вдоль Черноморской жел. дор., преследуемые частями генерала Покровского. На станции они оставили несколько эшелонов, груженных оружием, снаряжением, обувью, продовольствием.

Разъезды от дивизии, высланные на север от Кушевки, уже на территории Донской области, за речкой Ея и ее притоком — Куго-Ея, немцев не встретили, но встретились с разъездами донских казаков от частей, следовавших за отступавшими красными. В нескольких верстах к северу от Кушевки подрывники дивизии разобрали полотно железной дороги и подорвали насыпь как знак, что Добровольческая армия не желает иметь какой бы то ни было связи с германской армией.

Части дивизии сразу же были разведены по квартирам станицы. Всеобщая радость: и кубанцев станицы, и донцов близлежащих хуто-

ров, и добровольцев. Марковцы радовались не только тому успешному выполнению поставленной их дивизии ответственной задачи, но и ее следствию — огромной помощью, оказанной Дону. Теперь устранена опасность для него на его южной границе. Теперь донцы могут снять отсюда свои части; направить их на другие свои фронты и пополнить свою армию людьми из освобожденного района.

10—11 июля. 1-я дивизия на полном отдыхе. Лишь железнодорожный взвод 1-й Инженерной роты под командой капитана Зайцева вступил в исполнение своих сложных обязанностей по налаживанию связи и сообщения на железнодорожной линии от Кушевки до Тихорецкой.

Однако «стратегические соображения» не оставляли в покое марковцев. Они побуждали их к необходимости продолжения преследования Сорокинской армии вплоть до полного ее уничтожения. Но успокоились на мысли: дивизия остается в Кушевке, чтобы не допустить немцев к продвижению на Кубань. Об отдыхе они думали меньше всего, да, в сущности, их не так уж и утомили последние бои. От Тихорецкой за 7 дней они по прямому направлению преодолели лишь до 80 верст. Благоприятствовала и погода. Правда, за этот период марковцы понесли большие потери: до 500 человек, т. е. до 35 процентов своего состава. Нужно пополнение, и полк его получил в количестве около 500 человек.

Пополнение состояло сплошь из кубанских казаков. Казаки были влиты во все роты и даже в чисто офицерские: 7-ю и 9-ю, составив в них четвертые, «казачьи» взводы. Теперь полк генерала Маркова почти на две трети состоял из кубанцев. На офицерах это отражалось в том смысле, что они все больше и глубже стали воспринимать казачьи обычаи, нравы и даже внешний облик. В дальнейших походах, на остановках казаки обыкновенно собирались в круг, пели казачьи песни, танцевали «наурскую», жарили шашлык... Воспринимали все это и офицеры. «Эх, Кубань, ты наша Родина, вековой наш богатырь» — стала их любимой песнью; «наурская» — любимым танцем, с кинжалом в руке и с похлопыванием в ладоши. На головах у марковцев все чаще стали появляться кубанки, на поясах кинжалы, а на плечах бурки, заменявшие шинели. Дружба между офицерами и казаками укреплялась и никогда не исключала огромного уважения казака к офицеру, как бы он молод ни был: казак в 30 лет назовет своего офицера в 19 лет — «сынок», но всегда выполнит безропотно его приказания. Приятно было слышать обращения казаков: «Господин хорунжий! Господин есаул» — подчеркивающие их признание офицеров за своих, казачьих.

Богатая, торговая, большая станица Кушевская приняла своих освободителей очень радушно. Марковская молодежь встретила с учащейся молодежью, нашла развлечения и забавы: киносеансы, танцевальный вечер в театре... И как-то мимо проходили последствия большевистской власти: похороны и панихиды по убитым и расстрелянным большевиками. Даже не замечалась поставленная на площади станичного правления зловещая виселица, а затем и тела повешенных на ней врагов казачьих, среди которых был и офицер — подьесаул. Впрочем, марковцы такие картины наблюдали в пройденных ими станицах.

На екатеринодарском направлении

В дни стоянки 1-й дивизии в Кушевке расположение других дивизий было таково: 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского, развернувшегося из бригады, преследовала армию Сорокина и должна была очистить от красных район города Ейска. 1-я конная генерала Эрдели висела на фланге армии Сорокина. 3-я пехотная, усиливавшаяся Солдатским пехотным полком, сформированным из пленных красноармейцев, наступала по екатеринодарскому направлению и 10 июля взяла станицу Кореновскую, в 60 верстах от ст. Тихорецкая. 2-я пехотная 5 июля, пройдя до 60 верст, заняла ст. Кавказская, от которой развивала действия на город Армавир, выставив заслоны в стороны Екатеринодара и Ставрополя. 8 июля Ставрополь был взят большим партизанским отрядом полковника Шкуро⁴⁷, пришедшего с юга и затем вошедшего в состав армии.

Таким образом, фронт армии за неделю после взятия Тихорецкой растянулся до 250 верст и силы ее, хотя и увеличившиеся до 20 тысяч бойцов, оказались разбросанными на этом фронте и всюду уступающими численности противника.

Для армии в это время ставилась единственная и главная задача: окончательно разбить армию Сорокина (до 30 тысяч человек), для чего нужно было прежде всего не дать ей возможности отойти на Екатеринодар и там переправиться на южный берег реки Кубани. Итак, первая цель — взять Екатеринодар.

Но сил одной 3-й дивизии (до 3 тысяч человек) было для этого недостаточно. Город прикрывался отрядами красных в 10 тысяч человек, и, кроме того, при наступлении дивизия имела бы на своем левом фланге другие отряды красных, хотя и значительно меньшей численности, стоявших гарнизонами в станицах по линии железной

дороги Екатеринодар—Кавказская. Поэтому на екатеринодарское направление направлялась и освободившаяся 1-я дивизия.

Однако угроза перешедших в наступление красных на город Ставрополь заставила направить туда Кубанский стрелковый полк с 2 орудиями, который 12 июля по железной дороге выехал из Кушевки. После него сразу же стал грузиться генерала Маркова полк с двумя орудиями для переезда на екатеринодарское направление. Конные части отправились туда походным порядком.

13 июля. Марковцы поэшелонно прибывали на ст. Тихорецкая. Подъем у всех был огромный. Ехали с песнями. Когда под колесами вагонов застучали стрелки станции, взоры всех направились на здание вокзала. Над ним развевался Национальный флаг. Раздалось всеобщее «ура».

И вдруг на платформу вышел... жандарм. «Жандарм!» — раздались крики по вагонам. Перед восторженными взорами стоял он в полной форме — «старорежимный»... Величественно выглядел жандарм! Всего лишь с унтер-офицерскими нашивками на погонах, с медалями, с серебряным большим шевроном на рукаве и с аксельбантами на плече. Некоторые марковцы даже заметили небольшую деталь в его форме: аксельбанты были не красного, как раньше, цвета, а трехцветные: бело-сине-красные — деталь, которая также радовала. И стоял жандарм как символ величия России, порядка, спокойствия... и всей образцовой чистоты, которая теперь была на перроне, и на вокзале, и в сквере, и во всем поселке.

Огромному, радостному и громкому возбуждению марковцев не было предела, и только предупреждение о соблюдении тишины, т. к. на соседней линии стоит поезд генерала Деникина, сдерживало их. Но и в этом предупреждении все почувствовали новое: штаб Вождя не на седлах коней, как было до сего времени, а на более твердом основании и постоянном месте, что ясно говорило о большом успехе армии.

Переживаемые марковцами впечатления и настроения были чрезвычайно сильными, и свой новый поход, и тем более на Екатеринодар, они ждали с верой в полный успех. С наступлением ночи эшелоны тронулись.

14 июля рано утром полк поэшелонно прибывал на ст. Платнировка и немедленно выгрузился. Не так далеко, верстах в четырех, у ст. Пластуновской, слышен был бой. Это 3-я дивизия выбивала красных из станицы и заняла ее.

После полудня полк с двумя орудиями и броневедомым выступил в юго-западном направлении, где красные, выдвинувшись, охваты-

вали 3-ю дивизию с левого фланга. Полк сбил противника с двух позиций и занял переправу через реку Кочати, где и заночевал в поле.

15 июля. Утром он направился в станицу Динскую, занятую 3-й дивизией. Резервному батальону полка пришлось проходить у Покровского женского монастыря. Его встретили духовенство и монашки с иконами и хоругвями. Бойцы прикладывались к кресту и святым иконам, получая благословение священника. Трогательно для них было видеть монашек, старых и молодых, у которых из глаз текли слезы радости, что пришел конец глумлениям и издевательствам большевиков над святой обителью и над ними. Глубоко запал в сердца марковцев этот момент, и они шли дальше с волнующим и возвышенным чувством сознания великой Правды их дела: добиться силой оружия освобождения Веры и Родины от гнета и насилия.

Придя в Динскую, полк сменил части 3-й дивизии, направившиеся вправо, с целью нанести удар в тыл Сорокинской армии, остановившейся в районе станицы Тимошевской.

В это время в командование 1-й дивизией вступил вернувшийся из секретной командировки в Москву генерал Казанович. Полковник Кутепов стал его помощником и заместителем.

Осталось всего лишь 25 верст до Екатеринодара. Марковцы не сомневались в том, что на следующий день они, сметя на своем пути все препятствия, будут в городе. Но... едва прошла часа 3—4 после смены 3-й дивизии, как последовало срочное приказание: резервному 3-му батальону, наиболее сильному офицерским составом, сменить на позициях 1-й и 2-й батальоны, а последним с одним орудием немедленно грузиться в железнодорожный состав. Через короткое время они тронулись в обратном направлении. С ними уехал командир полка и начальник дивизии. В Динской остался отряд под командой полковника Дорошевича:⁴⁸ батальон марковцев с двумя орудиями и 2-й конный Офицерский полк.

Не сразу узнали марковцы, что произошло, но определенно предположили: в тылу неблагополучно. Несколько позднее узнали, что туда же повернула и вся 3-я дивизия.

Произошло следующее: армия Сорокина из района своего сосредоточения главной массой своих сил неожиданно устремилась на восток, отбросила части Конной дивизии и, пройдя 40 верст, заняла станицу Кореновскую и ст. Станичная. Она оказалась в 30 верстах в тылу 1-й и 3-й дивизий и в 55 верстах от ст. Тихорецкой. Дивизии были отрезаны от тыла и в полном окружении, а Тихорецкая совершенно не прикрытой, за отсутствием в резерве армии частей. Положение — чрезвычайно тяжелое.

В сумерках 1-й и 2-й батальоны прибыли на ст. Платнировская, в 10 верстах от Кореновской, выгрузились и, оставив две роты в резерве, выступили вдоль железной дороги в направлении последней. Пройдя 3—4 версты, они вошли в соприкосновение с противником и остановились в степи.

Ночь. Полковник Тимановский беспокоится за левый, северный, фланг своих батальонов. Туда должна выйти 3-я дивизия, но ее еще нет, и придет она не раньше утра следующего дня. Поэтому он держит две роты в резерве. С рассветом он решил атаковать противника.

Бои у станицы Кореновской

16 июля. Едва стало светать, 1-й и 2-й батальоны перешли в наступление по обе стороны железной дороги. Сбив передовые части противника, они быстро шли вперед по полям скошенного хлеба и стоявшей на корню кукурузе. Шли вслепую, не видя расположения врага, применившегося к местности. Вдруг шквал пулеметного и ружейного огня, ударивший почти в упор, прижал их к земле. Очень метко по целям стали рваться снаряды красных орудий. Противника почти не видно, но силы его, судя по огню, огромны. Оставаться в таком положении нельзя — нужно атаковать.

С криком «ура» марковцы бросились в атаку. Неслись, не замечая своих потерь, не слыша хлокота стрельбы. Местами дорвались до красных: штыковой бой, стрельба в упор по убегающим, преследование; местами залегли, не дойдя до красных, или будучи не в силах их преследовать, или остановленные контратакой.

Цепи наступающих марковцев раздробились. Выдвинувшиеся вперед цепочки оказались не только под фланговым, но и под огнем с тыла. Наступление остановилось. Всякое представление, где свои, где противник, потеряно. Оставалось оттянуть выдвинувшиеся части назад. Атака замерла, едва достигнув передней линии красных.

Было около 9—10 часов. Влево от марковцев разворачивалась 3-я дивизия, и полковник Тимановский направил в передовую линию одну из резервных рот.

Стрельба на фронте марковцев несколько стихла, но как только слева, в нескольких верстах, загремели орудия и 3-я дивизия перешла в наступление, по цепям марковцев раздалась команда: «Вперед, в атаку!» Не на всех участках атакующие добрались до врага, но и там они сразу же встретили контратаки резервов красных. Красные перехо-

дят в общую атаку. Их отбивают, но не везде. Взводы, роты подаются назад, оставляя раненых.

5-ю роту обходят с фланга. Обход замечает ротная сестра Ксения. Она расставляет молодежь этой роты для парирования обхода; просит держаться некоторое время, чтобы вынести раненых. Но задержка короткая. Рота отходит. Отход роты видит командир батальона, подполковник Плохинский; он бежит к роте, но, вместо своей цепи, нарывается на красных и падает со штыковой раной в голову и другими штыковыми и пулевыми ранениями. Отход 5-й роты оголяет фланг 2-й. Фланговый взвод ее бросается в контратаку, сдерживает красных, но на короткое время. Рота отходит. Отходит 6-я, отходит все, оставляя раненых. Смелые выезды на платформе орудия с пулеметом лишь сдерживают напор врага.

Бой шел до конца дня, постепенно стихая. Красные теряли свой порыв и, наконец, остановились.

Снова неудача. Слева 3-я дивизия также не добилась успеха.

Наступила ночь. Оставив в охранении две роты, батальоны были отведены за речку Карпели, расположились в нескольких верстах восточнее станицы Платнировской.

Физическое состояние марковцев было чрезвычайно тяжелым. День боя под палящими лучами солнца, без воды, без еды. Подавлено в сильной степени и моральное состояние: неудачные атаки; десятки раненых, оставленных на поле боя, теперь занятого врагом; положение отрезанных от тыла; беспокойство за судьбу сотен раненых, наконец — свою. И в довершение всего — сильно поредевшие ряды рот: за день в двух батальонах выбыло из строя около 300 человек, т. е. почти треть состава. Все это угнетало, создавало неуверенность в завтрашнем дне. Нашлись и откровенно малодушные. Их «успокоили» строгим окликом.

Раздали пищу. Раздали патроны. Прошел слух, что подошли резервы. И действительно, в резерве оказалось две сотни мобилизованных казаков станицы Платнировской.

Роты обошел полковник Тимановский. Он не скрывал, что положение хотя и очень тяжелое, но не безвыходное и, кроме того, подойдут части от Тихорецкой и тогда противник будет сжат с двух сторон; опасаться его со стороны Екатеринодара не приходится, т. к. отряд полковника Дорошевича продолжает занимать Динскую.

Подпрапорщик Сербинов записал, что полковник Тимановский закончил свою беседу такими словами:

— Марковцы! Верьте мне, как я верю вам, и тогда мы с честью выйдем из трудного положения.

«Да! Полковнику Тимановскому верили все, — заключал подпрапорщик Сербинов. — Кто не знал своего полковника в папаче, поддевке, в очках, с баклажкой, с наганом и биноклем на груди? Все марковцы видели своего командира стоящим во время боев на кургане одного, как нерушимый памятник. Он не разрешал никому подниматься на курган. Он был суровый воин. Приказания его были тверды и коротки. Сила воли огромная».

17 июля. Ввиду того что 1-я и 3-я дивизии не имели связи со штабом армии, генерал Казанович вступил в командование ими. Он приказал с рассветом снова атаковать в тех же направлениях, как и накануне.

Марковские батальоны опять развернулись по обе стороны железной дороги, и цепи их пошли вперед, сразу же взяв быстрый шаг, вызванный отчаянной решимостью всех или разбить противника и пробиться, или...

Красные открыли сильный артиллерийский, а затем пулеметный и ружейный огонь. Цепи ускорили свой шаг и бегом бросились в атаку. Красные не выдержали и стали отходить. Отчаянно дрались их пулеметчики: пулеметы на тачанках, прикрываясь полями кукурузы, поливали очередями марковцев.

Бой шел уже на той полосе, где накануне, при отходе, были оставлены раненые и убитые. Здесь находили их лежащими раздетыми, обезображенными, иных с отрубленными головами, иных лежащими сожженными в пепле кукурузы... Первопоходницу прап. Пылаеву Юлию нашли зверски добитой и полуобнаженной в неглубоком колоде. Но в кукурузе находили и незамеченных красными раненых. В одном месте — сразу трех юных добровольцев 5-й роты. Они плакали... их первые слова были: «нас бросили...» — слова тяжкого упрека. Один из юношей остался жив чудом: его обнаружил красный и со страшными ругательствами и направленным на него штыком подошел к нему, но... прошел мимо.

При виде таких картин марковцами овладела злоба: не щадили и они врага. Но враг отходил в сравнительном порядке и дрался упорно, а когда к нему подошли резервы, перешел в контрнаступление. Остановить его не удалось, и марковцы стали отходить. Порыв красных несколько сдержали отставшие при движении вперед от передовых цепей пулеметы, но не остановили. Пулеметы пришлось бросить. А тут на правом фланге полка угрожающе повисла кавалерия красных. Тщетно оказывает помощь единственное орудие с пулеметом с железнодорожной платформы. Марковцы отходят и опять оставляют своих раненых.

Бросаются в бой последние резервы: рота марковцев, перевезенная на платформах, которая заняла позицию поперек полотна железной дороги, с генералом Казановичем на тендере паровоза, и полковник Тимановский с двумя сотнями казаков. И вот...

«В кукурузе нельзя было видеть ни своих, ни противника, — записал один из чинов роты резерва, — ни зрительной связи, ни ориентации... Мы ничего не понимали в обстановке, в которую попали, и когда роты, находившиеся правее, стали отступать, мы наугад двинулись вполоборота направо. Появление нашей сильной и густой цепи произвело на красных большое впечатление. Они остановились, потом стали подаваться назад, преследуемые нами и соседними ротами».

На другом фланге полка, с подходом двух сотен с полковником Тимановским, отступавшие марковцы сразу же повернули и с казаками бросились в контратаку. Двести шагов, разделявших противников, быстро сократились до нуля... до штыков и... красные не выдержали. Но не было уже больше сил... Цепи залегли. Бой стал стихать. Видимо, выдохлись и красные, остановившиеся шагах в тысяче. Солнце печет безжалостно. Время — приблизительно полдень.

Со стороны Тихорецкой пролетел аэроплан и спустился у станции Платнировской.

Около 16 часов в тылу у красных послышалась артиллерийская стрельба и все заметили волнение в их цепях. «Подожли наши резервы!» Марковцы инстинктивно встали. Красные открыли нервный огонь. А вскоре приказание: «В атаку». Роты ринулись в четвертую атаку.

Открыв бешеную стрельбу по наступающим, красные, однако, не подпустили их на близкое расстояние, а стали быстро отходить, теряя порядок, прикрываемые лишь своими пулеметами. Марковцы шли быстро, почти бегом, стреляя по пулеметам и по толпам красных. Они шли по полю версты 3—4, устланному убитыми и ранеными.

К началу ночи марковцы заняли станцию Станичная и вошли в южную окраину станции Кореновской. Левее их в станцию вошла 3-я дивизия, а с востока — Кубанский стрелковый полк с 5 орудиями 1-го ардивизиона, срочно вызванный из Ставрополя.

Красные отошли к северу от станции Кореновской и остановились в нескольких верстах от нее. Против них заняла фронт 3-я дивизия и правее, в хуторах Журавских, — Кубанский стрелковый полк.

1-й и 2-й батальоны марковцев — в резерве на ст. Станичная, уставшие и измотавшиеся до крайности. Успешный выход из тяжелого

положения их не особенно радовал: он стоял им огромных потерь — до 500 человек за 2 дня боя.

Среди убитых, кроме подполковника Плохинского, был и командующий другим батальоном, ротмистр Дударев — оба славные сподвижники генерала Маркова по 1-му походу на Кубань, тогда командовавшие ротами. Потери в батальонах были отчасти восполнены влитыми в их ряды двумя сотнями кубанцев, принимавших участие в последних двух атаках.

18 июля. Несмотря на то что армия Сорокина и была выбита из Кореновской с большими для нее потерями, она, пользуясь своей подавляющей численностью, снова перешла к активным действиям. Ее атаки против 3-й дивизии были отбиты, но она успешно продвигалась севернее, на фронте конной дивизии генерала Эрдели. Ею была взята станица Березанковская, и снова создавалась угроза захода ее в тыл 1-й и 3-й дивизиям. Ввиду такого положения 1-й и 2-й батальоны марковцев по железной дороге были переброшены на ст. Бейсуг, откуда они перешли в ближайшую станицу Новодевицкую.

* * *

Оставленный в станице Динской отряд полковника Дорошевича 16-го и 17 июля провел в мелких стычках с красными, но 18 июля последние перешли в наступление. Целый день шел бой. 3-й батальон отбивался контратаками, брал пленных, но в конце концов вынужден был оставить станицу и отойти за речку Кочати. Среди пленных было немало китайцев, дравшихся, как они говорили, «за родную Кубань». Некоторым из них, как и немногим из пленных, посчастливилось: были взяты в роты. Утром следующего дня батальон готовился к наступлению, но около 22 часов он, собравшись в колонну, тронулся в станицу Пластуновскую. «Наступление на Екатеринодар сорвалось», — с грустью и тревогой говорили марковцы.

19 июля утром, погрузившись в железнодорожный состав на ст. Пластуновская, батальон тронулся в направлении на Тихорецкую. Где были остальные батальоны полка и что с ними, никто не знал.

Проехав станцию Платнировская, все почувствовали сильный, удушающий трупный запах и увидели по обе стороны железной дороги массу повсюду лежавших трупов. Бойцы 3-го батальона теперь могли представить себе, где и что было с их другими батальонами. Не их ли убитые валялись здесь? Эшелон остановился на ст. Станичная, и только тут узнали: все убитые и раненые марковцы подобраны. Недалеке, за станицей Кореновской, слышался бой.

Простояв на станции часа три, эшелон как-то поспешно тронулся дальше: он должен срочно прибыть на ст. Выселки. Но едва он переехал мост и проехал выемку, места, памятные по 1-му Кубанскому походу, как все марковцы увидели большие цепи, приближающиеся к железной дороге, и перед ними жидкую лаву кавалерии и услышали ружейную стрельбу. Никаких сомнений в оценке положения ни у кого не было. Не проехал эшелон и половины расстояния до Выселок, как остановился: впереди красные уже были у самой железной дороги. Батальону приказано быстро высадиться. Но на спуск орудия, повозок и лошадей ушло немало времени, т. к. пришлось собирать и подносить шпалы. Закончилась высадка под ружейным огнем противника, задержанного выставленными пулеметами, и с потерей нескольких человек.

Закончив разгрузку, батальон пошел путем несколько восточнее железной дороги и наступившей ночью пришел на ст. Выселки, которую в течение дня удерживал Кубанский стрелковый полк. Ночью на станцию пришли и 1-й и 2-й батальоны полка, и полк сразу же занял позицию перед станцией. Этой ночью 3-я дивизия оставила станцию Кореновскую и отошла в юго-восточном направлении, в станцию Бейсутскую.

1-я дивизия теперь прикрывала Тихорецкую по кратчайшему к ней направлению: по железной дороге. Вправо от нее стояла Конная дивизия, вошедшая в подчинение генералу Казановичу.

Армия вышла из весьма тяжелого положения, но угроза со стороны армии Сорокина продолжала оставаться огромной.

Бои у станции Выселки

20 июля. Силы красных увеличились подходом их Екатеринодарской группы. Ими установлена связь с группой в станице Усть-Лабинской. Инициатива в их руках. И с утра они повели массовое наступление на ст. Выселки. Полки генерала Маркова и Кубанский стрелковый в течение всего дня отбивали атаки. Случались неустойки. «Бараньим бегом из-под самого носа матросов» стала отступать одна из Марковских рот. Подскакавший полковник Тимановский повернул ее в контратаку. Общей контратаки не могло быть. Полки удержали свои позиции ценою больших потерь. Обескровленная 4-я рота была пополнена 40 офицерами из 3-го батальона.

21—22—23 июля, более слабые и разрозненные атаки противника, отбитые дивизией. Красные удлинили свой фронт вправо, к югу от железной дороги, отчего 1-й дивизии приходилось удлинять и свой

фронт. 23-го подошел только что сформированный пластунский батальон и занял участок влево от Кубанского стрелкового полка, упираясь своим левым флангом в железную дорогу, за которой начинался участок Марковского полка.

24 июля с утра красные повели снова сильное и общее наступление на всем фронте дивизии. Охват левого фланга сразу же потребовал ввода в бой единственного резерва — батальона марковцев.

Главный удар красных был направлен по обе стороны железной дороги. Пластунский батальон не выдержал атаки, не удержался и батальон марковцев. Красные стремительно наступали и охватывали левый фланг кубанцев. Едва не захватили орудие, начальник которого, поручик Казанли, был убит, но к орудию подскочил командир дивизиона, подполковник Миончинский... На участке отходившего батальона марковцев также едва не было захвачено орудие, но здесь оказался полковник Тимановский. Орудие продолжало стрелять картечью, а батальон повернул в контратаку и, обратив красных в бегство, оказался на фланге и в тылу у тех из них, которые наступали на пластун. Командир батальона, полковник Хованский направил часть сил батальона вправо через железную дорогу. В рукопашной схватке красные были смяты и, расстреливаемые огнем орудия подполковника Миончинского, быстро стали отходить.

Дивизия удержала свой фронт, но снова не была в силах преследовать противника. В полосе железной дороги его некоторое расстояние преследовал только что прибывший броневедомитель «Генерал Марков», но, выехав значительно вперед и скрывшись за кукурузой, там испортился, был подорван и оставлен командой.

Потери генерала Маркова полка были опять большими. Убит полковник Хованский, участник 1-го похода в рядах полка, временно командовавший им с 21 апреля до своего ранения 27 апреля и только что вернувшийся по выздоровлении. Серьезные потери в людях и конском составе [понес] и 1-й артдивизион.

25 июля. Красные по всему фронту дивизии возобновили наступление, но уже не с прежней энергией и не со столь смелыми атаками. Положение, однако, было весьма напряженным, и единственным выходом разрядить его могло быть лишь контрн наступление, но довели огромные силы красных.

Так продолжалось долго, за полдень, пока в цепях противника и за ними не стало заметно какое-то волнение и беспорядочное движение. Затем были замеченыдвигающиеся с юга к железной дороге какие-то цепи на буграх далеко за противником и промчавшийся там броневедомитель. Что происходило, никто не знал и не понимал.

И вот в некий момент, без приказаний, цепи марковцев быстро пошли вперед. Красные их встретили беспорядочным и быстро прекратившимся огнем. Они бежали в сторону железной дороги. Левее вперед неслась лава 1-го конного Офицерского полка.

Внезапно перед марковцами, прошедшими один хутор, недалеко остановился вынырнувший из ложины броневедомитель. «Чей?» — вопрос, на который в цепи уже неслись крики: «Свой» — над ним развеялся маленький Национальный флажок. Скоро вся обстановка разъяснилась: части 3-й дивизии обошли правый фланг красных и зашли им в тыл. Бой стихал.

Через некоторое время батальоны полка были собраны и расположены по группам Малеванных хуторов. Наступила ночь.

26 июля. Полк продолжает стоять в хуторах. Всем становится известно о поражении армии Сорокина, без задержки отступающей частью на Екатеринодар, частью к станице Тимашевской. Конная дивизия заняла станицу Кореновскую. За ней шел Кубанский стрелковый полк с 1-й батареей.

В течение дня марковцы вылавливали в камышах речки Малеваны сотни укрывавшихся там красных.

27 июля полк перешел в станицу Кореновскую и расположился по квартирам. Он шел той дорогой, по которой 4 марта этого же года он с генералом Марковым шел из Выселок в наступление на эту станицу.

28 июля — в Кореновской. У марковцев полная уверенность в том, что теперь уже Екатеринодар будет взят в ближайшие же дни, может быть даже и без их участия, т. к. сообщения говорили о почти непрерывном движении к городу конной дивизии, в этот день занявшей станицу Динскую.

В полку подводились итоги минувшим боям на екатеринодарском направлении. 12 дней непрерывных боев. Вторичное столкновение с армией Сорокина, неожиданно показавшей всю силу своей массы и сохраненной ею боеспособности. Свыше половины состава полка — около 800 человек — выбыло из строя.

Огромные потери были отчасти восполнены прибывшими пополнениями — двумя партиями добровольцев. Одна из них, вся из города Екатеринослава, в 100 офицеров, была определена как 3-я рота полка, с переводом оставшегося ее состава в 1-ю и 2-ю роты. Командиром роты назначен приведший эту партию полковник Волнянский⁴⁹. Другая партия в 60 офицеров распределена по 7-й и 9-й ротам. Ее начальник, полковник Булаткин⁵⁰, получил в командование 9-ю роту, командир которой, полковник Блейш, назначен, после смерти подполковника Плохинского, командиром 1-го батальона.

Трогательна была встреча полковника Тимановского с полковником Робачевским, прибывшим с партией в 100 человек и назначенным помощником командира 3-й роты В Русско-японскую войну вольноопределяющийся Тимановский был в подчинении у подпоручика Робачевского.

В Кореновской чинам полка было выдано жалованье. Они припасали его для Екатеринодара. Для раздачи жалованья раненым, в большинстве находившимся на станции Тихорецкая, были командированы офицеры. Поселок станции был набит ими, и условия для них, естественно, не могли быть удовлетворительными. Но затем раненых постепенно стали развозить по станицам, и главным образом в освобожденный город Ейск. После поправки некоторые из раненых, используя данный им отпуск, уезжали к своим родным на Украину. Там они, в форме полка, вызывали любопытство всех, были пропагандистами Добровольческой армии, звали в армию, но... многих уже трогали эти их слова, их пример

29—31 июля. Офицерский генерала Маркова полк по железной дороге прибыл на ст. Динская и оставался в вагонах.

1 августа. Кубанский стрелковый полк с боем взял разъезд Лорис, куда переехал полк генерала Маркова и разгрузился.

2 августа — сильный бой на подступах к городу, но без участия марковцев. Генерал Деникин — на передовых позициях, на наблюдательном пункте 1-й батареи. Командир Кубанского стрелкового полка, полковник Туненберг⁵¹, доложил генералу Деникину о блестящей работе батареи, за что она получила от Командующего благодарность, заявившего при этом, что «прекрасный отзыв пехоты всегда служил и будет служить лучшей похвалой артиллерии».

К вечеру передовые части подошли к самому городу и с ними — первый бронепоезд Добровольческой армии, взятый в Тихорецкой, — «Единая Россия».

Ночью красные оставили Екатеринодар.

3 августа. Рано утром разъезды отдельной конной сотни 1-й дивизии вступили в город. У дворца Атамана они встретились с разъездами от конной дивизии, вступившей в город с севера. Под дворцом развился Национальный флаг.

Утром вошла в город и 1-я пехотная дивизия, имея в голове Кубанский стрелковый полк с 1-й батареей, как участвовавшие в последних боях перед ним. Толпы народа приветствовали входившие войска. Неописуема была радость и жителей, и добровольцев. Последние теперь питали полную уверенность в скорой окончательной победе над большевиками.

Кубанский стрелковый полк с батареей, пройдя город, занял боевой участок вдоль реки Кубани, у двух переправ через нее. Полк генерала Маркова остановился в центре города у старого Войскового собора и расположился в зданиях училищ.

Раздался сильный взрыв, и клубы черного дыма поднялись в воздух: красные взорвали железнодорожный мост и вместе с ним и трубы, по которым текла нефть из Майковского района, которая загорелась. Батареи красных обстреливали город, пока их не заставила замолчать 1-я батарея.

3-я пехотная дивизия, наступавшая на Екатеринодар левее ее, в город не вошла, а растянулась вдоль реки Кубани восточнее города для обороны переправ. Эту же задачу получила и 1-я инженерная рота, став на переправе у станицы Усть-Лабинской, и только ее железнодорожный взвод принял в свое ведение Екатеринодарский железнодорожный узел.

Освобождение Черноморского побережья

Через несколько дней после взятия Екатеринодара красные вынуждены были очистить весь северный берег реки Кубани вплоть до ее устья. Однако достигнутый Добровольческой армией большой успех не позволял ей, хотя бы на короткое время, приостановить наступление и дать отдых частям. Главнейшее основание этому было таково.

Армия, начав 2 месяца назад наступление на фронте в 120 верст (Кагальницкая—Шабалиевская), теперь имела фронт от Черного моря по реке Кубани до города Ставрополя, протяжением до 350 верст, не считая второстепенного участка — от Ставрополя на север, в район станции Торговая, где начинался фронт Донской армии, имевший протяжение до 100 верст. Силы же ее едва увеличились в два раза, т. к. формирование новых частей требовало времени. Удерживать такой фронт для армии было чрезвычайно трудно, имея противника значительно большей численности. А так как задача армии — освобождение Северного Кавказа, т. е. дальнейшее наступление, то от нее требовалось не дать противнику время закрепиться, привести в порядок и отдохнуть; и имея в виду, что наступление ее с нижнего течения реки Кубани приведет к значительному сокращению фронта, то начать немедленное наступление на этом участке. Выполнение задачи возложено было на дивизии: Кубанскую казачью — генерала Покровского, 1-ю конную — генерала Эрдели и 1-ю пехотную.

Форсирование реки Кубани Казачьей дивизией у станицы Троицкой, от Екатеринодара ниже по течению реки, и конной — у станицы Усть-Лабинской, выше по течению, кончилось неудачей, но у самого Екатеринодара Кубанскому стрелковому полку удалось переправиться на южный берег и закрепиться там. Отсюда и началось наступление трех дивизий.

* * *

С переправившимися кубанскими стрелками было отделение железнодорожного взвода 1-й Инженерной роты, под командой известного «великокняжеским» видом прапорщика Шмидта⁵², на которое возложена задача приводить в порядок линию железной дороги на Новороссийск и готовить все необходимое для перевозки войск. Но т. к. железнодорожный мост был взорван, то все могло быть приготовлено только из того, что оставлено красными. Последние же не оставили на захваченном отрезке железной дороги ни одного паровоза, ни вагона, ни платформы.

Делать отделению, в сущности, было нечего. Но в распоряжении прапорщика Шмидта оказалась дрезина, и он использовал ее для дела, ничего общего с поставленной ему задачей не имеющего; на дрезину поставил пулемет и на ней стал выезжать вперед и вести перестрелку с красными. Поставил он себе и точную задачу: не дать противнику взорвать железнодорожный мостик, чего и добился.

6 августа на южный берег реки, по наведенному понтонному мосту, перешел 1-й конный офицерский полк с орудием 1-й батареи, которому дана задача наступать вдоль железной дороги, в то время как кубанские стрелки должны были, расширив свой плацдарм, обеспечить его действие с юга и востока.

8 августа конный офицерский полк взял ст. Холмская и на ней железнодорожный состав с паровозом. Этот трофей поступил в распоряжение прапорщика Шмидта, поступившего с ним весьма рационально: «забронировав» платформы шпалами и поставив на них пулеметы, он таким образом сформировал «бронепоезд» и стал его командиром.

На следующий день с ним он принял активное участие в атаке Конным полком ст. Ильинская. Атака «бронепоезда» была исключительной по дерзости, несмотря на то что красные имели большие силы и бронепоезд: прапорщик Шмидт ворвался на станцию и огнем пулеметов расстроил всю их оборону, а когда орудие 1-й батареи накрыло их своими снарядами, то расстройство красных перешло в панику. А в это

время Конный полк охватил станцию. В результате: станция взята; взят железнодорожный состав с паровозом, а атака Конного полка завершилась захватом совершенно исправного бронепоезда.

Немедленно из Екатеринодара прибыла группа артиллеристов 1-й батареи и пулеметчиков во главе с командиром взвода этой батареи, капитаном Харьковцевым 1-м⁵³, и вступила в обслуживание захваченного бронепоезда, названного «Офицер». Капитан Харьковцев стал его командиром. Прапорщик Шмидт свой «бронепоезд» переформировал во вспомогатель к «Офицеру», а сам вступил в исполнение своих прямых обязанностей, имея уже в своем распоряжении и вспомогатель, и железнодорожный состав.

Успешное наступление 1-го конного офицерского полка заставило красных отходить с нижнего течения реки Кубани к Новороссийску, а генералу Деникину дало возможность перебросить конные дивизии на южный берег реки и направить: Кубанскую — на майкопское направление; 1-ю конную — на армавирское.

12 августа 1-й конный офицерский полк, уже с поддержкой бронепоезда «Офицер», взял ст. Крымская, на которой красные оставили большие трофеи. Вечером на эту станцию, на трофейном железнодорожном составе, прибыл в распоряжение командира Конного полка полковника Колосовского⁵⁴ батальон кубанских стрелков с тремя, оставшимися до сего в Екатеринодаре, орудиями 1-й батареи.

13 августа отряд полковника Колосовского, не встречая сопротивления красных, перешел через горный хребет и к вечеру вступил в город Новороссийск. Лишь в южной части города Конный полк имел столкновение с арьергардом красной «Таманской» армии, состоявшей из частей, стоявших против немцев на Тамани, части армии Сорокина, отошедшей от станицы Тимашевской, и присоединившихся к ним в Новороссийске матросских и коммунистических частей — опоры «Черноморской республики».

Силы «Таманской» армии генералом Деникиным исчислялись приблизительно в 10 тысяч штыков и сабель, но книга советского автора В. Сухорукова «XI армия в боях на Сев. Кавказе и на нижней Волге в 18—20 гг.» дает иные цифры: 27 тысяч штыков и 3500 сабель при 15 орудиях.

* * *

Взятие города Новороссийска, порта на Черном море, открывало для Добровольческой армии «окно в Европу», хотя еще и закрываемое внешними врагами — Германией и Турцией, но поражение ко-

торых союзниками казалось делом недалекого будущего. Кроме того, вступление армии в Черноморскую губернию, как и двумя месяцами раньше — в Ставропольскую, давало ей территории, независимые от казачьих областей и ей полностью подчиненные.

Через день в Новороссийске состоялся парад частям, его занявшим. Парад принимал генерал Колосовский, только что произведенный в этот чин. Восторженно приветствовали войска собравшиеся массы народа, пережившие ужасы большевизма и голода, вызванный прекращением подвоза продуктов питания с Кубани.

Через некоторое время в Новороссийск прибыл произведенный в генералы полковник Кутепов, назначенный генерал-губернатором Черноморской губернии.

* * *

Преследование Таманской армии по единственной дороге между горами и морем, с ее крутыми перевалами, не могло протекать быстро, даже после того, как отряд генерала Колосовского был усилен всеми остальными батальонами Кубанского стрелкового полка, когда операции стали проводиться высадкой десантов с моря. Красные сохраняли боеспособность. Было, казалось, реальное предположение: красные, когда будут прижаты к городу Туапсе, занятому грузинской армией, сдадутся или рассеются. Но оно не осуществилось: красные заставили грузин отойти к югу и сами начали отходить на восток, по дороге на город Армавир. Это было неожиданно даже для генерала Деникина. Положение резко менялось: отряд генерала Колосовского входил в непосредственное соприкосновение с грузинской армией, занимавшей никогда не принадлежавшую Грузии южную часть Черноморской губернии, и становился перед «внешним врагом» Добровольческой армии; и — главное: Таманская армия опять шла на территорию Кубани и угрожала тылам уже ведущих бои у Майкопа и Армавира Кубанской и 1-й Конной дивизий и могла, свернув, выйдя из горного хребта на север, угрожать Екатеринодару. И это, когда у всей Добровольческой армии в резерве были лишь части 1-й дивизии: полк генерала Маркова с одной батареей и отдельная конная сотня дивизии. Для армии задача изменилась: не преследование красных, а встреча их при выходе из гор.

31 августа головные части отряда генерала Колосовского подошли к городу Туапсе, но его уже заняли грузины. И только потому, что грузинами командовал генерал Мазниев, генерал русской службы и ориентации, город без осложнений был разделен на две части: север-

ную — добровольцам, а южную — грузинам. Очистить южную часть Черноморской губернии Грузинское правительство, поддерживаемое Германией, отказалось, и от него можно было ожидать всего. Отряд генерала Колосовского прекратил преследование таманцев: перед ним стояла иная задача.

Встретить Таманскую армию по выходе ее из гор Кавказа спешно был выслан из Екатеринодара отдельный Конный дивизион 1-й пехотной дивизии, развернувшийся из сотни, во главе с войсковым старшиной Растегаевым. Он, пройдя по гористой местности 80 верст, встретил красных у Ходыженского перевала, в 60 верстах восточнее города Туапсе, остановил их головные части, но затем, под давлением массы, вынужден был очистить ей дорогу.

Спешно выезжают из Екатеринодара 1-я и 3-я роты марковцев со взводом 2-й батареи по железной дороге на ст. Усть-Лабинская, откуда на подводах они едут на пересечение пути таманцам. Составился отряд полковника Моллера⁵⁵, в который вошли, кроме двух рот марковцев, еще только что сформированный 5-й пластунский батальон и Марковский конный дивизион войскового старшины Растегаева.

Отряд вошел в соприкосновение с противником, уже занявшим станицу Белореченскую, на половине пути его к Армавиру и находящемуся в близком тылу Кубанской казачьей дивизии. Первыми из отряда столкнулись с противником пластуны и сдержали его наступление, но на следующий день они под давлением стали подаваться назад. Как и какое участие принимали в бою этого дня марковцы, описал один из участников:

«Первый образец «головотяпства», подобного которому до сих пор в Добровольческой армии не наблюдалось. Две наши роты были заведены в «джунгли» подсолнечника и там оставлены на совершенно «дикой», и для обороны и для наступления, позиции. Были ли какие-либо распоряжения от начальника отряда — мы не знали. Командир 1-й роты, штабс-капитан Поляков, даже взводом ничего не говорил, ничего не предпринимал, только крепко ругался».

«В сумерках, влево, где, по нашему предположению, должен находиться пластунский батальон, закипела беспорядочная стрельба и стала перемещаться очень быстро нам во фланг. Все подтянулись и прислушивались в тревоге неизвестности. А тут из подсолнухов выскочил грузовой автомобиль с пулеметами на линию наших окопчиков и принялся обстреливать роты вдоль них. Все бросились назад в полном беспорядке к ближайшему хутору. И сами не знали — смеяться ли нам, или плакать. Никто нас не преследовал. Потери в ротах были незначительные».

Удачную атаку провел лишь Марковский конный дивизион, нанесший большие потери красным.

В последующие дни роты ехали куда-то на подводах; иногда вели перестрелку. Таманская армия соединилась с армавирской группой красных.

12 сентября роты получили приказание вернуться в Екатеринодар, где не застали уже своего полка, а лишь две роты своего батальона. Настроение их было сильно возбужденным: никто не мог хоть немного быть удовлетворенным выполнением их задачи. А тем временем в Туапсе сложилось впечатление от грузинской армии — весьма слабая боеспособность. Занять южную часть Черноморской губернии даже для отряда генерала Колосовского не представляло труда. Но чтобы Добровольческой армии не заводить себе еще врага, установилось положение: ни мир, ни война.

Марковцы 1-й батареи, однако, вели войну средствами мирными: они разлагали грузин, имея с ними тесное общение, пропагандой. Масса грузин воевать против русских не желала и весьма беспечно относилась к своей службе. У артиллеристов родился соблазн — похитить орудия. Недолго думая в одну из ночей они увезли у спавших грузин 2 орудия и 2 зарядных ящика. Однако это не изменило взаимоотношений обеих сторон. А через несколько дней генерал Мазниев, под предлогом развала своих частей, передал отряду бронепоезда, названный «Витязь», первыми артиллеристами на котором стали чины 1-й батареи.

Происшедшие случаи вынудили Грузинское правительство отозвать генерала Мазниева и назначить другого командующего, а свою армию отвести более чем на 25 верст к югу и там возвести полевые укрепления. Головной отряд добровольцев — батальон кубанских стрелков и взвод батареи — стал в селе Лазаревка.

21 сентября отряд генерала Колосовского был сменен сформированной 2-й пехотной дивизией и отправился на главный фронт борьбы. (В дивизии под № 1 числились старые полки Добровольческой армии: Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский³⁶ и, сформированный во время начала 2-го похода на Кубань, Самурский, переименованный из Солдатского.)

Первая задача стратегического масштаба, вызванная обстановкой, была выполнена: фронт Добровольческой армии был сокращен до 160 верст и теперь проходил приблизительно по линии: Майкоп—Армавир—Ставрополь. Начался новый период борьбы за освобождение южных районов Кубанской области, восточных и южных Ставропольской губернии и всего Северного Кавказа.

В Екатеринодаре

Со взятием 3 августа Екатеринодара Офицерский генерала Маркова полк с отдельной конной сотней 1-й дивизии и 2-й батареей были назначены в резерв армии и в то же время составили гарнизон города, т. к. никаких других частей еще не было.

Полк сразу же стал нести усиленные наряды караулами, а по ночам патрулями. По имевшимся сведениям, в городе оставалось немало большевиков. С 22 часов жителям запрещалось выходить из домов. Улицы с этого часа были пустыньны, и по ним проходили лишь патрули марковцев. Но миссия патрулей не проходила без столкновений с жителями, устраивающими им «засады»: выбегая на улицы, они бросались обнимать патрулирующих, благодарить за освобождение, вырывать у них согласие прийти к ним в свободное время. Особенно бесцеремонна была женская молодежь.

То, что в первые дни в городе была отчетливо слышна артиллерийская стрельба и не так уж далеко разрывы снарядов, и то, что по ночам совсем близко и кругом раздавались ружейные выстрелы, совершенно не беспокоило жителей.

— Вы здесь! Вы с нами, и беспокоиться нам теперь нечего, — говорили они.

Иное отношение к ночным ружейным выстрелам было у марковцев: в каждом из них они видели оправданное возмездие большевикам за совершенные ими преступления. Преступлений, совершенных против народа за последние месяцы на Кубани, не счесть, но не они в это время приписывались большевикам, а другие: расстрелы и насилия над жителями только потому, что члены их семей стали в ряды противников их; добивание раненых и глумление над телами павших; зверское убийство более 60⁰ тяжелораненых в станице Елизаветинской; и наконец, то, как поступили они с уже зарытым телом генерала Корнилова: они нашли могилу генерала Корнилова в Гначбау, вынули гроб, привезли в Екатеринодар и здесь, повесив тело на балконе дома, дико глумились над ним, а потом сожгли и развеяли пепел; присутствующая при этом большая толпа народа веселилась.

Преступления требовали возмездия, и оно совершалось. На следующий день по взятии города массы народа стекались к площади у собора, где производился парад частям 1-й пехотной и конной дивизиям. Полк генерала Маркова был на нем в полном составе.

Парад принимал генерал Деникин. Он приехал верхом, в сопровождении своего штаба и Кубанского атамана. Над группой развевал-

ся Национальный флаг. Громкое, раскатистое «ура» многотысячного народа предупредило о приближении командующего и было подхвачено войсками. Объезд частей и молебен с провозглашением «Вечной Памяти» погибшим в борьбе. Потом короткая речь генерала Деникина о Родине, жаждущей освобождения, и долгие каждого перед Ней, покрытая долгим «ура» войск и всего присутствующего народа. И — заключение: церемониальный марш.

Не блистали своим видом марковцы: обмундирование и снаряжение, весьма разнообразное, у них было одно и для боя, и для парада, но проходили они бодрым и твердым шагом, и радость была в их глазах.

Последствия парада для марковцев были отличные: не находилось ни одного из них, кто бы в этот и последующие дни не был приглашен жителями к себе, не принят ими с исключительным радушием. Никто не возвращался от них без подарка: смены белья или гимнастерки и бриджей, даже обуви, не говоря уже о том, что все на них было починено, вымыто, выглажено и на плечах не было бы новеньких черных погон, а на рукавах добровольческого угла.

Настроение у всех превосходное; отдых полный; обстановка, отвлекающая от жестокой войны. То, что приходилось жить в зданиях училищ без удобств, спать на полах и соломе и питаться из походных кухонь, казалось незаметной мелочью.

На третий день на той же площади у собора состоялся другой парад — частям Кубанской казачьей дивизии генерала Покровского, и принимал его генерал Алексеев. Марковцы были лишь зрителями. Вчера они не могли хорошо видеть Кубанских полков конной дивизии генерала Эрдели, будучи сами участниками парада, а теперь они любовались и восторгались силой, порядком и красотой казаков. Им казалась скорой полная победа над большевиками.

На четвертый день, 6 августа, полк генерала Маркова ходил за город к той белой ферме, в которой был смертельно контужен и умер генерал Корнилов. Полк шел по большой дороге на станицу Елизаветинскую и проходил места, памятные для первопоходников по ожесточенным и кончившимся неудачей боям: окраина города; потом — влево артиллерийские казармы, а вправо большой плац; потом — валик, на котором была позиция красных, взятая полком, как и казармы; пустырь и влево предместье... а впереди, в нескольких верстах, видна белая ферма, едва прикрытая рядом тополей. Ферма, куда шел полк. Вот и она с заколоченным окном, через которое влетел снаряд в комнату генерала Корнилова. А рядом с фермой, на самом берегу реки Кубани — крест, место смерти Вождя.

Панихида в присутствии генерала Алексеева, генерала Деникина и др., а также и вдовы, дочери и сына генерала Корнилова. Потом — слово генерала Алексеева, сказавшего, что, хотя и нет могилы Вождя, места его упокоения, все же сожженный и развеянный по ветру его прах приняла Русская земля и сделала его своим достоянием, а память о великом Патриоте да сохранится и чтится во веки в сердцах верных Родине Ее сынов.

Роты марковцев возвращались в город с песнями бравурными и полными скорби.

Теперь же грозный час борьбы настал,
Коварный враг на нас напал.
И каждому, кто Руси Сын,
На бой кровавый путь один.
Молись о нас Святая Русь.
Не надо слез, не надо.
Молись о павших и живых,
Молитва нам отрада.

Было о чем и о ком скорбеть марковцам. Ко всем их скорбям прибавилась еще одна: передавали как достоверный слух — 17 июля этого года, в Екатеринбурге, были расстреляны Император, Императрица и все их дети с несколькими, не покинувшими их в несчастье, приближенными.

Смерть Императора произвела ошеломляющее впечатление на сознание и чувства всех. Она переживалась как олицетворение кровавой драмы всей России. Смерть Его семьи как кровавая драма всех семей, или уже совершившаяся, или которая совершится. Полный облик Красной власти, охватившей Россию, показан в этом злодеянии. Тяжелая горечь давила на сердце каждого, узнавшего о бывшей панихиде по Императоре и Его семье, носившей неофициальный характер.

* * *

С первых дней пребывания в Екатеринодаре в полку генерала Маркова стали проводиться большие перемены, как в составе, так и в организации. Из него выделялись значительные группы чинов на формирование новых частей:

1 — чины Гвардии — на формирование Гвардейского батальона, сначала как 4-го батальона при полку, а затем — как сводно-гвардейского полка, в командование которым вступил полковник Дорошевич, помощник командира Офицерского полка.

2 — гренaдeры — в сводно-гренaдeрскую часть.

3 — моряки — частью на бронепоезда, частью во флот, который должен возродиться с выходом армии к берегам Азовского и Черно-мoрей.

4 — были выделены офицеры в формирующиеся кубанские пластунские батальоны ввиду недостатка офицеров из казаков.

5 — около ста первопоходников были командированы на формирование особой роты при Ставке Командующего армией, для ее охраны и несения почетных караулов. Рота эта получила ту же форму одежды, что и полк генерала Маркова, но с заменой белых кантов и просветов на погонах — оранжевыми. Черный и оранжевый — цвета Георгиевской ленты.

6 — наконец, по желанию, стали выделяться чины польского происхождения в Польский отряд. Возрождение свободной Польши было объявлено еще в начале Великой войны, а в революцию 1917 года в составе Русской армии находился уже целый Польский корпус. С поражением Германии и восстановлением Польши этот отряд уехал на свою родину.

В общем, из полка было выделено около 400 человек.

Но одновременно он и пополнялся добровольцами из южных губерний России, иногородними из освобожденных районов Кубани и отчасти пленными. Кроме того, в полк непрерывно возвращались выздоровевшие от ран. Вступив в Екатеринодар в количестве около 800 штыков, недели через три, полк достиг силы свыше 3000 штыков, не считая чинов разных команд.

Полк получил следующую организацию:

1 — 3 батальона, теперь уже по 4 роты в каждом. 7-я и 9-я роты оставались чисто офицерского состава по 250 человек в каждой. Остальные роты — смешанного состава по 200 с лишним штыков.

2 — полковая пулеметная команда — 12 пулеметов и при ротах пулеметные взводы в 2 пулемета.

3 — конная сотня около 100 коней.

4 — разные вспомогательные команды. Было положено и начало обоза 2-го разряда.

В Екатеринодаре 1-й арtdивизион полковника Миончинского стал трехбатареинным. Его 3-я батарея была Гвардейской.

7 августа, приказом Командующего армией, 1-й батарее было дано Шефство Имени генерала Маркова, и она стала именоваться — «1-й Офиц. Г. М. батареей». Это было высокой честью и наградой ей, положившей начало артиллерии в Добровольческой армии и всегда бывшей с генералом Марковым. Она надела марковскую форму, с заменой лишь

белых кантов и просветов красными; на погонах — вензель генерала Маркова. Полковник Миончинский распорядился о ношении такой же формы и 2-й батареей, но без вензеля на погонах.

Особая конная сотня 1-й дивизии, неофициально называвшаяся «Марковской» и носившая черные погоны, развернулась в дивизион. Ее командир, есаул Растегаев, был произведен в чин войскового старшины.

* * *

Стоянка полка в Екатеринодаре проходила совершенно спокойно, а с увеличением его численности в 3 раза стала необременительной для чинов и нарядами. Томиться не приходилось: жизнь большого города быстро восстанавливалась во всем ее объеме, давая много развлечений. Молодежь полка развлекалась с молодежью города, проводя время в отличном городском саду, из которого открывался вид на западный отрог Кавказских гор. Красив был сквер у Атаманского дворца с памятником Императрице Екатерине II — поразительно! — не тронутому большевиками.

Производились небольшие занятия в ротах, чтобы сколотить пополнение и внушить ему чувство порядка, дисциплины и духа полка. Все это дело, в сущности, велось только в ротах, командиры которых в этом были вполне самостоятельные, передавая даже его своим, более молодым помощникам-заместителям. Очень мало, и только попутно, уделялось времени внешнему виду, показной стороне рот, а главное внимание обращалось на моральную подготовку, обязательно связанную с представлением о всевозможных моментах в боях, для чего роты иногда выводились на тактические занятия за город.

Основное, что внушалось всем как выводы из минувших боев, было. «Быстрота, глазомер и натиск», не считаясь с силами противника; когда необходимо — наступление «в рост», без остановок и всегда с целью довести до штыкового удара; при вынужденной обороне — выдержка, хладнокровие, а затем — контратака; в случаях неудач и неизбежного отхода, как бы его ни пришлось проводить — в порядке или в беспорядке, всегда быстро собираться для решительного контрудара; всегда беречь патроны и во всех случаях выносить раненых; инициатива, дерзание, маневр даже для малых соединений; взаимная выручка и поддержка. В ротах такая подготовка доводилась до предела. Подготовка батальонов зависела от их командиров, и надо сказать, ее заметно не было.

Когда Кубанский стрелковый полк ушел в Новороссийск, на южном берегу реки Кубани, на охране переправ, стали три роты марковцев, расположившись по квартирам поселков, населенных рабочими консервной фабрики. Не меньше половины рабочих покинули свои дома и ушли с красными. «Почему?» — спрашивали оставшихся, но те только пожимали плечами. Хорошо жили здесь рабочие в своих недавно выстроенных домах, хорошо обставленных, с участком земли под огородом и садом. Ничего не тронули марковцы, «пострадали» лишь зрелые помидоры, баклажаны, фрукты да куриные яйца. Но за это «мародерство» марковцы, когда оставляли эту чудную стоянку, в оставленных записках просили их простить и, конечно, благодарили за приют.

На одну из стоявших здесь рот, 7-ю Офицерскую, была возложена и особая задача: контроль документов и опрос всех, кто направлялся в Екатеринодар и вообще в район к северу от реки Кубани. Особенно много было едущих по железной дороге из Новороссийска. Т. к. железнодорожный мост был взорван, поезда останавливались перед ним, и прежде чем пассажиры могли перейти мост по настилу, они проходили серьезный контроль. Много было из них с петроградскими и московскими документами; немало из них показывали офицерские документы. Это те, кто в ноябре и декабре минувшего года, проезжая через Дон, не желали поступить в Добровольческую армию. На них смотрели строго и с упреком и пропускали. Едущие из Черноморской губернии главным образом спасались от голода, который там был.

Иных контроль задерживал для детального выяснения об их пребывании в этой губернии, и выявлено было несколько активных большевиков и среди них комиссар здравоохранения «Красной Черноморской республики», по профессии фельдшер. Выяснилось, что он занимался не здравоохранением, а углублением пролетарской диктатуры.

9-я Офицерская рота, оставшаяся в Екатеринодаре, несла почетную службу при Ставке Командующего армией. Она выставляла парный офицерский пост у входа в Ставку, над которым развевался Национальный флаг; она в центре армии представляла Русского Офицера, вставшего на защиту Родины, как потребовалось, рядовым бойцом; дефилируя идеальным строем по городу, с пением патриотических песен, она приводила всех в восторг и наводила на мысль каждого о его долге. Находились офицеры, которые иначе смотрели на строй офицеров и небрежно отдавали им честь. Таких командир роты, полковник Булаткин, останавливал и делал им внушение. На строгий вопрос генерала:

— Полковник! Почему вы не подали команды, когда проходит генерал? — полковник Булаткин ответил:

— Ваше Превосходительство! Идет Офицерская рота, и я команду только своим прямым начальникам.

* * *

Обстановка на фронте требовала высылки туда частей из резерва армии. На пересечение пути красной Таманской армии выступили Марковский конный дивизион, затем — две роты 1-го батальона со взводом орудий 2-й батареи. 2-й взвод этой батареи вскоре был отправлен в район города Ставрополя, в отряд генерала Улагая⁵⁷. Вернувшись в Екатеринодар, взвод отдохнул лишь 4 дня и снова отправился туда же, но в отряд генерала Станкевича⁵⁸, в котором он оставался до начала января месяца. За все время боев взвод потерял убитыми 5 офицеров и в их числе своего командира, полковника Плазовского;⁵⁹ ранеными — 5 офицеров и 11 солдат, и убитыми и ранеными 12 лошадей.

12 сентября ушли на фронт 2-й и 3-й батальоны полка со всеми командами. Вернувшиеся в Екатеринодар две роты 1-го батальона застали лишь остальные две роты своего батальона, но и те со взводом 2-й батареи через день спешно выехали на ст. Торговая, в направлении которой с востока наступали красные. Роты остановили красных и выбили их из села Новый Егорлык с поддержкой Донского конного полка. На следующий день рота поручика Савельева⁶⁰, оставшаяся в селе, и донцы были выбиты из села внезапной атакой кавалерии красных. Рота отбивалась сначала повзводно, а затем собравшись, и благополучно отошла на ст. Торговая к другой своей роте и артвзводу. Красные больше не наступали, и в начале октября роты, смененные корниловцами, выехали на присоединение к полку под Армавир.

В Екатеринодаре оставались две роты 1-го батальона, которым пришлось участвовать на похоронах генерала Алексева.

Смерть генерала Алексева

На одной из улиц Екатеринодара, идущей из центра к главному вокзалу, близ Триумфальной арки, стоял старый кирпичный, нештукатуренный, одноэтажный дом, на высоком фундаменте и с небольшим палисадником перед ним. Всякому, проходящему мимо, бросался в глаза не вид его, а развевающийся над парадным крыльцом Национальный флаг и стоящие у входа с обнаженными шашками два ка-

зака, в форме полка Конвоя Императора Всероссийского. Невольно замедлялись шаги... В этом доме жил генерал Алексеев.

Основоположник Добровольческой армии; не Командующий ею, а, признанный всеми, ее духовный Вождь — Верховный Руководитель, генерал Алексеев нес с нею все тяготы и лишения. Легшие на него еще с конца 1917 года дела внешних сношений и финансов с развитием успехов Добровольческой армии расширялись и усложнялись. Сношения с Доном, объявившим себя самостоятельным государством; с Кубанью, стремившейся последовать примеру Дона; наконец — с Грузией; устройство жизни в губерниях Ставропольской и Черноморской, которое потом будет перенесено и на вновь освобождаемые губернии; необходимость теперь же создать ядро общероссийского единства при развивающейся многопартийности среди государственно-мыслящих людей — все это ложилось на него, давно уже страдающего тяжелой болезнью.

И вот 25 сентября, в день святого Сергия Радонежского, его не стало.

Слабо трепетал приспущенный над его домом Национальный флаг. Печально опустив головы, стояли у входа бородачи конвойцы. Ни один прохожий не прошел мимо, не отдав мысленно земного поклона...

Бывшие в городе две роты марковцев не могли отметить в этот день свой полковой праздник: они участвовали на панихиде по усопшем Вожде, а через два дня и на похоронах его.

Торжественны были похороны генерала Алексеева, Болярина Михаила. Венки, ордена, духовенство... на лафете орудия 1-й генерала Маркова батареи, прибывшего с фронта, гроб... семья покойного, генерал Деникин, которому теперь приходится нести все бремя власти. Шпалеры войск... две роты марковцев. Печально-торжественные звуки похоронных маршей и траурный звон колоколов нового Войскового собора. Масса народа и среди него сотни раненых и больных марковцев. Последнее отпевание в соборе и похороны в нижней его церкви, с правой стороны.

Немеркнувший свет лампад у могилы. Непрерывающийся поток молящихся... Каждый день к могиле подходят марковцы на костылях, с перевязанными руками, головами, едва могущие двигаться. Они стоят у могилы, и кажется им — стоят они у «Чаши страданий и крови» за Родину...

А отойдя от могилы и выйдя из собора, они вдруг возвращаются к жизни, к реальной действительности и говорят себе:

— Мы же, живые, будем продолжать борьбу, пока не достигнем цели.

Зарождение Белой идеи

Над входом в дом, где помещался Штаб Добровольческой армии, развевался Российский Национальный флаг. Ум, душа и воля армии находились сосредоточенными в этом доме, в лице ее Командующего, генерала Деникина, принявшего после смерти генерала Алексева звание Главнокомандующего. Здесь решались все задачи, связанные с освобождением Родины и направлением ее жизни «по новому руслу — к Свету и Правде».

Высокая, патриотическая Идея была ведущей силой.

Так с песнями, смерти навстречу,
Мы шли и в сраженьях мечтали о том,
Когда мы в свободной Москве созовем
Великое Русское Вече, —

декламировали добровольцы и весь пыл своей молодости и любви к Родине выражали в песне:

Вперед же, братья, на врага,
Вперед, полки лихие!
Господь за нас! Мы победим!
Да здравствует Россия!..

Успехи армии окрыляли надежды в конечное торжество Идеи. Они показали, что общее, сплоченное стремление к цели, даже при разнице личных убеждений, только и может привести к успехам. Стало непреложным законом, что «Добровольческая армия не может стать орудием какой-либо политической партии. Иначе — она не была бы Русской Государственной армией».

Примеры тому показали Вожди. Генерал Алексеев был монархистом. Генерала Корнилова считать монархистом было нельзя. Генерал Деникин заявлял о своем полном подчинении воле Учредительного собрания. Генерал Марков не скрывал своих монархических убеждений, но твердо считал, что выявить свои убеждения должно только после освобождения Родины. Генерал Кутепов, ярый монархист, поборол в себе свои чувства и влечения и заявил, что если воля Учредительного собрания остановится на иной, не монархической, форме правления, то он приложит руку к козырьку и скажет: «Слушаю».

Терпимость к личному убеждению каждого в армии становилась полной и крепила ее ряды в стремлении к общей Идее. Если даже трудно было иным согласиться с мыслью об Учредительном собрании в составе, каком оно подготовлялось в 1917 году; если в боях социалист, еврей, прап. Фишбейн⁶¹ и шел в атаку с криком: «Вперед за

Учредительное собрание» — как бы ведя и других за него, все же примерялись на представлении о высоком собрании выборных от народа, как бы оно ни называлось.

Добровольческая армия перемолола в себе до конца расовые и племенные расхождения. Особенно это касалось евреев. Установление революцией их полного равенства со всеми принято было без всяких ограничений. В рядах армии евреев было немало; некоторые в офицерском чине; прошедших 1-й Кубанский поход и показавших себя с отличной стороны. Были латыши, литовцы, поляки, горцы с Кавказа, туркмены... Это утверждало закон: «Россия — мать всех народов, ее населяющих».

Сами собой отпали всякие классовые, сословные и пр. деления, как отпало и представление о возникновении вновь классов, сословий... с их правами и привилегиями.

Так Идея армии выявляла и налагала свое влияние на разные стороны жизни и взаимоотношения русских людей.

К добровольцам и казакам большевики относились как к главнейшим своим врагам. Они называли их калединцами, кадетами, корниловцами, деникинцами... Но поняв, что называть их так — значит не вскрывать в своих врагах их сущности, стали величать их — «реакционерами» и «контрреволюционерами», словами, имеющими уже политический смысл. В название «реакционер» они вкладывали стремление к возвращению старых порядков, к водворению несправедливости, неравенству, господству одних над другими, меньшинства над большинством. Добровольцы это отвергали решительно, а реакционерами называли самих большевиков, потому что они, имея власть над всей страной, как раз и ввели все, что ими приписывалось добровольцам, у себя, объявив даже «диктатуру пролетариата».

Но «контрреволюционерами» добровольцы себя признавали, подразумевая в этом способы, методы и средства, какими проводилась революция в целом и пролетарская в частности и в особенности. Как ни избегали они говорить на политические темы, но эти два названия побуждали их.

Большевиками было пущено в обращение еще одно прозвище своих противников — «Белые», как отличие от них «Красные». Этому слову посчастливилось: оно широко распространилось не только среди красных, но было принято добровольцами: «Белая армия», «Белое дело», «Белая идея»... «Белый солдат» — белогвардеец. Но была разница в понимании слова «белый»: красные вкладывали в него смысл политический, как и в свое — «красный», а добровольцы — смысл белизны, чистоты своих устремлений и своей Идеи. Красные шли под

красным флагом пролетариата, побуждаемые идеями Маркса; белые же — под Русским Национальным, побуждаемые любовью к Родине и благом народа.

Так ведущая Идея Добровольческой армии стала Белой идеей и так постепенно она вскрывала свое содержание, охватывая им белых бойцов. Для них Белая идея стала Святой идеей; Белое дело — святым делом, которое не может выполняться «грязными руками» и нечистыми побуждениями.

* * *

За время долгой стоянки в Екатеринодаре много велось разговоров о моральном облике добровольцев: каким он должен быть и каким был. Некоторые, наряду с описанием походов и боев, записывали и об этом в своих карманных тетрадах. А десятки лет спустя, когда стала осуществляться мысль — написать книгу о походах марковцев, тогда из глубин памяти воскресли минувшие дни...

«Мы обнаружили в хлеву на дворике будки с большим количеством домашней птицы. Перед нашим приходом бежали почти все железнодорожники. Сторож этой будки тоже скрылся вместе с семьей, оставив все хозяйство на произвол судьбы. Бедная птица дня три сидела взаперти. Мы с Луньковым нашли на подоловке запас зерна, притащили воды, выпустили бедняг на дворик и очень радовались, видя, как оживает полумертвая от жажды и голода птица. Потом загнали их в хлев, набросав им вдоволь корму».

«Я с удивлением увидел этого всегда тихого, доброго Лунькова, когда мы пошли в атаку; с каким ожесточением он бросался в штыки, как он кричал вместо «ура» бежавшим черной массой от нас большевикам: «Стой, сволочь, стой!..» Он был смертельно ранен в голову выстрелом из окна, когда наша цепь уже миновала здание вокзала станции».

В одной из станиц взвод Технической роты был расположен в сарае с сеном и сельскохозяйственными машинами. Устраиваясь там, один из офицеров нашел сверток, в котором оказались деньги Романовскими билетами и керенками. Сверток с деньгами был отнесен командиру роты, полковнику Бонину⁶², который как раз в это время вручал хозяину деньги за кормление роты в течение дня, но за неимением нужной суммы — билетом в 5000 рублей достоинством. Хозяин говорил, что сдачи у него нет: откуда у него могут быть большие деньги; он беден, война разорила... Напрасны были все слова офицеров об их сомнении в его бедности. Тут ему был вручен его сверток

с деньгами. Его попросили пересчитать деньги... Хозяин был крайне смущен и просил извинить его за недоверие.

На поле боя под станицей Кореновской, в 1-м походе, в сумке одного убитого, видимо важного красного, было обнаружено 180 тысяч рублей Императорскими кредитными билетами пятисотрублевого достоинства. Командир взвода приказал отнести «трофей» генералу Алексеву, который заведовал казной Добровольческой армии. Генерал Алексеев сидел за столом и занимался делами, когда вошли 2 офицера и молча положили перед ним сумку с деньгами. Генерал смотрит на сумку и на офицеров.

— Что это такое? — спросил он.

— Военный трофей, Ваше Высокопревосходительство!

Генерал молча вынул четыре объемистые пачки билетов, внимательно пересчитал их и поднял на офицеров глаза, полные доброты и благодарности.

— Вы имеете еще что-либо сказать?

— Никак нет, Ваше Высокопревосходительство!

— Можете идти.

Отчетливо повернувшись, оба офицера вышли и явились с докладом к командиру взвода.

— Получили расписку?

— Никак нет, господин капитан.

Командир взвода, штабс-капитан Згривец⁶³ отошел, видимо озадаченный. Но немного спустя он отзывает в сторону офицеров, сдавших трофей, и говорит им:

— Ну, вы, слышь! Не вздумайте чего такого! Я все равно узнаю.

Эти слова нисколько не задели и не обидели офицеров, но они показали им честное и чистое выполнение долга перед армией их начальника, выдвинувшегося из рядовых солдат, и наблюдение им за должным выполнением долга своими подчиненными.

Во 2-м Кубанском походе, когда эшелон с марковцами стоял некоторое время на ст. Тихорецкая, они узнали, что из трофейных складов произведено было хищение имущества лицами, которым эти склады были поручены, и будто бы генерал Алексеев, узнав об этом, прослезился. Возмущение марковцев было безгранично: они готовы были отправиться туда, где сидели заключенные мародеры, и расправиться с ними. И только отбытие эшелона помешало им.

В Екатеринодаре уличен был в грабеже один из марковцев и расстрелян. Наказание это приветствовалось. Но уже там же стали говорить, что иные тяжелые проступки и преступления скрываются знающими о них, и тогда в среде марковцев стали, конечно без опо-

вещения, создаваться группы для выявления не только преступников, но и тех, кто их покрывает. Уличенным в преступлении предлагали застрелиться — и тогда никому не будет известно об его преступлении; в противном случае его дело ставилось в известность начальству — и тогда он предавался суду и его имя в списках будет иметь отметку: расстрелян по суду.

Трудна была борьба с живучим злом.

Но проявление зла в ничтожной доле могло ли набросить тень на Белую идею и Белое дело?

МАРКОВЦЫ-Артиллеристы во втором кубанском походе⁶⁴

С начала 1 июня батарея начала активно готовиться к новому походу, и на этот раз опять на Кубань, с целью ее освобождения. В бою под хутором Веселым казаки захватили испорченное трехдюймовое орудие образца 1902 года, и т. к. в нем не хватало запасных частей, то оно долго стояло возле станичного правления. Командир батареи получил разрешение его взять, и временно неисправные части были заменены из имеющихся в 3-й пехотной дивизии. В итоге в батарее стало три орудия.

Спешно перековывались лошади, красились орудия и чинилась амуниция. В военно-ремесленной школе подполковник Миончинский заказал особой конструкции передвижной наблюдательный пункт, т. к. в боях на ровной местности батарея была не в состоянии, без особых приспособлений для наблюдения, вести огонь. Естественно, что неожиданное появление вышки в степи почти немедленно вызвало по ней огонь противника, и она сразу же получила прозвище Халабуда и попала в батарейный «Журавель»:

Соберетесь-ка мы в гряду
И споем про халабуду.
Целу ноченьку не спали,
Халабуду сочиняли.
Миончинский влез на вышку,
Из-за леса видит вспышку.
Вдруг граната разорвалась —
Халабуда закачалась.
Поскорей халабуду разбирать.
Разбирали, составляли,
Составляли, разбирали.
Ох... Когда я буду
На дрова рубить то буду.

Общая обстановка была следующей: почти весь Дон был очищен восставшими донцами и ими управлял генерал Краснов, выбранный 3 мая в Атамань так называемым Кругом Спасения Дона. Ростов занят немцами, а в ст. Егорлыкскую прибыла 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского. Выйдя 7 марта из Дубоссар и идя впереди наступающих немцев, дроздовцы заняли Ростов, а затем помогли донцам занять Новочеркасск в самый тяжелый для них момент боя.

Вся сила нашей Армии определялась численностью 8—9 тысяч штыков и сабель, при 21 орудии и 3 бронеевтомобилях. Наша 1-я отдельная легкая батарея входила в 1-ю дивизию генерала Маркова: 1-й Офицерский пехотный полк, 1-й Кубанский стрелковый полк, 1-й конный полк и 1-я Инженерная рота. Офицерский полк имел три батальона.

Красная армия в это время доходила до 100 тысяч человек. Половину составляли части главковерха Сорокина, и стояла против немцев, фронтом от Азова, через Кушевку и до Сосыки. Крупные силы, до 30 тысяч человек, занимали по железным дорогам район Торговая—Тихорецкая, под общим начальством бывшего подполковника генштаба Калнина.

Генерал Деникин, считая время благоприятным, решил начать наступление на Екатеринодар. Первое, что намечалось, — это занять Торговую, дабы прервать железнодорожное сообщение Кавказа с Царицыном и, следовательно, со всей Советской Россией. Потом занять Тихорецкую, затем на севере Кушевку, а на юге Кавказскую и, оставив прикрытия, двинуться на Екатеринодар.

Для занятия станции Торговая приказано к ночи 11 июня сосредоточиться так: 1-й дивизии генерала Маркова, с рассветом 12-го, начать наступление на станцию Шаблиевка, занять ее и прервать сообщение Торговой с Великокняжеской; 3-й дивизии, от разъезда Трубецкого, наступать на Торговую с фронта, имея поддержку от 2-й дивизии с северо-запада. Генералу Эрдели, перерезав своей конницей железную дорогу к юго-западу от Торговой, наступать на нее с юга.

Во исполнение этого колонна генерала Маркова выступила из Егорлыкской в Сальские степи 10 июня в составе: 1-го Кубанского стрелкового полка, при 3 наших орудиях и Св. — Донского казачьего полка, при одном орудии. Движение шло в направлении «Казенного моста» через реку Маныч. Переночевав в зимовнике Королькова, к полудню 11-го, по страшной жаре, прошли разгромленный зимовник Супунова, где был водопой и купанье. Скоро разъезды обнаружили заставы противника. Генерал Марков выслал Донской полк в сторону «Казенного моста», оставил стрелков на месте, а сам с конной

сотней и батареей пошел к железной дороге, дабы произвести обстоятельную разведку для предстоящего назавтра боя.

Это движение было замечено противником, и на разъезде Маныч высадились эшелон пехоты, залегший густыми цепями вдоль полотна. Генерал Марков приказал батарее вернуться к стрелкам, а к вечеру здесь собрался весь отряд. С темнотой двинулись на ночевку к Супуну, и по пути колонна была обстреляна пулеметным огнем красной разведки. Командир Донского полка получил приказание ее ликвидировать.

На биваке генерал Марков объявил план завтрашнего боя и предупредил нашего Командира о неизбежности серьезных потерь назавтра, при наступлении по совершенно открытой степи, под огнем бронепоезда.

Бой под станцией Шаблиевка и смерть генерала Маркова

Еще не рассветало, утром 12-го, когда стрелки с батареей в боевом порядке выступили в направлении хутора генеральши Поповой, что расположен на возвышенности против станции Шаблиевка. С рассветом сразу же попали под сильный артиллерийский огонь нескольких бронепоездов. Батарея открыла по ним огонь, привлекая на себя весь огонь противника и тем давая возможность стрелкам подвигаться вперед, не неся больших потерь. В батарее же сразу выбыло семь раненых, среди них: подпоручик Черняев⁶⁵ и кадет Рево⁶⁶ — тяжело, легко: штабс-капитан Стадницкий-Колендо⁶⁷ и прапорщики: Плотников⁶⁸, Кокин⁶⁹, Прюц⁷⁰.

Хутор был взят стрелками и генералом Марковым, заскакавшим с небольшой конной группой в тыл красных. Противник отступил к станции. Батарея пришла на хутор и поставила два орудия в саду, спускающемся от хутора к станции, а 3-е орудие заняло позицию между сараями, на одном из которых был главный наблюдательный пункт. Боевой обоз укрылся за постройками.

Генерал Марков был на главном наблюдательном пункте, когда сюда пришел разъезд от 2-го офицерского конного полка 3-й дивизии. Получив сведения от разъезда, генерал его отправил обратно, приказав доложить, что атаку начнет в 16 часов.

Но атака началась раньше, и сигналом к ее началу послужило появление нескольких поездов со стороны Торговой. Штабс-капитан Шперлинг открыл по ним огонь, и паровоз 1-го состава был сразу же подбит, и этим заперт путь для остальных. Цепи стрелков быстро дви-

нулись к станции. Из вагонов всех поездов начали выпрыгивать толпы красных и бежать в селение за станцией.

Красный поезд от разъезда Маныч все время вел огонь по хутору, разрывом одной гранаты в телефонной двуколке батареи была разнесена на куски пристяжная лошадь, но ни корень, ни ездовой не пострадали. От меткого огня батареи бронепоезд отошел за разъезд.

Генерал Марков следил за цепями стрелков с чердака и, когда они уже подходили к мосту, стал спускаться к 3-му орудию. В этот момент граната, выпущенная на пределе, разорвалась между 3-м орудием и лестницей, по которой спускался наш Шеф. Одним из осколков был смертельно ранен генерал Марков. У него было выгвано левое плечо и разбит затылок.

Это событие тяжело отозвалось на всех, и были опасения, что стрелки даже могут утратить боеспособность, так импонировал им генерал и так сильно повлияло на них его ранение.

Этот выстрел бронепоезда был последним выстрелом боя и выстрелом судьбы, как выстрел судьбы, тоже последняя граната сразила генерала Корнилова под Екатеринодаром.

Станция была взята, и части ночевали на площади селения. На станции к батарее присоединились два наших офицера, из бывших в Новороссийской тюрьме.

Не стало незабвенного Шефа, но память о нем, как и написанные строки, останутся бессмертными:

«Легко быть смелым и честным, помня, что смерть лучше позорного существования в оплеванной и униженной России».

13-го гроб с телом генерала по железной дороге был отправлен в Торговую, а затем в Новочеркасск. Умирая, наш Шеф сказал: «Вы умирали за меня, теперь я умираю за вас...»

14 июня батарея имела дневку. Еще накануне на блиндированном поезде прибыл полковник Кутепов и вступил в командование дивизией, а к вечеру походным порядком подошли части 3-й дивизии.

В ночь на 15-е батарея с кубанскими стрелками выступила к реке Маныч, в направлении «Казенного моста». Местность болотистая, движение было возможно лишь по узкой гати. Бой продолжительный, противник защищался упорно, но все же был опрокинут, и наши части заняли Великокняжескую, в то время как 3-я дивизия еще вела бой между разъездом Маныч и Великокняжеской. Красные, отходя перед дроздовцами, обошли станицу, и обе дивизии остановились в ней. В долине Маныча остались действовать донские части.

Имея дневку в Великокняжеской 16-го, батарея поздним вечером прибыла в село Воронцовское, что при станции Торговая, и стала на но-

чевку. Здесь назначался сбор всех частей Армии. Стараниями Командира было сформировано и 4-е орудие. Батарея стала четырехорудийной: 1-е — штабс-капитан Шперлинг, 2-е — поручик Казанли,⁷¹ 3-е — капитан Харьковцев 1-й и 4-е — поручик Боголюбский⁷².

18-го батарея и кубанские стрелки, подчиненные генералу Эрдели, выступили и с боем заняли село Сандата и далее, в последующие дни: Ивановка, Красная Поляна, Куковское, Рассыпное и 22-го — Ново-Павловское.

23-го, совместно с другими дивизиями, произошел тяжелый и упорный бой за овладение огромным селом Белая Глина. Здесь понесли большие потери дроздовцы, убит командир полка полковник Жебрак.

Захвачено до 5 тысяч пленных, много местных жителей, насильно мобилизованных, батарея пополнилась солдатами, которые на протяжении всей Гражданской войны были лучшими солдатами.

Встревоженный успехами добровольцев, Сорокин усилил Тихорецкий участок переброской из-под Батайска и 18 июня повел наступление на Кагальницкую, где у нас был слабый заслон. Туда спешно стали направляться части и двинут 1-й Офицерский полк, двигавшийся из Новочеркасска к дивизии. После упорного боя 25-го, в котором полк понес большие потери, станица взята, а полк направлен к дивизии. Среди убитых — прапорщик Рудзит⁷³.

В этот же день батарея со стрелками спешно выступила на станцию Ея и станицу Ново-Покровскую, на поддержку частей генерала Эрдели. Здесь простояли до ночи 29-го. Все время, днем и ночью, противник вел огонь по станице, наш же дежурный взвод находился на ст. Ея. Бронепоезд красных имел дальнобойную морскую пушку Канэ и был вне досягаемости нашего огня.

В ночь на 30-е отряд полковника Туненберга: полк и батарея — выступили на ст. Кальниболотскую, которая была взята совместно с корниловцами, здесь же к дивизии присоединился 1-й Офицерский полк.

Еще 24 июня подполковник Миончинский возбудил ходатайство о даровании батарее имени генерала Маркова.

1 июля предстояла атака станции Тихорецкая. С рассветом со стрелками выступили на хутора Ново-Романовские. Это оказался целый ряд хуторов, занятых противником, и за каждый пришлось вести бой. К 15 часам отряд занял станицу Тихорецкую и, после короткого привала, пошел к станции, которая должна была быть атакованной всеми частями армии, в 17 часов.

Батарея стала на позицию за стрелками, залегшими в высокой пшенице. Подошедший 2-й офицерский конный полк, сзади стрел-

ков, стал развертываться в боевой порядок. Противник открыл по нему огонь, конники бросились вперед и, не ожидая, что в хлебе лежат цепи, смяли их и, понеся большие потери, отступили назад. Наши стрелки-кубанцы двинулись вперед, но в это время на них выскочили два красных броневика, первый был пушечный, и стали косить наши цепи, залегшие в пшенице.

Преследуя их, они вылетели неожиданно по дороге и очутились перед 4-м орудием поручика Боголюбского, которое в упор, с каких-нибудь 30 шагов, всадило в первый пушечный [броневик] гранату с замедлителем, взрыв которой внутри машины превратил в кровавую массу его личный состав, и начался внутри пожар.

Наступил психологический момент боя: второй броневик повернулся и улетел назад, наш броневик «Верный» и стрелки-кубанцы бросились вперед, а в жестокой рукопашной схватке все защитники окопов были переколоты. Через час поселок и станция Тихорецкая были заняты с огромными трофеями: 3 бронепоезда, много и орудия, и снарядов, и другого военного имущества, как и продовольствия.

Батарея с кубанскими стрелками встала по квартирам, а к полудню 2-го числа к ней прибыли обозы 1-го и 2-го разряда. Среди трофеев оказалось и обмундирование, и материя, так необходимые для всех.

Формирование второй батареи

Во время стоянки в Тихорецкой подполковник Миончинский неотомимо хлопотал о получении орудий из числа захваченных, для формирования при дивизии еще одной батареи, тем более что в батарее уже была создана команда пополнения из вновь прибывающих офицеров.

Вместе с разрешением было получено 3 не вполне исправных орудия образца 1900 года, и 3 июля согласно приказу было приступлено к формированию 2-й батареи, с назначением командиром ее старшего офицера 1-й Отдельной батареи, подполковника Михайлова Алексея Алексеевича⁷⁴, бывшей 48-й артиллерийской бригады. В нее назначались: старшим офицером полковник Плазовский и капитан Трейман, поручик Стариков⁷⁵, подпоручики Пок⁷⁶ и Михеев⁷⁷, прапорщики: Казакевич и Зазулинский, 2 бомбардира-наводчика и 6 канониров.

В течение 10 дней, 4—14 числа, батарея устранила все неисправности в материальной части, получила конский состав, зарядные ящики, конскую амуницию, обозные повозки, пополнение людьми.

К 15 июля 2-я батарея имела: 2 орудия и 2 зарядных ящика запряженными, а 3-е конное орудие (подпоручик Пок) было установлено на железнодорожную платформу для борьбы на железных дорогах...

Теперь армии надлежало расширить свой фронт для подготовки движения на Екатеринодар. Для этого надо было ликвидировать армию Сорокина, соединиться с донцами, заняв станцию Куцевка, и на юго-востоке занять станцию Кавказская, разбив красные силы, оперирующие в этих районах.

Для исполнения этого: 1-я дивизия полковника Кутепова двинута на Сосыку-Куцевку; 2-я — генерала Боровского, — на Кавказскую, 3-я — полковника Дроздовского, оставлена в Тихорецкой; 1-я конная дивизия генерала Эрдели — на Уманскую-Строминскую и дивизия генерала Покровского — на Куцевку с востока от Егорлыкской станицы.

3 июля 1-я батарея с конной сотней совершила переход из Тихорецкой в Ново-Леушковскую, под сильнейшим ливнем и по морю воды, а 4-го выступила вечером с 1-м Офицерским полком вдоль железной дороги для атаки станции Сосыка.

С рассветом 5-го кубанские стрелки с 1-м взводом повели наступление на станцию Сосыкайская и станицу Хуторская, а 2-й взвод с 1-м Офицерским полком на станцию Сосыка-Владикавказская. После боя, и упорного, оба пункта к полудню были заняты. Вся дивизия сосредоточилась в станице Павловской и все время оставалась под обстрелом красных бронепоездов.

6-го началось наступление на станицу Крыловскую, на которую дивизия шла центром, [ориентируясь] правым флангом на ст. Екатериновскую, а левым — на ст. Михайловскую. На станицу Екатериновскую наступал 3-й батальон Офицерского полка с орудием штабс-капитана Шперлинга, где встретил сильное сопротивление. Когда была занята ст. Крыловская, полковник Кутепов, оставив в ней батальон, двинулся к Екатерининской, но по дороге столкнулся с густыми цепями красных. Бой затянулся до поздней ночи, когда противник отступил.

Штабс-капитан Шперлинг неоднократно выезжал в пехотные цепи, помогая пехоте отбиваться. Наступил такой момент, когда, теснимая красными, пехота отошла за орудие. В поданном передке были убиты 5 лошадей и ранено двое ездовых, а в орудии заклинилась граната и осталось лишь два не раненых номера. Едва раненых успели забрать на повозки, поданные по инициативе младшего фейерверкера Колосова, как цепь противника залегла на линии орудия.

Полковник Булаткин повел свою 9-ю офицерскую роту в атаку и отбросил большевиков. В орудии ранены прапорщики: Березовский⁷⁸,

Ларионов⁷⁹, Рейер⁸⁰, Хартулари⁸¹, Канишев⁸², Мартыненко⁸³, Улановский⁸⁴ и Баянов⁸⁵. Критическое положение было спасено.

Ночью на 8 июля 1-й Кубанский стрелковый полк со 2-м взводом выступили из Крыловской на Кисляковскую, а из Екатериновской 1-й Офицерский полк с 1-м взводом. Двигаясь вдоль полотна железной дороги и пройдя разъезд Садала, 2-й взвод вступил в бой с бронепоездом, прямыми попаданиями заставил его отойти к станции Кисляковская. В 3-м орудии заклинилась граната, но с 4-м орудием из бронепоезда стреляла шестидюймовая гаубица. Бронепоезд стрелял из посадок станции, как вдруг на нем произошёл взрыв снарядов и пожар. 4-е орудие или гаубица вывели его из строя, осталось неизвестным. Станция была занята, и, простояв на ней до вечера, батарея перешла в станцию Кисляковскую, где имела дневку 9-го.

На 10-е предвиделся жестокий бой за ст. Кушевка. Все части выступили до рассвета, но боя не было, т. к. Сорокин отошел со всей своей армией на Тимашевскую. На станции мы встретились с частями донцов.

На разъезде Конелов был разобран путь и взорван мост, по ту сторону которого были немцы. В Кушевке подполковник Миончинский получил назначение командиром 1-го Отдельного легкого артиллерийского дивизиона, а 1-ю батарею принял подполковник Машин Петр Николаевич⁸⁶.

12-го 1-я батарея погрузилась в вагоны и через ст. Тихорецкая, прибыла 13-го на ст. Станичная, где и выгрузилась для наступления на город Екатеринодар, куда продвигались дроздовцы.

Но вследствие осложнившейся обстановки под городом Ставрополем, который занял полковник Шкуро, на помощь ему был двинут с кубанскими стрелками по железной дороге 2-й взвод капитана Харькова.

Снова заняв вагоны, 1-й взвод и 5-е орудие штабс-капитана Стадницкого-Колендо были присоединены к эшелону 1-го Офицерского полка и утром 14-го прибыли на станцию Пластуновка, в момент, когда дроздовцы наступали на станцию Пластуновскую. Взвод разгрузился, а 5-е орудие осталось на платформе.

После полудня взвод с 1-м Офицерским полком и броневым автомобилем выступил со станции для занятия переправы через реку Качаги и для связи со 2-м конным офицерским полком, наступавшим на ст. Васюринскую. После нетрудного боя переправа занята, и от нее взвод с батальоном 1-го Офицерского полка свернул влево от полотна и занял Покровский женский монастырь, занятый красной конницей. Ночевали в поле около монастыря.

Прорыв красных в наш тыл и бои у Кореновки

15 июля отряд занял станицу Динскую, где сменил 2-й Офицерский полк, отправляющийся к Тимашевской, а два батальона 1-го Офицерского полка с 11-м орудием были спешно погружены в вагоны и направлены на станцию Станичная.

Оказывается, армия Сорокина, отступавшая вдоль Черноморской железной дороги, вдруг круто повернула и заняла Кореновку и Станичную, отрезав 1-ю и 3-ю пехотные дивизии от остальных, чем создали грозное положение. Здесь начались упорные бои и продолжались с переменным успехом с 16—25 июля малочисленных дивизий: 1-й — генерала Казановича и 3-й — полковника Дроздовского — против сильно превышавшего численностью противника.

16-го батальон 1-го Офицерского полка с 1-м орудием штабс-капитана Шперлинга, выгрузившись в темноте на станции Платнировская, повели наступление на Станичную, но их атаки отбивались контратаками красных, и, неся большие потери, отряд остановился, ожидая поддержки.

В 8 часов дроздовцы повели упорное наступление, но красные, превосходя численно, дрались упорно, и бой затянулся на весь день. Вечером части 1-й и 3-й дивизий отошли к Платнировской.

17-го упорный бой начался с утра. При первом орудии пулей убит телефонист подпоручик Вишницкий Владимир. Перед вечером обнаружилось наступление на ст. Станичная со стороны Тихорецкой. То наступал подвезенный из Ставрополя Кубанский стрелковый полк с нашим 2-м взводом и 3 орудия 2-й батареи, еще не закончившей свое формирование в Тихорецкой.

1-й Офицерский полк перешел в наступление, и станция Станичная была взята.

18-го три орудия 1-й батареи с кубанскими стрелками выступили на хутор Журавский, а два орудия той же батареи со 2-м батальоном 1-го Офицерского полка по железной дороге переброшены на ст. Бейсуг и, выгрузившись, ночевали в станице Новодонецкой. Этот отряд был полковника Тимановского. Ожесточение с двух сторон было ужасное, ибо красные, заняв наш тыл, произвели жестокость.

Оставленные в станице Динской орудие поручика Казанли и 5-е, с 3-м батальоном полка, под командой полковника Дорошевича, вели весь день упорный бой с наступающими от Екатеринодара красными, а ночью отошли в станицу Пластуновскую.

Утром 19-го отряд полковника Тимановского выступил из Новодонецкой и занял позицию под Выселками, по правому берегу реки

Журавки, причем под огнем, и тяжело был ранен начальник 3-го орудия штабс-капитан Харьковцев 2-й.

Отряд полковника Дорошевича переночевал в Платнировской. Здесь 5-е орудие было сгружено с платформы и запряжено лошадьми случайными. Погруженные снова, пошли к станции Станичная, где дроздовцы вели бой. Эшелон не смог дойти до ст. Выселки, т. к. путь был перерезан, а потому весь отряд сгрузился в поле, перед разездом Козырьки, а потом через хутор Малеванный прошел в Выселки и соединился со своими частями.

С 20-го по 25-е обе батареи стояли на позициях под Выселками, находясь при разных частях и все время отбивая атаки. За эти дни убиты в 1-й батарее — начальник 2-го орудия поручик Казанли, прапорщики: Квецинский⁸⁷ и Клементьев⁸⁸, а во 2-й ранен капитан Лепилин⁸⁹. 5-е орудие 1-й батареи переведено во 2-ю батарею, а штабс-капитан Стадницкий-Колендо принял 3-й орудие 1-й, а 2-е — подпоручик Давыдов⁹⁰.

Сорокин, стремясь в эти дни нанести полное поражение частям нашим, потерпел, в конце концов, сам поражение и стал отходить на город Екатеринодар, преследуемый добровольцами.

Наступая от Кавказской, Кореновской и Тимашевской, наши двигались к городу.

2 августа, впереди разъезда Лорис, позицию батареи и затем наблюдательный ее пункт, все находящееся под сильным ружейным огнем, посетил Командующий Добровольческой армией генерал Деникин с генералами Романовским и Казановичем, приняв доклады полковников Туненберга и Миончинского. Командующий благодарил батарею за ее работу, а 3 августа, ранним утром, стрелки и батарея, с оркестром музыки, вступали в город. Здесь все получили отдых, столь заслуженный.

7 августа, на утренней поверке, был прочитан приказ по армии, который не сохранился, о даровании 1-й батарее имени генерала Маркова — т. е. 1-я генерала Маркова батарея.

6 августа 1-й конный Офицерский полк с 4-м орудием генерала Маркова батареи, под командой полковника Колосовского, выступили из Екатеринодара для преследования красных, отходящих на Новороссийск.

12 августа, когда был готов деревянный мост через Кубань, кубанские стрелки и три орудия генерала Маркова батареи двинулись в Новороссийск, выделив сначала команду для обслуживания захваченного красного бронепоезда и названного «Офицер», командиром которого стал капитан Харьковцев 1-й.

13-го эшелон кубанцев с тремя орудиями генерала Маркова батареи и без боя прибыл в город Новороссийск, где сгрузился, став по квартирам.

17-го в Екатеринодаре было приступлено к формированию 3-й батареи дивизиона, названной гвардейской и командиром которой назначался капитан Лепилин. Кроме того, при 2-й батарее формировалось конное орудие полковника Айвазова²¹, для его работы с 1-м конным Офицерским полком. Формирование затянулось, благодаря нашей бедности во всем, получено было только: одно орудие образца 1900 года, без щита, угломера, прицела и передка; одного ящика с передком и без лошадей, за исключением одной собственной офицера, переведенного в конное орудие. Первые офицеры: поручики Пашковский, Занкевич, Мицкевич, подпоручики Елианович и прапорщики: Маевский и Максимов.

18 августа 1-й кон. Офицерский полк с 1-м орудием заняли Кабардинку, а 19-го — кубанские стрелки со 2-м орудием были перевезены морем на соединение к отряду, в Геленджик. 23-го весь отряд пошел по дороге морской, вдоль берега, за красными на Туапсе и его занял 31-го, куда также вошли и грузины. Затем, вытеснив грузин, отряд перешел в Лазаревку, на грузинской границе, где 1-й взвод и простоял до 20 ноября.

3-е орудие генерала Маркова батареи, под командой старшего офицера штабс-капитана Князева²², 16-го отправлено в ст. Усть-Лабинскую.

24-го вернулось в Екатеринодар и 12 сентября с 1-м орудием 3-й батареи было отправлено под Армавир, а 4-е орудие генерала Маркова с батальоном кубанских стрелков простояло в Новороссийске до 28 сентября и после пошло под Армавир.

За это время все действия направлялись на ликвидацию Армавирской группы красных, которая не была пассивной и вела бои с дивизиями полковника Дроздовского и генерала Боровского. В командование 1-й конной дивизией вступил генерал Врангель, заменивший генерала Эрдели.

Дроздовцы 6 сентября взяли Армавир, а генерал Боровский Невинномысскую. Красные перешли снова в наступление, опять заняв Армавир и Невинку. Одновременно разгорелись и бои у города Ставрополя, куда были брошены корниловцы, ликвидировав угрозу большевиков отрезать сообщение с Доном занятием станции Торговая.

25 сентября в Екатеринодаре скончался генерал М.В. Алексеев, что явилось для армии тяжелой потерей.

Приказ по армии гласил так:

«Сегодня окончил свою — полную подвига, самоотвержения и страдания жизнь генерал Михаил Васильевич Алексеев.

Семейные радости, душевный покой, все стороны личной жизни он принес в жертву служения Отчизне.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый труд и боевая деятельность офицера генерального штаба, огромная по нравственной ответственности работа фактического руководителя всеми вооруженными силами русского государства в Отечественную войну — вот его крестный путь. Путь, озаренный кристаллической честностью и горячей любовью к Родине — и великой, и растоптанной.

Когда не стало армии и гибла Русь, он первый поднял голос, кликнул клич русскому офицерству и русским людям.

Он отдал последние силы свои созданной его руками Добровольческой армии. Перенеся и травлю, и непонимание, и тяжелые невзгоды страшного похода, сломившего его физические силы, он с верою в сердце и с любовью к своему детищу шел с ним по тернистому пути к заветной цели спасения Родины.

Бог не судил ему увидеть рассвет. Но он близок. И решимость Добровольческой армии продолжать его подвиг до конца — пусть будет дорогим венком на свежую могилу собирателя Русской Земли. *Генерал Деникин»*.

3-е орудие генерала Маркова батареи на лафете везло прах генерала в собор, а конное полковника Айвазова было в наряде для отдачи почестей.

Н. Прюц⁹³

ШАБЛИЕВКА⁹⁴

В июне месяце 1918 года Добровольческая армия, расположенная в донских станицах Егорлыкской, Мечетинской, Кагальницкой, выступила во 2-й Кубанский поход.

Первая пехотная бригада, под командой генерала генерального штаба Сергея Леонидовича Маркова, состояла из 1-го Офицерского (Марковского) полка и Кубанского стрелкового полка. К началу выступления 1-й Офицерский полк находился в Новочеркасске и в первых боях Второго похода участия не принимал.

С 1-й бригадой всегда работала 1-я Отдельная батарея, так переименованная из Константиновско-Михайловской батареи, под командой подполковника Миончинского.

Впоследствии эта батарея была названа батареей имени генерала Маркова. А из этой батареи развернулась потом и вся Марковская артиллерийская бригада. Только 7-я и 8-я гаубичные батареи Марковской артиллерийской бригады не были укомплектованы офицерами Шефской батареи.

Во Второй поход выступили 12 июня на рассвете в направлении на станцию Шаблиевка. Шли долго по совершенно пустынной степи. Лишь где-то вдали виднелись строения, вероятно, это были зимовники. Был очень жаркий день. Проходя стороной небольшого оврага, услышали слабое бляение. Оказался брошенный ягненок, с раной на бедре, полной ползучих червей. Кто-то из сострадания ягненок застрелил. Вышли на большой ползаросший пруд в степи. Здесь батарея сделала привал. Продуктов питания никаких не выдавали. Было общее купание артиллеристов.

Наконец подошли к месту, предназначенному как исходный пункт для первой пехотной бригады согласно общему плану наступления.

Здесь, недалеко от станции Шаблиевка, Кубанский стрелковый полк под командой полковника Туненберга развернулся и пошел в наступление на станцию, занятую противником.

1-я Отдельная батарея встала на позицию.

Противник вскоре пристрелялся и покрыл батарею действительным артиллерийским огнем.

Прапорщик Николай Прюц стоял у орудия и при разрыве неприятельской гранаты был ранен в лицо. Осколок гранаты попал ему в левую щеку. Он упал. Прапорщик Иван Лисенко⁹⁵ подбежал и помог ему подняться. Его повели куда-то в сторону. Появилась чудесная сестра милосердия батареи Домна Ивановна Сулацкая⁹⁶, которая тут же его перевязала. Еще несколько гранат разорвалось впереди и по бокам. Домна Ивановна, не обращая внимания на обстрел, твердой рукой повела прапорщика Николая Прюца в тыл.

За небольшим бугорком была какаля-то часть. Оказалось, инженерная рота с повозками. Домна Ивановна передала раненого сестре милосердия этой роты. Его положили на повозку, и он впал в забытье. Ночью сестра разбудила раненого и накормила его курятиной. Он опять впал в забытье и очнулся лишь на перевязочном пункте на станции Торговая. Кто-то очень осторожно снял повязку с головы, и сквозь набухшие веки правого глаза он увидал лицо доктора. Левая сторона лица сильно болела. Доктор ничего не ответил на вопрос о состоянии раны.

Лазарет на станции Торговая помещался в каком-то длинном, довольно широком, высоком помещении. Посередине был проход, по обе стороны тянулись сплошные нары.

Раненых было много. Прапорщик лежал на нарах приблизительно в середине.

Появился прапорщик той же батареи, раненный в палец. Его фамилия не осталась в памяти у прапорщика П. Впоследствии последний узнал, что это был однокашник по кадетскому корпусу другого прапорщика батареи, по фамилии Макаревич, которого приятели называли Макар.

Прапорщик, раненный в палец, заявил через некоторое время, что ему стыдно с такой легкой раной быть в лазарете. Он ушел обратно в батарею и в том же году был убит в одном бою.

На другой стороне, как раз напротив прапорщика, лежал тяжело раненный в голову. Он был почему-то совершенно голый, изредка подымался на локтях и все время пытался одеться. У него не было ни сапог, ни брюк, в общем, ничего. Но он делал все движения, необходимые при одевании. Таким образом он надевал брюки, которых у него не было, натягивал сапоги, которых у него тоже не было.

Говорили, что он был ординарцем у командира 1-й Пехотной бригады, генерала С.Л. Маркова, убитого накануне в бою под Шаблиевкой.

В тот же день раненых на длинной веренице подвод отправили по степи к реке, вероятно к Маньчу.

Здесь в станице у реки казаки разносили воду раненым. Прапорщик шутя спросил одну молоденькую казачку: «Вышла ли бы она замуж за полуслепого?»

Она прямо, чистосердечно сказала: «Нет!»

Раненых погрузили на пароход.

Вероятно, раненый прапорщик Николай Прюц опять впал в забытье, так как момент самой погрузки на пароход у него не запомнился.

Очнулся он уже на пароходе, когда последний пришел в Ростов.

Николаевская больница в Ростове-на-Дону

Раненных 12 июня 1918 года в боях под Шаблиевкой и Торговой перевезли на подводах по степи, а потом на пароходе по Маньчу и Дону до Ростова. В городе их отвезли на трамваях в Николаевскую больницу.

Прапорщика 1-й Отдельной батареи Николая Прюца, как раненого осколком гранаты в лицо с повреждением глаза, направили в глазное отделение больницы.

Здесь его положили в ванну, и фельдшер осторожно, мягко обмыл раненого. Глаза у него сильно болели, и ему дали инъекцию. Поместили его в небольшую палату на троих.

На следующее утро профессор Орлов осмотрел прапорщика. Оказалось, что осколок гранаты повредил только левый глаз. Прапорщик ослеп на этот глаз.

Начались однообразные лазаретные дни. По утрам появлялись сиделки, быстро убиравшие палаты. Они же приносили раненым завтрак, обед, ужин.

После утреннего завтрака происходили осмотр и перевязка раненых.

В первом этаже здания были отдельные клинические помещения. В разные дни в этих помещениях профессор занимался со студентами Ростовского университета. Раненых сводили со второго этажа, где находились больничные палаты, в помещения нижнего этажа.

Прапорщика сажали за какой-то столик, а студенты по очереди подходили к раненому, садились по ту сторону стола, напротив раненого, и изучали ранения лица и глаза, пользуясь какой-то трубкой, стоявшей посередине стола.

Вместе с прапорщиком лежали раненые казаки. Один молодой кубанский офицер, в прошлом учитель, совершенно ослепший, рассказывал много интересного о Кубани. К нему приходила молодая девушка, и они говорили о будущей совместной счастливой жизни!

Когда было настроение, раненые пели.

Здесь прапорщик впервые услышал кубанский гимн «Ты Кубань, ты наша Родина». Мелодичное исполнение этого гимна производило сильное впечатление, а в исполнении слепого офицера оно хватало за душу.

При хорошей погоде раненые шли гулять в сад при больнице.

Однажды прапорщик, сидя на скамейке в саду с несколькими незнакомыми ранеными, услышал разговор о 1-й Отдельной батарее. Одним из раненых оказался поручик Казанли, поступивший в батарею уже после того, как прапорщик Николай П. был ранен.

Начались расспросы!

Выздоровев, этот поручик К. потом вернулся в батарею и вскоре был убит в бою.

В больницу пришла навестить прапорщика одна сестра милосердия, донская казачка, с которой он познакомился при исключительных обстоятельствах при оставлении Ростова в феврале 1918 года и которая приняла тогда в нем участие.

Навестили прапорщика его хорошие знакомые еще по Петрограду — прапорщик Сергей Сергиевский⁹⁷, офицер 1-й Отдельной батареи, и его старший брат Александр С., тоже офицер-артиллерист.

Они принесли ему весточку от родной сестры прапорщика Николая П. Она жила в это время в Новочеркасске и по болезни не могла приехать в Ростов, чтобы посетить его.

В клинике случился с прапорщиком милый эпизод.

Жившая при больнице старшая сестра милосердия клиники имела 14—15-летнюю дочь, довольно капризную. Сидя вместе с девочкой однажды на скамейке перед казенной квартирой ее матери, они рассматривали старое издание журнала «Нива». Прапорщик разговаривал с этой девочкой как с подростком. Считая себя, вероятно, уже взрослой, ей такое обращение, как видно, не понравилось. Недолго думая она подняла тяжелое, переплетенное годичное издание журнала и с силой бросила этот журнал в прапорщика и убежала.

От неожиданности он почти упал со скамейки. Больше он эту девочку не видел. На следующее утро на столике у постели прапорщика появилась красная роза.

Старшая сестра милосердия в одно из посещений палаты сказала прапорщику, что пришла дама, которая ищет своего сына, тоже служившего в 1-й Отдельной батарее. Не имея подтвержденных сведений, прапорщик не имел возможности сказать этой даме что-либо о судьбе ее сына.

Раненый прапорщик Николай П. пользовался в больнице отличным уходом, и скоро его рана зажила и ему было уже разрешено выходить для прогулок в город, чем он однажды и воспользовался.

Впечатление от этой первой своей прогулки он вынес самое неприятное. Выйдя на улицу и идя по Садовой, он увидел, что резко выделяется в толпе прохожих.

Не получая никакого обмундирования и не имея достаточно денег, чтобы купить что-либо, из-за дороговизны, и не имея даже приличной гимнастерки, он в летнюю жару шел в зимней солдатской папахе и в поношенной, простреленной старой юнкерской шинели. Выделяли его также его высокий рост и обвязанная голова.

Здесь и там мелькали фигуры так же нищенски одетых добровольцев Белой армии.

Зашел в одну большую кондитерскую-кофейную. В ней не было ни одного военного. Кофейня была полна хорошо одетыми штатскими восточного типа. Они то и дело ходили от стола к столу, шептались, уходили, приходили. Создалось впечатление какой-то спекулятивной биржи.

Своим видом прапорщик обратил на себя внимание присутствующих. Смущенно он сел за столик и попросил кофе с пирожным. Это было почти все, что позволили ему его средства.

Все, что ему потом удалось приобрести, была простая солдатская фуражка, которую он потом носил половину восемнадцатого и целый девятнадцатый год. И это было все, что он приобрел за первые полтора года службы в строю своей батареи.

Одна молодая докторша — специалистка по глазам — заинтересовалась его ранением и посещала в больнице. Вероятно, писала какую-то научную работу. Она была москвичкой и шутя приглашала посетить ее в будущем в Москве.

Рана прапорщика зажила, но веко под глазом осталось развороченным. Профессор Орлов выписал его из больницы, как выздоровевшего от ранения, с условием вернуться через месяц обратно в Николаевскую больницу для пластической операции.

Прапорщик перебрался в Новочеркасск. Здесь он заболел тифом. Свои воспоминания об этом он изложил в очерке «Тиф».

Поправившись от тифа, прапорщик вернулся в Ростов, чтобы ему, согласно обещанию профессора Орлова, была сделана операция.

Через несколько дней по его приезду в Николаевскую больницу профессор сделал операцию.

При операции у прапорщика, лежавшего на операционном столе, несколько задрожали ноги. Сестра милосердия, помогавшая профессору, заметила это и укоризненно, мягко сказала:

— Молодой человек, вы же офицер!

Двадцатилетний прапорщик немедленно превратился в камень.

Когда швы по операции зажили, он выписался из больницы и отправился на фронт, захав по дороге попрощаться с сестрой.

Тиф

В «старое, доброе время» на всякой войне самым ужасным бичом был тиф. Тифы брюшной, сыпной, возвратный. Не избежал тифа и прапорщик Николай Прюю.

Излечившись в Ростове от ранения, он переехал к родной замужней сестре в Новочеркасск, надеясь здесь некоторое время отдохнуть.

У сестры было двое маленьких детишек. Дабы помочь сестре, когда она была на службе, прапорщик заботился о детях и проводил с ними свое время.

Но недолго длилась эта идиллия. Вскоре после приезда прапорщик заболел, поднялась температура, и он принужден был отправиться в местный лазарет, где его приняли на излечение. Лазарет этот нахо-

дился, кажется, в помещении бывшей женской гимназии, как раз напротив Собора.

На следующее утро по принятии больного в лазарет врач основательно освидетельствовал больного, нашел на его животе какие-то «ро-зочки» и установил заболевание — брюшной тиф.

— Надо его отправить в больницу для тифозных, — приказал врач.

— Нет, доктор! — вдруг возразила старшая сестра лазарета, пожилая донская казачка. — Мы его приняли, и надо его ставить. В лазарете для тифозных он умрет. Кроме того, он раненый!

Очевидно, больной прапорщик напоминал ей кого-то.

Доктор нехотя согласился.

Прапорщика оставили лежать в этом лазарете. Он оказался единственным тифозным больным в лазарете для раненых. Старшая сестра милосердия приняла на себя тяжелую ответственность, приняв тифозного.

Его положили в палату на четверых.

Давали больному только простоквашу, но организм ничего не принимал.

Одним из раненых, находящихся в этой палате, был пожилой ротмистр 8-го гусарского Лубенского полка. Несмотря на мучительность своего ранения в пах, он не терял бодрости, шутил и рассказывал интересные эпизоды из своей жизни. Просыпаясь утром, он всегда вежливо здоровался со всеми, говорил: «Доброе утро, господа офицеры и господин прапорщик». А так как Николай Прюц был единственным прапорщиком в комнате, то эта шутка относилась к нему.

Несмотря на то что прапорщик был тифозным больным, все же никакие претензии со стороны раненых на нахождение в их среде больного никогда не поднимались. Только ротмистр иногда слегка демонстративно двумя пальцами брал газету после прочтения ее больным. Правда, делал это ротмистр в очень любезной, не обидной, шутовой форме.

Болезнь прапорщика все ухудшалась. В течение двух недель он почти ничего не ел. Впоследствии он узнал, что его уже начинали считать умирающим.

Прапорщик видел все происходившие вокруг явления в медленном темпе, как в замедленном фильме; например: в-о-т с-е-с-т-р-а и-д-е-т к о-к-н-у!

Но предки завещали ему здоровое сердце, и оно билось, билось, билось... не останавливаясь!

Прапорщик слышал иногда звуки военного оркестра с площади перед лазаретом, где находился кафедральный Собор. Возможно, это

была церемония развода караула молодой Донской Армии во время атаманства на Дону генерала П.Н. Краснова.

Отношение персонала к раненым было очень хорошее. Старшая сестра милосердия иногда заходила в палату и вечером. Расспрашивала раненых об их жизни и сама рассказывала о себе.

Прапорщика изредка посещали сослуживцы родной сестры, так как сестра сама в это время была больна и не могла прийти.

Вылечившись, прапорщик сердечно распрощался со всеми и искренно поблагодарил старшую сестру лазарета за прямо материнское отношение к нему и за то, что она приняла на себя ответственность, взяв его, тифозного, в лазарет для раненых. Сестра ответила, что ее тронула беспомощность больного, его безропотность и полное отсутствие каких-либо претензий.

Более или менее выздоровев от тифа, он был вызван в медицинскую комиссию на предмет определения его физического состояния и пригодности к дальнейшей военной службе.

Комиссия заседала в здании лазарета.

Прапорщика удивило, что присутствовал также, не входя в состав комиссии, и бывший командир Константиновско-Михайловской батареи Добровольческой армии капитан Шаколи (правильно — Шоколи. — С. В.) Николай Александрович⁹⁸. Еще до прямого вызова на освидетельствование в комнату комиссии капитан Шаколи спросил прапорщика Николая Прюца, умеет ли он писать на пишущей машинке.

Оказалось, что милый капитан Шаколи все время продолжал заботиться о своих бывших петроградских юнкерах-артиллеристах. Он устроил на гражданскую службу несколько своих юнкеров, раненных в бою под Кизитеринкой и ставших инвалидами.

Сколько помнится, это были: небольшого роста юнкер по фамилии Владимиров с выбитым пулей глазом; затем юнкер Димитриенко с разбитой ногой и несколько других юнкеров, фамилии которых сейчас не припоминаются.

Очевидно, капитан Шаколи хотел позаботиться и о судьбе прапорщика.

Медицинская комиссия признала прапорщика Николая Прюца, из-за слепоты на левый глаз, негодным к несению дальнейшей военной службы.

Получив документ о непригодности к военной службе, он опять переехал в Ростов, в Николаевскую больницу, чтобы, после пластической операции, которую обещал сделать ему профессор Орлов, отправиться на фронт для продолжения несения строевой службы в 1-й Отдельной батарее.

ДРОЗДОВЦЫ ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹⁰⁰

После взятия Торговой и Шаблиевки наступление продолжалось. Большевики отходили в двух направлениях: в сторону Песчанокопской и в сторону станицы Великокняжеской.

Чтобы обеспечить свой тыл при наступлении на юг и оказать помощь донцам, оперирующим в Сальском округе, в сторону Песчанокопской оставляется заслон, а Добровольческая армия наносит удар на станицу Великокняжескую обходом с тыла через Казенный мост на Маныче и наступлением вдоль железной дороги. Отступающие вдоль железной дороги большевики оказывали упорное сопротивление 2-му Офицерскому стрелковому полку, пока им не стало известно, что Великокняжеская взята с тыла, лихой атакой в конном строю 3-м эскадром и 4-й сотней 2-го Офицерского полка, 13 июня. На станции Великокняжеской лихие конники захватили 3 поездных состава и много снаряжения и другой добычи. Во время атаки пал смертельно раненный доблестный командир сотни гвардии подьбесаул Фролов и были большие потери в рядах атакующих.

К вечеру 15 июня в районе Великокняжеской собрались части 1-й и 3-й дивизий. Для дальнейших действий в районе Маныча оставались донцы, а добровольческим частям приказано было сосредоточиться в районе станицы Торговая.

Отдохнув в станице Великокняжеской, 2-й Офицерский конный полк 17 июня перешел в село Воронцовка, куда прибыл, бывший в Сальском округе, отряд полковника Кулешева, в составе которого были два эскадрона полка с двумя конно-пулеметными взводами.

Отряд полковника Кулешева совершил тяжелый поход в несколько переходов через малонаселенные калмыцкие степи, совершенно не имея представления об окружающей обстановке.

Несмотря на понесенные потери, конный полк не уменьшился численно, но пополнился настолько добровольцами, что получил возможность развернуть туземный и польский взводы в 5-й и 6-й эскадроны и полк насчитывал в своих рядах 650 всадников.

Разбитые под Торговой красные, численностью около 15 тысяч человек под командой Веревкина, отступили в район станиц Песчанокопская—Белая Глина, преграждая этим дорогу Добровольческой армии на Тихорецкую — железнодорожный узел. В районе Сосыка—Каял находилась в это время сорокатысячная армия красных под командой Сорокина, собиравшегося перейти в наступление

в северном направлении, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска.

В районе севернее Великокняжеской, в верховьях Маныча, группировалась значительная группа красных под командой Думенко, с целью овладения станицей Великокняжеской.

Получив точные сведения, что в ближайшее время Сорокин предпримет наступление, генерал Деникин решил немедленно наступать самому и в первую очередь ликвидировать красных в районе Песчанокопская—Белая Глина. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского повела наступление с задачей, после занятия села Богородицкое, наступать на Белую Глину, но — без Корниловского ударного полка, имея при дивизии броневик «Корниловец»¹⁰¹. Средней колонной наступающих войск была 3-я дивизия полковника Дроздовского с самодельным бронепоездом под командой капитана Ковалевского¹⁰² и получила задачу наступать на хутор Развильный и Песчанокопскую и, заняв указанные пункты, продолжать наступление, чтобы занять Белую Глину. Левая колонна под общим командованием генерала Эрдели и состоящая из конной дивизии, в составе которой была конно-горная батарея капитана Колзакова¹⁰³, и 1-й пехотной дивизии под командой полковника Кутепова, принявшего дивизию после смерти генерала Маркова, с броневладельцем «Верный», но без находящегося в Новочеркасске Марковского полка, получила задачу наступать, чтобы разбить красных в районе Сандата—Ивановка, отбросить их на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия наступающим на Белую Глину частям. Полки генерала Покровского, пластунизские батальоны и Корниловский ударный полк сосредоточивались в районе Егорлыкской для отражения, на случай наступления, армии Сорокина.

18 июня 2-й конный полк совместно с пехотными частями повел наступление на деревню Ново-Николаевку. Встреченный огнем красной пехоты и красных бронепоездов, полк разворачивается в боевой порядок и после короткого боя, атаковав противника, врывается в деревню, где захватывает пленных и, на плечах бегущих в панике большевиков, занимает хутор Развильный, где и заночевал, выслав разведку на станицу Песчанокопскую. Продолжая наступление, 3-я дивизия 21 июня занимает с боем Песчанокопскую, захватив пленных. Из пленных красногвардейцев полковник Дроздовский сформировал Солдатский батальон трехротного состава. На командные должности были взяты офицеры из 2-го Офицерского стрелкового полка. Первым командиром батальона был полковник Витковский¹⁰⁴, а после взятия Белой Глины и смерти полковника Жебрака полковник Вит-

ковский сдал батальон полковнику Кельнеру¹⁰⁵, получив должность командира 2-го Офицерского стрелкового полка.

Дальнейшая судьба этого первого формирования строевой единицы в Добровольческой армии из пленных красных — следующая.

Уже в бою за овладение Тихорецкой, при первом боевом крещении, Солдатский батальон блестяще выдержал экзамен и показал себя отличным в бою. В станице Ново-Донецкой была сформирована 4-я рота и батальон был переименован в Солдатский полк. В скором времени были сформированы 5-я и 6-я роты. В бою под Выселками, после ранения полковника Кельнера, Солдатский пехотный полк принял под свою команду полковник Дорошевич-Никшич, а после его ранения, под станицей Усть-Лабинской в августе 1918 года, командиром полка стал подполковник Шеберт¹⁰⁶.

Из Ставрополя в Усть-Лабинскую прибыл батальон, сформированный из офицеров и солдат 83-го Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской армии под командой полковника Сипягина, — численностью в 180 штыков. Этот батальон был соединен с Солдатским пехотным полком, и приказом от 14 августа полк получил наименование Самурский пехотный полк и имел в своем составе 10 рот. Командиром полка был назначен полковник Сипягин.

Полк все время участвовал в боях, нес потери и пополнялся исключительно пленными красногвардейцами. В бою под станицей Ново-Павловской командир полка, полковник Сипягин был убит и в командование полком вступил подполковник Шеберт. 29 октября в бою под городом Ставрополем подполковник Шеберт был ранен и в командование полком вступил полковник Звягин¹⁰⁷. В дальнейшем командирами полка были: в Донецком бассейне — полковник Ильин, во время боев в Харьковском районе — полковник Зеленин¹⁰⁸.

Во время боев в Северной Таврии, в составе Русской Армии под командованием генерала Врангеля, Самурский, Алексеевский, Партизанский и Смоленский полки составляли 6-ю пехотную дивизию¹⁰⁹. После эвакуации Русской Армии из Крыма Самурский полк вернулся в состав Дроздовской дивизии.

Я принужден был отвлечь внимание читателя от повествования о боях в районе Песчанокопской и Белой Глины, так как было необходимо сообщить хотя бы краткую историю Самурского полка, о действиях которого, тесно связанных с действиями дроздовских частей, будет часто упоминаться на страницах сборника, к тому же в этом полку почти весь командный состав был из Дроздовского стрелкового полка.

В ночь на 22 июня 3-я дивизия выступила под командой полковника Дроздовского в направлении на Белую Глину. 2-й Офицерский конный полк выступил под командой, выздоровевшего и вступившего в командование полком, ротмистра Гаевского¹¹⁰.

22 июня части 3-й дивизии подошли к Белой Глине, где и наткнулись на целую 39-ю советскую дивизию, в спешном порядке переброшенную в район Белой Глины для усиления большевистских частей, уже бывших в Белой Глине.

2-й Офицерский конный полк наступал левее 2-го Офицерского стрелкового полка, ведя тяжелые бои с переходившими в контратаки красными.

В ночь на 23 июня полковник Жебрак сам лично повел в атаку 2-й и 3-й батальоны своего 2-го Офицерского стрелкового полка.

Наступающие цепи батальонов и штаб полка во втором часу ночи попали под сильнейший обстрел пулеметной батареи большевиков, и 1-й батальон полка, бывший в ту ночь в резерве, слышал этот ночной бой.

Ночь кипела от огня.

В ту же ночь стало известно, что командир полка, полковник Жебрак, и все офицеры его штаба убиты, а батальоны понесли большие потери.

На рассвете из резерва в атаку двинулся 1-й батальон 2-го Офицерского стрелкового полка. Едва светало, и по полю еще стелился утренний туман. Перед цепями батальона в тумане виднелись густые цепи большевиков.

Поручик Дмитраш¹¹¹, командир пулеметного взвода 2-й роты 2-го Офицерского стрелкового полка, сразу заметил в утренней мгле цепи большевиков, их перебежки в утреннем тумане и их приготовления к атаке цепей батальона. Тогда поручик Дмитраш, не ожидая приказа, вышел с пулеметом «максим» вперед цепи роты, сам сел за пулемет и открыл огонь.

Ветер трепал его рыжеватые волосы. Он был без фуражки, а его глаза как-то особенно светились. Поручик Дмитраш с его отчаянным дерзким хладнокровием был удивительным по меткости стрелком-пулеметчиком. Он буквально моментально срезал все цепи красных перед его батальоном, но на месте срезанных стали появляться новые. Большевики оказывали упорное сопротивление. Батальон медленно продвигался вперед, а из района Белой Глины ясно были слышны звуки боя, который вели другие наступающие части Добровольческой армии.

2-й Офицерский конный полк, несмотря на упорное сопротивление красных, переходящих даже в контратаки, под огнем пулеметов

форсировал болотистую речку, прикрывающую село Белую Глину с севера, и ворвался в село. 2-й эскадрон этого полка находился по левую сторону железной дороги и вместе с конвойной сотней Главнокомандующего ходил в атаку. Дроздовцы шли вперед. 39-я советская дивизия дрогнула, узнав, что в село уже ворвались добровольческие части и Белая Глина ими взята. В плен попали тысячи большевиков, захвачено большое количество добычи. Трофеями только одного 2-го Офицерского полка были 15 пулеметов, масса винтовок и около 3 тысяч пленных. Вся группа войск большевиков в районе Белой Глины перестала существовать, и сам их главком Егоров едва ускользнул от «объятий генерала Деникина».

Над серой толпой пленных, над всеми наступающими во многих местах еще дрожал утренний пар. Подымалось солнце. Заря была багряная, яркая.

Победа Добровольческой армии была полная, но для 3-й дивизии она досталась большой ценой. Потери во 2-м Офицерском полку были огромные. В ночном бою 2-й и 3-й батальоны полка потеряли около 400 человек. Убит командир полка, полковник Жебрак, убиты все офицеры его штаба.

Многие, тяжело раненные и перевезенные потом в Торговую, умерли от ран. Редкие из них были ранены только одной пулей. Почти у каждого было по несколько ужасных пулевых ран. Это были те офицеры и стрелки, которые ночью с полковником Жебраком наткнулись на красных и попали под огонь пулеметной батареи большевиков.

25 июня, наконец, Добровольческая армия вступила в область Кубанского казачьего войска. Угрожая тылу Батайской группы большевиков (армии Сорокина), она в то же самое время и сама находилась под угрозой охвата справа и с тыла.

Эта угроза, как и ожидалось, оказалась реальной, так как большевики перешли на севере в свою очередь в наступление, чтобы отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска, с целью занять станицу Кагальницкую, где был только малочисленный заслон от Добровольческой армии. В это время в Новочеркасске находился 1-й генерала Маркова пехотный и 1-й конный полк, которые и были двинуты для парирования наступления большевиков в районе Кагальницкой. Произошел двухдневный упорный бой, большевики были разбиты у станицы Кагальницкой. Также донцы и полки генерала Покровского сдержали наступление красных. Марковцы понесли большие потери: выбыло из строя около 400 человек убитыми и ранеными. Сильнее всех пострадали 7-я, 8-я и 9-я роты (в 8-й роте осталось в строю только около 30 человек). Большевики отступили, и

1-й Офицерский генерала Маркова полк двинулся на присоединение к своей дивизии, бывшей в районе Белой Глины.

Части Добровольческой армии, после занятия Белой Глины, продвинулись на юг, и Кубанским стрелковым полком с конницей генерала Эрдели были заняты станица Ново-Покровская и станция Ея. После этого на этом участке фронта было до 30 июня более или менее спокойно.

В ночь на 30 июня части генерала Эрдели с Кубанским стрелковым полком выступили, имея задачу занять станицу Кольниболотскую, которая ими и была на другой день утром занята, причем самое упорное сопротивление было оказано наступающему левее станицы Кубанскому стрелковому полку. Подошедший рано утром 1-й Офицерский полк вошел в станицу почти без сопротивления, после лихой атаки конницы генерала Эрдели.

1 июня все сосредоточенные на этом участке фронта части Добровольческой армии перешли в наступление, цель которого была занятие станицы Тихорецкой и железнодорожного узла станции Тихорецкая. На правом фланге действовали части 1-й дивизии (1-й Офицерский генерала Маркова полк и Кубанский стрелковый полк), а в центре должна была наступать вдоль железной дороги 3-я дивизия полковника Дроздовского, имея левее себя части 2-й дивизии.

До взятия станции Тихорецкая в Добровольческой армии настоящих бронепоездов не было. Чтобы пополнить этот недостаток, так как борьба с красными велась, в главном базируясь на железные дороги, начиная со взятия станции Торговая, сооружались артиллеристами и пулеметчиками самодельные бронепоезда, а командами на них были те же артиллеристы и пулеметчики, среди которых было немало мальчуганов-баклажек (дроздовцы своих юных добровольцев почему-то прозвали баклажками). После взятия станции Торговая был сооружен такой самодельный бронепоезд артиллеристами и пулеметчиками — дроздовцами. Они взяли простую железнодорожную платформу, борта ее обложили метками с зерном, песком и землей и за такое прикрытие поместили трехдюймовое орудие, а между метками, в примитивные бойницы, поставили пулеметы. Толкал такую «броневую» площадку паровоз без брони. Такой необычный «бронепоезд» дерзко кидался в атаку даже на бронепоезда противника и всегда заставлял их уходить, но после каждого такого боя приходилось хоронить лихих бойцов «бронепоезда» (по несколько человек иногда). Слишком большой ценой платили они за свою удачу. Например, в бою под Песчанокопской на наш «бронепоезд» навалилось сразу несколько бронепоездов красных. Наш лихой «бронепоезд» под командой капитана Ковалев-

ского отстреливался под их огнем из своего единственного легкого орудия. Вскоре все мешки на бортах платформы были разметаны и была пробоина на площадке, а потом, от прямого попадания, «бронепоезд» загорелся. Он стал уходить с поля битвы в виде огромного столба багрового дыма, все время продолжая стрелять из орудия. Когда «бронепоезд» подошел к нашим цепям, то все, бывшие там, видели стоящих среди крови и гари, почерневших от дыма мальчиков-пулеметчиков, уцелевших после боя, которые продолжали как безумные кричать «ура», а один из них — стрелять из орудия. Таково сорта «бронепоезда» дроздовцы прозвали «украинской хатой».

Ранним утром 1 июля началось наступление 1-й, 2-й и 3-й дивизий с целью занять станцию Тихорецкая — железнодорожный узел. 3-я дивизия наступала вдоль железной дороги на станцию Порошино и на станицу Терновскую. Станция Порошино была взята частями 2-го Офицерского полка, а станица Терновская — Солдатским батальоном при участии броневика «Верный». Одновременно с Солдатским батальоном станицу Терновскую (с восточной стороны) атаковал Корниловский Ударный полк. После занятия этих пунктов части 3-й дивизии и Корниловский полк продолжили наступление на Тихорецкую. В этот день принял участие в наступлении самодельный бронепоезд, сооруженный артиллеристами-дроздовцами...

Местность в этом районе плоская: степь и полное отсутствие холмов, совершенно голая, без больших насадок деревьев, которые лишь очень редко попадались по пути и то, главным образом, насаженные возле железнодорожных будок, возле которых было всегда много подсолнухов.

Наш «бронепоезд», чтобы не наскочить на испорченное полотно железной дороги, медленно продвигался вперед, толкаемый обычным паровозом. Как известно, вдоль железнодорожного полотна на одинаковых расстояниях стоят телеграфные столбы и верстовые столбики. Это дает возможность точно установить расстояние до определенного места, куда должен подойти бронепоезд, чем и воспользовались большевики. Они решили пожертвовать одним орудием, но уничтожить наш «бронепоезд». Они поставили, укрыто в насадке подсолнухов возле будки, орудие и выжидали подход «бронепоезда» к тому месту, до которого была точно высчитана дистанция. Тогда они открыли огонь гранатами. Первая же граната попала в ящики со снарядами позади орудия и вызвала взрыв снарядов, которым была перебита вся прислуга, кроме прапорщика Сосновского, которому удалось выскочить из платформы. Все это произошло на глазах наступающих цепей 2-го Офицерского полка, которые бегом бросились

вперед, захватили орудие, но виновников гибели «бронепоезда» не нашли, они успели скрыться в подсолнухах.

В это время 1-й Кубанский стрелковый полк и позже 1-й генерала Маркова Офицерский полк вели наступление на станицу Тихорецкую. Вначале красные, поддерживаемые двумя бронеавтомобилями, оказывали упорное сопротивление, но с подходом Марковских батальонов, когда один из их бронеавтомобилей был подбит орудием Марковской батареи, бежали в станицу Тихорецкую, но там не задержались, а бросились к станции Тихорецкая, где были окопы. Разведчики Марковской батареи захватили в станице Тихорецкой штаб красных, руководивший обороной, в числе 15 человек. Марковцы и кубанцы повели наступление на станицу Тихорецкая, на которую наступали 2-й Офицерский полк и Солдатский батальон. С юго-востока на эту же станицу наступал Корниловский Ударный полк. Атака Солдатского батальона и Корниловского полка была стремительной, и станция была взята. Вчерашние красноармейцы в рядах Солдатского батальона бесстрашно и стремительно бросились в атаку и ворвались на станцию вслед за корниловцами, которые вошли на станцию с юго-восточной стороны. Бойцы Солдатского батальона перекололи всех, кто сопротивлялся, и без приказа расстреляли взятых в плен комиссаров. Корниловцы затем распространились и заняли хутор Тихорецкий возле станции, но об этом части 1-й дивизии не знали. Кубанский стрелковый полк в это же самое время атаковал окопы противника впереди хутора и понес большие потери. 1-й эскадрон 2-го конного полка, под командой штаб-ротмистра Аникеева¹¹², бросился на выручку и в лихой атаке на окопы противника (в конном строю) потерял до 50 процентов своего состава. Броневику «Верный», бывший с ним, прорвался вперед и ворвался в хутор, но был встречен сильным огнем. Захватил пулемет, перебил его прислугу, не зная, что хутор уже в руках корниловцев. Пулемет оказался корниловским, и было убито 2 корниловских офицера. Отступающие красные нарвались на марковцев и таким образом попали под перекрестный огонь, и толпы бегущих были уничтожены перекрестным огнем. Немногие спаслись.

Вслед за Солдатским батальоном вошли части 2-го Офицерского полка. На станции Тихорецкая были захвачены три бронепоезда красных, много составов, нагруженных разным военным имуществом, орудия, зарядные ящики, двуколки с патронами, снаряды, патроны, даже один аэроплан. Захвачено много обмундирования, в чем очень нуждались части 1-й и 2-й дивизий. Повсюду валялись трупы убитых красноармейцев. В этом бою самые большие потери были в Кубанс-

ком стрелковом полку, в 1-м эскадроне 2-го конного полка и у артиллеристов-дроздовцев на так называемом «бронепоезде».

После взятия Тихорецкой Добровольческая армия перегруппировалась и повела наступление по трем направлениям: 1-я дивизия наступала на север, чтобы выйти в тыл армии Сорокина, 2-я получила задание наступать на станцию Кавказская, а 3-я дивизия полковника Дроздовского повела наступление на юго-запад в направлении Екатеринодара.

Наступая в северном направлении, 1-я дивизия левее имела части дивизии генерала Эрдели, в состав которой входили конные Кубанские казачьи полки и, приданная им, конно-горная батарея капитана Колзакова. Правее была конница генерала Покровского, а противником — армия Сорокина, численностью свыше 30 тысяч человек. Эта группа войск заставила армию Сорокина изменить направление наступления с севера на запад. Совместно с частями 1-й дивизии за время от 3-го до 9 июля были заняты частями Добровольческой армии станция Сосыка и станицы: Павловская, Крыловская, Екатериновская, Михайловская и Кисляковская, а 9 июля части 1-й дивизии вошли в Кушевку, на станции которой большевики бросили несколько эшелонов с оружием, разным имуществом и, преследуемые конницей генерала Покровского, отступили на запад вдоль железной дороги. Севернее Кушевки разъезды 1-й дивизии встретились с разъездами Донской армии и появлялись германские аэропланы. Бригада генерала Покровского, развернувшаяся в дивизию, продвигалась к городу Ейску.

В это время 2-я дивизия, заняв 5 июля станцию Кавказская, продолжала продвигаться в сторону города Армавира, а пришедший с Юга партизанский отряд полковника Шкуро занял город Ставрополь.

После взятия Тихорецкой 2-й Офицерский конный полк побывал в станицах Ново-Донецкой и Березанской, где пополнял свои ряды добровольцами из местных казаков, неся сторожевое охранение. 1-я сотня полка с ротой пехоты, с пулеметной командой, при одном оружии была направлена как заслон в станицу Батуринскую.

10 июля 3-я дивизия, имея в авангарде 2-й конный полк, выступила на ст. Выселки, которая и была захвачена конной атакой 3-го и 6-го эскадронов полка и к вечеру закреплена подошедшей пехотой. Затем 12-го была занята станица Кореновская. 13 июля 2-й конный полк принял новый командир — генерал Чекатовский¹¹³, а 14 июля, продвигаясь дальше, 2-й конный полк занимает без боя станицу Платнировскую и подходит к переправам. Совместно с пехотой были заняты с боем станицы Пластунская и Динская.

На усиление частей, действующих в направлении Екатеринодара, стали прибывать части 1-й дивизии, и 15 июля 1-й Офицерский генерала Маркова полк сменяет части 3-й дивизии в Динской. 2-й конный полк отходит на ночлег в станицу Платнировскую, где к нему присоединяется прибывшая из станицы Батуринской его 4-я Донская сотня.

Утро 15 июля принесло Добровольческой армии неожиданное известие. отступающая армия Сорокина круто повернула на восток и, отбросив части конной дивизии генерала Эрдели, пройдя форсированным маршем верст 40, заняла станицу Кореновскую, вырезав там многочисленный гарнизон из пластунов.

Создалась угроза тылам 1-й и 3-й дивизий и штабу Добровольческой армии, расположенному на станице Тихоречская в 55 верстах от Кореновской на северо-восток. Резервных войск не было, и пришлось спешно отозвать от Ставрополя 1-й Кубанский стрелковый полк, а частям 3-й и 1-й дивизий немедленно двинуться в район Кореновской. Марковцы, оставив как заслон отряд под командой полковника Дорошевича, погрузились в Динской в эшелоны и прибыли в Платнировскую поздно вечером 15 июля. На рассвете 16 июля 1-й Офицерский полк генерала Маркова повел наступление по обе стороны железной дороги на Кореновскую, встретив упорное сопротивление красных. Доходило до штыкового удара. Около 10 часов подошедшие части 3-й дивизии атаковали красных, но были встречены контратакой большевиков. Бой длился целый день, и к вечеру части 3-й дивизии не смогли продвинуться вперед, а марковцы, атакованные большими силами красных, принуждены были отступить, потеряв свыше 300 человек. 16-го был тяжело ранен в ногу капитан Туркул, и 2-й Офицерский полк также понес потери. Выступивший из Платнировской 2-й конный полк целый день также вел упорный бой у хутора Раздольного за овладение Кореновской в тяжелых условиях, но без результата и заночевал в поле. Утром 17 июля завязался горячий бой под Кореновской. В районе 2-го конного полка красная пехота стремилась пробиться к переправам на Усть-Лабе. Отрезав в конном строю группу красных, 2-й конный полк загнал ее в болото и заставил сдать. Попало в плен до 800 большевиков.

Утром марковцы и части 3-й дивизии (2-й Офицерский стрелковый и Солдатский полки) возобновили наступление. На участке марковцев, наступая, они нашли оставшихся при отходе убитых и раненых. Последние были почти все зверски добиты красными. Найденные лежали раздетыми, обезображенными: одни с отрубленными головами, другие, сожженные, лежали в пепле от кукурузы. Перво-

походницу прапорщика Юлию Пылаеву нашли зверски добитой, полюбнаженной и брошенной в неглубокий колодец. Только изредка попадались еще живыми раненые добровольцы, спрятавшиеся в кукурузе. Видя все это, овладевшие злобой и жадной мести, марковцы не щадили красных и, продвигаясь вперед, пленных не брали. Несмотря на контратаки красных, марковцы и части 3-й дивизии медленно продвигались вперед. С севера на Кореновскую повел наступление и подошедший 1-й Кубанский стрелковый полк. Совместными атаками около 16 часов красные были смяты, и части всех полков Добровольческой армии стали продвигаться вперед, временами бегом, за отступающими красными, преследуя их по полю, на котором валялись убитые и раненые большевики. Станица Кореновская была взята после штыкового удара пехоты, и в станицу вошли марковцы с юга, части 3-й дивизии левее их, а с восточной стороны — Кубанский стрелковый полк. Красные отступили в северном и западном направлении. Против красных в 6 верстах севернее станицы Кореновской заняли позицию части 3-й дивизии, а правее на хуторах — Кубанский стрелковый полк.

Наутро 18 июля красные повели атаки на дроздовцев, которые продолжались в течение всего дня и были каждый раз отбиты с большими потерями для наступающих. Севернее против частей конной дивизии наступающие красные части Сорокина в тот день имели успех и заняли станицу Березанскую и этим самым снова поставили под угрозу тылы Добровольческой армии. Марковцев спешно перебросили севернее, и они заняли фронт против станицы Ново-Девичкой. При создавшемся положении оставаться в Кореновской было невозможно, и последовал приказ отойти в район станицы Бейсугской. Отход затрудняли сотни раненых, которых везли на обывательских повозках. Патронов в частях оставалось весьма мало. Отход прикрывал 2-й Офицерский конный полк. Нужно было во что бы то ни стало вывезти всех раненых, оставшийся запас снарядов и патронов. Полк героически выдерживал натиск многочисленного противника, пока не были вывезены все раненые и последний снаряд. Глубокой ночью полк оставил поле сражения и, пройдя линию сторожевого охранения красных, утром прибыл в станицу Бейсугскую.

20 июля 5-й эскадрон полка, находясь в сторожевом охранении со взводом пулеметов, отбил приближавшийся к станице эскадрон красной конницы, отогнав его на хутор Малеваный.

В то время, когда шли бои под Кореновской, оставшийся заслоном у Динской отряд полковника Дорошевича после трехдневных ус-

пешных боев с атакующими его красными, среди которых были даже китайцы, по словам пленных — сражавшиеся «за родную Кубань», отошел к станице Пластуновской, где погрузился в эшелоны и 19 июля двинулся на станцию Выселки на соединение со своим полком. Проезжая станицу Кореновскую, в эшелоне слышали звуки боя, который невдалеке вели дроздовцы с красными.

Отойдя из района Кореновской, части 3-й дивизии сосредоточились в районе станицы Бейсугской. В течение последующих дней части 1-й дивизии вели упорные бои с красными армии Сорокина, под Выселками. Части 3-й дивизии, выйдя в тыл красных и обойдя их правый фланг, 25 июля атаковали части армии Сорокина. Тогда же перешли в наступление части 1-й дивизии и конной. 2-й конный полк вместе с пехотными частями дивизии повел наступление на хутор Малеваных, и после горячего боя хутор был взят. Захвачено свыше 1000 пленным. 25 июля шли упорные бои целый день за обладание станицей Кореновской, которая и была к вечеру занята. Армия Сорокина была разгромлена, и стали остатки ее поспешно отступать, преследуемые добровольцами. Красные спешно посылали подкрепления из Екатеринодара, и вновь завязались, временами, довольно упорные бои, но наступление на Екатеринодар продолжалось. 28 июля 2-й конный полк перешел в наступление и, развернувшись, энергичным ударом сбил красных и к вечеру занял станицу Усть-Лабинскую и Воронежскую, захватив одно орудие, пулеметы, пленным и эшелон с боевыми припасами. На следующий день полк занимает станицу Весюринскую, оттесняя постепенно красных к Екатеринодару. Заняв на следующий день без боя станицу Старо-Корсунскую, 2-й конный полк 30 июля занимает разъезд № 105 и ведет уже разведку укрепленной линии красных района города Екатеринодара, расположенной к северу и востоку от станицы Пашковской.

Должен напомнить, что после разгрома армий Сорокина и занятия Кореновской отступающих красных в сторону Екатеринодара и Тимашевской энергично преследовали части конной, 1-й и 3-й дивизий. Остатки армии Сорокина главной своей массой отходили к югу, оказывая порой упорное сопротивление. Части 3-й дивизии наступали на Екатеринодар левее железной дороги, имея головным 2-й конный полк. За овладение станицей Кореновской впервые в составе Добровольческой армии участвовал и настоящий бронепоезд «Единая Россия», из числа захваченных в бою на станции Тихорецкая. 1-я и конная дивизии наступали вдоль железной дороги на Екатеринодар и правее ее. В боях под Выселками и Кореновской самые большие потери понес 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полк, из

ётрою которого выбыло до 800 человек. Тогда же был ранен и командир Солдатского полка полковник Кельнер и полк принял полковник Дорошевич-Никшич.

Главной задачей 3-й дивизии было отрезать пути отступления красным в сторону города Армавира и содействовать частям, наступающим вдоль железной дороги на Екатеринодар.

Целый день, 1 августа, шли упорные бои за обладание станицей Пашковской, которая 2 августа дважды переходила из рук в руки, и, наконец, атакой 2-го конного полка станица окончательно была взята, и красные, понеся большие потери, были выбиты из станицы, оставив в руках полка 3 пулемета и пленных.

Потерпев поражение под станицей Пашковской и теснимые частями 1-й и конной дивизий, красные в панике спешили оставить город Екатеринодар, пользуясь темнотой. Наступающие добровольческие части подошли к городу ночью 2 августа. Большевики не пытались оказывать больше сопротивления. Высланный от 3-го эскадрона 2-го конного полка разъезд под командой ротмистра Шпилевского на рассвете 3 августа вступил в город одновременно с разъездом конной дивизии генерала Эрдели.

Наконец был взят тот город, о котором мечтали еще во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода и около которого в скором будущем так пышно расцвела Добровольческая армия. Вслед за конными частями в город вступили 1-й Кубанский стрелковый и 1-й Офицерский пехотный генерала Маркова полки. 2-й конный полк вместе с пехотой прошел по главным улицам города и того же числа вернулся в станицу Пашковскую, где и расположился на отдых. Население города восторженно встречало проходившие воинские части Добровольческой армии, освободившие столицу Войска Кубанского от ярма большевиков.

На следующий день в городе Екатеринодаре, украшенном национальными флагами, в заполненном празднично одетыми людьми, состоялся парад войск, в котором принимал участие также и прибывший из станицы Пашковской 2-й Офицерский конный полк. Когда полк выстраивался у Собора, был встречен криками «ура», забрасываемый цветами. После молебна генерал Деникин и Атаман Войска Кубанского благодарили войска за доблестную службу Родине и пожелали дальнейшего процветания и боевых успехов. Войска, восторженно приветствуемые населением, прошли церемониальным маршем. 2-й Офицерский полк вернулся в станицу Пашковскую.

На другой день два эскадрона полка были выделены в район станиц Васюринской и Старо-Корсунской для несения сторожевой служ-

бы на переправах. Ряды полка пополнились казаками-добровольцами из станиц Пашковской и Марьинской, и к 7 августа в полку было 7 эскадронов. Отдохнув в станице Пашковской, полк 10 августа выступил в станицу Тифлисскую, куда прибыл для несения охраны переправ через реку Кубань 13 августа.

17 августа, утром, по собственной инициативе полк посылает для производства глубокой разведки и чтобы установить связь с восставшими казаками по другую сторону Кубани два эскадрона (первый и второй). Переправившись через Кубань, посланный дивизион полка после короткого боя занимает колонию Ново-Ивановку в 15 верстах от переправы и устанавливает связь с насильно мобилизованными казаками в красную армию. В колонию пробиваются две конные сотни и изъявляют желание поступить в полк. Прибывшие были развернуты в 8-й и 9-й эскадроны полка. 18 августа в колонию Ново-Ивановку пришел и весь 2-й Офицерский конный полк. Таким образом, без всякого на то приказанья, полк по собственной инициативе занял обширный плацдарм, необходимый для наступления на Армавир и Майкоп. За это лихое дело полк получил благодарность, приказом по дивизии, от полковника Дроздовского. Не только 2-й полк увеличился в своем составе, но и все вообще части Добровольческой армии за счет притока добровольцев, главным образом казаков из освобождаемых отделов Кубанского казачьего войска. Формирование новых частей было сопряжено с большими трудностями: требовалось время, оснащение и вооружение, а их-то и не было у командования армией. Добывались они ценою крови в боях.

В то время, когда велось наступление в сторону Армавира, 1-я пехотная и две конные дивизии приступили к освобождению территории южнее реки Кубани. В этом районе находились большевистские силы численностью свыше 30 тысяч бойцов. Операция по очищению этой территории была успешно закончена. Добровольческая армия теперь имела и морские порты с освобождением Черноморской губернии. Уничтожить же полностью Таманскую группу большевиков не удалось, и она отошла через горный хребет на территорию Кубанской области в район Майкопа и Армавира. Все побережье от Таманского полуострова до границы с Грузией было теперь в руках белых. Генерал-губернатором Черноморской губернии был назначен произведенный в генералы Кутепов. Города Новороссийск и Туапсе были заняты частями Добровольческой армии.

Фронт теперь был приблизительно к середине сентября по линии Майкоп—Армавир—Ставрополь. Северная часть Кубанской области была полностью также очищена от красных.

3-я дивизия после взятия Екатеринодара некоторое время обеспечивала переправы через реку Кубань, продвигаясь вверх по ее течению. В бою под станицей Усть-Лабинской в первых числах августа был ранен командир Солдатского полка полковник Дорошевич, и полком стал командовать подполковник Шаберт. 14 августа, после прибытия в станицу Усть-Лабинскую сформированного в Ставрополе из офицеров и солдат 83-го пехотного Самурского полка 21-й пехотной дивизии Российской Императорской армии, вошедшего в Солдатский полк, батальона, Солдатский полк переименован в Самурский пехотный полк, имея в своем составе 10 рот.

После занятия Екатеринодара в нем гарнизоном вначале были части Марковского полка. 4 августа состоялась парад Марковскому полку, который принимал генерал Деникин, а на другой день был парад частям 1-й конной дивизии, и его принимал генерал Алексеев.

На четвертый день после занятия города состоялось своего рода паломничество на место смерти генерала Корнилова, к ферме на самом берегу реки Кубани, где стоял крест. Ферма стояла с заколоченным окном, куда влетел снаряд в комнату, в которой в то время находился генерал Корнилов, разрывом которого был он смертельно ранен. Позже в колонии Гначбау большевики нашли могилу генерала Корнилова, вынули из нее гроб и привезли в Екатеринодар и там, вынув тело генерала Корнилова, повесив его на балконе одного из домов, дико глумились над ним, затем сожгли, а пепел рассеяли по ветру. Возле креста в этот день паломничества была отслужена панихида по Вождю — воину Лавру, павшему смертью храбрых на поле брани, на которой присутствовали: генерал Алексеев, генерал Деникин, штабные офицеры, части марковцев, много других военнослужащих и гражданских лиц из города Екатеринодара. После панихиды генерал Алексеев обратился к присутствующим со словом, сказав, кроме всего остального, следующее: «Нет могилы Вождя, нет места его упокоения. Прах его большевиками сожжен и развеян по ветру... но прах его приняла вся Русская земля, сделав его своим достоянием с тем, чтобы память о великом Патриоте сохранилась и чтилась во веки в сердцах верных сынов Родины».

Уже в конце июля появились первые слухи о зверском злодеянии большевиков в Екатеринбурге.

17 июля в городе Екатеринбурге были ночью в подвале дома расстреляны Император Николай Александрович, вся Его Августейшая семья и бывшие при них и не покинувшие их в несчастье приближенные.

Эти слухи получили подтверждение. Смерть и зверская расправа большевиков с последним Российским Императором, Императрицей

и невинными детьми их произвели на всех ошеломляющее впечатление, а их зверский поступок показал полный облик большевистской власти. Это было олицетворением кровавой драмы всей России.

Гнетущая и тяжелая горечь давила на сердце каждого, когда стало известно о служении панихид по зверски убиенным: бывшем Императоре, Его семье и верным слугам Его.

А. Туркул¹¹⁴

СУХОВЕЙ¹¹⁵

Нас погрузили в вагоны, потом на пароход. В безветренное утро мы подошли к станции Мечетинской. В двух станицах, Мечетинской и Егорлыкской, стояло тогда все, что осталось от русской армии, — Добровольческая армия, только что вышедшая из испытания Кубанского похода. Это был конец мая 1918 года.

Запыленные, рота за ротой, подчеркнуто стройно, чтобы показать себя корниловским добровольцам, входили мы в станицу. Генерал Алексеев пропустил нас церемониальным маршем. Мы все с молодым любопытством смотрели на этого маленького, сухонького генерала в крохотной кубанке.

Старичок в отблескивающих очках, со слабым голосом, недавно начальник штаба самой большой армии в мире, поведший теперь за собою куда-то в степь четыре тысячи добровольцев, был для нас живым олицетворением России, армии, седых русских орлов, как бы снова вылетающих из казацких степей.

Генерал Алексеев снял кубанку и поклонился нашим рядам:

— Спасибо вам, рыцари духа, пришедшие издалека, чтобы влить в нас новые силы...

Я помню, как говорил генерал Алексеев, что к началу смуты в русской армии было до четырехсот тысяч офицеров. Самые русские пространства могли помешать им всем прийти на его призыв. Но если придет только десятая часть, только сорок тысяч, уже это создаст превосходную новую армию, в которую вольется тысяч шестьдесят солдат.

— А стотысячной русской армии вполне достаточно, чтобы спасти Россию, — сказал генерал Алексеев со слабой улыбкой, и его очки блеснули.

Мы еще раз прошли церемониальным маршем. Он стоял с кубанкой в руке, слегка склонивши седую голову. Точно задумался. Рядом

с ним стоял генерал Деникин; наши старые офицеры знали, что на большой войне он командовал славной Железной 4-й стрелковой дивизией.

Добровольцы, участники Кубанского похода, смотрели на нас с откровенным удивлением, пожалуй, даже с недоверием: откуда-де такие явились, щеголи, по-юнкерски печатают шаг, одеты, как один, в защитный цвет, в ладных гимнастерках, хорошие сапоги.

Сами участники Кубанского похода были одеты, надо сказать, весьма пестро, что называется, по-партизански. В степях им негде было достать обмундирования, а мы в нашем походе шли по богатому югу, где были мастерские и склады.

Мы стали в станице Егорлыкской. Там, на самой последней неделе мая, меня вызвали в штаб к полковнику Жебраку. Я проверил, крепко ли держатся пуговицы на гимнастерке, хорошо ли оттянут пояс, и отправился в штаб.

— Господин полковник, по вашему приказанию прибыл.

— Здравствуйте, капитан, — озабоченно сказал Жебрак. — Вот что: хутор Грязнушкин занят большевиками. Главное командование приказало мне восстановить положение. Вместо казачьей бригады я решил послать туда вашу роту. Вы знаете почему?

— Никак нет.

— Вторая рота лучшая в полку.

— Рад стараться.

— Имейте в виду, что офицерская рота может отступать и наступать, но никогда не забывайте, что и то и другое она может делать только по приказанию.

— Слушаю. Разрешите идти?

— Да. Я буду у вас к началу атаки. До моего приезда не атакуйте... И вот что еще, Антон Васильевич...

В Японскую войну наш батальон, сибирские стрелки, атаковал как-то китайское кладбище. Мы ворвались туда на штыках, но среди могол нашли около ста японских тел и ни одного раненого. Японцы поняли, что им нас не осилить, и, чтобы не сдаваться, все до одного покончили с собой. Это были самураи. Такой должна быть и офицерская рота.

— Разрешите идти?

Жебрак встал, подошел ко мне — он был куда ниже меня — и молча пожал мне руку.

Я вышел на тихую станичную улицу. Кажется, предстоял первый настоящий бой в Гражданской войне. Я почувствовал ту особую сую ясность, какая всегда бывает перед боем.

Мои триста штыков бесшумно и быстро подошли к хутору Грязнушкину. Хутор лежал в низине. Это было для нас удобно: нас не заметили. Но вот там зашевелились, затрещал ружейный огонь. Я рассыпал роту в цепь, скомандовал:

— Цепь, вперед!

Цепь кинулась с коротким «ура». Застучали пулеметы. С хутора поднялась беспорядочная стрельба, вой. Но мы уже ворвались. Грязнушкин был захвачен почти мгновенно. Один взвод и броневтомобиль «Верный» преследовали красных. Мы заняли холмы впереди хутора. Нам досталось триста пленных; ободранные, грязные товарищи, бледные от страха, в расстегнутых шинелях, потные после боя.

В атаке был убит поручик Куров, который так беззаботно танцевал на недавнем балу, так приятно смеялся и пел. Он лежал на боку, прижавшись щекой к земле; его висок был черен от крови. Это была наша первая потеря в боях Добровольческой армии.

На хутор пришли наши кубанцы. Я собрал роту. Люди еще порывисто дышали, смеялись, громко говорили, возбужденные атакой. Было за полдень, солнце припекало. Мне доложили, что едет командир полка.

— Смирно, равнение направо, господа офицеры!

Полковник Жебрак уже шел перед рядами, лицо хмурое. Я отпортовал ему об успешной атаке.

— Но почему вы не исполнили моего приказа?

— Господин полковник?..

— Я приказал вам ждать моего приезда, без меня не начинать боя...

Он повысил голос. Он, что называется, распекал меня перед строем. Я ответил:

— Господин полковник, начальником здесь была я, обстановка же была такова, что я не мог ждать вашего приезда.

Командир пощипывал ус. Потом лицо его просветлело, и он сказал просто:

— Конечно, вы правы, капитан. Простите меня. Я погорячился...

В тот же день от хутора Грязнушкина мы вернулись в станицу Егорлыкскую, на старые квартиры, а через несколько дней выступили оттуда во Второй Кубанский поход.

Мы стали пробиваться от станицы к станице. Бои разгорались. Как будто степной пожар все чаще прорывался языками огня, чтобы слиться в одно громадное пожарище. Гражданская война росла. Похудавшие, темные от загара, с пытливыми глазами, всегда настроженные, всегда с ясной головой, мы шли порывисто дыша, от боя

к бою, в огне. Между нами уже запросто ходила смерть, наша постоянная гостья.

В самом конце мая мы атаковали село Торговое. Под огнем красных два наших батальона лежали под селом в цепи. Огонь был бешеный, а солнце немилосердно жгло нам затылки. Дали сигнал готовиться к атаке. Вдруг мы увидели, что к нам в цепь скачут с тыла три всадника.

Огонь стал жаднее, красные били по всадникам. С веселым изумлением мы узнали полковника Жебрака на крутозадом сером жеребце. Его укороченная нога не касалась стремени, с ним скакало два ординарца. Командир дал шпоры и вынесся вперед, за цепи. Он круто повернул к нам коня. Два батальона смотрели на него с радостным восхищением.

— Господа офицеры! — бодро крикнул Жебрак. — За мной, в атаку! Ура! — и поскакал с ординарцами вперед.

Все поднялось; три всадника вспыхивали на солнце. Мы захватили село Торговое с удара.

Все эти ночи и дни, все бои, когда мы шли в огонь во весь рост, все эти лица в поту и в грязи, сиплое «ура», тяжелое дыхание, кровь на высохшей траве, стоны раненых — все это вспоминается мне теперь вместе с порывами сухого и жаркого ветра из степи; его зовут, кажется, суховеем.

Я помню, как в бою, под Великокняжеской, когда я подводил мою роту к железнодорожному мосту, в окне сторожевой будки блеснул шейный орден Святого Георгия. Я понял, что там главнокомандующий, так как ордена Святого Георгия III степени тогда в Добровольческой армии, кроме генерала Деникина, не было ни у кого. Я скомандовал роте:

— Смирно! Равнение направо!

В том бою под Великокняжеской был убит мой боевой товарищ, мой друг, командир четвертой Донской сотни, офицер гвардейской казачьей бригады есаул Фролов. Ловкий, поджарый, как будто весь литой, он был знаменитым джигитом, с красивым молодчеством, с веселым удалством, какого, кроме казаков, нет, кажется, ни у кого на свете.

Мы заняли Великокняжескую, Николаевскую, Песчанокопскую, подошли к Белой Глине и под Белой Глиной натолкнулись на всю 39-ю советскую дивизию, подвезенную с Кавказа. Ночью полковник Жебрак сам повел в атаку второй и третий батальоны. Цепи попали под пулеметную батарею красных. Это было во втором часу ночи. Наш первый батальон был в резерве. Мы прислушивались к бою.

Ночь кипела от огня. Ночью же мы узнали, что полковник Жебрак убит со всеми чинами его штаба.

На рассвете поднялся в атаку наш первый батальон. Едва светало, еще ходил туман. Командир пулеметного взвода второй роты поручик Мелентий Димитраш заметил в утренней мгле цепи большевиков. Я тоже видел их тени и перебежку в тумане. Красные собирались нас атаковать.

Димитраш — он почему-то был без фуражки, я помню, как ветер трепал его рыжеватые волосы, помню, как сухо светились его зеленоватые рысьи глаза, — вышел с пулеметом перед нашей цепью. Он сам сел за пулемет и открыл огонь. Через несколько мгновений цепи красных легли. Димитраш, с его отчаянным, дерзким хладнокровием, был удивительным стрелком-пулеметчиком. Он срезал цепи красных.

Корниловцы уже наступали во фланг Белой Глины. Мы тоже пошли вперед. 39-я советская дрогнула. Мы ворвались в Белую Глину, захватили несколько тысяч пленных, груды пулеметов. Над серой толпой пленных, над всеми нами, дрожал румяный утренний пар. Поднималась заря. Багряная, яркая.

Потери нашего полка были огромны. В ночной атаке второй и третий батальоны потеряли больше четырехсот человек. Семьдесят человек было убито в атаке с Жебраком, многие, тяжело раненные, умирали в селе Торговом, куда их привезли. Редко кто был ранен одной пулей — у каждого три-четыре ужасные пулевые раны. Это были те, кто ночью наткнулся на пулеметную батарею красных.

В поле, где только что промчался бой, на целине, заросшей жесткой травой, утром мы искали тело нашего командира, полковника Жебрака. Мы нашли его среди тел девяти офицеров его верного штаба.

Командира едва можно было признать. Его лицо, почерневшее, в запекшейся крови, было разможено прикладом. Он лежал голый. Грудь и ноги были обуглены. Наш командир был, очевидно, тяжело ранен в атаке. Красные захватили его еще живым, били прикладами, пытали, жгли на огне. Его запытали. Его сожгли живым. Так же запытали красные и многих других наших бойцов.

В тот глухой предгрозовой день, когда полк принял маленький и спокойный, с ясными глазами, полковник Витковский, мы хоронили нашего командира. Грозные похороны, двящийся день. Нам всем как будто не хватало дыхания. Над степью курился туман, блистало жаркое марево. Далеко грохотал гром.

В белых, наскоро сбитых гробах двигался перед строем полка наш командир и семьдесят его офицеров. Телеги скрипели. Над мокрыми лошадьми вился прозрачный пар. Оркестр глухо и тягостно бряцал

«Коль славен». Мы стояли на караул. В степи ворочался глухой гром. Необычайно суровым показался нам наш егерский марш, когда мы тронулись с похорон.

В тот же день, тут же на жестком поле, пленные красноармейцы были рассчитаны в первый солдатский батальон бригады.

Ночью ударила гроза, сухая, без дождя, с вихрями пыли. Я помню, как мы смотрели на узоры молнии, падающие по черной туче, и как наши лица то мгновенно озарялись, то гасли. Эта грозовая ночь была знамением нашей судьбы, судьбы белых бойцов, вышедших в бой против всей тьмы с ее темными грозами.

Если бы не вера в Дроздовского и в вождя белого дела генерала Деникина, если бы не понимание, что мы бьемся за человеческую Россию против всей бесчеловечной тьмы, мы распались бы в ту зловещную ночь под Белой Глиной и не встали бы никогда.

Но мы встали. И через пять суток, ожесточенные, шли в новый бой на станицу Тихорецкую, куда откатилась 39-я советская. В голове шел первый солдатский батальон, наш белый батальон, только что сформированный из захваченных красных. Среди них не было старых солдат, но одни заводские парни, чернорабочие, бывшие красногвардейцы. Любопытно, что все они радовались плену и уверяли, что советчина со всей комиссарской сволочью им осточертела, что они поняли, где правда.

Вчерашние красногвардейцы первые атаквали Тихорецкую. Атака была бурная, бесстрашная. Они точно красовались перед нами. В Тихорецкой 1-й Солдатский батальон опрокинул красных, переколол всех, кто сопротивлялся. Солдаты батальона сами расстреляли захваченных ими комиссаров.

Дроздовский благодарил их за блестящую атаку. Тогда же солдатский батальон был переименован в Первый пехотный Солдатский полк. Позже полку было передано знамя 83-го пехотного Самурского полка, и он стал именоваться Самурским. Много славного и много тяжкого вынесли самурцы на своих плечах в Гражданской войне. Бой под Армавиром, под Ставрополем, когда ими командовал израненный и доблестный полковник Шаберт, бои в каменноугольном районе, все другие доблестные дела самурцев не забудутся в истории Гражданской войны.

В ту ночь под Белой Глиной как бы открывалась наша судьба, но по-иному открылась судьба белых в бою под Тихорецкой, когда цепи вчерашних красных сами шли на красных в штыки, сами уничтожали комиссаров. Так еще и совершится.

Наша маленькая армия от боя к бою пробивалась вперед. В армии было всего три бригады. В 1-й бригаде наше сердце, корнилов-

цы, с Первым конным Офицерским полком, который после смерти генерала Алексеева стал именоваться Алексеевским. Во второй бригаде — марковцы с 1-м Офицерским полком, в 3-й бригаде — дроздовцы со 2-м Офицерским полком, 2-м конным Офицерским полком и самурцами. С бригадами были казачьи пластунские батальоны, а все конные казачьи части были в бригаде генерала Эрдели.

Под Кореневкой Сорокин со своей армией вышел к нам в тыл. Он едва не перерезал Добровольческую армию пополам. Вспоминаю в бою под Кореневкой командира третьего взвода поручика Вербицкого, светловолосого, сероглазого, со свежим лицом. Я был у его взвода, на левом фланге. Конница Сорокина во мгле пыли понеслась на взвод. Вербицкий стал командовать металлическим резким голосом:

— По кавалерии, пальба взводом.

Конница Сорокина идет на карьере; уже слышен сухой топот.

— Отставить! — внезапно командует Вербицкий, и я слышу его окрик: — Поручик Петров, два наряда не в очередь...

Оказывается, поручик Петров, по прозвищу Медведь, своей поспешностью испортил стройность ружейного приема. А конница в нескольких ста шагах. Снова с ледяным хладнокровием команда Вербицкого:

— По кавалерии, пальба...

Кавалерию отбили. В тяжелых боях мы разметали Сорокина. В том бою под Кореневкой, 16 июля, я был впервые ранен в Гражданской войне. После трех немецких пуль русская пуля угодила мне в кость ноги. Рана была тяжелая.

Ночью был ранен командир 1-го батальона, и нас обоих отправили в околоток, оттуда в лазарет. Нас уговаривали ехать в Ростов, но мы, как и каждый дроздовец, стремились в свою Землю Обетованную, в Новочеркасск, о котором хранили светлую и благодарную память. Мы туда и тронулись, хотя все лазареты были там переполнены и не хватало врачей. У меня были сильные боли, потом как будто полегчало.

Все эти ночи и дни атаки и гром над степью, и наши лица, обожженные солнцем и жалящей пылью, и наше сиплое «ура» — все это вспоминается мне теперь с порывами жаркого степного суховей.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ¹¹⁶

Среди страданий и ужасов пережитого, как прорвавшееся через мрачные грозовые тучи солнышко, до сей поры сверкает в памяти и в душе одна огромная и чудесная радость, о которой мне хочется рассказать вам в этой статье, посвященной воспоминаниям великой эпо-

пеи Первого Корниловского похода, в котором, как некогда в Крестовом походе, шли на Голгофу страданий и смерти за Родину юноши и подростки...

Погиб незабвенный великий патриот земли Русской генерал Корнилов. Потерявшая вождя Белая армия, состоявшая главным образом из самоотверженной молодежи, с огромным обозом раненых в боях под Екатеринодаром, отступала, преследуемая огромной лавиной красных. Теперь у генералов Деникина и Алексеева была пока единственная всепоглощающая цель — во что бы то ни стало спасти и сохранить ядро уцелевшей Белой армии. Огромный обоз с ранеными, растянувшийся хвостом версты на три, страшно стеснял маневрирование, от которого только и зависело теперь спасение всей армии... И вот — страшная трагедия: пришлось бросить на произвол жестокой судьбы раненых, не способных обойтись без повозок!

Одна из партий раненых, оставленная в стороне от железных дорог, в станице Дядьковской, за немногими исключениями уцелела от жестокой большевистской расправы чудом Божиим, о котором я расскажу впоследствии подробнее, ограничиваясь здесь за недостатком места лишь самым фактом спасения. У Дядьковки шли ожесточенные бои по обеим линиям железнодорожных путей, горстка дроздовцев, с риском собственной гибели, прорвалась узкой свободной полосой в Дядьковку, в течение каких-нибудь двух часов организовала обоз из телег с соломой и вывезла, с таким же риском гибели, всех корниловцев и всех, кто был с ними и около них, в только что накануне взятую станицу Кореновскую...

Свидетелем этой нечаянной радости и участником ее был и я, пишущий эти строки, ибо, пробравшись вместе с женой в Дядьковку для спасения брошенного там сына, тяжело раненного в бою под Афипской, застрел там вместе с корниловцами и ждал общей неизвестной участи, которая, в зависимости от успеха наступления, могла быть и жестокой.

Мы с женой несколько дней прожили в Дядьковке и успели сродниться в надеждах и отчаяниях как с ранеными, так и со всей административной лазарета. И вот Господь сподобил нас быть соучастниками той неопишуемой радости спасения, которая произошла прямо нечаянно в ночь с 11-го на 12 июля 1918 года!

На рассвете, когда солнышко всплыло над степью и радостно засверкал новый летний день под радостный колокольный перезвон дядьковской церкви — кончилось благодарственное молебствие, — мы, двигаясь рядом с телегами, под конвоем дроздовцев, покидали одно из страшных лобных мест великого похода.

Как опишешь это радостное летнее утро, когда, казалось, вся природа ликovala вместе с нами, радуясь нашему общему воскресению из мертвых! Еще ночью мы сидели в мрачном отчаянии, уже как приговоренные к расстрелу, а взошло солнышко — и мы на вольной волюшке, пьем прохладный аромат раннего утра и переполнены благодарностью и к Господу Богу, и к покачивающимся в седлах героям-дроздовцам, большинство которых погибло в следующую же ночь... О, если бы мы тогда знали, что нашим спасителям осталось всего несколько часов жизни! А они и сами торжествовали. Они сами были поглощены общей радостью. Вот один из них заглянул:

Марш вперед! — трубят в поход
Черные гусары!
Звук лихой зовет нас в бой.
Наливайте чары!

На глазах — слезы, а в душе пожар радости... А потом, в ответ, с телег несется новая песня:

Смело мы в бой пойдем за Русь Святую
И, как один, прольем кровь молодую...

Остановка, маленький отдых для раненых. Надо переложить, опра- вить сбившуюся солому, утолить жажду от волнения, от поднявшейся у многих температуры. Обрываются песни и скрип обозный, и наступ- пает удивительная степная тишина с радостным бульканьем перепелов и жаворонков, с полынным горьковатым ветерком и беспредельной степной далью! Но вот все насторожились: где-то далеко, как зверь в пустыне, проревело эхо орудийного выстрела...

Трогайтесь, братцы!

И снова обозный скрип, а редкий, походящий на далекий гром, грохот орудий только острее делает нашу радость... Радостный смех то на одной, то на другой телеге. Перекичка мужских и женских голосов. Ведь как ни тяжела была жизнь, а молодость берет свое, и перед лицом смерти юная любовь не хочет смириться: многие влюб- лены в хорошенькую девушку, сестру милосердия, есть две невест- ы, приехавшие было навестить раненых женихов да и застрявшие в Дядьковке...

О, неизбежная светлая радость! Она так необъятна, как синий не- бесный купол. К вечеру приехали в станицу Кореновскую. Она еще вся полна страшным боем и вчерашней победой. Жители встречают нас радостно, потому что и сами счастливы избавлением от красных

зверей. Встреча была теплая, радушная. Несколько зажиточных казацких домов устроили на своих зеленых дворах столы для пиришества. Вся станица пришла в веселое возбуждение, которое омрачалось лишь жалобами и слезами претерпевших, потерявших родных и близких, наскоро при уходе красных расстрелянных...

Заняли брошенный красными лазарет, не вместивший, однако, всех привезенных. Раскинули палатки во дворе.

Не все в радости заметили, что захваченная по пути наступления Кореновская осталась временно без защитников; пока такими явились те же 50 дроздовцев, которые вывезли дядьковцев. Материнское чутье жены моей насторожилось: она первой почуяла близкую опасность и заговорила с администрацией лазарета о необходимости как можно скорее покинуть Кореновскую или, по крайней мере, отправить калек, беспомощных в минуту опасности. И вот, точно осененные свыше, мы уговорили в тот же вечер погрузить таких в отходивший на Тихорецкую первый поезд. Это обстоятельство внесло тревогу и во всех остальных, так что в Кореновской осталось на ночь очень мало спасенных.

Остались только либо тяжелобольные, требовавшие продолжительного отдыха после перехода в телегах, либо совершенно оправившиеся и не желавшие показывать беспокойства удалцы. Вся администрация лазарета осталась в Кореновской, забота же об отправляемых была поручена нам с женой...

Когда гасли последние лучи солнца, мы оставили Кореновскую и двинулись в поезде довольно тихим ходом к Тихорецкой...

Прибыли туда ночью. Вокзал кишел народом и шумел, и гремел, как улей с пчелами. Повяло беспечным тылом и его героями. В зале не было ни одного свободного столика, стула. У станции ждали экипажи, верховые лошади, пролетки. А нам было некуда приткнуться. Мы разместились цыганским табором на лестнице и около нее. Грязные, прикрытые пестрым тряпьем, в изношенной до отказа обуви, герои-первопоходники не имели геройского вида. Сброд каких-то нищих. Голодные и усталые, обиженные полным невниманием пирующих в залах станции, они часа два томилась в ожидании моего возвращения. Наконец дождались приюта на так называемом явочном пункте. Прислали грузовик и всех перевезли туда и накормили...

А ранним утром появился оставшийся в Кореновской фельдшер и сообщил страшную новость: ночью Кореновская снова была взята красными, и там совершилась жестокая расправа с тяжелобольными корниловцами и ранеными дроздовцами, нас спасшими, а также с

теми жителями, которые чествовали нас обедами... Ночью пылали по-дожженные стога сена и слышался страшный вопль бросаемых в огонь раненых...

Так омрачилась наша нечаянная радость.

*Н. Ребиков*¹¹⁷

ГАУБИЧНАЯ БАТАРЕЯ ВО 2-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹¹⁸

Май 1918 г.

23. Батарея стоит в Новочеркасске. В 4 часа получено приказание к 5 часам прибыть на сборный пункт. В 6 часов колонна 3-й дивизии выступила вдоль железной дороги на станцию Аксайская. Шел проливной дождь. В станице Аксайской было объявлено, что завтра батарея в составе двух 48-линейных гаубиц системы Шнейдера будет погружена на баржу. Жители в станице относились к добровольцам очень предупредительно.

24. В 11 часов батарея погрузилась на баржу, и в 13 часов буксирный пароход потянул баржу вдоль по реке Дону. В 20 часов прибыли в станицу Манычскую, где, несмотря на темноту, выгрузились и стали по квартирам.

25. Дневка в станице.

26. На рассвете колонна 3-й бригады русских добровольцев выступила в глубь донских степей. Шел сильный дождь. На ночь остановились в хуторе Полячки. Хутор населен иногородними. Жители бедные. Разместились тесно. Переход 25 верст.

27. В 8 часов колонна выступила на станицу Мечетинскую. В 2 верстах от станицы колонна остановилась. Пехота сошла с пдвод и построилась. Вперед пошла кавалерия и конно-горная батарея. На дороге 3-ю бригаду встретили генералы Деникин и Алексеев, которые сказали приветственные речи. У станицы были выстроены части Добровольческой армии. Ответную речь сказал полковник Дроздовский. После чего был произведен смотр частям. Сперва проходили части Добровольческой армии, а затем 3-я бригада. Таким образом состоялось соединение 3-й бригады с Добровольческой армией. Разместились по квартирам в станице.

28. Вся 3-я бригада перешла в станицу Егорлыкскую, где стояла кавалерия генерала Эрдели. Генерал Эрдели произвел смотр бригаде. Переход 25 верст.

От 29 мая по 9 июня бригада стояла по квартирам в станице Егорлыкской.

Июнь 1918 г.

Прибытие отряда Дроздовского произвело большое впечатление на старые добровольческие части. Особенно обилие боеприпасов, а также броневик «Верный». Все это вселяло бодрые надежды на будущее. В этот период времени из батареи было командировано в Новочеркасск несколько офицеров для приема 6-дюймовой полевой гаубицы.

10. Батарея в 21-м часу в составе колонны 3-й дивизии выступила в направлении на Торговую. Пехота была посажена на подводы.

11. В 12 часов был большой привал у зимовника Пишванова. В 16 часов колонна тронулась дальше. Движение происходит среди безбрежных степей, покрытых высокой травой.

12. В 2 часа колонна прибыла на разъезд Трубецкой и остановилась на привал. В 5¹/₂ часа пехота пошла в направлении на ст. Торговую. Приближаясь к поселку, пехота развернулась в цепь. Батарея стала на открытую позицию на склоне, обращенном к красным. Красная артиллерия открыла огонь, но стреляла очень плохо. Батарея своим огнем сперва заставила замолчать красные батареи, а затем перенесла огонь по пехоте красных. Ввиду малочисленности снарядов приходилось расходовать их чрезвычайно экономно. К 12 часам красные начали приходить во все большее и большее замешательство. Наша пехота ворвалась на станцию. Полковник Дроздовский, не зная, что наша пехота уже на станции, приказал обстрелять станцию. Батарея выпустила по станции несколько снарядов, а там уже находились 9-я рота и броневик «Верный». В 17 часов село Воронцовско-Николаевское было окончательно занято нами и батарея разместилась по квартирам. Весь переход от Егорлыкской с боем — 75 верст. К концу боя прибыла 6-дюймовая полевая гаубица с передком. Гаубицу вез грузовой автомобиль.

13. Батарея стояла по квартирам в селе Воронцовско-Николаевском.

14. Для обеспечения Добровольческой армии с севера было приказано занять мосты через реку Маныч. Выполнение этого началось в 8 часов выступлением дивизии на село Шаблиевка. Пехота дивизии была погружена в эшелон. Артиллерия же вместе со 2-м конным полком и конно-горной батареей двигалась походным порядком под командой полковника Ползикова¹¹⁹. Мортирный взвод шел в составе двух 48-линейных и одной 6-дюймовой гаубицы при двух снарядных ящиках. 6-дюймовые снаряды везли на обывательских подводах. Село Шаблиевка занял 1-й офицерский полк. Село Шаблиевка обстреливалось красным бронепоездом. Колонна 3-й дивизии, пройдя Шаблиевку, остановилась на ночлег в хуторе Екатерининском.

15. В 5 часов батарея в составе колонны полковника Жебрака выступила к переправе через реку Маныч для занятия железнодорожного моста. Колонна двигалась из Екатериновки на зимовник Кульгавов. Вдоль железной дороги наступал отряд полковника Фридмана:¹²⁰ бронепоезд и 6-я рота. При подходе к зимовнику Кульгавов колонну начали обстреливать артиллерийским огнем. Батарея выехала из колонны и стала на позицию на западной окраине зимовника. Здесь впервые открыла огонь 6-дюймовая гаубица. Подступы к мосту были укреплены; были вырыты окопы, и были устроены проволочные заграждения. 6-дюймовая гаубица очень удачно стреляла по окопам и произвела замешательство у красных. Пехота двинулась во весь рост в атаку. 3-я рота переправилась по горло в воде через реку Маныч и пошла в обход моста, артиллерия усилила огонь. Пехота подошла к мосту и его заняла. Батарея снялась с позиции и двинулась к мосту. Пошли дальше развернутым порядком на железнодорожную будку к северу от моста. У станции Великокняжеской красные сопротивления не оказывали. Отряд свернулся в колонну и вошел к 17 часам в станицу. Артиллерия стала по квартирам на западной окраине станицы. В результате боя красные были отброшены и была захвачена большая добыча.

16. Батарея стоит в станице Великокняжеской. Захвачены у красных кони, столь нужные для батареи.

17. В 8 часов батарея в составе колонны походным порядком перешла на ст. Торговая. 6-дюймовую гаубицу погрузили в железнодорожный эшелон и перевезли по железной дороге на ст. Торговая. Переход 34 версты.

18. Мортирный взвод (т. е. гаубичная батарея) стоит в селе Воронцовско-Николаевском. Ввиду предполагавшегося перехода красных в наступление главное командование решило не упускать инициативы из своих рук и перейти самим в наступление. 3-й дивизии было приказано занять ст. Развильное. Для чего: 1) отряду полковника Жебрака — 2-му офицерскому стрелковому полку под прикрытием бронепоезда к 23 часам перейти железнодорожным эшелонном на ст. Крученскую. 2) Отряду полковника Ползикова: 2-й конный полк, легкая батарея и мортирный взвод — в 23 часа выступить на село Николаевка и там сосредоточиться.

19. Село Николаевка оказалось занятым красными. В это время на ст. Крученская высаживался 2-й офицерский полк Жебрака. Красные бронепоезда открыли сильный огонь и подбили наш бронепоезд (собственно говоря, это не был бронепоезд, а платформа с 3-дюймовым орудием. Вместо щитов платформа была кругом обложена шпа-

лами, которые давали гораздо меньшую защиту. Бронепоезд называли «еловый»). В 6 часов 30 минут колонна полковника Жебрака и полковника Ползикова соединились. Мортирный взвод стал на позицию и вел огонь по красному бронепоезду. Пехота пошла в атаку на село Николаевка с востока. В 14 часов наша пехота ворвалась в село и выбила красных. В 16 часов без боя было занято село Поливечное, а в 20 часов ст. Развильное.

20. 3-й дивизии совместно со 2-й дивизией приказано занять село Песчаннокопское. В 14 часов артиллерийский взвод в составе колонны полковника Ползикова (2-й конный полк и легкая батарея) выступили на село Песчаннокопское. Колонна шла правее железнодорожного пути, и 2-й офицерский полк везли в эшелоне под прикрытием «елового» бронепоезда. 5-й польский эскадрон 2-го конного полка ворвался было в село, но был оттуда выбит. Артиллерийский взвод стал на позицию и открыл огонь по окраине села и по цепям красных. Красные бронепоезда вели сильный огонь по нашему бронепоезду и пехоте.

В 19 часов красные вследствие наступления колонны генерала Боровского со стороны села Богородицкого начали отходить. Наша пехота перешла в решительное наступление и заняла село. В селе нашли много скрывшихся матросов. Артиллерийский взвод ночевал в поле перед селом. Переход 17 верст.

21. Днем артиллерийский взвод перешел в село и стал там по квартирам. Жителей в селе осталось мало. Мужчины почти все были мобилизованы красными, а другие бежали, боясь «кадетов» вследствие рассказов большевиков о якобы грабежах и насилиях белых.

22. Приказом Главнокомандующего Добровольческой армией от 22 июня за № 331 артиллерийский взвод переименован в гаубичную батарею. В 18 часов все части 3-й дивизии сосредоточились и выступили на село Белая Глина. 3-й дивизии приказано взять село Белая Глина с северо-востока между железной дорогой и речкой Рассыпной. Левее со стороны Павловки наступал отряд полковника Кутепова. Правее с севера отряд генерала Боровского. Колонна шла без мер охранения. Перед выступлением из Белой Глины прибыли парламентеры. В 12 верстах от Песчаннокопского гаубичная батарея остановилась у железнодорожного переезда. Наша пехота пошла вперед. Красные ракетами освещали местность. В колонне было запрещено курить и разговаривать.

23. В 2 часа полковник Жебрак во главе 2-го батальона самостоятельно атаковал Белую Глину и занял хутор перед селом. Батальон попал под сильный огонь и понес очень большие потери. Красные

перешли в контратаку и выбили батальон из хутора. 3-й батальон также понес потери. В это время начало светать. Гаубичная батарея стала на позицию и открыла огонь по красным. В это время слева — колонны полковника Кутепова и справа — генерала Боровского продвигались с успехом. В 8 часов 30 минут наша пехота вновь перешла в наступление и большевики бросились бежать. К 11 часам батарея вступила в село и стала по квартирам. Тотчас же после занятия села началось вылавливание красных, которые там скрылись массами. В пехоте были убиты полковник Жебрак и 43 офицера — часть офицеров была сожжена живьем, будучи ранеными. Полковник Жебрак был также сожжен. Переход 20 верст.

24. Состоялись торжественные похороны полковника Жебрака и 43 офицеров.

25—28. Батарея стояла в Белой Глине — село огромное.

29. В 13 часов 3-я дивизия выступила на станицу Ново-Покровскую, где она должна сменить 1-ю дивизию. Станица обстреливается артиллерийским огнем красного бронепоезда. Ново-Покровская — первая кубанская станица, занятая добровольческими частями. Жители встречали очень хорошо. В станице сформирован 4-й пластунский батальон, который придан 3-й дивизии. Переход 20 верст.

30. 3-я дивизия стоит спокойно в станице Ново-Покровской. Вечером пришло приказание ночью выступить из станицы в направлении на станицу Терновскую.

Июль 1918 г.

1. Колонна перед рассветом двинулась в направлении на станицу Терновскую. Двигались недалеко от полотна железной дороги. В 6 часов у ст. Порошино появился красный бронепоезд, который открыл огонь по колонне. Наша легкая батарея открыла огонь по бронепоезду, появился и наш «еловый» бронепоезд. Красный бронепоезд начал быстро отходить, а наш бросился преследовать. Во время перестрелки наш бронепоезд был подбит и загорелся. Несмотря на это, он огонь не прекращал. Все это время колонна беспрепятственно продолжала путь вперед. Без большого боя были взяты станица Терновская и ст. Порошино. Пройдя станицу, 2-е орудие батареи стало на позицию и открыло огонь по уходившему поезду красных. Было выпущено 3 снаряда. В 12 часов колонна от ст. Порошино двинулась дальше в направлении станицы Тихорецкой. Приказано атаковать Тихорец-

кую с востока. Гаубичная батарея двигалась за солдатским полком. (Солдатский полк, впоследствии Самурский, был сформирован из военнопленных красных. Бой под Тихорецкой был его первым боем. Полк действовал очень хорошо. Первым его командиром был полковник Шаберт.) Во время движения вперед колонна все время обстреливалась беспорядочным огнем красных бронепоездов, которых последовательно отгоняли своим огнем легкие батареи. В 17 часов у переезда, в 5 верстах от Тихорецкой, батарея стала на закрытую позицию и открыла огонь по цепям красных. Солдатский полк двинулся храбро в атаку. В это время передки батареи, стоявшие сзади, были обстреляны артиллерийским огнем. Пришлось переменить место стоянки. В передках были убиты две лошади. В это время колонна полковника Кутепова заняла станицу Тихорецкую, а колонна генерала Боровского атаковала красных со стороны Демьяновки. Красные начали в беспорядке отходить, неся большие потери. Батарею в это время посетил генерал Деникин, который разговаривал с офицерами батареи. Батарея снялась с позиции и двинулась в направлении на хутор Тихорецкий, который уже был занят нашими войсками. С темнотой батарея расположилась под открытым небом у водокачки. На станции была захвачена большая военная добыча, несколько эшелонов и два или три бронепоезда. Батарея с боем сделала 52 версты.

2. Батарея стоит в Тихорецкой на площади. Батарея выделила на формирование захваченного бронепоезда несколько офицеров во главе с полковником Скопиным¹²¹, который был назначен командиром бронепоезда. Из 2-го орудия ушли капитан Романов и прапорщик Горяный (полковник Скопин — бывший командир 28-го тяжелого артдивизиона. Капитан Романов служил в Кавказской Гренадерской Артбригаде. Прапорщик Горяный окончил 10 ускор. курс Сергиевского артиллерийского училища).

3. Батарея разместилась по квартирам в хуторе Тихорецком.

4. Батарея стоит в армейском резерве.

5. В 23 часа 6-дюймовая гаубица под командой капитана Львова погружена в эшелон для следования на стан. Сосыка в распоряжении 1-й дивизии.

6. Батарея стоит в хуторе Тихорецком.

6-дюймовая гаубица присоединилась к колонне 1-й дивизии и участвовала в бою под станицей Крыловской, которая была занята без большого труда. 18 верст — переход.

7. Ночью 6-дюймовая гаубица была вызвана для поддержки атаки на станицу Ново-Екатериновскую, которая была взята на рассвете. После чего гаубица вернулась на станцию Крыловская.

8. На рассвете батарея погрузилась на Тихорецкой в железнодорожный эшелон для перевозки на станцию Крыловская, куда она и прибыла и выгрузилась в 14 часов.

Действовавшая отдельно 6-дюймовая гаубица на рассвете участвовала в наступлении на станцию Кисляковская, где она вела огневой бой с красным бронепоездом. Удачным попаданием снаряда была взорвана площадка бронепоезда. После упорного боя станция была взята. На ночь батарея расположилась в станице. Переход 19 верст.

9. Батарея стоит в станице Кисляковской. В 23 часа батарея в составе колонны 1-й дивизии выступила на Кушевку.

10. На рассвете занята без боя станица Кушевка, где батарея расположена по квартирам. В 16 часов нашими подрывниками взорван железнодорожный мост через реку Ея. Как тогда говорилось, то было сделано, чтобы не было железнодорожного сообщения с местами, занятыми немцами.

6-дюймовая гаубица направлена на станцию Кавказская.

11. Батарея стоит в Кушевке. В 20 часов две 48-линейные гаубицы были погружены в эшелон для переброски на екатеринодарское направление.

6-дюймовая гаубица прибыла на Кавказскую.

12. Батарея в составе двух 48-линейных гаубиц перевозится на екатеринодарское направление.

6-дюймовая гаубица выгрузилась в станице Темюжбекской и вела огонь по красным.

13. Эшелон с батареей прибыл на станцию Платнировская. В 16 часов эшелон с батареей перешел на станцию Пластуновская. Станция обстреливается красным бронепоездом.

14. На рассвете батарея выгрузилась и стала по квартирам в станице Пластуновской. Станица обстреливается красной артиллерией.

15. В 14 часов батарею приказано спешно перейти в станицу Платнировскую, ввиду прорыва красного отряда Сорокина на станицу Кореновскую. Батарея совершила движение в Платнировскую без прикрытия. Переход 18 верст. Станица Платнировская занята пластунами.

16. На рассвете начался бой с целью выбить отряд Сорокина из Кореновской. Батарея стала на открытую позицию в одной версте к северу от Платнировской, влево от железнодорожной линии. Поле было покрыто снопами скошенной пшеницы. В прикрытии батарею была дана сотня пластунов и полсотни конных. В 7 часов, вследствие отхода нашего левого фланга и сильного натиска красных, наша пехота начала быстро отходить. Стоявшее немного впереди легкое ору-

дие взялось «на задки» и пошло рысью назад. Тогда полковник Медведев¹²² разослал всех своих разведчиков, чтобы остановить пехоту. Батарея же усилила огонь. Наша пехота остановилась на уровне батареи. Вскоре наша пехота перешла в контратаку и отбросила красных. Позиция батареи сильно обстреливалась артиллерийским и ружейным огнем красных. На батарее был ранен доброволец Охременко (в шею — ружейной пулей). Батарея на ночь осталась в поле на позиции. День был очень жаркий, и воду доставали с трудом. Обед в походной кухне был привезен на позицию. К вечеру на батарее осталось всего 2 снаряда.

6-дюймовая гаубица участвовала во взятии города Армавира в составе 2-й дивизии.

17. Батарея продолжала стоять на позиции, имея всего один снаряд (один снаряд был выпущен по отходившим красным обозам). День начался ружейной и артиллерийской перестрелкой. Днем наша пехота перешла в наступление и заняла станицу Кореновскую. В 14 часов батарея сперва перешла в Платнировскую, а в 16 часов было приказано перейти в станицу Кореновскую, куда батарея пришла в 20 часов и стала по квартирам.

6-дюймовая гаубица была поездом перевезена на разъезд Милованово, где она выгрузилась 18-го числа.

18. Батарея стоит в Кореновской. Станица обстреливается артиллерийским огнем красных. В 19 часов батарея получила 100 снарядов. Снаряды были привезены из города Ейска. В 24 часа батарея выступила в составе колонны 1-го Кубанского стрелкового полка.

6-дюймовая гаубица имела бой под станицей Тифлисской. Ранен прапорщик Троицкий. В 18 часов орудие было погружено в поезд и перевезено на станцию Тихорецкая.

19. На рассвете колонна 1-го Кубанского стрелкового полка внезапно попала под сильный пулеметный и ружейный огонь. Оказывается, колонна проходила вдоль фронта расположения красных, бокового же охранения в колонне не было. К счастью, кубанские казаки не растерялись и бросились с подвод с криками «ура» в атаку. Батарея рысью свернула с дороги, стала на позицию и открыла огонь. Вначале удалось потеснить красных, но потом они сами перешли в решительное наступление и начали теснить кубанских стрелков, у которых было очень мало патронов. Скоро прицел на батарею дошел до 13. Командир батареи приказал отходить. В 1-м орудии были убиты два коня, и его вывезли с трудом. 2-е орудие стало вновь на позицию и выпустило по красным цепям несколько снарядов. В это время ружейной пулей в висок был убит капитан Коваленко, во

2-м орудии был ранен подпоручик Колесниченко. Тяжело контужен подпоручик Ребиков, а в обозе ранен капитан Петрович¹²³. Батарея отходила самостоятельно через хутор Малеванный сперва на восток, а затем на север, где она присоединилась к колонне 1-го офицерского полка. Колонна вышла на ст. Выселки, где батарея и расположилась. 1-е орудие батареи вследствие преждевременного разрыва вышло из строя. На батарее осталось 7 снарядов.

20. В 7 часов 2-е орудие стало на позицию под Выселками и выпустило по красным свои последние снаряды.

21—24. Батарея стоит на ст. Выселки.

25. Батарея без снарядов погрузилась в эшелон и перешла на ст. Тихорецкая, где выгрузилась и разместилась по квартирам.

6-дюймовая гаубица погрузилась 20-го в эшелон и переехала на ст. Выселки, где выгрузилась и стала на позицию.

31. 6-дюймовая гаубица погрузилась в эшелон и переехала на ст. Динская, где поступила в распоряжение 1-й пехотной дивизии.

Август 1918 г.

1. 6-дюймовая гаубица в составе 1-й дивизии (1-й Кубанский стрелковый полк) стояла на позиции на юго-запад от Динской и стреляла по красному бронепоезду.

2. То же орудие в составе колонны 1-й пехотной дивизии вступило в город Екатеринодар с северной стороны и встало на позицию на Крепостной площади, имея наблюдательный пункт на чердаке Марининского женского института.

3. То же орудие погрузилось на ст. Екатеринодар в эшелон и переехало на станцию Кавказская, где выгрузилось 4-го числа.

5. Гаубичная батарея (две 48-линейные гаубицы) погрузилась в эшелон и перешла на станцию Кавказская, где выгрузилась и стала по квартирам.

6. Гаубичная батарея (все три орудия) погрузилась в эшелон и переехала на ст. Ставрополь.

7. Батарея выгрузилась и перешла в распоряжение 2-й пехотной дивизии. В 16 часов батарея стала на позиции на северо-восточной окраине города. Взвод 48-линейных гаубиц севернее железнодорожной насыпи Ставрополь-Дивное, а 6-дюймовая гаубица — севернее. Позицию занимает Ставропольский офицерский полк.

8. На рассвете красные повели энергичное наступление на Ставропольский офицерский полк со стороны села Надежда. Наша пехо-

та начала отходить. Вышедший вперед броневик «Верный» загорелся. 6-дюймовая гаубица очутилась впереди железнодорожной насыпи без пехоты. Орудие было взято «на задки» и начало отходить сперва вдоль, чтобы пройти под железнодорожным мостом, т. к. сзади была высокая железнодорожная насыпь. Близко подошедшие красные цепи перестреляли коней, и орудие очутилось в критическом положении. В это время начали бегом подходить роты Корниловского полка, которые только что прибыли эшелонном со стороны Кавказской. Подошел также бронепоезд «Вперед за Родину». Энергичной контратакой красные были отброшены и положение восстановлено. В 6-дюймовой гаубице был смертельно ранен кадет Еланский, ранены: капитан Хеншинский, подпоручик Станкевич, прапорщики Зрюнин и Коваленко, кадеты Андреев и Завжалов, добровольцы Деменчук, Бурдин и Рожнов. Убито и ранено 15 коней. Красные обратились в бегство. Гаубичная батарея своим огнем преследовала красных и потом пошла за пехотой. К вечеру перешли в село Надежда, где ночевали.

9. Гаубичная батарея с Корниловским батальоном перешла в Темнолесскую, где стала по квартирам.

12. Батарея вместе с корниловцами без боя перешла в станицу Ново-Екатериновскую, где расположилась по квартирам. Переход 18 верст.

13. Красные попытались занять город Ставрополь со стороны Сингелевской, Корниловский полк вместе с гаубичной батареей получили приказание занять станицу Сингелевскую. В 20 часов батарея в составе колонны Корниловского полка выступила в поход.

14. Движение колонны шло через Темнолесскую—Татарку. На рассвете прошли Ставрополь. Батарея стала на юго-западной окраине Ставрополя. В 13 часов 30 минут батарея вместе с полком выступила дальше. Подойдя на 6 верст к Сингелевской, колонна попала под огонь красных. Корниловцы рассыпались в цепь и повели наступление на Сингелевскую. Гаубичная батарея стала на позицию. 6-дюймовая гаубица несколькими снарядами заставила замолчать красную батарею, а взвод 48-линейных гаубиц вел огонь по пехоте красных. Красные начали быстро отходить, но Сингелевскую занять не удалось ввиду наступившей темноты. Батарея ночевала в поле. Переход 60 верст.

15. С рассветом наступление на Сингелевскую возобновилось. Батарея своим огнем поддерживала наступление пехоты. На правом фланге действовал Кубанский полк Улагая. В 12 часов нам удалось занять ст. Сингелевскую. Красные в беспорядке отходили на юг. В 13 часов отряд выступил для преследования красных в направлении станицы Николаевской. В 24 часа колонна без боя вошла в станицу Николаевскую, где расположилась по квартирам.

16. Батарея стоит в станице Николаевской в распоряжении генерала Черепова¹²⁴.

17. 6-дюймовая гаубица получила приказание перейти в распоряжение полковника Писарева у горы Недреманной. В 18 часов гаубица погружена в эшелон и перевезена под город Ставрополь.

18. На рассвете 6-дюймовая гаубица выгрузилась и походным порядком перешла на гору Недреманную. Орудие пришлось поднимать по очень крутой дороге. Орудие везли на волах. Подъем продолжался 8 часов. На горе Недреманной был окружен красный отряд Балахонова, числом около четырех тысяч человек. Осада Балахонова продолжалась уже несколько дней, но сбить его с горы не удавалось.

Взвод 48-линейных гаубиц стоит в станице Николаевской.

19. 6-дюймовая гаубица весь день стояла на позиции. В 24 часа отряд Балахонова открыл сильный ружейный огонь, после чего наступила полная тишина.

Взвод 48-линейных гаубиц перешел в хутор Горькореченский, где стал по квартирам. Переход 20 верст. В хуторе отдыхают две роты корниловского полка.

20. Утром выяснилось, что отряд Балахонова ночью незаметно прошел мимо расположения офицерского Ставропольского полка¹²⁵. 6-дюймовая гаубица пошла в направлении Ново-Екатериновской. Ввиду тяжелой дороги орудие везут на волах. Ночевали по дороге на хуторе.

21. Днем 6-дюймовая гаубица выступила на станицу Ново-Екатериновскую. Орудие везут волах. Гаубица прибыла в Ново-Екатериновскую в 14 часов. В 15 часов орудие выступило в составе отряда для занятия Невинномысской. Орудие имеет всего два снаряда. Пройдя хутор Голопузовку, наша пехота начала наступать, но была обращена в бегство красным бронепоездом. Гаубица выпустила по бронепоезду последние две бомбы, после чего начала отходить на Ново-Екатериновскую, куда в беспорядке отошла наша пехота. Красные не преследовали.

Взвод 48-линейных гаубиц перешел в станицу Убеженскую, дабы воспрепятствовать переправе красных через реку Кубань. Во время спуска с горы взвод был обстрелян пулеметным огнем с противоположного берега реки Кубани. Батарея стала на позицию, но огня не открывала.

22. Взвод 48-линейных гаубиц стоит в станице Убеженской. На фронте 6-дюймовой гаубицы затишье.

23. Взвод 48-линейных гаубиц вернулся в хутор Горькореченский, где стоит в резерве отряд генерала Черепова. Во время подъема на гору взвод был обстрелян шрапнельным огнем красных.

24—30. Взвод 48-линейных гаубиц стоит в хуторе Горькореченском.

Обзор боевых действий за 2-й Кубанский поход

Огнеприпасы. За время 2-го Кубанского похода батарея очень страдала от недостатка снарядов и зарядов. Из дневника видно, что батарея несколько раз стояла продолжительное время без снарядов — в резерве.

Самозащита батареи. Прикрытие батареи (за исключением боя под Кореновской) не придавалось. Пулеметов на батарее в это время не было. Орудийные номера (офицеры) винтовок не имели, револьверами же были вооружены далеко не все офицеры. Зато пехота, с которой действовала батарея, была прекрасна, и на ее защиту можно было положиться.

Формирование. На станции Тихорецкая батарея выделила офицеров под командой полковника Скопина на формирование бронепоезда «Единая Россия». Затем выделила 6-дюймовую гаубицу для образования тяжелой полевой батареи.

Пехота в бою. Наша храбрая пехота часто стремительно двигалась в атаку во весь рост. Возникает при этом вопрос, что, может быть, это было напрасно и даже вызывало излишние потери. Я думаю, что это не так: стремительная атака во весь рост безусловно производила на красных большое впечатление и они часто в беспорядке отступали. Как правило, на стороне красных был большой перевес в силах. Красные в бою не проявляли большой стойкости.

Солдатский Самурский полк. Из многочисленных пленных был сформирован солдатский полк. Вначале к этому формированию относились с недоверием. В первом же бою под Тихорецкой Солдатский полк себя вполне оправдал и заслужил доверие. В батарее также появились солдаты из пленных, которые служили верой и правдой.

С. Нилов¹²⁶

НА БРОНЕВИКЕ «ВЕРНЫЙ»

(из воспоминаний 1918 года)¹²⁷

Майским вечером за околицей степной станицы Мечетинской у ветряка стоит невысокий генерал с седыми бровями. Позади него расположены строем марковцы, Партизанский полк и кубанские сотни пластунов. Все внимательно смотрят на север, откуда уже издалека

виднеются и выходят штыки пехоты и флюгера пик кавалерии. Иг­рает музыка, и впереди колышется бело-голубое андреевское знамя. Старик с седыми бровями — генерал Алексеев — снимает фуражку и кланяется знамени.

«Я думал, — говорит он, — что мы остались одни, но оказывается, что и за тысячу верст отсюда, в далекой Румынии, русские сердца бились любовью к родине...»

* * *

Короткий, но сильный ливень совершенно испортил дорогу, и я с трудом добрался до станицы Мечетинской. В штабе армии я получил приказание выдвинуться на центральную улицу — генерал Алексеев желает посмотреть броневик. Из небольшой казачьей хаты, в сопровождении генералов Деникина и Романовского, вышел верховный руководитель Добровольческой армии. Он приветливо поздоровался со мной, подошел к броневнику и постучал пальцем по броне.

— Ну, Антон Иванович, — обратился он к генералу Деникину, — теперь вы можете гордиться, и у вас технические войска завелись. Какая у вас команда? — обратился генерал Алексеев ко мне.

— Офицерская, ваше высокопревосходительство, только шофер солдат.

— Да, латыш. Я уже слышал о нем от полковника Дроздовского. А вы откуда, капитан?

— Из Смоленска, ваше высокопревосходительство.

— О, мы, значит, земляки. Давно ли вы из дому?

— Полтора года.

— Я тоже оттуда уехал, прежнего там теперь ничего не осталось... Поезжайте с Богом. Надеюсь, что ваш броневик покроет себя славой и вы доведете его до Смоленска, как довели до Дона.

Верховный удалился. Броневик «Верный» запыхтел и, разбрасывая грязь, пополз в Егорлыкскую.

* * *

10 июня 1918 года солнце только начинает всходить, когда 3-я дивизия Добровольческой армии подходит к станице Торговой. Из небольшого хутора на левом берегу Егорлыка поднимается стрельба. Полковник Дроздовский бросает в атаку часть пехоты и наш броневик «Верный». Короткая схватка, и красные поспешно отходят на

правый берег, на хутор Кузнецов, сжигая за собой мост. По берегу Егорлыка залегают цепи 2-го Офицерского стрелкового полка. До хутора Кузнецова всего двести шагов; там мелькают белые голландки матросов, они в домах поставили пулеметы и не дают стрелкам поднять головы.

Подполковник Протасович¹²⁸ вкатил орудие в сарай, проломал стену и бьет прямой наводкой по пулеметам. Большевики, сосредоточив огонь по орудию, переранили его прислугу. Стрелки лежат и несут потери. Вдоль цепи, во весь рост, в сопровождении полковника Дроздовского идет генерал Деникин. Пули поднимают пыль возле его ног, но он не обращает на них внимания. Обращаясь к стрелкам, он говорит:

— А ну, посмотрим, каковы молодые в бою. Нечего зря лежать, пора брать Торговую.

Капитан Туркул с крутого берега бросается в реку. Как один, спешит за ним вся рота. Не все хорошо справляются с глубиной реки... Короткий пулеметный огонь, стремительная атака — и хутор взят. Преследуя красных, стрелки подходят к железной дороге. Далеко вправо видна пыль — там движется какая-то колонна. Полковник Дроздовский мне говорит:

— Поезжайте и узнайте — чьи войска? Должны быть корниловцы. Возможно, это вторая бригада...

За бугром я встречаю цепь, которая при виде моего броневика залегает. Я вылезая на крышу «Верного» и начинаю махать белым платком. Из цепи поднимаются несколько человек и подходят ко мне. Корниловцы! В пыли приближается вся колонна.

— А мы уже хотели открыть по броневика огонь, — смеется командир Корниловского полка полковник Кутепов. — Передайте полковнику Дроздовскому, что я разворачиваю свой полк правее его.

Солнце палит невыносимо. Моя команда сняла рубахи и полуголая сидит в тени забора. На брошенном хуторе достали хлеб, молоко, каймак...

На автомобиле подъезжает генерал Деникин. Командую «смирно» и подхожу к нему с рапортом.

— Ишь, как вы разоделись, — говорит он, указывая на мою полуголую команду.

— Ваше превосходительство, молока не хотите?

— Угощаете?

— Так точно.

Генерал Деникин выходит из автомобиля и тут же у забора пьет молоко из одной чашки с шофером.

— Ну что, с корниловцами не удалось подраться? — спрашивает меня Главкомандующий.

— Да я только ездил в разведку...

— Знаю я эти разведки — пострелять хотелось, — смеется генерал Деникин.

* * *

23 июня 1918 года. Разбитая под Торговой красная армия Веревкина (около 15 тысяч) занимала район Песчанокотская — Белая Глина, преграждая добровольцам дорогу на Тихорецкий железнодорожный узел. В районе Сосыка—Каял находилась армия Сорокина (40 тысяч), которая решила перейти в наступление на север и этим отрезать Добровольческую армию от Новочеркасска. Кроме того, значительные силы красных (Думенко) группировались в верховьях Маньча, а против Великокняжеской была собрана сильная Царицынская группа. Всего красных было около 80 тысяч, в то время как добровольцы насчитывали не более 9 тысяч человек.

Узнав, что Сорокин наступает, генерал Деникин решил сам перейти в наступление. В ночь на 19 июня Добровольческая армия выступила на юг тремя колоннами. Правая — 2-я пехотная дивизия генерала Боровского (без Корниловского полка) с броневым автомобилем «Корниловец», имея задачей занять село Богородицкое и наступать на Белую Глину. Средняя — 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского и бронепоезд с задачей разбить красных в районе Песчанокотская—Развильное и наступать на Белую Глину. Левая колонна генерала Эрдели — 1-я пехотная дивизия полковника Кутепова (без Марковского полка), 1-я конная дивизия и броневик «Верный». Задача — разбить красных в районе Саудата—Ивановка, отбросить на восток и сосредоточиться в Ново-Павловке для содействия в захвате Белой Глины.

Приданный 1-й пехотной дивизии 3-й Кубанский полк лихой атакой захватил село Ивановку, взяв пленных и пулеметы. Мы на броневике «Верный» поддержали эту атаку. На следующий день, преследуя большевиков в направлении на село Красная Поляна, наш броневик, за которым следовало человек десять казаков на хороших лошадях, выдвинулся далеко вперед. Вдруг мы заметили, как на галопе уходит одно орудие красных и с ним зарядный ящик. Увидав наш броневик, орудие снялось с передка и открыло огонь по «Верному». Мы остановились, развернулись и стали отходить. К нам подскакали казаки, и мы снова стали преследовать орудие. Опять

орудие снялось с передка и открыло по нам огонь — мы стали отходить. Так повторялось несколько раз. Верст через десять мы увидели, что красные упряжки окончательно выбились из сил. Большевики бросили орудие и зарядный ящик и скрылись в кукурузе.

Войска генерала Эрдели, отбросив группу красных к востоку, 22 июня около 11 часов утра прибыли в Ново-Павловку. Жители ее нас приняли очень хорошо, и хозяин квартиры, где остановилась команда броневика, сейчас же затопил баню, предложив нам ею воспользоваться. Вымылись мы на славу и только легли спать, как явился казак и доложил, что генерал Эрдели требует меня к себе.

— Вы очень нуждаетесь в отдыхе? — спросил меня генерал.

— Если необходимо вести броневик, я готов.

— Прокатитесь тогда на Ново-Покровскую и если встретите красных, то разгоните их.

Проехав по дороге верст 15, я никого не встретил и уже возвращался обратно, когда увидел на полевой дороге, ведущей в Белую Глину, разъезд черкесов, затеявших перестрелку с конницей красных. Черкесы подскочили к броневикам и стали просить помочь им. Хотя это и не вызывалось срочной необходимостью, я все же свернул на Белую Глину и огнем прогнал конницу красных за их пехоту. По «Верному» стала стрелять артиллерия, и я отошел назад. Уже стемнело, когда я возвратился в Ново-Павловку.

Здесь генерал Эрдели сказал мне, что я перехожу в подчинение начальнику 1-й пехотной дивизии полковнику Кутепову, который сейчас выступает к Белой Глине, а конница идет на Ново-Покровскую с целью отрезать группу большевиков от Тихорецкой.

На рассвете 23 июня 1-й Кубанский стрелковый полк, одна батарея и мой броневик «Верный» сосредоточились в лощине в трех верстах южнее Белой Глины. Цепь кубанских стрелков вышла на бугор и залегла в высокой пшенице. Красные сразу зашевелились и из окопов южнее села открыли огонь. Открыла огонь их батарея. К «Верному», стоявшему укрыто в лощине, прискакал офицер — полковник Кутепов просит выдвинуть броневик вперед. На бугре, указывая мне на наши цепи, поднимавшиеся на холм, откуда летели пули, полковник Кутепов мне сказал: «С Богом, поезжайте, но только не увлекайтесь... Дальше полуверсты не удаляйтесь от цепи...»

«Верный» пролетел лощину, обогнул наших стрелков и остановился около большевистских окопов. Застучали пулеметы. Через минуту все побежали. Позади поднимались наши цепи, стреляя на ходу по отступавшим. Я вылез на крышу броневика и осмотрелся. Красные

бежали к Ново-Покровской, и преследовать их не было смысла — все равно их перехватит конница генерала Эрдели.

Впереди же, в одной версте, виднелась освещенная восходящим солнцем Белая Глина. Она невольно манила меня к себе, как мне казалось в этот утренний час, своим мирным видом и тишиной.

«Не увлекайтесь и не удаляйтесь», — вспомнил я совет полковника Кутепова, но, наклонившись внутрь броневика, я дотронулся до плеча шофера, произнеся: «Вперед!»

Широкая, заросшая травой улица станицы переходила в площадь; от церкви к земской больнице перебежали отдельные красноармейцы; они удивленно смотрели на броневик и не стреляли, не стрелял и я. За площадью начинались дома городского типа, и из их окон там и сям выглядывали испуганные лица.

Броневик остановился. Вокруг тишина... Внезапно на широкой улице, уходящей в сторону, откуда должен был наступать полковник Дроздовский, появился автомобиль. Он мчался с большой скоростью прямо на мой броневик.

— Легковой автомобиль! — крикнул мне поручик Бочковский и стал наводить свой пулемет.

— Подождите... Не открывайте огонь, — остановил я его. — Еще неизвестно, чей автомобиль, с той стороны должны подойти наши...

Но в это время легковая машина поравнялась с нами. В ней сидели четыре человека в кожаных куртках. Стало ясно — большевики.

— Огонь! — закричал я пулеметчикам.

Большевики обернулись и с недоумением смотрели на меня. Еще мгновение — и автомобиль исчез бы за поворотом. Заработал пулемет. Пули подняли пыль вокруг автомобиля. Большевики пригнулись... Уйдут, уйдут — стучало в голове... Но автомобиль вдруг потерял управление, налетел на телеграфный столб, сломал его как спичку, врезался в забор, проломал его и влетел в сад...

— Ну, наверное, все убиты, — радостно сказал мой шофер Генрих, открывая настежь свое окно.

Я схватил карабин, спрыгнул с броневика и бросился в сад. Автомобиль с разбитым радиатором стоял упершись в дерево. На сиденье лежало свернутое красное знамя. В кустах смородины кто-то тихо стонал. Я раздвинул кусты. На траве лежал человек в кожаной куртке, у него была перебита нога.

— Кто ты?

— О, не убивайте меня, — взмолился раненый. — Я ни при чем! Я только шофер...

— Кого ты вез?

— Товарища Жлобу...

Товарищ Жлоба, ну, черт с ним! Я повернулся и вышел из сада. Эта фамилия мне ничего не говорила. О, если бы я знал, кто такой товарищ Жлоба и какую роль он будет играть впоследствии, я перевернул бы весь сад и нашел бы его.

У крыльца дома билась в истерике девушка — она испугалась пулеметной стрельбы. Я попробовал ее успокоить, но она смотрела на меня испуганными глазами и продолжала громко рыдать. От станции железной дороги бежали красноармейцы, неслись тачанки с пулеметами и походные кухни. Все это устремилось на Ново-Покровскую.

«Верный» помчался за ними. На узкой улице броневик врезался в гущу людей и повозок, и сразу же застучали его четыре пулемета. Все смешалось. Валились убитые и раненые, а обезумевшие живые бросались во дворы, прыгали через заборы и прятались в садах.

Через несколько минут улица была очищена. Стонали лишь раненые. Валялись брошенные повозки и пулеметы. На одной тачанке продолжал сидеть рослый парень, видимо ничего не соображавший от испуга.

— Иди сюда! — крикнул я ему, — да тащи свой «кольт».

Парень покорно принес пулемет и робко спросил, что я ему еще прикажу. По временам из-за домов выскакивали красноармейцы, но сейчас же прятались при виде броневика. Мои пулеметчики выпускали короткие очереди и замолкали.

За насыпью железной дороги лежала цепь, которая открыла по «Верному» редкий огонь. Мы ответили и пошли к станции. Из-за построек выскочили конные и сейчас же скрылись, но я успел заметить синие погоны. Свои!.. Партизаны!..

Я вышел из машины и пошел на станцию. Навстречу мне шли три офицера.

— А мы приняли вас за большевиков, — сказали они смеясь. — Видим, со стороны большевиков броневик катит...

— А флаг?

— Да разве его разберешь... Впрочем, вы тоже по нас пальнули!

«Верный» с трудом перебрался через мостик и выскочил на площадку в юго-западном углу Белой Глины. На площадке стояла и пыхла такая же железная коробка, как «Верный», немного только пониже. Из бойниц выглядывали пулеметы. Красный броневик!

— Зарядить броневойными! Вперед!

У меня вспыхнула мысль — сблизиться с красным броневиком вплотную и, пользуясь преимуществом в высоте, прыгнуть в него; если

же это не удастся, то просто бросить в красную коробку ручную гранату.

К нашему удивлению, команда красного автомобиля не приняла боя. Видя приближение «Верного», большевики выпустили очередь, выскочили из машины, перепрыгнули через плетень и скрылись в курузе.

«Черный Ворон» — прочли мы гордую надпись под красной звездой. Машина была в исправности, мотор еще работал, в пулеметах были продрнуты ленты.

Пулеметчик Кобенин забрал «добычу» — сахар и ботинки, поручик Бочковский — запасные пулеметные части, а шофер Генрих — ключи и цепи, каждый по своей специальности... Зачеркнув мелом «Черный ворон», я написал — «Партизан».

Вдруг из переулка неожиданно вылетел башенный броневомобиль и полным ходом устремился на нас. Мы бросились к «Верному», но наша тревога была напрасна — это был «Корниловец», работавший со 2-й дивизией. Из машины вышел в замасленной и порванной гимнастерке капитан Гунько¹²⁹. Вольноопределяющийся Кобенин торжественно преподнес ему ботинки...

Оставив «Корниловца» на площади, я вернулся к земской больнице, где нашел полковника Кутепова.

— Я вам приказывал не увлекаться, — набросился он на меня, — а вас только и видали! Полтора часа пропадали! Я беспокоился о вас, — добавил он уже мягче и, показывая на валявшиеся трупы красноармейцев, спросил: — Это работа «Верного»?

— Так точно. Куда прикажете сдать?

— А, и пулемет есть! Отдайте стрелкам. А за лихую работу спасибо всей команде...

Солнце поднималось все выше. На северо-восточной окраине трещали пулеметы и над нашими головами рвались шрапнели. Там наступала наша родная 3-я дивизия, и большевики, не знавшие, что Белая Глина уже занята, оказывали упорное сопротивление.

— Поезжайте на северо-восточную окраину и поддержите 2-й Офицерский полк, — приказал мне полковник Кутепов. — Только опять не увлекайтесь особенно...

У мельницы я встретил 3-й эскадрон 2-го конного полка под командой штабс-ротмистра Цыкалова.

— Как дела? — спросил он меня.

— Прекрасно. Вторая и первая дивизии давно вошли в село...

— Ну а наши понесли большие потери. Хорошо бы атаковать красных с тыла...

— Так за чем же дело стало? Валяйте за «Верным».

Наш броневик помчался по улице; сзади, наклонивши пики с черно-белыми флюгерами, галопом скакал эскадрон. Но скоро лошади вымотались и отстали; лишь штабс-ротмистр Цыкалов да еще два всадника продолжали скакать за нами. Впереди через улицу перебежало много красноармейцев, стараясь скрыться в садах. Не останавливаясь, я обстрелял их из пулемета и полным ходом свернул в улицу направо. Здесь я неожиданно врзался в густую массу большевиков, которые, свернувшись в колонну, спокойно отходили к центру села.

Растерявшийся шофер без моей команды остановил машину... Остановились и пораженные видом броневика большевики. Несколько мгновений продолжалось это взаимное изумление, а затем разом заговорили мои четыре пулемета. Услыша стрельбу и расстреливаемые в упор красноармейцы валялись на землю, убитые и вместе с ними живые, не стараясь бежать. Затем, перепуганные, они надевали на штыки свои фуражки в знак того, что сдаются. Я приказал им сложить в одно место винтовки и построиться. В это время прискакал штабс-ротмистр Цыкалов с двумя всадниками и занялся пленными.

На окраине села у мельницы «Верный» снова встретил около батальона большевиков, прижал их к забору и заставил положить оружие и сдать ся.

В это же время по улице вдоль ручья понеслись пулеметные танки, кухни и разные повозки. Я на «Верном» обогнал их и передними повозками загроздил дорогу. Обогнув квартал, мы снова устремились к мельнице, где захватили пять пулеметов.

Когда, выйдя из броневика, я смотрел, как большевики бежали и скрывались в огородах, какой-то красноармеец в белой рубашке остановился шагах в ста от меня, поднял винтовку и выстрелил. Я в свою очередь схватил карабин и приложился. Мы стояли друг против друга и выпускали пулю за пулей. Команда броневика с любопытством следила за исходом дуэли, не вмешиваясь в нее. На третьем выстреле я сбил большевика; он взмахнул руками и остался лежать белым пятном на зеленой траве. Мы связали захваченные пулеметы веревкой и зацепили сзади броневика, но способ этот оказался не из удачных, так как колеса пулеметов вскоре поломались. Пришлось их передать 3-му эскадрону, который уже собрался в полном порядке.

К мельнице подходили последние цепи большевиков. Вдали виднелись цепи 2-го Офицерского полка. Увидя броневик, красные залегли в пшенице. Я вылез на крышу «Верного» и, размахивая карабином, обратился к ним с речью. Эту речь я пересыпал ругательствами и угрозами перебить всех до одного, если они не сдадутся. Трудно

было объяснить психологию большевиков — почему никто из них не выстрелил в меня, очевидно, их тронула моя речь, так как один за другим они выходили на дорогу и складывали оружие. Лишь один с наглым лицом в красной рубашке не бросил винтовки. Я соскочил с броневика и карабином ударил его по голове...

В это самое время от железнодорожной будки подошел наш бронепоезд и открыл огонь гранатами и по красным, и по «Верному»... Цепь 2-го Офицерского полка, продвинувшись незаметно в высокой пшенице, тоже открыла огонь.

Я выкинул белый флаг и помчался к ним навстречу. Стрельба прекратилась, и офицеры подбежали к «Верному».

— А мы по вас бронейными пусти, — смеялись они. — Смотрим, как будто наш «Верный», но почему же он в тылу у большевиков?..

Среди цепей верхом на белой лошади ехал полковник Дроздовский.

— А, «Верный», — сказал он с грустной улыбкой. — Жаль, что вас не было с нами.

Полковник Дроздовский, нагнувшись с лошади, пожал мне руку.

— Вы знаете, что полковник Жебрак убит? — спросил он меня.

— Жебрак? — невольно воскликнул я. — Не может быть!..

— Да... Печальный бой для нашей дивизии, полковник Жебрак и восемьдесят офицеров убито, до трехсот раненых... А как ваши дела?..

— Сейчас вместе с третьим эскадром на окраине села захватил много пулеметов и свыше двух тысяч пленных...

В это время к «Верному» подлетел мотоциклист.

— Вас требует к себе главнокомандующий, — сказал он мне.

Возле будки у переезда стоял автомобиль с георгиевским флажком и несколько кубанских казаков со значками Главнокомандующего. Генерал Деникин поздоровался с командой броневика и, улыбаясь, сказал мне:

— Как вам не стыдно заставлять вашего главнокомандующего прятаться в канаве?

Видя на моем лице искреннее мое недоумение, он, смеясь, объяснил, что, видя броневик, выскочивший в тылу красных из Белой Глины и направляющийся к железной дороге, все его приняли за большевистский и принуждены были укрыться в канаве.

— Спасибо вам за лихую работу, — поблагодарил мою команду генерал Деникин. — А теперь — еще задача: часть красных прорвалась правее железной дороги; они отходят к станции Незамаевской. Я послал их преследовать Польский эскадрон и свой конвой — все, что было у меня под рукой. Поезжайте и поддержите их...

Медленно пополз по вспаханному полю «Верный». Выбравшись потом на полевую дорогу, он покатил быстрее. Вскоре встретился конвой главнокомандующего, ехавший назад; по его словам — красные были уже далеко. Однако, пройдя еще верст пять, я увидел густую цепь большевиков, отходивших на Незамаевскую. Позади них двигалась редкая цепь Польского эскадрона.

Я понесся в атаку, сбил и смешал правый фланг большевиков. Однако они учли, что броневик может свободно ходить по дорогам, и, повернув в поле, стали уходить по пахоте. «Верный» свернул было за ними, но вскоре увяз в черноземе и остановился. Красные открыли жестокий огонь. Польский эскадрон, выскочивший на линию броневика, сразу же потерял двадцать человек, то есть около половины своего состава. В свою очередь я открыл огонь из трех пулеметов и заставил красных вновь спешно отходить. Подобрал несколько тяжелораненых, я погрузил их в машину. Выбравшись наконец на дорогу, я повел «Верный» в Белую Глину, провожаемый гранатами красной артиллерии. Польский эскадрон тоже последовал за мною.

На площади у деревянной церкви хоронили командира 2-го Офицерского полка полковника Жебрака и его офицеров. Печально звучали трубы оркестра, и им вторили погребальные перезвоны колоколов. Держа винтовку на караул, мрачно стояли поредевшие ряды 2-го Офицерского стрелкового полка. Еще сегодня, когда они проходили мимо окопов, они видели там своих убитых товарищей, изуродованных и исколотых штыками, видели и своего любимого командира, храбрейшего и благороднейшего полковника Жебрака, умученного красными.

И в то время, когда печально слышался погребальный перезвон колоколов на другом конце площади, близ паровой мельницы, у каменной стены гремели залпы... Прежде чем вмешался штаб главнокомандующего, полковник Дроздовский, решив отомстить за смерть своих зверски умученных офицеров, успел, охваченный чувством негодования, расстрелять несколько партий взятых в плен красноармейцев... Остальных пленных накормили, свели в роты, назначили им офицеров и влили в Солдатский полк, сформированный из пленных, взятых в Песчанокопской. Позже этот полк был переименован в Самурский.

Этот район, вдоль железной дороги, с его большими и богатыми селами, был наиболее распропагандирован и считался одним из очагов коммунизма. Испуганные крестьяне Белой Глины нашили на фуражки белые повязки и говорили: «Мы — белые!»

В своих «Очерках русской смуты» генерал Деникин пишет: «Нужно было время, нужна была большая внутренняя работа и психологический сдвиг, чтобы побороть звериное начало, овладевшее всеми: и красными, и белыми, и мирными русскими людьми. В первом походе мы вовсе не брали пленных; во втором брали тысячами; позже мы станем брать их десятками тысяч. Это явление будет результатом не только изменения масштаба, но и эволюцией духа».

* * *

В Гражданскую войну, когда обе стороны носили приблизительно одну и ту же форму, говорили на одном языке, происходили иногда забавные, а порою трагические случаи, когда своих принимали за противника, а противника за своих. Особенно часто эти случаи происходили с броневыми автомобилями, часто действовавшими самостоятельно и в отрыве от своих частей.

Во время Второго Кубанского похода, заняв Белую Глину, Добровольческая армия, прежде чем продолжать наступление на Тихорецкую, должна была ликвидировать Южную группу красных, численностью в 6500 человек при 8 орудиях, занимавших район: село Медвежье — станицы Успенская и Ильинская. Для этого была назначена 2-я дивизия генерала Боровского, которой был придан мой броневик «Верный».

Утром 28 июня Корниловский полк под проливным дождем атаковал хутор Богомолов в полутора верстах от села Медвежье, разбил красных и захватил много пленных. Около 11 часов выглянуло солнце и корниловцы перешли в наступление на село Медвежье.

Броневик «Верный» с надетыми на колеса цепями с трудом двигался по вязкой черноземной, размытой дождем дороге. Пройдя цепи красных, он попал под обстрел большевистской батареи, стоявшей впереди села. Обстрелянная дальним пулеметным огнем батарея вскоре подала передки и скрылась в селе. Громадное уездное село Медвежье после дождя превратилось в болото.

Выехав с большим трудом из-за ужасной грязи на площадь и пытаясь перейти через огромную лужу, броневик в ней окончательно завяз. Кругом проходили отдельные красноармейцы. Приходилось терпеливо ждать подхода корниловских цепей. Вдруг на площадь вышла отходящая рота красных — человек 150.

— Эй, товарищ, — кричал кто-то из отступавших, — что ждете? Кадеты к селу подходят! Смывайтесь скорее!

Я сидел на крыше броневика в кожаной куртке, правда, без погон, но в фуражке с кокардой. На крыше броневика развевался боль-

шой трехцветный флаг, на стенках были нарисованы трехцветные круги.

— Смывайтесь, — сказал я с досадой в голосе. — Что вы, не видите, что машина завязла в грязи?

— А мы поможем вытащить. Есть канат?

— Вот за это спасибо!

Я выкинул из броневика канат. Красные зацепили его за передние крюки машины и дружно вытащили ее на дорогу. Я еще раз поблагодарил большевиков.

— А теперь, товарищи, бросайте ружья и сдавайтесь.

— Да ты что? Да почему?

— Да потому, что мы самые кадеты и есть.

Красные никак не хотели верить. Тогда я сбросил кожаную куртку и показал им свои золотые погоны. Это, а еще больше пулеметная очередь над их головами убедили красных, что я не говорю неправду. Они положили оружие. Вскоре подошла корниловская цепь.

* * *

Генерал Боровский ночью продолжал движение, и на рассвете 29 июня авангард 3-й дивизии — улагаевский пластунский батальон и броневик «Верный» — уже по высохшей дороге подошел к станции Успенской.

Большевики окопались на буграх в версте от станицы. Пластуны развернулись и залегли. Броневик остался стоять на дороге. Невидимая за горой красная батарея стала назойливо обстреливать нас шрапнелью. Разрывы ложились близко, а в открытой степи укрыться было негде.

— Долго ли мы будем изображать собою неподвижную мишень? — сказал я командиру пластунского батальона. — Давайте пойдем в атаку.

— Приказано ждать подхода Партизанского полка, а впрочем, если вы пойдете вперед, то и я — за вами.

Броневик был встречен сильным ружейным огнем, но дорога была свободна и не перекопана; едва броневик «Верный» поравнялся с окопами, часть красных подняла руки и закричала:

— Мы — мобилизованные кубанцы...

— Идите навстречу вашим станичникам, — ответил я, указывая им на быстро приближающиеся цепи пластунов.

Влево, в полутора верстах от станицы, на выгоне стояли два орудия — красная батарея. «Верный» повернул на нее. Батарея переме-

нила шрапнель на гранату, и снаряды стали ложиться все ближе и ближе. Атаковать батарею в лоб было бессмысленно, и я уже думал повернуть в станицу, чтобы обойти батарею с другой стороны.

Однако снаряды красных начали вдруг делать все больший и больший перелет. Очевидно, большевики от волнения забыли уменьшить прицел. «Верный» пошел прямо на батарею. Когда он был шагах в трехстах, красные артиллеристы подали передки. Было жаль, но пришлось открыть огонь по передним уносам. Запряжки тотчас остановились, а номера и ездовые бросились бежать.

Мы — я и со мною два пулеметчика — высочили из броневика, повернули орудие на 180 градусов и быстро заложили снаряд. Я стал за наводчика и дернул за шнур. Граната разорвалась в версте от орудия. Я посмотрел на прицел — 27. Предположение оказалось верным: у большевиков не хватило пороху — вместо того чтобы поставить прицел 10 и спокойно подпустить броневик на 400—500 шагов и наверняка его подбить, они открыли беглый огонь больше чем за версту.

Я переменял прицел и открыл огонь по убегающим большевикам шрапнелью. Но в это самое время над нами разорвалась батарейная очередь, за ней вторая и третья. Как потом оказалось, стреляла корниловская батарея, и надо отдать справедливость, стреляла очень умело. Пришлось спешно прятаться кому под зарядный ящик, кому под машину. Шофер схватил трехцветный флаг и стал им махать с крыши броневика. Стрельба прекратилась.

Через несколько минут на легковом автомобиле, невзирая на отходящие цепи красных, примчался генерал Боровский. Он поблагодарил за взятые пушки, упрекнул за подбитых артиллерийских лошадей и сказал:

— Раз в тылу красных стоит и стреляет батарея, значит, это батарея противника и ее нужно привести к молчанию. Вам обижаться не приходится...

Я и не обижался.

* * *

Рассвет 1 июля. На степном кургане стоит начальник 2-й пехотной дивизии генерал Боровский и указывает мне на юг, где в утреннем тумане смутно вырисовываются высокие тополя.

— Видите там — станица Терновская?

— Вижу, ваше превосходительство.

— Займите ее.

Через час мой броневик, разогнав два эскадрона красных, проходит станицу и несется к станции Порошинская. Самодельный бронепоезд красных, который стоит на этой станции, старается повернуть свои пушки против «Верного» и не может. Он пыхтит и начинает отходить к Тихорецкой. Броневик и бронепоезд, постепенно сближаясь, мчатся рядом на юг, осыпая друг друга пулеметным огнем.

В это время к станции Порошинская с севера подходит другой, новейшей конструкции, бронепоезд большевиков, вооруженный трехбашенной установкой 120-мм пушек Канэ. Внезапное его появление отрезывает «Верному» путь к отступлению. Бронеавтомобиль поворачивается и полным ходом мчится назад навстречу бронепоезду, стараясь пробиться. Башни бронепоезда поворачиваются, и три пушки открывают частый огонь по «Верному». По мере сближения пушки поворачиваются и, когда бронеавтомобиль встречается с бронепоездом, становятся перпендикулярно ему.

Окутанный дымом разрывов, мчится «Верный», и кажется — не миновать ему гибели... Чувствую это я, чувствует это и команда машины. Нам кажется, что длинные стволы морских пушек тянутся почти до броневика, выстрелы сотрясают броню. Но еще несколько мгновений — и «Верному» удастся проскочить.

Чем объяснить эту удачу? Броневик шел навстречу бронепоезду со скоростью около 50 километров в час, то есть приблизительно 15 метров в секунду. Орудия стреляли по «Верному» прямой наводкой. Если считать, что нужна была одна секунда, чтобы дернуть за шнур и снаряд долетел до «Верного», то за это время он будет уже в 15 метрах впереди. А на эту дистанцию — меньше полкилометра — одно деление угломера, будет полметра. Значит, нужно было скомандовать — левее 0,30. Но красные артиллеристы этого не сделали, так как их снаряды ложились приблизительно на 15 метров позади «Верного». Другими словами, они не взяли поправку на ход цели.

* * *

У крайней хаты станицы стоит в автомобиле генерал Деникин с генералом Романовским и следит внимательно в бинокль за неравной борьбой «Верного» с бронепоездом. Главнокомандующий неодобрительно качает головой.

«Верный» подходит к станице и останавливается около штабного автомобиля.

— Когда это кончится? — гневно набрасывается на меня генерал Деникин.

— Что кончится, ваше превосходительство?

— Когда вы перестанете сумасшествствовать? Вчера вы атаковали в лоб батарею, сегодня лезете на бронепоезд. У меня слишком мало броневиков в армии, чтобы ими так рисковать. Для нас будет большой потерей, если такая прекрасная машина, как «Верный», окажется разбитой.

— Не особенно прекрасная, ваше превосходительство. Броня пробивается, и в окна залетают пули...

— Да я не про автомобиль говорю, а про команду. Таких людей вы больше не найдете, берегите их. Спасибо вам за вашу работу, за вашу лихость! — обращается Главнокомандующий к команде броневика. — Я слежу за вами и горжусь вашим «Верным».

Генерал Деникин подает мне руку и уже без прежней строгости в голосе говорит:

— Так послушайте моего совета — берегите себя и вашу команду!

* * *

Прорвав фронт красных, 1-я пехотная дивизия атакует с северо-востока железнодорожную станцию и хутор Тихорецкий. Большевики скопили значительные силы и оказывают упорное сопротивление. Их пулеметный огонь — ужасен. Два раза кидаются броневики «Верный» и «Корниловец» на окопы красных и два раза отходят, неся потери. Я ранен в лицо, ранены и мои пулеметчики. Команда «Корниловца» тоже переранена. Слева от леса бросается в атаку первый эскадрон 2-го конного полка и почти целиком гибнет.

Наступают сумерки. Полковник Кутепов поднимает в атаку кубанских стрелков.

— Прорвитесь на хутор Тихорецкий, — говорит он мне.

«Верный» пронесется сквозь цепи большевиков и подходит к хутору. Оттуда летят пули. Посреди улицы лежит цепь, и пулеметы броневика осыпают ее. Я соскакиваю, чтобы подобрать оставленный пулемет. Возле пулемета лежат три фигуры...

У меня поднимаются дыбом волосы. Боже мой! Черно-красные погоны! Я кричу:

— «Верный»! Свои! Свои! Корниловцы!

Оказывается, Тихорецкая уже больше часу была занята 2-й дивизией... В то время как 1-я дивизия вела упорный бой, 2-я дивизия с тыла заняла хутор и станцию Тихорецкая. Мы об этом не знали, и вот причина — почему я столкнулся с корниловцами.

Вечером я вхожу в зал 1-го класса станции Тихорецкая. За столом сидят генералы Деникин, Романовский и полковник Дроздовский.

Мне не хочется попадаться на глаза Главнокомандующему, и я быстро поворачиваюсь назад.

— Капитан Нилон! — кричит мне генерал Деникин. — Нечего прятаться, идите сюда!

Я подхожу и отдаю честь.

— Вы подрались с корниловцами?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Я же только что сегодня предупреждал вас не безумствовать. Вам только бы мчаться сломя голову и драться, а с кем — вам безразлично... У корниловцев есть потери?

— Раз мои пулеметчики стреляли — потери должны быть...

Генерал Деникин, сердито смотря на меня, спрашивает:

— Сколько человек?

— Трое, ваше превосходительство...

— А почему у вас лицо в крови? Вы ранены?

— Немного оцарапало...

— Есть еще раненные на броневике?

— Так точно — трое, кроме меня.

— Ступайте, немедленно перевяжитесь. Нечего бравировать. Ну не сумасшедший ли? — говорит мне вслед генерал Деникин, но в голосе его слышится удовлетворение.

Ныне мне невольно приходят на память те слова французского историка Сореля, которые генерал Деникин приводит в своих воспоминаниях. Эти слова как бы воспроизводят боевой облик Добровольческой армии того времени. Наша стратегия вполне согласовалась с качеством молодой армии, более способной на увлечение, чем на требующие терпения и выдержки медленные движения, могущей заниматься только победами, побеждающей только при нападении и одерживающей верх только в силу порыва.

Б. Прянишников¹³⁰

С ПАРТИЗАНСКИМ АЛЕКСЕЕВСКИМ ПОЛКОМ ВО 2-М КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹³¹

1918 год. Россия охвачена пламенем братоубийственной войны. Мой родной Дон, подняв восстание против большевиков, стал колыбелью контрреволюции, базой противобольшевистских сил. В освобожденном Новочеркасске тогда велась лихорадочная работа по организации и вооружению Донской армии. На фронте ежедневно происходили кро-

вавые схватки. Донцы шаг за шагом продвигались на север и восток Области Войска Донского, очищая край от красных.

В это время в Задонье, в Мечетинской, Кагальнической и Егорлыкской станицах, отдыхала и готовилась ко Второму Кубанскому походу маленькая героическая Добровольческая армия генерала Деникина.

В эти дни я был объят единственной мыслью: как бы послужить делу спасения России от большевиков? Мои родные и слышать не хотели о моем поступлении в ряды борцов с большевиками. Пришлось принять решение против их воли. Был яркий солнечный день, такой, каких бывает немало в июне. Не говоря ни слова родным, в этот день я вышел из родительского дома и отправился на сборный пункт, где формировался обоз, везший снаряды и патроны для Добровольческой армии. С этим обозом я прибыл в Мечетинскую, где в то время находились штаб и большая часть Добровольческой армии.

Я намеревался поступить в Дроздовский стрелковый полк, который спас мой родной Новочеркасск от нового вторжения большевиков в критический момент казачьего восстания, охватившего весной 1918 года низовья Дона. Но бывший со мной случайный спутник-доброволец сказал мне: «Ведь вы — казак, вам нужно поступить в Партизанский пеший казачий полк». И я последовал его совету.

В штабе полка, где я подписал обязательство добровольца, меня представили командиру полка. К моему большому удивлению, им оказался полковник Петр Константинович Писарев¹³². Взглянув на меня, Писарев спросил:

— А ты не сын Виталия Яковлевича?¹³³

Этот вопрос меня встревожил. Я ответил:

— Так точно, господин полковник!

И тут я вспомнил, что Петр Константинович и мой отец были сослуживцами и приятелями по 5-му Донскому казачьему полку. «Ну вот, сейчас вернет меня домой!» — мелькнуло у меня в мозгу.

— Сколько тебе лет?

Хотя мне не было полных шестнадцати, я не моргнув глазом ответил:

— Восемнадцать.

Недоверчиво покачав головой, Писарев сказал:

— Ладно. Если ты такой рослый и крепкий, то иди во второй батальон к капитану Бузуну. Он найдет тебе место.

Итак, кадет 6-го класса Донского кадетского корпуса начал свои летние каникулы в рядах славного Партизанского, впоследствии Алексеевского пехотного полка. Капитан Бузун¹³⁴ определил меня в молодежный взвод своего батальона. Во взводе было примерно 20 человек,

командовал им высокий, стройный поручик, имени которого не помню. При взводе была тачанка с пулеметом «максим».

До выхода в поход оставались считанные дни. За это время я успел познакомиться со своими молодыми однополчанами. Были они сплошь учащаяся молодежь из разных мест России. Юнкер Терещенко — из Киевской школы прапорщиков, которую он не успел закончить вследствие захвата власти; два армянина из Нахичевани. И другие, имен которых память не сохранила. Все мы быстро сдружились, и к моменту выступления в поход взвод был вполне сколоченной, маленькой, но надежной силой.

9/22 июня 1918 года Добровольческая армия начала свой Второй Кубанский поход. Наша 2-я пехотная дивизия под командованием генерала А.А. Боровского была тогда в следующем составе: Корниловский ударный полк, Партизанский пеший казачий полк, 4-й Сводно-Кубанский конный полк, Улагаевский батальон, Корниловская рота. Самым сильным был Корниловский полк, в нашем же двухбатальонном шестисотенном полку насчитывалось 600 добровольцев и взвод конной разведки. Всего в дивизии было три тысячи штыков и сабель.

Первые бои

В ночь с 22-го на 23 июня Добровольческая армия двинулась из Егорлыкской по направлению к узловой станции Торговая. 24 июня наша дивизия без боя заняла село Лопанка. Село было опустевшим — под влиянием большевистской пропаганды почти все жители покинули село и ушли с красными.

Ранним утром 25 июня Корниловский и Партизанский полки выступили из Лопанки и подошли к селу Крученая Глина, занятому красными. Начался первый бой, закончившийся стремительной атакой. Красные поспешно отступили, оставив на поле убитых и раненых. После привала оба полка двинулись на Торговую. В послеобеденные часы полки подошли вплотную к Торговой. Главный удар наносил Корниловский полк, а наш полк обеспечивал его наступление охватом левого фланга красных. Как и под Крученой Глиной, так и здесь красные не оказали серьезного сопротивления. Не выдержав атаки, они бежали.

Взятие Торговой было первым крупным успехом Добровольческой армии: были захвачены пленные, пушки, снаряды и большие интендантские запасы. Взятие Торговой имело и большое стратегическое

значение: перерезав железную дорогу Царицын—Новороссийск, Добровольческая армия прервала связь Северо-Кавказской армии красных с Центральной Россией. Первые успехи вселили в наши сердца несокрушимую веру в окончательную победу над большевиками. Хотя мы знали, что врага бьют не числом, а умением. А в эти дни умения было на редкость много.

Песчанокопская

После взятия Торговой и Великокняжеской Добровольческая армия начала поворот на Тихорецкую, в тыл группе Сорокина, занимавшей позиции у Батайска и к западу от железной дороги Батайск—Торговая.

Это движение вначале вылилось в ряд фронтальных боев, тяжелых и кровопролитных. Партизанскому полку пришлось вынести напряженный двухдневный бой за Песчанокопскую. Рано утром 2 июля наш полк выступил из Крученой Балки. День был жаркий, солнце немилосердно жгло, мучила жажда. Оба батальона развернулись на широком, даже слишком широком для 600 человек фронте. С большим трудом, под сильным огнем красных из многочисленной группы Калинина, полк медленно продвигался по открытой равнине. Наступление полка поддерживали две пушки Корниловской батареи. Слева от нашего полка, на расстоянии зрительной связи, находился Улагаевский батальон, обеспечивавший наш фланг. А на этом фланге — наш молодежный взвод с пулеметной тачанкой.

Солнце склонялось к западу, когда полк подошел на расстояние одной версты до Песчанокопской. На окраине этого большого села закрепились красные, обильно снабженные пулеметами и поддерживаемые огнем десятка орудий.

Стало смеркаться, когда полковник Писарев отдал приказ атаковать село. Первый батальон ударил во фланг противника, наш второй — в лоб. И тут оправдались сказанные ранее генералом Деникиным слова: «Полк — несравненный таран для лобовых ударов». Атака была стремительной, хотя от огня красных мы несли чувствительные потери. Со стороны упал молодой доброволец. Я задержался на несколько минут, перевязывая его рану. А за это время цепь батальона продвинулась вперед и, полуоборотом вправо, стала примыкать к левому флангу 1-го батальона. Ушел вперед и мой взвод. В сумерках я быстро догнал цепь. Но, присмотревшись к ней, увидел, что она была слишком густая и на нашу непохожая. Это были

не наши, а отступавшие красные. Вздолнованный неожиданным открытием, я сперва остановился, а затем повернул назад, провожаемый выстрелами отступавших красных.

Наступила полная темнота. Ориентируясь по звездам, я шел примерно в том направлении, где можно было найти своих. Вдруг раздался грозный окрик: «Стой! Кто идет?» Голос показался знакомым, и я ответил: «Свои». Подойдя ближе, увидел поручика, командира нашего взвода, и остатки взвода, залегшие полукругом, с пулеметной тачанкой в центре. Оказалось, что в темноте наш взвод оторвался от батальона и поручик, не зная складывавшейся обстановки, приказал взводу залечь в открытом поле. Я рассказал поручику о только что виденном и пережитом. Я считал, что красные отошли от Песчанокопской, но полной уверенности в этом не было.

В это время на окраине села, примерно там, где у меня произошла неожиданная встреча с красными, пылал пожар. Немного подумав, поручик отправил юнкера Терещенко и меня на разведку в этом направлении. Осторожно двигаясь, часто приседая, чтобы лучше рассмотреть лежавшую перед нами местность, мы минут через двадцать пять добрались до удобного укрытия по соседству с пожаром. Вблизи ходили вооруженные люди. По ихговору и повадкам мы определили, что это были свои. Осмелев, мы вышли из укрытия и натолкнулись на командира нашего батальона. Часть села была занята нашим батальоном, и он приказал нам немедленно привести в село наш взвод на ночлег.

Было 11 часов ночи, когда мы, усталые от напряженного боя, замертво свалились на землю и заснули глубоким сном.

Спать пришлось недолго. В третьем часу утра 3 июля наш полк был поднят по тревоге. Брезжил июльский рассвет. Где-то недалеко завязалась оживленная перестрелка, сердито застучал пулемет.

Выяснилось, что красные ночью проникли в наше расположение и окружили полк с трех сторон. Положение создалось критическое. И в эту минуту каждый партизан ощутил, что во главе полка стоял доблестный, хладнокровный, храбрый и волевой командир. Верхом на гнедом коне, представляя заманчивую для противника мишень, полковник Писарев нанес короткие контрудары по вражеским клещам и вывел полк из окружения. Выбравшись из села на степной простор, полк занял оборонительные позиции в одной-двух верстах от Песчанокопской, примерно там, где накануне он занимал исходное положение перед вечерней атакой. Красные вели вялое наступление, подерживавшееся довольно сильным артиллерийским огнем. К счастью, меткостью красные артиллеристы не отличались, и на их снаряды мы

внимания не обращали. Гораздо чувствительнее были потери от пулеметного и ружейного огня.

В течение первой половины дня, под давлением превосходства сил, наш полк медленно подавался назад. Но после полудня к флангам полка подошли другие части Добровольческой армии и полк вновь перешел в наступление. Атака была решительной, и к вечеру Песчано-красные отошли в район Белой Глины.

Двухдневные бои обошлись полку дорого: убитыми и ранеными было около 300 офицеров и партизан.

Под предлогом смертельной угрозы со стороны белых красным удалось увести с собой почти все население Песчанокоспской. Все же остались кое-какие аборигены, от которых мы узнали много интересного о деятельности большевиков. Священник одного из двух больших приходов — обе церкви были каменные в этом богатом селе Ставропольщины — рассказывал нам о начинавшихся уже тогда непристойных выходках красных против религии. Впрочем, эти выходки вызвали неблагоприятную реакцию среди жителей Песчанокоспской.

Белая Глина

4 июля полк отдыхал в Песчанокоспской и приводил себя в порядок после кровопролитной схватки. Тем временем красные собрали кулак около Белой Глины, а без овладения этим крупным селом, больше похожим на средней руки уездный город, нельзя было приступать к операции по овладению стратегически важным пунктом — узловой станцией и станицей Тихорецкой.

Бои за Белую Глину начались 5 июля и кончились 6 июля разгромом красных, охваченных с трех сторон. Здесь произошло некое подобие Канн.

Наибольшая тяжесть боя выпала на 3-ю дивизию полковника Дроздовского, наступавшую в лоб вдоль железной дороги Царицын — Тихорецкая.

У Белой Глины красные сосредоточили 39-ю дивизию старой армии, отличившуюся в боях с турками на Кавказском фронте, отряды Жлобы и более мелкие формирования. Дроздовцы, ведя ночные бои, напорлись на пулеметную батарею красных, понесли большие потери и с трудом продвигались вперед. В это время наша дивизия — корниловцы и партизаны — ударила во фланг и тыл красных, противостоящих дроздовцам, и нанесла им сокрушительное поражение. Остатки разби-

той группы Калнина частью бежали в степи Ставрополя, частью откатились к Тихорецкой. Победители захватили много пленных и богатые трофеи.

На фронте воцарилось кратковременное затишье.

Рейд Боровского

Стремясь обеспечить левый фланг армии в предстоящей операции по овладению Тихорецкой, генерал Деникин решил оттеснить группу красных, находившуюся севернее Ставрополя в районе уездного села Медвежьего. Он вызвал к себе начальника нашей дивизии генерала Боровского и поставил перед ним важную оперативную задачу.

Такой быстрый бросок можно было совершить при одном условии: переброске пехотных колонн на бытовых подводах. По требованию командования население предоставило в распоряжение Боровского нужное количество повозок, большей частью пароконных. На этих подводах мы и корниловцы в течение ночи, с 10-го на 11 июля, с конной разведкой в авангарде, выехали по направлению к Медвежьему. Утром 11 июля у хутора Богомолова мы столкнулись с противником, насчитывавшим до 4 тысяч человек при четырех орудиях. Произошел короткий, но горячий бой. Особенно ожесточенное сопротивление оказали роты красных матросов, полностью уничтоженные корниловцами. Перейдя вброд Егорлык, дивизия опрокинула красных, бежавших в Ставрополь, и после полудня заняла Медвежье.

Несмотря на большевистскую пропаганду, население Медвежьего почти полностью осталось на месте. В этом богатом селе было всего вдвое. Расположившись по дворам на отдых, партизаны и корниловцы вкусно и сытно поужинали, поблагодарили любезных, уже не боявшихся нас хозяек и легли спать.

Теперь настал черед Медвежьему поставить подводы для нашей дивизии. Довольные белоглинские возчики возвращались домой, а медвеженские, опять ночью, повезли нас на запад — к станице Успенской.

На заре 12 июля передовые части дивизии вошли в соприкосновение с противником, который бежал, не оказывая сопротивления. Наш полк, не слезая с подвод, вступил в станицу, население которой радостно приветствовало нас. Казачки угощали нас чудным жирным молоком, великолепным кубанским белым хлебом, «оришками» и другими изделиями кубанской кухни.

Днем мы отдыхали. Медвеженские возчики покатали домой, их сменили радостные успенцы. Наш полк получил пополнение — мо-

лодые казаки вступили в полк добровольцами. В ночь мы выехали в Ильинскую. Утром 13-го мы въехали в Ильинскую. Боя не было, бывшие здесь красные бежали по направлению к Тихорецкой. Казаки восторженно встретили освободителей, в полк пришло очередное, новое пополнение казаков-добровольцев.

Таким образом, рейд Боровского, некий прообраз будущего мотомеханизированного блицкрига, уложился точно в срок, определенный планом генерала Деникина.

Тихорецкая

14 июля почти вся Добровольческая армия была собрана в кулак для нанесения удара по Тихорецкой. Расстроенная неудачными боями под Песчанокопской и Белой Глиной, группа Калнина не оказала сопротивления концентрическим ударам Добровольческой армии. Бой за Тихорецкую был скоротечным и неожиданно легким. Наш полк развернулся к востоку от Тихорецкой, но противника не встретил. Красные бежали на Екатеринодар, бросив в Тихорецкой громадное военное имущество.

Наша армия, вооружавшаяся преимущественно за счет противника, захватила большие трофеи: три бронепоезда, около 50 орудий, в том числе несколько дальнбойных пушек Канэ, множество снарядов и патронов, полевые телефоны и разное интендантское имущество.

Падение Тихорецкой встревожило Сорокина, продолжавшего свое сидение под Батайском и к западу от железной дороги Батайск—Торговая. Во время боев Добровольческой армии у Песчанокопской и Белой Глины Сорокин зашевелился и атаковал заслон генерала Покровского и группу донцов полковника Постовского¹³⁵ на фронте Мечетинская—Кагальницкая—Егорлыкская с намерением «создать угрозу флангу и тылу Добровольческой армии. При помощи подоспевшего из Новочеркасска отряда полковника Тимановского, шедшего на присоединение к армии, наступление Сорокина было отвращено. Теперь же положение Сорокина еще больше осложнилось — взяв Тихорецкую, добровольцы выходили в тыл и на пути сообщения этой группы красных. Угроза тылу вынудила красного командарма к активным действиям. Точнее, ему надо было уходить из полуокружения, в котором он очутился в середине июля: с севера — немцы, с востока — донцы, с юга — Добровольческая армия. К сожалению, последняя была недостаточно сильной, чтобы прижать его к морю и разгромить наголову.

После взятия Тихорецкой главные силы армии — 1-я пехотная дивизия полковника Кутепова, конница генералов Эрдели и Покров-

ского и другие части — ударили на север против Сорокина. 16 июля эта группировка перешла в наступление, и 18 июля части полковника Кутепова с боем овладели узловой станцией Сосыка.

Дальнейшее продвижение на Кушевку натолкнулось на упорное сопротивление частей Сорокина, выведившего свою армию в направлении на Тимашевскую.

Наша 2-я дивизия после взятия Тихорецкой была направлена на юг с заданием овладеть важной узловой станцией Кавказская и тем обеспечить левый фланг Добровольческой армии для дальнейших действий в направлении на Екатеринодар. 18 июля наша дивизия утром с налета заняла станицу Малороссийскую и к вечеру ворвалась в хутор Романовский и на станцию Кавказская, пройдя за сутки 60 верст. Население хутора сердечно и радостно приветствовало освободителей, и полк получил очередное пополнение из местных казаков.

Когда под Кушевкой создалось напряженное положение, наш полк был вызван на помощь дивизии полковника Кутепова. На этот раз мы впервые были переброшены по железной дороге. Но вступить в бой нам не пришлось — армия Сорокина, покинув насиженные места под Батайском, ушла в глубь Кубанской области, отдав Кушевку 23 июля без дальнейшего сопротивления. Сорокина преследовала конница генералов Эрдели и Покровского, но сколько-нибудь решительного поражения она им нанести не смогла.

Наш полк вернулся на станцию Кавказская, и на следующий день наш второй батальон был переброшен по железной дороге на станцию Милованово на линии Кавказская—Екатеринодар. В станице Ладожской мы заняли нагорный правый берег Кубани, обстреливали красных, занимавших позиции на левом берегу, и больше отдыхали, чем воевали. С помощью примитивного бронепоезда часть батальона совершила диверсию в сторону Екатеринодара, где главным силам армии пришлось вести тяжелые бои с армией Сорокина под Кореновской, Выселками, а в заключительной стадии операции — под самым Екатеринодаром.

*Иванов*¹³⁶

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ¹³⁷

Поход за добычей патронов и снарядов почему-то связался в моей памяти со станицей Кисляковской (хутор Кисляковский, вблизи станции Крыловская, часто упоминался в то время. Бои велись у Крыловской). Отчетливо запомнилась фигура командовавшего нашим отря-

дом генерала Казановича, шедшего с нами, с рукой на белой повязке через плечо. Помню густые цепи красных, одна за другой спускавшиеся на нас по склону местности. Ходили в атаку и мы. Под Пасху, не помню уже из какой станицы, мы отправились на подводах в Гуляй-Борисовку, куда, по нашим сведениям, отступала из-под Батайска армия Антонова. Большой привал был сделан в каком-то хуторе. Отведенная нам хата оказалась пустой — хозяева исчезли. Во дворе нашли мы большую кадку с водой, полную свежих живых раков. Раздобыли большое ведро, развели костер, сварили раков и пировали на славу. Не знаю, почему это незначительное происшествие твердо запечатлелось в памяти.

К вечеру двинулись дальше. Ровная, спокойная дорога нагоняла сон, и почти все мы спали. Разбудило приказание собраться, развернуться в цепь и двигаться вперед. Влево, чуть впереди уже загорелся бой. Слышны были пулеметы. Долетели и пули, недолго гремел ставший жарким бой. Обогнув оставшуюся слева ветряную мельницу, мы вскоре очутились у самой слободы и заняли ее.

Небольшие потери были у корниловцев.

Из очищенной от красных слободы бежало почти все ее население. Куда? Почему?

Нас развели по квартирам. Дома пусты — в печах полно. И печеное, и вареное! Сегодня Пасха Христова, не идет ли в церкви богослужение? Все равно — нет времени. Нас, восемь человек, отправили на восточную окраину, куда ведет главная улица слободы, для наблюдения за большой дорогой. Заняли мы крайний правый, довольно большой дом. Секрет из двух человек следит за дорогой; остальная застава отдыхает в доме. Время от времени на дороге появлялись один-два человека, почти все с винтовками. Когда они подходили ближе, мы выходили из своего укрытия и забирали их. Никто из них не оказывал сопротивления, заявляя, что они жители слободы. Собрав порядочную группу, мы отправили ее в штаб на проверку. Но когда и куда ушли мы из Гуляй-Борисовки — совершенно позабылось.

Стоянку в станице Мечетинской помню хорошо. Там многих из нас произвели в прапорщики и вскоре, как донцов, откомандировали в распоряжение штаба Донского Войска. Наши документы были подписаны полковником Писаревым и есаулом Дьяковым. Подводы доставили нас в станицу Маньчскую, где мы погрузились на пароход, с которым и доехали до Аксая. Никогда не забуду той атмосферы, которая царила в этой станице: на площади полно немцев; все прекрасно одеты; физиономии откормленные. Играет оркестр. Офицеры прогуливаются с надменным видом, не удостаивая никого своим взглядом. А мы?

Оборванные, измотанные боями со ставленниками этих «культуртрегеров». Смотрели и стискивали зубы.

В Новочеркасске сразу явились в Войсковой штаб, помещавшийся в здании семинарии, где каждый уголок был так знаком, так памятен и поныне. Я просил о назначении меня в часть и разрешения на короткую побывку домой. Явившись в назначенный для ответа день, я получил приглашение зайти через два дня. Тот же ответ ждал меня и тогда. В четвертый раз я уже не пошел. Приятель уговорил поступить в 4-ю Донскую сотню Дроздовского конного полка. Поболтавшись немного по Новочеркаску, я снова отправился в ст. Мечетинскую, но уже на коне, в составе отряда Дроздовского. Опять Аксай, Маныч, Мечетинская. В моем новом полку было много офицеров, и вскоре он был назван: «2-й конный Офицерский полк».

В полку вовсе не было зеленой молодежи; одеты были почти хорошо. Видна была выправка, подтянутость. Конь мой, с подстриженным хвостом и гривой, не был красавцем, но зато его не надо было объезжать — повод он знал прекрасно.

В один из первых же дней по прибытии в Мечетинскую Высшее командование армии устроило отряду встречу и смотр. Во все продолжение стоянки в полку шли строевые занятия. Командиром нашей сотни был лихой есаул Фролов¹³⁸, считавшийся лучшим джигитом в Николаевском кавалерийском училище.

На Троицу выступили мы из Мечетинской в направлении станции Торговая с прилегающей к ней слободой или селом Воронцовкой. По соседству с ним было другое небольшое село, кажется Капустино, в котором сосредоточились силы красных. С нашего участка нам приказано было атаковать их. Лихой атакой мы опрокинули противника, но заплатили за успех дорого: смертельно ранен командир сотни! Не пришлось мне лучше узнать этого доблестного офицера!

В командование сотней вступил есаул Силкин¹³⁹, подчеркнутый кавалерист, подтянутый, чисто выбритый, хорошо одетый, усики вверх. Впоследствии, перед 2-й мировой войной, я часто встречал его в Париже, где, уже слегка отяжелевший, в скромном положении шофера, он все же не потерял вида кавалериста. Дальнейшая судьба его была печальна: в Лиенце, в числе выданных на расправу Сталину всех казачьих офицеров, был и полковник Силкин, отправленный в один из крайних северных концентрационных лагерей. Уже много времени спустя кто-то из ускользнувших рассказывал о его последних словах, обращенных к окружающим:

«Нас ожидает ужасное будущее, но мы должны оставаться мужественны и сохранить свою честь!»

В тот же или на следующий день узнали мы о новом ударе, и на сей раз для всей армии: по соседству с нами, у станции Шаблиевская, смертельно ранен осколком снаряда никем не заменимый генерал Марков! Тяжелая потеря и для Главнокомандующего генерала Деникина, потерявшего не только друга-соратника, но и свою «правую руку»! Уходили в могилы лучшие герои-патриоты, столь необходимые для бьющейся, едва возрождавшейся армии.

Вышли мы на Маныч. Вперед посланы люди искать брод в топкой и широкой реке. Подошли к Манычу. Вправо — железнодорожная насыпь и мост, на который с противоположной стороны несясь пуценный красными паровоз — по-видимому, с целью где-то что-то разбить. Поскакавший к насыпи генерал Деникин повернул нас влево, и нам не пришлось видеть последствий атаки паровоза.

Поздно вечером перешли Маныч по мосту и отправились на ночевку в Великокняжескую. На следующий день повернули на Прочнокопскую. Здесь я получил приказание в сопровождении двух всадников доставить очень спешное донесение полковнику Кутепову, наступавшему с юга на Белую Глину. Было совсем темно, когда мы очутились в степи. Нигде ни души. Надо спешить! Ориентироваться нелегко. На небе все же видны какие-то светила: взглянешь — и дальше. К счастью, части полковника Кутепова растянулись по дороге, и мы наткнулись на их хвост. С робостью подъехали. Свои! Поскакали в голову колонны, где находился полковник Кутепов. Я передал ему конверт с донесением...

В Белую Глину мы ворвались с частями полковника Кутепова. Со всадниками других частей мы ловили метавшихся красных и набрали их порядочно. С рассветом вернулись в свой полк, вошедший в село с противоположной стороны. Явившись к командиру сотни, узнали о жестокой резне в Дроздовском полку. Среди погибших и доблестный командир батальона полковник Жебрак! Еще одна большая потеря!

Где-то в этом же районе пришлось мне быть с двумя казаками в глубокой разведке: надо было выяснить, занято ли село красными частями. С утра двинулись указанной дорогой на юг. Въехали на высокий подъём и долго шли степью, пока совсем вдали не показалось село. Несмотря на страдную пору, нигде не было видно людей. Продвинулись дальше. С высоты занятого нами для наблюдения косогора было видно большое село, южная окраина которого терялась в плохо видимой дали, и невозможно было разобрать, что в нем творилось. Неожиданно там показалось густое облако пыли, направлявшееся в нашу сторону. Приняли меры предосторожности, но вскоре увидели, что наступавший противник был просто стадом коров. Картина мир-

ная. Осторожно начали спускаться в село. Дошли до первых, расположенных друг против друга хат. Людей не видно. Двое остались на улице, один пошел в хату. Мужчин — никого, одни бабы. От них узнали, что на другом конце села есть небольшая группа большевиков. В другом доме собранные нами сведения подтвердились. Мы вскочили на лошадей и снова поднялись на прежний косогор, где снова остановились и некоторое время наблюдали село. Там царила все та же тишина, но издали слышалось несколько выстрелов и характерный звук пуля на излете. Не торопясь, выехали на равнину и поскакали к своей части.

В бою под Тихорецкой сотня не участвовала, а возможно — не участвовал я, так как не помню, были ли мы тогда в каком-нибудь другом деле. А бой под Тихорецкой был большой, и в нем особенно пострадал наш 5-й эскадрон, в пылу атаки перескочивший красные окопы и попавший под перекрестный огонь. Уже после боя наткнулись мы на дороге на разбитый снарядом броневомобиль красных.

Сильный и упорный бой был и под Кореновской, где запомнились рвавшиеся во дворах нашего расквартирования снаряды, кажется шестидюймовые. И опять, как четыре с половиной месяца тому назад, корниловцы понесли у той же станицы большие потери. Особенно наседали матросы, и, если память мне не изменяет, с противной стороны были и китайцы.

Нас услали куда-то дальше. Очугились мы у станицы Пашковской, где и узнали о взятии Екатеринодара. Удалось нам даже побывать в этом городе, но настолько мимолетно, что ничего не сохранилось в памяти. Запомнилась только одна наша позиция у самой Кубани.

Мы несли охрану и наблюдение, расположившись на какой-то леваде, огражденной высокой насыпью со стороны реки. На насыпи поставили пулемет. С другого берега Кубани красные посылали меткие пули. Высунуть голову было небезопасно. Пулемет наш изредка посылаал короткие очереди. По всей вероятности, скрытый на другой стороне стрелок имел бинокль и нащупал скрытый в насыпи пулемет, вернее его дуло. Вскоре наш офицер-пулеметчик был убит пулей в голову. Стали еще осторожнее. Место, откуда летели пули, никак нельзя было установить, так как деревья росли у самого берега. Противоположный берег был более низким, поэтому уже в 15—20 шагах от насыпи мы могли спокойно гулять, держась поодаль от канавы, где ютились наши пулеметчики и наблюдатель. Прошло немного времени, как оказался убитым еще один офицер-пулеметчик, и тоже в голову. Так ни за грош сложили свои головы два молодых офицера! Какую грусть это навело на нас!

В сумерки вернулись в станицу. Со следующего дня мы начали движение вверх по Кубани. Вскоре я получил приказание с одним казаком и тремя черкесами произвести разведку в сторону ближайших аулов. В нашем полку был черкесский эскадрон, пожалуй самый многочисленный по своему составу.

Утром мы направились к Кубани; спустились с крутого берега к воде, где нас ожидала своеобразная длинная лодка, выдолбленная из одного большого дерева. Такого чуда мне еще не приходилось видеть! (Кажется, ее простонародное название — «душегубка».) Устраиваться в ней было совсем плохо: устойчивости никакой! Я вырос в степи, где протекала совсем мелкая речонка. Плавал я плохо, так что не стоит говорить о моих переживаниях на быстром течении глубокой реки. Держали мы направление на расположенный недалеко аул. Слава богу — пристали к берегу!

Черкес из этого аула пошел на разведку. Скоро он вернулся и повел нас за собой. Едва мы вошли во двор одного из домов, как тотчас же стал собираться местный люд — все больше женщины. Начались рыдания, перешедшие в душераздирающий жуткий вой. Черкесы рассказывали, кто из этого аула погиб в бою и при каких обстоятельствах. И каждый рассказ о смерти вызывал новый вопль неизбывного горя. Как-то неловко было в такой момент уводить людей обратно. Нас накормили, и я стал поторапливать моих черкесов в обратный путь. Красных в широком районе вокруг аула не было. Наш визит навсегда остался в моей памяти.

Вернулись назад. Пошли на хутор Романовский и дальше вверх по Кубани, когда пришлось увидеть весь полк на походе. Состав его явно превышал норму: до десятка эскадронов, из которых один только черкесский превышал 200 сабель. Немало времени провели мы в станице Прочноокопской. Несколько дней подряд выезжали в Форштадт и несли там охрану берега и наблюдение за Армавиром. Лошадей ставили в укрытие и пробирались к берегу уже пешком. Здесь надо было быть особенно осторожными, так как при открытом подходе мы подвергались жестокому обстрелу со стороны Армавира.

Занимали мы район маленького, примитивного кожевенного завода. У крутого спуска к Кубани был вырыт большой глубокий окоп, дававший прекрасное наблюдение за городом и за всем широким и пологим песчаным побережьем вправо и влево от нас. С правой стороны нашего окопа находился просторный сарай, закрытый со стороны Армавира, а позади нас какая-то более солидная постройка. В этом сарае, собственно говоря, и помещался весь завод — два боль-

ших чана с кожами и большой крепкий стол, на котором деревянным катком раскатывались кожи.

Все время мы подвергались обстрелу из Армавира орудийным и пулеметным огнем. Обстреливали нас и минометы. Сильные и трескучие разрывы мин были особенно неприятны. Полет их можно было слышать и видеть. Существенного вреда обстрел не приносил, и мы быстро освоились: пусть себе стреляют!

Однажды кто-то вынул кожу из чана и начал раскатывать на столе. Нашлись подражатели. Завелось развлечение. Собирались и зеваки. Сыпались шутки. Не раз толкался там и я. Часто собирались мы там просто побалагурить, поболтать и повеселиться. Однажды, во время одного из таких сборищ, явились туда и двое молодых приятелей — казаков одной из задонских станиц — постоянно веселых и жизнерадостных. Один из них пристроился в левом уголке сарая, возле стола. И как раз в тот момент, когда я посмотрел на него, он как-то странно подскочил, откинув назад голову и верхнюю часть тела, и упал — пуля в голову. Грустно и тяжело было видеть эту нелепую гибель молодой жизни!

Отсюда я уехал, наконец, в долгожданный отпуск, а вернувшись, узнал, что и второй приятель-казак, сильно загрустивший после смерти своего друга, был также убит случайной пулей после одного из боев под Ставрополем.

КОРНИЛОВЦЫ ВО ВТОРОМ КУБАНСКОМ ПОХОДЕ¹⁴⁰

Восстание донского казачества за свои поправленные права и вольности разрасталось и ширилось. 23 апреля 1918 года донское ополчение освободило свою столицу Новочеркасск. Через день большевики перешли в контратаку и уже ворвались в предместье Новочеркаска, как на помощь донцам неожиданно подоспел добровольческий отряд полковника Дроздовского, пришедший с Румынского фронта на соединение с Добровольческой армией. Большевики были отогнаны. Вслед за дроздовцами пришли германские войска и заняли Ростов. Красные поспешно отступали за Дон, а свои эшелоны с военным снаряжением стали переправлять на Кубань. Генерал Деникин, чтобы пополнить свои истощенные запасы, организовал набег. Вся его армия атаковала большевиков тремя колоннами и после горячего боя овладела тремя станциями: Крыловская, Сосыка и Ново-Леушковская. 30 апреля с большой военной добычей добровольцы стали на продолжительный отдых. Корниловцы расположились в станице Мечетинской.

В течение целого месяца Корниловский полк пополнялся и вел ежедневные занятия. Прибывали отпускные и выздоровевшие от ран корниловцы, поступали новые добровольцы. Позорный Брест-Литовский договор и германская оккупация всей Украины всколыхнули в России национальное чувство, и кто не мог перенести неслыханного унижения своего Отечества, тот брался за оружие против захватчиков власти, против тех, кто, называя себя Интернационалом, говорил теперь от имени российской нации и правил ею... Очень скоро Корниловский полк развернулся во внушительную силу. Кубанский батальон был переформирован во 2-й батальон Корниловского полка.

За май месяц корниловцам пришлось воевать только один раз: 11-го числа полку было приказано выступить на Гуляй-Борисовку, откуда красные выбили конницу генерала Покровского. К вечеру того же дня Гуляй-Борисовка была взята корниловцами. Потери полка убитыми и ранеными 15 человек. Заместителем командира полка за это время был всегда полковник Шкуратов¹⁴¹.

В июне началась усиленная подготовка к предстоящему новому походу. Деникин, после освобождения Задонья от большевиков, решил снова идти на Кубань. Добровольческая армия возросла до 9 тысяч штыков и сабель при 21 орудии. Вся пехота была сведена в три дивизии. Корниловский полк вошел в состав 2-й дивизии, теперь уже под начальством генерала Боровского. Против добровольцев скопилось до 100 тысяч большевистских войск Северо-Кавказской армии, окружавшей Добровольческую армию в Задонье с трех сторон.

9 июня начался 2-й Кубанский поход.

Корниловскому полку было приказано сосредоточиться на Егорлыкской, откуда на другой день перейти в Лопанку. 12-го в 5 часов утра колонна Корниловского и Партизанского полка выступила из Лопанки и подошла к селу Крученая Балка, где наткнулась на красных. Здесь генерал Деникин, побывав в цепях Кутепова, «с большим удовлетворением убедился, что дух, закаленный в первом походе, живет и в начальниках и в добровольцах». 1-й батальон Корниловского полка лихой атакой выбил из села противника. Потери 23 человека.

Сделав привал на три часа, Корниловский полк взял направление на станцию Торговая, подошел к ней к двум часам дня и немедленно атаковал ее. После короткого боя была одержана в этом походе первая крупная победа: были взяты пленные, орудия и большие интендантские запасы. Потери Корниловского ударного полка в этом бою 50 человек. Кроме того, захватом станции Торговая Добровольческая армия отрезала Северо-Кавказскую красную армию от Центральной России. Но в этот же день, в бою под Шаблиевкой, севернее Торго-

вой, добровольцы в свою очередь понесли тяжелую утрату — был убит генерал Марков, начальник 1-й дивизии.

На похоронах генерал Алексеев подчеркнул исключительно блестящий путь служения генерала Маркова всему Отечеству.

Конец этого слова, обращенного к семье генерала Маркова, проникнут особой русской печалью, сопровождаемой простонародной обрядностью. Хриплым, сдавленным, прерывающимся голосом говорил генерал Алексеев: «Поклонимся же земно матушке убиенного, вскормившей и вспоившей верного сына Родины» — и, упав на колени, отвесил ей земной поклон, а за ним и все присутствующие. «Поклонимся и его жене, разделявшей с ним жизнь и благословившей его на служение Родине» — и снова земной поклон. «Поклонимся и детям его, потерявшим любимого отца»...

Мы же, корниловцы, должны добавить к вышеизложенному, что в дни развала Русской Армии перед лицом врага, когда генералом Корниловым велась борьба за самое бытие Российской Империи, генерал Марков был с нашим Вождем и Шефом полка. Он не просто разделял с ним казавшийся тогда позор Быхова, но и неустанно работал над планом борьбы за Россию в новых условиях. Это они, быховцы, во главе с генералом Корниловым не только создали этот план, но и обратились к стране со знаменитым, Корниловским, манифестом и потом сами пошли на намеченные ими позиции. Мы, участники военных действий в районе Петроград—Рига, знали об этом, и наши разведчики еще до начала формирования Добровольческой армии собирали сведения на Дону, Кубани и Тереке о возможностях сбора там национальных сил. Блестящая подготовка офицера Генерального штаба, соединенная с исключительными природными качествами, дала нам в лице генерала Маркова и блестящего военачальника.

Смерть генерала Маркова вызвала изменения в командном составе, на его место был назначен гвардии полковник Кутепов, а на место последнего, командиром Корниловского ударного полка, назначается полковник Индейкин¹⁴², бывший в бою под Екатеринодаром командиром 1-го батальона полка.

На великой войне Индейкин служил в Сибирских войсках. Отличился при занятии предместного укрепления у реки Стоход и кончил войну георгиевским кавалером и командиром 23-го Сибирского стрелкового полка. По своему происхождению был из крестьян Донской области, т. е. «иногородним» среди казаков, а по своему образованию семинаристом. Но семинарского в нем ничего не осталось. «Вот настоящий тип армейского офицера», — невольно думал каж-

дый, глядя на него. Был небольшого роста, усы носил длинные, подкрученные, а в военную форму был точно влит. Напористость в нем была необыкновенная, она сказывалась даже в его походке, ходил всегда несколько боком, левым плечом вперед, как будто на кого-то наступал. В атаках был незаменим, шел в цепи и отпускал такие крепкие словечки, что залечь у него под пулями мог только мертвый.

В Добровольческую армию пошел без колебания.

— Дорогая моя, — сказал он своей молоденькой жене, на которой только что женился, — если я не выполню своего долга, как же можно меня любить?

В момент своего назначения на должность командира Корниловского полка Индейкин лечился от ран в Новочеркасске и принял полк только 15 июля, а до этого числа во временное командование полком вступил капитан Скоблин¹⁴³.

При Скоблине в Торговой было закончено формирование 3-го батальона, командиром которого был назначен полковник Ильин¹⁴⁴, командиром 9-й роты — поручик Дашкевич¹⁴⁵, 10-й роты — поручик Потло¹⁴⁶, 11-й роты — капитан Сапега¹⁴⁷, 12-й роты — капитан Франц¹⁴⁸.

16—17 июня. В эти дни возникла у станицы Егорлыкской серьезная опасность глубокому тылу армии, ликвидированная частями генерала Покровского, пластунским батальоном и переброшенным туда по железной дороге Корниловским ударным полком. Потери полка исчислялись в 18 человек.

Бои за станцию Тихорецкую

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Село Белая Глина

№ 0284

27 июня 1918 г. 13 час. 40 м.

1) Разбитый под с. Белая Глина противник пытался 25 сего июня наступать на ст. Ея и станцию Ново-Покровскую и 26 июня на с. Привольное, но был отражен. В настоящее время силы большевиков сосредоточены в четырех группах:

Район станицы Невинномысской занимает отряд из трех родов войск неизвестной численности, имеющий конные части в хуторах по реке Кавалерке и в хуторе Ново-Ивановском;

Район Кальниболотская—Терновская ст. Тихорецкая занимается отрядом большевиков силой до 6—8 тысяч при многочисленной артиллерии и двух бронепоездах (потом оказалось, что бронепоездов было три);

Район ст. Успенская—Ильинская занимается отрядом (б. Думенко) силой до 2¹/₂ тысячи при четырех орудиях;

Район с. Медвежье хут. Богомоллов занимает отряд до тысячи человек при двух орудиях (впоследствии там оказалось 4 тысячи пехоты и батареи 4-орудийного состава, взятая нами с тысячько пленных).

2) Для предстоящей операции приказываю:

а) Генералу Боровскому очистить от большевиков район Привольное—Медвежье—Успенская. 30 сего июня занять район Ильинская — селцо Демьяновка. Колонне придается броневик «Верный».

б) Полковнику Кутепову 30 сего июня перейти в станицу Кальниболотская.

в) Полковнику Дроздовскому 29 сего июня перейти в станицу Ново-Покровскую, где сменить части 1-й дивизии.

г) Генералу Эрдели с 1-м и 3-м Кубанским казачьими и Черкесским конным полками, присоединив к себе при наступлении 1-й Черноморский казачий полк, 30-го занять район станицы Незамаевской.

3) При сосредоточении в указанных районах вести разведку и выяснить группировку главных сил противника:

а) Генералу Эрдели в направлении на станицы Екатериновскую-Павловскую, Ново-Леушковскую, станцию Тихорецкую.

б) Полковнику Кутепову на станицу и станцию Тихорецкую и ст. Терновскую.

в) Полковнику Дроздовскому в направлении на станцию Порошино и селцо Демьяновка.

г) Генералу Боровскому в направлении на Терновскую, станцию Тихорецкую и станицу Архангельскую.

4) Штаб Армии остается в с. Белая Глина.

Командующий Добровольческой Армией
Генерал-лейтенант Деникин

После взятия Торговой предстояла операция по овладению станцией Тихорецкая. Для того чтобы при наступлении обеспечить тыл своей армии, генерал Деникин решил предварительно уничтожить Южную группу красных войск, висевших на левом фланге добровольцев. «Удар по этой группе, — пишет генерал Деникин, — чтобы не задержать общего наступления, требовал от начальника большой решимости и стремительности. Этими качествами обладал в высокой

степени начальник 2-й дивизии генерал Боровский. И кроме того, еще одним: он никогда не вел речи о малочисленности своих войск, их переутомлении и т. д. Разговор наш 27-го был краток:

— Необходимо в три дня разбить большевиков у Медвежьего, Успенской и Ильинской с тем, чтобы 30-го сосредоточиться в районе Ильинской, так как 1-го июля состоится общее наступление наше на Тихорецкую...

— Слушаю.

— Александр Александрович, вы взвесили, что перед вами 115 верст пути и 6 тысяч красноармейцев?

— Исполню.

— Можете выступить завтра с рассветом?

— Выступлю сегодня к вечеру...

Мы простились; вечером я провожал колонну Боровского, вытягивающуюся из Белой Глины; а 30-го пополудни к штабу, перешедшему в Ново-Покровскую, подъехал автомобиль: Боровский вдвоем с адъютантом по дороге, по которой бродили еще разъезды большевиков, приехал с докладом из... Ильинской.

Рейд Боровского, как назвали этот поход, протекал с быстротой поистине кинематографической».

Боевые действия Корниловского полка в этом «рейде» оперативная сводка от 29 июня 1918 года излагала так:

«Колонна генерала Боровского утром 28 июня у хутора Богомолова была встречена противником силою до 4 тысяч пехоты при четырех орудиях. Доблестный Корниловский полк под сильным ружейным огнем, перейдя в брод по горло в воде речку, захватил хутор Богомолов, разбил противника, оборонявшегося в окопах к западу от с. Медвежье, и овладел этим селом».

В этом бою 28 июня принимал участие и я¹⁴⁹, пишущий эти строки, после выздоровления от ранения 28 марта под Екатеринодаром. Из Новочеркасска на фронт со мной выехал мой старший однокашник по Виленскому военному училищу, но вышедший в артиллерию полковник Гетц¹⁵⁰. К вечеру 27-го мы наконец догнали корниловцев недалеко от хутора Богомолова. Я сразу отправился в свою 1-ю офицерскую армию генерала Корнилова роту, остаток от славного Партизанского офицерского батальона имени генерала Корнилова, влившегося с началом 1-го Кубанского похода в Корниловской ударный полк. Командиром батальона был теперь первопоходник капитан Миляшкевич¹⁵¹, который назначил меня командиром взвода в 1-ю роту, что после 18 месяцев командования мною батальоном в Великую войну было все же маркой. Взвод свой я нашел на улице, его оставили без

квартир. Я сразу оценил, что командир батальона занимает чересчур большой дом, и снова побежал к нему с просьбой потесниться. Узлы первого похода сделали свое дело, и взвод оказался под крышей. К моей радости, в нем оказались два старых соратника по походам, а потому мы втроем засели за разговоры, подкрепляя их уничтожением купленного жареного барашка. За разговорами мы и не заметили, как в предрассветной мгле стали строиться и как на столе от барашка остались одни только косточки. Правда, первоначальное наше движение было тяжеловато, и мы только подшучивали: «Лишь бы только не в живот», то есть ранение в пустой живот легко проходит, а в полный — почти всегда смерть. Идти далеко нам не пришлось, офицерской роте было дано направление по дороге на какие-то обрывистые валы. Наступивший рассвет сразу все разъяснил: перед нами были сплошные окопы красных, очень красиво расположенные, как после говорили, по старым укреплениям, а перед этой умирительной панорамой протекала красивая извилистая речка среди подсолнухов и уже высоких хлебов. Эту очаровательную картину стали дополнять редкие, но точные выстрелы с этих проклятых высот. Красные как будто принимали нас за куропаток и выбирали кто пожирней. Совершенно не к месту подвернулась нам речушка, перешли мы ее по пояс в воде, выскочили снова на дорогу, и дальше был довольно крутой подъем прямо на окопы противника.

Здесь стрельба пошла без выбора, по площадям, как говорили у нас. Мы тоже начали отвечать, застрочили и наши пулеметы. Мой взвод стал уменьшаться, через минуту и меня пуляхватила в левую руку выше кисти, перебив мне обе кости и часть сухожилий, которые вывалились сизым клубком. Мое пожелание сбылось: в живот мне не попали, но руку починили сильно. Помню, как под огнем противника подбежал ко мне офицер с бинтом и начал перевязывать меня, а красные все мешали ему, шлепая своими пулями по подсолнухам. Не могу понять, почему мы делали перевязку стоя. В голове стало «туманить» от потери крови, и я свалился на обочину дороги, а мой санитар уже поднимался на бугры, за своими. Уладок сил подкрепил мне вид нашего Кубанского конного полка справа от нас, начавшего атаку по флангу красных. Отступление красных кончилось полным их разгромом, была взята батарея и около тысячи пленных.

Впоследствии, в 1919 году, уже во 2-м Корниловском ударном полку из числа этих пленных у меня был денщик, Иван Никифорович Колесников, который так говорил про этот бой: «Все мы были собраны комиссарами из разбежавшихся чинов 39-й пехотной дивизии по Ставропольской губернии. Нормально вы не могли бы взять этой по-

зиции, вас было очень мало для этого, и мы это видели, но мы не хотели воевать и разбежались по хлебам, а стреляли только коммунисты».

За ворвавшимися в окопы красных ударниками потянулась и наша артиллерия. Подъезжает ко мне полковник Гецц, недоумевающе смотрит на меня и восклицает: «Как, уже?» Отвечаю с досадой: «У корниловцев это нормально». Это уже третье ранение в Добровольческой армии, два из них 28-го числа, которое принесет мне в будущем немало неприятностей. Потери за этот бой у корниловцев были велики — 136 человек, но зато результаты его оказались блестящими: село Медвежье было легко взято и не было потеряно время для дальнейшего исполнения задачи. Вновь поехал я в Новочеркасск на старое место в госпиталь, в помещение епархиального училища. Досадно было, что удалось только взглянуть, но фактически не принять участия в походе в условиях многообещающих.

ПРИКАЗ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Ст. Ново-Покровская

№ 0322

30 июня 1918 г. 12 час. 30 м.

1) Противник к вчерашнему вечеру занимал ст. Незамаевскую, Кальниболоцкую, Терновскую, дорогу из Терновской на Ильинскую и ст. Ильинскую, группируясь главными силами, до 6 тысяч человек при многочисленной артиллерии, в районе станции Порошинской и станицы Терновской. Перед станицей Тихорецкой устраивались окопы.

2) В течение сего дня 30 июня генерал Эрдели должен овладеть станицей Незамаевской, полковник Кутепов станицей Кальниболоцкой, что им уже сделано, полковник Покровский должен 1 июля перейти в станицу Незамаевскую.

3) Завтра 1 июля приказываю овладеть станицей Тихорецкой и разбить противника, группирующегося в районе станицы Терновской станицы Тихорецкой.

а) Генералу Эрдели (1-я конная дивизия в составе 1-й бригады и 3-го Кубанского конного полка, 1-я конно-горная батарея и броневик «Корниловец») к рассвету разрушить железную дорогу в районе станции Леушковской, овладеть станицей Ново-Леушковской, оставив там сильный заслон с артиллерией для обеспечения Армии со сторо-

ны станции Сосыка, остальными силами двигаться на станцию Ново-Рождественскую, откуда ударить в тыл Тихорецкой группе и разрушить железнодорожный путь Тихорецкая—Екатеринодар.

б) Полковнику Кутепову (1-я дивизия и броневик «Кубанец») к рассвету выйти на дорогу хутор Николаевский — станция Тихорецкая и ударить в левый фланг и тыл противника, расположенного в районе ст. Порошинской, имея в дальнейшем своей целью преследовать противника через станцию Тихорецкую и атаку станции Тихорецкой с севера.

в) Полковнику Дроздовскому (3-я дивизия, броневой поезд и броневики «Доброволеу» и «Партизан») к рассвету подойти к позициям противника у станции Терновской и атаковать противника, занимающего станцию Терновскую. В дальнейшем быстрое наступление на станцию Тихорецкую вдоль железной дороги с целью овладеть этой станцией.

г) Генералу Боровскому к рассвету выйти на линию южная окраина станции Терновской и станции Архангельской и атаковать левый фланг и тыл противника, расположенного в районе станции Терновской, имея в дальнейшем целью атаковать станцию Тихорецкая с юго-востока. К рассвету... (дальнейший текст приказа утерян).

Уничтожив Южную группу красноармейцев, дивизия генерала Боровского двинулась на Тихорецкую, и 1 июля, как было назначено генералом Деникиным, совместными действиями частей армии весь Тихорецкий район был окружен. Корниловскому Ударному полку предстояло окружение станции с юга, перерезав линию железной дороги на Кавказскую. Судя по тому, что из трех взятых армией бронепоездов два были брошены именно на этом направлении, значит, красные предполагали сюда отступить большими силами, которые корниловцы отбросили, заставив их бросить всю материальную часть. После ожесточенного боя, продолжавшегося до поздней ночи, большевики потерпели полное поражение. Оперативная сводка от 2 июля гласила: «Трофеи Армии громадны, захвачено три бронепоезда, аэроплан, много орудий (50), большое число огнестрельных и других боевых припасов (в том числе бронебойные), много интендантского имущества».

Досадно, что о потерях в людях, наших и противника, ничего не говорится. Корниловский ударный полк за рейд генерала Боровского в 115 верст до Ильинской за три дня и плюс верст двадцать для обхода Тихорецкой с юга, с пересечением железной дороги на Кавказскую, бил противника молниеносными атаками, времени для маневра

не было, а отсюда лишние потери. Судя по прибывшим в Новочеркасск раненым, четверть состава полка выбыла из строя, то есть до 300 человек.

В следующей операции по овладению Екатеринодаром на долю Корниловского ударного полка вместе с частями 2-й дивизии выпала предварительная задача: овладеть станцией Кавказская, железнодорожным узлом, соединяющим Екатеринодар, Ставрополь и Армавир.

С такой же быстротой, как в своем первом рейде, генерал Боровский совершил с боями переход в 60 верст и овладел Кавказской. Потери 75 человек. Развивая успех, Корниловский ударный полк двинулся на юг, к Армавиру, захватил станцию Гулькевичи, откуда круто повернул на запад и, переправившись на правый берег Кубани, занял станицу Григориполисскую и ночной атакой разбил красных у станицы Прочноокопской, расположенной на высоком берегу Кубани над самым городом Армавиром. 14 июля утром с налета был взят город Армавир (потери 120 человек), но через несколько дней генерал Боровский был вынужден оттянуть корниловцев снова с Кавказской.

Продвигаясь к Екатеринодару вдоль железнодорожной линии, Корниловский ударный полк дошел до станции Ладожская. Станция была обнесена глубокими окопами. Корниловцы ворвались в них с большими потерями, но и в окопах большевики продолжали отбиваться ручными гранатами. «Да кто же вы такие, черти?» — кричали корниловцы. «Мы чертова сотня товарища Жлобы: а вы кто?» — «Мы корниловцы!» — отвечали наши и бросились в атаку с криком «ура!». Потери 75 человек.

На самой станции командир роты капитан Морозов¹⁵² узнал, что в 4 верстах от станции застрял бронепоезд красных. Гурьбой по полотну шли к нему корниловцы. Рядом по дороге тянулась артиллерия, пулеметные тачанки. В темноте вырисовывалась на рельсах черная громада. Раздался окрик: «Стой! Кто идет?» Ответ: «Корниловцы!» — и в один миг, с криками «ура!», офицеры забросали бронепоезд ручными гранатами. 6 дальнобойных орудий и 20 пулеметов были добычей капитана Морозова.

В полковых записях и воспоминаниях корниловцев имя капитана Морозова почти всегда упоминается с эпитетом «доблестный». И действительно, капитан Морозов со своей ротой, а потом уже и с 3-м батальоном часто решал участь боя. Он был одним из первых прибывших на формирование Корниловского ударного полка. Но всем своим видом он меньше всего был похож на «вояку». Морозов был страшно застенчив, и румянец то и дело заливал его щеки. Товарищем капитан

Морозов был беспримерным, его душа была пронизана благожелательством к своим офицерам и солдатам. В Каменноугольном районе Корниловскому ударному полку было приказано совместно с 4-м пластуновским батальоном овладеть станцией Енакиево и Веровским рудником. Кубанский батальон был необстрелян еще, и на помощь ему, для руководства операцией, был послан капитан Морозов. После упорного боя Корниловский полк взял Енакиево, а Кубанский батальон не выдержал артиллерийского огня и залег перед рудником. Командир батальона был контужен в голову и эвакуирован в тыл. Со станции до кубанцев доносился ураганный огонь бронепоездов, бивший по корниловцам. Капитан Морозов решил оказать помощь своему полку, поднял цепи кубанцев и уже увлек их за собой, но был тяжело ранен в голову и впоследствии был эвакуирован в Египет. По данным полковника Бояринцева¹⁵³, капитан Морозов по излечении от ранения вернулся в полк, в Северной Таврии, в 1920 году и был снова тяжело ранен, отчего у него отнялись ноги. Во время эвакуации из Крыма полковник Бояринцев видел, когда его вместе с ранеными грузили на пароход в Феодосии, но капитан Морозов был погружен на другой корабль. Впоследствии его брат писал, что капитан Морозов был выгружен в Константинополе, где и скончался. Слава и вечный покой воистину доблестному корниловцу, верному сыну национальной России!

*А. Рябинский*¹⁵⁴

НА БРОНЕВОМ АВТОМОБИЛЕ¹⁵⁵

В июне месяце 1918 года, вернувшись из отпуска, в Мечетинской я не застал полка. Этапный комендант, назначив меня старшим над 15 добровольцами, вновь поступившими и возвращающимися из отпусков, послал нас догонять полк. По дороге мы узнали, что при взятии Торговой был убит генерал Марков. Не нахожу подходящих слов, чтобы выразить то удручающее впечатление, какое произвела на нас эта ужасная весть... Офицерство в нем потеряло своего истинного, популярного, авторитетного и горячо любимого лучшего друга, не говоря о его таланте и его дерзкой храбрости...

Надежда моя застать полк в Торговой не оправдалась. Этапный комендант, сообщив мне, что полк выполняет какое-то особое задание, о котором он не то не знает, не то не имеет права говорить, дал мне, а также всем бывшим при мне предписание отправиться в штаб 2-й дивизии.

По дороге туда я встретил трех офицеров своей пулеметной роты Корниловского ударного полка, которой я командовал во вторую половину Кубанского похода: подьесаула Федосенко¹⁵⁶ и поручиков Короткова¹⁵⁷ и Безклубова¹⁵⁸, которые пригласили меня к себе на квартиру «есть вареники».

Спрашиваю их: «А вы что здесь делаете?» Отвечают, что с полком связи нет, он где-то в направлении на село Медвежье, а они пока что устроились на броневой автомобиль «Корниловец», взятый полком под Гуляй-Борисовской и который завтра выходит из ремонта.

Вскоре пришел и командир машины — штабс-капитан Гунько Игорь Дмитриевич, скромный, застенчивый, располагающий к себе с первого взгляда, симпатичный, молодой, как и все мы, офицер инженерных войск, дроздовец. Мы представились друг другу и, как это бывает между людьми одних взглядов и воспитания, почувствовали друг к другу дружеское расположение. Обменявшись вопросами, какие возникают при первом знакомстве, командир машины предложил мне до встречи с полком присоединиться к ним. Я подумал и согласился.

Закусив варениками, мы пошли осматривать броневик. По дороге штабс-капитан Гунько рассказал, что он уже представлялся генералу Боровскому по случаю окончания ремонта, и тот приказал ему 21-го выступить и нагнать дивизию. И так как в броневике правая башня была уже занята подьесаулом, то он мне предложил сесть за пулемет в левой.

В железнодорожных мастерских, куда мы прибыли, нашему взору предстали две машины: красавец броневик с надписью «Корниловец» и подвижная база броневика, полутрусовая машина «фиат». Возле первой возился чудом уцелевший чернецовец, высоченного роста добродушный парень, унтер-офицер донец Назаров, а у «фиата» штабс-капитан Чириков, в форме летчика, в пилотке.

Скажу откровенно, что об автомобиле я имел слабое представление. Мысль же, что мне не придется ходить пешком и что меня, пулеметчика, укрытого непробиваемой пулями броней, повезут в непосредственной близости поражать врага, казалась захватывающе интересной.

Накануне выезда все мы усердно работали над приведением броневика в боевую готовность. Гунько с Назаровым возились у машины, Безклубов грузил ее всем необходимым, Чириков приводил в порядок свой «фиат» и заботливо старался разыскать все необходимое для пулеметов и автомобилей; Коротков помогал повсюду, где являлась надобность. Мы с Федосенко монтировали пулеметы в башнях и

пробовали их. Приняв во внимание удаленность от нас колонны генерала Боровского, мы на следующее же утро двинулись в путь.

Восторгу нашему во время пути не было границ. Мы ничего на себе не несем. Нас везут. Командир машины штабс-капитан Гунько и шофер Назаров уверенно ведут машину, сидеть удобно и даже мягко. Пулеметы во вращающихся башнях, вода для охлаждения их подается самотеком, сами они хорошо смазаны и не пылятся, запасные части и принадлежности для обслуживания их под рукой. Все весело и бодро настроены, шутим, смеемся. Ни у кого нет обыкновенного походного утомления — мы хорошо поели и отлично выспались. Мы не связаны с бесконечной колонной, совершенно одни, и останавливаемся по разным причинам где хотим, и летим по хорошо укатанной идущими впереди нас войсками дороге.

Но вот мы догоняем колонну. Свистит «Корниловец», пехотинцы дают нам дорогу и жестами рук приветствуют нас, глядя на невиданное еще в Добровольческой армии средство борьбы. В одном месте, в стороне от дороги, группа начальствующих лиц. Бросается в глаза знакомая фигура полковника Кутепова. Машина останавливается, и мы выходим из нее. Гунько идет к начальникам и минут через пять возвращается обратно.

— Господа, — говорит он нам, — сейчас наши будут атаковать село Белую Глину, до нее версты две-три... Передние части уже развернулись. Генерал Боровский приказал нам ворваться в село, обстрелять большевистский штаб. По слухам, у большевиков имеется одна бронемашина, а потому нужно иметь наготове броневой... Кроме «Корниловца», в селе будет работать дроздовский броневик «Верный» с трехцветным флагом.

Мы подняли свой «Корниловец» с нашитой на нем эмблемой. Были установлены условные знаки ракетами. Приказав Чирикову следить за нами и докладывать генералу Боровскому о нашем продвижении, Гунько скомандовал: «По машинам!» — и, справившись о нашей готовности, тронул машину. Уверенно и мощно, на третьей скорости, шел «Корниловец» в бой... Махая фуражками, приветствовали нас запыленные родные пехотинцы...

Но вот голова колонны осталась позади. Впереди, как на ладони, в низине развернулась панорама огромного села. На окраине его, седлая нашу дорогу, отлично видны окопы и снующие вдоль них черные фигурки большевиков. Опустился на машине передний щит с надписью «Корниловец», Гунько и Назаров прильнули к непробиваемым стенкам.

— До въезда в село не стрелять! — приказывает нам Гунько.

— Есть! — вместо «слушаюсь», весело и задорно отвечает Федосенко.

Проходим окопы. Сжимая ручки затыльника, поворачиваю башню и навожу пулемет вдоль окопа, но не стреляю. Мгновение — и мы мчимся по селу. Стоял прекрасный солнечный день. У одной хаты броневик останавливается. Гунько открывает боковую дверь и громко кричит: «Пойди сюда» Подбегает перепуганный местный житель.

— Куда пошла артиллерия?

— Яка артиллерия?

— Говори, так то тебя и так, а то спалим хату.

Тут взор крестьянина упал на флаг и надпись. Он широко открыл рот и пролепетал:

— Не знаю, пивчаса потекли по той вулицы, а скільки их, не бачив.

Захлопнулась дверь, и мы мчимся дальше. Повернули на улицу влево. Мне до сих пор казалось, что прежде всего необходимо наблюдать мелькающие мимо хаты, Федосенко же держал пулемет по ходу машины.

— Стой! — командует Гунько...

Затрепал пулемет Федосенко. Повернув башню, я увидел несколько запряженных линеек и бегущих и перелезающих через плетни красноармейцев. Я пропустил по ним несколько очередей. Пулемет работал отлично. Тихим ходом машина пошла дальше и, выйдя за околицу, остановилась... Дальше дороги не было. Шум мотора не позволял нам уловить какие бы то ни было посторонние звуки. По пыли мы обнаружили стрелявшую артиллерию и, сильно обстреляв место ее расположения, поехали обратно.

На улице — ни души. Встречные безоружные местные жители при приближении броневика спешили укрыться во дворы. По нас не было сделано ни одного выстрела. Гунько снова останавливает машину и подзывает одного крестьянина.

— Где ваш штаб? — мягко спрашивает он у него.

— Да где ж ему быть? Как стоял, так и стоит у церкви...

Мы едем дальше... переезжаем мост. Тут, откуда ни возьмись, вслед за нами на мост въезжает подвода с красноармейцами. Одной-двумя очередями Федосенко положил на место лошадей и очистил подводу, но она запрудила нам обратный переезд через мост.

— Пропали теперь как мухи, — обернувшись к Федосенко, в сердцах сказал ему Назаров.

Машина останавливается, и Гунько снова зовет кого-то.

— Слушай, — говорит он подошедшему крестьянину, — если через десять минут не будет очищен мост, вернувшись обратно, мы спалим все эти хаты...

Мы едем дальше и видим — навстречу нам идут толпой красноармейцы. Многие из них, не успевшие скрыться, пораженные нашим огнем, остались лежать на пыльной дороге.

Свернув затем в сторону, мы очутились на церковной площади, где у желтого здания торчал огромный красный флаг. На площади — ни души, но в окнах здания видны люди. Отчетливо слышен артиллерийский огонь, и видны разрывы снарядов. Вдруг на площадь вылетает некрытый броневик и из него выглядывают матросы. Гунько двинул ему навстречу машину, мы первыми открыли огонь. Несколько ответных пулеметных очередей прошли мимо «Корниловца», и матросы, прикрываясь своим броневиком, разбежались.

С замиранием сердца смотрели мы, как Назаров, выйдя из машины, подошел к большевистскому броневнику. На переднем щите его было красной краской выведено: «Черный Ворон»... Взбравшись на машину, Назаров выбросил из нее убитого матроса.

— На полном ходу, — весело крикнул он нам и двинул вперед «Черного Ворона», но вдруг, крикнув: — Еще броневик! — двумя прыжками очутился на своем месте.

Безклубов подал нам бронебойные ленты. Лязгнули замки пулеметов, и мы приготовились. Прошло несколько секунд, и на площадь с клубом пыли вылетает огромный броневик.

— Отставить! — кричит Гунько. — «Верный»!

Обе братские машины сошлись. Командиры их вышли и радостно приветствовали один другого. Командир «Верного», капитан Нилов (ныне здравствует в Париже), сообщив нам, что большевики отступают по окраинам села, сел в свою машину, и она в облаках пыли скрылась в одной из боковых улиц площади. Так был взят «Черный Ворон», переименованный в «Партизан» (а не оставлен красными, как сказано в 1-м томе «Марковцы в боях и походах за Россию»).

Гунько сел за руль «Корниловца», Назаров сзади нас вел «Черного Ворона». Поехали обратно по знакомой улице. Мост, где мы оставили убитых лошадей, был очищен, но только мы его благополучно проехали, как по броневнику защелкали пули, да так часто, что попадания слились в сплошной треск. Хотя войлочная обшивка броневика предохраняла нас, но я получил один бронебойной осколок в ухо. Бросив своего «Черного Ворона», чудом уцелевший невредимым Назаров снова очутился на своем месте.

— Не стреляйте! Свои!.. — крикнул нам Гунько.

Дабы не получить пулю в пулеметную амбразуру, мы повернули башни кругом. Федосенко через верхний люк башни стал махать на-

детым на шомпол платком. Вскоре мимо нас стали проходить наши цепи. Окруженный офицерами, к нам подошел Кутепов.

— Смотрите, — сказал он, обращаясь к стрелкам, — как вы разукрасили броневой автомобиль...

— Так точно, — ответил ему Гунько, — среди всех этих попаданий нет ни одного большевистского.

В особенности сильно пострадал передний щит с надписью «Корниловец». Хромоникелевая сталь обыкновенным пулям позволяет сбить только краску.

Далее на пути к Тихорецкой мы имели несколько выездов, в которых «Корниловец» то преследовал отступающих «товарищей», то помогал опрокидывать их части, преграждавшие нам путь. 1 июля мы имели серьезный выезд на хутор Тихорецкий.

Расположенная перед этим хутором станция Тихорецкая взята была нашими частями почти без боя, и мы, в поисках «товарищей», поколесив по ней, по большой дороге выехали на окраину ее, где наши части занимали исходное положение для атаки железнодорожной станции и прилегавшего к ней огромного селения, именовавшегося хутором Тихорецким.

На дороге с чинами своего штаба стоял Кутепов. Все они в бинокли рассматривали расположенные между станцией и хутором окопы противника, в которых даже невооруженным глазом было заметно большое скопление большевиков. Предстояло действовать и прочими частями армии, предназначенными для атаки Тихорецкой, а потому Кутепов выжидал. В это время группа офицеров подвела к нему захваченного в какой-то хате видного и хорошо обмундированного большевика.

— Господин полковник, вот товарищ командир полка, — заявили они ему.

— Поздравляю, — сказал Кутепов и, отвернувшись, стал отдавать распоряжения подошедшим командирам.

Обстановка под хутором Тихорецким была схожа с обстановкой под Белой Глиной, то есть были те же седлавшие дорогу окопы, с той разницей, что под Белой Глиной они были на окраине села, а здесь между станцией и хутором. По команде: «по машинам» мы уже не новичками заняли свои места, и машина тронулась. Позади «Корниловца» шел подошедший ко времени выезда «Верный». Без пояснений всем было ясно, что Гунько повторит белоглинский маневр, то есть мы, минуя окопы, влетим в селение. Вскоре мы увидели в огромном облаке пыли несшийся нам навстречу большевистский двухбашенный, как и наш, броневик.

— Огонь на ходу! — командовал Гунько.

Мы выпустили несколько очередей. Большевистский броневик остановился и сейчас же откуда-то со стороны был пробит нашим артиллерийским снарядом. Мы подъехали почти вплотную к большевистским окопам. С высоты башен броневика густо, почти плечо к плечу сидевшие в мелком окопе «товарищи» представляли собой на редкость прекрасную цель.

— Стой! Стой! — одновременно с Федосенко закричали мы и лентами открыли огонь. (На следующий день на этом месте побывал генерал Деникин и был поражен огромными потерями большевиков.)

Но и большевистские пули, как град, стучали по броне, и от их резкого щелканья шумело в голове и звенело в ушах. Гунько хотел было двинуть машину вперед, как сзади и левее нас в облаках пыли показались эшелоны нашей кавалерии. Это шел в атаку на окопы 2-й Дроздовский полк. Мы поддерживали их интенсивным огнем. Идя карьером, дроздовцы быстро проскочили окопы. После них по всему полю, то тут, то там, лишившись своих седоков, понуро стояли оседланные лошади.

В хуторе Тихорецком «Верный» пошел направо, Гунько поворотил налево, и вскоре мы нагнали группу человек 20—25 красноармейцев, которые, предводимые матросом, по-видимому, спешили оставить селение и, увидя схожий со своим броневик, приняли нас за своих. Они были нами расстреляны. Первым был убит матрос, потому что раньше других обратил на себя наше внимание своим матросским видом.

После этого мы наткнулись на родных корниловцев и представились командиру полка по случаю возвращения из отпуска.

Э. Карнус¹⁵⁹

ВТОРОЙ...¹⁶⁰

Начало июня 1918 года. Добрармия привела себя в порядок. В Армию влились новые силы. Со всех сторон прибывало пополнение, главным образом казаки. Влился к нам крупный отряд полковника Дроздовского, образовав нашу 3-ю бригаду. Силы наши больше чем удвоились, дойдя до 10 тысяч бойцов. Добровольческая армия двинулась во Второй Кубанский поход.

Наша 1-я бригада вышла в этот поход в уменьшенном составе, так как Офицерский полк из Ростова к этому моменту к нам не подтянулся.

Бригада состояла из 1-го Кубанского стрелкового полка под командой полковника Туненберга, примерно 450 штыков, моих пулеметов — 16, артиллерии под командой подполковника Миончинского — 2 полевых 3-дюймовых орудия — Саперной команды, Ординарческой команды при генерале Маркове и его помощнике полковнике Тимановском.

С нами шло все наше «хозяйство» (мы тыла не имели!): санитарная часть с больными и ранеными в первых стычках, обозы и т. п.

12 июня мы с боями стали подходить к железной дороге Царицын—Торговая, имея целью перерезать ее.

У хутора Попова (конный завод), лежащего вплотную у станции Шаблиевка, мы встретили со стороны красных сильное сопротивление. Бой затянулся, и солнце стояло уже высоко. Был прекрасный солнечный и теплый день.

Сломав сопротивление противника, мы стали занимать хутор Попова. Окруженный строениями, внутри его оказался хороший сад и жилые помещения. Красные, уходя, забрали лошадей, а тем, которых принуждены были в спешке оставить, перерезали на ногах сухожилия. Взятие хутора решило и участь станции Шаблиевка. Красные стали ее покидать, и генерал Марков послал вслед несколько сотен пехоты, чтобы ее занять. Разгоряченные боем люди, с разрешения генерала Маркова, располагались для передышки и приведения себя в порядок.

Сам же Марков, в окружении своего помощника полковника Тимановского, командира полка полковника Туненберга и меня, выдвинулся за постройки хутора в открытое место с тем, чтобы наблюдать ясно обозначенный отход красных за станцию и занятие ее нашими частями. Бой фактически был закончен.

Недалеко от нас были в рост человека сложены железнодорожные шпалы. Марков взобрался на них, чтобы лучше видеть обстановку, спустился со мною вниз и предложил нам разойтись, чтобы выйти из сферы огня. Наша артиллерия к этому моменту также реагировала и открыла ответный огонь.

Не успел генерал Марков дать нам это распоряжение, как новый взрыв гранаты обдал нас осколками, землей и давлением воздуха.

Генерал Марков упал. С остальными нами тремя ничего не случилось. Мы подбежали к упавшему, подняли и отнесли за постройки. Генерал Марков был без чувств. Левое его плечо кровоточило. Череп был поврежден. Стала запекаться кровь. Санитары отнесли его в дом. Через некоторое время он пришел в себя. По-видимому, отдал себе отчет в серьезности своего положения. Мы об этом уже знали. Попросил принести ему икону. Таковая оказалась в доме. Благословил его Кубанский стрелковый полк, и через два часа его не стало.

† Пал смертью храбрых генерал Марков. Мы снова лишились талантливого и храброго военачальника сразу же в первые дни нашего второго похода, как лишились мы нашего Верховного в начале похода двух объединившихся отрядов, вышедших из Ростова и Екатеринодара, которые в этих пунктах зажгли в одно время «светочек» Белой Борьбы на юге России.

Останки генерала Маркова были перевезены в Новочеркасск, где были торжественно преданы земле, и полк его имени, находившийся там, смог отдать ему последние почести.

Во временное командование дивизией вступил полковник Кутепов, а начальник штаба и помощник генерала Маркова полковник Тимановский отбыл в Новочеркасск для принятия в командование 1-го Офицерского генерала Маркова полка.

Разбитые нами под Шаблиевкой части красных частью стали отходить на юго-запад и главным образом на Великокняжескую. Торговая нами занята.

Нашей колонне поставлено в задачу быстрым маршем преследовать отходящих на север с тем, чтобы обойти Великокняжескую с северо-запада и атаковать ее с этого направления.

Другим же частям было предписано: отряду Дроздовского — обойти станицу с юга, а коннице (дивизии Эрдели) из ново-манычского направления обхватить ее с востока.

Последней эта задача не удалась. Конница наткнулась на отряд Думенко.

Наша колонна, отбросив красных с северных переправ, утром 15-го ввязалась в бой за овладение Великокняжеской. Противник был опрокинут, но окружение, по указанной выше причине, не удалось. Красные спешно отходят.

День взятия Великокняжеской и следующий провели в ней, а 17-го перешли в Торговую, откуда стали разворачиваться с тем, чтобы подойти к Песчанокопской. Под ударами нашей колонны и частей Боровского и Дроздовского Песчанокопская пала, и разбитые части ее гарнизона стали стягиваться к Белой Глине.

Бой за Белую Глину

Белая Глина — большое и богатое селение Ставропольской губернии. Имела свои учебные заведения для обоюго пола, свою уездную полуинтеллигенцию, быстро воспринявшую октябрьскую революцию. Это селение и станция Белоглинская лежат на линии железной доро-

ги от Тихорецкой на Царицын и в непосредственной близости к границе Кубанской области. Следующая станция Ея и примыкающая к ней станица Новопокровская были очагом большевизма. Туда стекались агитаторы и различные элементы, не знающие ни меры, ни края, порожденные разнуздавшейся революцией.

Остатки красных, разбитых нами у Великокняжеской, Торговой и Песчанокопской, стали стягиваться туда.

Распропагандированное население Белой Глины частично само мобилизовалось, других взяли силой, образовав из них вместе с красными отрядами гарнизон в 9—10 тысяч человек. Ожидая наш подход, они спешно укреплялись вокруг селения, особенно в северной части, возводя окопы.

Всем распоряжался Жлоба со своей бригадой и отрядом матросов при ней.

В Песчанокопской частям Доброармии был дан трехдневный отдых, но нам (колонне Кутепова) пришлось воспользоваться этим отдыхом лишь частично. Как при взятии Великокняжеской, так и Песчанокопской, мы и тут получили задание обойти противника с целью его окружения.

Кутепов вывел нашу колонну обходным путем на юго-восток к Рассыльной, а оттуда на юго-запад на Павловское. Из Павловского повернули на север с тем, чтобы к утру 23-го, заняв исходное положение, атаковать Белую Глину с южной ее стороны. Остальные же колонны Боровского и Дроздовского из Песчанокопской, обхватив селение с севера, востока и запада, должны были быть готовыми атаковать его в указанное время, одновременно с нами.

С нами двинулась и конница Эрдели. В ее задачу входило уже 22-го занять станицу Новопокровскую и станцию Ея, прикрыв нас с этого направления, а также отрезать возможное отступление красных по железной дороге из Белой Глины.

Ночным маршем из Павловского утром 23-го мы стали подходить к южным окраинам Белой Глины. Селения еще не было видно. Постепенно стало рассветать. Мы стали готовиться к разворачиванию. Приказ до указания не стрелять и шадить патроны. Отряд наш небольшой (дивизия Кутепова), состоял из полка кубанских стрелков, имел пулеметы и два орудия. Марковский полк нашей дивизии еще к этому времени не подтянулся к нам. Кутепов принял на себя непосредственное руководство боем.

Я приступил к отдаче моих распоряжений и указаний командам пулеметных взводов — все пулеметы на боевую линию. Указал, кому стать на флангах. На каждый пулемет выдать по три ленты.

Мало! Могут быть расстреляны в несколько минут. Но я был спокоен. У меня был хорошо подобран, за время боевых страд, состав командиров, и их пулеметные урядники из господ офицеров знали цену каждого патрона и зря не выпускали их в воздух, а били прямо в цель. Это с одной стороны, а с другой, если нужно будет, то у них найдутся еще и другие три ленты. Дело в том, что сама жизнь породила это явление на протяжении всех наших походов. Нехватка боевых припасов и выдача их под контролем заставила пулеметчиков прятать часть «добычи» про запас, и каждый для своего взвода. На это явление, видя неоднократно в тяжелые моменты боя его благоприятные результаты, я молча закрывал глаза, тем более что я мог пожаловаться на мою «хозяйственную часть», которая неплохо справлялась со снабжением огнеприпасами, да и пулеметчики тоже ревниво следили за этим и захватывали после боев запасы не только для себя, но отдавали и в общий запас.

Оставив наши обозы в указанных местах, сняв все пулеметы с тачанок, мы стали занимать свои места в начавшей уже разворачиваться цепи.

Молча двинулись в направлении селения. Все ближе и ближе. Нас уже заметили. Открылся по нас беспорядочный, но недействительный огонь красных.

Все вперед и вперед. Уже ясно обозначились дома. С нашей стороны ни одного выстрела. Продвинулись еще вперед и залегли. Со стороны красных огонь умолк. На поле предстоящего боя тишина. Обе стороны выжидают. Кутепов остановился непосредственно позади цепи. Вправо от него остановился и я. Моя связь залегла рядом. Вдруг видим — и уже простым глазом — на стороне красных появилось несколько всадников. Я подсчитал — три. Стали метаться вдоль цепи красных, отдавая распоряжения. Комиссары — определили мы.

Медленно и тяжело стала подниматься цепь, и мы увидели не одну, а три густые, расположенные одна за другой на небольшой дистанции; продвинулись немного в нашем направлении и снова залегли. Мы молчим. В момент их передвижения я приложил мой «цейс», чтобы лучше их рассмотреть. Если сравнить с ними нашу одну довольно редкую цепь, картина получалась довольно жуткая. Даже в бинокль казалось, что люди касаются друг друга плечами. «Зато какая прекрасная цель», — мелькнуло у меня. Я посмотрел в сторону Кутепова. Поняв мой взгляд, он молча кивнул мне. На нас смотрели из нашей цепи. Ждали сигнала открыть огонь. Вижу — пулеметы готовы к открытию огня, ленты вставлены. Стрелки в цепи вот-вот спустят кур-

ки. Но Кутепов молчит и молча смотрит вперед. Так проходят томительные минуты.

Вдруг видим, что у красных началось какое-то движение — вдоль их цепей туда и обратно стали мотаться их комиссары, отдавая какое-то распоряжение. Назрел момент!

— Огонь! — бросает Кутепов.

Поле сразу ожило. Застрекотали пулеметы, а в их стройное пение сразу врываются ружейные залпы, переходящие затем в регулярный стрелковый огонь. Момент — и отозвалась наша артиллерия: шрапнельные разрывы над цепями красных. Мы начали косить, поражая одновременно все их три линии. Видим — задние дрогнули и стали отдаляться от цепи в направлении селения, увлекая своим примером и других. Скашиваем двух конных комиссаров, третий поскакал в селение, а за ним гурьбой бросились и передние цепи. Мы — следом за ними. Побросав оружие и не оказывая более сопротивления, красные сдаются и целыми толпами выводятся за окраину селения и выстраиваются нами в поле. В наши руки попадают до 3 тысяч пленных.

Очищаются дома и дворы, главным образом последние, куда спряталась часть красных. Жители наглухо позакрывались в домах, и никого на первых порах не видно.

Просеиваем селение в направлении его северной части. Там на его подступах еще идет бой с красными, которых теснят части Боровского и Дроздовского. Они берут еще до 2 тысяч пленных. Часть красных прорывается у них (со стороны Боровского) и уходит на Горько-Балковскую и дальше в направлении Тихорецкой.

Я двигаюсь с моей связью и подошедшим ко мне пулеметным взводом по довольно широкой улице, идущей от середины окраины внутрь селения. Улица обрывается: справа водоем довольно большого размера, поросший камышом, впереди и слева ограда. То было кладбище. Слышу беспорядочную стрельбу и свист пуль вокруг нас. Противника не видно, но кругом стрельба. Свист пуль справа и навстречу, а кто-то отвечает и слева. Вдруг слышу голоса: «Выходи, выходи», затем выстрелы.

Один голос совсем близко от меня. Оглянувшись направо и вижу на выступе последнего дома (на срубе), уперев удобно свое ружье и целясь в направлении камышей, наш стрелок добавляет:

— Ничего не будет, выходи!

Осмотревшись, а это заняло секунды, я понял, в чем дело. Это наши кубанские стрелки, окружив колыцом водоем и кладбище, вылавливали спрятавшихся. Увлечшись, не обращали внимания на то, что сами подвергали себя опасности быть застреленными своими же,

стоявшими напротив в кольце. Вот почему нас и встретили со всех сторон свисты пуль.

Тщательное просеивание и вылавливание спрятавшихся, особенно из местного населения, имело под собой серьезное основание. Местные большевики несли большую вину перед добровольцами. Еще во время Первого Кубанского похода тяжелораненные были оставлены в этом районе и, подлечившись, попали в Белую Глину, а также в Песчанокопскую. Будучи затем выданы на расправу местным большевикам, были ими мученически казнены. Вот почему, при нашем походе, часть населения Белой Глины, боясь нашей с ними расправы, добровольно мобилизовалась, других заставили силой помогать красным отрядам, занявшим их селение.

Кроме того, и в настоящем бою за овладение Белой Глиной красные не давали нам пощады. Пленных не брали. Добивали наших раненых и умирающих. Обезображивали их трупы. Северные подступы к селению были ими сильно укреплены, так как они ожидали нашего удара с этой стороны. Когда части Дроздовского атаковали их окопы, остались раненые добровольцы. По взятии позиции красных их всех нашли убитыми и истерзанными.

Не теряя времени, я отдаю распоряжение повышенным голосом, чтобы слышали и спрятавшиеся, прекратить стрельбу и никого не трогать. Собрав их, мы разберемся, кто прав, кто виноват. Направлять ко мне.

В несколько минут вокруг меня стала собираться толпа их в 40—45 человек, вылезших из разных нор на кладбище и из болота. С них текла вода, и все были вымазаны в грязи. Приказал построить их в шеренгу.

Из опроса выяснилось, что эта группа в большей части — бывшие солдаты, что и видно было по их выправке. Приказал пересчитаться справа налево по два, вдвоить ряды и сомкнуться. Команду выполнили безукоризненно.

Я подошел к правофланговому. Высокий, стройный и подтянутый.

— В каком полку служил? — задал ему вопрос.

— Младший унтер-офицер Матвей Новиков, такого-то гренадерского полка, ваше высокоблагородие, — отпартортовал он.

Название полка стерлось у меня из памяти.

Из дальнейшего опроса выяснилось, что они не имели отношения к населению местному или окружающих селений. Лишь некоторые были из далекого района Ставрополя. Решили, будучи у красных в обозной части, при бегстве их спрятаться и отдаться в наши руки.

Я предложил им влиться в мою часть, прибавив, что принуждения с нашей стороны нет никакого, а кто желает. Все тут же согласилось. Мы, как всегда, нуждались в пополнении. Я их тоже, для начала, в большинстве применил как ездовых в обозе, в пулеметных тачанках и по другим хозяйственным надобностям. Кроме того, тут же троих нарядил в распоряжение нашего «санитарного обоза».

Таким образом, я смог постепенно освобождать от этих обязанностей господ офицеров, годных для строя. Но обычно я назначал на должности ездовых тех, кто по возрасту не годился в строй, ибо в строю нам нужны были люди молодые, крепкие и подвижные.

Так, пять штаб-офицеров из состава моего бронепоезда, вышедшие с нами в Первый поход или присоединившиеся в начале его, все — войсковые старшины, заслуженные старые офицеры Великой войны, командовавшие дивизионами или пластунскими батальонами или бывшие помощниками командиров полков, но не подходившие для пулеметного строя, были мною распределены на разные роли.

Войсковой старшина Староверов¹⁶¹ числился моим помощником. Войсковой старшина Цыганок¹⁶² заведовал хозяйством и нестроевым обозом. Войсковой старшина Бай-Бабаев, бывший командир стрелкового дивизиона 5-й Кавказской казачьей дивизии, был ездовым на хозяйственной повозке. С ним в Первый поход вышла и дочь его, работавшая сестрой в санитарной части, как и другая, профессиональная сестра Ника Николаевна или просто Ника. Фамилия ее стерлась из моей памяти, так как по таковой никто и не называл ее.

Была у нас и женщина-прапорщик. Безвестная героиня. Пробыла у нас недолго, так как по моему ходатайству генерал Марков перевел ее к себе в ординарческую команду. Может быть, первоходники, составлявшие ординарческую команду при генерале Маркове, вспомнят, кто она была и как ее звали, так как у меня совершенно стерлось из памяти ее имя.

Появилась она при нем уже после того, как мы, оторвавшись от Екатеринодара, после смерти генерала Корнилова, двинулись в направлении Дона.

Была у нас в Дядьковской дневка. После боев у Екатеринодара и нашего форсированного марша — первый спокойный день. Казаки станицы встретили неожиданных пришельцев ласково и с хлебом-солью. Я расположился в небольшой комнате. Стол, несколько стульев и узкая тахта. Дверь выходит непосредственно во двор. Там находятся и хозяйственные постройки. Время полдничать. Хозяйка уже приступила к хлопотам. Накрывает, суетится, выходит во двор. Кухня где-то в другом месте.

— Вас хотят видеть, — обращается она ко мне.

— Кто? — спрашиваю.

Но она, не отвечая, распахивает дверь. За порогом вижу юношу лет так семнадцать. В солдатской, хорошо пригнанной шинели. На голове серая смушковая папаха образца, принятого в пехоте. Без погон. Талия перетянута ремнем.

Увидев меня, подтянулся и отдал честь.

— Войдите, — пригласил я.

У меня сидели, в ожидании обеда, мой помощник и хорунжий Ивченко¹⁶³, выполнявший обязанности и ординарца, и заведующего канцелярией. С ними я обсуждал очередные вопросы.

— Кто вы такой?

— Прапорщик такая-то.

Передо мной была женщина-прапорщик. Ей было девятнадцать лет. Девуца. Дала объяснение, что скрывалась последние дни у хозяйки, в доме которой мы остановились. Москвичка. Прибыла на Кубань с одной своей подругой из Ростова, с намерением вступить в ряды Добровольческой армии. Двинулись дальше на Тихорецкую. После многих мытарств, потеряв по дороге свою попутчицу, добралась до Кореновской. Положение там оказалось почти безвыходное, но выручил случай. В ней принял участие казак из Дядьковской, который возвращался телегой домой после выполнения у красных «революционной обязанности», и скрыл ее там

— Прошу принять меня в вашу часть.

Неожиданное появление этой девушки-прапорщика и желание ее поступить к нам в пулеметную часть, признаться, сильно меня смутило. Мысли понеслись в недавнее прошлое. Семнадцатый год. Июнь месяц. Мы расположены в Двинском лесу. Недалеко немецкие позиции. Русская армия получила приказ перейти в «революционное наступление». Мимо нас проходит женский батальон Бочкаревой. Эта встреча с проходящим мимо нас женским батальоном производит на нас гнетуще-тяжелое впечатление обиды за «слабый пол». Молча провожаем глазами их удаляющиеся ряды. Им приказано атаковать позицию немцев.

Слышим — ввязались в бой. Стрельба все сильнее. Выстрелы орудий. Рвется шрапнель. Таким салютом встречают немцы русских амазонок... Расстроенные, окровавленные, в пыли и грязи бегут мимо нас по лесу обратно, преследуемые шрапнельным огнем, воины женского батальона. Это было их первое боевое крещение...

— Хорошо, я вас принимаю. Садитесь, прапорщик, с нами. За обедом поговорим об остальном.

Сели и приступили к трапезе. Хозяйка одобрительно посмотрела на нас, видя свою опекаемую в нашей среде.

— Расскажите, — обращаюсь к ней, — как вы скрывали прапорщика у вас. Не боялись?

— Да просто. Передела ее в наше женское. А боялась ли — не знаю. Моя «племянница».

Почти к концу обеда меня вызвали к командиру полка.

— Вот что, — были его первые слова, — приготовьтесь, к вечеру мы выступаем ночным переходом головной колонной. Пришлите мне своего связного, через которого получите указание часа выступления.

Переговорив еще о других вопросах, я при прощании докладываю:

— Ростислав Михайлович, разрешите вам доложить. Сегодня ко мне прибыло новое пополнение, — и рассказал ему о появлении у меня женщины-прапорщика.

— Как думаете ее применить?

— Сказать правду, еще не решил, но в строй, во всяком случае, не поставлю, — и рассказал ему о виденном под Двинском.

Возвратившись к ожидающим меня, даю указание:

— Вот что, господа. Сегодня вечером мы выступаем в неизвестное еще направление. Да оно и не подлежит оглашению. Вы, прапорщик, приготовьтесь. Ночной переход, до дальнейших моих указаний, проведете в санитарной повозке. Вас проводит и познакомит с сестрами хорунжий.

У меня появилась идея, что наш новый прапорщик сможет применить себя в этом направлении — санитарном. Несколько дней я не обращал на нее внимания и не давал назначения. Она не сошлась с сестрами и явилась ко мне.

— Прошу назначения в строй.

Как я указал выше, мне оставался лишь один выход — переговорить с генералом Марковым. Затем я ее видел на коне в ординарческой команде генерала Маркова. По прибытии на Дон, в Егорлыкскую, она уволилась. Как мне потом передавали, она решила обратиться к родителям в Москву.

Я отдал распоряжение мое новое пополнение, до распределения, направить к нашему обозу.

Пополнялся в этом походе и наш 1-й Кубанский стрелковый полк, разворачивая следующий батальон. Особенно успешно шло разворачивание при вступлении в Кубанскую область.

Таким образом, моя чисто офицерская часть с очень небольшим составом казаков и не-казаков (последние — из юношей интеллиген-

гии) начала во Втором походе пополняться и рядовым составом. На походах вся наша пехота и мы, пулеметчики, передвигались на тачанках, проделывая благодаря этому большие переходы как днем, так и ночью. Благодаря этим ночным переходам красным нелегко было установить пути наших следований. И еще осложнялось это тем, что, тронувшись засветло в одном направлении, мы в темноте брали совсем другое направление. Красные также стали применять переброску своих частей на подводах. Надо полагать, переняли эту тактику от нас. Ночью мы привязывали лошадей к повозкам и спали. Верховые по наряду следили ночью за движением колонны.

Была у меня командирская тачанка, в которую я примащивался в ночных переходах. Конь мой шел сзади привязанный.

Из группы влившихся в часть военнопленных я выбрал себе ездового. Пулеметчики вначале как-то неодобрительно смотрели на это мое действие. Мои штаб-офицеры, когда мы разбили свои квартиры в Белой Глине, собравшись ко мне для обсуждения очередных, после каждого перехода и боя, вопросов, говорят:

— Не увез бы он вас ночью куда в сторону!

Мотивировали тем, что я при ночном переходе ехал во главе своей колонны.

Этого не случилось. Влившиеся к нам стали исправно нести службу. Сказывалось и обхождение с ними, и не выветрилась старая дисциплина. Они дошли с нами до Новороссийска, где или были демобилизованы, или продолжали службу. Главная масса пленных, взятых в Белой Глине, по приказу генерала Деникина разошлась по домам. Это произвело на них колоссальное впечатление. Не верили своему счастью.

* * *

Покончив с собиранием попрятавшихся в камышах и других местах, я приказал отвести поступившую к нам на пополнение группу на южную окраину селения и присоединить их к уже подтягивающемуся нашему обозу. Он был уже совсем на виду. В это время, и совершенно неожиданно для нас, начался со стороны красных артиллерийский обстрел южной части селения. Снаряды рвались сначала на окраине, а затем начали ложиться в поле и навстречу подходившему обозу. Было несколько попаданий в голову обоза. Разбиты две пулеметные тачанки и одна хозяйственная повозка. Люди на них и лошади разорвавшимися гранатами искалечены или убиты наповал.

Это северная группа красных на подступах к селению прорвалась от напиравшей на них колонны Боровского. Повернув круто на юго-запад вдоль Белой Глины на Горько-Балковскую, они для обеспечения своего движения и прорыва приказали своей артиллерии открыть заградительный огонь.

* * *

В Белой Глине мы получили заслуженный отдых. Пробыли там неделю, до 30 июня.

Разместились по квартирам. Мне достался отдельный небольшой дом с садом, где также стоял мой помощник, конный вестовой и заведующий канцелярским (писарь) хорунжий Ивченко, впоследствии в чине есаула мой адъютант, и еще два связанных ординарца из господ офицеров. Последние предпочли устроиться более «самостоятельно» — в летней постройке в саду. Это дало повод войсковому старшине Староверову — человеку в годах — к шутке над нами:

— Понимаю, понимаю, почему отделяетесь от нас. Эх, молодежь! И я был такой!

Хозяйка, женщина средних лет, встретила нас очень смущенно, но старалась своей суетой показать услужливость. Старалась определить, кто в среде ее постояльцев начальство и какое будет к ней отношение.

Население Белой Глины, чувствуя свою вину перед нами за организованное ими сопротивление, боялось расправы с ними. Мужчины или попрятались, или оказались у нас в плену. Поэтому поначалу мы видели только женщин. Но когда узнали, что взятые нами в плен распускаются, то обстановка изменилась.

Постепенно мы разузнавали, что творилось у них в период «совласти». Так, тут была проведена социализация женщин, и главными проводниками этого «достижения революции» были стоявшие тут матросы.

Наша хозяйка стала с нами осваиваться, видя, что мы с ней обращаемся как и полагается и за все платим. Охотно сама предложила вести нам хозяйство. На второй-третий день представила нам свою дочь. До тех пор скрывала ее.

— А где же ваши мужчины? Муж, сыновья ваши, если таковых имеете? — задал я ей вопрос.

Она как-то смущенно уклонилась от моего вопроса. Я не настаивал.

— Скажите, почему вы скрывали от нас свою дочь?

— Да видите, вы не знаете, что у нас творилось до вашего прихода. У нас уже нет больше девушек. Все они были «реквизированы» (она так выразилась), матросы и красноармейцы их распределили между собой и с ними гуляли.

— А как было с замужними женщинами?

У кого мужа угнали или была одна — тоже «обслуживала» их.

Мы поворачиваем на Тихорецкую

За время нашей стоянки в Белой Глине мы имели возможность не только отдохнуть, выспаться вдоволь, вкусить горячую пищу, которую мы видели очень и очень редко — так и мерещится отварная, холодная и не совсем хорошо очищенная курятина, которую подавал мне мой вестовой-казак, часто на походе, в седле, иногда без соли и даже свежего хлеба, а так, засохший кусок, а главное, что было и самым важным для малых и больших начальников и командиров, — привести свою часть в дальнейшую боевую готовность.

К 30 июня, чтобы начать операцию против Тихорецкой, которая была намечена нашим командованием на 1 июля, части Добрармии начали занимать исходное положение с целью полного окружения ее и с тем, чтобы приступить к ее штурму.

К этому числу наша дивизия под командованием полковника Кутепова сосредоточилась в станице Кальниболотской. Еще за несколько дней до этого к нам подошел стоявший в Новочеркасске 1-й Марковский полк. Отдохнувший, пополнившийся и развернувший там 3-й батальон, он, на пути своего движения к нам, совместно с 1-м конным полком, также покинувшим Новочеркасск, вел бои и 26 июня стал в Горькой Балке.

В задачу нашей колонне входило: по занятии станции Порошинская, обогнув уступом Тихорецкую, выйти на железную дорогу Сыска—Тихорецкая и, перерезав ее, атаковать с севера.

Для обеспечения операции сосредоточиваемых сил Добрармии ее командованием возлагается на Отдельную конную бригаду полковника Глазенапа¹⁶⁴, сформированную из кубанских казаков, тяжелая и ответственная задача охранять наш правый фланг от частей Сорокина, расположенных по линии Сосыка—Екатериновская—Кушевка; весь наш тыл до Торговой и нашего фронта, а также от напирających на нас с тыла красных отрядов в северной части Ставропольской губернии.

* * *

Для прикрытия нашей колонны с севера в задачу конницы Эрдели (его дивизии) входило: взяв станцию Леушковская, оставить там заслон, а с остальными своими частями выйти к западу от Тихорецкой на линию железной дороги в Екатеринодар и ударить по ней с этого направления.

* * *

К началу 2-го Кубанского похода, в передвижении разворачивания, наши три бригады были переименованы в дивизии.

Наша 1-я дивизия к этому времени имела следующий состав: 1-й Офицерский пехотный полк; 1-й Кубанский стрелковый полк; 1-й конный полк; 1-я Отдельная батарея и 1-я Инженерная рота. От начала 2-го похода и до боев за Тихорецкую дивизия вышла лишь в составе Кубанского стрелкового полка, батареи и инженерной роты.

Штурм Тихорецкого узла

От начала нашего Второго похода и до Тихорецкой мы встречали то или другое сопротивление превосходящих нас сил красных, которое мы сравнительно легко ломали.

У Тихорецкой же мы наткнулись не только на сосредоточенный кулак, но также на сильно укрепленные позиции.

Туда к основным силам стягивались бежавшие от нас и недобитые нами части красных. Было также мобилизовано, вооружено и загнано в окопы население. Окопы подчас обведены проволочным заграждением.

Заняв исходное положение, наша колонна в ночь на 1 июля выступила из Кальниболотской. Обойдя Порошинскую, красные стали отходить под защиту Тихорецких укреплений. Обхватив Тихорецкую с севера и перерезав железную дорогу на Сосыку, двинулись в направлении станции. Пройдя самую станицу и наступая в направлении станции, мы встретили сильное сопротивление красных, засевших в окопах. Наше движение и прорывы были приостановлены сильным огнем из окопов, и, в частности, наш 1-й Кубанский стрелковый полк (марковцы шли развернутым строем рядом) неожиданно из засады подвергся атаке двух броневиков, прошедших даже наши цепи. Полк отхлынул и заново стал собираться, перейдя вновь

в наступление. Наша артиллерия поддержала нас, разбив один броневик; второй скрылся.

Поле сражения покрыто высокой пшеницей, с одной стороны, давало прикрытие при движении вперед, но с другой стороны, мешало связи своих частей. Цепи не могли держать равнение, отрывались или заходили на участок соседей.

Ожидая возможной снова засады, двигались осторожно и без выстрелов. Красные стали нас подпускать и даже совершенно моментами прекращали огонь. Мы уже недалеко от их окопов, рукой подать. Виднеется уже и окраина пшеницы, а за ней и окопы. Приостановив движение, стали выравниваться и подтянули в цепь пулеметы, выдвинув их местами вперед для обеспечения движения цепей.

«Сдаются», — вдруг разносится по нашим цепям.

Действительно, видим на поднятых кверху ружьях белые флаги. Многие просто размахивают ружьями вправо и влево. Наши цепи поднялись и стали быстро подходить. Но действительность оказалась другая. Красные сразу открыли залпами огонь по поднявшимся и движущимся к ним цепям. Мы попали в ловушку. Цепи отхлынули за линию наших пулеметов, которые медленно открыли по окопам огонь, заставивший засевших в них скрыться и прекратить огонь. Наши кубанские стрелки воспользовались этим моментом и бросились на окопы в штыковой бой. Пулеметчики, принужденные прекратить огонь, стали немymi свидетелями голгофы красных. Хотя наши атакующие были снова встречены уже у самых окопов жидкими залпами красных, едва опомнившихся от ураганного по ним пулеметного огня, но порыв их был настолько стремителен, что ничто не могло их остановить. Разъяренные обманом со стороны красных, они не давали никому пощады. Шло поголовное истребление, и никакая сила не могла их остановить.

Пожалеть можно было тех, кого силою вогнали в окопы — мирных жителей. Я видел их в их обычной партикулярной рабочей одежде или в форме железнодорожников, были среди них также подростки, промелькнули и женские лица.

Увлечшись, я выдвинулся вперед, от меня не отставала моя связь, и очутился в линии рукопашного боя. Картина была кошмарная. Стоны умирающих, раздирающие душу крики о пощаде... Часть красных продолжала сопротивление, что ухудшало положение тех, кто бросал оружие. Падали и наши.

Вижу — в каком-то шаге впереди меня, подняв руки кверху и припав на колени, с залитым слезами лицом, юноша в форме телеграфиста с ужасом смотрел на штык, направляемый на него подска-

квивающим к нему нашим стрелком. Вот-вот он должен его проколоть. Я делаю быстрый шаг вперед и ударом руки по прикладу отвожу в сторону уже двинувшийся вперед штык, который должен был проколоть его насквозь. Удар попадает под левую мышку и лишь прорывает рукав. От такой неожиданности — резкий поворот в мою сторону, но тут же наш стрелок молча ринулся дальше на расправу.

Мой спасенный — а таких было немного, может быть, он был единственным, сказать трудно — сразу очутился около меня и вцепился в полу моего кителя. Я попытался его успокоить и стряхнуть его руку, мешавшую моему движению, но это было не так легко — он считал, что так будет вернее.

Я затем передал его своим, которые поздно ночью, благо мы попали на ночлег в железнодорожный поселок, вручили его родителям, жившим в этом поселке.

Наутро другого дня мы узнали, что генерал Деникин решил посетить поле нашего сражения.

Разворачивание Добровольческой армии

Прошло ровно три недели (с 9 июня по 1 июля 1918 года) с выхода нашего во Второй Кубанский поход. Разбивая по пути нашего движения встречного или укрепившегося на известных рубежах противника, мы прошли около 260 верст с почти непрерывными боями.

1 июля под нашими ударами пал Тихорецкий железнодорожный узел. Овладение им было весьма велико. Мы разбили тут сосредоточенную и хорошо вооруженную группу красных под командованием Калнина, насчитывающую 30 тысяч человек.

В наши руки попали значительные военные трофеи, так нам необходимые.

Разъединили противника на отдельные группы; укрепили наш тыл; взяли много пленных, из которых часть пошла на пополнение или формирование новых частей (Солдатский полк — в дивизии Дроздовского), а расширяя и укрепляя занимаемые нами рубежи, дали возможность широкого притока добровольного пополнения, которое частично пошло также на пополнение полков Доброармии, и из них формировались новые полки конницы, кубанские полки и пластунские батальоны.

В наши руки попал большой подвижной железнодорожный парк и мастерские. На занятых железнодорожных линиях и станциях быстро было восстановлено движение, можно сказать — почти на

ходу. Это сразу дало нам возможность переброски по ним воинских частей.

Несмотря на понесенные нами потери, иногда доходившие, в весьма жестоких боях, до 25% состава, как, например, в бою за Тихорецкую, Доброармия, надо считать, удвоилась и дошла до 20 тысяч своего боевого состава.

Несравненные качества добровольцев позволяли с 20-тысячной армией вести одновременно операции от Тихорецкой, как центра своего боевого разворачивания, до Кушевки — 90 верст — и в направлении Кавказской — 58 верст — и даже от последней, тем же ударом, расширив свои действия, ворваться в Армавир — еще 62 версты, развернувшись затем лицом к противнику на фронте — 210 верст.

Разгром армии Сорокина у Кушевки

По взятии нами Тихорецкого узла часть армии Сорокина, силою в 30 тысяч бойцов, занимала район Сосыка—Кушевка. По железнодорожным линиям циркулировали три бронированных поезда с дальнобойными орудиями, направленные против нас.

Задачу разбить эту группу и овладеть Кушевкой получили:

а) главная колонна — пехота: дивизия под командованием полковника Кутепова. Направление вдоль железной дороги на Сосыку.

б) дивизия Эрдели (конница) влево от нас на Уманскую и

в) конница генерала Покровского (его бригада к этому времени была развернута в дивизию, при начальнике штаба дивизии полковнике Ю.В. Сербине) получила задание, двигаясь справа от нас, из Незамаевской, охватить Кушевку с востока.

Ввиду важности задачи и для объединения командования трех колонн в одних руках генерал Деникин лично на себя принял руководство и вел нас в бой, дав генералу Боровскому самостоятельную задачу разбить Кавказскую группу красных и взять железнодорожный узел «Кавказская», а полковнику Дроздовскому выдвинуться на екатеринодарское направление со стороны Тихорецкой.

Два дня спустя по взятии Тихорецкой, 3 июля 1918 года, Доброармия перешла в новое наступление, бросив в бой все свои наличные силы, для выполнения поставленной ей задачи. Противник во много раз превышал наши силы.

Так наши три колонны, руководимые генералом Деникиным, имея не более 8—9 тысяч, противопоставили себя противнику в 30 тысяч.

Бой у железнодорожного узла Сосыка

Двинувшись вдоль железной дороги, наша колонна разделилась: 1-й Кубанский стрелковый полк с двумя орудиями батареи подполковника Миончинского и он сам с нами двинулись налево, имея железную дорогу справа от себя. Остальные части дивизии — Марковский и конный полки — пошли справа.

Оставив позади нас станцию Леушковская, наш полк 5 июля утром оказался в виду Сосыки.

Ровное поле, покрытое колосившейся еще пшеницей. Мы осторожно продолжали наше движение вперед. Справа и впереди уже обозначились строения станции. Затем по железнодорожной ветке, отходящей от Сосыки-Узла на Сосыкуйскую, мы увидели приближающийся со стороны последней бронепоезд красных. Он то исчезал из поля нашего зрения, то снова появлялся.

Не доходя полторы-две версты и прикрытые от взора красных, мы увидели какие-то постройки. Они оказались покинутыми и состояли из жилого дома и хозяйственных построек. По-видимому, хозяева-хуторяне его уже давно покинули. Все было запущено и имело нежилой вид. Расположились за этим прикрытием, дав людям передышку. Стали ориентироваться и выслали разведку. Справа от нас — железнодорожное полотно на дистанции примерно шагов 800. От построек в направлении станции и вкось направо шла полевая дорога. Хотя на ней были еще хорошо обозначенные колеи от колес, но видно было, что ею уже некоторое время не пользовались — пробивалась и травка. Справа и слева от дороги и почти до станции стояла еще неубранная пшеница.

Показавшись из-за деревьев, росших у станции, выдвинулся бронепоезд красных. Продвинулся на значительное расстояние в нашем направлении. Впереди — орудийная площадка с дальнобойным морским орудием; два бронированных вагона и паровоз. Остановился, пропытел и скрылся на медленном ходу обратно.

Разведка донесла, что впереди видимых нами деревьев от полотна и налево по нашей руке видно окопы. Определили дистанцию в 2500 шагов от нас. Предстояло решить задачу, как подойти и атаковать противника.

На происшедшем совещании, выслушав разные предложения, я попросил разрешения высказаться и выдвинул следующее:

— Дистанция слишком большая, чтобы незаметно подойти пехоте. Поле ровное, и, несмотря на пшеницу, мы будем быстро обнаружены. Красные окопались и из-за своего прикрытия покроют нас стрелковым и пулеметным огнем, не говоря уже о возможности наличия у них ар-

тиллерии за окопами. Кроме того, только что нами обнаруженный бронепоезд ударит по нас фланговым огнем. Поэтому нужно действовать быстро. Наша артиллерия займется бронепоездом. Я, развернув пулеметные тачанки веером, поведу их на карьере к позиции красных, загнув также свой левый фланг, чтобы ударить по ним фланговым огнем. Подойдя по возможности ближе к окопам, сбросить с тачанок пулеметы (тачанки на карьере повернут обратно) и открыть из них сразу огонь по окопам. Пехота сможет безболезненно двинуться вслед.

Вижу — мое предложение встречено полным молчанием.

Наш командир покачал головой:

— Это что-то новое для меня. Пулеметы атакуют, а мы идем в хвосте их.

На это я возразил, что техника пулеметного боя за последние годы сильно изменилась. Внесены существенные поправки. Так, при Офицерской стрелковой школе, которую, кстати сказать, я сам окончил и был даже при ней оставлен в качестве инструктора стрелково-пулеметного дела, изучались разные варианты новой тактики, которые уже частично проводились на фронте, и я имел возможность применять их как на западном, так и на турецком фронтах.

Что касается предложенного мною плана, то он — один из вариантов новой тактики, как то: заградительный пулеметный огонь, дающий возможность нашей пехоте подойти к позиции противника, выдвинув вперед пулеметы; или стрельба через головы своих цепей; или, используя баллистические свойства пулемета до предела — 5000 шагов, то есть более трех верст, ибо на этой дистанции пуля еще выводит из строя живое тело, можно обстрелять из серии пулеметов всю площадь засевавшего на том рубеже противника, и т. д.

Мой же план базируется на одном из этих вариантов с применением уже принятой нами новой тактики пулеметного боя — тачанки, которые в двуконных упряжках легко и быстро переносят в нужное место не только пулемет с боеприпасами, но и его прислугу.

Неожиданно в лице подполковника Миончинского нахожу союзника. Как артиллерист, выслушав внимательно мои доводы, он сразу понял:

— Мне этот план очень нравится. Я к нему присоединюсь. Одно орудие я поставлю у самого железнодорожного полотна против бронепоезда. Со вторым двинусь тоже на карьере по дороге за пулеметчиками.

После некоторых колебаний мой план принят, и мы приступаем к его выполнению.

Уже 11 или начало двенадцатого до полудня. Нас еще не обнаружили. Миончинский уже готов. Одно орудие — вплотную у же-

лезнодорожной насыпи. Я также развернулся и даю сигнал. Тачанки стрелой двинулись вперед. Я — по дороге, верхом в их рядах. В ушах свист ветра. Оборачиваюсь с любопытством — как там Миончинский? Вижу — не на особо далекой дистанции и также по дороге вслед за мною и впереди своего орудия верхом скачет он. Махнул ему рукой, и он ответил. Больше я уже не поворачивался. Мы шли быстрее. Все внимание впереди. Поле боя ожило. Красные открыли по нас ружейный и пулеметный огонь. Ответила и их артиллерия. Разрывы ложатся позади нас. Все перелеты. Мы мчимся навстречу, и все ближе. Настал момент сбросить пулеметы. Две тачанки стали. Кони в них пали. Даю сигнал, и сброшенные пулеметы открывают огонь. Поле загудело. Миончинский тоже выступил в бой. У меня не ушло обратно с поля боя с тачанками 7 лошадей. Несколько человек ездовых ранены.

Пехота, двинувшись за нами, находится где-то сзади. Поле гудит. Но вдруг мы все поворачиваем наши головы в направлении станции, откуда раздался страшный взрыв. Давление воздуха дошло и до нас. Высоко в небе мы увидели поднявшийся над станцией гриб черного облака. От него стали отделяться, колыхаясь в воздухе, какие-то черные большие листы не то бумаги, не то картона. Мы в этот момент не подозревали, что это были действительно листы, но не картона, а брони взлетевшего в воздух бронепоезда красных.

В один момент окопы противника были им брошены, и он стал удирать от нас. Прекратив огонь, пулеметчики по моему приказанию двинулись следом за мною, и мы, заняв окопы, двинулись на станцию.

Что же случилось?

Подполковник Миончинский, как я указал выше, поставил у самого полотна железной дороги одно из своих орудий и приказал орудийному офицеру исключительно заняться бронепоездом красных, не давая ему возможности выдвинуться со станции вперед и обстрелять нас с фланга, когда я, бросив свои пулеметы вперед, ввяжусь в бой.

Так и случилось. Бронепоезд начал выдвигаться, но удачные попадания по нему заставили его несколько раз отходить обратно. Он также открыл огонь по нашему орудью, и между ними завязалась артиллерийская дуэль. Выпущенный нашим орудием снаряд с затяжным разрывом удачно лег между рельс и разорвался в момент, когда на него накатился вагон со снарядами двинувшегося вперед бронепоезда. От происшедшей детонации поезд взлетел на воздух.

Когда мы вошли на вокзал, то увидели лежащие целые составы вагонов, повергнутые на землю боком. Какие-то туловища голых негров, без голов, ног и рук, были разбросаны в разных местах. То были тру-

пы команды бронепоезда, на которых стореда их одежда, а сами они обуглились.

Подошедшая пехота, не сделав ни одного выстрела и не потеряв ни одного человека, «закрепила» позицию. Мы двинулись дальше...

Означенный эпизод боя за Сосыку был в ноябре 1918 года также описан в газете «Приазовский край» и вышел из-под пера участника-артиллериста.

Бои за Крыловскую, Екатериновскую и Кисляковскую

Двинувшись в тот же день дальше в направлении Кушевки, мы 6 июля, встретив сильное сопротивление, ввязались в бой у станции Крыловская и станции Екатериновская. После неоднократных атак с нашей стороны мы все же овладели станцией Крыловская, понеся потери. Справа от нас марковцы и Первый конный полк вели бой за овладение станцией Екатериновской, где встретили неожиданно еще сильнейшее сопротивление красных, переходивших неоднократно в контрнаступление. Бой затянулся, и им пришлось ночевать в поле. Наутро красных уже не оказалось. Ввиду угрозы частей, появившихся со стороны Покровского, они спешно бросили свои позиции и ушли в направлении Кушевки.

Под вечер 7-го, отдохнув в течение дня, мы двинулись ночным маршем в направлении станции Кисляковская. Под утро следующего дня мы начали разворачивание и двинулись на соединение с окопавшимся вокруг станции противником. Он нас встретил ураганным огнем, и наши порывы и попытки продвинуться вперед не имели успеха. На левом фланге нашего полка произошла заминка, и он стал отходить, преследуемый красными. Бросив на этот участок из резерва пулеметы и две сотни пехоты, выравняли положение и загнали красных в исходное положение. Поле боя стонало от грохота разрывающихся снарядов, трескотни ружейной и стрекотания пулеметов. Противник оказывал и дальше упорное сопротивление и местами старался снова перейти в наступление. Лишь после полудня, когда Покровскому удалось обойти станцию и ворваться в нее, большевики заметно стали нервничать, боясь обхода с тыла. Мы стремительно перешли в наступление, ворвались в их расположение и овладели станцией, преследуя бежавшего противника в открытом поле.

Но... отойдя версты 3—4 и, по-видимому, отправившись и пополнившись подошедшей помощью, противник повернул и перешел в контрнаступление. Снова начался упорный бой. То мы отходили, то

заново его отбрасывали, и лишь к вечеру, бросив в бой все свои резервы, мы разбили его наголову, и красные стали в беспорядке отходить и исчезли за горизонтом.

Ночь на 9-е мы провели спокойно. Также и весь день.

Кушевка

На рассвете 10-го мы очутились в виду Кушевки, предполагая ее штурмовать. Наша колонна 1-й дивизии Кутепова и дивизии Покровского вошли в нее без боя. Кушевка была очищена противником в ночь на 10 июля. Последние арьергарды разбитой нами армии Сорокина спешно отступили по Черноморской железной дороге.

С севера подходили донские части... и немцы. По приказанию Деникина отделявший нас от них железнодорожный мост через реку Ею был взорван.

Ставрополь

В тот же день, по вступлении в Кушевку, мы из сводки Штаба Армии узнали о взятии Ставрополя. Нашей дивизии приказано погрузиться для переброски по железной дороге на екатеринодарское направление через Тихорецкую.

Дивизию от Кутепова принимает генерал-лейтенант Казанович. Кутепов остался при дивизии и стал бригадным командиром. По основному роду оружия генерал Казанович — артиллерист.

Прибыв на станцию Тихорецкая 12 июля, наш 1-й Кубанский стрелковый полк получает спешное задание с двумя батальонами (батальон Крижановского остался в распоряжении генерала Казановича) и всеми пулеметами полка, при гаубичной батарее, двинуться по железной дороге через Кавказскую, которая была в руках Боровского, на выручку Ставрополя.

Будучи с 8-го на 9-е очищен большевиками без боя по ультимативному требованию подошедшего к городу партизанского отряда войскового старшины Шкуро, он через несколько дней подвергся с их стороны нападению. Слабые силы гарнизона Ставрополя едва его удерживали, и вот-вот город попадет в лапы большевиков. Впоследствии, но уже другим, пришлось неоднократно выручать Ставрополь.

Высадившись на другой день перед городом и развернувшись в боевой порядок, мы ударили по наступающим на город большевикам и

разбили их наголову, взяв большое количество пленных. Встревоженные жители города успокоились и с энтузиазмом приветствовали освободителей, а благородные «отцы города» решили нас чествовать. До поздней ночи и на следующий день мы были заняты очищением районов вокруг города.

На другой день командир полка подполковник Туненберг получил от «отцов города» уведомление об устраиваемом в честь освободителей банкете с приглашением всех господ офицеров и просьбой явиться на таковой 16-го к полудню.

Такое неожиданное приглашение вызвало в нашей среде приятное возбуждение. В течение многих месяцев нашей боевой жизни мы оторвались от «культуры», ведя примитивный образ жизни, а тут, попав в большой город, культурный центр, чувствовали себя как бы не совсем на месте. Но... Приобщение началось: все стали приводить себя в порядок — мыться, бриться, чиститься, лататься. Начали щеголять в ярко начищенных сапогах — конечно, у кого они еще имелись и сохранились. Молодежь «сияет», а кто из нас не был молод тогда? «Старики» — этак в возрасте 30—40 лет — более серьезные: неловко как-то проявлять «легкомыслие»! Все забыто — недавние страды — хоть день, да наш! А тут «потчуют», и еще — как освободителей! Картина незабываемая! Мечты, мечты роятся в наших головах... нам дано... мы победим... и встанет из праха и засияет снова Родина наша...

Не успели отзвучать приветственные речи и наши ответные тосты, как начались боевые будни.

Поступила телеграмма из Штаба Армии — мы отзывались: «Немедленно погрузиться точка прибыть в Тихорецкую точка за инструкциями явиться Штаб Армии точка Генерал Романовский».

По-видимому, мы им спешно нужны. Что могло там случиться? Думаю, что и комендатура на станции уже тоже имеет соответственные инструкции приготовить нам состав для погрузки нашего эшелона. Не будем терять времени!

Положение на нашем центральном фронте — екатеринодарское направление

К 15 июля ситуация для наших войск этого направления была следующая:

Части нашей 1-й дивизии под командой генерала Казановича и дивизия Дроздовского, двигаясь со стороны Тихорецкой, дошли до Кореновской и, заняв ее, продвинулись дальше до Платнировской.

Войска Сорокина, подошедшие из Тимашевской, на широком фронте перешли в наступление, направляя свои главные силы на Кореновскую. Отбросили конницу Эрдели и 15-го взяли Кореновскую. Обойдя нашу центральную группу с востока и перерезав железную дорогу, зашли им в тыл. Положение оказалось отчаянное. Пришлось вести бой на два фронта. Все атаки и контратаки не дали никакого результата. Обе стороны вели кровавый бой на уничтожение друг друга. Перевес клонился на сторону красных. Нашим войскам почти не было выхода. Тихорецкая — ставка Деникина — отрезана. Связь потеряна.

Но наши еще «живы»; агонизируя, продолжают бой. Ждут помощи!

Наши войска ждут помощи

В ожидании таковой со стороны Ставки Командующего Д.А., на происшедшем у Дроздовского с Казановичем совещании обстановка рисуется в крайне мрачном свете.

Дроздовский объявил, что считает создавшееся положение критическим и единственный путь спасения видит в том, чтобы, пользуясь темнотой, отступить в восточном направлении и изыскать кружным путем соединения с Командующим Армией или Боровским... (Части последнего дрались со стороны Кавказской.) Что надо спасать части от уничтожения...

Генерал Казанович с планом Дроздовского не соглашался, говоря, что нельзя себе представить, чтобы генерал Деникин остался в бездействии...

В такой ситуации мы получили приказ идти на выручку...

Мы в Тихорецкой

Нашему эшелону, тяжелому и длинному, с двумя паровозами, дан открытый путь, и мы, не задерживаясь на станциях, проходим их. Лишь на Кавказской некоторая задержка: маневрирование и замена паровозов. Кроме того, очищается путь по линии на Тихорецкую.

Штаб полка, за неимением полагающегося «классного» вагона, едет в товарном — на 40 человек, 8 лошадей, — также набитом до отказа, как и другие вагоны; даже в вагонах с лошадьми полно людей.

У командира полка (я в его вагоне), замечаю, немного пылающее лицо; часто прикладывает руку к голове. Мы сидели в углу на ящиках.

— Ростислав Михайлович, — обращаюсь к нему, — вам что, нездоровится?

— Да вот, не знаю. Голова болит и, по-видимому, жар. Также и с животом что-то неладно. Не был бы тиф...

Устроившись в углу, прилег...

Четыре часа утра 17 июля. Поезд, уменьшив ход, вошел на станцию Тихорецкую. Приказано всем до распоряжения оставаться в вагонах.

— Пойдем в Штаб, — обращается ко мне командир полка, — вы со мною. Из ординарческой команды нарядите с нами двух человек.

Я взял еще и одного своего. Проплутав немного, мы разыскали Штаб Армии. Принял нас генерал Романовский:

— Командующий заснул, наконец. Только недавно прилег.

Это было в духе Романовского.

Обрисовал нам обстановку на фронте:

— Связь с войсками Дроздовского и Казановича прервана. Разведка доносит, что наши еще живы и ведут бой. Слышна орудийная стрельба. Вам, не выгружаясь, двинуться до предела возможности. Затем выгрузиться и ударить по тылу красных. Задача — прорвать их фронт и соединиться с нашей центральной группой. К вашему отряду придется бронепоезд.

По указанию командира полка я двинулся на вокзал, чтобы приготовить наш эшелон к немедленному отходу по сигналу. Он еще задержался в Штабе.

Меня сразу окружил командный состав полка. Тут же и командир батареи. Кратко обрисовал им положение. Лица стали напряженные.

На перроне появился командир полка и приблизился к нашей группе. Мы расступились.

— Вступите в командование полком, — обратился он ко мне. — Я остаюсь в Тихорецкой. По приказанию врача я должен лечь в левой госпиталь.

Попрошавшись с нами, он медленной походкой удалился.

— По-видимому, тиф, — высказываю я предположение на вопросы окружающих меня.

Но мои тревоги оказались напрасными. За несколько дней до взятия Екатеринодара, выздоровев, он снова вступил в командование полком.

Слоеный пирог

Так мы окрестили, после прорыва из «объятий» красных, положение нашей центральной группы, ибо красные врываются в их расположение и делят их на части, образуя «прослойки» — наши, затем они, снова наши и они: слоеный пирог. Они — «начинка» в нашем «пироге».

Я приказал бронепоезду двинуться в голове, держа дистанцию от нас 1500—2000 шагов. Скорость средняя. В случае, если наткнется на противника, немедленно открыть по нему огонь, чтобы дать нашему эшелону возможность выброситься из поезда и развернуться — пехоте, которая тут же перейдет в наступление. Лошадям и повозкам остаться в поезде и выгрузиться, когда по пути движения на одной из станций окажется платформа для этого.

Тронулись...

Миновали Челбас и благополучно дошли до Бурсака. Кругом тихо, никаких признаков противника, и не слышно, как ни прислушивались, какой-либо оружейной стрельбы впереди.

Бронепоезду приказал выдвинуться вперед за станцию и стать в сторожевое охранение. Впереди станция Выселки, за ней Станичная и при ней Кореновская. Там где-то наши.

Решил попытаться выяснить положение в Выселках, чтобы решить дальнейшее наше движение — продолжать ли в эшелоне или тут выгрузиться.

С адъютантом полка отправляюсь на станционный телеграф. Чиновнику-телеграфисту объясняю, что нам желательно выяснить:

— Свяжитесь с вашим коллегой в Выселках, но не говорите ему ничего о нас. Как бы сами интересуетесь, как у них там. Ваши вопросы и ответы тут же отбивайте через аппарат на ленту. Они мне нужны будут, — добавляю я. Это была моя мера предосторожности. Не знаешь, с кем имеешь дело. — Знаете ли вы вашего коллегу и можно ли положиться на него?

— Да, он мне даже кум, и если там все в порядке, он ответит. Но я сам это увижу по его ответам, даже если его заставят отвечать под диктовку. У нас «код».

Аппарат Морзе застучал, отбивая тире, точку, тире и т. д. Лента выходит из аппарата. Я пытаюсь читать, но... для меня это уж чересчур быстро. Когда-то нас этому учили.

Телеграфист тут же читает:

— У нас спокойно. Где-то вдали в направлении Кореновской оружейная стрельба с перерывами.

— Ружейной не слышим, — отвечает на заданный вопрос.

Время летит. Надо как-то быстрее сблизиться с противником, а расстояние еще большое.

— Задайте ему вопрос: может ли войти на станцию к ним поезд? Там поняли, о каком «поезде» может быть речь.

— Может. У нас прибыл из Журавской атаман. Позову его к аппарату. Подождите.

У аппарата хуторской атаман подхорунжий Х.

Задаю ему те же вопросы, и он подтверждает сказанное телеграфистом, считая, что без риска можно войти на станцию.

Обрываю и даю распоряжение двигаться, но уже темпом, чтобы взять быстрее пространство. Не доходя станции — остановить эшелон в поле.

Подходим. Поезд останавливается и выбрасывает с двух сторон по сотне. Двинулись вперед. Среди них и пулеметчики с легкими пулеметами. Впереди маячит наш бронепоезд. Все тихо, но вот где-то, далеко впереди нас, раздались несколько орудийных выстрелов. Наш эшелон медленно двинулся вперед, чтобы не обогнать впереди идущую пехоту. Бронепоезд тоже держит дистанцию. Вошли. Закипело. Бронепоезд ушел вперед в сторожевое охранение. Выгрузка. Пехота развернулась и двинулась вперед. Остальные нас догонят.

Упорные бои за рубежи у Выселок, Журавской и Березанской

Прорыв удался. Наша центральная группа войск вышла из мешка.

Но... положение наше продолжало быть серьезным, и требовалось напряжение всех сил измотанных и понесших сильный урон войск.

Мы стали откатываться обратно к Выселкам, и почти вовремя.

Обозначилась новая угроза нашему тылу. К Журавской подходили красные. Также и со стороны Березанской, где красные, отеснив конницу Эрдели, заняли станицу.

Это северная группа войск Сорокина, на которую напирал Покровский, ища выхода и встречая нас на своем пути у железной дороги Тихорецкая — Екатеринодар в районе Платнировская — Кореновская, стала обтекать нас.

Генерал Казанович, произведя перегруппировку, приказал мне укрепитесь в Выселках и отражать наступление подошедшей со стороны Журавской сильной группы противника, придав мне батареею (2 полевых орудия) капитана Виноградова.

Я расположил свою позицию вправо от железной дороги (если смотреть по направлению на Кореновскую). Генерал же Казанович — по левой стороне, для отражения могущих появиться со стороны Кореновской красных.

Положение дивизии Дроздовского у Кореновской, где он оставался, оказалось весьма тяжелым. Ведя весь день 18-го упорный бой, он под давлением противника с трудом оторвался от него и отступил в ночь на 19-е на восток (30 верст) к Бейсугской.

На другой день (19-го) около 4 часов пополудни генерал Казанович вызвал меня к себе. Он расположился недалеко, налево от железной дороги, в поле. Около него были в это время лишь его ординарцы. Об отходе Дроздовского к Бейсугской и о том, что этот участок фронта оголен, мы еще не знали, как и генерал Казанович.

Он сообщил, что им получено донесение от генерала Эрдели (конница Эрдели вошла в его подчинение), что его выбили из Березанской.

— Вам сейчас ставится в задачу сняться с занимаемой позиции, двинуться на Березанку (задание флангового движения) и выбить оттуда большевиков. Для усиления вашего отряда придается к вам Черкасский полк. Когда подойдете к Березанской, то Эрдели, отошедший в направлении Тихорецкой, также ударит по ней одновременно с вами.

Учтя по ходу распоряжения, что мне придется сняться с позиции на виду противника и днем (красные, так же, как и мы, окопавшись, заняли позиции на ровном поле против нас, но мы держали их в «шахе»), я, чтобы прийти к правильному решению, задал вопрос:

— Прикажете сняться с наступлением темноты?

Но это в планы генерала Казановича не входило, и он потребовал (это и было понятно) немедленного действия, ввиду угрозы со стороны Березанской.

Я указал, что если я очищу занимаемое мною пространство, то красные ворвутся в него и могут и его отрезать. На это он мне указал, что у него в резерве имеется батальон нашего полка (батальон полковника Крыжановского¹⁶⁵ был оторван от нашего полка, когда мы были посланы в Ставрополь, и к полку еще не вернулся), который и заменит нас.

Объяснив нашу новую задачу людям, я приказал сниматься с позиции и отойти назад с тем, чтобы иметь возможность свернуться и фланговым движением двинуться к Березанке. Черкасский полк должен был выдвинуть вперед разъезды и следовать за нами, имея перед собою наш обоз.

Как я и предвидел, оторваться от противника оказалось непросто. День. Пришлось несколько раз его отгонять и оставить на позиции пулеметы и некоторое количество стрелков, пока мы сворачивались.

Двинулись. Скоро покрыла нас темнота. По расчету времени я должен был подойти к Березанской, так, около двух часов утра. От Черкесского полка было послано к Эрдели сообщение, что мы будем там между часом и двумя.

Не доходя до Березанской (в темноте мы ее еще не видели), мы были обстреляны из минометов и пулеметов неприятелем, занимавшим позицию влево и параллельно дороге, по которой мы приближались к Березанской.

Оказалось, что головные разьезды конного полка не заметили красных и не натолкнулись на них, иначе — пропустили их, ибо левый разъезд держался весьма близко дороги, по которой двигался средний разъезд. Правый же очутился в поле на уровне середины нашей колонны.

Огонь красных оказался совершенно недействительным, производя панику лишь своей неожиданностью в обозе среди лошадей. Обоз был отведен в сторону, и мы начали перестраиваться, растянувшись вдоль дороги. Я указал, куда стать резерву (две сотни пехоты). Артиллеристы становились на свои позиции. Кроме приданных двух полевых орудий капитана Виноградова, я имел еще в отряде 2 гаубицы и одно горное (по принятому выражению — горняжку!).

К этому времени начало чуть-чуть светлеть, но окопы противника еще не обозначились, а первое, что мы увидели, была верхушка колокольни станицы Березанской. Ориентируясь по обозначенной колокольне, я увидел, что красные выбрали свою позицию вне станицы и верстах в двух от нее. Пшеница скошена и расставлена по полю снопами. Это было наше единственное прикрытие. Поле ровное. Противник окопался шанцевым инструментом — это мы увидели, когда он обозначился. Продолжал стрелять по нас редким пулеметным огнем с перерывами. Иногда — из одного-двух минометов. Мы молчали и готовились к атаке. Стало яснее, и мы перешли в наступление.

Мы встретили со стороны красных упорное сопротивление. Наше движение стало захлебываться и остановилось. Уже совсем светло. Меня стал беспокоить наш правый фланг. Там обозначилось особо сильное сопротивление противника с попытками перейти в наступление против нас, но наши стрелки загоняли его в исходное положение.

Приказал нашему резерву продвинуться направо и стать позади. Мне показалось, что со стороны станицы их левый фланг усиливается

новыми частями и что тут обозначается центр тяжести нашего боя. Я передвинулся и сам ближе туда.

В это время мне доложили, что от генерала Казановича прибыл ординарец с приказанием. Не желая выпускать из поля моего зрения наш правый фланг, ибо я видел, что мне придется с минуты на минуту его подкрепить из резерва, приказал его подвести ко мне, к линии огня.

На нашем правом фланге мы имели некоторый успех. Он начал загибаться вперед, а красные, упорно отстаивая свои позиции, медленно отходят загибом. Наш левый фланг поворачивался лицом к станции.

Я за прикрытием снопа, упершись спиной в него. В офицерском кителе. Воротник и две верхние пуговицы расстегнуты. В золотых погонах с малиновым просветом стрелковых частей. В темно-синем галифе плотного сукна Штиглеца, а сапоги уж очень хорошо пригнаны.

Жарковато, и спокойно не усидишь за «прикрытием» снопа, и я часто уклоняюсь, показывая погоны, на которых ярко отражается солнце. Хорошая цель. Кроме того, жажда, но... несмотря на все это, страшно хочется спать, как только присядешь за сноп, меняя позицию. Сказываются бессонные дни и ночи последних дней. Кругом поют пули — вью-вью... Что-то ударяется в сноп и падает за отстегнутый воротник, пытаюсь по спине уйти вниз. Засовываю руку и вытаскиваю пулю. Секунду полюбовался и спрятал «сувенир».

Полковые ординарцы вокруг меня тоже за снопами. Молодежь. Больше в чинах прапорщиков, но есть и юнкера. Хорошо вышколены командиром полка. Он смотрит на них как на своих «юнкеров». Сам — старый ротный командир военного училища и вышел с юнкерской ротой из Екатеринодара в поход, а в Шенджи, сформировав 1-й Кубанский стрелковый полк, влили их в него.

Когда я окликал «очередного», чтобы отдать распоряжение, приказал не вставать. Но с одним не мог «справиться». Молодой, подтянутый хорунжий Войска Донского. Выше среднего роста, блондин с голубыми глазами. Уже в наших боях от Тихорецкой обратил на себя внимание тем, что, несмотря на сильный огонь и свист пуль, подкакивал плотную, вытягивался и прикладывал руку к козырьку.

Мне было всегда жаль и больно, когда злодейка-пуля вырывала их из нашего строя. Может быть, я вынес это чувство еще из войны на Западном фронте. Кадровый офицерский состав таял. На пополнение нам присылали юношей 17—18 лет из военно-учебных заведений укороенного выпуска. Часто в первых боях мы ставили над их могилами простые деревянные кресты. Нам, «старикам», казалось, что это

мы их не уберegli. Командир нашего полка, герой и кавалер ордена Святого Георгия Японской войны, отдал приказ не вводить их в бой сразу и дать им присмотреться и «обстреляться» хотя бы две недели. Но не всегда это можно выполнить.

Вызываю очередного ординарца (они вели между собою очередь) для отдачи приказа.

— Что прикажете? — появляется передо мною вытянувшийся хорунжий, подойдя вплотную к моим ногам. Полным ростом изображает близкую для противника цель. Лампасы краснеют. Рука под козырьком.

У меня мелькнула мысль приказать ему лечь, но... была только мысль, а превратить ее в приказ не успел. Головой вперед он падает мертвый. Пуля в лоб сразила его.

Явился посланец генерала Казановича, ординарец-поручик, но с устным приказом: прийти ему на помощь, ибо у Выселок, откуда я был выслан им на Березанскую, положение его оказалось тяжелым. Из Журавской на Выселки, обтекая расположение Казановича, сильно напирают красные. Возможно его окружение.

«...Казанович... производил перегруппировку сил и отражал наступление большевиков на Выселки всего одним батальоном», — говорит генерал Деникин о ситуации нашего дня по тому времени. Поэтому, благодаря этой перегруппировке, я и получил задание взять Березанскую, разбить или оттеснить из этого района противника.

— Вы видите, какова у меня обстановка. Я нахожусь в самом разгаре боя. Резервы мои почти на исходе, и противника я еще не опрокинул. Передайте все видимое вами генералу Казановичу.

Бросив наш последний резерв на правый свой фланг, я решил перейти в атаку. Сев на коня, поскакал к двум черкесским сотням, выстроившимся в поле по моему вызову, и лично, вызвав офицеров перед фронтом, дал им задание поддержать нашу атаку, ударив по флангу противника. Нашей артиллерии поддержать атакующих своим огнем.

Я спешил скорее опрокинуть противника ввиду ситуации, создавшейся в Выселках. Да и не только потому.

Под нашим сначала сильным огнем и потом, когда мы двинулись на него вперед, противник дрогнул и стал отходить. Черкесы также бросились в атаку, но были отброшены. Мы стали занимать брошенное противником пространство, и он стал отходить за станицу, обтекая ее.

В этой ситуации застало нас прибытие второго ординарца от генерала Казановича и уже с письменным приказом: немедленно двинуться к нему.

Ввиду отхода противника мне было легко свернуть, и я снова и весьма спешно, погрузив пехоту на повозки, двинулся фланговым движением обратно. Черкесский полк я отпустил, и он ушел на соединение с дивизией Эрдели.

По пути моего движения прибывший от генерала Казановича ординарец указал, что нам следует свернуть на Бурсак и прибыть туда. Сам Казанович со штабом отбыл туда, кажется, на дрезине.

Там я застал генерала Казановича и полковника Кутепова. Последнего, после того как он сдал дивизию, я видел впервые. Остальные части нашей дивизии оставались влево от железной дороги в районе Выселок.

На следующий день из Тихорецкой прибыл генерал Деникин и принял на себя перегруппировку войск, отдав приказ 24-го перейти в наступление.

Дроздовскому из Бейсутской двинуться на Кореновскую. Нам атаковать красных в районе Выселки—Журавская. Эрдели занять Березанскую.

Опрокинутый противник повернул на юг. К вечеру 25-го части Дроздовского заняли Кореновскую. Красные спешно стали отходить на Екатеринодар.

Операции на пути к Екатеринодару и взятие столицы Кубани

Сорокин был разбит и спешно отступал к Екатеринодару.

Мы двинулись вслед, разбивая по пути нашего движения отступающего противника и его заслоны. Они еще оказывают нам сильное сопротивление.

Под прикрытием екатеринодарских укреплений Сорокин переводит свои части за Кубань.

29-го наша дивизия (генерала Казановича) сосредоточивается в районе Донской, причем наш бронепоезд подходит к Лорису.

Генерал Деникин со Штабом Армии в тот же день из Кореновской переходит к нам в Динскую. Прибыл и наш выздоравливающий командир полка.

Влево от нас ведет бои дивизия Дроздовского.

1 августа наши части заняли Лорис и, продвинувшись вперед, заочевали.

Генерал Деникин — с «войсками Казановича».

Наутро 2 августа у нас идет упорный бой.

К вечеру 2-го Дроздовский заночевал в Пашковской, а мы — в предместье Екатеринодара.

3-го утром наша колонна со Штабом Армии вошла в Екатеринодар. Дойдя до Кубани и овладев мостом, мы отбросили красных от берега.

Мой отпуск

Наш полк разместился в Екатеринодарском епархиальном училище.

Я снова на своей старой квартире, где, по выходе в Первый поход, оставалось мое небольшое «имущество». Приняли меня мило и сердечно.

Примерно на третий день, когда город, по нашему вхождению в него, принял «будничныи» вид, меня попросил к себе командир полка полковник Туненберг.

Поблагодарив меня за службу в период его болезни, когда я его замещал, он неожиданно для меня предложил мне отпуск на несколько дней:

— Хочу дать вам небольшой отдых и отпуск на три-четыре дня. Железнодорожная связь с Ростовом и Новочеркасском восстановлена прямыми поездами. Прокатитесь туда, но заодно хочу просить вас выполнить одно мое поручение. Оно частного порядка и касается моей семьи.

Тут же и рассказал мне, в чем вопрос.

— По моим сведениям, мы еще задержимся в Екатеринодаре, и вы успеете вовремя возвратиться.

Я охотно принял сделанное мне предложение. Выехал на следующее утро. На станции Тихорецкая привлекало внимание пассажиров и местной публики, что на перроне вокзала, как в старое время, прохаживался, встречая поезда, настоящий жандармский унтер-офицер.

Сначала побывал в Ростове, затем сутки в Новочеркасске. Жизнь там уже быстро вошла в колею.

Новороссийск

Пребывание наше в Екатеринодаре подошло к концу.

На второй и третий день по его занятии войсками Добровольческой армии город был свидетелем официального въезда Командующе-

го генерала Деникина (последний «неофициально» пребывал на Екатеринодарском вокзале со своим Штабом в поезде) и приема его хозяевами земли Кубанской — молебствия в соборе, военного парада и чествования в Войсковом Собрании, а на следующий день въезда и такого же чествования Верховного руководителя Добровольческой армии генерала от инфантерии Алексеева.

Полк покидает столицу и включается в Новороссийскую операцию.

Наше движение вдоль железной дороги, но... уже не в составе войск 1-й пехотной дивизии. Мы выделены из нее.

Идем с отрядом под командованием полковника Колосовского.

По железнодорожному пути двигаются с нами два бронепоезда. В отряде артиллерия и кавалерия. Мы, пехота, остов отряда.

С боями на пути нашего следования к Новороссийску в середине августа 1918 года входим в него.

Выйдя из состава отряда, располагаемся в нем гарнизоном.

Второй Кубанский поход закончен.

Добровольческая армия утвердилась на Черном море.

Черноморским генерал-губернатором назначается полковник Кутепов.

Ставка генерала Деникина обосновалась в Екатеринодаре.

Армия обрела плацдарм для разворачивания и перехода к выполнению общероссийских задач.

В течение сентября и половины октября происходит реорганизация частей, но военные операции идут интенсивно без перерыва. Кубань Добровольческой армией продолжает очищаться. Идут и дальше упорные и кровопролитные бои. Даже на занятом пространстве у Черного моря и в пересеченной гористой местности, заросшей лесом и кустарниками, войсковые части ведут операции по очищению от разбитых частей противника, проявляющих на то или другое сопротивление.

Батальоны разворачиваются в полки, полки в бригады и т. п.

Лицо нашего полка тоже меняется. Происходят перемены размещения командного состава на новые должности в полку и на новые назначения в него; повышением приказом Командующего Добровольческой армии в должностях и чинах. Так, среди них командир нашего полка полковник Туненберг производится в генералы с назначением бригадным командиром.

Эти перемены коснулись и меня.

Я получаю новое назначение вне полка, а затем прочитал приказ генерала Деникина по Добровольческой армии о повышении меня в чине.

Прощаюсь с возглавляемой мною в полку частью и с полком.

Тут же формирую свой штаб и беру с собой некоторых своих офицеров, дав им соответствующие назначения: адъютант, заведующий хозяйственной частью и т. п.

Взяв своих лошадей (верховых с ординарцами), две тачанки, отправляюсь с ними походным порядком к месту моего назначения.

*Н. Кисиль*¹⁶⁶

МОИ ЗАМЕТКИ¹⁶⁷

Генерал Кариус в журнале № 11 описывает боевые операции против многочисленного отряда Сорокина и овладение станцией Кисляковская и железнодорожной станцией Кисляковка.

Так как я в то время был начальником конной разведки и неразлучно был при полковнике Кутепове, то все боевые события того времени мне хорошо известны.

Я опишу лишь боевые операции около железнодорожной станции Кисляковка. Было хорошее летнее время на Кубани. В станции Павловской ранним утром я торопился к своей лошади и шел боковой стороной церковной площади. Ст. Павловская утопала в роскошных фруктовых садах. Справа вижу большое дерево абрикос, обремененное спелыми плодами. В этот момент над моей головой разрывается шрапнель... и все абрикосы с дерева зашумели, падая на землю. Но мне было не до абрикосов. Неприятель уже обстреливал артиллерийским огнем наши колонны, вышедшие из ст. Павловской в сторону железнодорожной станции Кисляковка. В поле было солнечно, хорошо. Кое-где стояли копны необранного хлеба. Пройдя несколько верст от станции Павловской, наша колонна отдыхала. Здесь полковник Кутепов приказал полковнику Тимановскому идти с 1-м Офицерским полком на станцию Кисляковскую. После короткого привала полки разошлись: 1-й Офицерский пошел вправо, а 1-й Кубанский стрелковый полк пошел левее железнодорожного полотна в направлении железнодорожной станции Кисляковка. Шли медленно, отдыхали и ждали донесений от полковника Тимановского, ибо по плану 1-й Офицерский полк должен был занять станцию Кисляковскую первым, а уже потом Кубанский стрелковый полк должен был обрушиться на железнодорожную станцию Кисляковка.

Три раза по приказанию полковника Кутепова я посылаю парных конных разведчиков для связи с полковником Тимановским, и всякий раз наши разведчики не возвращались обратно, попадая в руки большевиков. Весь этот район кишел большевиками. Полковник Кутепов недоумевал и нервничал. Было уже далеко за полдень. Противник уже давно обстреливал нас огнем, но это мало нас беспокоило. Беспокоило же нас то, что от полковника Тимановского не было никаких сведений.

Передовая цепь Кубанского стрелкового полка медленно теснила противника к железнодорожной станции. Наконец, под вечер, Кубанский стрелковый полк ввязался, без команды начальства, в жестокий бой с большевиками. Большевики открыли по нашим стрелкам ураганный огонь. Полковник Кутепов, не получая до конца дня от Тимановского никаких донесений, нервничал. И когда огонь противника стал явно подавлять огонь наших редких стрелков, Кутепов приказал Стрелковому полку прекратить атаку железнодорожной станции и залечь. Явно абсурдное приказание: шло жестокое единоборство двух противников и ложиться, подставляя себя противнику для расстрела, уж не приходилось.

Бой разыгрался с левой стороны железнодорожных путей, то есть с восточной стороны от железнодорожной станции. Кубанские стрелки занимали позицию невыгодную: они были в низине, а большевики занимали доминирующую местность

В это время полковник Кутепов находился со своими конными разведчиками за ближайшей к железнодорожной станции будкой. Большевики поливали пулеметным огнем и нас. Один из моих разведчиков был тяжело ранен. Кубанский стрелковый полк, несмотря на упорное сопротивление противника, однако, уже оттеснил его от железнодорожной станции.

В этот критический момент вдруг с возвышенной гряды Кисляковка — ст. Уманская развернулись густые цепи большевиков и пошли своей массой на редкую цепь наших стрелков. Наши стрелки не выдержали этого натиска и стали отступать. Положение грозило катастрофой. Наш полк был в одиночестве. Выручки неоткуда было ждать. Резервов никаких. От Тимановского никаких вестей. Полчища большевиков прут на наших стрелков неудержимо.

Полковник Кутепов приказывает мне остановить отступление наших стрелков. Я со своими разведчиками бросаюсь в цепи наших стрелков и именем Кутепова приказываю стрелкам остановиться. Объясняю им, что эта масса большевиков, высыпавших против наших стрелков, прикрывает свою отступающую колонну. Наши стрелки заявили мне, что у них уже нет патронов. Немедленно мои раз-

ведчики доставили металлические коробки с патронами и разбросали их по стрелковым цепям.

Здесь, на этом боевом поле, я увидел нечто потрясающее: наши стрелки, отступая поспешно от большевиков, оставили своего командира сотни капитана Носака...¹⁶⁸ Этот командир, оставленный своими стрелками шагов на 300—400, стоял один впереди, ни шагу назад, и отстреливался от большевиков!

Пристыдив стрелков и указав на пример их командира, я двинул их в контратаку и... о чудо! Через короткий промежуток времени наступления наших стрелков вражеские цепи исчезли и все боевое поле покрылось дымкой догоревшего дня; смеркалось. Боевое поле осталось за нами, но.. потери наши убитыми и ранеными были большие. Все стационарные постройки были заняты нашими безвестными героями — убитыми и ранеными. Одному Богу известны они и их безвестный жертвенный порыв.

В тот же вечер полковник Кутепов в моем сопровождении обошел все стационарные помещения и успокаивал железнодорожный персонал, что Добровольческая армия не несет населению мщениия и т. д., и просил нести службу добросовестно и дальше.

На следующий день полковник Кутепов жаловался мне так: «Генерал Покровский, занявший вчера своей конной бригадой станицу Кисляковскую, сегодня неожиданно явился здесь на станции, не явившись ко мне, как старшему и занявшему станицу раньше его, повесил несколько человек из старшего железнодорожного персонала и был таков».

Я спросил полковника Кутепова, а что было с 1-м Офицерским полком и где он. Полковник Кутепов нехотя ответил крепким словцом в адрес полковника Тимановского (непечатно). 1-й Офицерский полк в тот день не принимал никакого участия в операциях против отряда Сорокина.

*Васильев*¹⁶⁹

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ¹⁷⁰

. . . В ясное майское утро 1918 года, в помещении станичной школы ст. Егорлыкской, генерал Марков собрал чинов своей бригады для собеседования. В ожидании прихода генерала среди собравшихся в школе чинов шел оживленный обмен мыслей, со стремлением предугадать тему предстоящего собеседования.

Но вот раздается команда: «Смирно! Господа офицеры!» — и все сразу смолкает. Вошел генерал Марков. Поздоровавшись с присутствовавшими, он взшел на стоявшую в классе кафедру.

Обычным невозмутимо-спокойным движением, молча, он вынул свою трубку, закурил, затем вынул из кармана и положил на стол кафедры несколько исписанных бумаг и, немного помолчав, начал, как всегда, спокойным, ровным тоном свое собеседование на тему о Первом Кубанском походе, о его значении и роли в деле освобождения России от большевиков. В заключение, указывая на лежавшие на столе бумаги, генерал сказал:

— Вот здесь лежит несколько рапортов... их подали мне некоторые из чинов моей бригады. Они устали... желают отдохнуть... просят освободить их от дальнейшего участия в делах... Не знаю, может быть, к сорока годам рассудок мой не разбирает некоторых тонкостей современных понятий... И я задаю себе и им вопрос: одни ли они устали?.. Одни ли они желают отдохнуть?.. и где? В какой стране найдут они этот отдых?.. А если, паче чаяния, они нашли бы где-либо желанный отдых, то пусть знают, за чьей спиной они будут отдыхать!.. И если бы, после своего отдыха, кто-либо из них пожелал бы снова поступить в Армию, то уж я их в свою бригаду не приму.

После этих слов большинство из подавших рапорты потихоньку подходили к кафедре и брали их обратно.

* * *

...После занятия хутора Попова, утром 12 июня 1918 года, генерал Марков приказал располагаться на хуторе, а сам стал производить рекогносцировку. Люди завели лошадей «на холодок», отпустили подпруги, задали сена и стали ждать распоряжений. Тем временем генерал избрал для себя наблюдательный пункт в чердачном помещении правого восточного здания, установил наблюдение и выставил посты...

Почти вслед за генералом прибыло три легких орудия под командой ныне покойного полковника Миончинского. Орудия сейчас же заняли позицию. Большевики поддерживали слабый ружейный огонь. На хутор пришли кубанские стрелки... было уже далеко за полдень, когда со стороны Торговой показался эшелон, быстро приближавшийся к станции Шабалиевка. Полковник Миончинский, лично руководя огнем орудий, заставил эшелон остановиться. Все же эшелон, несмотря на подбитый вагон, дотащился до Шабалиевки. Высланные цепи ку-

банских стрелков к 5 с половиной часам вечера захватили станцию и эшелон, оказавшийся пустым.

Пока велась перестрелка и охота за поездом, генерал Марков отдал распоряжение — выслать в 9 часов подрывников для порчи железнодорожного пути в сторону Великокняжеской. Приближалась роковая минута. Отходившие большевики изредка отстреливались. Генерал Марков сошел со своего наблюдательного пункта и, стоя вблизи орудия, стал наблюдать за полем боя в сторону Шаблиевки... Со стороны большевиков раздался последний орудийный выстрел... и он оказался роковым. Генерал Марков был тяжело ранен. Один крупный осколок снаряда вырвал часть мягких тканей в области правого плечевого сустава и правой стороны шеи, так что правая рука осталась на весу, а другой, мелкий осколок раздробил кости правой затылочной области черепа, отчего вытекло вещество головного мозга. Раненого сейчас же перенесли под навес у здания, и находившаяся здесь сестра милосердия 1-го Кубанского стрелкового полка М.М. З. оказала ему первую помощь.

Раненый генерал Марков с усилием подоткрыл глаза, поблдевшие губы зашевелились, и он пытался что-то сказать, но глаза закрылись, и он впал в забытие...

К вечеру все части дивизии подтянулись к хутору Попова и расположились биваком. Печальное известие о тяжелом ранении Начальника дивизии облетело уже всех.

* * *

Было ясное летнее утро 13 июля. Около здания станции было выстроено каре составляющих дивизию частей. Из-за ближайшего здания показалось печальное шествие: впереди шел полковник Туненберг с образом Казанской Божией Матери в руках, за ним — простая крестьянская телега, запряженная небольшой лошадкой. На телеге мерно покачивались носилки с телом генерала Маркова; голова и грудь были перевязаны.

Перед выстроенными частями телега остановилась, и полковник Туненберг, продолжая держать образ, обратился к чинам с глубоко прочувствованным словом, вызвавшим слезы на глазах у многих из присутствовавших. Он сказал, что генерал Марков скончался в четвертом часу в ночь на 13 июня и перед кончиной ненадолго пришел в себя.

«Обыкновенно умирающий перед кончиной вспоминает своих близких, — говорил полковник Туненберг. — Кого же вспомнил ге-

нерал Марков, умирая? Он вспомнил Кубанский стрелковый полк и завещал ему этот образ. И вот перед этим образом я клянусь и обещаю во всем следовать своему начальнику дивизии». Под покровом этого образа полковник Туненберг предполагал ввести в Москву Кубанский стрелковый полк.

Тело покойного было перенесено на вокзал и помещено в зале первого класса. Около 5 часов вечера был подан поезд, состоявший из паровоза и одного товарного вагона. При почетном карауле от 1-го Отд. инженерной роты тело генерала Маркова было перенесено в украшенный зеленью вагон и положено на катафалк; у дверей вагона был водружен дивизионный флаг, обычно сопровождавший генерала в его ратных делах.

В 5 часов поезд медленно тронулся с места и отошел на ст. Торговая, где тогда находилась ставка Главнокомандующего. 15 июня 1918 года генерал Марков был похоронен в Новочеркасске.

Так безвременно, всего лишь на сороковом году жизни, сошел в могилу беззаветный герой, самоотверженный полководец, любимый вождь и начальник и верный сын России — генерал Сергей Леонидович Марков.

*М. Шилле*¹⁷¹

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА¹⁷²

— Козлитин, полезай на крышу наблюдателем. Хлопцы, отпустите подпруги и задать коням корму! Не расходись! Оставайся при конях!

Маленький хорунжий Шаховцов, командир нашего взвода, похаживал по двору хутора и резким голосом сыпал слова команды.

Было раннее утро. Солнце только что встало, но уже щедро сыпало свои теплые лучи на заспанных, усталых и промерзших за ночь людей.

Прошлой ночью наш эскадрон выслал сеть дозоров, чтобы войти в соприкосновение с исчезнувшим противником, и мы, не вылезая из седла, всю ночь переходили от одного хутора к другому, ожидая каждый момент засады, и теперь были очень обрадованы появившимся солнцем и таким великолепным распоряжением нашего командира.

Задав коням корму, мы развалились во весь рост около этих жующих и фыркающих морд, собираясь вздремнуть.

: Жители хутора, очевидно, убежали, так как дом был пуст. По двору, весело копаясь в навозных кучах, суетились куры и важно прохаживался петух. Он высоко подымался на цыпочках и, задрав голову, важно кричал: ку-ку-реку!

— Ты видишь, когда он кричит, он закрывает глаза, — сказал мне юнкер нашего взвода Девель, — а знаешь почему? Потому что он хочет доказать курам, что он это знает наизусть.

Мы все дружно рассмеялись.

— Козлитин, не торчи аистом. Так тебя на сто верст видно. Сядь к трубе! — не успокаивался наш командир.

Солнце светило ярче и ярче. Туман начал ходить по полям белыми волнами, а потом белоснежной пеленой тихо поднялся кверху, открыв степь во всей ее красоте, с живописными хуторами, окруженными ярко-зелеными деревьями. Чудный утренний ветер, который так и обдавал прохладной пахучей струей, разбежался по нивам, лоснившимся, как перелив атласа.

Офицер молодой Богу молится,
Молодой казак домой просится.
Ой да офицер молодой,
Отпусти меня домой,
К отцу, матери родной,
К отцу, матери родной,
До жененки молодой... —

завел наш донец на тонкий голос.

— Да не шуми же ты, Гаврилыч, — прервал его кто-то. — Не видишь — люди спать положились.

Под дружный хруст конских челюстей мы задремали и, вероятно, дремали бы очень долго, если бы внезапный окрик хорунжего не привел нас к действительности:

— По коням!.. Подтянуть подруги!..

Великий Боже, и почему этот человек такой беспокойный? Ведь так было просто прилечь и заснуть на полчаса!

— Садись!.. Мичудзе, Громов, дозорными вперед. Смотри в оба. Направление на станицу. Гони!

Дозорные галопом выскочили вперед, и взвод двинулся дальше. Перед нами верстах в шести-семи была какая-то небольшая станица с белой колокольной. Из практики мы с большим недоверием относились к колокольным; так как это был великолепный наблюдательный пункт и разъезды, не обратившие на это должного внимания, получали хороший прием от приготовившегося противника.

Разъезд шел по хорошо укатанной дороге. Крутом нас, сколько глаз хватало, ширился волнистый ковер пшеницы, кукурузы и бахчей с созревшими арбузами и дынями. Внимательно всматриваясь в даль и наблюдая за всем, что происходило около нас, мы приблизились к станице версты на полторы.

Все было тихо. Высоко в небе плавали два ястреба, высматривая очередную жертву своего аппетита.

— Направо в лаву!.. Пять коней дистанция!.. Снять винтовки!..

Взвод рассыпался в лаву. Дозоры вернулись. Винтовки были сняты, и мы приготовились к стрельбе.

Хорунжий был бывалый казак и в разъездах, не желая терять людей, был очень осторожен. Подходя к станицам и ожидая засады, он всегда первый открывал огонь и очень редко не получал ответа от обнаруженного противника.

Мой конь шел по засохшей меже между стенами кукурузы, которая стояла тын-тыном и густо шумела под напором набегавшего ветерка. Не доходя шагов пятьсот до околицы, мы остановились и разрядили наши винтовки, целясь выше домов.

Ответа не было. По знаку хорунжего лава двинулась дальше. Подойдя к станице, лава остановилась. В первой хате нашли деда и бабушку с ребятишками.

— О тож булы товарищи, тай ушли, — сказал дед. — Ночью ушли.

Взвод собрал лаву; двигаясь цепочкой по обеим сторонам улицы, всматриваясь в каждую хату, мы втянулись в станицу.

Вот и церковь, и станичное правление. На улице никого. Даже собаки не тявкают. На этот раз все обошлось благополучно. Красные в самом деле оставили станицу ночью, часа четыре тому назад.

Где-то сзади слева от нас начала бить артиллерия. Это били наши. Снаряды, со свистом разрывая воздух, неслись куда-то на юго-запад. Разрывы были где-то далеко.

— Девель! На колокольне!.. Взвод, слезай!.. Оставайся при конях!..

Мы с хорунжим вошли в станичное правление. Все в комнатах правления было перевернуто вверх дном.

— Хлопец! Пошли кого-нибудь, чтобы нашли станичного атамана и привели его сюда.

— Слушаюсь, господин хорунжий! — ответил я, направляясь к двери. Вернувшись, я застал хорунжего сидящим за письменным столом. На стенке резко прозвучал звонок телефона. Кто мог звонить? Откуда? И кому?

— Слушаю, — ответил хорунжий, взявший трубку.

— Кто говорит? — слышалось откуда-то.

— А ты кто будешь? — спросил хорунжий.

— Мне нужно станичного атамана!

— Это он и говорит, — ответил хорунжий.

— Говорит Марковского полка поручик Селинов. Пошлите немедленно вестового к железной дороге и передайте нашей артиллерии, чтобы не стреляли по станице Н., так как она занята нашими частями.

— Почему же я должен тебе верить? — нерешительно спросил хорунжий.

Молчание.

— Вы говорите, поручик, что вы марковец?

— Да. Марковской конной разведки.

— Кто командир Марковского полка?

— Полковник Тимановский.

— А кто командует нашим отрядом?

— Полковник Кутепов.

— Ну хорошо. Мне кажется, что я могу вам верить. Здесь говорит первого конного офицерского полка хорунжий Шаховцов. Я сейчас же пошлю конного к артиллерии. Когда и куда ушли красные из вашей станицы?

— Часа три тому назад по дороге на станицу Кореновскую.

— Хорошо, сейчас посылаю, — сказал он в трубку. — Хлопец, скачи к артиллерии и скажи, что станица Н. занята взводом Марковской конной разведки и что красные ушли отсюда и оттуда по направлению к станице Кореновской. Понятно?

— Так точно, господин хорунжий! — ответил я и, выбежав из правления, вскочил в седло и дал ходу. Выехав из станицы, я взял направление прямо через поля на северо-восток, откуда летели снаряды и слышалось уханье пушек.

Долго ли я скакал — не знаю, но конь мой был весь в пене, когда я приблизился к стоявшей у насыпи артиллерии.

— Стой, не стреляй! — кричал я, махая бескозыркой, приближаясь к группе людей.

Коренастый полковник с квадратной бородой властной рукой остановил меня и приказал спешиться.

— Господин полковник, разрешите доложить! — И, соскочив с коня, я вытянулся в струнку. Вид у меня был карикатурный: на голове — уланская бескозырка; старая гимнастерка с порванными локтями и грязными разводами от туманов и лежания на земле, с унтер-офицерскими погонами вольноопределяющегося, и синие

бриджи с порванными коленями. Картину дополняли просившие каши сапоги с большими строевыми шпорами. И я доложил все, что мне приказал хорунжий.

— Откуда я знаю, что это правда? — спросил он меня, пристально глядя мне прямо в глаза.

Не опуская взгляда, я обиженным тоном ответил, что я привез только устное донесение и что думаю, что могу поручиться за него.

— Приставьте к нему часового! — приказал полковник, — и отправьте двух конных в станицу к хорунжему. — Потом, обращаясь ко мне, добавил: — Если ты соврал что-либо — расстреляю! — И он мрачно посмотрел мне еще раз в глаза.

Конные ускакали, и я чувствовал себя очень неприятно. А что, если это был красивый, который разговаривал с хорунжим, а не марковец? А что, если хорунжий уже ушел из станицы со взводом и конные вернутся ни с чем?

Полковник, видимо, не шутил, когда обещал меня расстрелять. Но артиллерия прекратила обстрел — значит, он мне все же поверил. Все это, вместе взятое, очень меня беспокоило. Полковник спокойно расхаживал по насыпи и занимался наблюдением в бинокль. На что я обратил внимание — это было его обмундирование. Чистая, пригнанная шинель со всеми полагающимися пуговицами. А у меня трех не хватает, подумал я. Сапоги чистые, сам он выбрит, и от него даже пахнет хорошо.

— Как зовут этого полковника? — спросил я у моего часового-кубанца.

— Это начальник отряда, полковник Кутепов.

Так вот это и есть полковник Кутепов, о котором я так много слышал, но которого никогда не видел. Ну, подумал я, этот меня даром не расстреляет. И мне сразу стало как-то легче. Я прилег и... задремал.

— Вольноопределяющийся! — проснулся я от резкого голоса. Передо мной стоял Кутепов. Я вскочил. Привычным движением приложивши палец к носу и лбу, поправил на голове бескозырку и замер.

— Так точно, господин полковник!

— Вы можете возвращаться к своему взводу и передайте это приказание вашему командиру взвода. — И он протянул мне листок бумаги. — Спасибо за службу! — И он мне приветливо улыбнулся.

— Рад стараться, господин полковник! — радостным голосом ответил я, взяв из его рук приказание, засунул листок в карман гимнастерки, вскочил на коня и дал полный ход.

По дороге, возвращаясь, я решил, что в будущем буду избегать встреч с большими начальниками, а то вдруг ошибутся и расстреляют.

О БРОНЕПОЕЗДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ¹⁷⁴

2-й Кубанский поход начался со взятия станций Великокняжеская и Торговая на линии Царицын—Екатеринодар. Затем Добровольческая армия перешла в наступление в юго-западном направлении, к узловой станции Тихорецкая. При взятии станции Торговая у красных было захвачено одно 3-дюймовое орудие. Оно было поставлено на открытую железнодорожную платформу, наскоро блиндированную шпалами. На платформе были также установлены два пулемета. Таким образом, получилось подобие первого бронепоезда Добровольческой армии. Неофициально его прозвали «словый». Команда поезда состояла из чинов одной из полевых батарей. Эта блиндирующая платформа была сожжена неприятельскими снарядами в бою у станции Белоглинская. Взамен сожженного поезда был построен по распоряжению полковника Дроздовского другой, тоже вооруженный одним 3-дюймовым орудием и пулеметами. Этот блиндирующийся поезд также обслуживался чинами полевой батареи и также был сожжен попаданием неприятельского снаряда (в бою между станциями Ея и Порошинская). Несколько пулеметчиков, находившихся на площадке, были тяжело ранены и погибли в пламени. Команды обоих поездов не были постоянными и сменялись через несколько дней.

1 июля 1918 года по старому стилю войска Добровольческой армии взяли узловую станцию Тихорецкая. Там были захвачены боевые площадки красных бронепоездов. Из них были сформированы первые три бронепоезда Добровольческой армии: 1-й Бронированный поезд (впоследствии легкий бронепоезд «Генерал Алексеев»¹⁷⁵), легкий бронепоезд «Вперед за Родину»¹⁷⁶ и Батарея дальнего боя (впоследствии тяжелый бронепоезд «Единая Россия»¹⁷⁷). Они вошли в состав вновь образованной группы армейской артиллерии. 1-й Бронированный поезд состоял из одной бронеплощадки с 3-дюймовым орудием образца 1900 года на лафете и одной пулеметной площадки. Командиром его был назначен полковник Стремоухов. Бронепоезд «Вперед за Родину» состоял из одной бронеплощадки с 75 м/м орудием и одной пулеметной площадки. Кроме того, в состав бронепоезда входила еще платформа с 3-дюймовым орудием, которая обслуживалась артиллеристами-дроздовцами. При периодических сменах этих артиллеристов менялось и орудие. Командиром бронепоезда был назначен капитан Высевко. Батарея дальнего боя

состояла из бронеплощадок, вооруженных двумя 105 м/м орудиями, одним 120 м/м орудием Канэ и одним 47 м/м орудием системы Гочкис, а также тремя пулеметами. Командиром Батареи дальнего боя был назначен полковник Скопин.

После взятия станции Тихорецкая Добровольческая армия была двинута для дальнейшего наступления по трем направлениям: на северо-запад в сторону станции Кушевка, на юго-запад в сторону Екатеринодара и на юго-восток в сторону станции Кавказская. 1-й Бронированный поезд и Батарея дальнего боя поддерживали наступление наших войск на район узловых станций Сосыка и Кушевка. В бою у станции Кисляковка около 7 июля 1918 года огнем Батареи дальнего боя был взорван бронепоезд красных с двумя орудиями, а также цистерна с бензином. Бронепоезд «Вперед за Родину» поддерживал наступление дивизии генерала Дроздовского на Екатеринодар. Наступление сначала развивалось успешно, и наши части заняли 14 июля станцию Динская, в 26 верстах от Екатеринодара. Бронепоезд «Вперед за Родину» произвел разведку до разъезда Лорис, в 12 верстах от Екатеринодара. Между тем так называемая советская армия Сорокина, отступая из района станции Кушевка, неожиданно вышла 15 июля к станции Кореновская. Красные оказались таким образом в тылу частей Добровольческой армии, направленных на Екатеринодар. В течение 10 дней в районе станции Кореновская шли упорные бои, во время которых бронепоезд «Вперед за Родину» содействовал прорыву сквозь расположение красных и отошел до станции Выселки. После боев у станции Кореновская главным силам армии Сорокина удалось уйти на левый берег Кубани. Наступление Добровольческой армии на Екатеринодар возобновилось. В бою 1 августа у разъезда Лорис прямым попаданием снаряда был убит командир бронепоезда «Вперед за Родину» капитан Высево. В командование бронепоездом вступил подполковник Григорьев¹⁷⁸. 8 августа Екатеринодар был взят Добровольческой армией. За неделю перед тем, 27 июля, был сформирован легкий бронепоезд № 2 (впоследствии легкий бронепоезд «Генерал Корнилов»). Он состоял из двух орудийных бронеплощадок с 3-дюймовым орудием образца 1900 года и 47 м/м орудием системы Гочкис и одной пулеметной бронеплощадки. Командиром бронепоезда был назначен полковник Громыко¹⁷⁹. С 4 августа Легкий бронепоезд № 2 участвовал в боях у города Ставрополя, где поддерживал Корниловский полк. Наступление красных на Ставрополь было остановлено. После взятия Добровольческой армией Екатеринодара оборонявшие его войска красных под командой Ковтюха начали отступать в на-

правлении станции Крымская и Новороссийска, чтобы соединиться с так называемой Таманской красной армией. Для преследования их был двинут отряд полковника Колосовского. Железнодорожный мост через реку Кубань к югу от Екатеринодара был взорван, так что имевшиеся в Добровольческой армии бронепоезда не могли через него пройти. Ввиду этого для содействия отряду полковника Колосовского было приступлено 7 августа 1918 года к спешному формированию нового бронепоезда из бронеплощадок, оставленных красными на левом берегу Кубани. Этот бронепоезд (впоследствии легкий бронепоезд «Офицер») состоял первоначально из одной открытой платформы с 3-дюймовым орудием образца 1900 года и двух пулеметных бронеплощадок.

Командиром его был назначен капитан Харьковцев. 9 августа бронепоезд капитана Харьковцева подошел к станции Абинская, в 70 верстах от Екатеринодара, и вступил в бой с бронепоездом красных. После короткой перестрелки бронепоезд красных был брошен командой. Входившая в его состав бронеплощадка с двумя малокалиберными орудиями была присоединена к бронепоезду капитана Харьковцева. На нее было перенесено 3-дюймовое орудие с небронированной платформы. 11 августа бронепоезд прошел через узловую станцию Крымская, несмотря на то что на ней горели поездные составы. Среди них были и вагоны со снарядами. Происходили взрывы. При дальнейшем преследовании красных бронепоезд расстрелял в упор близ станции Баканская неприятельский поезд, шедший по соседнему пути. С него успели выпрыгнуть и скрыться лишь несколько человек. Потом оказалось, что в поезде ехали советские комиссары для эвакуации штаба и имущества со станции Крымская. 13 августа наши части подошли к станции Баканская. Бронепоезд прошел туннель и к вечеру первым ворвался в Новороссийск. Красный бронепоезд, отведенный на восточный мол, несколько времени вел перестрелку с нашим бронепоездом, который продолжал с ним сближаться. Затем советский бронепоезд был оставлен своей командой. В Новороссийске был взят и второй бронепоезд красных, оставленный уже раньше и не принимавший участия в бою. 16 августа бронепоезду капитана Харьковцева было присвоено название «Офицер»¹⁸⁰, которое было утверждено полковником Кутеповым. Главные силы Таманской армии красных все-таки успели пройти Новороссийск до его занятия нашими войсками и направились по берегу моря на Туапсе.

В Екатеринодаре было начато 11 августа формирование нового бронепоезда под названием «Морская батарея № 2» (впоследствии легкий бронепоезд «Дмитрий Донской»¹⁸¹). Для боевой части были

даны взятые у красных торфоугольные платформы, вооруженные четырьмя 75 м/м морскими орудиями и одним 47 м/м орудием, и один десантный вагон. Командиром Морской батареи был назначен капитан 2-го ранга Марков¹⁸². Личный состав Морской батареи был сформирован преимущественно из морских офицеров и офицеров авиации, которые обслуживали пулеметы. Материальная часть была в плохом состоянии из-за небрежного отношения красных. Запас снарядов был очень ограничен, и можно было рассчитывать на пополнение его, лишь захватывая снаряды у противника. Гильзы приходилось перезаряжать по нескольку раз, и от этого происходили заклинения. Устранять же заклинения было трудно, ибо в Добровольческой армии не было в то время подвижных артиллерийских мастерских.

Раздел 2

А. Деникин

БОИ ПОД АРМАВИРОМ И СТАВРОПОЛЕМ

Наступление наше в августе 1918 года

К началу августа наши войска Ставропольского района (2-я Кубанская дивизия, Отдельная бригада и мелкие части. — А. Д.) располагались полукругом вокруг города в переходе от него с севера, востока и юга; по линии Кубани слабым кордоном стояли кубанские гарнизоны. 4 августа началось вновь одновременное наступление большевиков с юга от Невинномысской и с востока от Благодарного. Первое было отбито, второе имело вначале успех: прикрывавшие Ставрополь с востока наши части были опрокинуты, и противник (4—5 тысяч) подошел к предместьям города и к станции Пелагиада, угрожая перерезать сообщения нашей Ставропольской группы с Екатеринодаром...

Дивизии Боровского еще 4-го приказано было, по смене ее 3-й дивизией, перейти к Ставрополю. 8-го части ее высаживались у Ставрополя и Пелагиады как раз в тот момент, когда туда подошли большевики. Полки (Корниловский и Партизанский) прямо из вагонов бросились на противника, опрокинули и преследовали его.

Всю вторую половину августа Боровский, объединивший здесь командование, вел непрерывные бои частями своей дивизии и 2-й Кубанской. На долю последней пришлось особенно тяжелая работа: полковник Улагай буквально летал по краю, пройдя несколько сот верст, разбивая и преследуя появившиеся в разных местах отряды противника. В результате весь обширный район верст на сто по радиусу от Ставрополя был очищен от большевистских отрядов, и Боровский, заняв с боя Прочноокопскую и Барсуковскую, имел возможность сосредоточить в верхней Кубани свои главные силы.

* * *

В связи с успешным выходом Боровского к Кубани и значительным сокращением фронта 3-й дивизии я приказал Дроздовскому перейти за Кубань и овладеть Армавиром. Эта рискованная операция с самого начала была не по сердцу осторожному Дроздовскому, и потому исполнение ее сопровождалось трениями со штабом армии.

После продолжительных разведок 3-я дивизия 26 августа под прикрытием 2-го конного полка переправилась частью сил через Кубань у Тифлисской и двинулась отсюда на восток во фланг Протоваккавской группе противника.

В течение четырех дней Дроздовский вел упорные бои и к 31-му овладел станцией Гулькевичи одновременным ударом с запада и через железнодорожный мост. перебросив всю дивизию на левый берег и свои коммуникации на Кавказскую, он повел наступление на Армавир вдоль железной дороги, направив колонну генерала Чекотовского (Самурский пехотный и 2-й конный полки с батареей) против Михайловской для содействия 1-й конной дивизии. Вначале обе колонны имели успех. Но 1 сентября к большевикам подошли значительные подкрепления, и они перешли в контрнаступление, угрожая обоим флангам дивизии Дроздовского. После упорного боя он вынужден был отвести левую колонну к станции Гулькевичи, куда 2-го вышли окруженные со всех сторон и пробившиеся штыками самурцы (Самурский полк, бывший 1-й Солдатский. — А. Д.) Шабрета. Западнее вела настойчивые атаки 1-я конная дивизия генерала Врангеля, приковавшая к себе Михайловскую группу (бывшая группа Сорокина. — А. Д.) противника, взявшая с бою оплот ее — станцию Петропавловскую, но встретившая в дальнейшем упорное сопротивление.

Еще ранее для содействия Армавирской операции я приказал Боровскому ударить в тыл Армавирской группе большевиков, захватив Невинномысскую, прервав тем единственную железнодорожную линию сообщений армии Сорокина.

Судьба играет иногда событиями чрезвычайно прихотливо... Впоследствии в Невинномысской в наши руки попала директива Сорокина, в которой на командующего Невинномысской группой Гайчинца (официально — командующий войсками Северо-Восточного фронта. — А. Д.) возлагалась задача: «...Приготовиться к решительному наступлению, цель которого и задача во что бы то ни стало взять город Ставрополь... Наступление начать 2 сентября в 4 часа утра, отступле-

ний не допускаю. Ставрополь приказываю взять [4] сего сентября... Командвойск. Сев. Кавказа Сорокин. Политический комиссар Торский».

Гайчинец в развитие этой директивы отдал диспозицию, по которой войска его группы, удерживая фронт Кубани от Армавира до Барсуковской, главными силами должны были «нанести грозный удар» в направлении к Ставрополю на фронте Барсуковская—Темнолесская, с охватом с востока конницей.

2 сентября — в тот же день, когда должен был нам нанести удар Гайчинец, — 2-я дивизия Боровского обрушилась на Невинномысскую. «В полдень, — говорит сводка, — доблестные части генерала Боровского, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались в станицу; продолжая стремительное наступление, овладели ею и перекинули часть сил на левый берег Кубани. Громадные толпы противника в полном беспорядке бросились бежать к Армавиру... В момент атаки в Невинномысской находилось шесть большевистских штабов, в том числе и штаб Сорокина, который бежал верхом за Кубань в момент нашего вступления в станицу...» В тот же день партизанская бригада Шкуро, выйдя южнее, овладела станцией Барсуки, разрушив там путь.

Этот наш успех отразился резко на положении фронта Дроздовского. 3 сентября он отбил с успехом атаки противника, а 4-го перешел вновь в наступление, подойдя с рассветом 6-го к Армавиру. Бой длился несколько часов и окончился полным поражением Армавирской группы большевиков. 4-й пластунский батальон овладел Туапсинским вокзалом, 2-й Офицерский полк — Владикавказским, а с правого берега из Прочноокопской ворвались в город роты корниловцев. Несколько эшелонов подкреплений спешили к большевикам с запада по Туапсинской железной дороге, но заслон Самурского полка захватил один поезд целиком, другие встретил жестоким огнем, и эшелоны, бросив поезда, бежали на юг. Паника распространилась по всему полю. 2-й конный полк до вечера преследовал и рубил бегущих долиной Урупа; два бронепоезда прошли до следующей станции Коноково (22 версты) и там громили огнем орудий и пулеметов собравшиеся толпы отступавших большевиков...

Между тем Боровский, опасаясь за свой правый фланг, оставил в Невинномысской пластунскую бригаду и главные силы перевел в хутор Темнолесский (см. Ново-Екатериновка). Воспользовавшись этим, Сорокин сосредоточил против Невинномысской значительные силы конницы, которые, переправившись через Кубань севернее Невинномысской, в ночь на 4-е рассеяли пластунов и овладели станцией.

6-го я был в войсках Боровского в Ново-Екатериновке. Учитывая важное значение перерыва Владикавказской железной дороги, я приказал им вновь атаковать Невинномысскую.

Боровский 7-го овладел атакой Корниловского полка станцией Барсуки, а 8-го атаковал Невинномысскую с трех сторон и занял станцию, отбросив большевиков к западу, за Рождественскую.

* * *

Три месяца уже армия вела непрерывные, кровопролитные бои — без отдыха, без смены. Части по многу раз переменили уже свой боевой состав; вливались новые эшелоны добровольцев с севера и юга России и кубанских казаков; уезжали и возвращались раненные; гибли тысячами воины; ожидали своей неминуемой участи уцелевшие, ибо казалось, что нет возможности выйти из этой кровавой эпопеи живым и неискаленным. Но когда я бывал у кубанцев Врангеля и Покровского, у добровольцев Казановича, Дроздовского, Боровского не только в дни их побед, но и тяжелых неудач, я видел людей усталых, но бодрых и жизнерадостных. Они не жаловались на свою удручающую материальную обстановку и только просили «по возможности» патронов и пополнений. Им не нужны были пышные и возбуждающие слова приказов, речей, не нужны были обманчивые обещания социальных благ и несбыточных военно-политических комбинаций. Они знали, что путь их долог, тернист и кровав. Но большинство из них желали спасения Родины, верили крепко в конечную победу и с этой верой шли в бой и на смерть.

Враг был по-прежнему силен, жесток и упорен. Последнее время, впрочем, обстановка как будто опять явно складывалась в нашу пользу... К 10 сентября главная масса Северо-Кавказской красной армии находилась в положении почти стратегического окружения: на севере у Петропавловской стояла дивизия Врангеля, имевшая задачей опрокинуть Михайловскую группу большевиков и наступать на Урупскую; у Армавира закрывал путь Дроздовский; на западе Покровский теснил майкопских большевиков к Лаббе, направляясь к Невинномысской; на востоке — река Кубань и Боровский у Невинномысской; на юго-востоке — партизанские полки Шкуро у Баталпашинска и Беломечетской (занял 4 сентября. — А. Д.)... По всему обширному району, зажатому между горами и Кубанью, по всем путям шли бесконечные большевистские обозы, направляясь на юго-восток... Из перехваченного приказа Сорокина от 9 сентября

явствовало, что армия его потеряла надежду на возвращение Кубани и стремится пробиться к Минеральным Водам...

16 сентября получена была первая весть и от восставших терцев: «Казаче-крестьянский съезд» из Моздока радиотелеграммой приветствовал Добровольческую армию «как носительницу идеи Единой, Великой, Неделимой и Свободной России» и обещал «направить все силы для скорейшего соединения с нею».

Переход большевиков в контрнаступление в начале сентября на Армавир, Ставрополь и по верхней Кубани.

Отступление большевиков

в конце сентября к Невинномысской.

Преследование их нашей конницей к Урупу

10 сентября намерения большевистского командования обнаружались: для овладения вновь Владикавказской магистралью и обеспечения сообщений с Минераловодским районом в этот день Северо-Кавказская красная армия перешла в наступление на широком фронте: Таманская группа — от Курганной на Армавир (с запада) и Невинномысская группа, усиленная уцелевшими частями, отступившими 6-го от Армавира, — на Невинномысскую и Беломечетскую (на юг и юго-восток).

11-го таманцы разворачивались беспрепятственно против Армавира и 12-го атаковали Дроздовского, перешедшего к обороне. Первую половину дня большевики при поддержке сильного артиллерийского огня вели упорные атаки, охватывая город с севера. Но огнем и контратаками наших войск были отражены повсюду, понеся тяжелые потери; на севере им удалось, однако, перехватить железную дорогу. К вечеру новая колонна противника стала разворачиваться против южной части города.

Считая свои силы недостаточными и положение слишком рискованным, Дроздовский в ночь на 13-е оставил город и перешел на правый берег Кубани, в Прочноокопскую, сохранив за собой переправу у форштадта, прикрытую предместным укреплением.

Еще в ночь на 11-е я приказал отправить из Екатеринодара по железной дороге на помощь Дроздовскому отряд полковника Тимановского (Марковский полк, 2 орудия, 3 сотни; около 1¹/₂ тысячи штыков и сабель. — А. Д.), который подошел к Армавиру рано утром 13-го. Вместе с тем Дроздовскому послано было приказание 13-го перейти в наступление (приказание это, по заявлению штаба Дроздовского, не дошло по назначению. — А. Д.).

Тимановский донес Дроздовскому о прибытии и о своем намерении начать атаку. Пополудни он с большой стремительностью атаковал противника с севера и овладел его позицией. Большевики отступили к городу. Но, не видя наступления 3-й дивизии и получив запоздалое приказание Дроздовского не ввязываться в этот день в бой (Дроздовский считал необходимым дать двухдневный отдых войскам. — А. Д.), Тимановский заночевал на позиции.

Я повторил приказание атаковать Армавир 14-го. Приведа дивизию у Прочноокпской на левый берег Кубани и соединившись с Тимановским, Дроздовский повел атаку на город с северо-запада, понес серьезные потери, но успеха не имел. К вечеру он прекратил наступление.

1-я конная дивизия все эти дни вела упорные атаки против Михайловской группы большевиков. Сотни кубанцев непрерывными налетами портили Туапсинскую дорогу, прерывая связь группы с Армавиром; правая колонна дивизии, атакуя с запада, разбила большевиков у Дондуковской и Каше-Хабля, заняв эти пункты. Михайловская группа большевиков была зажата, ослаблена, прикована, но все усилия разбить ее не увенчались успехом. Кубанцы несли большие потери, которые вновь и вновь пополнялись притоком, идущим из освобожденных станиц.

Я был 16-го в отряде Дроздовского. Он считал бесцельным дальнейшее наступление на Армавир, пока не будет разбита Михайловская группа... Согласившись с ним, я оставил на армавирском направлении слабый заслон полковника Тимановского и в тот же день двинул Дроздовского с главными силами против Михайловской, дав ему задачу — нанести быстрый и внезапный удар с востока во фланг и тыл Михайловской группе и совместно с конницей Врангеля разбить ее. Дроздовский вышел только к вечеру 17-го на фронт Врангеля и принял иное решение: ночью произвести смену 1-й конной дивизии на ее позиции и с 7 часов утра 18-го атаковать с востока в тыл Михайловской. Атака Дроздовского не имела успеха; части его понесли тяжелые потери и к вечеру отошли к Петропавловской. Полное истощение артиллерийских патронов послужило немалой причиной увеличения числа жертв.

Между тем Врангель, обойдя Михайловскую, вышел в тыл Михайловской группе и овладел Курганной, перехватив коммуникации противника. Здесь в течение дня он вел успешный бой на три стороны против неприятельских войск с бронепоездов. Но когда, отбив Дроздовского, большевики от Михайловской повернули против 1-й конной дивизии и к тому же обозначилось наступление с юго-востока от

Константиновской, положение Врангеля между двумя речками стало весьма тяжелым; с наступлением сумерек он с трудом, но благополучно вывел дивизию по единственной переправе — железнодорожному мосту через Чамлык.

Армавирская группа большевиков в эти дни осталась пассивной.

* * *

На западе, на верхней Лабе, успешно боролась 1-я Кубанская дивизия Покровского. Отбросив противника, занимавшего линию реки Фарс, он широким фронтом (40—50 верст) наступал к Лабе, направляя главные силы против Лабинской и Зассовской. К 14 сентября Покровский, опрокидывая противника, подошел на всем фронте к Лабе, захватив Мостовое, и, переправивши часть сил через Лабу, преследовал большевиков, бегущих к Владимирской и Вознесенской. Тысячи повозок обоза, множество пленных попали в наши руки; кроме того, было отбито около двух тысяч уведенных большевиками кубанских казаков. Этот значительный успех, создававший угрозу северным группам противника, встревожил большевистское командование. Майкопская группа была усилена и 15-го на всем фронте перешла в наступление, оттеснив Покровского на левый берег Лабы. Десять дней продолжались бои с большевиками, перешедшими вновь в нескольких местах Лабу и наступавшими в общем направлении на Майкоп. В ночь на 28-е большевики, отчаявшись в успехе наступления на этом фронте, ушли за Лабу, теснимые по пятам кубанцами, переправившимися также у Владимирской.

Положение здесь оставалось по-прежнему весьма угрожающим для большевиков.

* * *

Неудачно для нас складывалась обстановка на левом фланге. Со рокин, сосредоточив крупные силы против Невинномысской, с 10 сентября несколько раз настойчиво атаковал Боровского, но понес большие потери и вначале успеха не имел. Наконец, 15-го он принудил Боровского отойти к Ново-Екатериновской и овладел Невинномысской, открыв вновь сообщение своей армии по Владикавказской магистрали.

Еще южнее действовал партизан Шкуро. Широко привлекая в свои ряды кубанское казачество, подымая поголовно станицы Баталпашинского отдела, он развернул уже свой отряд¹⁸³ в дивизию¹⁸⁴ и совмест-

но со станичными гарнизонами успешно отражал нападение большевиков, стремившихся перейти верхнюю Кубань в районе Беломечетской. Но в те дни, когда Сорокин атаковал Невинномысскую, Шкуро, тяготевший по мотивам нестратегическим к Кисловодску, повернул на юг и 12-го с боя взял этот город. Через две недели под давлением большевистских отрядов, наступавших с севера и востока на Бутурустанскую и Кисловодск, Шкуро, с которым очень трудно было поддерживать связь, очистил город и был привлечен в район армии. Большевики жестоко расправились с кисловодской буржуазией. Очередная сводка отметила своим бесстрастным языком «мелкий боевой эпизод»: «Чтобы сосредоточить все усилия для активных действий в направлении на станцию Курсавку, полковник Шкуро оставил Кисловодск». А сам партизан 28-го уже опять бил большевиков, брал пленных и пулеметы в районе Владикавказской магистрали...

В то время как Невинномысская группа большевиков против фронта Боровского, по-видимому, все больше усиливалась, назревала серьезная угроза и его тылу и сообщениям в Ставропольском районе. В результате работы в сентябре месяце на северо-востоке и востоке Ставропольской губернии организовались две сильные группы: в районе Дивное — 2-я Ставропольская дивизия, или группа Ипатова (12 тысяч штыков, 1 тысяча сабель), и в районе Благодарное — 1-я Ставропольская дивизия, или группа Рыльского (5 тысяч штыков, 500 сабель); кроме того, к северо-востоку от Петровска стоял отряд Жлобы силою до 6 тысяч, устранившийся после поражения, нанесенного ему 14 сентября полковником Улагам.

Против этих частей мы имели мелкие отряды восточнее Медвежьего, у Донского, гарнизон Ставрополя и 2-ю Кубанскую дивизию¹⁸⁵ у Петровского, общей численностью 4—5 тысяч.

16 сентября 2-я Ставропольская дивизия большевиков начала наступление одновременно в трех направлениях: на Торговую, Медвежье и Донское. И через три дня, сбив наши охраняющие части, дошла на севере до Немецко-Хангинского, а главными силами — до реки Егорлык на фронте Преградное—Безопасное. Для прикрытия Торговой мною был переброшен по железной дороге небольшой отряд, а к станции Егорлык стянуты с разных сторон 1½—2 тысячи и 2 орудия. В командование этим сборным отрядом (кубанские пластуны и конница, части Польской бригады, добровольческая артиллерия. Для характеристики наших масштабов боевого снабжения: отряду дано было 150 снарядов и по 70 патронов на винтовку!.. — А. Д.) вступил генерал Станкевич, который получил задачу обеспечить с севера Ставрополь.

Выдвинувшись к Безопасному, он отбросил противника, и на несколько дней здесь водворилось спокойствие. В свою очередь полковник Улагай в районе Благодарного 28-го разбил 1-ю Ставропольскую дивизию и на некоторое время вывел ее из строя. Но 2-я Ставропольская дивизия в конце месяца вновь перешла в наступление крупными силами и отбросила отряд генерала Станкевича; в то же время северная колонна ее заняла села по нижнему Егорлыкку в одном переходе от Торговой.

Необходимо было как можно скорее ликвидировать эту постоянную угрозу нашей связи с Доном и войсками правого берега Кубани, тем более что у Невинномысской шло сосредоточение крупных большевистских сил.

Я стянул в Ставрополь — Армавирский район все силы Добровольческой армии (только на Грузинском фронте остался конный полк и формировался дивизион. — А. Д.).

1-ю дивизию Казановича я сосредоточил против Армавира, а 3-ю — Дроздовского перевел на правый берег Кубани для смены Боровского. Последнему приказано было, объединив командование над войсками Ставропольского района и присоединив к ним свою 2-ю дивизию, очистить в возможно короткий срок север губернии.

Смена на фронте против Невинномысской закончилась 2 октября, а 6-го соединенными силами Станкевича, Улагая и 2-й дивизии большевики были разбиты у Терновки. Принявший командование над колонной генерал Станкевич преследовал противника на северо-восток и в боях 12—14-го в районе Большой Джалги, в которых приняла участие и шедшая от Торговой вдоль Маныча Донская бригада, нанес им вновь сильное поражение. Дальнейшее преследование стало невозможным, так как в эти дни у Невинномысской и Ставрополя разразились события, потребовавшие спешного возвращения туда 2-й дивизии и конницы Улагая.

* * *

Тяжкие сентябрьские бои обескровили и нас, и противника. Они, кроме того, подорвали дух в большевистских войсках, вселили и в них, и в советах еще большее недоверие к своему командованию.

Усилилось также общее недовольствие Сорокиным. Во второй половине сентября на собрании большевистских командиров в Армавире командовавший Таманской группой Матвеев при общем одобрении заявил, что выходит из подчинения Сорокину. Матвеев был вызван в Пятигорск и там по приговору военно-революционного суда

расстрелян. Эта казнь вызвала сильное возмущение в войсках Таманской группы и страшное озлобление лично против Сорокина.

22 сентября ЦИК Северо-Кавказской республики, сообразно новой организации центрального Московского управления (во главе всех советских войск стал Реввоенсовет во главе с Троцким. — А. Д.) и полученных свыше указаний, отменил единоличную власть главнокомандующего и во главе Северо-Кавказской армии поставил Реввоенсовет под председательством Полуяна (бывший народный комиссар внутренних дел. — А. Д.) и членов: Сорокина, Гайчинца (командующий войсками Северо-Восточного фронта. — А. Д.), Петренко (бывший начальник штаба Сорокина. — А. Д.) и Крайнего (председатель краевого комитета партии большевиков и товарищ председателя ЦИК — А. Д.). Прежний штаб Сорокина был устранен и сформирован новый в составе нескольких большевистских деятелей во главе с казачьим офицером Одарюком

К концу сентября относится также перемена стратегического плана большевистского командования: было решено оставить Кубань и, прикрываясь сильными арьергардами на Лабе и у Армавира, отступить на юго-восток, в общем направлении на Невинномысскую

Признаки отхода колонн и обоза мы замечали еще в 20-х числах сентября. В ночь на 1 октября арьергард Михайловской группы, взорвав мост у Каше-Хабля, стал отходить в направлении на Урупскую. Это обстоятельство побудило перейти в решительное наступление все три наши левобережные дивизии.

Генерал Казанович 1 октября атаковал Армавир. Части его ворвались было уже в город, но контратакой противника были отброшены с большими потерями, особенно тяжелыми в Сводно-гвардейском полку (развернут незадолго перед тем из 4-го батальона Марковского полка. — А. Д.).

Генерал Врангель, опрокидывая арьергарды противника и догоняя главные силы его, в первый же день прошел до 50 верст, следуя на Урупскую и Бесскорбную. В последующие дни на Урупе произошел ряд серьезных боев с переходившим не раз в контрнаступление противником, который был в конце концов смят и отброшен за реку. Дивизия после жестокого уличного боя заняла 6-го Бесскорбную, 7-го — Урупскую, но дальнейшее продвижение ее было остановлено большевиками.

Генерал Покровский, отбросив заслоны большевиков, перешел Лабу и атаковал 2-го Вознесенскую и Упорную, но взять их не мог. 3-го большевики сами перешли в наступление — в первом направлении неудачно, во втором — силами до 4 полков пехоты и много-

численной конницы оттеснили Покровского обратно за Лабу. На следующий день он вновь и вновь атаковал и после многих упорных боев к 7-му вышел к Урупу, овладев Попутной и Отрадной.

Обе дивизии нанесли противнику большой урон, захватили много пленных и оружия, но сопротивление его было по-прежнему упорным.

К 10 октября положение на фронте было следующим:

1-я дивизия стояла под Армавиrom, 1-я конная и 1-я Кубанская — по Урупу до Отрадной. Далее шел изменчивый фронт Партизанской бригады (дивизии) и ополчений Баталпашинского отдела, который проходил примерно от Отрадной (связь с Покровским), севернее Беломечетской, подходя и временами захватывая Воровсколесскую (в 14 верстах от станицы Курсавки), далее на Суворовскую. Шкуро, очищая от большевиков Баталпашинский отдел, производил с успехом непрерывные нападения на железные дороги, расстраивая движение по ним и угрожая все время сообщениям противника. От Армавира по правому берегу Кубани и далее от Барсуковской на Ново-Екатериновку стояли местные гарнизоны, пластунские батальоны и 3-я дивизия.

В этом чрезвычайно оригинальном остром углу в качестве арьергардов по Урупу и Кубани располагалось около 20 тысяч большевистских войск; по линии Курсавка—Минеральные Воды для непосредственного охранения железной дороги от нападений Шкуро — 4—5 тысяч; и в районе Невинномысской сосредоточился сильный кулак до 20 тысяч.

Дальнейшее направление его было нам неизвестно.

Оставление нами Ставрополя, бои под Армавиrom, на Урупе и в Баталпашинском отделе. Очищение от большевиков левого берега Кубани.

Двадцативосьмидневное сражение под Ставрополем

10 октября Невинномысская группа большевиков перешла в наступление на север, на фронт Дроздовского. Это было началом решительного для Добровольческой армии двадцативосьмидневного сражения под Ставрополем.

Отряду Дроздовского (3-я дивизия и пластунская бригада. — А. Д.) предстояло всемерно задерживать противника до подхода с севера 2-й и 2-й Кубанской дивизий.

10-го Дроздовский отразил наступление большевиков, и только на правом фланге его большевики сбили пластунов и овладели Бар-

суковской. На следующий день он сам перешел в контратаку, понес серьезные потери, но безуспешно. Ввиду того что на западе была потеряна важная позиция — гора Недреманная, Дроздовский с рассветом 12-го отошел к Татарке, в 11 верстах от города, где в ночь на 14-е был вновь атакован большевиками и отброшен к северу. В течение дня 14-го Дроздовский вел напряженный бой на подступах к Ставрополю, стараясь при помощи подошедшего с севера Корниловского полка вернуть захваченную большевиками гору Базовую. Атаки корниловцев и самурицев не имели успеха, и поплудни дивизия очистила Ставрополь, отступив к северу. Толпы мирного населения покидали злополучный многострадальный город, спасаясь от большевистского нашествия. В Ставрополь вошли красные войска и приступили к расправе...

Одновременно с наступлением главных сил большевиков в направлении Ставрополя колонна их продвигалась вниз по Кубани, захватывая переправы, причем к 14-му весь правый берег до Убеженской оказался в их руках.

В течение ближайших дней противник вел частные атаки в северном направлении для обеспечения Ставрополя, не стремясь или не будучи в силах развивать свой успех над ослабленными и разрозненными частями нашей Ставропольской группы. И к 18-му, когда подтянулись части 2-й и 2-й Кубанской дивизий, Ставропольская группа Боровского располагалась по фронту Ново-Марьевка — село Пелагиада — Дубовка, в 13—20 верстах от города. Фронт большевиков шел кругом Ставрополя через Надеждинское—Михайловское—Сенгилеевское—Ново-Екатериновку.

* * *

Я с полевым штабом и, как всегда, с начальником штаба, с которыми мы были неразлучны, находился в эти дни на армавирском направлении. Отдав генералу Казановичу последний батальон и не имея более в своем распоряжении резервов, я видел возможность успеха только в настойчивом выполнении основного плана, и в частности в развитии активности нашего Западного фронта. Генералам Казановичу, Врангелю и Покровскому было подтверждено напрячь крайние усилия, чтобы сбросить Левобережную группу противника в Кубань и тем развязать нам руки на ставропольском направлении.

Генерал Казанович 13 октября внезапной атакой овладел Армавиром, захватив большие трофеи. На другой день его дивизия отбросила противника за Уруп, разбила его вновь у Коноково и,

преследуя обоими берегами, к 16-му дошла до Николаевки и Маламино.

Конница генерала Врангеля не могла развивать этот удар: с 10-го числа она была прикована к Урупу настойчивыми атаками противника, причем Бесскорбная несколько раз переходила из рук в руки. Только 15-го дивизия вышла частью сил на правый берег Урупа и имела там некоторый успех. Но 17-го большевики перешли в контратаку на всем фронте между Урупом и Кубанью и оттеснили конные части генерала Врангеля за Уруп, а дивизию генерала Казановича — под Армавир к разъезду Вольному...

В эти дни Минераловодская группа несколько раз возобновляла наступление на полковника Шкуро по всему фронту от Невинномысской до Суворовской, но безрезультатно, и партизаны по-прежнему совершали удачные набеги на железную дорогу.

Не было ни сведений, ни донесений от генерала Покровского. Наблюдая 17-го бой у Казановича, я убедился, что здесь разрешения задачи искать трудно. Послал вновь приказание Покровскому о крайней необходимости взятия Невинномысской и выхода в тыл Армавирской группе противника...

Только 21-го мы получили радостное известие, что 18-го Покровский после упорного боя овладел станицей и станцией Невинномысской, захватил там большую военную добычу и преследует большевиков на северо-запад и на юго-восток... От Армавира и Урупа потянулись уже большевистские резервы в сторону Невинномысской, вступившие в бой с Покровским 19-го, но отброшенные к северу, в то время как часть нашей конницы, распространяясь вдоль железнодорожной линии, заняла станцию Барсуки.

Этим ослаблением сил Армавирской группы воспользовалась 1-я конная дивизия. 20-го генерал Врангель произвел перегруппировку, оставив заслон у Урупской и перебросив главные силы к Бесскорбной. 21-го, перейдя реку, он обрушился на большевистскую дивизию, разбил ее наголову и преследовал уцелевшие остатки ее в направлении Успенской; юго-восточнее такая же участь постигла еще два большевистских полка... 22-го доблестная дивизия продолжала преследование, добывая отставшие части противника, и захватила станцию Овечка, куда вскоре подошла пехота Казановича с бронепоездом. За эти два дня кубанцы Врангеля взяли около 2 тысяч пленных, 19 пулеметов, огромные обозы.

Немногие уцелевшие войска Армавирской группы, прижатые к Кубани, текли безостановочно на юго-восток; совместно с отрядами, остававшимися на левом берегу Кубани, они с мужеством отчаяния

обрушились на Покровского и 21-го выбили его из Невинномысской. Только 23-го после трехдневных тяжелых боев он вторично и окончательно овладел Невинномысской.

1-я конная дивизия сосредоточилась в районе Успенской, 1-я — у Овечки.

* * *

18 октября в одной из хат станицы Рождественской собралось офицерство 3-й, отчасти 2-й дивизий; я ожидал, что после перенесенных безмерно тяжелых боев и ставропольской неудачи увижу хоть тень моральной усталости и разочарования... И был глубоко обрадован их настроением. Они жадно ловили всякий намек на улучшение общего положения и интересовались только тем, что облегчало нам дальнейшее ведение борьбы. Я видел части — сильно поределые, истомленные, полубомерзшие, в обтрепанной легкой одежде — зимняя стужа наступила в этом году рано — и тем не менее готовые к новым боям.

Я мог порадовать их последними сведениями о европейских событиях, о падении Германии, торжестве союзников и об открывающихся перспективах. Помогут ли нам союзники войсками — не знаю, но материальной частью — несомненно и в широком масштабе. Это, впрочем, дело будущего. А теперь я привез с собою немного теплой одежды, несколько сот пополнений, на сей раз много патронов и... глубокую, ничем не сокращимую уверенность в доблести добровольцев, которая приведет, несомненно, к нашей победе в предстоящем решительном сражении.

Первые успехи на Урупе и под Невинномысской вызвали большой подъем в нашей Ставропольской группе, несколько отдохнувшей и пополненной.

22-го генерал Боровский перешел в наступление по всему фронту.

2-я и 3-я дивизии направлены были на Ставрополь с севера по обеим сторонам железной дороги, 2-я Кубанская дивизия — через Надеждинскую с востока. В первый же день Боровский имел некоторый успех: пластуны заняли Сенгилеевскую, Улагай — Надеждинскую, а 2-я и 3-я дивизии, хотя и с тяжелыми потерями, дошли до самой окраины города. 23-го бой продолжался, причем 2-й Офицерский полк дивизии Дроздовского стремительной атакой захватил монастырь Иоанна Предтечи и часть предместья. Мой полевой штаб находился в эти дни под Ставрополем на станции Рыдзвяная, и я с генералом Романовским и несколькими офицерами штаба, следуя со

2-м Офицерским полком, вошли в монастырь несколько преждевременно: попали под контратаку противника, вскоре, впрочем, отраженную.

Далее войскам Боровского продвинуться оказалось не под силу. 24-го противник сам переходил многократно в контратаки, особенно настойчивые на фронте 3-й дивизии и Корниловского полка; обе стороны понесли тяжелые потери, и наступление наше захлебнулось.

Так как к тому времени левобережные дивизии закончили свою операцию, я получил возможность все силы Добровольческой армии направить против Ставрополя.

Генералу Боровскому на северном Ставропольском фронте приказано было временно перейти к активной обороне; генералу Врангелю, очищая попутно правый берег Кубани в сторону Убеженской и Николаевской, — сосредоточиться в Сенгилеевской для атаки Ставрополя с запада; генералу Казановичу — наступать через гору Недреманную и Татарку с юга; генералу Покровскому, совместно с Партизанской дивизией Шкуро, через Темнолесскую — с юго-востока; для удержания Невинномысской оставался отряд генерала Гартмана¹⁸⁶ — пластунские батальоны 1-й и 1-й Кубанской дивизий, а ополчения Баталпашинского отдела должны были обеспечивать операцию со стороны Минераловодской группы противника.

Я съездил вновь на армавирское направление, видел войска Казановича и Покровского под Невинномысской, куда приехал и Шкуро. И по вынесенному впечатлению от чудесного настроения войск и начальников не беспокоился более за окончательный исход Ставропольской операции.

Вернувшись к Ставрополю, я застал все то же положение. В течение четырех дней большевики вели упорные атаки на всем фронте Боровского. Мы потеряли Сенгилеевскую, но сохранили свое положение под Ставрополем ценою новых тяжелых потерь. В то же время 2-я советская Ставропольская дивизия, воспользовавшись ослаблением заслона генерала Станкевича, с 17-го перешла в наступление и к 24-му отбросила его от Большого Джалги к Тахтинскому, где он и сдерживал в дальнейшем противника.

Войска с юга между тем подвигались. К 29 октября генерал Врангель, очистив берег Кубани и разбив большевиков у Сенгилеевской, подступил к Ставрополю с запада; генерал Казанович атаковал гору Недреманную (к югу, в переходе от Ставрополя. — А. Д.); генерал Покровский, сбивая арьергарды противника, к вечеру 28-го дошел до горы Холодной, в 10 верстах к юго-востоку от Ставрополя; обе фланговые дивизии вошли в связь с частями Боровского.

Это тактическое положение внесло крайнюю нервность в настроение обложенного кругом города и в ряды большевистских войск. Город был забит тысячами раненых, больных, тифозных большевиков, и каждый день увеличивал число их. Все пути подвоза были отрезаны. В Ставрополе, как передавали вырвавшиеся оттуда, носились уже зловещие слухи об измене... Некоторые большевистские части постановляли тайно сдаваться нам, но попытки их в этом направлении ликвидировались поставленными сзади позиций пулеметами. Только Таманская группа, стоявшая против войск Боровского, оставалась вполне надежной и решила «драться до последнего...».

Большевистское командование решило, очевидно, прорвать блокаду. 29-го советские войска крупными силами обрушились на весь фронт генерала Боровского и отбросили 3-ю дивизию, понесшую вновь громадные потери, версты на две от ее позиций. На прочих участках многократные атаки противника успеха не имели.

Этот день стоил и нам, и в особенности противнику, очень дорого. Изнуренные потерями большевики 30-го не возобновляли атак.

Между тем с юга кольцо сжималось: генерал Казанович, атаковав 29-го гору Недреманную с крутыми скатами, взял ее, отбил несколько контратак и 30-го подошел к Татарке; рядом и восточнее генерал Покровский атаковал гору Базовую и Холодную. На горе Холодной был захвачен и закрыт ставропольский водопровод.

К 29 октября с занятием Покровским станицы Темнолесской вся Кубанская область была освобождена от большевиков.

Большевистское командование еще раз напрягло все свои силы, чтобы вырваться из окружения, и на рассвете 31-го вновь атаковало на севере фронт группы Боровского, на юго-востоке — конницу Покровского. На этот раз совершенно растаявшие полки 2-й и 3-й дивизий не выдержали и, опрокинутые и преследуемые противником, поспешно уходили на северо-запад, остановившись только на высоте селения Пелагиада. Конница Улагая отошла к Дубовке. Части Покровского были также несколько потеснены.

Отбиваясь от наступавших большевиков с перемешанными остатками своей дивизии и ведя их лично в контратаку, доблестный полковник Дроздовский был тяжело ранен в ступню ноги... Пал сраженный пулей в висок командир Корниловского полка полковник Индейкин...

Ввиду пассивности большевиков на западном их фронте генерал Врангель, оставив против него часть сил, с четырьмя полками кубанцев (ему придана была ранее бригада конницы из состава 3-й дивизии. — А. Д.) свернул на Ново-Марьевку, ударил в тыл наступавшей

там левой колонне противника и, отбросив его к северо-востоку, занял вновь монастырь и предместье, оставленные дроздовцами.

Наступила ночь. На севере все стихло, но на юге и западе шел еще сильный огонь...

Прорыв удался. Большевики вырвались из кольца. Образовав новый фронт по линии Дубовка (южнее) — Михайловское — Ставрополь — гора Базовая, они успешно стали перебрасывать свои тылы в направлении Петровского...

* * *

Еще из Невинномысской я и старшие кубанские начальники снесли телеграфно с Кубанским правительством по вопросу об отсрочке открытия Краевой Рады, назначенного на 28 октября, до окончания Ставропольской операции, чтобы дать возможность кубанским начальникам, избранным членами Рады, принять участие, по крайней мере, в первых ее шагах. Это предложение вызвало возмущение в рядах Черноморской группы и обвинение командования в саботировании Рады. Кубанское правительство не сочло возможным отложить открытие Рады. Частное совещание ее 27-го постановило лишь в программу первых дней включить вопросы внутреннего распорядка, а торжественное заседание в моем присутствии назначить на 1 ноября.

Считая весьма важным в политическом отношении мое обращение к Раде до начала ее работ, я в ночь на 1-е решил поехать на несколько часов в Екатеринодар. Во время произнесения мною в Раде речи пришла телеграмма, что бригада 1-й конной дивизии генерала Бабиева ворвалась в Ставрополь... Это известие, которым я поделился с Радой, вызвало бурную радость всех собравшихся... Той же ночью я вернулся в Пелагиаду. Оказалось, что генерал Бабиев занимал 1-го вокзал, но противник остался еще в городе, и только пополудни 2-го при поддержке Самурского и 1-го Кубанского стрелковых полков и броневиков 1-й конной дивизии удалось окончательно овладеть городом.

Ставрополь был взят. Большевики оставили в нем 2¹/₂ тысячи непогребенных трупов и до 4 тысяч невывезенных раненых. На дверях лазаретов были надписи: «Доверяются чести Добровольческой армии...» Они могли рассчитывать на безопасность своих раненых. Мы — почти никогда. Во всяком случае, наши офицеры, попадавшие в руки большевиков, были обречены на мучения и верную смерть.

Но большевики, понесшие огромные потери, проявили все же упорство необыкновенное. 3-го я двинул войска в наступление на восток, и в тот же день большевики тоже перешли в наступление, опять оттеснив наши части, действовавшие севернее Ставрополя, и оказывая вместе с тем упорное сопротивление Казановичу у Надеждинского. Четыре дня еще шли бои возле Ставрополя, и только 7-го путем полного напряжения сил наша атака лучших и наиболее сохранившихся красных войск — Таманской группы, сосредоточенной в районе Тугулук—Дубовка—Пелагиада, увенчалась окончательным успехом: наступление остатков пехотных дивизий с запада, дивизии полковника Улагая с севера, конницы генерала Врангеля с юга от Ставрополя — войска противника были окружены, разбиты наголову и обратились в паническое бегство. Их преследовали в направлении Петровского 1-я конная и 2-я Кубанская дивизии, сведенные после своего соединения в конный корпус под начальством генерала Врангеля. Восточную группу красных, отходивших на Старо-Марьевское и Бешпагир, преследовали части Покровского и Шкуро.

А в те же памятные дни случилось и другое знаменательное событие, произведшее на Юге огромное впечатление: союзный флот вошел в Черное море, и 9 ноября первые суда его появились на рейде Новороссийска.

Сражение под Ставрополем имело громадное значение для Добровольческой армии. Пройдет еще 2¹/₂ месяца в непрерывных боях, Северо-Кавказская большевистская армия, развертываясь и пополняясь, вновь будет насчитывать 60—70 тысяч бойцов, но уже никогда не оправится от нанесенного ей поражения.

* * *

Основные части Добровольческой армии во второй раз (в 1-м Кубанском походе. — А. Д.), казалось, гибли. 2-ю, 3-ю дивизию, некоторые пластунские батальоны пришлось вывести на длительный отдых для формирования и пополнения, 1-я оставалась еще на Ставропольском фронте. В добровольческих полках, прошедших через свои ряды по многу тысяч людей, оставалось налицо 100—150 штыков. Несколько лучше было положение кубанских конных дивизий, в которые безостановочно с занятием каждой новой станицы приливала живая волна.

Люди гибли, но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к ее продолжению. Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы обрастали новыми ветвями, покрывались молодой листвой и снова стояли крепко в грозу и в бурю.

Бар. П. Врангель¹⁸⁷ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹⁸⁸

На Кубани

Мы вышли на пароходе Русского Общества «Король Альберт», чрезвычайно переполненном. С занятием добровольческими войсками Екатеринодара и Новороссийска на Северный Кавказ и в Черноморскую область спешило вернуться было и несколько немцев, в том числе немецкий профессор с ассистентом, объезжавший по поручению военно-санитарного ведомства оккупационные немецкие войска на юге России. Мы с ним познакомились, и это знакомство оказалось нам полезным. Немецкое командование, не запрещая официально проезда на Дон и Кавказ стремившимся в армию добровольцам, исподволь чинило едущим всевозможные препятствия. В Керчи производился детальный осмотр документов пассажиров, и все казавшиеся немецкой комендатуре «подозрительными» задерживались. Наше знакомство с немецким профессором избавило нас от осмотра. В Керчи мы простояли несколько часов и, воспользовавшись остановкой, сходили на берег. По словам жителей, значительное количество бежавших из Новороссийска комиссаров, при попустительстве немцев, нашли убежище в Керчи и отсюда беспрестанно выезжали на север.

Ростов мы нашли переполненным и очень оживленным. Как Киев для Украины, так и Ростов для Юга России стали временно столицами. Жизнь кипела ключом, общий порядок в городе ничем не отличался от дореволюционного, даже железнодорожные жандармы были те же, и лишь присутствие на вокзале немецкой комендатуры и изредка мелькавшая на улицах немецкая форма напоминали действительность.

Проведя в городе три дня и сделав необходимые покупки, мы выехали в Екатеринодар (в Екатеринодар прибыли 25 августа 1918 года).

В отличие от Киева и Ростова Екатеринодар носил отпечаток прифронтового города. На улицах, в гостиницах и ресторанах мелькали исключительно военные формы. В войсковом собрании, куда мы прямо с вокзала поехали завтракать, я встретил многих знакомых. С трудом получив через командира города комнату и условившись по телефону с генералом Драгомировым вечером быть у него, я утром зашел в штаб армии.

Начальника штаба генерала Романовского и д генерал-квартирмейстера полковника Сальникова¹⁸⁹ я не знал, но в числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев¹⁹⁰, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведовательного отделения оказался бывший офицер моей 7-й кавалерийской дивизии поручик Асмолов¹⁹¹. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло.

Ко времени моего приезда в Екатеринодар в боевом составе армии числилось около 35 тысяч штыков и шашек при 80 орудиях. Списочный состав был во много раз больше, большое число офицеров и солдат осело в тылу и многочисленных штабах и канцеляриях. Штаб верховного руководителя генерала Алексеева, канцелярия помощника его по гражданской части генерала Драгомирова (предполагавшийся отъезд генерала Алексеева в Сибирь не состоялся, и генералу Драгомирову по приезде в Екатеринодар была предложена эта должность — П В), штаб командующего армией генерала Деникина с многочисленными отделами были переполнены офицерами. Большое число офицеров, особенно старших начальников, числились в резерве командующего армией (армия состояла из 1-й пехотной дивизии (генерал Казанович), 2-й пехотной (генерал Боровский), 3-й пехотной (полковник Дроздовский), 1-й конной (генерал Эрдели), 1-й Кубанской казачьей (генерал Покровский), 2-й Кубанской казачьей (полковник Улагай), Отдельной Кубанской казачьей бригады¹⁹² (полковник Шкуро) и Пластунской бригады¹⁹³ (генерал Гейман) — П. В), ожидая отправки на фронт.

В середине августа вся западная часть Кубанской области и север Черноморской губернии были освобождены от большевиков. Новоросийск, Екатеринодар и Ставрополь были в наших руках. Преодолевая сопротивление во много раз сильнеего противника, наши части продолжали двигаться вперед на правом фланге, в горах Черноморья работали пластуны генерала Геймана; 1-я Кубанская казачья дивизия генерала Покровского вела бои в районе Майкопа, удерживавшегося большевиками; в районе станицы Петропавловской действовала 1-я конная дивизия; 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского на-

ступала на город Армавир, упорно оборонявшийся красными; в районе Невинномысской сражалась 2-я пехотная дивизия генерала Боровского, имея на левом фланге в Батаалпашинском отделе партизан полковника Шкуро. К северо-востоку от Ставрополя, прикрывая тыл 2-й пехотной дивизии, действовала 2-я Кубанская казачья дивизия полковника Улагая. В резерве Главнокомандующего находилась 1-я пехотная дивизия генерала Казановича. Состав войск был сборный, частью добровольцы, частью мобилизованные. Конница, за исключением двух конных полков, приданных пехотным дивизиям, состояла исключительно из казаков — кубанцев и черкесов.

В пехоте, артиллерии и технических войсках было исключительно большое число офицеров. Был ряд чисто офицерских частей.

Большинство старших начальников были мне неизвестны. Я близко знал лишь генерала Эрдели. Полковника Дроздовского, приведшего свои части с Румынского фронта, я знал лишь по академии Генерального штаба, курс которой он проходил одновременно со мной. Генерала Покровского, произведенного в этот чин постановлением Кубанского правительства, я знал по работе его в Петербурге, в офицерской организации, возглавляемой графом Паленом¹⁹⁴. В то время он состоял на службе в авиационных войсках в чине штабс-капитана. Незаурядного ума, выдающейся энергии, огромной силы воли и большого честолюбия, он в то же время был малоразборчив в средствах, склонен к авантюре. Наконец, полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». Это был период увлечения ставки партизанщиной. Партизанские отряды, формируемые за счет кавалерийских и казачьих полков, действовали на фронте как-то анонимно, подчиняясь непосредственно штабу походного атамана. За немногими исключениями, туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-либо службой в родных частях. Отряд есаула Шкуро во главе со своим начальником, действуя в районе XVIII корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил и, наконец, по настоянию командира корпуса и генерала Крымова, был с участка корпуса отозван. Генералов Боровского, Казановича и Геймана я совсем не знал.

Снабжение армии было чисто случайное, главным образом за счет противника. Снабжение огнестрельными припасами частью производилось с помощью Дона, в обмен на некоторые необходимые Дону продукты. Технические средства почти отсутствовали, в медикаментах также ощущался крайний недостаток. Довольствие производилось исключительно за счет населения.

Силы противника исчислялись в 80 тысяч штыков и шашек при 100 орудиях. Располагая огромными запасами наших бывших армий, противник был несравненно сильнее и технически, однако неумелое руководство и отсутствие дисциплины сводили на нет это превосходство.

Вечером я посетил генерала Драгомирова¹⁹⁵. Он откровенно признался мне, что весьма тяготился чуждым ему родом деятельности; по его словам, он согласился принять должность помощника генерала Алексеева по гражданской части лишь ввиду усиленных настояний последнего и не имея возможности приложить свои силы на близко знакомом ему чисто военном деле. Он предложил мне на следующий день явиться к генералу Алексееву и к генералу Деникину. Однако первый по нездоровью не мог меня принять.

Генерал Деникин принял меня в присутствии начальника своего штаба генерала Романовского. Среднего роста, плотный, несколько расположенный к полноте, с небольшой бородкой и длинными черными с значительной проседью усами, грубоватым низким голосом, генерал Деникин производил впечатление вдумчивого, твердого, яржистого, чисто русского человека. Он имел репутацию честного солдата, храброго, способного и обладавшего большой военной эрудицией начальника. Его имя стало особенно популярным со времени нашей смуты, когда сперва в должности начальника штаба верховного главнокомандующего, а затем главнокомандующего Юго-западного фронта он независимо, смело и твердо подымал голос свой на защиту чести и достоинства родной армии и русского офицерства.

До приезда моего в Добровольческую армию я почти не знал генерала Деникина. Во время Японской войны он недолго служил в корпусе генерала Ренненкампа¹⁹⁶ и я встречал его несколько раз; в минувшую войну я мельком видел его в Могилеве. Командующий армией напомнил мне о нашем знакомстве в Маньчжурии, сказал, что слышал обо мне не раз от генерала Корнилова:

«Ну, как же мы вас используем. Не знаю, что вам и предложить, войск ведь у нас не много...»

«Как вам известно, ваше превосходительство, я в 1917 году командовал кавалерийским корпусом, но еще в 1914 году я был эскадронным командиром и с той поры не настолько устарел, чтобы вновь не стать во главе эскадрона».

«Ну уж и эскадрона... Бригадиром согласны?»

«Слушаю, ваше превосходительство».

«Ну, так зайдите потом к Ивану Павловичу, — сказал генерал Деникин, указывая на начальника штаба, — он вам все расскажет».

Я оставил генералу Романовскому мой адрес, и он на другой день утром вызвал меня к себе. Он передал мне предложение командующего армией вступить во временное командование 1-й конной дивизией. Начальник этой дивизии генерал Эрдели получил специальную командировку в Грузию, и его отсутствие могло продолжиться значительное время. Между тем его заместитель, командир одной из бригад дивизии, генерал Афросимов¹⁹⁷ оказался не на должной высоте. Генерал Романовский дал мне понять, что генерал Эрдели по возвращении получил, вероятно, другое назначение и явится возможность окончательно оставить дивизию за мной.

Я задал генералу Романовскому несколько вопросов об общем нашем стратегическом положении, задачах, поставленных дивизии, ее составе и т. д. Со своей стороны генерал Романовский спросил меня о том, где находился я последнее время по оставлении рядов армии, интересовался положением в Крыму, Украине, Белоруссии. Мой собеседник произвел на меня впечатление прекрасно осведомленного и очень неглупого. Приятное впечатление несколько портилось свойственной генералу Романовскому привычкой избегать взгляда собеседника. При наших последующих частых встречах эта особенность всегда коробила меня. От генерала Романовского я прошел в отдел генерал-квартирмейстера, где познакомился с исполняющим эту должность полковником Сальниковым. Последний, совсем молодой офицер, держал себя с необыкновенной самоуверенностью и в то же время оказался не в состоянии ответить мне на ряд вопросов, имеющих прямое отношение к кругу его деятельности.

Известие о моем назначении вызвало большое удивление среди знакомых мне офицеров штаба. В ставке строго придерживались выдвигения на командные должности исключительно «первопоходников», наиболее продолжительное время служивших в Добровольческой армии. Исключение для меня было сделано, надо думать, ввиду отсутствия кавалерийских начальников.

На другой день, 29 августа, я выехал по Владикавказской железной дороге на присоединение к дивизии, оперировавшей в Майкопском отделе.

Высидевшись на станции Кавказская и переночевав в расположенном в станице обозе офицерского конного полка, входившего в состав дивизии полковника Дроздовского, я утром выехал в станицу Темиргоевскую, где находился штаб моей дивизии, обсыпанные плодами фруктовые сады. Громадные станицы с каменными, покрытыми черепицей зданиями, паровыми мельницами, широкими площадями с белыми златоглавыми храмами посреди — все говорило о богатстве

края. Наш возница, старый казак, всю дорогу рассказывал нам о том, как ограбили его станицу большевики, как расстреляли стариков и как рады теперь казаки освобождению. Не доезжая станицы Темиргоевской, в небольшом хуторе Зеленчуковском мы увидели группу казаков и лошадей. Оказалось, что это конвой командующего дивизией генерала Афросимова. Генерал Афросимов с командиром 1-й бригады полковником Науменко¹⁹⁸ и старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым¹⁹⁹ пили в хате чай. Моего приезда никто не ждал. Телеграмма о моем назначении и выезде запоздала. Отправив свои вещи с ординарцем в станицу Темиргоевскую, я остался на хуторе, решив вместе с генералом Афросимовым проехать на левый фланг дивизии, куда он направлялся. Дивизия вела наступление на станицу Петропавловскую, откуда накануне наши части были вытеснены красными. Наскоро напившись чаю, мы рысью проехали вперед. Вскоре мы заметили маячившую вдали лаву. Это оказались части Уманского казачьего полка. Красные, теснимые с фронта 1-й бригадой и обходные с фланга уманцами, отходили. Поздоровавшись с уманцами, я проехал далее по фронту и вскоре встретил 1-й Екатеринодарский казачий полк²⁰⁰. Полк этот входил в состав сводного корпуса, которым я командовал в Галиции. Среди офицеров и казаков оказалось несколько старых моих сослуживцев. К вечеру мы прибыли в станицу Темиргоевскую, и, наспех пообедав, я с начальником штаба дивизии, старым сослуживцем моим по гвардии, бывшим лейб-драгуном, полковником Баумгартеном²⁰¹ засел знакомиться с делами.

1-я конная дивизия состояла из Корниловского конного полка²⁰², укомплектованного казаками разных отделов; 1-го Уманского²⁰³ и 1-го Запорожского²⁰⁴ из казаков Ейского отдела; 1-го Екатеринодарского из казаков Екатеринодарского отдела; 1-го Линейного²⁰⁵ из казаков-лабинцев и 2-го Черкесского²⁰⁶, пополняемого черкесами заречных аулов Лабинского отдела. В дивизию входили 1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная батареи. Все три батареи имели почти исключительно офицерский состав. При дивизии имелся и пластунский батальон весьма слабого состава. Технические средства в дивизии почти отсутствовали. Ни телефонов, ни телеграфов не было, но имелась радиостанция. Снабжение огнестрельными припасами, как и во всей Добровольческой армии, производилось исключительно за счет противника. Во время господства большевиков большинство оружия и патронов в станицах было запрятано казаками, и при освобождении той или иной станицы казаки являлись в части, в большинстве случаев, вооруженными и с некоторым запасом патронов. Изредка штаб армии присылал добытые с Дона снаряды и

патроны. При дивизии имелась небольшая санитарная летучка с доктором и несколькими сестрами, однако почти без всяких средств. Лекарств почти не было, перевязочный материал отсутствовал, бинты заготавливались из подручного материала. Бесперывные походы и бои, постоянно менявшийся состав частей, с [мобилизацией] новых людей из освобожденных станиц; сборный, часто чисто случайный, состав офицеров, делали почти невозможным правильное обучение и планомерную подготовку войск. Казаки каждый в отдельности дрались хорошо, но общее обучение и руководство хромали.

По мере очищения области от красных в станицах собирались станичные сборы и устанавливалось станичное правление. Последнее брало на себя раскладку и доставку продовольствия и перевозочных средств. Оно же производило суд и расправу. По указанию станичного правления комендантской командой дивизии арестовывались причастные к большевизму станичники и приводились в исполнение смертные приговоры. Конечно, тут не обходилось без несправедливостей. Общая озлобленность, старая вражда между казаками и иногородними, личная месть несомненно сплошь и рядом играли роль, однако со всем этим приходилось мириться. Необходимость по мере продвижения вперед прочно обеспечить тыл от враждебных элементов, предотвратить самосуды и облечь, при отсутствии правильного судебного аппарата, кару хотя бы подобием внешней законной формы заставляли мириться с этим порядком вещей.

По данным штаба дивизии, силы находившегося против нас противника исчислялись в 12—15 тысяч человек, главным образом пехоты, при 20—30 орудиях. Конницы было лишь несколько сотен. Противник был богато снабжен огнеприпасами и техническими средствами. При красных войсках имелось несколько бронемашин, достаточные средства связи... Дрались красные упорно, но общее управление было из рук вон плохо.

Общая обстановка к тому времени слагалась следующим образом: правее нас, в Майкопском отделе, действовала 1-я Кубанская дивизия генерала Покровского из второочередных, одноименных с моими, полков. Связь с нею мы поддерживали лишь дальними разъездами. Левее нас, вдоль линии железной дороги Кавказская—Армавир, действовала 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, имея на правом фланге офицерский конный полк, разъезды которого связывались с нами. 1-я конная дивизия располагалась Черкесским и Линейным полками на левом берегу реки Лабы, прочими четырьмя полками — на правом. Дивизии ставилась задача разбить находящегося против нее противника и отбросить его за реку Уруп.

Поздно ночью было получено донесение о занятии станицы Петропавловской нашими частями. Противник отошел на 10 верст южнее к станице Михайловской, перед которой и окопался. Наутро я проехал в станицу Петропавловскую, при въезде в которую был встречен крестным ходом. Станичный сбор поднес мне хлеб-соль и вынес постановление о выборе меня почетным стариком станицы. Через несколько дней станичный сбор подвел мне коня, отличных форм кабардинца, посаженного казачьим седлом.

Занятая красными позиция с левого фланга прикрывалась многовидным руслом реки Лабы, на левом берегу которой противником удерживался небольшой плацдарм, обеспечивающий мостовую переправу близ аула Кош-Хабл. К северу от станицы Михайловской позиция проходила по ряду холмов, прикрытая частью с фронта заросшим камышом и болотистой балкой «Глубокой», вдоль которой она тянулась на восток верст на 10—12 параллельно Армавир-Туапсинской железной дороге. Отсутствие удобных подступов при подавляющей численности и огневом превосходстве противника, в связи с почти полным отсутствием у нас патронов, дали возможность красным остановить наше продвижение. Ограничиваясь пассивной обороной, красные удерживали нас, неизменно останавливая все попытки наши продвинуться вперед. Для дивизии наступили тяжелые дни. В течение трех недель мы непрерывно вели бой, нащупывая уязвимый участок неприятельского фронта. Отчаявшись овладеть Михайловской фронтальной атакой, я дважды, сосредоточив главную массу сил на своем левом фланге, пытался нанести противнику удар, охватывая его с востока. Мне удалось сбивши красных, бросить бригаду в тыл станице Михайловской и достигнуть Армавир-Туапсинской железной дороги у станции Андрей-Дмитриевка. Однако присутствие моей конницы в ближайшем тылу все же не побудило противника к отходу и красные лишь загнали свой фланг, а затем с помощью бронепоезда и двух броневиков, подтянув силы, перешли в наступление, заставив казаков вернуться в исходное положение.

Из ставки я ежедневно получал телеграммы, требующие от меня «решительных действий», настаивающие на наступлении «минуя все препятствия». В то же время, несмотря на все просьбы мои о высылке огнеприпасов, ставка таковых прислать не могла. Отчаявшись овладеть позицией противника правильным наступлением, я, учитывая слабые боевые качества врага, решил сделать попытку прорвать фронт красных внезапным конным ударом. Лично произведя рекогносцировку, я с наступлением темноты провел два полка вброд через протекавший перед фронтом врага болотистый ручей, противником почти

не наблюдаемый, и на рассвете бросил их в конную атаку. Полки пронеслись сквозь линию врага и дошли до самой станицы, но здесь с окраины были встречены убийственным пулеметным огнем и, понеся тяжкие потери, должны были вернуться назад. Убитые и раненые были все до одного вывезены.

Правее нас дивизия генерала Покровского, овладев Майкопом, удачно продвигалась к реке Лабе. Левее части полковника Дроздовского вели упорные бои, продвигаясь к Армавиру.

Все это время я старался возможно ближе стать к своим частям, ежедневно объезжая позиции, беседуя с офицерами и казаками.

Ближайший мой помощник, начальник штаба, полковник Баумгартен, способный и дельный офицер Генерального штаба, неустанно помогал мне в моей работе. Из двух командиров бригад я имел прекрасного помощника в лице командира 1-й бригады генерального штаба полковника Науменко, храброго и способного офицера. Зато другой командир бригады престарелый генерал Афросимов оказался совершенно неспособным. Я вынужден был вскоре отрешить его от должности. В командование бригадой вступил только что вернувшийся после ранения командир Запорожского полка, доблестный полковник Топорков²⁰⁷.

Начальником артиллерии был генерал Беляев²⁰⁸, прекрасной души человек, храбрый и добросовестный офицер. Командиры полков были большей частью молодые офицеры. Несмотря на большую доблесть, сказывалась их неопытность, отчего значительно страдала общая работа частей. Я каждый раз после дела собирал офицеров, разбирал операции, указывал на те или иные ошибки. Принял целый ряд мер по улучшению связи, лично проверял службу летучей почты. С превеликим трудом раздобыл в штабе армии несколько телефонных аппаратов и, захватив при одной из рекогносцировок запас телефонной проволоки, соединил штаб дивизии с начальниками боевых участков. Удалось получить в штабе армии и один автомобиль, что давало мне возможность почти ежедневно объезжать все полки. Жена моя доставала в Екатеринодаре запас медикаментов и перевязочных средств, привезла их в дивизию и наладила работу летучки.

17 сентября, выехав на позицию, я встретил казака с донесением. Наши левофланговые разъезды доносили о движении нам в тыл колонны пехоты. По направлению это не мог быть противник, о приходе же на мой участок каких-либо новых наших частей мне ничего известно не было. Я решил проехать лично, чтобы убедиться в обстановке. Вскоре я встретил разъезд 2-го конного полка, от которого узнал, что это подходит дивизия полковника Дроздовско-

го. Проехав еще, я встретил расположившийся на привале авангард дивизии, при нем находился и сам полковник Дроздовский со своим начальником штаба полковником Чайковским²⁰⁹, которого я знал еще по Германской войне, в начале которой он исполнял должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Оказалось, что полковник Дроздовский получил из ставки приказание, оставив заслон в районе Армавира, атаковать Михайловскую группу красных с тыла. Двинувшись ночным маршем, колонна сбилась с пути и вышла в тыл моим левофланговым частям. О задаче, поставленной моему соседнему отряду, я предупрежден не был, и прибытие частей дивизии полковника Дроздовского было для меня полной неожиданностью.

Обсудив положение, мы наметили с полковником Дроздовским общий план действий: 3-я пехотная дивизия должна была сменить мои полки на правом берегу Лабы и на рассвете 18 сентября атаковать противника с фронта. Одновременно я с дивизией и офицерским конным полком должен был выйти в тыл противника в районе станицы Курганной и перехватить пути отхода между реками Чамлык и Лаба. Сосредоточив свои части, я до наступления рассвета двинулся в охват правого фланга позиции противника и, едва стало светать, подошел своими передовыми частями к линии Армавир-Туапсинской железной дороги, выйдя на главный путь отхода противника, дорогу Михайловская—Константиновская. Я шел с авангардом. Дозоры подходили к переезду, когда в предрассветной мгле блеснул огонь прожектора — подходил бронепоезд противника. Доблестный командир батареи, полковник Романовский, снявшись с передков, открыл по бронепоезду беглый огонь. Орудия открыли огонь на расстоянии ружейного выстрела, однако, несмотря на удачные попадания (на месте нахождения бронепоезда остались целый ряд вагонных обломков и большие куски стальной брони), бронепоезд, дав задний ход, быстро скрылся. Мы перешли полотно железной дороги, взорвав путь в нескольких местах. Со стороны Михайловской слышалась сильная орудийная и ружейная стрельба — то [наступали?] части полковника Дроздовского. Один из наших боковых отрядов захватил большевистский обоз до тридцати повозок, груженных овсом и хлебом. Со стороны Михайловской обнаружилось наступление цепей противника; одновременно со стороны станицы Курганной в охвате нашего левого фланга показалось около полка конницы. Вскоре бой шел на всем фронте дивизии. Мы остановили наступление противника, но продвинуться вперед нам не удалось. Я сообщил начальнику 3-й дивизии о том, что мне удалось выполнить поставленную мной

дивизии задачу, и с нетерпением ждал от него донесения. Около полудня огонь на фронте 3-й дивизии стал как будто стихать. Со стороны Михайловской показались новые густые цепи красных. Я находился на наблюдательном пункте, откуда прекрасно было видно наступление противника. Наши части медленно отходили. Я приказал артиллерии усилить огонь. Лежавший рядом со мной полковник Романовский взял трубку телефона, чтобы передать приказание, и вдруг ткнулся ничком, громко хрипя, ружейная пуля пробила ему голову. Он прожил еще три дня и скончался в Екатеринодаре, куда был отвезен. Это был на редкость доблестный и талантливый офицер.

Около часу дня цепи красных показались и со стороны Курганной, охватывая наш фланг; одновременно конница противника стала на рысях обходить нас, угрожая перехватить мостовую переправу через реку Чамлык. В резерве у меня были четыре сотни Корниловского полка. Я приказал им атаковать конницу красных. Сотни развернули лаву, двинулись вперед, но, попав под фланговый пулеметный огонь, смешались и стали отходить. Конница противника продолжала продвигаться. Положение становилось критическим. С захватом моста, имея в тылу болотистый, труднопроходимый Чамлык, мы могли оказаться в тяжелом положении; нашей артиллерии грозила гибель. Я послал приказание частям медленно отходить к переправе и артиллерии сниматься. Лава корниловцев быстро отходила. В сотнях заметно было замешательство. Я решил личным примером попытаться увлечь части за собой и, вскочив на лошадь, поскакал к отходящим корниловцам. Часть казаков повернула, другие приостановились. Стала отходить лава противника. Увлекая казаков криками, я бросился за противником, однако, обернувшись, увидел, что за мной следует лишь небольшая часть казаков, остальная лава крутилась на месте. Ружейный огонь был чрезвычайно силен. Пули свистали, щелкали о землю, вздымая пыль. Редко мне за мою продолжительную боевую службу пришлось бывать под таким огнем. Упал раненный мой значковый казак, у моего офицера-ординарца была убита лошадь. Батарей наша снялась, и было видно, как она отходит рысью к переправе. Немногие скакавшие еще за мной казаки стали постепенно отставать. Пришлось повернуть и мне. Выругав казаков, я приказал им спешиться и занять небольшой хуторок у переправы. Батарей благополучно перешла мост, полки медленно отходили к переправе, частью переправлялись выше по реке вброд. Наконец пришло донесение от полковника Дроздовского; он сообщал, что атаки его дивизии успехом не увенчались. Части понесли жестокие потери, и он вынужден от дальнейшего наступления отказаться.

На душе у меня было мерзко. Операция, которая, казалось, неминуемо сулила успех, не удалась. Противник, отбив наши атаки, несомненно морально еще усилился. Недоволен был я и неудачной своей атакой. Части за мной не пошли. Значит, они не были еще в руках, отсутствовала еще та необходимая духовная спайка между начальником и подчиненными, без которой не может быть успеха... С наступлением темноты я отвел свои части, сосредоточив их за левым флангом 3-й пехотной дивизии.

3-я дивизия понесла тяжелые потери. Полковник Дроздовский не считал возможным в ближайшие дни возобновить атаки, между тем противник в районе Армавира перешел в наступление и оставшиеся на этом направлении части полковника Дроздовского оказались в тяжелом положении. Через два дня, по приказанию ставки, 3-я пехотная дивизия вновь двинулась на Армавир, а мои полки заняли прежние свои участки. Несмотря на всю выгодность своего положения, противник не сумел использовать своего успеха и оставался пассивным.

Через несколько дней приехал в Петропавловскую командуящий армией со своим начальником штаба, в сопровождении нескольких человек конвоя. Генерал Деникин прибыл на автомобиле. Он завтракал в штабе дивизии, говорил со станичным сбором и смотрел находящийся в резерве Корниловский полк. Генерал Деникин был весьма недоволен действиями полковника Дроздовского в Михайловской операции. Он подробно расспрашивал меня об обстановке на моем участке. Части генерала Покровского, подойдя к Лабе, создавали серьезную угрозу Михайловской группе красных, и генерал Деникин полагал, что в ближайшие дни можно ожидать отхода противника на этом направлении. Эти соображения разделял и я.

За несколько дней до приезда командующего армией было получено сведение о кончине в Екатеринодаре заболевшего тифом полковника Баумгартена. В дивизии его искренно жалели. Я просил генерала Деникина о назначении начальником штаба, недавно прибывшего в Екатеринодар и писавшего мне оттуда, генерала Дрейера²¹⁰, бывшего начальника штаба сводного конного корпуса. Просьбу мою поддерживал и генерал Романовский; однако генерал Деникин решительно отказал. Он имел сведения о весьма будто бы неблагоприятной деятельности генерала Дрейера в Москве, где якобы Дрейер выдал немцам или большевикам какие-то офицерские организации. Я знал генерала Дрейера за выдающейся храбрости и талантливости офицера генерального штаба. На предательство его я не считал способным. Впоследствии Дрейер потребовал над собой суда. Последний состоялся, и

Дрейер был оправдан, однако в зачислении его на службу в Добровольческую армию генерал Деникин все же отказал.

25 сентября скончался основатель и верховный руководитель Добровольческой армии генерал Алексеев. С ним закончилась яркая страница героической борьбы русских патриотов. Его имя останется в нашей истории наравне с именами лучших русских людей.

Со смертью генерала Алексеева должность верховного руководителя упразднилась, а генерал Деникин принял звание главнокомандующего Добровольческой армией, помощником его по гражданской части оставался генерал Драгомиров, помощником по военной части был назначен генерал Лукомский²¹¹.

В последних числах сентября противник на нашем фронте стал проявлять заметную нервность. Части генерала Покровского достигли реки Лабы, местами переправившись на правый берег в районе станицы Владимирской и Зассовской, угрожая флангу и тылу находящегося против меня врага. По показанию наших лазутчиков, в станицу Михайловскую прибыл «красный главоверх» Сорокин, бывший фельдшер, уроженец станицы Петропавловской. В его присутствии состоялся ряд митингов, где говорилось о необходимости отхода; в тыл потянулись неприятельские обозы. Я приказал войскам быть особенно бдительными и, дабы не дать противнику возможности оторваться, непрерывно тревожить его набегами и частичными наступлениями. За истекший месяц в постоянных стычках и многих более крупных делах дивизия понесла большие потери. Много выбыло больными. Особенно значительное число заболеваний было в частях, расположенных вдоль болотистой балки «Глубокой». Вероятно, вследствие дурного качества воды, наблюдалось много больных желудочными заболеваниями и малярией; появилось значительное число чесоточных. О напряженности боевой работы частей дивизии за указанный период свидетельствуют цифры потерь: дивизия за август и сентябрь потеряла 260 офицеров и 2460 казаков, почти 100 процентов своей численности. Эти потери непрерывно пополнялись прибывающими укомплектованиями из недавно освобожденных Лабинского, Кавказского и Майкопского отделов.

В двадцатых числах сентября прибыла ко мне группа офицеров-кавалеристов, большей частью бывших офицеров Ингерманландского гусарского полка²¹².

Из офицеров-кавалеристов я сформировал при дивизии ординарческий взвод. Впоследствии мне удалось его развернуть и он послужил ядром к восстановлению Ингерманландского гусарского полка.

В ночь на 1 октября я получил донесение от командира Линейного полка полковника Мурзаева, что противником взорван железнодо-

рожный мост в тылу Кош-Хабльского плацдарма и что неприятель оттягивает свои части на правый берег Лабы. Я немедленно сообщил об этом на сторожевые участки, приказал войскам при первых признаках отхода противника переходить в решительное преследование. На рассвете отход обнаружился на всем фронте, и я отдал приказ о переходе в общее наступление.

С этого дня война перенеслась в поле, где на первый план выдвигается не численность, а искусство маневра. С этого дня начинается победоносное движение наше, закончившееся полным поражением противника и очищением всего Северного Кавказа.

Дивизия наступала двумя колоннами. Правая колонна, Корниловский и Екатеринодарский полки, под общим начальством командира Екатеринодарского полка полковника Муравьева²¹³, командовавшего бригадой, ввиду отсутствия уехавшего в отпуск полковника Науменко, двинулась через станции Курганная, Родниковская, Чамлыкская и далее на станицу Бесскорбную; левая: Уманский и Запорожский полки, под командой полковника Топоркова, через станцию Андрей-Дмитриевская, хутора Синюхинские, на станицу Урупскую, Линейному и Черкесскому полкам, под общим командованием командира первого, полковника Мурзаева²¹⁴, было приказано, переправившись в район аула Кош-Хабль, следовать в станицу Константиновскую, составив мой резерв. Сделав все необходимые распоряжения, я на автомобиле в девять часов утра выехал в станицу Михайловскую. На площади меня ждали уже старики с хлебом-солью. Огромная толпа запрудила площадь. Когда я говорил с казаками, многие плакали. Большевики, уходя, забрали с собой из станицы заложников. Были увезены наиболее богатые хозяева, семья инспектора местного училища, один священник. Несколько стариков перед отходом красных были расстреляны.

1-е октября было днем местного храмового праздника. Я присутствовал на службе, которая была особенно трогательна. Молились на редкость искренно и горячо. По окончании богослужения я вышел на площадь, куда к этому времени стали стягиваться линейцы и черкесы. На левом фланге бригады построился под зеленым знаменем отряд стариков черкесов забелинских аулов. Командовал отрядом старик черкес, богатый коннозаводчик Шавгенов. Заречные аулы жестоко пострадали от большевиков, некоторые аулы были выжжены дотла, много черкесов расстреляно и замучено. В одном из аулов несколько десятков черкесов были живьем закопаны в землю. Старики черкесы обратились ко мне с просьбой вести далее на бой их сынов, их же просили отпустить в родные аулы. При этом они свидетельствовали,

что по первому зову готовы все до одного стать рядом со своими сынами. Я отпустил их, благодаря за службу, и выдал им несколько десятков захваченных нами пленных, с тем чтобы их судил аульский суд. Едва я отошел, направляясь с бригадой в станицу Константиновскую, как черкесы, набросившись на пленных, тут же на глазах обывателей всех перерезали.

В станице Курганной я застал грабивших лавки и отбиравших у иногороднего населения лошадей казаков дивизии генерала Покровского. К моему негодованию, во главе грабителей оказалось несколько офицеров. Я приказал их привести к себе и предупредил, что ежели через час они окажутся еще в расположении моей дивизии, то я предам их тут же военно-полевому суду и расстреляю как мародеров. Через полчаса ни одного казака в станице уже не оказалось. Я телеграфировал генералу Покровскому о действии его людей.

К сожалению, как мне пришлось впоследствии убедиться, генерал Покровский не только не препятствовал, но отчасти сам поощрял дурные инстинкты своих подчиненных. Среди его частей выработался взгляд на настоящую борьбу не как на освободительную, а как на средство наживы. Конечно, трудно, почти невозможно, было искоренить в казаках, дочиста ограбленных и разоренных красными, желание отобрать награбленное добро и вернуть все потерянное. Почти все солдаты красной армии имели при себе значительные суммы денег, в обзолах красных войск можно было найти все, начиная от мыла, табака, спичек и кончая собольими шубами, хрустальной посудой, пианино и граммофонами. В этот первый период Гражданской войны, где одна сторона дралась за свое существование, а в рядах другой было исключительно все то мутное, что всплыло на поверхность в период разложения старой армии, где страсти с обеих сторон еще не успели утихнуть и озлобление достигало крайних пределов, о соблюдении законов войны думать не приходилось. Красные безжалостно расстреливали наших пленных, добывали раненых, брали заложников, насиловали, грабили и жгли станицы. Наши части со своей стороны, имея неприятеля и впереди и сзади, будучи ежедневно свидетелями безжалостной жестокости врага, не давали противнику пощады. Пленных не брали. Живя исключительно местными средствами, имея недостаток во всем и не получая казенных отпусков, части невольны смотрели на военную добычу как на собственное добро. Бороться с этим, повторяю, в первый период было почти невозможно. Я старался лишь не допустить произвола и возможно правильнее распределить между частями военную добычу. Впоследствии я добился, что захваченные у пленных деньги и все попавшее в руки войсковой части

имущество распределялось бы между казаками особыми комиссиями из представителей стен, а все имевшее исключительно боевое значение передавалось бы в дивизионное интендантство. Позднее, когда с помощью союзников организовано было общее снабжение наших армий, я добился сдачи войсковыми частями всей без исключения военной добычи. С самых первых дней нашей борьбы, не исключая тот период, когда мы жили только за счет военной добычи, я безжалостно наказывал всякий грабеж населения. В первые же дни прибытия моего в дивизию я повесил нескольких мародеров.

К сожалению, генерал Покровский, полковник Шкуро, да и многие другие из старших войсковых начальников не пожелали или не сумели положить необходимый предел в первое время неизбежному злу, не провели резко и непреклонно грань дозволенного и недозволенного и в истории нашей борьбы это зло стало чревато последствиями.

Красные, имея пехоту на повозках, отходили чрезвычайно быстро. К вечеру наши части достигли линии станица Чамлыкская — хутора Синюхинские, пройдя за день 40—45 верст. Колонна полковника Топоркова нагнала в районе Синюхинских хуторов арьергард противника, нанесла ему поражение и захватила более ста пленных, пулеметы и большой обоз.

В сумерках прибыл я в станицу Константиновскую, мне была отведена квартира в доме богатого домовладельца из иногородних. Последний, глубокий старик, встретив меня у порога сеней, упал мне в ноги, обливаясь слезами. Богатый человек, пользовавшийся среди всего населения станицы, как иногороднего, так и казачьего, всеобщим уважением, старик особенно пострадал от большевиков. Из пяти сыновей его двое при самом приходе красных бежали из станицы, и об участи их отец ничего не знал, двое были расстреляны на глазах отца, старший в течение 4¹/₂ месяца вместе с четырнадцатью казаками скрывался в самой станице. Эти несчастные были укрыты родственниками в подполье, куда ночью домочадцы доставляли им пищу, с величайшей опасностью выпуская их в горницы или во двор. Я видел этих людей — от четырехмесячного пребывания в спертom сыром подполье без света их лица приобрели какой-то землистый оттенок и все они производили впечатление только что перенесших тяжкую болезнь. Старик, неоднократно арестованный, избег участи быть увезенным с другими заложниками лишь тем, что последние три дня просидел на току, зарытый в солому. На другой день старик разыскал одного из скрывшихся с приходом красных сыновей, оказавшегося в моей комендантской сотне. Другой сын его был также в одном из моих полков. Радость старика была безгранична.

С рассветом преследование возобновилось. Противник, спеша к переправам быстро отходил перед нашими частями. Главная масса красных отступала к главной переправе у станицы Урупской, другая колонна направлялась к переправе у станицы Бесскорбной. Приказав бригаде полковника Мурзаева следовать через хутора Синюхинские за левой колонной дивизии, я остался в станице Константиновской, дабы говорить со станичным сбором и отправить необходимые телеграммы. Закончив дела, я часов около десяти выехал на автомобиле на хутора Синюхинские. Я застал там линейцев и черкесов, расположившихся на привале. Лошади были заведены во дворы, люди пили чай. Мне передали донесение полковника Топоркова, он в шести верстах вел бой с прикрывающим переправу арьергардом противника. Я решил проехать к нему.

Полковник Топорков со штабом находился на артиллерийском наблюдательном пункте, небольшом кургане, тут же за курганом стояли два горных орудия, шагах в двухстах за скирдами соломы расположились в прикрытии батареи две сотни запорожцев, впереди маячила лава. Цепь противника залегла вдоль оврага, тянувшегося в полутора тысячах шагах перед фронтом. Пули посвистывали, долетая до наших батарей. Я оставил автомобиль близ прикрытия и пешком со старшим адъютантом штаба дивизии капитаном Роговым и ординарцем прошел к батарее. Расспросив полковника Топоркова об обстановке, я взял бинокль и только стал рассматривать позицию красных, как услышал крик: «Конница». Лава запорожцев, повернув, скакала на батарею, за ней из оврага поднималась густая лава красной конницы. Командир батареи подал команду «беглый огонь». Однако запорожцы продолжали скакать, преследуемые конницей противника; было ясно, что на плечах казаков красные ворвутся на батарею. Раздалась команда «на задки», но было поздно. Отдельные всадники уже пронеслись мимо нас. Поддавшись общему бегству, стоявшие в прикрытии две сотни запорожцев поскакали в тыл. Я, полковник Топорков и другие офицеры пытались остановить скачущих казаков, но тщетно. Все неслось неудержимо. Отдельные неприятельские всадники стали подсакивать к орудиям, одно орудие опрокинулось. Я видел, как артиллерийский офицер выстрелил в одного из набросившихся на орудие всадников и как другой наотмашь ударил его шашкой. Окруженный несколькими красными кавалеристами, рубился полковник Топорков.

Я бросился к своему автомобилю, но к ужасу увидел, что машина, работая на холостом ходу, стоит, врезавшись передними колесами в пахоть. Далеко впереди мелькали бросившие машину шофер

и его помощник. Я побежал к кукурузному полю, правей и левей меня скакали врассыпную казаки и бежали артиллеристы. Вокруг второго орудия шла свалка, раздавались выстрелы, сверкали шашки. Ко мне подскочил артиллерийский офицер: «Ваше превосходительство, возьмите мою лошадь». Я отказался, офицер настаивал, продолжая ехать рядом со мной. «Лошади вашей я все равно не возьму, скачите в хутора, ведите сюда линейцев и черкесов, а также мой конвой и моих лошадей...» Офицер поскакал. Я продолжал бежать. Оглянувшись, я увидел трех всадников, скакавших ко мне. На ходу они нагнали какого-то бегущего солдата, раздался выстрел, и лошадь одного из всадников упала, остальные набросились на солдата, я схватился за револьвер, но к своему ужасу увидел, что кобура пуста: накануне я подарил мой револьвер начальнику черкесского отряда в обмен на поднесенный мне им кинжал и совсем забыл об этом. Шашки на мне не было, я был совсем безоружным. В эту минуту правее меня показалась мчавшаяся во весь опор лазаретная линейка. В ней сидели две сестры милосердия и лежал раненый офицер-артиллерист полковник Фок²¹⁵. Напрягши все силы, я пустился бежать за линейкой, догнал ее на ходу и вскочил. Красные всадники стали отставать. Отчаяние и злоба душили меня, гибель батареи, бегство запорожцев, бессилие мое остановить казаков, сознание, что мне доселе не удалось взять мои части в руки, поднимали в душе моей бурю негодования и горечи. Я всячески гнал лазаретную линейку и трепетно вглядывался вперед — помощь не подходила. Наконец мы нагнали солдата верхом на артиллерийском уносе. Взяв у него одного из коней, я верхом на неоседланной лошади, бросив линейку, поскакал и вскоре встретил идущих на рысях линейцев. За ними шли черкесы. Развернув бригаду, я повел ее вперед, противник сразу стал быстро отходить за свою пехоту. Он успел увести оба орудия и мой автомобиль, забрав с собой своих раненых и догола раздет оставшиеся на месте боя трупы наших офицеров и солдат. Мы потеряли семь артиллерийских офицеров и несколько солдат-артиллеристов, зарубленных на самой батарее.

К вечеру наши части достигли реки Урупа, но обе переправы у станиц Урупской и Бесскорбной все еще были в руках противника. Последний вел за них упорный бой. В течение последующих дней обе станицы несколько раз переходили из рук в руки. Наконец 7 октября под ударами полковника Муравьева пала станица Бесскорбная, а в ночь на следующий день полковник Топорков выбил противника из станицы Урупской и занял последнюю. Дивизия заняла двумя полками ст. Урупскую и четыремя — ст. Бесскорбную. Красные отошли

на правый берег реки Уруп, где и закрепились на командующих высотах.

Правее нас, в районе станиц Попутной, Отрадной, действовали части генерала Покровского, на правом фланге которого в Батаалпашинском отделе дрались казаки полковника Шкуро. Левее, между реками Урупом и Кубанью, наступала от Армавира выдвинутая в этом направлении 1-я пехотная дивизия генерала Казановича (сменившая 3-ю пехотную дивизию, переброшенную к Ставрополю. — П. В.); продвигаясь вдоль линии Владикавказской железной дороги, она вела упорные бои. Туда прибыл генерал Деникин. Мне ставилась задача форсировать реку Уруп, ударить во фланг и тыл действующих против генерала Казановича частей и отбросить их за реку Кубань.

Тщетно в течение почти двух недель пытались части дивизии форсировать реку Уруп. Противник, прикрывшись рекой, крепко засел на высоком скалистом гребне. Местность чрезвычайно затрудняла действие в конном строю, в патронах же ощущался огромный недостаток. Между тем генерал Казанович, выдвинувшийся было до станции Овечки, вынужден был затем с тяжелыми потерями отойти почти к самому Армавиру; с величайшим трудом он удержался лишь в самом углу между Кубанью и Урупом. Противник овладел станцией Коноково в пятнадцати верстах к югу от Армавира. Приказом генерала Деникина моя дивизия была подчинена генералу Казановичу, и последний требовал моей помощи, настаивая, между прочим, чтобы я держался вплотную к его правому флангу, не соглашаясь с моими доводами, что, занимая уступное положение, я маневром могу несравненно лучше обеспечить его.

На рассвете 19 октября обнаружилось наступление противника в разрез между моими частями и дивизией генерала Казановича. К вечеру того же дня противник переправился в районе моей дивизии на левый берег Урупа между станицей и аулом Урупскими и продвинулся на $1\frac{1}{2}$ —2 версты к западу от реки. Оставив у станицы Бесскорбной слабый заслон (линейцев и черкесов), я в ночь на 20 октября, объединив их под начальством только что вернувшегося из отпуска полковника Науменко, сам перешел в наступление.

В течение всего дня 20 октября велся упорный бой с тяжелыми потерями с обеих сторон. Противник был остановлен, и, несмотря на все усилия, ему не удалось расширить занятого плацдарма. В ночь на 21 октября обнаружился отход красных на правый берег Урупа. Используя сложившуюся обстановку, я решил широким маневром нанести противнику удар в тыл. Оставив на фронте хутор Абрахманова — аул Урупский запорожцев и уманцев с одной батареей, я

ночным переходом перебросил два полка к станице Бесскорбной. На рассвете ударная группа в составе четырех полков с двумя батареями под общей командой полковника Науменко в районе села Ливонского форсировала Уруп и, стремительно захватив командующий гребень на правом берегу реки, неожиданно вышла в тыл противнику. Около 12 часов дня я получил донесение об удачной переправе частей полковника Науменко. Приказав уманцам и запорожцам стягиваться к урупской переправе, я сам выехал на наблюдательный пункт. Дул пронзительный северный ветер. Я, кутаясь в бурку, наблюдал за противоположным берегом реки, где ясно были видны неприятельские цепи. Солнце стало клониться к западу, ветер крепчал, а признаков продвижения полковника Науменко все еще видно не было.

Но вот по занятому противником гребню замелькали черные точки. Они покрыли вскоре весь гребень, и издали казалось, как будто движется муравейник. Видно было, как цепи противника быстро отходят за гребень. Я приказал батарее открыть беглый огонь и бросил полки в атаку. Быстро переправившись вброд, сотни развернулись, и вскоре лава казаков стала карабкаться на скалистый гребень. Где-то к востоку в тылу у противника слышался орудийный огонь — то вели наступление части полковника Науменко. Атакованный с фронта, фланга и тыла противник обратился в паническое бегство. Несмотря на сильное утомление людей и лошадей, преследование велось безостановочно всю ночь. К рассвету 22 октября части дивизии захватили село Моломино и станицу Успенскую, переправившись в этом пункте на правый берег Кубани. Армавирская группа красных, бывшая под начальством товарища «Демоса», была разбита наголову. Мы взяли более 3 тысяч пленных, огромное число пулеметов (одна лишь 1-я сотня Корниловского полка захватила 23). В результате боя на Урупе противник очистил весь левый берег Кубани и 1 октября [дивизия] без боя выдвинулась до станции Овечки.

Переночевав в станице Урупской, я на рассвете верхом, в сопровождении прибывшего накануне, назначенного в мое распоряжение и вступившего в исполнение должности начальника штаба генерального штаба полковника Соколовского и нескольких ординарцев выехал к станице Успенской. Навстречу нам попадались длинные вереницы пленных, лазаретные линейки с ранеными, тянулся под конвоем казаков захваченный неприятельский обоз. Мы подошли к станице Успенской, когда на улицах станицы еще шел бой. Отдельные кучки противника, засев в домах, оказывали еще сопротивление. Полки собирались и строились на окраине. Едва казаки увидели мой значок,

как громкое «ура» загредело в рядах. Чувство победы, упоение успехом мгновенно родило доверие к начальнику, создало ту духовную связь, которая составляет мощь армии. С этого дня я овладел моими частями, и отныне дивизия не знала поражений.

Разбитый противник, переправившись через Кубань, бежал частью вдоль линии железной дороги прямо на Ставрополь, частью двинулся через станицу Убеженскую вниз по течению Кубани на Армавир, выходя, таким образом, в тыл частям 1-й пехотной дивизии. Город Армавир прикрывался лишь слабыми силами. По требованию генерала Казановича я выделил бригаду полковника Топоркова для преследования угрожавшей Армавиру неприятельской колонны. Бригада полковника Мурзаева продолжала действовать на левом фланге 1-й пехотной дивизии, наступавшей вдоль линии Владикавказской железной дороги по направлению на станицу Невинномысскую. Накануне части захватили значительное число пленных и большую военную добычу. Необходимо было все это разобрать и привести в известность. Генерал Деникин телеграфировал мне, благодаря дивизию за славное дело, и выражал пожелание, чтобы «этот успех был началом общего разгрома противника». Вместе с тем мне приказывалось оставить необходимое мне для снабжения моих частей оружие из военной добычи, остальное оружие направить на Армавир для вооружения формируемых там частей, туда же приказывалось мне направить пленных.

При дивизии моей имелись кадры пластунского батальона, сформированного когда-то из безлошадных казаков и добровольцев. Батальон этот в июле сильно пострадал, и ко времени принятия мною дивизии его численность составляла несколько десятков человек. Еще во время приезда генерала Деникина в станицу Петропавловскую я ходатайствовал о введении в штат дивизии стрелкового полка, который я намечал, сформировав кадры пластунского батальона, где большинство людей было также не казаки. Вскоре после этого прибыли ко мне командированные ставкой в мое распоряжение несколько офицеров из пехотных частей, в том числе два штаб-офицера, бывших кавказских стрелка, полковники Чичинадзе²¹⁶ и князь Черкесов²¹⁷, и несколько молодых офицеров. Все они были зачислены мною в пластунский батальон. Батальон этот вместе с некоторыми тыловыми учреждениями дивизии находился в станице Урупской.

Переговоривши с полковниками Чичинадзе и князем Черкесовым, я решил сделать опыт укомплектования пластунов захваченными нами пленными. Выделив из их среды весь начальствующий элемент, вплоть до отдельных командиров, в числе 370 человек, я приказал их тут же

расстрелять. Затем, объявив остальным, что и они достойны были бы этой участи, но что ответственность я возлагаю на тех, кто вел их против своей родины, я сказал, что хочу дать им возможность загладить свой грех и доказать, что они верные сыны отечества. Тут же раздав им оружие, я поставил их в ряды пластунского батальона, переименовал последний в 1-й стрелковый полк, командиром которого назначил полковника Чичинадзе, а помощником его полковника князя Черкесова. Одновременно я послал телеграмму Главнокомандующему, донося о сформировании полка и ходатайствуя о введении его, согласно данному мне обещанию, в штат. Уже через две недели стрелковый полк участвовал с дивизией в боях. Впоследствии он прошел с дивизией весь Кавказ, участвовал в Царицынской операции и оставался в рядах Кавказской армии все время ее существования. За это время полк непрерывно участвовал в боях, несколько раз переменял свой состав и приобрел себе в рядах армии громкую славу.

Колонна противника, преследуемая по пятам полковником Топорковым, продолжая частью сил двигаться правым берегом реки Кубани, другой большей своей частью бросилась от станицы Убеженской на север, была достигнута полковником Топорковым в районе хутора Горькореченского и здесь разбита наголову. Остатки ее рассеялись. Окончательно истомленные продолжительными боями, полки полковника Топоркова остановились в ночь с 25-го на 26-е на хуторе Горькореченском. Между тем части противника, отходившие вдоль Кубани, атаковали в районе Армавира заслон 1-й пехотной дивизии и, нанеся ему большие потери, отбросили его к самому городу. Генерал Казанович требовал срочной помощи.

На рассвете 26 октября я с корниловцами и екатеринодарцами, переправившись через Кубань, спешно двинулся к Армавиру, одновременно послав приказание полковнику Топоркову также идти туда. Сильнейший ледяной северный ветер временами переходил в ураган. Полки могли двигаться лишь шагом. Плохо одетые казаки окончательно застыли. Около полудня наши обе колонны почти одновременно вошли в соприкосновение с противником, последний, уклоняясь от боя, бросился на северо-восток; здесь был перехвачен частями полковника Топоркова и жестоко потрепан. Во время боя я с полковником Науменко и несколькими ординарцами отъехал от колонны, желая подняться на гребень, оттуда после боя должно было быть особенно хорошо видно. Поднявшись на гребень, мы неожиданно наткнулись в 20 шагах на залегшую за гребнем, по видимому ища укрытия от непогоды, неприятельскую заставу. Наше появление в тылу заставы было так неожиданно, что большевики

совсем опешили. В ту же минуту застава была изрублена моими ординарцами.

Угроза Армавиру была устранена, и я приказал отходить на ночлег полковнику Топоркову в хутора Горькореченские, полковнику Науменко к станице Убеженской. Сам я проехал в Успенское, где нашел телеграмму генерала Деникина, вызывавшего меня в Армавир.

Я застал поезд генерала Деникина на станции. Главкомандующий пригласил меня к себе завтракать. Кроме меня, завтракали генерал Романовский и генерал Казанович. Генерал Деникин был весьма доволен действиями дивизии и горячо меня благодарил. Таманская армия красных, осевшая главным своим ядром в районе Ставрополя (последний незадолго перед этим был нами оставлен), постепенно охватывалась кольцом наших войск. 2-я пехотная дивизия генерала Боровского и 3-я пехотная дивизия полковника Дроздовского, оперировавшие вдоль линии Кавказская—Ставрополь, подходили к городу с северо-запада; с запада направлялась к Ставрополю моя дивизия; с юга вдоль линии Армавир—Ставропольской железной дороги шла дивизия генерала Казановича, имея правее себя части 1-й Кубанской дивизии генерала Покровского. Наконец, с севера, отрезая пути к северу от железнодорожной ветки Ставрополь—Петровское, действовала 2-я кубанская дивизия полковника Улагая. Я просил генерала Деникина обеспечить мне свободу действий, изъяв из подчинения генералу Казановичу. Несмотря на возражения последнего, к которым как будто склонялся начальник штаба главкомандующего, генерал Деникин согласился со мной. Бригада полковника Мурзаева (линейцы и черкесы) временно оставалась в подчинении генерала Казановича. Взамен ее мне передавалась из 3-й пехотной дивизии бригада генерала Чекотовского: Офицерский конный и 1-й Черноморский казачий полки.

Продолжая наступление, дивизия 28 октября подошла к станице Сенгилеевской. Противник, разбитый и подавленный предыдущими боями, оказывал слабое сопротивление и ночью, прикрывшись арьергардами, отошел на Ставрополь. 30 октября мои части подошли к Ставрополю и к вечеру закрепились на опушке леса к западу от города. Правофланговая бригада полковника Топоркова держала связь с частями генерала Казановича в районе села Татарка. На левом моем фланге части генерала Чекотовского соприкасались с частями 3-й пехотной дивизии полковника Дроздовского, левой которого, южнее станции Пелагиада, охватывая Ставрополь с севера, вела бой 2-я пехотная дивизия генерала Боровского. Мой резерв, корниловцы и екатеринодарцы, под общей командой доблестного командира Корнилов-

ского полка полковника Бабиева²¹⁸ (полковник Науменко отбыл в Екатеринодар для участия в заседаниях кубанской рады), сосредоточился в немецкой колонии Иогансдорф. Пути отхода противника на восток и северо-восток были отрезаны к северу от железнодорожной ветки Ставрополь—Петровское кубанцами полковника Улагая, к югу 1-й кубанской дивизией генерала Покровского. К вечеру обе эти дивизии связались с соседями, и тактическое окружение Таманской армии красных было завершено.

В сумерки я объехал позиции; стоял туман, густой пеленой нависший над городом. Последний казался вымершим. Не видно было ни одного огонька, изредка, то здесь, то там, вспыхивали разрывы наших снарядов; глухие артиллерийские выстрелы доносились с северной части города. В наступающих сумерках резко стучали пулеметы. В роще, привязанные к деревьям, стояли казачьи кони и, греясь вокруг костров, пили чай казаки. Продрогший, вернулся я в чистую и богатую колонию Иогансдорф и, напившись чаю с превкусным местного изделия сыром, лег спать. На рассвете меня разбудили. Противник перешел в наступление, обрушившись на части полковника Дроздовского, 3-я пехотная дивизия понесла жестокие потери и, преследуемая противником, отходила на север вдоль линии железной дороги, при этом был ранен полковник Дроздовский. Левее 3-й пехотной дивизии, оставив станцию Пелагиада, отступали и части генерала Боровского.

Подняв по тревоге резервную бригаду и приняв необходимые меры по обеспечению своего левого фланга, я приказал дивизии перейти в наступление, дабы облегчить положение соседей. Противник держался крепко. Недостаток в патронах почти исключал возможность действий в пешем строю, атаковать же конницей в лоб город было невозможно. Наше наступление могло вылиться лишь в демонстрацию. Между тем противник, продолжая теснить нашу пехоту, к вечеру 31-го подошел к самой станции Пелагиада. Я решил использовать выгодно складывавшуюся обстановку и ударить во фланг и тыл врага. Растянув бригаду полковника Топоркова, я с рассветом 1 ноября с четырьмя полками, скрытно пройдя лесом, неожиданно вышел в тыл противника и, развернув 1-ю бригаду, атаковал его. Не ожидавшие удара красные бросились к Ставрополю, преследуемые полковником Бабиевым с Корниловским полком и несколькими сотнями екатеринодарцев. Вскоре длинные колонны пленных потянулись к лесу. Полковник Бабиев на плечах бегущих приближался к городу. Я выслал заслоном к северу Офицерский конный полк и с оставшимися в моем распоряжении несколькими сотнями екатеринодарцев

и черноморцев направился к расположенному в предместье города монастырю. Там засели красные, поражая корниловцев фланговым огнем. Вскоре около нас стали посвистывать пули. Огонь учащался, несколько казаков и лошадей было ранено. Развернув полки, я выхватил шашку и лично повел их в атаку. Дружно, громко раздалось «ура», сотни понеслись. Огонь стал беспорядочным, притих, и наконец врассыпную из монастырской ограды и улочек поселка побежали люди. Мы ворвались в поселок. Кое-где на улице шла рубка...

Спешив сотни, я занял околицу, приказав отвести коней за монастырскую ограду. Стали прибывать раненые, их перевязывали тут же у монастырских стен. Но вот из монастырских ворот вышел батюшка и несколько монахинь. Пули свистели и щелкали о каменную ограду, тут же хрипела и билась раненая лошадь, но вышедшие, казалось, не видели этого. С крестом в руке, кропя святой водой казаков, шел иеромонах, спокойно и безмолвно обходили раненых монахи, предлагая хлеб и чай. Мать игуменья тут же под огнем благословила меня иконой. Трогательная картина крепко врезалась в мою память...

В монастыре мы нашли двух офицеров, которые в течение нескольких дней укрывались здесь переодетые монашками.

Около полудня я получил донесение полковника Бабиева, он со своими славными корниловцами ворвался в самый город, захватил вокзал и стоявший там бронепоезд противника. Бабиев доносил, что пока держится, но что патронов мало и что красные, засев в домах, дерутся отчаянно. Он просил подкреплений. Я выслал ему две сотни и послал донесение Главнокомандующему, прося присылки каких-либо частей для закрепления достигнутого успеха. Через несколько часов я получил ответ, что ко мне спешно двинуты на помощь один полк стрелков из дивизии генерала Казановича и инородческий дивизион от полковника Дроздовского. Между тем, перейдя в наступление, противник к вечеру после жестокого боя выбил из города части полковника Бабиева и вновь овладел вокзалом. Его попытки выбить нас из монастыря успехом не увенчались. Части полковника Топоркова к вечеру несколько продвинулись вперед, захватив городской питомник. Поздно ночью подошли инородцы, а на рассвете стрелки, которых я направил к полковнику Топоркову. Туда же перебросил я и бригаду Чекотовского, решив использовать сосредоточение противником большей части своих сил против моего левого фланга. Около девяти часов подошел высланный в мое распоряжение наш броневомобиль «Верный». Послав вперед лошадей к полковнику Топоркову, я на броневике проехал к нему и отдал приказ ударной группе —

запорожцам, уманцам, черноморцам, Офицерскому конному полку и стрелкам — при поддержке «Верного» перейти в общее наступление.

Я в предыдущую ночь не ложился и, вернувшись в монастырь, лег спать и заснул как убитый. В четыре часа меня разбудили, ординарец передал мне донесение полковника Топоркова. После жестокого уличного боя, где неприятель отчаянно отстаивал каждый дом, части полковника Топоркова овладели городом.

Я с трубами и конвоем проехал в Ставрополь. В городе кое-где шла еще перестрелка. На улице и тротуарах лежали убитые лошади, опрокинутые повозки, трупы красноармейцев. Услышав звуки трубачей, народ выбегал на улицу. Многие крестились, плакали, некоторые совали в руки казакам хлеб, папиросы, деньги. Пожилая женщина, бросившись к моей лошади, схватила за стремя и пыталась поцеловать мою руку.

Город под властью большевиков пережил ужасные дни. Последние недели в связи с поражением красных на Урупе начались разногласия и раздоры в верхах армии. Борьба между красными вождями закончилась расстрелом в Ставрополе красного главковерха фельдшера Сорокина. Последние дни город был объят анархией. По всему городу шли самочинные обыски и расстрелы. Многих несчастных перед смертью подвергали жестоким пыткам. Во дворе губернаторского дома, где я остановился, мы нашли несколько десятков трупов жертв, расстрелянных по приговору помещавшегося в доме комиссарского суда. Некоторые трупы были с отрубленными пальцами, у других оказались выколотыми глаза.

При отступлении из города противник оставил огромную военную добычу. Склады с мануфактурой, сукном, обувью, подковами и т. д. — все это необходимо было уберечь от расхищения и привести в порядок. Я издал приказ, коим объявлял населению, что впредь до прибытия гражданских властей всю полноту военной и гражданской власти принимаю на себя, и требовал в течение 24 часов сдачи населением всего оружия, предметов военного снаряжения укрывающихся в городе большевиков.

Комендантом города я назначил ротмистра Маньковского, бывшего моего сослуживца по Уссурийской дивизии, недавно прибывшего на Кубань, предоставив в его распоряжение дивизион инородцев. Ротмистр Маньковский отлично справился со своей задачей, хотя она была далеко не легкая. В огромном незнакомом городе при отсутствии местной администрации, значительном скоплении войск и естественном озлоблении пострадавшего населения против всех, кто так или иначе был причастен к большевикам, поддержать порядок было край-

не трудно. На следующий день после занятия города имел место возмутительный случай. В один из лазаретов, где лежало несколько сот раненых и больных красноармейцев, ворвались несколько черкесов и, несмотря на протесты и мольбу врачей и сестер, вырезали до 70 человек прежде, нежели, предупрежденный об этом, я выслал своего ординарца с конвойными казаками для задержания негодяев. В числе последних, по показанию очевидцев, находился один офицер; к сожалению, преступники успели бежать.

Другой случай был почти такого же порядка. На другой день по занятии нами города ко мне явился офицер, отрекомендовавшийся хорунжим Левиным, начальником особого отряда при ставропольском губернаторе. Хорунжий Левин по занятии Ставрополя красными оставил город со своим отрядом и ныне вернулся, предоставив себя и своих людей в мое распоряжение. Я приказал ему принять в свое ведение тюрьму, где находились пленные красноармейцы и задержанные в городе большевики. Через несколько часов мне дали знать, что хорунжий Левин расстреливает арестованных. Я немедленно приказал хорунжего Левина арестовать, однако он успел расстрелять несколько десятков человек. По прибытии в город губернатора, полковника Глазенапа я передал ему хорунжего Левина, и дальнейшая судьба его мне неизвестна.

3 ноября прибыл в Ставрополь генерал Деникин. Он провел в городе всего несколько часов, выслушав доклад мой, и обещал, если позволит обстановка, дать отдохнуть дивизии. 4-го или 5-го прибыл в Ставрополь военный губернатор Ставропольской губернии полковник Глазенап со своим штабом. Последний произвел на меня самое скверное впечатление. За исключением начальника штаба полковника генерального штаба Яковлева, который, видимо, относился к делу добросовестно и внимательно, остальные члены штаба вели себя самым непоправимым образом. В самый день приезда полковника Глазенапа я вынужден был в городском театре, где был устроен спектакль для казаков, арестовать личного адъютанта губернатора и двух других чинов его штаба за непристойное поведение в пьяном виде.

В ногайских степях

Противник, оставив Ставрополь, отходил главной массой сил на Петровское, удерживая арьергардными частями линию деревень Надеждинское, Михайловское, Пелагиада, местами делая попытки перейти в наступление.

На рассвете 6 ноября я получил приказание главнокомандующего, штаб которого находился на станции Рыздвяная, помочь нашей пехоте, которую в районе деревни Михайловки противник сильно теснил. Подняв по тревоге дивизию, на рысях выдвинулся к железнодорожному переезду на дороге из Монастыря к Михайловке, перешел через полотно железной дороги и, приказав 1-й бригаде и черноморцам наступать в пешем строю, бросил уманцев и запорожцев в атаку. Славные части полковника Топоркова прорвали фронт противника и на его плечах ворвались в Михайловку. Здесь было изрублено много красных. Преследуя отходящих, наши части захватили до тысячи пленных и огромный обоз, причем обоз одной из красных дивизий был захвачен в полном составе. Противник отступал на северо-восток вдоль дороги Михайловка—Дубовка—Казинка. Я послал приказание преследовать его по пятам, а сам перешел с штабом в село Михайловка. Вечером я получил приказание генерала Деникина прибыть к нему на станцию Рыздвяная.

Я верхом поехал на станцию Пелагиада. Стоял густой туман. Луна сквозь пелену тумана освещала зеленым светом тянущиеся по сторонам дороги хаты, широкую покрытую лужами улицу. На дороге лежали неубранные еще трупы людей и лошадей. На площади стояла огромная лужа. Мой конь боязливо шарахнулся — у самых ног лошади из лужи смотрело оскаленное лицо мертвеца, труп затянуло в грязь и видно было одно мертвое лицо. Несколько шагов далее из воды торчала окоченелая рука. Конь храпел, вздрагивал и бросался в сторону.

Я застал поезд генерала Деникина на станции Рыздвяная. Главнокомандующий горячо благодарил меня за последнее дело и сделал высокую оценку действий моих частей в течение всей Ставропольской операции. Одновременно генерал Деникин объявил мне о назначении меня командиром 1-го конного корпуса²¹⁹, в состав которого, кроме моей дивизии, включалась 2-я кубанская дивизия полковника Улагая (одновременно дивизии генералов Казановича и Боровского были развернуты соответственно в 1-й²²⁰ и 2-й²²¹ армейские корпуса. — П. В.). Последняя прорвавшимся из Ставрополя на северо-восток противником была оттеснена из района деревень Дубовка—Тугулук и ныне располагалась в районе села Донского. 1-му конному корпусу приказывалось продолжать преследование Таманской красной армии, действуя к северу от железнодорожной линии Ставрополь—Петровское. К югу от этой линии наступали части генерала Казановича и генерала Покровского.

Генерал Деникин спросил меня, кого я намечаю на должность начальника штаба корпуса. Я просил назначить полковника Соколовско-

го²²², работой которого за последние дни я был очень доволен. Присутствующий при разговоре генерал Романовский заметил, что полковник Соколовский для этой должности как будто молод, но генерал Деникин поддержал меня и тут же поздравил полковника Соколовского с назначением. Я наметил сосредоточить корпус в районе деревни Тугулук, о чем и послал приказание полковнику Улагаю. Полковник Топорков вступил в командование 1-й дивизией.

В вагоне генерала Деникина встретил я начальника 2-й пехотной дивизии генерала Боровского. Последний имел в армии репутацию большой личной храбрости, но сильно запивал. По общим отзывам, это последнее и послужило причиной оставления Ставрополя нашими войсками. В армии говорили, что генерал Боровский «пропил Ставрополь».

7 ноября полковник Топорков разбил врага у Дубовки и вновь захватил пленных и большой обоз. 8 ноября одновременной атакой 1-й конной дивизии с юга и 2-й кубанской дивизии с запада мы овладели Тугулуком и Казинкой. Неприятель, разбитый наголову, бежал на Константиновку и Кутульту, оставив в наших руках вновь большое количество пленных и военной добычи. 10 ноября части корпуса одновременно овладели: 1-я конная дивизия селом Константиновка, 2-я кубанская — селом Благодатным. В обоих пунктах красные оказали отчаянное сопротивление, но остановить наше победное шествие уже не могли. 11 ноября после ожесточенного боя корпус овладел селом Петровским, конечной станцией железной дороги. Здесь вновь мы захватили пленных, пулеметы и одно орудие.

К корпусу присоединились наконец линейцы, пулеметы и одно орудие, черкесы же остались при дивизии генерала Казановича. Между тем части последнего, встречая упорное сопротивление, продвигались весьма медленно и к 11 ноября подошли лишь к селу Спицевка, которое противник продолжал прочно удерживать.

Таким образом, мой корпус оказался значительно выдвинутым вперед. Бой под Петровским окончился в полной темноте. Я со штабом остался ночевать в селе Константиновка. Тут же расположились обозы 1-го разряда, радиостанция и легучка Красного Креста.

На рассвете мы были разбужены шедшей в селении перестрелкой. По-видимому, предупрежденные кем-либо из местных большевиков, красные, воспользовавшись выдвинутым положением корпуса, выслали отряд для нападения на наш тыл. Около двух рот пехоты, посаженных на повозки, при двух орудиях прошли ночью от Спицевки к Константиновке и, сбив наши посты, подошли к самой деревне. Около

взвода красных ворвалось в самую деревню, произведя сильный переполох. В прикрытии обоза находились полусотня, около тридцати казаков, столько же почти было у меня в конвое. О сопротивлении думать не приходилось. Будь красные решительнее, они могли захватить нас всех. Однако большевики действовали вяло, обстреливали село, но атаковать нас не решились. К тому же обозы, имея приказание с рассветом переходить в Петровское, были уже запряжены, люди не спали и паники особой не было. Мы успели кое-как одеться, поседлать коней и выскочить из села, однако обоз двух полков и наша летучка были захвачены противником; доктор успел бежать, но сестра попала в плен. Красные захватили было и нашу радиостанцию, но начальник артиллерии генерал Беляев, едва сам успевший выскочить в одной рубашке из дому, собрав вокруг себя несколько десятков артиллеристов и обозных казаков, радиостанцию отбил.

К полковнику Топоркову, части которого занимали ряд хуторов к югу от Петровского, прискакали несколько вырвавшихся из Константиновки обозных казаков и сообщили ему, что я со всем штабом захвачен в плен. Полковник Топорков спешно выслал в Константиновку запорожцев, при приближении которых красные, бросив Константиновку, отошли, уведя наших пленных и разграбив захваченный обоз. Большинство наших вещей пропало, в том числе и ряд моих документов.

Между тем в районе села Петровского противник с рассветом перешел в наступление. Части полковника Улагай держались, но положение его было тяжелое, главным образом ввиду недостатка патронов. Я поехал к нему и, подъезжая к Петровскому, нагнал казака с приказанием от генерала Чайковского. Генерал Чайковский писал полковнику Улагаю о том, что «командир корпуса со штабом попал в плен, что он, генерал Чайковский, как старший, вступает в командование корпусом и приказывает немедленно начать отход». Расписавшись в прочтении, я тут же на приказании написал: «в плен не попадал, приказываю наступать» — и отправил казака обратно. До самого вечера части наши удерживали свои позиции, однако к вечеру, расстреляв патроны, вынуждены были отходить. Отдав распоряжение полковнику Топоркову оттягиваться к Константиновке, я проехал к полковнику Улагаю, части которого все еще держались на гребне к северу от Петровского. Приказав ему также стягивать свои части и отходить на Благодатное, я, вдвоем с офицером-ординарцем, бывшим моим однополчанином по Конной гвардии ротмистром князем Оболенским, недавно прибывшим в корпус, спустился в село Петровское, чтобы догнать отходящие на Константиновку части. Солнце скрылось за го-

ризонтом, сумерки быстро спускались. Огромное село Петровское казалось мертвым. Последние разъезды оставили местечко, жители, ожидая прихода красных, боязливо попрятались по домам. Впереди нас у железнодорожной переправы еще слышались выстрелы. Я толкнул лошадь крупной рысью, спеша скорее выйти из местечка. Вот и река Калаус. Впереди чернеет железнодорожный мост. Неожиданно из соседней улицы затрещали выстрелы и несколько пуль просвистало у самого уха. Наметом выскочили мы на мост. Красные продолжали стрелять, и пули шелкали по настилу моста. Подо мною был серый конь, недавно подаренный мне полковником Мурзаевым, казаки которого отбили коня у красных. Светлая лошадь была в темноте хорошо видна и давала возможность красным пристреляться. Князь Оболенский толкнул своего коня и, обогнав меня, поскакал со мною рядом, заслонив от выстрелов. «Ты куда, назад», — крикнул я, но он, прикрывая меня собой, продолжал скакать рядом... Мы проскочили мост и вскоре нагнали нашу заставу...

С рассветом противник возобновил наступление. Прикрывая Константиновку и Благодатное, корпус в течение всего дня удерживал свои позиции. Патроны были совсем на исходе, в запасе ничего не имелось. Я второй день телеграфировал в ставку, прося срочной присылки огнеприпасов, разослал ординарцев в Ставрополь и генералу Казановичу с просьбой помочь патронами. Начальники частей не переставали требовать скорейшей присылки огнеприпасов, донося, что дальше держаться не могут. Положение становилось тяжелым, раньше полудня 14-го я подхода транспорта с патронами ожидать не мог. Между тем дальнейшее наступление противника грозило потерей Константиновки, что создавало угрозу левому флангу соседней дивизии генерала Казановича. Наступила ночь. Полки заночевали на позициях. В десять часов вечера прибыл от полковника Топоркова офицер-ординарец и привез перехваченный приказ противника, в коем красным приказывалось в шесть часов утра 14-го перейти в общее наступление. Я решил вырвать у противника инициативу и самому атаковать его прежде, чем он успеет перейти в наступление. Тут же по телефону я отдал необходимые приказания начальникам дивизий. Оставив на позиции у Константиновки полковника Топоркова с одной спешенной бригадой, я сосредоточил все остальные части к своему левому флангу в районе хуторов Писаренки на поддороги между Благодатным и Петровским, объединив их под общим начальством полковника Улагая. Все оставшиеся еще в корпусе патроны были переданы полковнику Топоркову, для чего их отобрали у казаков частей полковника Улагая, обозных и в тыловых командах. Едва засерел

восток, полковник Улагай построил свои части в боевой порядок и в пять часов, за час до намеченного приказом противника наступления, атаковал последнего в конном строю, прорвал фронт и обрушился на неприятельские полки, не успевшие еще закончить сосредоточение к месту атаки. Красные были окончательно ошеломлены и обратились в паническое бегство, преследуемые казаками, стремясь укрыться за Калаус. Значительное число красных было изрублено, многие потонули в реке, наши части вновь овладели Петровским и в последующие дни с помощью подошедшего ко мне пластунского батальона закрепилась на высотах к северу и востоку от местечка.

Я решил, используя выдвинутое положение моих частей, помочь генералу Казановичу. 21 ноября, оставив заслоном на фронт Донская Балка — Петровское — Николина Балка 2-ю кубанскую дивизию, я сосредоточил в районе железнодорожной станции Кугуты 1-ю конную дивизию и сводную бригаду под общим начальством полковника Топоркова и, выдвинувшись ночным переходом к югу, на рассвете 22 ноября атаковал у села Спицевка красных, действовавших против генерала Казановича, в тыл. Противник был разбит наголову. Мы захватили 2000 пленных, 40 пулеметов, 7 орудий и огромный обоз. 1-й армейский корпус к вечеру 22 ноября подошел к реке Калаус.

Я верхом выехал встречать возвращающиеся полки. Навстречу попадались конвоируемые казаками группы пленных, лазаретные линейки с тяжелоранеными, отдельные легкораненые. Встречавшиеся раненые казаки весело отвечали на приветствие. По одному ответу видно было, что дело удачное. Навстречу ехал накрытый брезентом транспорт. На облучке сидело два казака, я поздоровался. Казаки ответили как-то угрюмо.

«Как дела?» — спросил я.

«Плохо, командира полка убили».

Тут только заметил я свешивающиеся с транспорта из-под брезента ноги, я снял шапку и перекрестился:

«Кого именно?»

«Их высокоблагородие полковника Мурзаева».

Смерть полковника Мурзаева была тяжелой потерей для корпуса. Это был способный, редкой доблести и огромного порыва начальник.

23-го полки вернулись с набега, а 24-го с рассветом противник вновь перешел в наступление у Петровского. К девяти часам утра, потеснив наш правый фланг, противник овладел рядом хуторов к югу от местечка и в 7 верстах южнее Петровского захватил железнодорожный путь. Около полудня 1-я дивизия перешла в контратаку. Полковник Топорков отбросил противника за Калаус и, прижав

его к скалистому гребню в районе Донская Балка, разбил наголову. Мы вновь захватили 1500 пленных, 30 пулеметов и батарею в полной запряжке. Преследуя врага, наши части выдвинулись на линию хутора Бурцева — озеро Маховое — Камбулат. В течение четырех дней нами взято 3500 пленных, 70 пулеметов, 11 пушек и большое число обозов.

Я получил телеграмму от главнокомандующего, горячо благодарившего корпус за блестящие дела и поздравлявшего меня с производством за отличие в генерал-лейтенанты.

Успехам корпуса я обязан был блестящей работе моих ближайших помощников, начальников дивизий. Я представил полковников Улагая и Топоркова, а также отсутствующего полковника Науменко к производству в генерал-майоры.

Все три достойнейшие офицеры. Полковники Топорков и Улагай отлично командовали своими дивизиями. Первый, выслужившийся из казаков, природным чутьем отлично разбирался в обстановке. Совершенно исключительной храбрости, огромного порыва и ничем не поколебимой твердости, он всегда близко стоял к своим войскам, жил с ними одной жизнью, разделяя все тягости боевой службы и увлекая в тяжелые минуты личным примером. Раз отданное начальником приказание полковник Топорков неуклонно выполнял, не считаясь ни с какими препятствиями; в этом отношении он иногда пересиливал и в стремлении выполнить поставленную задачу нес подчас излишние потери. Полковник Улагай был натурой несравненно более сложной; нервный, до болезненности самолюбивый, честный и благородный, громадной доблести и с большим военным чутьем, он пользовался любовью своих офицеров и казаков. Отлично разбираясь в обстановке, он умел ее использовать, проявить вовремя личный почин и находчивость. Обладая несомненно талантом крупного кавалерийского начальника, он имел и недостатки: неровность характера, чрезмерную, иногда болезненную обидчивость, [мог] легко переходить от высокого подъема духа к безграничной апатии, приступая к выполнению задачи, готов был подчас искать в ней непреодолимые к этому препятствия, но раз решившись на что-нибудь, блестяще проводил решение в жизнь.

К концу ноября наши части вышли на линию реки Калаус. От Невинномысской вдоль линии Владикавказской железной дороги наступала наша пехота (10 тысяч штыков и шашек, 30 орудий), объединенная под начальством генерала Ляхова, долгое время в Персии командовавшего нашими казаками. На правом фланге его в Баталпашинском отделе работали казаки полковника Шкуро. К се-

веру от частей генерала Ляхова²²³ действовал 1-й армейский корпус (1-я кубанская и 1-я пехотная дивизия, 6800 штыков и шашек, 21 орудие) под общим начальством бывшего начальника последней храброго генерала Казановича. Далее в районе Петровского находилась мой корпус (6200 штыков и шашек, 20 орудий). Левее меня, к югу от Маныча, в районе Большой и Малой Джалги, станиц Винодельной и Предтечи, оперировал отряд из трех родов войск генерала Станкевича (2—3 тысячи, при 4 орудиях). Против наших частей находилась XII армия красных, общей численностью около 70 тысяч штыков и шашек при 80—100 орудиях, расположившихся в четырех группах: против генерала Станкевича между озером Маныч и с. Овощи — 15 тысяч; против моего корпуса — 10 тысяч; против частей генерала Казановича — 10 тысяч; против генерала Ляхова — 20 тысяч. В резерве в районе Кизляр—Моздок—Грозный — 12 тысяч. В последних числах ноября красные перешли против частей генерала Станкевича в наступление и после ряда боев оттеснили их почти до железнодорожной линии Торговая—Великокняжеская, заняв села Тахра и Немецко-Хатинское. Важный для нас железнодорожный путь Торговая—Екатеринодар находился под угрозой. Приказом генерала Деникина отряд генерала Станкевича был подчинен мне, и я получил задачу, удерживая Петровское, разбить группу красных, действовавших против частей генерала Станкевича, отбросить ее за реку Калаус и прочно прикрыть ведущие к Торговой пути к югу от Маныча.

Оставив заслон в районе Петровского, 1-й конный корпус перешел в наступление на север и, двигаясь обоими берегами реки Калаус, разбил противника у Николиной Балки, Предтечи и Винодельного. Под угрозой быть прижатым к болотистому Манычу неприятель начал поспешный отход на восток. Генерал Станкевич перешел в наступление. К 1 декабря поставленная корпусу задача была полностью выполнена. Вверенный мне отряд занял широкий фронт Петровское—Винодельное—Кистинское.

За последние три месяца части корпуса пополнились. Освободенная Кубань дала в полки значительные пополнения, и, несмотря на большие потери в непрерывных боях, боевой состав частей стал вполне достаточным. Пополнились значительно артиллерия, техническая и тыловая команды. Все эти части укомплектовались главным образом за счет пленных красноармейцев. Также пополнился и стрелковый полк полковника Чичинадзе, работавший прекрасно. После разгрома на Урупе и Кубани красные, стремясь пополнить свои поредевшие ряды, стали прибегать к широкой мобилизации,

штыками и пулеметами заставляли идти за собой население из ближайших прифронтовых деревень. Поставленные насильно в ряды дрались, конечно, неохотно, при первой возможности сдавались в плен и в наших рядах, сражаясь за освобождение родных сел, дрались отлично. Правда, по мере очищения области от красных и продвижения наших войск вперед части из этих пополнений, освободив родное село или хутор, пытались всячески уклониться от дальнейшей службы, но все же значительный процент продолжал добросовестно служить. Огромная, попавшая в наши руки после разгрома Таманской армии добыча дала возможность полностью снабдить всем необходимым части, создать полковые, дивизионные и корпусные запасы. Из захваченных повозок были сформированы санитарные, артиллерийские транспорты. Попавшие в наши руки технические средства в связи со значительными развитыми местными телеграфными линиями дали возможность хорошо обеспечить связь. За последнее время и штаб главнокомандующего стал приходить на помощь. Снабжение огнеприпасами казалось обеспеченным, и за последние недели было прислано в корпус несколько броневтомобилей. Вместе с тем все же целый ряд вопросов хозяйственного и организованного характера требовал еще разрешения. За три месяца непрерывных боев значительное число офицеров и казаков были одновременно представлены к награждению. Представления эти, несмотря на постоянные мои напоминания, в штабе главнокомандующего месяцами залеживались, и многие достойные офицеры и казаки успевали выбыть из строя, так и не дождавшись награды. Разбитый, потерпевший огромные потери противник против нас казался совершенно деморализованным, и активных действий с его стороны в ближайшие дни ожидать было трудно. Я решил воспользоваться боевым затишьем и на месте в Екатеринодаре добиться разрешения целого ряда существенных для корпуса вопросов.

Получив разрешение генерала Деникина и вытребовав себе из Ставрополя в Петровское вагон, я выехал в Екатеринодар, передав корпус только что произведенному в генералы Улагаю. Я нашел Екатеринодар еще более переполненным, нежели три месяца тому назад. Несмотря на то что предупрежденный о моем приезде войсковой штаб отдал приказание отвести мне номер в войсковой гостинице, таковой удалось получить лишь через несколько дней и первые дни пришлось жить в моем вагоне.

Генерал Деникин встретил меня очень сердечно. Много благодарил за блестящие действия корпуса и обещал всем, что от него зависит, корпусу помочь, приказав мне о всех нуждах корпуса сообщить

начальнику штаба. У последнего встретил я весьма любезный прием, однако ни по одному вопросу вполне определенного, исчерпывающего ответа получить не мог. Генерал Романовский в большинстве случаев уклонялся от решительного ответа, не давал определенных обещаний, избегал отказов... То же встретил я и в большинстве ответов штаба и, в частности, у нового генерал-квартирмейстера, полковника Плющевского-Плющика²²⁴, — «как посмотрит Иван Павлович» (генерал Романовский. — П. В.).

Штаб с его бесконечными отделами страшно распух и утопал в море бумаги. Забывая и откладывая разрешение самых насущных повседневных мер, штаб главнокомандующего занимался изучением и разрешением целого ряда вопросов, быть может и существенных, но имевших в данной обстановке скорее академическое значение: пересматривались и разрабатывались уставы, заседали комиссии по разработке организации высших войсковых соединений...

В одну из таких комиссий по изучению организации конницы попал и я. Созданию мощной конницы, в условиях настоящей войны, где маневр играл первенствующую роль, я придавал огромное значение. Зная казаков, я в полной мере учитывал, что по освобождении казачьих земель они неохотно примут участие в дальнейшей нашей борьбе, и считал необходимым безотлагательно озаботиться восстановлением частей регулярной конницы. Большое число офицеров-кавалеристов оставалось без дела или служило в пехотных частях сплошь и рядом рядовыми. Ценнейшие кадры лучшей в мире конницы таяли. Между тем от того ли, что среди лиц штаба, начиная с Главнокомандующего, за немногими [исключениями], большинство было пехотными офицерами, к мысли о необходимости создания регулярных кавалерийских частей верхи армии относились не только безразлично, но явно отрицательно.

Я подал отдельную докладную записку, в коей настаивал на необходимости безотлагательно приступить к воссозданию регулярных кавалерийских частей, указывал в видах успешного проведения этой мысли в жизнь создать особый орган — инспекцию конницы. Внешенная в комиссию моя записка была поддержана всеми членами комиссии единогласно. Записка была передана генералу Романовскому, однако и по этому вопросу определенного ответа получить не удалось.

Приезд мой в Екатеринодар совпал с выбором Краевой Радой атамана. Правые элементы Рады поддерживали старого атамана, полковника Филимонова²²⁵, левые, «самостоятельные» группы, выставляли кандидатуру председателя, эта в казачьих частях и широкой массе казачества сочувствия не имела. Мне представлялось, что всякие поли-

тические выступления, всякая политическая борьба в тылу в то время, когда на фронте идут кровопролитные бои, наносят непоправимый ущерб нашему делу. Всякое послабление в этом отношении со стороны главнокомандующего могло быть, по моему мнению, чревато последствиями. Хорошо зная казаков, я не сомневался в том, что мощный окрик генерала Деникина в корне пресек бы все эти компромиссы...

При свидании моем в день приезда с генералом Деникиным я попытался затронуть этот вопрос, но главнокомандующий от дальнейшего разговора уклонился. Генерал Драгомиров сообщил мне, что находящиеся в Екатеринодаре генерал Покровский и полковник Шкуро также настаивали перед главнокомандующим на необходимости положить предел недопустимым выступлениям некоторых групп Рады, не останавливаясь в случае необходимости даже перед *coup d'état*. Однако генерал Деникин, по-видимому, был другого мнения.

На заседание Краевой Рады прибыл, кроме генерала Покровского и полковника Шкуро, целый ряд офицеров из армии. Несмотря на присутствие в Екатеринодаре ставки, как прибывшие, так и проживающие в тылу офицеры вели себя непозволительно распушенно, пьянствовали, безобразничали и сорили деньгами. Особенно непозволительно вел себя полковник Шкуро. Он привел с собой в Екатеринодар дивизион своих партизан, носивший наименование «волчий». В волчьих папах с волчьими хвостами на бунчуках партизаны полковника Шкуро представляли собою не воинскую часть, а типичную вольницу Стеньки Разина. Сплошь и рядом ночью после попойки партизан Шкуро со своими «волками» несли по улицам города, с песнями, гиком и выстрелами. Возвращаясь как-то вечером в гостиницу, на Красной улице увидел толпу народа. Из открытых окон особняка лился свет, на тротуаре под окнами играли трубачи и плясали казаки. Поодаль стояли, держа коней в поводу, несколько «волков». На мой вопрос, что это значит, я получил ответ, что это «гуляет» полковник Шкуро. В войсковой гостинице, где мы стояли, сплошь и рядом происходил самый бесшабашный разгул. Часов в 11—12 вечера являлась ватага подвыпивших офицеров, в общий зал вводились песенники местного гвардейского дивизиона и на глазах публики шел кутеж. Во главе стола сидели обыкновенно генерал Покровский, полковник Шкуро, другие старшие офицеры. Одна из таких попок под председательством генерала Покровского закончилась трагично. Офицер-конвоец застрелил офицера Татарского дивизиона. Все эти безобразия производились на глазах штаба главнокомандующего, о них знал

весь город и в то же время ничего не делалось, чтобы прекратить этот разврат.

Наконец состоялись выборы. Выбранным оказался генерал (произведен в генерал-лейтенанты Радой. — П. В.) Филимонов. Весьма разумный, тонкий, осторожный, но не обладавший, как показали дальнейшие события, необходимой твердостью и не сумевший удержать в своих руках атаманскую булаву.

Начатая генералом Корниловым героическая борьба ширилась, и казалось, что значение ее начинала учитывать Европа. С целью изучения вопроса возможностей помочь нам необходимым снабжением прибыли в Екатеринодар представители английского и французского правительств. Во главе миссий стояли: английской — генерал Пулл, французский — капитан Фуккэ. В ближайшее время миссии выезжали на фронт для ознакомления на месте с нуждами войск.

11 ноября нового стиля на Западном фронте было заключено перемирие. Германская армия развалилась, и немецкие оккупационные войска, охваченные русской заразой, распродала оружие и снаряжение, толпами бежали домой.

На Украине произошло то, что неизбежно должно было случиться. Посаженный немцами и державшийся немецкими штыками, Скоропадский²²⁶ пал, скрывшись в Германию. В Киеве предательски был убит герой Галиции, генерал граф Келлер²²⁷. Уцелевшие офицеры бежали на Дон и Кавказ. Здесь генерал Краснов, вовремя учтя падение Германии, умело использовавший немцев и сумевший создать собственную армию, ныне вел переговоры с союзниками. Эти переговоры велись им независимо от переговоров с союзными державами генерала Деникина.

Перед общей целью, перед лицом общей опасности вожди не сумели еще найти общего языка.

В штабе главнокомандующего жестоко обвиняли генерала Краснова в «нежелании подчиниться», в «нежелании признать власть генерала Деникина». По-видимому, в штабе Донского атамана такие же упреки раздавались по адресу главнокомандующего

Борьба против насильников родины разгоралась и на других концах Русской Земли. 18 ноября социалистическое Омское правительство было сброшено и во главе сибирских армий стал адмирал Колчак. На севере вдоль Мурманской железной дороги войска объединил генерал Миллер²²⁸, в Прибалтике формировались части генералом Юденичем²²⁹. Черная мгла, нависшая над Россией, казалось, рассеивалась...

Я оставался в Екатеринодаре, тяготясь екатеринодарской жизнью и стремясь скорее вернуться к себе в корпус, однако разрешение шта-

бом важных для меня вопросов бесконечно оттягивалось. Между тем противник, оправившись и подтянув подкрепления, вновь перешел в наступление против частей генерала Улагая, овладел Кистинским и Винодельным и быстро продвигался на запад. В ставке заволновались, и генерал Романовский прислал мне записку с приказанием главнокомандующего спешить возвращением в корпус и принять меры для восстановления нашего положения. Я вызвал по прямому проводу начальника штаба генерала Улагая. Последний принял уже необходимые меры, сосредоточивал свои части к югу от Винодельного, имея целью повторить прежний наш маневр. Я дал начальнику штаба корпуса несколько дополнительных указаний и в тот же вечер выехал в Петровское, а оттуда верхом в корпус. В Петровском я получил донесение генерала Улагая об удачном для нас деле. Генерал Улагай нанес противнику жестокое поражение, захватив много пленных и пулеметов, вновь овладел Винодельным и продолжал продвигаться к северу, угрожая тылу красных. В бою под Винодельным особенно отличились стрелки полковника Чичинадзе.

Вечером прибыв в Винодельное, я отдал приказ генералу Станкевичу также перейти в наступление. Через два дня наше положение было полностью восстановлено.

В бытность мою в Екатеринодаре я ходатайствовал об отводе корпуса в резерв главнокомандующего, чтобы дать возможность полкам произвести перековку. Не добившись определенного ответа на мое ходатайство, я отдал приказ полкам немедленно приступить к перековке, используя боевое затишье. В последних боях противник был окончательно потрясен. Деморализация в рядах противника усиливалась, и за последние дни была масса перебежчиков. Обстановка исключала на долгое время возможность активности красных на нашем фронте. Однако общее положение не дало нам возможности продолжительного отдыха.

В середине декабря противник, сосредоточив значительные силы в районе станиц Медведское—Шишкино, в 50 верстах к югу от села Петровского, перешел в решительное наступление против 1-го армейского корпуса генерала Казановича, выдвинувшегося к этому времени на фронте Грушевка—Ореховка, отбросил его и, нанеся громадные потери, вынудил вновь отойти за реку Калаус. По донесению генерала Казановича, его части, в случае дальнейшего продвижения противника, не были в состоянии продолжительное время оказывать сопротивление. Дальнейший отход к Ставрополю 1-го армейского корпуса создавал серьезную угрозу общему нашему положению. Я решил, невзирая на большое утомление моих частей после трехме-

сячных непрерывных боев, предложить главнокомандующему оказать помощь 1-му армейскому корпусу, для чего, заслонившись на фронте Петровское—Маньч, широким маневром охватить и нанести удар в тыл действующей в районе Медведское—Шишкино группе красных. За несколько дней перед этим бригада генерала Чайковского (Офицерский конный и Черноморский казачий полки) вышла из состава корпуса, а вновь сформированный 2-й Лабинский казачий полк²³⁰ вошел в состав 1-й конной дивизии.

Главнокомандующий одобрил мои предположения. Сосредоточив в районе Петровского екатеринодарцев, линейцев, лабинцев, уманцев, запорожцев и пластунов, под общим начальством произведенного в генералы Топоркова, я отдал последнему приказание 21-го на рассвете двинуться усиленным переходом в общем направлении на Александрию и, выйдя в тыл красных, атаковать их в направлении Шишкино—Медведское. Прибыв 20-го в Петровское, я нашел телеграмму о выезде генерала Деникина в сопровождении союзнических миссий на фронт. Вечером меня вызвал из Ставрополя к аппарату главнокомандующий. По донесению генерала Казановича, тяжелое положение его корпуса исключало возможность осмотра частей союзническими миссиями. Генерал Деникин спрашивал, возможен ли приезд их в 1-й конный корпус и что я могу «им показать». Я ответил, что «могу показать лишь, как кубанцы бьют большевиков», и просил главнокомандующего, буде возможно, прибыть ночью, дабы с рассветом выступить с колонной генерала Топоркова.

Приказав полковнику Бабиеву, который с корниловцами и стрелками оставался для прикрытия Петровского, назначить взвод казаков в почетный караул и сделать все необходимые распоряжения для встречи гостей, я отдал директиву корпусу. Директива была переведена на английский и французский языки, и к ней была приложена схема обстановки с соответствующей объяснительной запиской, последняя также в переводе. За всеми хлопотами мне не пришлось за всю ночь лечь. В 4 часа утра я был уже на вокзале. Вскоре подошел поезд. Генерал Деникин, генерал Пуль, капитан Фуккэ и лица свиты были уже одеты, и мы, сев верхом, тронулись в путь.

Стало понемногу сереть, бесконечно, куда хватал глаз, чернела пустынная степь, местами прорезанная глубокими оврагами; кое-где одиноко темнели курганы; утро было туманное, изредка моросил дождь, и черноземная размокшая, покрытая лужами дорога не позволяла двигаться быстро. На дороге попадались отставшие от обозов повозки, местами безнадежно завязшие в грязи. Отъехав верст 15, мы нагнали большой обоз, стоявший на привале; тут же находилось не-

«сколько орудий. Генерал Топорков, оставив тяжести и часть артиллерии в тылу, выпряженными лошадьми усилил артиллерийские запряжки. В некоторых батареях тела орудий были сняты и везлись на телегах. Части двигались весьма медленно. Лошади и люди вязли в грязи, скользили и падали. Пластуны, шедшие с первой бригадой, значительно отстали от своей колонны. Лишь к 4 часам дня авангард правой колонны, при которой следовали мы, наступая дорогой Петровской — озеро Маховое — Шишкино, обойдя фланг противника, спустился в долину реки Сухая Буйвола и завязал перестрелку с красными. С четырех часов утра мы ничего не ели и почти не слезали с лошадей. Отвыкшие от походной жизни, не втянутые в езду, главнокомандующий, чины штаба и иностранцы окончательно заморились. Выбрав удобный наблюдательный пункт, я предложил генералу Деникину оставаться здесь, сам же просил разрешения проехать вперед, чтобы руководить боем.

При генерале Деникине я оставил начальника штаба корпуса полковника Соколовского с моим конвоем, приказав ему, выждав подход двух отставших орудий и пластунов и объединив под своим командованием эти части, наступать на деревню Сухая Буйвола, где наш боковой отряд завязал перестрелку. Медленно тянулась мимо нас колонна, спускаясь крутым берегом в долину речки. Главнокомандующий здоровался с полками.

Двоем с офицером-ординарцем я, обгоняя колонну, проехал вперед. Наша лава медленно карабкалась на правый берег реки. Со стороны деревни Шишкино слышались выстрелы. Далеко вправо в районе деревни Сухая Буйвола наш боковой отряд вел перестрелку. Левее видна была подходившая к деревне Александрия 2-я бригада. У самой переправы мелькал значок генерала Топоркова и виднелась группа чинов его штаба. То там, то здесь над колонной вспыхивали дымки шрапнелей. Наша лава поднялась на холмистый гребень. Там за гребнем часто стучали выстрелы. Мы с генералом Топорковым рысью выехали вперед. Лава лабинцев маячила перед деревней, не решаясь атаковать.

Подымаясь в гору, подходил Екатеринодарский полк. Полком командовал молодой офицер, полковник Лебедев. Приказ о его производстве в штаб-офицеры в корпусе получен был лишь накануне, и Лебедев, только сегодня об этом узнавший, не успел еще надеть полковничьих погон. Я подскакал к полку, поздоровался с казаками и обратился к командиру полка: «Полковник Лебедев, поддержите штаб-офицерские погоны, в атаку!» Полковник Лебедев выскочил вперед, раздалась команда: «Шашки к бою, строй фронт, марш,

марш», екатеринодарцы понеслись. Огонь усилился, скользили и падали кони, но казаки неслись неудержимо. Вскоре рубка шла на улицах села, отсюда врассыпную бежали люди, скакали повозки, лазаретные линейки, походные кухни. Из соседней деревни Медведское на восток быстро отходила длинная колонна обозов, ей наперез из Александрии спешили полки 2-й бригады. В бинокль был виден втягивающийся в деревню Сухая Буйвола отряд полковника Соколовского. Темнело; одно за другим стали поступать донесения. Полковник Соколовский занял Сухую Буйволу, захватив пленных, пулеметы и батарею. Почти одновременно с ним в деревню вошла и конница 1-й кубанской дивизии генерала Покровского, действовавшая на левом фланге 1-го армейского корпуса (сам генерал Покровский отсутствовал, и дивизией временно командовал бригадный командир генерал Крыжановский. — П. В.), екатеринодарцы, линейцы. Лабинцы, овладев Шишкиным и Медведским, также захватили много пленных, пулеметы и орудия. Противник на всем фронте отходил в направлениях на Благодарное, Елизаветинское и Новосельцы.

Отдав необходимые распоряжения, я поехал назад. Стало совсем темно. Генерал Деникин уже проехал на Петровское, и я поспешил возвратиться, дабы застать главнокомандующего до его отъезда. Дорога казалась бесконечной. Заморенные кони двигались с трудом. Наконец мы добрались до Петровского. Дом, занятый штабом, был ярко освещен. Я застал генерала Деникина с иностранными гостями за ужином. Только что главнокомандующему было доставлено посланное мною донесение с места боя. Генерал Деникин его громко прочел, и меня встретили криками «ура». Несмотря на то что все сильно проголодались, гости ели неохотно. Все очень заморились и спешили лечь.

В 11 часов гости уехали, я оставался еще в штабе, чтобы отдать несколько необходимых распоряжений, а затем проехал на вокзал проводить главнокомандующего. Весь поезд уже спал, и я, приказав дежурному офицеру передать главнокомандующему пожелание счастливого пути, вернулся домой и заснул как убитый. Я не спал полторы суток и за последние сутки сделал верхом не менее ста верст.

Победа 21 декабря стоила противнику 1000 пленных, 65 пулеметов и 12 орудий. Огромные обозы красных попали в наши руки, 1-й армейский корпус генерала Казановича вновь выдвинулся на линию Медведское—Грушовка—Калиновка. Приказом главнокомандующего части 1-го армейского корпуса генерала Казановича, 1-го конного корпуса и отряд генерала Станкевича объединялись в отдельную армейскую группу под моим начальством.

Мне ставилась задача, удерживая фронт Маныч—Петровское и развивая достигнутый 21 декабря успех, овладеть главной базой Таманской армии — Святым Крестом и в дальнейшем, закрепившись здесь, действовать в тыл Минераловодской группе красных, скованной с фронта наступающими вдоль Владикавказской железной дороги частями генерала Ляхова.

Оставив в районе Камбулат — Малые Айгуры отряд полковника Бабиева в составе двух конных и стрелкового полков для прикрытия села Петровского и железной дороги на Ставрополь, я направил генерала Улагая с его 2-й кубанской и одной бригадой 1-й конной дивизии для преследования противника, отходившего на Благодарное и далее на Святой Крест.

Генералу Топоркову и генералу Казановичу я приказал перейти в общее наступление на фронте Александровское—Новоселица и далее на юго-восток. Противник, желая выйти из тяжелого положения, предпринял отчаянную попытку приостановить наше наступление. 26 декабря, сосредоточив свои силы в районе Каз-Гулак—Овоши, он обрушился на отряд полковника Бабиева и после тяжелого двенадцатичасового боя оттеснил его к самому Петровскому. Не имея свободных резервов, я просил главнокомандующего мне помочь, и в мое распоряжение были переданы расположенные в Ставрополе Корниловский ударный и 2-й Сводно-кубанский казачий полки.

Приказав казакам спешно двигаться из Ставрополя к Петровскому походным порядком, я в ночь на 27-е перебросил по железной дороге корниловцев и, выдвинув их на фронт, к вечеру 27-го остановил красных в 7 верстах от Петровского. К вечеру 28 декабря полковник Бабиев, усиленный корниловцами и сводно-кубанцами, занял Малые Айгуры и Камбулат. Произведя перегруппировку, он через сутки ночным переходом, имея пехоту на повозках, выдвинулся к Каз-Гулаку, наголову разбил здесь противника и захватил более тысячи пленных. Последние, в значительном числе недавно насильно мобилизованные большевиками, сами выразили желание стать в наши ряды и в тот же день в числе пятисот человек сражались в рядах Корниловского ударного полка. Не задерживаясь в Каз-Гулаке, полковник Бабиев в тот же день выдвинулся к селению Овоши и к вечеру после короткого и горячего боя овладел последним, вновь захватил пятьсот пленных. На следующий день, 31 декабря, доблестный полковник Бабиев увенчал свое славное дело занятием села Маштак-Кулак, где и довершил разгром противника. Остатки красных рассеялись в степи.

Наступающий Новый год застал части корпуса на походе в ногайских степях.

Прошлое темно, будущее неясно, но рассвет как будто уже брезжит, прорезывая кровавую тьму, покрывшую русскую землю...

За два дня до Нового года я получил неожиданно телеграмму Главнокомандующего о назначении меня командующим Добровольческой армией; впредь до выполнения поставленной вверенной мне группой войск задачи временно командовать армией приказывалось начальнику штаба главнокомандующего, генералу Романовскому. Переговоры между главнокомандующим и Донским атаманом наконец привели к соглашению 26 декабря во время свидания в Торговой главнокомандующего и Донского атамана. Генерал Деникин объединил командование Добровольческой и Донской армиями, приняв звание главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России. Я совершенно не ожидал нового назначения. Оно обрадовало меня, дав возможность приложить силы и знания свои в широком масштабе и показав, что главнокомандующий доверяет мне и ценит мою работу. В то же время мне грустно было расстаться с моим славным корпусом и, неизбежно оторвавшись от войск, отдаться от столь близкой мне боевой жизни.

Командиром конного корпуса назначался начальник 1-й кубанской дивизии, генерал Покровский, причем его дивизия включалась в состав корпуса взамен 2-й кубанской дивизии генерала Улагая. Был назначен и новый начальник 1-й конной дивизии. По принятии мною 1-го конного корпуса начальником последней был назначен генерал Науменко. Он, однако, так и не успел вступить в командование, приняв должность походного атамана Кубанского войска, и дивизией долго временно командовал командир 1-й бригады полковник Топорков.

Заместителем генерала Науменко оказался старый мой приятель, соратник по Японской кампании и однокашник по академии Генерального штаба, которую он окончил за два года до меня, генерал Шатилов²³¹.

Я приказал генералу Шатилову объединить командование 1-й кубанской дивизией и частей 1-й конной, действующих под начальством генерала Топоркова.

Безостановочно гоня красных, генерал Улагай 24-го овладел Благодарным и 4 января захватил базу Таманской армии — Святой Крест, овладев здесь огромными запасами. В то же время генерал Шатилов, преследуя противника, овладел Новосельцами и селом Александровским, захватив вновь пленных, пулеметы и орудия. На следующий день в село Александровское вступили части генерала Казановича. Из Новоселиц конница генерала Топоркова усиленным

маршем выдвинулась к станции Преображенское, прервала железнодорожную ветку Святой Крест — Георгиевская, отрезав путь бегущим на юг красным эшелонам.

Сюда же к станции Преображенское спешили, преследуя по пятам бежавшего из Святого Креста на юг противника, прочие полки 1-й конной дивизии (2-я Кубанская дивизия генерала Улагая оставалась в Святом Кресте).

Развернувшись на линии Александровское—Новосельцы—Преображенское, армейская группа продолжала наступление на юг: 1-й армейский корпус генерала Казановича от Александровского на Саблинское и далее на станицу Александрийскую; 1-я кубанская дивизия под командованием генерала Крыжановского от Новосельцев на Обильное; части генерала Топоркова от Преображенской вдоль линии железной дороги на Георгиевск. Одновременно с запада генерал Ляхов продолжал теснить противника к Минеральным Водам. Овладев на своем пути селами Соддатско-Александровское и Обильное, части генерала Топоркова и генерала Крыжановского под общим командованием генерала Шатилова стремительно атаковали Георгиевск и после двухдневного боя 8 января овладели городом, перехватив пути отступления Минералводской группе красных. Прорвавшиеся из района Минеральных Вод, остатки XI красной армии бежали на восток, бросая по пути оружие, пулеметы и обозы.

Освобождение Терека

С занятием нами Святого Креста и дальнейшим продвижением к югу связь с корпусами из Петровского становилась затруднительной, и я решил перенести штаб на железнодорожную станцию Старомарьевка, откуда мне удобно было поддерживать проволочную связь с войсками. По моей просьбе отряд генерала Станкевича, связь с которым в этом случае была бы затруднительна, переходил в непосредственное подчинение ставки. На станции Старомарьевка помещение найти было трудно, и я со штабом жил в поезде. В Старомарьевку прибыл назначенный начальником штаба Добровольческой армии генерал Юзефович²³², о согласии на назначение коего я был запрошен несколько дней до этого и тогда же ответил утвердительно.

Лично с генералом Юзефовичем я едва был знаком, но по репутации знал его за блестящего, большой эрудиции, способного и дельного офицера. Я из Петровского несколько раз говорил с генералом Юзефовичем по прямому проводу. Ему поручил я формировать штаб,

и он вел переговоры с намеченными в сотрудники лицами. Краткие, сжатые и определенные изложения и ответы, даваемые генералом Юзефовичем на поставленные ему вопросы, меня чрезвычайно удолетворили. Составленное мною о генерале Юзефовиче благоприятное представление вполне подтвердилось при личном свидании. В дальнейшей продолжительной совместной работе я имел в его лице драгоценного сотрудника. Обладая большим военным опытом, широкой и разнообразной военной эрудицией, острым и живым умом и огромной трудоспособностью, генерал Юзефович был прекрасным начальником штаба. Впоследствии, во время перенесенной мною тяжелой болезни, ему пришлось продолжительное время командовать армией. Его все время тянуло в строй, летом девятнадцатого года он принял должность командира 5-го кавалерийского корпуса.

На должность генерал-квартирмейстера назначался исполнявший обязанности генерала для поручений при главнокомандующем полковник Кусонский²³³. Должность дежурного генерала была предложена генералом Юзефовичем старому его сослуживцу генералу Петрову²³⁴. Оба эти офицеры оказались вполне на высоте положения и впоследствии были для меня отличными помощниками.

8 января я был уведомлен, что на следующий день главнокомандующий прибывает на станцию Минеральные Воды, куда я наметил перенести мой штаб. Мой поезд прибыл несколькими часами позже поезда генерала Деникина. Последний немедленно по приезде выехал на автомобиле в Кисловодск и ожидался обратно лишь вечером. Последние дни я был нездоров, сильно простудившись, и не оставял вагона. Генерал Юзефович, встретивший генерала Деникина по возвращении, сообщил мне, что главнокомандующий утром сам зайдет ко мне. При этом он передал мне последние новости: войска, действующие в Каменноугольном районе и в Крыму; предположено было объединить в армию, поставив во главе ее генерала Боровского, с присвоением этой армии названия Добровольческой, вверенная же мне армия получала название Кавказской; гражданское управление на Кавказе предполагалось сосредоточить в руках генерала Ляхова. Известие о предстоящем переименовании моей армии меня очень огорчило. Вся героическая борьба на Юге России, неразрывно связанная со священными для каждого русского патриота именами генералов Корнилова и Алексева, велась под знаменем «Добровольческой армии». Каждый из нас, сознательно шедший на борьбу, предпочел именно это знамя знаменам Украинской, Астраханской и других армий. Пойдя под это знамя, я решил идти под ним до конца борьбы. Я готов был отказаться от должности командующего Кавказской ар-

мией и продолжать командовать корпусом или даже дивизией в составе Добровольческой армии. Я написал генералу Деникину письмо, с полной искренностью высказав ему эти мысли, и просил генерала Юзефовича вручить это письмо главнокомандующему до нашего с ним свидания.

Утром генерал Деникин зашел ко мне. По его словам, он ценил работу моей армии и понимал то значение, которое могло иметь для частей сохранение того наименования, которое неразрывно связано было с их подвигами. Но в то же время, учитывая, что большая часть «не казачьих» добровольческих полков должна была войти в состав армии генерала Боровского, полагал, что этой армии принадлежит преимущественное право именоваться Добровольческой. Генерал Романовский со своей стороны поддерживал точку зрения главнокомандующего. Я предложил генералу Деникину сохранить за обеими армиями дорогое войскам название добровольческих, добавив к нему наименование по району действий армии.

В конце концов моя армия получила название Кавказской Добровольческой, а армия генерала Боровского Крымско-Азовской Добровольческой.

10 января я вступил в командование армией и отдал следующий приказ.

«ПРИКАЗ КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ № 2

Минеральные Воды

10 января 1919 г.

Славные войска Кавказской Добровольческой армии!

Волею главнокомандующего, генерала Деникина, я с сегодняшнего дня поставлен во главе Вас.

Горжусь командовать Вами, храбрецы.

Полгода кровавых битв я провел среди Вас, почти все Вы сражались под моим начальством, и с нами всюду была победа.

Орлы 1-й конной дивизии, где только не били мы врага. Под станциями Петропавловской, Михайловской, Курганной, Чамлыкской, Урупской и Бесскорбной, под Армавиром и Ставрополем. Вы неизменно громили противника, захватывая пленных, орудия, пулеметы.

Доблестные соратники 1-го конного корпуса, Ваше победоносное «ура» гремело под Михайловской, Дубовкой, Тутулуком, Константиновской, Благодарным, Петровским, под Спицевкой и Винодельным, под Медведовским, Елизаветинским, Святым Крестом и Георгиевском,

тысячи пленных, десятки орудий и пулеметов, огромные обозы попали в Ваши руки.

Славные войска 1-го армейского, 1-го конного корпусов, 3-й кубанской дивизии и Пластуны 3-й бригады, рядом с доблестными войсками генерала Ляхова, Вы в последних боях разбили наголову врага, 35 орудий, 58 пулеметов, броневики, аэропланы, огромные обозы и тысячи пленных стали Вашей добычей.

Доблестью Кубанских орлов освобождена родная Кубань; враг, пытавшийся укрыться в богатой Ставропольской губернии, наступит, разбит и бежал в голодную Астраханскую степь

Очередь за Терекком: уже поднимаются на защиту родных станиц славные Терцы и каждый день стекаются в наши ряды.

Услыхав клич Кубанских и Терских орлов, уже встают храбрые Кабардинцы и Осетины; встал как один горный Дагестан, джигиты сздают коней, берут оружие и спешат вместе с нами в бой...

Вперед же, кавказские орлы!

Расправьте могучие крылья, грудью прикройте свои гнезда и, как трусливого шакала, гоните от родных станиц и аулов презренного врага.

Генерал Врангель».

На следующий день генерал Деникин вернулся в Екатеринодар, а я горячо принялся за работу. Еще в первые дни смуты на минеральные группы бежало из главных городов России большое число зажиточных и принадлежащих к верхам армии и бюрократии лиц. Все они, особенно за последнее время владычества красных, подвергались жестокому преследованию. По мере приближения наших войск красный террор усиливался, свирепствовали обыски и расстрелы. В числе расстрелянных оказались и бывший главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский²³⁵ и герой Галиции, генерал Радко-Дмитриев²³⁶. Кто лишился мужа, кто сына или брата. Большинство потеряли последнее свое достояние. Теперь эти несчастные, не смея верить еще в свое избавление и ежечасно ожидая возвращения врага, спешили пробраться в тыл, забывая вокзалы и вагоны. В Кисловодске, Пятигорске, Железноводске и Минеральных Водах осталось значительное число большевиков, не успевших бежать с красными войсками и ныне стремившихся пробраться поглубже в тыл, надеясь там, не будучи известными, надежно укрыться. Установить необходимый контроль было чрезвычайно трудно. С наступлением зимы в рядах красной армии стал свирепствовать сыпной тиф. При отсутствии порядка и правильно организованной медицинской помощи эпидемия приняла

неслыханные размеры. За переполнением больниц тифозные заполняли дома, вокзалы, стоявшие на запасных путях вагоны. Умершие в течение нескольких дней оставались среди больных. Лишенные ухода, предоставленные самим себе, больные в поисках пропитания бродили до последней возможности по улицам города, многие, потеряв сознание, падали тут же на тротуары. Я привлек к работе все местные и имевшиеся ранее в моем распоряжении медицинские силы. Приказал очистить от больных и продезинфицировать вокзалы и вагоны, открыть ряд новых лазаретов и госпиталей, использовав пакгаузы, кинематографы и т. д.

Между тем 1-й конный корпус, неотступно идя на плечах противника, беспрерывно продвигался вперед, захватывая пленных, орудия, пулеметы и обозы. Спеша нагнать свой корпус, проехал через Минеральные Воды генерал Покровский. Я беседовал с ним. Беседа эта подтвердила сложившееся у меня о нем мнение. Это был безусловно человек незаурядного ума и большой выдержки. Я знал, что он предрепрежден о моем недоброжелательном к нему отношении, и тем более оценил спокойную, независимую и полную достоинства его манеру себя держать. Пробыв несколько дней в Екатеринодаре, вернулся в Минеральные Воды генерал Деникин. С ним приехал помощник его по гражданской части генерал Драгомиров; одновременно прибыл и генерал Ляхов.

Генерал Деникин пригласил меня и генерала Юзефовича на имеющее у него быть под его председательством военное совещание. Кроме меня и генерала Юзефовича, присутствовали генерал Романовский, Драгомиров и Ляхов. Главнокомандующий ознакомил нас с общим положением на фронте наших армий и своими дальнейшими предположениями. Освобождающиеся за очищением Северного Кавказа от красных части Кавказской армии предполагалось перебросить в Каменноугольный район, занятый ныне частями генерала Май-Маевского, с тем, чтобы в дальнейшем, заслонившись по линии Маныча слабым заслоном, главными силами развить действия в общем направлении на Харьков. Я горячо возражал, со своей стороны предлагая освобождающиеся части моей армии перебрасывать в район станции Торговая с тем, чтобы в дальнейшем, по сосредоточении здесь армии, действовать вдоль линии Царицынской железной дороги, на соединение с сибирскими армиями адмирала Колчака, победоносное продвижение которого задерживалось угрозой со стороны красных его левому флангу. Генерал Романовский мне возражал, доказывая необходимость прежде всего обеспечить за нами жизненно необходимый нам Каменноугольный бассейн и указывая на то, что харьковское направление, как кратчай-

шее к главному объекту действий Москве, должно почитаться главнейшим. Генерал Юзефович поддерживал меня.

Мои и генерала Юзефовича доводы успеха не имели, и главнокомандующий оставил в силе свое решение перебросить освободившиеся части моей армии на Донецкий фронт.

По мере того как я присматривался к генералу Деникину, облик его все более для меня выяснялся. Один из наиболее выдающихся наших генералов, недюжинных способностей, обладавший обширными военными знаниями и большим боевым опытом, он в течение Великой войны заслуженно выдвинулся среди военачальников. Во главе своей «железной дивизии» он имел ряд блестящих дел. Впоследствии, в роли начальника штаба верховного главнокомандующего, в начале смуты, он честно и мужественно пытался остановить развал в армии, сплотить вокруг верховного главнокомандующего все русское офицерство. Всем памятна была блестящая прощальная речь его, обращенная к офицерскому союзу в Могилеве. Он отлично владел словом, речь его была сильна и образна. В то же время, говоря с войсками, он не умел овладевать сердцами людей. Самим внешним обликом своим, малокрасочным, обыденным, он напоминал среднего обывателя. У него не было всего того, что действует на толпу, зажигает сердца и овладевает душами. Пройдя суровую жизненную школу, пробившись сквозь армейскую толщу, исключительно благодаря знаниям и труду, он выработал свой собственный и определенный взгляд на условия и явления жизни, твердо и определенно этого взгляда держался, исключая все то, что, казалось ему, находится вне этих непререкаемых для него истин.

Сын армейского офицера, сам большую часть своей службы проведший в армии, он, оказавшись на ее верхах, сохранил многие характерные черты своей среды, провинциальной, мелкобуржуазной, с либеральным оттенком. От этой среды оставалось у него бессознательное предубежденное отношение к «аристократии», «двору», «гвардии», болезненно развитая щепетильность, невольное стремление оградить свое достоинство от призрачных посягательств. Судьба неожиданно свалила на плечи его огромную, чуждую ему государственную работу, бросила его в самый водоворот политических страстей и интриг. В этой чуждой ему работе он видимо терялся, боясь ошибиться, не доверял никому и в то же время не находил в самом себе достаточных сил твердой и уверенной рукой вести по бурному политическому морю государственных кораблей.

Генерал Покровский, став во главе корпуса, продолжал гнать противника. Последний делал отчаянные усилия задержать наше победное

движение и тем спасти себя от окончательного разгрома. В боях под Моздоком, станицами Мекенской и Калиновской последние остатки некогда грозной своим числом и средствами 150-тысячной армии были окончательно разгромлены. Немногие конные части, ища спасения, рассеялись по Астраханской степи. Вся же пехота, артиллерия, пулеметы и обозы попали в наши руки. Брошенные противником составы тянулись непрерывной лентой от станции Каргалинская до Кизляра на протяжении 25 верст. Весь путь отступления красных был усеян брошенными орудиями, повозками, оружием, трупами убитых и умерших от болезней. В руки нашей конницы попало 8 бронепоездов, более 200 орудий, более 300 пулеметов и свыше 31 тысячи пленных. Наша конница подходила к Кизляру, разъезды ее достигли берегов Каспийского моря. За двенадцать дней преследования конница генерала Покровского прошла свыше 350 верст.

Получив известие о занятии нашими передовыми частями Кизляра, я решил проехать к генералу Покровскому, чтобы благодарить его части. Я проехал поездом до станции Узловая, далее путь оказался неисправным, и я продолжал путешествие на автомобиле. На всем пути из окна вагона видели мы следы беспорядочного стихийного отступления красной армии. Тянувшийся вдоль железнодорожного пути тракт был усеян брошенными орудиями, повозками, походными кухнями, лазаретными линейками, трупами людей и лошадей. На остановках железнодорожные станции и дома были набиты больными и ранеными. По мере продвижения вперед картина разгрома противника выявлялась все ярче.

Начиная от Моздока до станций Наурской, Мекенской и Калиновской, на протяжении 65 верст, весь путь вдоль железной дороги был сплошь забит брошенной артиллерией и обозами, вперемешку с конскими и людскими трупами. Огромные толпы пленных тянулись на запад по обочинам дороги. В изодранных шинелях, босые, с изможденными землистого цвета лицами, медленно брели тысячные толпы людей. Пленных почти не охраняли, два казака гнали две-три тысячи. Партия пленных, в значительном числе состоящая из больных, оставяла за собой большое количество отсталых. Выбившись из сил, больные люди падали тут же на грязной дороге и оставались лежать, безропотно ожидая смерти, другие пытались еще искать спасения, подымались и шли далее, шатаясь и падая, пока, окончательно выбившись из сил, не теряли сознание. Двое таких несчастных, перейдя предел человеческих страданий, бросились под колеса нашего поезда.

На одной из маленьких станций, сплошь забитой ранеными, больными, умирающими и мертвыми, я зашел в железнодорожную буд-

ку. В маленькой, в пять-шесть квадратных аршин, комнате лежали на полу, плотно прижавшись друг к другу, восемь человек. Я обратился с вопросом к ближайшему, ответа не последовало. Наклонившись к нему, я увидел, что он мертв. Рядом лежал такой же мертвец, далее то же. Из восьми человек было семь трупов. Восьмой был еще жив, но без сознания. К груди своей, ища тепла, он плотно прижимал облезшую, худую собаку.

На станциях и железнодорожных разъездах стояли брошенные противником эшелоны с потухшими паровозами. Среди всевозможных товаров, мануфактуры, посуды, снарядов, сельскохозяйственных машин, оружия, медикаментов лежали забившиеся в вагоны больные вперемешку с трупами. В одном из вагонов я видел умирающего, под головой которого подушку заменял труп его товарища. На одном из разъездов нам показали поезд мертвецов. Длинный ряд вагонов санитарного поезда был сплошь наполнен умершими. Во всем поезде не оказалось ни одного живого человека. В одном из вагонов лежало несколько мертвых врачей и сестер. По приказанию генерала Покровского особые отряды производили очистку железнодорожных зданий от больных и трупов. Я наблюдал, как на одной из станций пленные откатывали ручные вагонетки со сложенными, подобно дровам, оконченными, в разнообразных позах, мертвецами. Их тут же за станцией сваливали в песчаные карьеры в общую могилу.

От станицы Каргалинской до Кизляра на протяжении 25 верст железнодорожный путь был забит сплошной лентой брошенных составов. Здесь были оставлены запасы неисчислимой стоимости: оружие, огнеприпасы, громадное количество медикаментов, медицинских инструментов, обувь, одежда вперемешку с автомобилями, мебелью, галантереей и хрусталем. Охранять все это было некому, и бесценные запасы расхищались населением окрестных деревень. Один из составов, вероятно от неосторожности, загорелся. Находившиеся в некоторых вагонах артиллерийские грузы взорвались. Чернел длинный ряд обгорелых вагонов, и на значительном пространстве кругом разбросаны были обезображенные трупы, среди них много женщин и детей.

Освобожденный от красного ига Терек подымался. Станицы, через которые мы проезжали, кишели народом. Скакали спешившие на сбор к станичному правлению казаки. Шли в праздничных нарядах статные, красивые казачки. На околице одной из станиц мы встретили человек пять казачат с винтовками. Автомобиль завяз в грязи, и, пока подоспевшие казаки его вытаскивали, я разговорился с казачатами:

«Куда идете, хлопцы?»

«Большевиков идем бить, тут много их по камышу попряталось, як их армия бежала. Я вчерась семерых убил», — в сознании совершенного подвига, заявил один из хлопцев, казачонок лет двенадцати, в бешмете и огромной мохнатой папахе.

Никогда за все время междоусобной брани передо мной не вставал так ярко весь ужас братоубийственной войны...

Нагнав генерала Покровского на подходе к Кизляру, куда он в этот день переносил свой штаб, я отдал ему распоряжение оставаться с частью сил в Кизлярском отделе, а прочие силы направить под командой генерала Шатилова на юг к устью реки Суджи, с целью перехватить бегущую от Владикавказа XII армию красных. Поблагодарив полки, я в тот же день выехал обратно в Минеральные Воды.

Одновременно с занятием генералом Покровским Кизляра часть его конницы заняла город Грозный. В то же время Кавказская казачья дивизия недавно произведенного в генералы Шкуро и пластуны генерала Геймана после упорного боя овладели Владикавказом и начали очищение плоскостных ингушских аулов, где держались еще части XII красной армии, действовавшей в Суджинском отделе. Прижатые к Кавказскому хребту красные пытались прорваться к морю долиною Суджи. Подоспевшие части генерала Шатилова успели их перехватить; в жестоких боях под станицами Самашинской, Михайловской и Слепцовской окончательно разгромили врага, захватили 7 бронепоездов, всю его артиллерию и более 10 тысяч пленных.

Северный Кавказ был освобожден. Армии генерала Деникина отныне имели обширную базу, бесконечно богатую местными средствами, огромным запасом людей и всем необходимым для обеспечения широких операций его войск.

29 января я отдал армии приказ:

«ПРИКАЗ КАВКАЗСКОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ № 3

Минеральные Воды

20 января 1919 г.

Славные войска Кавказской Добровольческой армии.

Доблестью Вашей Северный Кавказ очищен от большевиков. В одних только последних боях Вами захвачено 8 броневых поездов, 200 орудий, 300 пулеметов, 21 тысяча пленных и иная несметная военная добыча. Еще недавно, в октябре месяце, большевистская армия насчитывала 100 000 штыков с огромным числом орудий и пулеметов, теперь от этой армии не осталось и следа...

Полчища врага разбились о доблесть Вашу — Вас было мало, а у Вас подчас не хватало снарядов и патронов, но Вы шли за правое дело спасения родины, шли смело, зная, что «не в силе Бог, а в правде...».

Кубанские орлы: Вам обязана родная Кубань за избавление от ужаса крови, насилия и разорения. Изгнав врага из родных станиц, Вы отбросили его в безлюдные Астраханские степи, Вы протянули руку помощи родному Тереку, гибнувшему в неравной борьбе.

Славные Терцы, храбрые Кабардинцы, Черкесы и Осетины — Вы долго боролись с неравным врагом, ожидая помощи. Она пришла в лице нашей армии, и Вы, как один, стали в ее ряды.

Герои стрелки, доблестная пехота, славные артиллеристы — Вы, кучка верных сынов России, свершили свой крестный путь в палящий зной, ненастье и стужу, на равнинах Кубани, в Ставропольских степях, в горах Ингушетии и Чечни... От Черного и до Каспийского моря прошла наша армия, победоносно гоня врага, возвращая несчастному населению мир и благоденствие.

Как Ваш Командующий и как один из сынов несчастной, истерзанной и опозоренной России, земно кланяюсь Вам, герои Кавказской Добровольческой армии, и твердо верю, что доблестью Вашей гибнущая Родина будет спасена...

Генерал-лейтенант Врангель».

П. Шатилов²³⁷

В ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

(из воспоминаний)²³⁸

Я прибыл в Екатеринодар из Тифлиса в середине декабря 1918 года и была зачислен в резерв Добровольческой армии. В результате свидания генерала Деникина с Донским атаманом генералом Красновым появился приказ об едином командовании, и 26 декабря этот приказ был объявлен. Вот его содержание: «По соглашению с атаманами Войска Донского и Кубанского сего числа я вступил в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на Юге России. *Генерал-лейтенант Деникин».*

Этот приказ вызвал неизбежность выделить Добровольческую армию из непосредственного ведения генерала Деникина. Он сохранил свой штаб в качестве штаба вооруженных сил на Юге России, а во главе Добровольческой армии поставил генерала Врангеля. Как бы в

оправдание этого назначения генерал Деникин пишет в своем труде «Очерки русской смуты», что «в последних славных боях на Урупе, Кубани, под Ставрополем он [генерал Врангель] проявил большую энергию, порыв и искусство маневра». Армия генерала Врангеля получила название «Кавказской добровольческой» ввиду того, что добровольческие части, действующие на Дону, разворачивались также в армию, которой и дано было название «Добровольческой».

В Екатеринодаре я пробыв всего несколько дней. В последних числах декабря я получил телеграмму генерала Врангеля с просьбой прибыть в его распоряжение. Такую же просьбу от Врангеля получил и штаб главнокомандующего. Генерал Романовский дал свое согласие, и я, быстро собравшись, отправился через Ставрополь к штабу генерала Врангеля.

Командирование в распоряжение моего боевого товарища и старого друга меня очень обрадовало. Выехал я из Екатеринодара 30 декабря и 31-го прибыл в Ставрополь. Там я узнал, что штаб Врангеля находится в с. Петровском. Добраться туда скоро было нелегко, несмотря на то что это селение было связано со Ставрополем железной дорогой. Только на следующий день был составлен поезд, который должен был следовать на Петровское. Ехали мы бесконечно долго, останавливались часами на каждой станции и, наконец, добрались до цели нашего путешествия. По приезде я немедленно отправился в штаб генерала Врангеля (моя встреча с П.Н. Врангелем в Петровском и дальнейшие события записаны мною в 1919 г. — П. Ш.).

Я его застал дающим своему молодому начальнику штаба полковнику Соколовскому какие-то распоряжения. Увидел я его после многих лет, в течение которых мы, находясь в разных участках нашего громадного фронта, совсем не встречались. Только один раз я надеялся встретиться с Петром Николаевичем, когда получил предложение в 1915 году от генерала Крымова принять один из полков его дивизии, в которой Врангель уже командовал Нерчинским полком. Однако это мое назначение не состоялось, так как до меня еще не дошла очередь.

Увидев моего друга, я даже не успел его как следует разглядеть. Прекратив свой разговор с Соколовским, Врангель быстро подошел ко мне. Мы расцеловались, и он мне сказал, что я прибыл более чем своевременно. Тут же немедленно он стал знакомить меня с общей обстановкой на фронте, с данной ему задачей и о распоряжениях, которые он давал своим частям. Я погрузился в карту и стал по ней следить за его словами. Затем он мне сказал, что поручает мне командование средним боевым участком его армейской группы, с назначением меня од-

новременно и начальником 1-й конной дивизии, которой он недавно командовал сам. Он мне сказал, что завтра же он намерен перейти в наступление, почему предложил мне поскорее добраться к моему штабу. После этого Врангель опять подошел к подполковнику Соколовскому и стал проверять заготовленную директиву. Тут же она была подписана и стала размножаться для отправки по назначению. Здесь же мне был вручен этот боевой приказ.

Должен признаться, что у меня от всего перечувствованного в эти минуты положительно закружилась голова. Встреча с близким другом, ставшим тогда уже героем по ряду удачных боев на Северном Кавказе, поручение, совершенно неожиданное, данное мне по прибытии моем в Петровское, ответственной роли боевого начальника, спешное мое отправление к месту моего командования — все это вызвало во мне ряд сильных и разнообразных переживаний.

Правда, в глубине души я тайл надежду, что меня назначат командовать дивизией, но фактически я получил в командование конный корпус, впредь до прибытия на фронт генерала Покровского, находившегося в Екатеринодаре.

Кроме того, мне было как-то странно не обмолвиться с моим другом — теперь моим командующим армией — хотя бы одним словом о всем том прошлом, которое нас разъединило физически на многие годы, столь насыщенные событиями. Видя мой озабоченный вид, Врангель подошел ко мне и спросил меня, что меня смущает.

— Поверь, — сказал он мне, — ты легко справишься с этим поручением. Обе твои дивизии имеют прекрасные части, а среди подчиненных ты встретишь храбрейших и умелых начальников.

Я ему ответил, что эта сторона меня нисколько не волнует, но я опасаясь, что сам не оправдаю вполне оказываемое им мне доверие.

— Я знаю о тебе больше, чем ты думаешь, — заявил мне мой друг, — твоя работа на Кавказе и твоя деятельность во время революции мне хорошо известны от тех лиц, кто непосредственно их видел. Одной нашей дружбы было бы для меня недостаточно, чтобы вызывать тебя к себе и поручить тебе ответственную роль. Смотри только держи со мною связь всеми способами. Эта часть у нас сильно хромает.

Посмотрев на часы, он сказал мне, что мы заболтались и что мне нужно торопиться, чтобы к утру поспеть к своему штабу. Распрощавшись со своим другом и погрузив свое седло и чемодан на поданную мне подводку, я отправился в путь.

В этой нашей встрече полностью сказались внутренние качества Петра Николаевича, Петруши, как я его звал и как его звали родные.

Для него прежде всего была его служба и ответственность перед ней. Так же как и мне, ему, конечно, хотелось многим со мной поделиться. Отношения у нас были исключительно близкие; не виделись мы давно — из рядовых офицеров стали ответственными начальниками. Было о чем поговорить, чем поделиться, но его мысли были поглощены завтрашним наступлением. Все остальное проходило мимо него. Когда же он не был связан временем, когда мысли его могли быть отвлечены, то он скорее был очень разговорчивым и всегда стремился узнать мнение своего собеседника в затронутом разговором вопросе. У него была даже манера вызывать у собеседника высказать его мнение вопросом «что?», как будто бы он не расслышал того, что ему говорилось. Чужое мнение он уважал, с ним считался и был очень далек от упрямого отстаивания своих решений.

До моего штаба, который находился в с. Грушевском, было около 60 верст. Дороги были плохие, и лошади с трудом плелись мелкой рысью. К моему счастью, подполковник Соколовский назначил в мое распоряжение казака, который мне очень помог в пути. Прибывая в селения, через которые мы проезжали, нам с трудом удавалось находить смену лошадям, особенно ночью. Однако благодаря расторопности казака мы все же утром добрались до Грушевского. Там я нашел моего временного предшественника, генерала Крыжановского, который ничего еще не знал о данной корпусу задаче.

Части корпуса, без одной бригады 1-й конной дивизии, находившейся в распоряжении генерала Улагая, действовавшего на святокрестовском направлении, находились в районе Грушевское—Калиновка. Общая обстановка, как мне была объяснена генералом Врангелем, складывалась следующим образом.

Генералу Врангелю, как командующему армейской группой, были подчинены: 1-й армейский корпус генерала Казановича, 1-й конный корпус генерала Покровского, которым временно должен был командовать я, и отряд генерала Станкевича. Генералу Врангелю ставилась задача удерживать фронт от Маныча до Петровского, овладеть базой красных, Святым Крестом, и выйти в тыл группе советских войск, действовавших в районе Минеральных Вод. Во исполнение этой директивы генерал Врангель направил на Святой Крест дивизию Улагая, усилив ее бригадой 1-го конного корпуса, моему же корпусу им было приказано овладеть Новосельцами и Александровским

Еще в пути я изучил данную мне директиву и заготовил свой боевой приказ для наступления. Оставалось только его размножить и разослать по назначению в части. Наступать надо было немедленно, тем более что Улагай, связанный с Врангелем телефоном, конечно, уже с

утра начал свое движение на Святой Крест. Наше промедление могло бы поставить его в невыгодное положение. После удачных для нашего корпуса боев у Новосельцев и Александровского, согласно данной мне директиве, я направил бригаду 1-й конной дивизии на Преображенское, куда отходили красные после их разгрома Улагаем под Святым Крестом. Там соединилась вся 1-я конная дивизия, в командование которой я предназначался по прибытии генерала Покровского. Во главе с генералом Топорковым дивизия эта окончательно разгромила красные части, отходящие от Святого Креста.

В это время правофланговые части нашей армии вели бои под Минеральными Водами. В период этих боев большое значение приобрел город Георгиевск. Через него шли главнейшие пути отхода Минераловодской группы красных. При его захвате, до отхода их на восток, эта группа совершенно выводилась из строя. Только небольшие части, без обозов, могли рассчитывать уйти через станицу Зольскую на Владикавказ. Учитывая это, генерал Врангель приказал мне напрячь все силы, чтобы возможно скорее овладеть Георгиевском. Для выполнения этой задачи я направил 1-ю конную дивизию долиной Кумы для удара по Георгиевску со стороны станицы Урупской, в обход его с востока. Бригаду 1-й Кубанской дивизии я направил на Обильное, и с другой бригадой, назначенной в резерв, я пошел на Новозаведенное, чтобы иметь возможность усилить своевременно генерала Топоркова. Свой главный удар я направлял моим левым флангом. Начал движение 5 января. Красные вначале не оказывали серьезного сопротивления, и к вечеру мы овладели районом Отказное—Обильное—Урупская. Но если противник сопротивлялся слабо, то нам приходилось в этот день сделать громадные переходы.

Во время этого перехода я стал припоминать обстановку моей встречи с Врангелем. Меня удивило его обращеніе с младшими офицерами своего штаба. Он им задавал при мне вопросы существенного значения и, казалось, с интересом ждал их заключений. Его удивительная мягкость в отношениях с подчиненными была явно естественной. Я же ожидал встретить другое. Мне казалось, что всегда свойственная ему еще в молодости откровенность во взглядах и чрезвычайно образные выражения мыслей должны были бы вылиться теперь, при общей несдержанности, в известную резкость. Я скорее ожидал встретить трудного начальника, чем обаятельного и до крайности простого человека, каким я его нашел. С другой стороны, знакомясь с его директивой и последующими распоряжениями, я поражался их необыкновенной ясности и последовательности. В них ничего не было лишнего, но и ничего не было забыто. Пер-

вого моего с ним свидания было для меня достаточно, чтобы оценить его вполне.

6 января обе мои колонны повели наступление, продолжая движение согласно данным им указаниям. В то же время и со стороны красных появились значительные силы. Они повели против нас контрнаступление широким фронтом со стороны железной дороги и со стороны Александрийской. Несколько позже обозначилось наступление их от Зельской на Урупскую. 1-я конная дивизия опрокинула эту группу и продолжала теснить красных к Георгиевску, отрезывая им путь отступления на восток.

Между тем бригада Кубанской дивизии, направленная на Александровскую, стала отходить под сильным напором красных. Генерал Крыжановский мне доносил, что скоро будет вынужден отойти на Обильное. Это меня вынудило, скрепя сердце, использовать бригаду резерва во главе с полковником Гетмановым, которую я предназначал в решительную минуту для усиления генерала Топоркова. С бригадой Гетманова я вышел сам и убедился, что, действительно, силы красных чрезвычайно велики.

Полковника Гетманова я направил в обход красных с севера. На моих глазах Гетманов развернул бригаду и лихо атаковал большевиков, отбросил их за Куму. При этом он захватил много пленных и несколько орудий. Я вернул затем эту бригаду к Обильному, а генералу Крыжановскому приказал перейти в наступление и занять Подгорную, что к вечеру и было выполнено.

Между тем от генерала Топоркова не поступало никаких донесений. Однако сильный артиллерийский огонь слышался почти целый день к югу от Урупской. Лишь к вечеру я получил донесение от посланного мною офицера, что дивизия, потеряв почти всю артиллерию, быстро отходит назад. Не зная еще тогда генерала Топоркова, я пришел в негодование. Я был удивлен, что он не потрудился до самого вечера прислать мне донесения, что не дало мне возможности использовать мою резервную бригаду. Для выяснения я попросил к себе в Обильное генерала Топоркова, который мне доложил, что он весь день вел упорные бои с противником, но к вечеру, не рассчитав утомления людей, зарвался вперед и в конце концов оказался почти окруженным со всех сторон. Конная атака подошедшей против него дивизии красных Кочубеева вынудила его к отходу, причем он потерял несколько пушек. Но тут же генерал Топорков доложил мне, что дивизия его в полном порядке и что на следующий день он готов выполнить всякое данное ему поручение. Перед отъездом он просил дать ему на следующий день отдых, так как уже много дней дивизия

была в боях и делала громадные переходы. Обещать я ему этого не мог, но на деле этот отдых оказался фактически осуществившимся.

На следующий день, 7 января, большевики, решившись пробиваться на восток, направили все свои силы на бригаду генерала Крыжановского, в помощь которому я опять был вынужден послать бригаду Гетманова. Он повторил вчерашний маневр, но уже не с тем успехом, так как силы красных все прибывали. Было ясно, что они решили во что бы то ни стало прорваться на Обильное. К полудню Подгорная перешла в руки противника, однако дальше он продвигаться не мог. К этому времени я получил донесение, что передовые части Казановича, наступавшего правее меня, обнаружены к северу от Александрийской. Это дало мне возможность рассчитывать, что Крыжановский справится с нажимом красных на Обильное и что с остальными частями корпуса я могу обрушиться на Георгиевск с востока. Но дни были коротки, стало темнеть, и я не мог уже успеть сделать перегруппировку и начать наступление. Пришлось отложить атаку на 8 января.

В этот день рядом конных атак 1-я конная дивизия генерала Топоркова опрокинула большевиков от Урупской на Георгиевскую, перехватив железную дорогу на Прохладную. В этот же вечер бригада генерала Крыжановского овладела Подгорной, а в Александрийскую вступили части генерала Казановича. К полудню все мои части были уже пущены в бой, причем бригада Гетманова была мною послана на усиление Топоркова. Георгиевск был нами захвачен после боя у самого города. Число пленных и количество захваченной материальной части было очень велико, а 1-я конная дивизия получила обратно свои пушки. В результате Минераловодская группа красных была нами перехвачена и взята в плен; только небольшим ее частям удалось уйти на Моздок и Владикавказ.

* * *

В Георгиевск прибыл генерал Покровский, которому я сдал командование 1-м конным корпусом, находившимся под моим начальством до его возвращения на фронт. Население города встретило нас как избавителей. Ликование его было вполне искренним. Меня наперерыв приглашали присутствовать на разных собраниях, но я от них отказывался, объясняя это тем, что скоро прибудет генерал Врангель.

Приняв меры к восстановлению временной власти в городе и посетив некоторые его части, я впервые столкнулся с тем страшным

несчастьем, которое обрушилось сначала на красных, а затем и на нас. Это была эпидемия сыпного тифа. На вокзале я увидел буквально тысячи людей в солдатских шинелях, лежавших на полу и не проявлявших никакого внимания на окружающую обстановку. Многие были без сознания, среди них было около трети мертвецов. Захваченным пленным было приказано убрать трупы и похоронить их в братских могилах. Разместить же больных по госпиталям не было никакой возможности — все они были переполнены больными. Все же кое-как была налажена относительная санитарная помощь.

С прибытием генерала Покровского я вступил в командование 1-й конной дивизией. В нее входили 1-й Екатеринодарский, 1-й Линейный, 1-й Запорожский и 1-й Уманский полки и конно-артиллерийский дивизион. Командующий дивизией генерал Топорков получил Терскую дивизию, которая была отправлена на Донской фронт после ее формирования. Я оказался без лошади, так как до тех пор я пользовался одной из лошадей генерала Топоркова. В штабе дивизии мне дали лошадь одного из заболевших казаков. На следующий день, после выступления на восток, я пропустил дивизию мимо себя, знакомясь впервые с ее доблестными частями.

Подъезжая к Запорожскому полку, я был встречен его временным командиром в погонах есаула. Я его узнал не сразу, но после его доклада я опознал в нем того самого Павличенко²³⁹, который был в свое время казаком-ординарцем из конвоя Наместника у моего отца в Тифлисе. Его военная карьера примечательна. Мы с ним расцеловались, и он мне рассказал свою историю. Оказывается, после замещения моего отца генералом Мышлаевским Павличенко оставался ординарцем и при нем, а позже был отправлен урядником из конвоя Наместника на Кавказский фронт в Запорожский полк, где за боевые отличия был произведен в офицеры. Войну он кончил сотником и вместе с полком вернулся на Кубань. Когда Кубань была охвачена большевизмом, то перед вторым походом добровольцев на Кубань он был привлечен большевиками к командованию полком, составленным из казаков. К нему был приставлен комиссар, и он поневоле стал заниматься с казаками, рассчитывая как-нибудь передаться добровольцам. Как только начались боевые действия и он получил от своих разъездов донесение о соприкосновении с разъездами генерала Эрдели, Павличенко построил полк в резервную колонну и обратился к казакам с кратким заявлением, что до сих пор они были красноармейцами, а теперь он их поздравляет казаками. Грянуло «ура», и было приступлено к аресту комиссаров. На следующий день полк вошел в конницу генерала Эрдели. Павличенко за это был произведен в есау-

лы и назначен командиром сотни, но скоро за боевые отличия был представлен к производству в штаб-офицеры и за выбытием из строя ранеными старших офицеров, уже при встрече со мной, временно командовал Запорожским полком.

* * *

Между тем моя дивизия спешно продвигалась вдоль Терека. В одной из рекогносцировок, в первый же день нашего движения, когда я выехал вперед на линию наших головных частей, моя лошадь была убита и я вновь оказался спешенным. На помощь мне пришел Павличенко, который уступил мне своего коня. Но на следующий день при нашем столкновении впереди Моздока, когда я стоял на батарее, артиллерийским снарядом была сильно ранена и эта лошадь. Пришлось опять искать себе коня...

Действия нашего корпуса имели целью завершить разгром большевистских армий Северного Кавказа и их преследовать по единственно оставшемуся им пути на Кизляр и к Каспийскому морю, перехватывая в то же время все оставшиеся в долине Терека красные части. Правее нас действовали части Казановича и Эрдели. Моя дивизия наступала сначала прямо на Моздок, а затем двигалась долиной Терека. 1-я Кубанская дивизия Крыжановского двигалась левее меня. Поначалу красные не оказывали серьезного сопротивления, но у Моздока мне пришлось выдержать упорный бой. Комбинируя конные атаки с действием спешенных частей и используя меткость нашего артиллерийского огня, моя дивизия при содействии 1-й Кубанской дивизии овладела 15 января Моздоком, захватив несколько батарей и тысячи пленных.

От Моздока, в котором я не останавливался вовсе, мы продолжали наше преследование, мало заботясь уже о подсчете пленных и трофеев, которые были неисчислимы. Орудия красные бросали целыми батареями. Железнодорожные составы, переполненные всяким ценным имуществом, поневоле оставались на разграбление местным населением за полным отсутствием возможности привлечь к охране его и без того наши тощие части. К тому же надо было безостановочно преследовать красных, чтобы не дать им возможности добраться до Каспийского моря. Помнится, в бою под Калиновкой моя дивизия захватила восемь броневых поездов, а по пути нашего следования мы насчитали до полутора ста брошенных орудий, сотни пулеметов и бесконечное число походных кухонь. Число пленных достигало 20—30 тысяч. После станции Мекенской наша

дивизия двигалась уже без сопротивления со стороны красных. По пути поднимались терские казаки, собирались сходь, выбирались атаманы станиц, которые предлагали немедленно же выставить казаков на усиление моей дивизии. Я им заявлял, что необходимо выждать распоряжение войскового штаба из Владикавказа, к которому к тому времени подходили части генерала Шкуро. Красная армия Северного Кавказа в составе до 150—200 тысяч бойцов, за исключением ее частей, оставшихся еще в долине реки Сунжи и в Чечне, прекратила свое существование, но новый враг стал опустошать наши ряды.

При вступлении в районы, занимавшиеся тылами красной армии, мы получили от них сыпнотифозную эпидемию. Она начала косить наши ряды настолько, что наши конные полки, обыкновенно страдавшие недостатком конского состава, терявшие его во время тяжелых переходов или от огня, имели теперь большое количество заводных лошадей, выбывших из строя по болезни казаков. Наряды для их сопровождения ослабляли число наших шашек.

У станицы Червленной обе дивизии нашего корпуса сблизилась. Генерал Покровский послал 1-ю Кубанскую дивизию на Кизляр, а я следовал за ней. В это время прибыл к нам генерал Врангель. Приехал он на автомобиле, так как железная дорога еще не действовала. Считая совершенно достаточным для преследования большевиков к морю одной дивизии, он свернул мою дивизию к Грозному, к которому подходили части красных, теснимые со стороны Владикавказа. Вместе с тем, ввиду особой задачи, возлагавшейся на мою дивизию, он подчинил ее в оперативном отношении непосредственно себе.

Взятие нами Грозного становилось крайне важным. Во-первых, были получены сведения, что на Грозный двигаются, якобы под командою английских офицеров, какие-то дагестанские формирования, и, во-вторых, туда же направились красные части, опрокинутые нами в районе Владикавказа.

Сосредоточив дивизию у станицы Червленной, я выступил на Грозный. По пути были два селения: чеченский аул и казачья станица, — оба были разрушены, не осталось камня на камне. Вообще, во всем районе между Терекком и Сунжей, где терские станицы вклинивались в чеченские аулы, они были совершенно уничтожены. В ответ на это терские казаки уничтожали чеченские селения, окруженные станицами. Ни одного жителя в этих прежде населенных пунктах не осталось. Одни были убиты, другие бежали и укрылись у соседей. Между чеченцами и казаками, казалось, возобновилась борьба времен покорения Кавказа. Чеченцы то соединялись с большевиками, чтобы вме-

сте с ними нападать на казаков, то действовали против красных, но избегали сотрудничества с казаками.

К вечеру я подошел к Грозному. Высланная разведка донесла о значительных силах, занимающих город. Перебежчики, кроме того, говорили, что кругом Грозного большевики установили на изоляторах провод, через который пущен ток высокого напряжения, и малейшее прикосновение к проводу причиняло неминуемую смерть. На следующий день утром я повел наступление, охватывая город с двух сторон. К сожалению, я не имел возможности применить здесь силу наших конных атак, так как красные не выходили в поле, из-за того же пресловутого провода с электрическим током. Однако он не оказал красным никакого содействия. Проволока эта, разбитая в некоторых местах нашими снарядами, перестала быть препятствием, и мои полки скоро ворвались в город. Часть красных отошла за Сунжу, другая же отступила на запад долиной Сунжи навстречу большевикам, отходившим из Владикавказа.

Грозный был единственным промышленным центром Терской области. Будучи раньше лишь сильным опорным пунктом в нашей борьбе при покорении Чечни и Дагестана, он стал сравнительно большим городом с начала разработки вблизи него нефтяных промыслов. Уже с подходом к Грозному мы видели за ним на высотах громадное пламя и высокое облако черного дыма. Это горела часть нефтяных промыслов. По неосторожности ли, или здесь был умысел, но еще за несколько месяцев до нашего прихода начались эти пожары. Попытки большевиков потушить пожар не удалось. Огонь от горевших газов и разливающейся нефти достигал такой силы, что в Грозном ночью было совсем светло. Огонь то увеличивался, то уменьшался, но сила его всегда оставалась достаточной для яркого освещения большой площади около промыслов.

Среди населения города были представители промышленников, банкиров, чиновников старой администрации, купечества и рабочих. При большевиках население пострадало мало и зверств почти не было. В местной тюрьме мы нашли лишь небольшое число политических заключенных. Вступив в город, я назначил коменданта и просил Врангеля скорее прислать административный аппарат. Кроме коменданта, никаких других административных должностей я не создавал, было не до того, — надо было немедленно выступить долиной Сунжи на запад, чтобы встретить красных, вышедших из Владикавказа.

В Грозном же я получил сообщение о болезни Врангеля. Еще при последнем с ним свидании он мне жаловался на нездоровье, на сильную головную боль, но все же еще держался крепко. Сила воли про-

являлась в нем в желании в ответственное время операций побороть болезнь. Но зимний наш бич, сыпной тиф, свалил и его. Он слег и примерно на месяц выбыл из строя.

Еще до занятия Грозного мой начальник штаба, капитан Петров, заболел сыпным тифом и я остался, по существу, без штаба. Наконец, ко мне в Грозный прибыл генерального штаба полковник Георгиевич²⁴⁰, который и вступил в исполнение должности начальника штаба. Георгиевич был прекрасным помощником; не молодой уже, он был общителен, всегда в прекрасном веселом настроении и в то же время необычайно трудоспособный и храбрый офицер. Он быстро организовал штабную работу, что много облегчило мою прямую обязанность начальника дивизии. Мы с ним очень подружились, и с тех пор его служба неизменно соприкасалась в том или ином виде с моей.

Не пробыв и дня в Грозном, я выступил с дивизией долиной Сунжи вдоль железной дороги. Проходя ряд станиц, мы встречали радостный прием казаков и ревностную подготовку к войсковым формированиям.

С первыми частями красных мы столкнулись у станицы Шамашинской. Опрокинув их конной атакой, мы двигались дальше и встретили сильное сопротивление у Михайловской станицы. Большевики имели сильную артиллерию и несколько бронепоездов, которые выдвигались вперед и наносили нам значительные потери. Было ясно, что все усилия красных были направлены к тому, чтобы пробиться через Грозный к Каспию. Они несколько раз переходили в наступление, и я неизменно отбрасывал их конными атаками, которых они не выдерживали.

Волнистая местность позволила мне незаметно направить Уманский полк в обход станицы Михайловской с севера. Когда я рассчитал, что обходная колонна уманцев должна уже подходить к железнодорожному полотну, я повел остальные три полка в атаку и совместно с уманцами мы совершенно разгромили большевиков, отобрав у них всю артиллерию, бронепоезда и захватив около 10 тысяч пленных. Остатки советского отряда бросились через Сунжу в Чечню, которая их приняла, вероятно, в благодарность за помощь, оказанную красными во время борьбы чеченцев с казаками. Путь во Владикавказ был открыт. Мне удалось ликвидировать и остаток Владикавказской группы красных.

Вступив в командование 1-й конной дивизией, прошедшей хотя и не долгую, но чрезвычайно интенсивную школу генерала Врангеля, я сразу понял те исключительные по результатам свойства конных атак, которым он научил свои полки. Строи, применявшиеся моими полками для атаки противника, были наиболее выгодными построения-

ми для использования нашей ударной силы. Вместо развертывания в разомкнутые строи, полки для атаки пехоты принимали развернутые строи, стремя к стремени, и размыкались лишь поневоле перед самым столкновением для нанесения шашечных ударов рассыпающимся красным. Места командиров были впереди своих частей. Слабая сравнительно действительность артиллерийского и пулеметного огня красных способствовала возможности вести конные атаки развернутыми строями. Принятие же этих строев сохраняло части в руках своих начальников, что позволяло им немедленно после одной атаки идти против другого противника. При этом моральное впечатление от сомкнутой атаки было во много раз сильнее развернутого наступления на противника. Нелегко генералу Врангелю было приучить свои полки к этим строям для конных атак, так как казаки любили пользоваться своими лавами, выливающимися нормально в одношереножные, сильно разомкнутые строи. Школа генерала Врангеля передалась и в другие дивизии, которые почти все одновременно оказались в его подчинении. Переняли его тактику и большевики, и по мере восприятия ими этих боевых порядков нам становилось труднее их одолеть.

После ликвидации у Михайловской красных частей, вышедших из Владикавказа, я расположил свою дивизию в двух группах, перекинув своих передовые части на южный берег Сунжи. Одна часть в составе бригады была сосредоточена у Михайловской, а другая у Грозного. Промежуток занимался формируемыми частями терцев. Передо мною возникла новая задача. Я должен был закончить очищение от остатков большевиков плоскостной Чечни и привести ее к повиновению. Для выполнения этой задачи я был подчинен генералу Ляхову, недавно назначенному командующим войсками Терско-Дагестанского края. Скоро была сформирована в моем районе Терская пластунская бригада, которая была подчинена мне. Были переданы также в мое распоряжение еще несколько полков терцев. Я опять стал командовать корпусом.

Генерал Ляхов, однако, действуя по указаниям штаба главнокомандующего, все медлил с началом моего наступления. В начале февраля от неизвестного мне Горского правительства явился его представитель и предложил передать ему в управление Грозненский район, вместе с самим Грозным. Я направил его к только что прибывшему, по назначению генерала Деникина, градоначальнику Ввозного полковнику Миклашевскому, который ему ответил, что Горское правительство не признается нами и что власть в городе и его районе принадлежит ему, представителю Вооруженных сил на Юге России. Тогда Горское пра-

А.И. Деникин

А.В. Туркул

П.Н. Врангель

П.Н. Шатилов

Э.Н. Гиацинтов

М.Н. Левитов

С.Р. Нилев

Чины комендантской команды
1-го Офицерского полка

Группа корниловцев в станице Егорлыкской летом 1918 г.

Бронеавтомобиль «Верный»

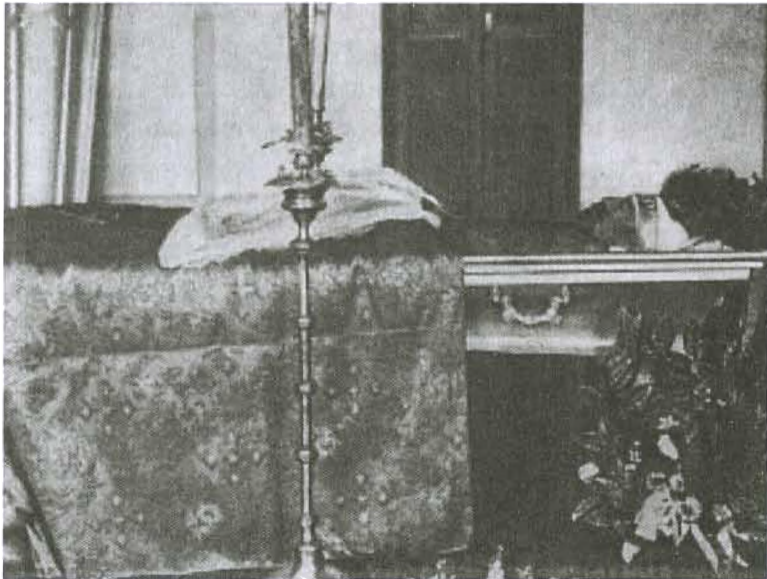
Группа марковцев с полковником Тимановским

Штаб 1-й дивизии Добровольческой армии, осень 1918 г.

Марковцы в госпитале в Кисловодске

Генерал Марков на смертном одре

Генерал от инфантерии
М.В. Алексеев

Генерал от кавалерии
А.М. Драгомиров

Генерал-майор М.Г. Дроздовский

Генерал-лейтенант барон П.Н. Врангель

Полковник А.П. Кутепов

Полковник Н.С. Тимановский

Полковник А.С. Булаткин

Полковник А.К. Фридман

вительство для ведения переговоров назначило своего представителя к генералу Ляхову. Между ними начались переговоры, но ни к каким результатам они не привели. Не имея своих формирований в Дагестане, центре горских самостийников, возглавители их стремились найти опору в большевиках, засевших в Чечне, и при содействии их организовать защиту и борьбу. Но и мы уже в это время усиливали себя новыми формированиями терских казаков. В мое распоряжение были переданы только что сформированные две Терские пластунские бригады под командованием генералов Хазова²⁴¹ и Драценко²⁴².

Во время перерыва в военных действиях жизнь в Грозном и в казачьих станицах стала постепенно налаживаться. Лично мне мало пришлось принимать участие в административной деятельности, так как градоначальник Грозного был подчинен Ляхову, а терские земли перешли в административное управление Терского правительства. Но по некоторым вопросам, касающимся общего положения, мне пришлось председательствовать в некоторых комиссиях. Так, под моим председательством решался вопрос о восстановлении нефтяной промышленности на грозненских промыслах. Вопрос имел для нас особо важное значение, так как Владикавказская железная дорога была приспособлена для нефтяной тяги. Нефть перестала поступать как из Баку, так и из Грозного, поэтому приходилось пользоваться паровозами с угольной тягой. Но и поступление угля становилось не обеспеченным, ввиду того что наши части вели бои в донецком бассейне, причем Донская армия, находившаяся правее нашей армии, в это время отходила на юг, что ставило под угрозу Каменноугольный район. Надо было во что бы то ни стало восстановить грозненские промыслы. Для этого в первую очередь надо было потушить на них пожары. В комиссии обсуждался вопрос тушения, и было решено прибегнуть к сверлению скважины вне досягаемости огня и кары пожара. Эта скважина должна была достигнуть основной скважины, выбрасывающей нефть и газы, загорающиеся на поверхности. Затем надо было приступить к закупорке основной скважины, что являлось самой трудной задачей. По закупорке скважины и тушению на поверхности пожара нефть должна была временно выбрасываться через новый для нее ход. Затем должно было быть приступлено к открытию старой скважины, чем и заканчивалась операция. Все это было выполнено только через два три месяца, когда я уже находился на Царицынском фронте.

В начале марта я, наконец, получил указание Ляхова перейти в наступление для приведения к покорности плоскостной Чечни. Я считал необходимым направить наш главный удар на аул Гойты, военный центр Чечни. Операция эта была выполнена следующим образом.

Для атаки Алхат-Юрта я сосредоточил почти всю свою артиллерию, две пластунские бригады и четыре конных полка против аула Кулары на северном берегу Сунжи. У Михайловского и впереди Грозного я оставил лишь незначительные части для прикрытия наших флангов.

15 марта я выехал в расположение главных сил корпуса к станции Ермоловской. Обойдя расположенные здесь части, я вызвал генерала Хазова, чтобы с ним вместе пройти к Сунже и с нашего возвышенного берега указать ему направление его будущей атаки. Он должен был ночью форсировать Сунжу, выдвинуться вперед и дать возможность пройти через реку нашей коннице, артиллерии и бригаде генерала Драценко. Я уже заготовил свой боевой приказ и познакомил с ним генерала Хазова. Наш берег все время обстреливался чеченцами. Чтобы не привлекать их внимания, кроме генерала Хазова, я взял с собою только полковника Георгиевича, моего начальника штаба.

Подойдя к нашему возвышенному берегу Сунжи, я стал показывать генералу Хазову на некоторые особенности местности, овладение которыми, по моему мнению, представят трудности при его ночной атаке. Чеченцы по-прежнему нас все время обстреливали, но их огонь не превышал интенсивности обычной перестрелки. Однако и этого огня оказалось достаточно, чтобы одной из пуль я был ранен в ногу. Пуля пробила мне щиколотку, и я сразу же почувствовал сильную боль. Так как наша рекогносцировка была закончена, то мы, как говорится, «попелелись» обратно. Я опирался на плечи Хазова и Георгиевича. Скоро мы дошли до полотна железной дороги, где стоял вагон, в котором я приехал из Грозного. Мне сейчас же была сделана перевязка.

Я рассчитывал продолжать командовать корпусом, но врач, осмотревший мою рану, заявил, что у меня несомненно раздроблено немало мелких костей сустава и что мне необходима операция в Екатеринодаре. Я вызвал моего заместителя, генерала Драценко, чтобы передать ему командование корпусом до моего возвращения. Он уже был ознакомлен с моим приказом и должен был в эту ночь начать наступление.

На следующий день утром я выехал в Екатеринодар. Проезжая станцию Ермоловскую, около которой я был ранен, я увидел из окна вагона на берегу Сунжи штаб Драценко и наши части на другом берегу, быстро продвигающиеся на Гойты. Как потом я узнал, в этот день около полудня аул Гойты был взят, а через шесть-семь дней вся Чечня изъявила покорность после жестоких боев, какие вел генерал Драценко в плоскостной ее части.

Со мной ехал в Екатеринодар тяжело раненный командующий Запорожским полком, есаул Павличенко. Во время одной из конных атак он с двумя сотнями своего полка врвался в отходившую колонну чеченцев и в происшедшей схватке получил несколько пулевых и шашечных ран, причем обе руки его были прострелены. Но он оставался верхом и продолжал командовать своими запорожцами.

По пути в Екатеринодар наш поезд обогнал поезд генерала Врангеля. Он сам только что вынес сыпной тиф в очень острой форме и, против ожидания врачей, после двух недель беспамьятства, благодаря уходу баронессы Врангель, был положительно вырван из смертельной опасности. Он был еще очень слаб и направлялся на отдых в Сочи. Он пожелал есаулу Павличенко и мне скорейшего выздоровления, чтобы успеть ко времени переброски моей дивизии из-под Грозного стать во главе наших частей.

В Екатеринодаре я попал в госпиталь, в котором работал хирург профессор И.П. Алексинский²⁴³. Узнав о моем прибытии в госпиталь, он немедленно провел меня в рентгеновский кабинет и, осмотрев мою ногу, сказал, что не считает нужным меня оперировать, так как те осколки костей, которые находятся в области раны, или сами выйдут, или со временем рассосутся. Через некоторое время я получил из Сочи письмо от генерала Врангеля, в котором он приглашал меня скорее вернуться к дивизии, которую предполагалось перебросить на великокняжеское направление.

МАРКОВЦЫ ПОД АРМАВИРОМ И В СТАВРОПОЛЬЕ²⁴⁴

Армавирские бои

Город Армавир вошел в историю всех основных полков и дивизий Добровольческой армии по сильным боям, которым им пришлось вести в его районе. Силы красных здесь, увеличившиеся в начале августа отошедшей от Екатеринодара Сорокинской армией, в начале сентября и Таманской, достигали численности 50 тысяч бойцов при 65 орудиях и бронепоезде. Против них стояли: сначала только 2-я пех. дивизия и партиз. отряд, переименованный в дивизию, генерала Шкуро; потом подошли от Екатеринодара — 3-я пех. и кон. дивизии; а затем, по очищении Майкопского района, Кубанская, генерала Покровского.

Но недостаток пехоты в Добровольческой армии потребовал отправки 2-й пехотной дивизии к городу Ставрополю, где собралась

другая армия красных, силою в 40 тысяч бойцов при 60 орудиях. Оставшаяся у Армавира 3-я пех. дивизия, под натиском огромных сил противника, вынуждена была оставить город и отойти не на север, а на восток от него. Направление на станцию Кавказская, на пути сообщения между Екатеринодаром и Ставрополем, для противника оказалось открытым.

Это потребовало срочной отправки на фронт последнего резерва Добровольческой армии — Офицерского генерала Маркова полка, и то только в составе свободных двух батальонов.

* * *

11 сентября, как и в предыдущие дни, марковцы спокойно занимались своими делами. Вечером получившие отпуск отправились в городской театр на концерт. Зал был полон. На сцене сменялись артисты, певцы... И вдруг вместо очередного артиста вышел адъютант полка и, при водворившейся абсолютной тишине, объявил:

— Господам офицерам и чинам 1-го Офицерского генерала Маркова полка и 1-го артдивизиона приказано немедленно явиться в свои части, которые выступают на фронт.

Концерт был прерван, пока марковцы не распрощались со своими знакомыми и не покинули зал.

12 сентября утром 2-й и 3-й батальоны полка, все команды, штаб и взвод артиллерии начали погрузку в два железнодорожных состава, и во второй половине дня оба эшелона, провожаемые генералом Деникиным, тронулись на ст. Кавказская и далее в армавирском направлении.

13 сентября с рассветом эшелоны прибыли на ст. Отрада Кубанская, в 18 верстах к северу от Армавира, выгрузились и немедленно выступили вдоль железной дороги к Армавиру.

Всем ясно — предстоит атака города. Путь шел по легкому скату местности, почти сплошь покрытой кукурузными грядами, перемежающимися со стерней сжатого хлеба. Вдали, на подъеме, смутно обрисовывались купы деревьев и контуры домов Армавира.

Противник ничем не обнаруживал своего присутствия. Пройдя 6—7 верст, батальоны развернулись в боевой порядок: 3-й — влево от железной дороги, имея одну роту в резерве; 2-й — вправо, имея одну роту уступом за правым флангом и другую в резерве там же. Такое построение 2-го батальона вызвано тем, что ему предстояло наступать, имея вправо широкую и глубокую ложину, которая хранила в себе всякие неожиданности. За ложинной — конная сотня.

После полудня батальоны двинулись вперед. 3—4 версты были пройдены спокойно. Но вот раздались встречные выстрелы с короткой дистанции. Цепи ускорили шаг; местами рванулись бегом. Незначительные группы красных убегали назад и скрывались в кукурузе.

Пройдено еще с версту. И вдруг с расстояния около ста шагов поток огня встречает марковцев. Противник сидел в окопчиках, укрытых в грядках кукурузы. Его пулеметы на тачанках, замаскированных порослью, клокотали очередями. Жуток был вой и свист пуль, щекающих по листьям и стеблям кукурузы, сбивающих их... Короткий момент невольной задержки и... в атаку! Противник, уже в значительных силах, не везде принял удар...

На ходу приводясь в порядок, марковцы быстро шли вперед. И только теперь, наконец, открыла по ним огонь артиллерия противника и выехавший со станции его бронепоезд. Жуткие были разрывы снарядов, довольно метко ложащиеся, подымающие в воздух столбы земли, пыли, стебли кукурузы. Но подошли бронепоезда — «Единая Россия» и «Офицер» — и отвлекли внимание красных от цепей; они и открывший огонь артзвод заставили их бронепоезд укрыться на станции, а огонь их батарей привлечь на себя. Пехота красных снова скрылась в кукурузе. Ружейный огонь стихал перед фронтом марковцев, но он в это время клокотал за их правым флангом: красные из ложины атаковали шедшую уступом 8-ю роту. Рота не смогла сдержать их и стала отходить. Вступила в бой резервная, 5-я рота. С трудом они остановили красных, но не отбросили.

Атака красных из ложины не ограничилась только атакой на 8-ю роту: они атаковали и шедшую на правом фланге передовой цепи, выдвинувшуюся значительно вперед 7-ю роту. Рота должна была остановить наступление и, загнув свой фланг, отбиваться направо. Это был момент, когда 3-й батальон был уже почти у кладбища на окраине города, а 2-й батальон должен был атаковать последнюю перед городом, в версте от него, позицию противника, но, обстреливаемый во фланг, залег.

Перешли в наступление против него красные, и батальон стал быстро отходить, охватываемый справа. Преследование противником, однако, скоро было остановлено резервной ротой 3-го батальона.

Батальонам приказано отойти в исходное положение.

Наступила ночь.

7-я и 9-я роты — в резерве по обе стороны железной дороги, у будки, в которой штаб полка. Развели небольшие костры, т. к. было очень свежо. Утолили голод привезенной кухнями пищей и, развле-

каясь печенной в кострах кукурузой, вели разговор о постигшей неудаче и больших потерях. 2-й батальон потерял около 250 человек, из них одна 8-я рота, столкнувшаяся с противником у ложины, свыше 100 человек. 3-й батальон потерял до 100 человек. Тяжело угнетало всех, что немало раненых осталось на поле боя.

На фоне темно-серого неба видны фигуры людей,двигающихся по насыпи железной дороги. Подъехала к железнодорожной будке группа всадников, и вскоре все услышали чей-то громкий голос, будто делающий кому-то выговор. Затем группа верховых ускакала.

К сидящим у костра офицерам подошел некто в бурке. От мерцания огня костра поблескивало пенсне на глазах незнакомца. Вдруг — знакомый тупой удар и стоны одного из сидевших. Он ранен пулей на излете; его положили на носилки и унесли. Незнакомец, не проронив ни слова, ушел к будке. Через некоторое время офицеры узнали, что это был начальник 3-й пехотной дивизии полковник Дроздовский и что это он делал выговор командиру 2-го Офицерского полка за неподготовку им атаки Армавира с востока, из-за реки Кубани, одновременно с марковцами.

Ночью, сквозь сон, некоторые слышали, как за ними проходили войска, пересекая железную дорогу в западном направлении. Это были части 3-й дивизии.

14 сентября. Взошло солнце и своими теплыми лучами стало согревать простывших за ночь бойцов. Хотя все спали плохо, но было не до сна: передано о повторении атаки Армавира.

Около полудня, перед началом наступления, ротам объяснена была задача. Оказалось, что противник занимал ту же свою передовую позицию, как и вчера, и что батальоны будут наступать в прежнем порядке. Итак — повторение минувшего, но силами, уменьшившимися на 350 человек. Было лишь незначительное изменение: две правофланговые роты, уступная и резервная, поменялись своими местами. Было и существенное добавление: на другой стороне ложины будет наступать 4-й пластуновский батальон 3-й дивизии.

Едва цепи батальонов подошли к позиции противника, как по ним был открыт сильнейший огонь: позиция теперь занималась не жиденькой цепочкой, а большими силами с пулеметами. Марковцы рванулись вперед и выбили красных из окопов. Но последние отходили не столь быстро; их поддерживали резервные цепи; они цеплялись за каждый участок. Удары «в штыки» шли непрерывно то там, то здесь. В полях кукурузы невозможно было знать, где свои, где противник. Наступление проходило медленно и становилось ожесточеннее и беспощаднее: марковцы находили обезображенные тела своих соратни-

ков, которых они не смогли вынести накануне. Гремела артиллерия с двух сторон, но это были главным образом артиллерийский поединок и бой бронепоездов. Стрелять по перемешавшимся цепям пехоты обеих сторон она не могла.

Так протекало наступление на протяжении до 5 верст, пока, наконец, 3-й батальон не ворвался на кладбище на окраине города, а две передовые роты 2-го батальона, с поддержкой подъехавшего бронепоезда, не выбили красных с их последней позиции перед городом, перед которой они остановились вчера; им оставалась только верста голого поля, чтобы атаковать их позицию вдоль железной дороги у Туапсинского вокзала, с которой уже строчили пулеметы. Но...

Бронепоезд, выехавший на голое поле, был поврежден и остановился; вокруг него рвались снаряды. И снова, как и вчера, за правым флангом 2-го батальона шел сильный бой: красные снова из ложины атаковали шедшую уступом роту. Этой роте и резервной с огромным напряжением и трудом удалось сдержать красных и в конце концов сбросить их в ложину. Снова пришлось загнуть фланг передовой цепи батальона и повести наступление не на город, а вправо. В ложине сбившиеся в толпы красные подверглись жестокому обстрелу пулеметным огнем: противоположный край ложины усеялся их убитыми и ранеными. Вчерашний маневр красных — удар из ложины был повторен ими потому, что наступление пластунов за ложинной было остановлено противником, а марковцы далеко выдвинулись вперед. Но этот маневр, хотя и закончился жестокой неудачей для красных, тем не менее заставил остановить наступление на Армавир, а так как наступала уже ночь, и отойти в исходное положение. Когда подъехавший грузовик вывез подбитый бронепоезд, роты стали отходить. Противник не пытался перейти в наступление.

Снова марковцев постигла неудача; снова большие потери — до 250 человек. Что за причины? Лобовые атаки? Необеспеченность фланга? Тяжелое было физическое и моральное состояние бойцов. Подкрепившись привезенной пищей, они быстро уснули.

Не имели покоя в эту ночь, как и в минувшую, лишь сестры милосердия и санитары. За недостатком подвода много раненых оставалось лежать у железной дороги, куда их свезли и снесли. Раненые жалуются на холод, на муки... Подходит поезд штаба полка в три вагона. Сестра Фаня требует погрузки на него и отправки на станцию раненых. Офицер штаба отказывает ей, но она идет к полковнику Тимановскому с тем же требованием. Полковник Тимановский, оценив заботы юной сестры, отдает распоряжение о немедленной

погрузке раненых; он отказал себе в отдыхе. Раненые благодарят сестер, целуют им руки...

Медленно и тихо прошел на ст. Отрада-Кубанская бронепоезд «Офицер». Но вдруг ночная тишина была нарушена грохотом и шумом, несущимся от Армавира: оттуда мчался на всех парах огнедышащий паровоз, пущенный красными с целью подбить «Офицера». Однако бронепоезд был уже на станции, а там успели перевести стрелки, и паровоз врезался в тупик.

15 сентября. Утром все просыпалось продрогшими от ночного холода. Совершенно тихо и спокойно. Развели костры, а когда привезли воду, стали согреваться кипятком и грызть печеную кукурузу.

Разговоры о неудачных атаках, о приближающейся зиме. Придется воевать в том, что теперь на людях — какое может быть интенданство у армии? Разве только «красное» снабдит чем-либо?!

После обеда — оживление: пришло пополнение в 500 офицеров, казаков, добровольцев. Роты снова приблизились к составу в 200 штыков.

16 сентября. На участке по прежнему затишье. Легкая перестрелка в охранении.

Сообщили, что приехал генерал Деникин, но увидеть его выпало только двум ротам, отведенным в ближайший хутор. Марковцы восторженно отвечали на приветствие Вождя и кричали громкие «ура». Им, между прочим, генерал Деникин сказал: «Враг многочислен и упорен, но упорство его должно быть сломлено, и будет сломлено. Для этого потребуется несколько дней, чтобы произвести нужную перегруппировку».

А вечером этого дня сначала «солдатское радио», а затем и официальное распоряжение уведомили: 2-й батальон предназначен для выполнения серьезной задачи и выступит он ночью.

На совещании генерала Деникина с начальником 3-й дивизии полковником Дроздовским, Тимановским и др. было решено: ввиду невозможности взять Армавир лобовой атакой, которому всегда приходится помощь из станицы Старо-Михайловской, прежде всего — взять эту станицу. Выполнение задачи возлагалось на 1-ю конную и 3-ю пех. дивизии, с придачей последней батальона и двух орудий марковцев. Перед Армавиром останется отряд полковника Тимановского в составе двух батальонов: Марковского и Пластунского.

17 сентября. Задолго до рассвета батальон марковцев выступил на подводах. Ехал медленно, часто и подолгу останавливаясь. Степью, по балкам ехал целый день и поздно вечером, проделав более 30 верст,

остановился у «трех стогов», слез с подвод и вповалку люди улеглись спать, утолив жажду незрелыми помидорами.

Рядом оказался штаб 1-й конной дивизии, которой командовал генерал Врангель, сменивший генерала Эрдели. Настроение казаков дивизии было пониженное: жаловались на острый недостаток патронов. «С пятью патронами не больно разойдешься», — говорили они.

В первый раз марковцы услышали имя генерала Врангеля.

18 сентября. Еще затемно батальон марковцев был разбужен, и ему дана задача: 3-я дивизия атакует станицу Старо-Михайловскую, а он идет уступом за левым ее флангом и поддерживает атаку в зависимости от обстановки. Левее батальона конная дивизия обходит станицу с востока, выходит ей в тыл, таким образом содействуя атаке 3-й дивизии.

С рассветом началось наступление. Впереди глубокая балка, затем подъем на гребень с двумя курганами. Поля кукурузы и подсолнуха чередуются с участками уже снятого хлеба. Марковцы видят поднимающиеся на гребень звенья цепей 3-й дивизии. Но тронулись и они. Их направление выпало как раз на два кургана. Никакой стрельбы, хотя и предполагали, что противник занимает позицию на гребне, так как видели на курганах его наблюдателей.

Батальон наступает двумя ротами в передней линии, имея остальные уступом за флангами. Он выходит на гребень с двумя курганами. Никого. Ни выстрела. В 3—4 верстах впереди, на слегка спускающейся местности, видна станица, за ней — Туапсинская железная дорога, станция, хутора... Все это на фоне Кавказского хребта. Не видно только противника, т. к. впереди все те же поля кукурузы и подсолнуха. Но нет сомнения — он где-то близко. Роты идут дальше. На всякий случай 7-я рота оставляет свои пулеметы на малом кургане, а 8-я, шедшая влево от нее уступом, — на большом.

Не прошли передовые роты и полверсты от курганов, как были встречены ливнем пулеметного и ружейного огня и, что поразило, — почти во фланг. Красные оказались всего лишь шагах в ста. Цепи залегли. Броситься в атаку? Для этого нужно изменить направление.

В атаку перешли красные. Они обрушились сразу же на фланг 7-й роты и даже на ее резервный взвод. Ожесточенная схватка в кукурузе. Отбиваясь штыками, рота отходит. Командир пулеметного взвода командует: «Огонь» — и очереди пулеметов бьют по перемещавшимся и своим, и красным. Спасает положение левофланговая, шедшая уступом, 8-я рота: она частью своих сил бросается на красных, теснящих 7-ю роту, им во фланг, сминает и заставляет

отходить. Но преследовать не может: она сама охватывается противником. Трещат с кургана очереди ее пулеметов. Противник отброшен в свое исходное положение. Горячие схватки были и у остальных рот батальона. Батальон остановился на линии курганов. Артиллерийский взвод, выехавший на эту линию, молчит: даже с курганов ему не видна позиция красных.

Ничего не видно, что делается вправо, где наступает 3-я дивизия. Да и наступает ли она? Там так же тихо, как тихо стало на участке батальона.

В офицерской роте большие потери; много убитых и раненых осталось впереди. Их нужно вынести. Вперед идут боевые цепочки, под прикрытием которых собираются жертвы боя. Началась перестрелка. Красные стали бить бомбометным огнем по курганам; выводят из строя всю прислугу одного пулемета. Нужно выяснить расположение противника и подготовиться к повторению атаки. Уже ясно — неудача и у 3-й дивизии.

Шли часы, и наступала ночь. Значит, атака с рассветом. Но... приказание: батальону отходить. Из этого сделан вывод: наступление на станицу, даже и конной дивизии, кончилось полной неудачей. Причины? Для марковцев была очевидна основная: наступление велось, как их батальона, так и 3-й дивизии, не прямо на позиции красных, а вкось, почему и был подставлен противнику фланг... Что же касается конной дивизии, то ее в бою не видели, а значит, она действовала в полном отрыве от пехоты. Удара кулаком не было. Совершенно очевидно, что и ее наступление постигла неудача.

Батальон отошел в балку Глубокая, где его ждали подводы. Раненые были отправлены в тыл, а батальон, забрав убитых, куда-то тронулся. Часа через два-три куда-то приехал и разгрузился. Через короткое время все уснули, не обращая внимания ни на голод, ни на жажду, ни на холод.

19 сентября. Просыпаться стали около полудня, когда так хорошо пригрело солнце. Проснувшееся сознание напомнило сразу же про минувший отчаянный бой в жутких полях кукурузы.

Стали осматриваться. Где мы? Ясно виден Кавказский хребет, железная дорога, хутора; вправо, верстах в восьми, в низине, какая-то станица (Преображенская). А где злополучная Старо-Михайловская? Судя по всему, она должна быть где-то влево и впереди. Вон «наши» два кургана! Теперь ориентировались полностью.

Хочется есть и пить. Послали подводы за водой и за всем, что можно раздобыть в степи, чем утолить жажду, а относительно еды можно потерпеть, т. к. сообщили, что должны прибыть кухни. И действи-

тельно, скоро они подъехали с готовой пищей, с хлебом и с водой. Наелись досыта, и даже еще осталось. Еще бы: ведь в батальоне многих не досчитывалось.

Всвыше 150 человек выбыло из строя; из них убитыми около 30 и «пропавшими без вести» — 2, конечно, также убитыми, но не найденными среди многих убитых и раненых красных. Наибольшие потери понесла 7-я офицерская рота: до ста человек, из коих 22 убитых и 2 пропавших.

Невдалеке от бивака батальона рылась большая могила, в которую сложили убитых. За немногими исключениями, все носили следы ужасных штыковых ударов. Выстроившийся батальон пропел молитвы и «Вечную память», осторожно засыпал могилу и отдал последнюю воинскую почеть.

Вырос в степи холмик — могила с 30 марковцами. «Их же имена ты, Господи, веши». Поставили простой крест.

Сестры милосердия и санитары говорили, что среди убитых неожиданно обнаружили двух офицеров еще с признаками жизни, которых отправили в тыл. Выжили ли они?

Через несколько месяцев казаки станицы Старо-Михайловской поставят памятник погибшим в боях у их станицы на более высоком из двух курганов — «Шамшале-Тюбо», у которого вел бой батальон марковцев. Но пройдут после этого немногие годы — и от памятника и братской могилы не останется следов: их уничтожит Советская власть. Останется иной памятник — эта запись.

20 сентября батальон на подводах с двумя орудиями возвращался под Армавир на присоединение к полку. Он ехал вдоль линии фронта, прикрываемый завесой разъездов и постов от конного дивизиона 1-й пехотной дивизии, имевшего уже 4 сотни, задачей которого было наблюдение промежутка фронта между станицей Старо-Михайловской и Армавиром.

* * *

Утомленные, дремлющие на подводах, ни о чем не думающие марковцы, однако, были вынуждены ощущать действительность: до того густо воздух был насыщен трупным запахом, особенно когда проезжали около ложины, в которой во время атак Армавира происходили жестокие стычки. «Мрачные поля Армавира», о которых потом говорилось в марковской песне.

Батальон стал в резерв отряда полковника Тимановского на ст. Отрада-Кубанская.

21—30 сентября. Со времени второй атаки Армавира на фронте перед ним установилось полное затишье. Среди марковцев говорили, что 3-я дивизия также ушла от станицы Старо-Михайловской, но под Ставрополь. Было ясно для всех обречение их на пассивность, пока не будут подвезены пополнения в полк, пока не присоединится к нему его 1-й батальон и даже пока отряд не будет усилен новыми частями. Дни текли в полном томлении духа. Развивалась эпидемия «испанки».

Наконец прибыло пополнение в 250 человек.

Исключительным было лишь 25 сентября. В этот день Офицерский генерала Маркова полк в первый раз отмечал свой полковой праздник — день св. Сергия Радонежского, день Ангела своего Шефа. Отмечал он его лишь молебном и поминовением убиенных и умерших от ран и болезней — Шефа и всех марковцев. На молебне мог быть только один батальон и взвод 1-й офицерской генерала Маркова батареи. А вечером этого же дня батальон снова построился, но... на панихиду по только что скончавшемся Верховном Руководителе Добровольческой армии — генерале Алексееве. Торжественный молебен и грустная панихида в один день. Громкое и бодрое «ура» и коленопреклонение перед лицом Смерти.

Дня 2—3 спустя к полку присоединились его две роты, прибывшие из Екатеринодара и участвовавшие в похоронах генерала Алексеева. Они принесли новость: на ст. Кубанская, следующей ближе к ст. Кавказская, выгрузился Сводно-Гвардейский полк, пятиротного состава, силою в 1000 штыков.

Этот полк, по словам видевших его, представлял собою настоящую регулярную часть, великолепно и однообразно обмундированную, дисциплинированную и состоящую исключительно из солдат, с офицерами на командных должностях. Судили о боеспособности этого полка разное. Большинство же задавало вопрос: а каково за показной стороной его внутреннее содержание: дух, сплоченность, дисциплина в бою?

Прибытию гвардейцев, однако, все были рады.

Прибыла на усиление отряда и артиллерия: вместо 2 орудий стало 8 — две батареи 1-го артиллерийского дивизиона. С отрядом — бронепоезд «Офицер».

Приехал и генерал Казанович со штабом. С этого времени отряд снова переименован в 1-ю дивизию, в составе: полка генерала Маркова, Сводно-Гвардейского, пластунского батальона, «Марковского» конного дивизиона, 1-й Инженерной роты.

1 октября в полку всеобщее радостное возбуждение: станица Старо-Михайловская взята конной дивизией генерала Врангеля. «Очередь

нам брать Армавир», — решили все. И действительно, с наступлением ночи полк выступил на передовые позиции для занятия исходного положения для атаки с рассветом.

2 октября. Полк, как и в минувшие атаки, развернулся по обе стороны железной дороги. Снова — лобовая атака на двойную линию обороны противника. Но на этот раз помочь атаке должен Сводно-Гвардейский полк обходом города с запада и пластунский батальон — обеспечением левого фланга.

С рассветом марковцы перешли в наступление. Левее железной дороги они берут кладбище, кирпичный завод. Вправо — выбивают красных из 1-й линии окопов в версте от города и стремительно идут по голому полю дальше. Из Армавира вылетает бронепоезд, останавливается на линии наступающих цепей и засыпает их фланговым пулеметным и орудийным огнем... цепи залегают. Пехота красных стремительно идет в контратаку. Марковцы подаются назад. На левом фланге их останавливает подскакавший верхом полковник Тимановский, свалившийся с убитого под ним коня. Ранен рядом адъютант, поручик Тимченко-Островерхов²⁴⁵.

Вражеский бронепоезд весь в дыму разрывов снарядов вокруг него. Он маневрирует вперед, назад. Но вот снаряд попадает в сцепление его передней с орудием площадки и перебивает его: площадка катится вперед, а он уходит назад и скрывается на станции.

Вправо от железной дороги цепи красных залегают под огнем нескольких пулеметов, только что занявших позицию на маленьком бугорке, по которому беглым огнем бьет батарея красных. Цепи противника отходят назад. Марковцы готовы снова наступать, но подскакавшие верховые передают приказание — остановиться.

Полковник Тимановский скачет на правый фланг полка. Туда бегут резервные роты. Видно, там в полном расстройстве бегут пехотинцы через железную дорогу на Туапсе; за ними вылетает кавалерия. Это бежали гвардейцы и их преследовала красная кавалерия. Огнем правого фланга полка последняя рассеивается, а резервные роты, удлинив фронт полка, заставляют кавалерию прекратить преследование «Марковского» конного дивизиона.

Остаток дня прошел в артиллерийской перестрелке. Красные оставались пассивными, как и марковцы, занявшие первую линию их обороны. А с наступлением ночи полку было приказано... отойти в исходное положение.

Опять кровавая неудача. Свыше 200 человек потерь. Несмотря на частичный отход у железной дороги, вынесли всех раненых и убитых. Поручик Лебединский был заколот, когда сдерживал красных, чтобы

дать возможность своим вынести тяжело раненного поручика Скворцова.

Что же произошло и почему неудача?

Маневр, который должен был выполнить Сводно-Гвардейский полк, предполагался в некоторой степени как неожиданность для противника, почему полк был подведен к железной дороге на Туапсе, в нескольких верстах западнее города, с возможной скрытностью, почему в атаку там на красную позицию был направлен «Марковский» конный дивизион. Дивизион прорвал позицию, но ему пришлось вести бой с красной пехотой, стоявшей правее. Тем временем Сводно-Гвардейский полк с двумя орудиями перешел железную дорогу и, повернув свой фронт налево, начал наступление на Армавир. Но появилась конница противника, которая частью обрушилась на ведущий бой с пехотой дивизион, а главной массой атаковала полк в правый его фланг и тыл. Полк не смог оказать ей сопротивление. Артиллерийский взвод успел произвести лишь несколько выстрелов; одно орудие было оставлено, другое успело ускакать через железную дорогу, куда бежали и гвардейцы.

Сводно-Гвардейский полк потерял половину своего состава. Было убито 30 офицеров и в их числе командир полка, полковник Дорошевич, первопоходник в рядах Офицерского полка и одно время им командовавший. Марковцам тяжело было узнать о его смерти.

С 3-го по 11 октября на фронте снова было совершенно спокойно, и только 7 октября марковцы удивились, увидев три аэроплана, летающие над Армавиром, и на железной дороге — три бронепоезда, сильно обстреливающие его. Потом узнали: полковые — команда пеших разведчиков и конная сотня с четырьмя броневедомоциклами провели быстрый и короткий налет на красных по пути наступления Сводно-Гвардейского полка с единственной целью — подобрать остававшиеся лежать незарытыми тела убитых гвардейцев и сестры милосердия Елены, 1-й батареи, что и было сделано. Эту операцию марковцы назвали «технической атакой».

За эти дни к полку присоединились последние его две роты, бывшие на ст. Торговая, а к дивизии — ее Кубанский стрелковый полк и два орудия, бывшие на Черноморском побережье. 1-я дивизия собралась в полном своем составе, усиленная пластунским батальоном. Сводно-Гвардейский полк ушел в Екатеринодар на формирование.

Были и новости. Полковник Тимановский произведен в чин генерал-майора и назначен командиром бригады 1-й дивизии. Горячо и искренне приветствовали марковцы его с производством и назначением. В командование полком вступил генерал Ходак-Ходаковс-

кий²⁴⁶, но немногие почему-то узнали об этом, а имя его ничего не говорило.

12 октября. Вечером было объявлено о новой атаке Армавира утром следующего дня. После тоскливых дней неопределенных ожиданий все оживились. «Нужно же, наконец, взять Армавир! Теперь у нас достаточные силы. Главное, чтобы были обеспечены фланги», — говорили среди марковцев.

План атаки был такой: полк наступает, как и раньше, в лоб. Левый фланг его, упирающийся в реку Кубань, обеспечивается за рекой пластунским батальоном с 1-й батареей; главная задача последней — с высокого берега реки поддерживать атаку марковцев. Справа от полка, за ложиной, на интервале 2—3 верст, наступает Кубанский стрелковый полк с двумя орудиями и тремя броневедомолами. Его задача — самым решительным образом обеспечить полку генерала Маркова атаку города. Обеспечить, но не помочь и только, если позволит, оказать помощь высылкой броневедомомов. Наступление кубанцев справа обеспечивает конная бригада, состоящая из «Марковского» конного дивизиона в 4 сотни и Лабинского кубанского полка слабого состава, под общей командой командира дивизиона, войскового старшины Растегаева.

Ночью все части выступили для занятия исходного для атаки положения. Атака с рассветом по высокому разрыву шрапнели над городом.

13 октября. Четвертая атака Армавира.

Брезжил рассвет. Отчетливее становятся очертания города. В ожидании сигнала нервы у марковцев напряжены до предела.

Глухо бухнуло орудие, и высоко над городом разорвалась шрапнель. Цепи поднялись и решительно двинулись вперед. Клокот огня: противник был готов к встрече. На левом фланге марковцев: роты врываются на кладбище; штыками выбивают противника из кирпичного завода, но дальше перед ними высокая стена завода «Саломас»; заминка на короткое время; в ход пущены ручные гранаты, и отличная позиция противника взята. В центре, у железной дороги: противник выбит из окопов; вылетевший из Армавира бронепоезд принуждает атакующих залечь; вокруг бронепоезда рвутся снаряды «Офицера» и батареи; он отходит; цепи подымаются и идут вперед. На правом фланге: берется выдвинутая перед городом позиция противника; цепи наступают на станцию Туапсинской железной дороги по голому полю; по ним с железной дороги, из железнодорожных построек строчат пулеметы; они вынуждены передвигаться перебежками; но смолкают пулеметы противника под разрывами снарядов.

Марковцы врываются на станцию. Однако за ней опять голое поле до города, на окраине которого задержался противник. Преодолеть это небольшое пространство помог броневомобиль «Верный», уже известный марковцам.

Красные чрезвычайно упорны. Жестокий бой на улицах города. Бронепоезд их стоит и поддерживает своих пулеметным огнем. Марковцы попытались атаковать его, но тот огрызнулся, нанеся им потери, однако стал отходить.

Наконец марковцы выходят на южную окраину города. Они видят массы отступающих красных и стоявший недалеко их бронепоезд. «Пулеметы вперед! Батареи!» Но они отстали; отстал на поврежденном пути и «Офицер».

И вдруг отчаянный бронепоезд стремительно дает ход к городу. Поворачивают и цепи красных. Не сдержать их еще не подтянувшегося полку... В этот критический момент бронепоезду преградили путь гранаты 1-й батареи, стоявшей за рекой: он медленно пополз назад. Но цепи красных уже у города и местами ворвались в него. На помощь снова подоспел «Верный»: под огнем бронепоезда он выскочил в тыл красным цепям и заставил их бежать от города. «Верный» спасал себя от огня бронепоезда тем, что метался среди бегущих красных.

А в это время из города наступали уже марковцы, обстреливаемые лишь орудийным огнем бронепоезда. «Верный», под командой своего отчаянного командира, капитана Нилова, сделал еще одно дело: он помчался в тыл бронепоезду, что заставило его быстро уходить назад и скрыться в долине реки Уруп, уже под обстрелом батареи. Марковцы подошли к реке и с высокого ее берега обстреливали отходящих красных. Наступила ночь.

Армавир, наконец, взят. Марковцы провели в напряженном бою без малейшего перерыва целый день с поразительно упорным и дерзким противником. В бою они не чувствовали ни хода времени, ни усталости, ни голода, даже понесенных ими огромных потерь — до 300 человек. Они моментально уснули там, где остановились их части.

Взятие Армавира в значительной степени было связано правильно поставленной задачей Кубанскому стрелковому полку и Конной бригаде и, конечно, их отличным действиям. Они не только задержали шедшие на помощь Армавиру пех. и кав. части красных, но и заставили их далеко отойти. В бою был серьезно ранен войсковой старшина Растегаев.

14 октября с утра марковцы перешли в наступление вдоль железной дороги в южном направлении. Перейдя реку Уруп, они заняли с

серьезным боем ст. Уруп и х. Вольный. Был критический момент: красные, перейдя реку Кубань у впадения в нее реки Уруп, сбили стоявшие там роты и вышли даже на возвышенность у Армавира, но ударом резерва были отброшены.

15 октября, оставив на станции один батальон для обеспечения левого фланга, а затем и тыла полка против красных, стоявших на восточном берегу реки Кубани, полк с пластунским батальоном продолжал наступать к югу и занял станцию и село Коноково и, после особенно упорного боя, с. Успенское. Два батальона полка и пластунский батальон с броневедомobileм «Верный» вышли в тыл расположения красных, главные силы которых стояли вправо, вдоль реки Уруп, против конных дивизий генерала Врангеля и Покровского, имея теперь на своем правом фланге Кубанский стрелковый полк и конную бригаду 1-й дивизии.

16 октября, продолжая наступление вдоль железной дороги, три батальона с жестоким боем заняли села Кургановское и Маламино и ст. Овечка. Но пластуны принуждены были оставить станцию, чем создавалось опасное положение для марковцев. С наступлением ночи последним приказано было оставить села и отойти в с. Успенское, но уже в пути они были возвращены в с. Маламино.

17 октября красные повели наступление на это село с юга и запада, где они принудили к поспешному отходу пластунов. Батальоны марковцев отбивали упорные атаки красной пехоты; у них уже подходили к концу патроны, как у взвода орудий снаряды. А в это время появившаяся против села кавалерия красных стала глубоко охватывать его справа. Батальонам грозило быть прижатыми к реке Кубани, за которой также были красные. Им приказано быстро отходить.

Тяжел был их отход. Марковцы, за которыми бежала пехота противника, а в село уже ворвалась кавалерия, буквально спасались через дворы, спеша за село, на возвышенность, к стогам, где строчили по красным пулеметы. Нужны были большие физические силы, чтобы туда добежать. Иные уже отстали; отстал пожилой командир 11-й роты, полковник Табунов.

Но у стогов остановка короткая: сыпятся пули; падают раненые и убитые. Раненых грузят на пулеметные тачанки, которые немедленно карьером уносятся в тыл. К стогам летит кавалерия...

— Оставьте меня, — кричит раненый прапорщик Курояров пытавшимся тащить его офицерам. — Отходите! Я прикрою вас!

Он остался и... стрелял, пока удар шашки не прекратил его жизнь.

Марковские и пластунский батальоны отрываются от противника и отходят на 15 верст к с. Конокову. Ужасный был бой, тяжкие потери.

18—19 октября противник продолжал наступление. Марковцы и пластуны остановились на линии х. Вольный — ст. Уруп. Почти у Армавира.

Но 20 октября красные вели слабое наступление, а 21 октября было сообщено, что дивизия генерала Врангеля перешла реку Уруп и ведет наступление в тыл красным.

22 октября неожиданно два батальона марковцев грузятся в железнодорожные составы и отправляются на ст. Овечка. Оказалось — дивизия генерала Врангеля разбила красных и взяла одними пленными до 3 тысяч человек. На следующий день один батальон с двумя орудиями спешно едет в Армавир: красные на восточном берегу реки Кубани подошли к городу, а севернее — заняли станицу Прочноокопскую, угрожая тылу 1-й дивизии.

24 октября батальон атаковал станицу, расположенную на высоком берегу реки, но под огнем красных не смог перейти реку. Часа через два он повторил атаку и, к своему удивлению, встретил весьма слабое сопротивление. Причина: в тыл красным заходили части дивизии генерала Врангеля.

25 октября батальоны марковцев спокойно стояли на станциях Овечка и Уруп и в Армавире.

* * *

Закончились, наконец, для Добровольческой армии более чем трехмесячные бои у Армавира. Для марковцев они тянулись 42 дня и делились на два периода: первый — в 31 день, вынужденного стояния под городом, с его неудачными атаками, и второй — в 11 дней, когда город был взят, а затем шли ежедневные тяжелые, маневренные бои и удачи чередовались с неудачами.

Генерала Маркова полк потерял до 2 тысяч человек. Пополнений получил до 1 тысячи человек и закончил бои в составе около 1500 штыков, имея в ротах от 40 до 120 штыков. Понес потери и 1-й артиллерийский дивизион.

Во всех операциях принимала участие и 1-я Инженерная рота. Она несла охрану тыла дивизии, исправляла железнодорожные пути, мосты. Ее железнодорожный взвод обслуживал связь, заведовал движением поездов, действовал на вспомогателе «Офицера», а со взятием Армавира формировал еще два вспомогателя, воору-

женные пулеметами, которые принимали участие в последующих боях.

Армавирские бои произвели сильнейшее впечатление на участников своей жестокостью и крайним упорством, проявленным противником. Они заставили еще раз признать, что победа над большевиками не будет легкой и скорой, т. к. они могут хорошо организовать свою армию, ввести суровую дисциплину и даже поднять ее дух, хорошо руководить боевыми действиями и проявлять быстрые и инициативные решения.

Из всего этого, плюс — всегда подавляющая численность противника, напрашивались выводы. В них, собственно, ничего нового не было, но они не могли не наводить на мысль: все нужное для победного боя должно быть качественно и практически доведено до крайней степени совершенства. Какого? Для марковцев есть пример: генерал Марков!

Армавирские бои, в сущности, не дали марковцам славы блистательных успехов и побед. Они не выдвинули ни одного лица, которому можно было бы приписать что-либо выдающееся. Полковник Тимановский? Он был для всех высоким авторитетом, но роль его в лобовых атаках невольно становилась бледной. В разговорах стало часто упоминаться имя полковника Булаткина, как храброго и порядятельного начальника, но и только. О других не говорили. Совершенно незаметно для всех было имя нового командира полка, генерала Ходак-Ходаковского, георгиевского кавалера, сравнительно молодого. Его мало кто видел, а если и видел, то не знал, что он командир полка. Он был ранен за Армавиром, и имя его совершенно забылось. В полк он уже не вернулся.

У марковцев был славный день, когда они взяли Армавир. Но этот успех исключительно — успех всех их, каждого из них...

По окончании боев у Армавира марковцы узнали, что во временное командование полком вступил полковник Наркевич, командир 3-го батальона с Новочеркасска. О нем заговорили. Ничем он не выдавался, разве только своим, как говорили, «суворовским», точнее, самым простым солдатским видом. Даже его верховая лошадь напоминала «водовозную клячу». Был он без всяких претензий во всем решительно. К нему, между прочим, никто добровольно не хотел идти адъютантом. Но его все глубоко уважали: деликатный со всеми, спокойный; распоряжения его хотя и не были энергичны, но всегда толковы и отдаваемы со знанием и пониманием обстановки; а был он всегда в передовой линии. Назначение его командиром полка всеми было молчаливо принято.

Ставропольские бои

В тот день *13 октября*, когда был взят город Армавир и наступил перелом в тяжелых боях у этого города, Ставропольская группа красных, перешедшая в наступление, подходила к городу Ставрополю и на следующий день, *14 октября*, взяла его. Части Добровольческой армии, бывшие в этом районе, едва сдерживали продвижение красных. А через несколько дней к Ставропольской группе противника присоединилась и вынужденная отойти к ней Армавирская их группа. Собравшиеся таким образом огромные силы их представляли для Добровольческой армии не только серьезное препятствие к освобождению Северного Кавказа, но и сильную ей угрозу.

Ликвидация этой красной армии и стала первой и неотложной задачей для Добровольческой армии, для выполнения которой пришлось направить почти все ее дивизии и отряды, не только принимавшие участие в армавирских боях, но и формирующиеся. Конец боев у Армавира без промежутка во времени перешел в начало новых боев.

25 октября части конной дивизии генерала Врангеля заняли на восточном берегу реки Кубани, к юго-востоку от Армавира, станицу Николаевскую, куда по железной дороге *26 октября* были перевезены 2-й и 3-й батальоны генерала Маркова полка. 1-й его батальон, стоявший в эшелоне на ст. Овечка, пошел туда походным порядком и остановился вместе с Кубанским стрелковым полком не доходя до станицы, в с. Голицыне.

Грустное впечатление производили и станица, и село, сильно разграбленные красными. В них частям пришлось удовлетворяться лишь теплом, потребность в котором стала остро чувствоваться.

27 октября оба полка сосредоточились в станице под прикрытием одного батальона, ставшего в х. Надзорном.

Вечером этого дня было сообщено, что утром 1-я дивизия выступает в ставропольском направлении и предстоит атака сильной позиции противника. Говорилось о Недреманной горе. В первый раз за походы произносилось слово «гора». Ну что ж? Атакуем и гору! Сильно изменившийся рельеф местности, ставший гористым, перерезанный глубокими балками с крутыми скатами, наводил на мысль, что теперь вообще придется иметь дело с горами.

28 октября. Из станицы Николаевской полки выступили рано утром в туман, однако быстро рассеявшийся. Дорога шла по балке, вдоль железной дороги на Ставрополь и так на протяжении верст 6—7, пока балка не влилась в широкую поперечную долину.

— Недреманная гора! — передали от головы колонны.

Искать ее не пришлось: она стояла немного вполоборота направо, верстах в 3—4, огромным темным массивом, возвышающимся над окружающей местностью, вершина которой была покрыта облаками, в влево она спускалась двумя четкими, довольно длинными террасами с крутыми скатами. При мысли, что придется атаковать эту гору, у всех захватывало дыхание.

Выйдя в долину, полки разошлись: Марковский пошел в направлении прямо на гору, Кубанский свернул влево по долине, куда сворачивала железная дорога, имея задачей обойти гору.

Задача марковцам: атаковать гору — одним батальоном ее более возвышенную террасу; другим — более низкую; третий в резерве за левым флангом полка; предварительно — им сбить противника с небольшой высоты предгорья. И, только получив эту задачу, марковцы заметили предгорье. Итак — двойная атака!

Батальоны тронулись, на ходу разворачиваясь в боевой порядок. Пройдя с версту, цепи полка стали обстреливаться ружейным огнем. Они шли безмолвно. Но вскоре красные стали оставлять свою передовую позицию.

Цепи поднялись на край долины. Перед ними теперь простиралась ровная поверхность, протяжением в полверсты, за которой начинался уже массив горы, на террасах которой ясно виден противник, сидевший в окопах. Цепи шли дальше под пулеметным и ружейным огнем с горы и под фланговым, слева, — артиллерии. Они ускорили движение и, неожиданно для себя, оказались, подойдя вплотную к горе, перед глубоким обрывистым оврагом, с голым каменистым краем. Нужно было смотреть вниз, чтобы видеть дно оврага, и нужно было высоко поднять голову, чтобы видеть гребень горы. Сверху сыпались пули, и марковцы поспешили спуститься в овраг.

Спустились они, совершенно расстроив свой порядок, очутившись на извилистом дне, среди камней и перед каменистым, местами отвесным, противоположным краем оврага. Выбраться из него на скат самой горы потребовалось время. К счастью, скат, несколько выпуклый, скрывал цепи от наблюдения противника, что давало возможность привести себя в порядок, установить связь вправо и влево, насколько это было возможно. 2-й батальон оказался разрезанным каменистой промоиной, шириной до 100 шагов. Связь с 1-м батальоном, даже зрительная, не могла быть установлена, т. к. их разделял выступавший каменистый гребень.

Тем не менее цепи двинулись вперед. Подыматься было чрезвычайно нелегко: скат горы имел наклон не менее 45°, местами он был из

голового камня, причем камни срывались из-под ног и с грохотом катились вниз. Нужно было идти или зигзагами, или боком. Так пришлось подниматься шагов 100, пока впереди идущие не сообщили, что виден противник. Дальнейший подъем стал еще более тяжелым, во-первых, потому, что противник заметил приближавшихся к нему и начал стрелять, а во-вторых — чтобы все же ближе подойти к нему, пришлось идти уже не во весь рост, а согнувшись, а затем перейти и на движение ползком. До красных все еще оставалось не менее 100 шагов — расстояние при таком подъеме непреодолимое для прямой атаки и тем более потому, что она неизбежно должна была привести к штыковому бою. Уверенность в успехе пропадала, и... марковцы остановились. Ко всему стало темнеть. А через короткое время было передано приказание: отойти под гору и ждать распоряжений.

Цепи стали сползать вниз. Спуск оказался не менее трудным, чем подъем.

Вдруг по ним не громким, но восторженным голосом пронеслось: — Смотри! Эльбрус!

Цепи остановились и как зачарованные смотрели туда, где на темном фоне далекого горизонта, заканчивающегося темной, зубчатой стеной, выделялась еще освещенная солнцем и блестящая белым, слегка розоватого оттенка, снегом, всем по географии известная, двуглавая вершина Эльбруса. Какая красота! Вот он, Кавказский хребет, почти во всю свою длину! Не видно лишь восточного его края, скрытого вершиной Недреманной горы. А до него — тени возвышенностей, огни во многих пунктах... Взоры наблюдающих, наконец, подошли к их горе: под горой совершенно темная полоса долины и черная черта оврага...

Роты спустились в овраг. Тянуло сырым, холодным ветерком. Марковцы группами расположились под утесами, чтобы спастись от пронизывающего ветра, заставлявшего быстро остывать их разгоряченные подъемом и спуском тела. Что же дальше? Очевидно, наступление дивизии, и не только на их участке, не увенчалось успехом, и, следовательно, наутро должно быть повторение. И опять лезть на гору и штурмовать ее, если не будет найдено иное решение?

— Ну и гора! — говорили все, нетерпеливо ожидая новых приказаний.

Наконец они пришли: частям оставаться на месте и выслать людей за получением пищи. Одно — малоутешительное, другое — вызвавшее оживление: все засуетились, заговорили громче, застучали котелками. На 10 человек уходило за пищей двое. Уходящих напутствовали:

— Не разлейте. Пополнее котелки! Погорячее!

Ждать их возвращения пришлось долго: часа полтора, во всяком случае, т. к. кухни остановились далеко, у предгорья. Возникла естественная мысль о кострах, но разве может быть здесь дерево, когда кругом ни одного кустика, а одни камни. Да если бы и было дерево, то разве можно его найти во тьме?

Встречали вернувшихся оживленно, веселыми приветствиями и даже только слегка пожурили за почти остывшую пищу. Ели с наслаждением, а потом возобновились оживленные разговоры, возня, пока не стал одолевать сон и опять тот же холод. Заснуть удавалось на короткое время, и ночь проходила в непрерывном движении. С полной охотой все шли в охранение, выставляемое на склоне горы. Смена происходила непрерывно: едва спускались смененные посты, как поднимались следующие очереди. Так согревались.

О повторении атаки узнали около полуночи. Приказание гласило: атака с началом рассвета на прежних участках. Сигнал к атаке — два орудийных выстрела по горе. К этому моменту части должны приблизиться к противнику возможно ближе, чтобы одним махом быть на горе. Гора должна быть взята во что бы то ни стало.

29 октября. Очень холодно. Все простыли. А время тянется страшно медленно. До рассвета еще более двух часов.

— Господин капитан! Холодно! Не ползти ли нам понемногу в гору? — умоляюще говорили офицеры своему командиру роты. А у последнего самого давно уже было такое желание.

— Ну, вперед! Медленно, осторожно, тихо...

С остановками через несколько аршин подъема цепи стали подниматься. Вперед выдвинулась реденькая цепочка, которая должна обозначать собой рубеж начала атаки. Достигнув линии, с которой, стоя в рост, виден был на фоне темно-серого неба и облаков гребень горы идвигающиеся по нему фигуры противника, цепи замедлили движение, усилили осторожность, ползли и замерли на линии выдвинутой цепочки...

Сколько оставалось шагов до противника, определить было трудно: 50—60 или до 100? Но уже ясно слышались разговоры на горе. Не было сомнения — противник готов встретить атаку, но он еще не увидел и не услышал подползших и затаивших дыхание марковцев.

Хватит ли сил и дыхания без остановки добраться до красных? — думал каждый и решал: должно хватить! Лежали как пластуны, но блуждая глазами по долине: там где-то стоит батарея, которая подаст сигнал к атаке.

Вот и признак наступающего рассвета: облака, повисшие над горой, до которых рукой подать, стали бледнеть.

Две вспышки орудийных выстрелов в темной долине...

Еще не донеслись до марковцев звуки выстрелов, как они вскочили и... вперед! Звуки артиллерийских выстрелов, вспышки и разрывы снарядов, всего лишь в нескольких десятках шагов перед ними, раздалась одновременно.

Несколько мгновений полной тишины, и... затрещали с горы ружейные выстрелы и пулеметные очереди. Марковцы штурмуют гору.

Вбежали на нее одиночками, группами в 2—3 человека. Пулемет скосил офицера многими пулями, ранил еще двух, но замолк под ударами штыков. Красные ошеломлены, отбегают... их задерживают командиры. Офицеры идут «в штыки». 2—3 закалывают, 3—4 пристреливают выстрелами в упор. В одном месте 10—15 красных сдаются. «Не трогать их» — кричит командир взвода. Горячий порыв, сверхусилие, охлаждены. А в этот момент, с криком «Бей их!», «Вперед! Их мало» красные контратакуют на этом участке. Взятые было в плен берутся за винтовки. Под их штыками падает командир взвода, еще двое. Остальные катятся с горы вниз. Но неустойку ликвидируют с соседних участков. Редкие выстрелы. Красные оставили свои позиции только лишь под угрозой штыка. Они не осмелились принять удара, а где приняли — гибли. И это перед бойцами совершенно выдохшимися, с бешено бьющимися сердцами, с одеревеневшими, уже бесильными мускулами ног.

То, что казалось марковцам террасами горы, было всего лишь узким, в 3—5 шагов, гребнем, за которым начинался пологий спуск в широкую ложбину, вливающуюся верстах в 3—4 в низкую долину. Весь скат в ложбину был усеян красными.

Но... марковцы не только не преследовали, но и не стреляли. Они были не в силах... Кто-то крикнул: «Пулеметы сюда!» Напрасно! Даже лошадьми невозможно втянуть их на гору. Оставалось быть лишь зрителями, как отходил противник, приводил себя в порядок и остановился на складке местности верстах в двух.

Время шло, а они продолжали лежать на горе. Уже дыхание стало нормальным, успокоилось сердце, но не двигались ноги: так были переутомлены они. Обменивались впечатлениями: о крутизне подъема горы, которую они проделали; о своем положении непосредственно под облаками, скрывающими вправо вершину горы; о долине, виднеющейся верстах в четырех внизу, и хуторе на ней; о следующей горе. Мало кому приходилось наблюдать такой гористый пейзаж.

И, как-то неожиданно, все услышали:

— Спасибо за славную атаку, орлы! С победой, орлы!

По гребню проходил и приветствовал их полковник Наркевич, временный командующий полком. Марковцы с искренней радостью видели своего заурядного, скромного, «без страха и упрека» командира здесь, на горе, взобраться на которую при его сорока с лишним лет не представлялось легким делом. «Сам — орел!» — говорили про него.

Влево в долине шел бой. Наконец, по гребню быстро передалось: «Вперед!» Батальоны стали спускаться. Красные, открыв огонь, однако, быстро оставили свою позицию в ложбине. Видно, как из хутора уходили их обозы и вскоре за ними и цепи. Противник отступал перед фронтом всей дивизии, под угрозой захода ему в тыл марковцев. Отступал по двум направлениям: по долине, вверх по течению реки Егорлык и на следующую гору — Меловую.

К вечеру 1-й и 2-й батальоны пришли в х. Нижне-Егорлыцкий, который они видели с горы, и расположились на ночлег под охраной 3-го, выдвинувшегося к горе Меловая, перед которой красные заняли позицию, и пластунского, ставшего по долине. Подъехали пулеметы, орудия и кухни. Совершенной неожиданностью оказалось, что потери полка за две атаки Недреманной горы не превысили 50 человек.

30 октября. Полку дана задача: совместно с пластунским батальоном взять Меловую гору, предварительно отбросив красных на нее с их предгорной позиции.

Выполнять предварительную задачу выпало на 3-й батальон; задачу весьма нелегкую, т. к. наступать ему нужно было на подъеме и, кроме того, ему было сообщено, что за его наступлением будет наблюдать генерал Деникин, находящийся влево, в расположении конной дивизии генерала Врангеля. Образцово, как на смотре, выполнял он свою задачу.

Но остальные батальоны выступили не за ним, а по долине реки Егорлык, вслед за пластунским батальоном. Они не видели, как наступал 3-й батальон, но слышали разгоравшийся огневой бой. Марковцами овладело даже беспокойство, когда артвзвод, шедший с батальонами, выехал вправо на пологий скат Недреманной горы и открыл беглый огонь для поддержки 3-го батальона, а когда огонь оказался еще и необычно длительным, то их беспокойство дошло до грани, когда узнать — в чем дело? — стало необходимым. От колонны батальонов к батарее посакали всадники. Карьером они мчались назад и неожиданно с радостными лицами, размахивая фуражками. «Германия капитулировала!» — кричали они. Это им сообщили батарей-

цы, которые от радости ли или от того, что теперь скоро можно ожидать помощи от союзников, открыли такую стрельбу. Новость для всех была исключительной по открывающимся перед ними перспективам, но быстро она отошла на задний план: на первое место стала озабоченность полученной боевой задачей.

Меловая гора, вдоль которой шли батальоны, стояла влево огромным, отвесным массивом, с краями, покрытыми кустарником. Высота ее? Да не все ли равно какая: 10 или 50 аршин, но... как взять ее? — вопрос, который не ставился перед Недреманной. Но может быть — обходом?

Впереди начался бой. Туда проехал вспомогатель 1-й Инженерной роты. Полк прошел до 12 верст и вошел в хутор Верхне-Егорлыцкий, только что взятый пластунами. Здесь картина местности изменилась: массив горы круто повернул влево и охватывал большую лошину, в глубине которой было видно с. Татарка. От горы, как и от начинавшегося далее другого массива, отходили гребни, пересекающие лошину. Изменилась и обстановка: теперь противник был не только на горе, но и на гребнях. Предположение марковцев об обходе горы усложнилось: чтобы взять гору — нужно сбить противника хотя бы с ближайших гребней, а чтобы взять их, нужно сбить противника с фланкирующей их горы.

Полк развернулся и повел наступление: одним батальоном на угол горы и гребень, отходящий от нее, имея влево пластунов; другим — правее. Красные сбиты с первых гребней, но дальше полк продвигаться под фланговым обстрелом не может; к тому же красные ведут яростные контратаки. Правофланговый бы понес большие потери и едва остановил красных. Другой — левым своим флангом уперся в гору, как и пластуны. Гора — отвес, аршин в 20 высотой. Штурмовать невозможно, и на нее ведет одна лишь маленькая тропинка. Хотя роты и в мертвом пространстве, но несут потери: несколько человек ранены сбрасываемыми с горы камнями.

Наступила ночь, холодная, ветреная. Стихла стрельба, и только характерная для войны перебранка между противниками. Но смолкла и она...

Подошел 3-й батальон и стал под горой, сменив пластунов. Батальон выполнил свою задачу дня, а теперь его командир, полковник Булаткин, получил другую: взять гору. Но тщетно ходит он вдоль горы, обсуждает с подчиненными — как взять гору? Ясно — с рассветом взять ее невозможно; следовательно — ночью; но и ночью также невозможно.

Глухая ночь. Очень холодно; спасения от ветра нет.

— Эй, там! Наверху! Небось холодно? — время от времени бросались туда слова. — Не лучше ли вам сдать? —

И оттуда отвечали, но уже не с бранью. Завязался разговор «по душам» и дошел до того, что красные уже готовы сдать, да боятся, но не своих командиров, которые спят где-то сзади у стогов и в сарае, а белых. Их убеждали, что их не тронут.

Спустились по тропинке трое для переговоров. «Мы все хотим сдать. Мы — мобилизованы; мы — иногородние». Условились: сдающиеся переходят с одними затворами от винтовок. И скоро внизу оказалось до 400 человек, а наверху — марковцы. Красные командиры частью были захвачены, частью успели бежать.

31 октября с рассветом полк перешел всем фронтом в наступление: на Меловой горе — 3-й батальон, не встретив сопротивления, подошел к Лысой горе, такой же крутой; другие батальоны, сбив красных с ряда позиций, к вечеру подошли к с. Татарка и с поддержкой полка дивизии генерала Покровского, с которой произошло соединение в долине реки Егорлык, взяли его.

В этот день 1-я пех. и Кубанская казачья дивизии вышли из пределов Кубанской области в Ставропольскую губернию.

Весь полк генерала Маркова на ночь сосредоточился в с. Татарка, большом и богатом, и главное, расположился в тепле. А утром, как было объявлено, ему предстояло брать Лысую гору, последнее серьезное препятствие перед Ставрополем. В охранении стали пластуны.

1 ноября. К удивлению всех, поднят полк был, когда уже совершенно рассветало и все распоряжения говорили не о бое, а о походе. Красные будто бы оставили свои позиции на горе и отошли.

2-й батальон в колонне вытягивался из села по шоссе на Ставрополь;

3-й — должен следовать за ним, а 1-й — выступить в северо-восточном направлении в распоряжение генерала Покровского. И — вдруг... по колонне 2-го батальона с Лысой горы посыпался густой поток пуха, всего лишь с расстояния в 700 шагов. Батальон залег, а его боевой обоз карьером помчался назад в село. У всех полнейшее недоумение. Как могли ошибиться пластуны и сообщить об уходе противника?

Чтобы не оставаться под обстрелом, роты перебежками направились к подножию горы и оказались в мертвом пространстве. А гора — это круча, аршин в 20 высоты, поросшая кустарником. Для всех ясно — будет приказано взять гору, и... через несколько часов такой приказ был получен в ротах. Для штурма развернулся весь полк и пластунский батальон. Каждая рота должна на своем участ-

ке найти пути и возможности взобраться на гору и сбить противника. Но тщетны все попытки. На гору вело шоссе и 2—3 тропинки, но разве возможно по ним, обстреливаемым и сверху и вдоль их зигзагов, атаковать?

Пыталась атаковать 4-я рота, командир которой, поручик Совељев, лично получил приказание от генерала Тимановского и на участке которой гора была несколько пологой и менее поросшей кустарником, но тщетно: не столько пули, сколько бросаемые красными камни остановили ее.

— Где командир взвода? — спросил поручик Совељев людей одного из взводов.

— Вероятно — там! — с безнадежным отчаянием ответили ему, указав на скалу. Поручик Совељев пошел туда и нашел командира взвода сидящим под отвесом, сильно расстроенным и со слезами на глазах. Он отвел его к роте.

Оставалась маленькая надежда на ночь, и то только на повторение сдачи красных, как это случилось под Меловой горой. Но возможно ли это?

Наступила ночь. Полк не выполнил приказа, но получил снова такой же, но с точным указанием срока: утром гора должна быть взята.

Рушилась и маленькая надежда: выпал густой туман, совершенно заглушавший даже крик в десятке шагов. Уговаривать красных не приходится. Ночь протекла томительно долго, в тщетных поисках, на холоде.

На участке офицерской роты шла наверх одна тропинка. Опрошенный еще днем крестьянин дал некоторое представление о ней, об ее верхней части: узкая, идет зигзагами с камня на камень, местами крутая; ближе к вершине — площадка с часовенкой; на горе, шагах в 200 от конца тропинки — сараи, а в 500 шагах — хутор. И это все. Впрочем, крестьянин добавил:

— Не знаю, как вы подниметесь на гору: перестреляют по одному. Но... решение: у часовни должен быть караул противника, а следовательно, нужно будет его бесшумно снять; а дальше — у конца тропинки другого караула может и не быть, ввиду близости сараев, в которых безусловно расположились красные... Итак — снять караул и выйти на гору: снять караул небольшой группой, а на гору выйти уже всей ротой.

На задуманное предприятие вызвался поручик Головач с пятью офицерами. После того как группа ушла, прошли часы. Рота в готовности. Наконец приведено 7 пленных — караул полностью. Рота подымается по тропинке. Ей сообщено — разведчики уже на горе. Быстро и рота

дам. Она развернулась и стала расширять и углублять свой плацдарм. На левом фланге два выстрела: там шедший на смену караул красных в тумане и ночной темноте нарвался на цепь роты; 5 человек были схвачены, но двое успели убежать и дать два выстрела. В сараях крики. Красные выбегают из них и скрываются в тумане. Проходят минуты, и перед ротой слышны команды, а затем показалась и цепь противника. Огнем она сметена и скрылась. Красные оставили хутор.

Рота в тумане медленно продвигалась вперед, потеряв всякую ориентировку, пока флангом не коснулась шоссе. Она остановилась и ждала подхода своего батальона, которому было сообщено о выходе ее на гору.

2 ноября. Уже начало светать, когда подошел батальон. Противника не видно. Наконец, батальон, развернувшись, двинулся вперед вдоль шоссе. Ему на фланг вышел 3-й батальон, а 1-й — пошел вправо, к горе Острая, в распоряжение генерала Покровского.

Около 13 часов батальоны полка встретили сопротивление противника у большой роши и, смяв его, преследовали через всю рошу. Остановились на северной ее опушке, где начиналась широкая лощина, с селом Надежда в конце ее, куда отходили красные, не только бывшие перед полком, но из города Ставрополя, расположенного по левому скату лощины.

Из роши 2-й и 3-й батальоны полка и пластунский батальон направились в город и расположились в разных его районах на ночлег. В охранение вышел Кубанский стрелковый полк, который после трехдневных попыток взять Лысую гору поднялся на нее одновременно с Марковским.

Оказалось, что части генерала Врангеля два дня вели бои у самого Ставрополя и самое большое, чего они добились, это — занять северо-западную его часть с вокзалом железной дороги; часть города наиболее низменную.

3 ноября. Противник отошел от города всего лишь верст на восемь. Им занималось село Надежда. Марковцы 2-го батальона, уже по одному тому, что они были размещены на тесных квартирах, решили: отдыха ждать не приходится. И действительно, утром батальон, с приданной ему ротой 3-го батальона, выступил в направлении на с. Надежда, с задачей выбить противника из села. Слева от него будет наступать 1-й Кубанский стрелковый полк.

Красиво разворачивался батальон под огнем красных, и уверенно он шел по лощине на сближение. Кубанцы первые атаковали на возвышающейся складке местности, но неудачно, что привело к фланговому обстрелу наступающих марковцев. Красных пришлось атаковать

левофланговой Офицерской роте, круто изменив свое направление. Рота сбила их и по возвышенности подошла к селу, оказавшись над ним и на фланге оборонявших его красных.

Редки были случаи такого упорства красных в бою, когда даже их раненные продолжали стрелять до последнего момента своей жизни и умирать с пением Интернационала. Неся большие потери и попадая под низкие разрывы шрапнелей единственного орудия, бывшего при батальоне, вырывающего сразу десятки человек из их рядов, они все же отходили в сравнительном порядке.

Село Надежда тянулось по долине верст восемь, но марковцы продвинулись по нему только на 2—3 версты, остановившись по приказанию, т. к. влево шел бой с наступающим противником.

Наступила ночь. Однако боевое напряжение на фронте не ослабело: возможен был переход красных в контрнаступление. Это потребовало оставление на ночь офицерской роты на возвышенности у села. Было очень холодно, и, к счастью для роты, в поле стояли большие стога соломы, в которые офицеры и зарылись. Ночью пошел первый снег, стало вдобавок и сыро. Оживил роту подарок генерала Тимановского — бидончик спирта. Его развели снегом, и все смогли выпить по хорошей чарке водки.

4 ноября. Батальон был сменен кубанцами и ушел в Ставрополь на свои прежние квартиры. Но уже свободнее стало в них: в каждой недосчитывались 2—3 и более человек. Большие потери понесены у с. Надежда. Это почувствовали и явно осознали марковцы, только став на отдых. В боях вообще, в период сильного нервного напряжения, как-то не замечаются потери, какими бы они ни были: поставленные задачи выполнялись и малым числом оставшихся бойцов.

Пришел в город и 1-й батальон, сведенный в одну роту из-за больших потерь.

5—8 ноября красные вели упорные атаки на Кубанский стрелковый полк и пластунский батальон, и батальоны марковцев должны были выступать им на поддержку и даже ночевать на поле боя. 8 ноября один из батальонов ходил к с. Пелагиада на поддержку частей другой дивизии, но ему не пришлось принять участия в бою: красные неожиданно прекратили свое успешное наступление и быстро стали отходить; им в тыл вышла конная дивизия генерала Врангеля. Это был день, когда они на десятки верст отошли от Ставрополя к востоку.

9 ноября весь генерала Маркова полк окончательно сосредоточился в Ставрополе и простоял в нем целую неделю, будучи расположен уже на широких квартирах.

В Ставрополе

Ужасный вид имел город, когда в него вошли части Добровольческой армии, после 19 дней владения им красными и боев, происходивших в течение этих дней в его районе. В городе было оставлено красными до 4 тысяч раненых и больных и около 2500 убитых и умерших. Много разграбленных квартир из числа тех, жители которых к приходу большевиков оставили город. Эта внешняя сторона усугублялась при них отсутствием подвоза для жителей продуктов питания и сильнейшим моральным гнетом.

Естественна поэтому была радость жителей с приходом Добровольческой армии, принесшей свободу, спокойствие и возможности скорого восстановления нормальной жизни. В Ставрополе добровольцы удовлетворялись своим успехом и радостью жителей, проявлявшейся во внимательном и заботливом отношении к ним. Ожидать от города иных радостей, как полученных, например, в Екатеринодаре, не приходилось.

Значительной части марковцев пришлось занять квартиры, оставленные жителями, и в них самим налаживать жизнь, начиная с самых мелких деталей: поисков иголок, ниток, организации отопления, мойки посуды, приборки помещений. Тем не менее все устроились с удобствами и даже «по-культурному». В домах были книги, журналы, шахматы. В одной оказался чудесно сохранившийся, не расстроенный рояль, игра на котором дала большое наслаждение.

Свободного времени было много, т. к. никаких занятий, кроме утренних и вечерних построений для молитвы и «занятий» с чисткой оружия и починкой белья, обмундирования и обуви, не было. Не было и никаких почти нарядов по службе. Бодрое настроение вообще не покидало марковцев, а теперь оно было особенно высоким, в связи с последними сообщениями о полной капитуляции Германии и установления связи с союзниками, дававшей надежды на помощь.

Но возникли и беспокойные вопросы. Главный из них: какая судьба предстоит Югу России, теперешней Украине? Что большевики поспешат с уходом немцев занять ее, казалось бесспорным. Отстоять себя она не в состоянии: у нее нет армии. Об этом говорили побывавшие там в отпуску. Есть многочисленные штабы и в какой-то доле кадры будущих частей. Но может быть, Украина быстро сформирует части? Однако мало вероятно. Ее внутреннее положение весьма тревожное: помимо большевистских настроений и проявлений, есть еще петлюровцы и всякие партизанские отряды. Мобилизация в армию

не пройдет. Не удастся сформировать армию и на добровольческих началах: надежды на оставшихся там многочисленных офицеров и интеллигенцию — никакой. Так что же: Украина обречена? Родные добровольцев обречены подпасть под власть большевиков? Находился один ответ: скорее разбить красных на Северном Кавказе и идти на Украину, а там мобилизовать в первую голову всех бывших офицеров и заставить их драться.

* * *

С первого же дня стоянки в Ставрополе заработали все ротные и полковые канцелярии, т. к. только здесь, впервые после Екатеринодара, эти канцелярии соединились со своими частями, так же как и вся хозяйственная часть полка. Стали приводиться в порядок списки наличного состава, списки и подсчет выбывших чинов. Но это было нелегкое дело и даже полностью неосуществимое: прибывающие в часть чины во время боев, не успев быть занесенными в списки, выбывали из строя и оставались лишь приблизительные сведения о численном составе, если они случайно оставались у командиров рот.

Оказалось, что из полка, только за короткий период ставропольских боев, выбыло до 500 человек. В ротах оставалось по 30—40 штыков и лишь в 2—3 доходило их до ста. Половина пулеметов после армавирских и ставропольских боев находилась в обозе из-за выбытия пулеметчиков. В полку насчитывалось всего до 700 штыков при 20 пулеметах и конной сотне. Сила слабая, каковую полк не имел за весь 2-й Кубанский поход.

Об этом периоде Добровольческой армии генерал Деникин писал: «Пехота перестала существовать». Другие основные полки армии были в значительно меньшей численности, чем 1-й. Офицерский генерала Маркова полк, и их оставалось только отвести в резерв на пополнение, вернее, на формирование. 3-я дивизия в боях у Ставрополя потеряла раненым своего начальника дивизии, полковника Дроздовского, через 2 месяца скончавшегося от ранения. Корниловский ударный полк — своего командира полковника Индейкина — убитым.

1-я дивизия находилась лишь на временном отдыхе, чему позволила обстановка: красная Ставропольская армия понесла огромные потери, потеряла свою наступательную способность и перешла к обороне верстах в 20 восточнее Ставрополя.

На 4-й и 5-й день отдыха Марковский полк получил большое пополнение в 800 человек, в их числе свыше 300 офицеров. Роты стали силой около 100 штыков каждая, на 7-ю и 9-ю роты (офицерские) —

свыше 200. Стали в строй и почти все пулеметы. В 1500 штыков полк представлял уже большую силу. Боевой подготовки пополнение в массе не требовало. Но полк уже не мог быть той сплоченной, с единым духом силой, которой он был раньше. На это же требовалось время, даже в отношении офицерского пополнения, состоящего не из добровольно пошедших на борьбу, а из мобилизованных на территории армии и, главным образом, на Дону, из числа не казаков, в городах Ростов, Нахичевань, Таганрог. Это были те, которые в конце семнадцатого и начале восемнадцатого годов митинговали и не желали поступать в Добровольческую армию. Теперь их обязывали выполнить долг перед Родиной.

Неловко чувствовали себя эти офицеры, хорошо обмундированные, одетые по-зимнему, прибывшие с полными чемоданами. Разительный контраст с марковцами. Чтобы загладить свою вину, они проявляли себя до щепетильности дисциплинированными, готовыми перенести все тяжести службы, быть такими же, как и остальные. Но у них не будет марковской воли, порыва; они покажут внешне дисциплинированность, но не проявят полной дисциплины. Пройдет некоторое время — и от этого офицерского пополнения в полку почти никого не останется: офицеры уйдут из полка по ранениям и болезням, но по выздоровлении мало кто из них вернется в полк. Они где-то устроятся в местах более «тепленьких», спокойных; может быть, даже в других строевых частях, но с репутацией более скромной. Офицерский кадр марковцев как составляли, так и будут составлять только те, кто вступил в полк до Ставрополя, т. е. пошел в Добровольческую армию добровольно.

В Ставрополе в полк прибыло и еще одно «пополнение»: назначенный его командиром «на законном основании» — генерального штаба полковник Гейдеман. О нем марковцы знали лишь, что он был начальником штаба 1-й пехотной дивизии. Это говорило им о близости его к полку. Но, когда они увидели его, его благородную внешность, в глазах ум и волю; когда в его словах и действиях определили не формалиста, а глубокого и серьезного начальника; когда он ставил себя как бы представляющим полку и получившим честь командовать им, а не делающим формальный смотр ему, то все сочли полковника Гейдемана своим достойным командиром. Даже его несколько грузная фигура не поколебала мнение, что для их полка, как легкой, подвижной пехоты, нужен такой же легкий и подвижной командир, каким был, например, генерал Марков. Его помощником и заместителем был назначен полковник Булаткин. Временно командовавший полком полковник Наркевич не получил назначения и оставил полк.

Все еще не собрался целиком 1-й артиллерийский тяжелый дивизион: не было двух его взводов и одно сверхштатное орудие находилось с отрядом особого назначения — в охране Вел. Кн. Николая Николаевича, жившего в оставленном немцами Крыму. В этом отряде было человек 20 марковцев.

Зимний поход в горах Ставропольской губернии

Отброшенная от Ставрополя Северо-Кавказская красная армия утвердилась в восточной части Ставропольской губернии. Главная масса ее, силой в 70 тысяч штыков и сабель, базировалась на с. Петровском, пункте, в котором сходились железнодорожные линии от сел Дивного и Благодарного и от города Ставрополя. Не будучи полностью отрезанной от центра России, используя Волгу, она получила оттуда необходимое боевое снабжение. Перед Добровольческой армией стояла задача — ликвидация этой армии. Выполнение задачи генерал Деникин возложил на два корпуса: 1-й армейский генерала Казановича и 1-й конный генерала Врангеля.

1-й армейский корпус был составлен: из пех. бригады генерала Тимановского — Марковский и Кубанский полки; конного отряда генерала Колосовского — 1-й конный офицерский генерала Алексеева полк и «Марковский» конный дивизион (4 сотни и 10 пулеметов); и, приданной ему, казачьей дивизии генерала Покровского. Ему предстояло действовать в гористой местности к югу от железной дороги Ставрополь — Петровское. 1-му конному — к северу, более равнинной.

16 ноября бригада генерала Тимановского сосредоточилась в с. Старо-Марьевка, в 20 верстах к востоку от города Ставрополя. Погода была морозная, земля покрыта снегом. Зима, которую ожидали с беспокойством, наступила.

17 ноября. Рано утром бригада выступила в направлении на д. Кононовку. Дорога все время шла на подъем. Мороз крепчал. На одном из перевалов колонна была обстреляна артогнем. Перейдя к вершине следующего перевала, колонна остановилась, и полкам были даны задачи: Офицерскому — взять д. Кононовку, Кубанскому — правее, ряд хуторов Ахвердова.

Офицерский полк развернулся двумя батальонами и перешел в наступление. Выйдя на хребет, марковцы увидели в полутора верстах впереди, у подножия следующего хребта, деревню. К ней шел пологий, совершенно голый скат. Наступление «в лоб», с охватом деревни справа и слева.

Красные развили сильнейший огонь, под которым роты в центре стали залегать. Охват деревни с флангов встретил препятствие: красные занимали позиции и на хребте, круто подымавшемся над деревней. Сильная их контратака на правый фланг полка принудила его к отходу, и лишь выдвинутые три роты резервного батальона задержали красных и отбросили их. Однако нового порыва вперед не последовало, т. к. было приказано отходить. Это было вызвано угрожающим положением для всего полка на его левом фланге.

Верстах в пяти к северу от д. Кононовки, у подножия того же хребта, что и эта деревня, находился х. Погорелова, занятый красными. Для наблюдения за ним было выслано 15 всадников. И вот в то время, как полк вел наступление, красные из хутора перешли в наступление, угрожая полку глубоким охватом слева. В это время в резерве полка оставалась лишь одна 9-я офицерская рота, из которой, с твердым заданием задержать противника, была выслана полурота с двумя пулеметами.

Первыми на помощь 15 всадникам прискакали пулеметы. Их огонь задержал левый фланг и центр двух густых цепей красных. Правый их фланг, прикрытый складкой местности, продолжал быстро наступать. Пулеметы стали отходить, да они и не могли больше стрелять, т. к. в них кипела вода. Подошедшая офицерская полурота контратакой смяла передовую цепь противника, взяла пленных, но не устояла перед его второй цепью, и только благодаря открывшим снова огонь пулеметам красные были остановлены и через короткое время, с наступлением ночи, отошли в свой хутор.

Наступление не только Офицерского полка, но и Кубанского в этот день было неудачным и притом приведшим к огромным потерям. 50 офицеров, половины своего состава, лишилась полурота 9-й роты, остановившая наступление красного Тимашевского крестьянского полка, силой в 1000 человек. До 400 человек потерял весь полк.

Полк отошел в исходное положение за гребень. Ветреная, морозная ночь. Чтобы хоть немного укрыться от ветра, копали себе ямы с помощью небольшого количества кирок и лопат. Грелись у немногих костров.

Жертвенно работали сестры милосердия и санитары. Не хватало подвоя для эвакуации раненых. Их мучил еще и холод. Сестра Левицкая (забылось ее имя), сняв с себя ватную безрукавку, закутала ею раненого грузина. Сильно давал о себе знать и голод. Пулеметчики поделились запасом холодной еды с этой сестрой, а она раздала ее раненым. Светлая память сохранилась о сестре Левицкой,

юной девушке, дочери попечителя Виленского учебного округа, как и обо всех сестрах в эту ночь, после тяжкого и кровавого боя.

Поздно ночью привезли ужин, и холодный: не нашлось достаточно дров. Уснуть никому не пришлось.

18 ноября. Все ожидали с утра возможности «согреться» повторным наступлением на д. Кононовку, но день прошел без перемен. Был бой у кубанцев, в результате которого они взяли несколько хуторов перед хребтом.

Когда стемнело, 1-му и 2-му батальонам было приказано выдвигаться на подрастания к д. Кононовке, а 3-му батальону — к х. Погорелова и окопаться. Напрашивался вывод: наутро атака. Но с другой стороны: если будет атака, то зачем окапываться, тем более что нет шанцевого инструмента? Копались всю ночь. Не спали.

19 ноября весь день батальоны пролежали под обстрелом шагах в 800 от красных. Кое-как спасались от холода беготней вдоль фронта. Были потери. Развлекались стрельбой. А у кубанцев снова шел сильный бой: они отбивали атаки красных.

Вечером узнали, что на участке кубанцев ранен генерал Тимановский, которого заместил полковник Гейдеман, а в командование полком вступил полковник Булаткин.

Опять кошмарная ночь. Марковцы находили единственное объяснение своему положению: из каких-то высших соображений их задача держать противника в непрерывном напряжении и под угрозой внезапной атаки. Ночью выпал сильный туман.

20 ноября. Никаких распоряжений, никаких перемен. Когда туман рассеялся, снова показался горный хребет, но только в нижней своей части: вершина его была покрыта несущимися облаками. Усилилась перестрелка.

Но вот часов около девяти по цепи передано: приготовиться к атаке, что всех обрадовало и как будто согрело. А не более как через час все услышали глухие артиллерийские выстрелы в тылу у красных, а затем и пулеметную стрельбу; звуки боя непрерывно приближались.

— Наша конница в тылу у красных! — был вывод.

— Вперед! — раздалась, наконец, команда, и в мгновение марковцы понеслись вперед, не обращая внимания на встречный огневой ливень. Но он быстро прекратился: красные оставляли свои позиции и поднимались на возвышенность вправо и влево от деревни. Расстроенные порывистым наступлением цепи полка в облаках шли вперед уже своими обрывками, мелкими соединениями, терявшими между собой зрительную связь и не видевшими противника. Лишь временами, когда рвались облака, появлялась возможность

наблюдения на сотню-другую шагов; цепи сталкивались, перемешивались...

«Нам открылась жуткая картина пронесшегося здесь боя, — написал один из участников. — Все поле было покрыто трупами. Между ними кое-где еще бегали одиночные люди, случайно уцелевшие и не знавшие, куда бежать... Видно было, что здесь отходила густая цепь противника и... залегла навсегда. Еще и еще такие же «мертвые цепи»... Вот стоит брошенная подвода с пулеметом. Вокруг нее лежит убитая прислуга, а лошади... цель».

Кубанский стрелковый полк наступал правее. Его цепи также разорвались в облаках. Противник перед ним отходил в порядке, т. к. туда атака конницы не докатилась. Временами противники обнаруживали себя на коротком расстоянии и тогда неслась сильная стрельба.

С цепями кубанцев ехал верхом с двумя ординарцами временный командующий бригадой, полковник Гейдеман. Он свернул вдоль цепи влево. Цепь прервалась, но полковник Гейдеман продолжал ехать дальше. Он проехал немного, когда увидел идущую цепь, и, подъехав к ней, что-то сказал. И... вдруг из нее раздались выстрелы по полковнику Гейдеману и бывшим с ним двум верховым. Цепь оказалась красной. Один ординарец, однако, успел ускакать и сообщить кубанцам о случившемся. Кубанцы нашли два истерзанных трупа. Озлобленные, они рванулись вперед и уже никому не давали пощады.

Скоро весть о смерти полковника Гейдемана дошла до марковцев, которые также перестали брать пленных...

«По мере приближения к с. Спицевка (6 верст от д. Кононовки) число бегущих безоружных красных увеличивалось. Ища спасения от конницы, они бежали на пехоту».

К вечеру бригада сосредоточилась в с. Спицевка. Красные отошли к востоку за реку Калаус и к югу. Конная дивизия нанесла им огромные потери: одними пленными ею было взято до 2000 человек, захвачено 40 пулеметов, 7 орудий и большой обоз. .

Одержан большой успех, но доля марковцев в нем ничтожна. Иная их доля огромна — доля кровью и жизнями: за 4 дня боев у д. Кононовки полк потерял до 500 человек; ранен генерал Тимановский; убит полковник Гейдеман.

Полковник Гейдеман был похоронен в Екатеринодаре в склепе нового Войскового собора, там, где покоился генерал Алексеев.

21—27 ноября полк, совершенно неожиданно для него, спокойно простоял в с. Спицевка на теплых квартирах. Получил пополнение —

400 человек из иногородних Кубанской обл., мобилизованных красными и взятых в плен. Получил он и небольшое количество теплого белья и обмундирования, но не получил обуви, в которой была крайняя нужда, т. к. снабжение за счет «красного интендантства» резко пало: у красных также был обувной кризис.

Артдивизион наконец-то усилился прибывшим взводом 1-й батареи и вскоре и двухорудийной гаубичной батареей, везомой обывательскими волами. Дивизион получил пополнение солдатами, сменившими в качестве ездовых оставшихся еще в этой роли офицеров. Офицеры были нужны для 3-й батареи, из которой ушли все офицеры-гвардейцы на формирование своей гвардейской батареи. С уходом их 3-я батарея сняла красные погоны и надела черные — марковские. 1-й артдивизион стал чисто Марковским.

В эти дни корпус генерала Врангеля, взяв с. Петровское, вел бой вместе с отрядом генерала Станкевича на нижнем течении реки Калаус, против 4-й стр. дивизии красных, силою в 20 тысяч штыков и сабель (сов. данные), выставив заслон в южном направлении, где сосредоточены были две группы противника: у с. Благодарного и с. Новоселицкого каждая, по сведениям генерала Деникина, силою около 10 тысяч штыков и сабель.

Против этих двух групп стоял теперь 1-й арм. корпус с приданной ему Кубанской казачьей дивизией генерала Покровского. Общая численность корпуса была около 6 тысяч штыков и сабель. (Таковую же численность 1-го корпуса приводит и советская книга «XI армия в боях на Сев. Кавказе...», но силы красных она приводит иные: «Благодарненская» группа — 3-я Таманская стр. див. имеет — 24 456 штыков, 2359 сабель, 338 пулеметов и 66 орудий; «Новоселицкая» — кон. дивизия — 2510 сабель, подчиненная 3-й Таманской стр. див.) 1-й корпус располагался: на линии сел Северного и Калиновки — отряд генерала Колосовского, в который вошел еще Кубанский стрелковый полк, а позднее — Сводно-гренадерский, на фронте свыше 10 верст; на линии сел Грушевка — Донская Балка — дивизия генерала Покровского, на фронте до 25 верст.

28 ноября. Офицерский генерала Маркова полк выступил в с. Сергиевка, а на следующий день, 29 ноября, пошел дальше в с. Грушевка, проделав за два дня около 50 верст. Переходы были тяжелые: дорога все время шла в гору, дул восточный ветер, было холодно. Ожидаемого у с. Грушевка боя не произошло: красные очистили село на виду у марковцев под давлением одного из конных полков дивизии генерала Покровского. Полк расположился по квартирам под охраной этого конного полка.

30 ноября. К утру село в густом тумане. Полк еще спал, когда в охранении раздалась стрельба. Едва полк собрался на церковной площадке, пули уже свистели вдоль улиц с трех сторон. Полковник Булаткин послал батальоны по трем направлениям, и они выбили из села ворвавшуюся в него красную кав. дивизию. В полку и в бывшей с ним батарее были единичные потери, но серьезно пострадал обоз, ушедший из села и атакованный красными.

После боя казачий полк ушел к северу на присоединение к своей дивизии. Оставшись один, Марковский полк выставил охранение на все четыре стороны, т. к. в тактическом отношении его расположение было чрезвычайно опасным: он выдвинут углом в сторону противника, находится в котловине, базируется на с. Серпевка, где стоял штаб корпуса, отстоящее на 25 верст, а соседней вправо и влево имеет не менее чем в 12 верстах. Полк мог быть легко окружен.

Ко всему, и самый вид с. Грушевка был весьма неприглядным: самое бедное село в Ставропольской губернии и по утрам, благодаря своему высокому расположению, часто покрытое туманом. «Гиблым местом» показалось оно марковцам.

По 13 декабря включительно полк простоял более или менее спокойно в селе. Однако эти дни проходили для него не без тяжелых испытаний: усилились морозы, доходившие до 15° ниже нуля, дули сильные ледяные ветры, свирепствовали метели. Охранение требовало большого наряда и частых смен. Особенно памятна ночь под Николин день, 6 декабря, когда сменять охранение приходилось каждые 15 минут.

6-го, 7-го и 8 декабря из-за мороза и страшной пурги не могла быть произведена эвакуация больных, число которых росло каждый день. Перед этим в одном из транспортов замерзла заболевшая сестра милосердия. Ко всему, на долгие часы прерывалась телефонная связь со штабом корпуса: страшные ветры рвали телефонную линию.

С 6 декабря для полка служба стала еще тяжелее, т. к. 1-й батальон ушел в с. Калиновка.

* * *

1-й батальон был вызван в с. Калиновка, чтобы, оставаясь в этом селе, прикрыть тыл отряда генерала Колосовского, с утра 6 декабря выступившего в южном направлении, с задачей взять с. Александровское — 20 верст от Калиновки. Село намечалось взять комбинированным ударом — с фронта, вдоль большой дороги, Кубанским стр.

полком с батареей и обходом с запада, через с. Круглолесское, конным отрядом, выступление которого назначено несколькими часами раньше выступления Кубанского полка.

Погода была отчаянная. Не найдя на сборном пункте в назначенное время 1-го конного полка, войсковой старшина Растегаев решил выполнить задачу самостоятельно, силами своего большого дивизиона. Гору Главную дивизион перевалил, ведя коней под узду, а затем рысью двинулся дальше. В с. Круглолесское он ворвался, не встретив сопротивления, захватив в плен полк красных и, весьма кстати, походные кухни с готовым обедом. Подкрепившись и согрившись, он немедленно двинулся на с. Александровское, ворвался в него, но, встретив сопротивление, вынужден был отступить обратно в с. Круглолесское и там заночевать, а наутро, не имея связи, отправиться в свое исходное положение, в с. Северное.

Однако неудачный налет дивизиона на с. Александровское имел положительный результат: через час-два красные были легко выбиты из села Кубанским стр. и 1-м конным Офицерским полками.

Для войскового старшины Растегаева его налет на села Круглолесское и Александровское имел два противоположных последствия: строгий выговор генерала Колосовского за неустановление с ним связи и благодарность генерала Казановича за блестящие действия его дивизиона.

Село Александровское удерживалось Кубанским стр. полком с батареей, а потом сменившим его Сводно-гренадерским отрядом до 13 декабря. Оно было оставлено по приказанию, т. к. в это время красные перешли в наступление и создавалась угроза тылу 1-го арм. корпуса.

* * *

12 декабря красные перешли в наступление по долине реки Мокрая Буйвола в направлении на с. Сергиевка, тесня части генерала Покровского.

13 декабря они уже были в 15 верстах от с. Сергиевка, угрожая глубокому тылу батальонов марковцев в с. Грушевка. В этот день в Грушевку пришли два батальона Кубанского стрелкового полка. Составился отряд в четыре батальона при 7 орудиях, которому приказано наступлением на с. Медведское ударить в тыл красных и отбросить их на восток. В командование этим отрядом должен был вступить назначенный командиром Офицерского генерала Маркова полка полковник Сальников, проезд которого ожидался ночью.

14 декабря отряд готовился выступить с рассветом, не ожидая, пока ему на смену придет из с. Калиновка 1-й батальон Офицерского полка.

Ввиду приезда полковника Сальникова батальоны марковцев построились на час раньше, чтобы установить первый контакт со своим новым командиром. У всех было естественное желание увидеть и услышать того, кому они подчиняются, и тем более перед выполнением весьма серьезной задачи, и еще и потому, что о нем до сего времени они ничего не слышали и не знали. То, что полковник Сальников был при штабе Добровольческой армии, им ничего не говорило.

Утро туманное: ничего не видно в 25 шагах, и мороз свыше 10°. Марковцы в ожидании выхода командира из штаба полка стали мерзнуть; ждать же пришлось долго. Встреча прошла быстро: полковник Сальников поздоровался и... это все. Первое впечатление совершенно не в пользу командира.

Отряд тронулся. Впереди батальоны марковцев. До с. Медведского 15 верст. Дорога шла в гору, но идти было легко и даже пелись песни.

После первой остановки в голову колонны вышли батальоны кубанцев. Почему? — встал перед всеми вопрос. Марковцы с полной уверенностью в успехе готовы были атаковать красных, а их отводят назад. Но может быть, есть серьезная опасность с тыла? Вывод был определенный: у начальника отряда отсутствует твердая уверенность в принимаемых им решениях. Полковник Булаткин, к которому обращались с вопросами по этому поводу, отмалчивался.

Туман разрежался, но видимость едва превышала сотню шагов. Судя по тому, что дорога стала снижаться, решили — скоро село и атака.

Наконец колонна марковцев остановилась, и все услышали впереди глухую стрельбу. Время шло, но никаких перемен. Ясно — с атакой произошла заминка. Но вот батальоны стали разворачиваться в боевой порядок и двинулись вперед вправо от дороги. Они шли, ничего не видя перед собой. По цепям защелкали пули, но почему-то в левый их фланг; они остановились. Оказалось, дорога при спуске постепенно сворачивала вправо, сворачивали невольно и цепи, подставив противнику свой фланг. Нужно было изменить направление, а когда передвижение закончилось, пришло приказание: отойти и ждать у дороги распоряжений. Атака села не только оказалась неудачной, но она и не состоялась.

Туман быстро исчезал, однако с того места, где собирались роты, не было видно ни села, ни противника, ни кубанцев. Все это скрыто

волнистым скатом. Но все увидели большую колонну красной кавалерии у себя в тылу, верстах в полтора, вблизи той дороги, по которой они недавно шли. По колонне начали пристрелку пулеметы.

Нервы у марковцев взвинчены до предела от всего происшедшего и происходящего с начала этого дня. И не только у рядовых. Когда от полковника Сальникова к командиру батальона, полковнику Волнянскому, подъехал офицер с приказанием: «Батальону атаковать колонну кавалерии», полковник Волнянский в присутствии офицеров и солдат возбужденно ответил:

— Передайте командиру полка, что я командую батальоном пехоты, а не кавалерией и поэтому атаковать кавалерию в чистом поле не могу.

Вторичного приказания не последовало. Кавалерия противника продолжала оставаться на месте, пока ее не скрыла наступившая ночь.

Негодование в полку своим новым командиром было всеобщим и открытым, но марковцы сохраняли выдержку и самообладание. Исходя из создавшегося положения, они приходили к выводу: несмотря на мороз, переночевать здесь, а утром атаковать. Таково же решение было и начальства. Полковник Булаткин коротко сказал: «Ночевать останемся здесь» — и приказал батальонам построиться в тесное каре, окружив его повозками и выставив пулеметы. Всегда очень внимательный, отвечающий до этого всем на задаваемые ему вопросы, всегда освещающий обстановку, теперь он сухо просил не обращаться к нему с вопросами.

Мороз усиливался и перевалил 15°. Спасения от него — никакого. Короткое время — оживление: сдалась конная застава красных, оставленная для наблюдения за отрядом. Ее командир сообщил об уходе кавалерийской бригады, и только после этого было разрешено разводиться костры. Но не было дров. Артиллеристы жгли деревянные снарядные ящики. Страдали части повозок. Костров горело мало, небольших, да и те скоро потухли. Сидевшие у них, спасая ноги, портили себе от огня обувь. Некоторые рискнули снять сапоги, но большинство не пошло на эту разумную меру: а если тревога?

«Мы лежали прижавшись тесно друг к другу, как будто теплее было рукам, туловищу... Мерзли ноги, но старались не обращать на это внимания».

«Помню только, что я окончательно замерз».

Пулеметчики? Они замерзли до того, что их уже не беспокоила замерзшая вода в пулеметах. Атакуй противник, он взял бы всех голыми руками.

В стороне села всю ночь раздавались короткие пулеметные очереди: стреляли красные, чтобы не дать замерзнуть воде в своих пулеметах.

Так проходила кошмарная двенадцатичасовая ночь на высокой возвышенности перед с. Медведским.

15 декабря. Перед рассветом, часа за два, — подъем. И сразу же раскрылся результат ужасной ночи: многие оказались с отмороженными носами, ушами, щеками и особенно ногами. Боль сразу же дала себя чувствовать: люди не могли стать на ноги, не могли держать винтовок... Но заниматься собой не приходилось: команда — «строиться». Становились в свои ряды далеко не все. Роты тронулись, на ходу рассыпаясь в цепи...

Пулеметный и все усиливающийся ружейный огонь, резкие выстрелы и полет пуль, визг рикошетирующих, только усиливали порыв. Красные бежали к селу. На окраине села новый взрыв огня: из-за заборов, из-за разных построек, из-за деревьев садов стреляли свежие силы красных, только что вышедших из теплых домов. Но все было сметено, даже без того, чтобы был пущен в ход штык. Красные оставляли село и в беспорядке отходили на восток и на север. Их массы хорошо были видны на противоположном пологом подъеме из лощины. Их не преследовали, и только батареи, спускаясь к селу, выйдя из облаков и увидев красных, открыли по ним огонь. Прошло часа два и больше, а массы красных, оставивших села Орехово и Высоцкое, обтекали Медведское с севера. За ними шли редкие лавы казаков.

Марковцы, войдя в село и убедившись, что противник отходит, быстро рассыпались по домам: их загнал холод, их пробудил голод. Вряд ли удержали бы их от этого командиры. В домах им не пришлось просить еду, не пришлось и ждать ее: она была уже приготовлена для красных. С радостью жители поили и кормили «белых». Вскоре части получили свои квартирные районы и наконец могли начать отдых в тепле. В охранение стал Кубанский стрелковый полк.

Незначительные потери понес в атаке села Офицерский полк, но мороз за ночь вырвал из его рядов очень и очень многих. В атаку батальоны перешли едва в половинном составе, другая половина бесстрашно тянулась за ушедшими цепями, а частью даже не двинулась с места. Некоторые были настолько сильно обморожены и так страдали, что просили их пристрелить. Было к тому же опасение появления с тыла красной кавалерии, но, к счастью, этого не произошло, да и скоро из села выехали подводы за отставшими.

До 400 человек обмороженных, и только Офицерского полка, было собрано в одном районе села. Весь незначительный медицинский и

санитарный персонал полка, сам едва двигающийся, должен был оказать и раненым, и обмороженным немедленную помощь. Но помогли ему женщины села: они растирали обмороженных снегом, гусиным салом, они согревали их горячим молоком и пищей, которые сносились из всех домов. А через несколько часов они же помогали грузить на подводы пострадавших для отправки их в тыл, заботясь, чтобы в пути им не было бы очень холодно. До 50 подвод, с более чем тремястами человек, выехало по дороге на село Сергиевка.

В последующие дни часть из них вернулась в полк. Их шутя прозвали «мнимо обморозившимися».

16 декабря. Рано утром — подъем. Двум батальонам марковцев (около 500 шт.) с 5 орудиями, при содействии слева конной бригады генерала Покровского, приказано взять находящееся в 10 верстах восточнее с. Шишкина. Назначение для наступления столь незначительных сил в направлении концентрации главных сил противника и притом — наступление в глубь его расположения (село Сухая Буйвола — 10 верст к северу от с. Медведского — занято красными) показалось всем очень странным: половина пехоты отряда оставалась на месте. Кроме того, местные жители говорили, что к красным подошли подкрепления и подвезены снаряды и патроны.

Был мороз, хотя уже и не столь жестокий. Легкий туман. Колонна марковцев, под командой полковника Булаткина, тронулась за походной заставой. Не доходя полутора верст до села, застава была обстреляна охранением противника из-за каменного забора, но атакой моментально сбита его.

В это время из села выходили и разворачивались, занимая позиции перед селом и в огородах вправо и влево от него, массы красных. На ходу развернулись и марковские батальоны. Красные открыли сильнейший пулеметный, ружейный и артиллерийский огонь. Марковцы, хотя и поддержанные своими батареями, вынуждены были наступать перебежками. Противник не выдержал, стал отходить, но, видимо, преднамеренно, т. к. в самом селе он сразу же стал оказывать серьезное сопротивление, так же как и в огородах, цепляясь за каждый дом, за каждую изгородь. С церковной колокольни строчили два его пулемета. Продвижение шло медленно, но тем не менее противник принужден был очистить почти половину села, отойти за ложбину, его пересекающую, и даже оставить свою батарею, попавшую под обстрел. Но... приказание: «Немедленно отходить».

Оказалось, что противник глубоко обходит полк слева. Наступавшая там конная бригада была опрокинута красными, перешедшими

в контрнаступление с трактором, вооруженным пулеметами. Из-за складки местности не сразу был замечен этот обход.

Отход марковцев происходил в крайне тяжелых условиях, под непосредственным давлением перешедшего в наступление в селе противника. Пал убитым героический, энергичный и распорядительный полковник Волнянский. Его едва успели вынести. Батальоны несли жестокие потери.

Окружение их в селе не произошло лишь благодаря высокой жертвенности батарей. Они повзводно, поорудийно, до последней возможности, не обращая внимания на рвущиеся вокруг снаряды, на пули, сдерживали красных. У одного орудия пал сраженный снарядом исключительный во всех отношениях по своим высоким качествам командир 1-го артиллерийского дивизиона полковник Миончинский, сподвижник генерала Маркова, славный доброволец. (Полковники Миончинский и Волнянский были похоронены в склепах Кубанского Войскового собора, где лежали генерал Алексеев и полковник Гейдеман.)

Оставив село, марковцы остановились на линии того каменного забора, откуда начали наступление. Бой, однако, кончился не для всех рот. На самом правом фланге полка, по огородам, наступала 12-я рота. Она дошла до ложбины, пересекавшей село, когда услышала стрельбу слева и сзади себя и остановилась. Вскоре увидела и заходящую ей в тыл от села цепь. Красные! Заместивший тяжело раненного командира роты капитана Пиллера²⁴⁷ капитан Залесский²⁴⁸ повернул роту в обратном направлении и атаковал обходящую цепь красных. Красные не знали о роте, находящейся у них в тылу, и были ошеломлены ее появлением. Моментально около 100 человек было взято в плен. Один из красных сказал:

— Зачем вы нас берете в плен, когда вы сами в плену? Ваша кавалерия уже давно отступила, и все ваши уши из села. Отходите скорей, а попадетесь — и вас и нас расстреляют.

Только теперь рота поняла, в каком положении она оказалась, и только в этот момент прибежал совершенно обезумевший и запыхавшийся связник с запоздалым приказанием отходить.

Капитан Залесский собрал роту и с пленными повел ее по огородам в тыл, и когда рота была уже на линии западной окраины села, она вдруг натывается на лежащую густую цепь красных. Шедшие впереди роты пленные, попав к своим, мгновенно разбегаются, а красная цепь, повернув назад, встречает роту огнем в упор. Рота бросается в штыки...

Поручик Петушков бросается с криком: «Боже, Царя храни» — и падает заколотым. Свирепая схватка роты в 50 человек с массой красных, штыковая и огневая...

В это время остановившиеся другие роты обнаруживают отсутствие 12-й роты. На шум идущего в огородах боя высылаются рота, и она принимает на себя пробившихся 25 человек. Это было уже наступающей ночью.

Все роты в сборе, но батальоны почему-то продолжают стоять на месте и даже выставили охранение. До красных несколько сот шагов. Редкая перестрелка. Усталые, голодные, морально потрясенные и ко всему — на холоде, марковцы лежат на мерзлой земле час, другой... Почему их держат здесь? Или наутро повторение атаки? Разрывается бомба — один убит, четверо ранено, несколько контужено. Вторая — один тяжело ранен, несколько контужено. Противник стрелял без бомбега.

Наконец получено приказание: возвратиться в с. Медведское. Молчаливо, бездумно, машинально шли роты с сильно поредевшими рядами: свыше 200 человек из 500 потеряли оба батальона. Около полуночи пришли они в Медведское и уснули мертвым сном.

А из села опять уходил большой транспорт с ранеными и с ним полковник Булаткин, испытывающий острую боль в обмороженных ногах, которую он напрасно хотел побороть в течение суток.

17 декабря. Утром на рассвете началась стрельба в сторожевом охранении, которое нес Кубанский стрелковый полк. Противник наступал широким фронтом с охватом села справа и слева. Туман позволил ему подойти почти вплотную. Стрелки не смогли сдержать противника и скатывались с бугров в село. Красные следовали по пятам.

Когда марковцы, сонные, на ходу натягивающие на себя шинели и снаряжение, выскакивали из домов, пули уже роем носились по улицам. Батальоны приняли бой на улицах, в огородах и садах, среди построек и выбили красных. 2-й батальон занял позицию на восточной окраине; 3-му приказано выдвинуться на бугры к югу. Сбивая красных с бугров на склоне возвышенности, он занял позицию так, что его правый фланг мог наблюдать и обстреливать местность далеко вправо, почти на том месте, где двое суток назад была проведена отрядом морозная ночь. Влево, к северу от села, с поддержкой всех орудий отряда, разворачивались батальоны кубанцев.

Противник готовился к новой атаке; многочисленные орудия подготавливали ее. Атаку он начал после полудня. Его массовые цепи и резервы шли на сближение. Бой разгорался. Уже 2-й батальон на восточной окраине села отбивает атаки. В 3-м батальоне сильный огневой бой с приблизившимся почти вплотную противником.

Никогда еще до сего времени среди марковцев не вырывалось открытое признание: «Страшно» — а теперь оно произносилось. Им

казалось, что они не успеют от огня противника, не устоят и не уйдут от его массы. Сказывалось и то, что среди них уже не было полковника Булаткина и Волнянского, не было и многих командиров рот, а сомнение в начальнике отряда, благодаря которому накануне батальоны понесли большие и напрасные потери, теперь уже перешло в недоверие,

Марковцы сдерживают противника, но местами все же вынуждены подаваться назад. Убит офицер, вытащить его поползли два других и... остались лежать трое. Сильный бой шел у кубанских стрелков, и шел не в их пользу: их батальоны и поддерживающие их семь орудий не в состоянии сдержат красных, обходящих село с севера.

Когда пришло приказание марковцам отходить, то оно уже было запоздалым для 3-го батальона, которому нужно было предварительно спуститься с возвышенности в село. Ему оставалось отходить по бутрам и ложбинам вдоль южной его окраины. Трудно пулеметным двуколкам, санитарным повозкам: на помощь лошадям впрягались люди. Так отходил батальон 2—3 версты, пока не вышел на линию западной окраины села и... не уперся в глубокий, с крутым скатом, овраг. объехать его можно было лишь у села, но там уже противник. В другую сторону овраг тянулся до бесконечности. Раздумывать не приходилось: было лишь одно решение — перейти овраг, и притом как можно скорее, т. к. к югу, верстах в 2—3, видна колонна кавалерии, неизвестно чья.

Скат оврага крутой, покрытый навейным снегом и глубиной аршин 25—30. Противоположный подъем из него — пологий. Итак, главное — спуститься. Ротам это не составляло труда: люди катились на спинах, но подводам?..

Первым решил спуститься начальник 5-го пулемета, поручик Малышев²⁴⁹. Он приказал вожжами и веревками вязать колеса пулеметной двуколки, затормозив их совершенно, да еще вставить в колеса винтовки. Сделав это и облегчив двуколку от патронных ящиков, которые были сброшены в овраг, поручик Малышев, сказав: «Все равно погибать!» — приказал номерам уцепиться за задок двуколки, чтобы не дать ей опрокинуться, подвел ее к обрыву и перекрестился. Сделав первые шаги, лошади сразу же были посажены на задние ноги и... коренник, с уцепившимся за узду поручиком Малышевым, пристяжная, двуколка, ездовые... все вихрем, в облаке снега, понеслись вниз. К счастью, как край оврага, так и его дно были покрыты толстым слоем снега и спуск прошел благополучно. Это всех подбодрило, и через минуту скатился с тем же успехом пулемет поручика Стаценко²⁵⁰, а еще через несколько минут туда летели все пулеметы,

подводы, ящики... На дне оврага все барахтались в снегу, вытаскивая двуколки, подводы на менее заснеженное место, подбирали ящики... Все грузилось снова на подводы. Спуск прошел без жертв, увечий и даже контузий.

Через полчаса вся колонна на колесах (роты ушли вперед) выезжала по пологому подъему из оврага и, попав на дорогу, направилась в с. Орехова. Теперь уже не была страшна и видимая колонна кавалерии, которая к тому же оказалась «своей». От нее подъехал офицер-кубанец и спросил:

— По приказанию генерала Покровского разрешите узнать, кто и какой части обоз, решившийся на такой безумно-отважный спуск в овраг? — и передал от генерала его восхищение.

К вечеру батальоны полка и команды сосредоточились в с. Ореховка, расположившись по квартирам, выставив охранение. Потери полка за день боя не превышали 60 человек, но из с. Медведского санитарная часть полка не успела вывезти 10—12 тяжелораненых. Чрезвычайно пониженным было настроение всех.

* * *

То, что конные части генерала Покровского оказались на правом фланге, заставляло предполагать опасность на этом фронте. И действительно, произошло следующее.

В с. Грушевка, через несколько часов после ухода из него 14 декабря отряда, пришел из с. Калиновка 1-й батальон марковцев. Этот и следующий день он простоял в селе более или менее спокойно, будучи лишь обременен необходимостью держать всегда охранение на четыре стороны, на которое уходило до трети его численности. (В батальоне около 400 штыков.)

16 декабря батальон отбил наступление красной пехоты. На следующий день, 17 декабря, наступление красных возобновилось. Перед селом занимала участок 1-я рота всеми взводами, с 500 шагами интервала между ними. Отбив атаку до обеда, рота подверглась более сильной атаке во второй половине дня. Донесение командира роты о необходимости немедленной поддержки осталось без последствий. Посланные за патронами люди вернулись с сообщением, что обоза они не нашли. Рота не знала, что в это время остальные роты развернулись на северной окраине села против наступающих лав красной кавалерии и догадались только тогда, когда лава появилась за ее левым флангом. Рота стала отходить к селу, но два ее взвода были настигнуты кавалерией; другие два взвода она постигла уже в селе. От-

бились от нее только 20 человек, которые догнали батальон, отходивший на с. Калиновка. Батальон потерял около 100 человек, из которых на 1-ю роту пришлось до 60 человек. (Дня через два к остаткам 1-й роты присоединились три ее офицера, успевшие укрыться в селе. Они слышали разгул красных и расстрел захваченных в плен. Ночью крестьяне, переодев их в крестьянское одеяние, вывели их за село, указав направление на с. Сергиевка. Это было тяжелое и жуткое путешествие, но... выбрались.)

С захватом красными с. Грушевка на правом фланге отряда нависла опасность, чем и объяснялось появление частей генерала Покровского на его правом фланге.

* * *

18 декабря. Отряд спокойно простоял в с. Ореховке. Противник отдыхал и дал отдых отряду. Стоял мороз до 10° и туман. Но отдых все же был относительный, т. к. требовалось выставление сильного охранения и полная боевая готовность. Как и в с. Медведском, марковцы занимали восточную и южную окраины села. У одной из застав, к югу от села, стояло даже одно орудие, имевшее хороший обстрел вправо и влево, но весьма скверный перед собой.

Вечером подошел 1-й батальон и расположился в западной половине села, за ложбинкой, его разделяющей. Офицерский полк был в сборе.

19 декабря. Ночью мороз стал сильно спадать, но выпал густой туман. Марковцы проснулись рано. Их разбудило услышанное от входящих в дома слово «туман», не предвещавшее ничего хорошего. И действительно, противник снова повел охват села своими силами.

Около 7 часов утра в сторожевом охранении началась стрельба, по характеру которой можно было судить о наступлении красных. К югу от села бегло стреляло на заставе орудие. Когда батальоны построились, то можно было понять одно: село глубоко охватывается противником. Заставы стали отходить. Орудие, путь которого с заставы не шел прямо в село, а некоторое расстояние проходил по возвышенности вдоль него, ввиду того что этот путь оказался перерезанным красными, оставалось одно: спускаться без дороги с кручи и под обстрелом. Убиты коренной конь и ездовой, ранены еще два коня. Новое препятствие — забор... Вывести орудие невозможно. Отходящий с восточной окраины батальон помочь ничем не может, и орудие оставляется.

А в это время уже шел бой в западной части села, куда ворвались красные, совершившие по возвышенности глубокий обход его с юга. Но стоявший там 1-й батальон выбил их и отбросил. С севера красные тоже охватывали село, перед которыми отходил Кубанский полк. Марковцы быстро оставили с. Ореховка и, перейдя по мосту через следующую ложбину, вошли в начинавшееся сейчас же с. Высоцкое.

Было около 10 часов. Батальоны развернулись на восточной и южной окраинах села и отбросили преследовавших их с бешеным порывом красных. Однако слева безудержно отходили стрелки, оголяя левый фланг их, а справа появилась красная кавалерия, глубоко охватывающая село.

Полку приказано прикрыть отход батарей и обозов, собравшихся в селе. Но что-то медленно отходили они. Марковцы сдерживали красных, все более и более сжимающих их с трех сторон. Их не поддерживала своя артиллерия, т. к. была в движении. Сильно гремела артиллерия красных, но она главную массу своих снарядов слала в тыл, за село. Все чувствовали что-то недоброе.

А за селом в это время происходило следующее: из села по выгону в полверсты шириной, к двум мостам через ложбину, скакали обозы и батареи. Это по ним и мостам били батареи красных. Один мост был поврежден прямым попаданием снаряда, и на нем застряла подвода. Движение шло по другому мосту с остановками, задержками, но все же сравнительно благополучно.

Офицерский полк отходил во всю ширину села уже сжатым с трех сторон. Село длинное. Схватки на улицах, в садах, огородах. Если красным не удавалось расстроить сопротивление полка, то главным образом благодаря героизму его пулеметчиков.

Но вот село почти пройдено, и полку оставалось проскочить только выгон, а его пулеметам — единственный мост, находящийся уже не только под орудийным, но и пулеметным обстрелом с фланга. Положение тяжелое. Это очевидно и для противника. Он переходит в атаку по селу, удивительно смелую и уверенную, и... усеивает улицы, огороды своими убитыми и ранеными.

А в следующий момент из села по выгону к мосту под обстрелом уже мчалась полным карьером двуколка с ездовым и пулеметным офицером, проскочила мост — и через минуту-другую пулемет уже строчил по красным. За первым пулеметом последовал второй, третий... Огонь пулеметов и остановившихся батарей ослабил огонь красных по выгону и мосту. Полк смог отойти за ложбину.

Он остановился на небольшом гребне с сельским кладбищем на нем. Но задержаться ему на этой удобной позиции не пришлось: сле-

ва кубанцы отходили и на фланг полка выходили красные. Полк продолжал отход через широкую ложбину на следующую возвышенность.

Это был отход бойцов, морально и физически утомленных до предела, безразличных ко всему, что бы ни случилось. Каждый ушел в себя, шел молча, машинально, не оглядываясь назад, не ощущая никакой опасности. Не замечали они, как сильно потеплело и что к их ногам приставала грязь. Не изменилось их состояние даже при появлении в цепи командира корпуса, генерала Казановича, возмущенным голосом кричавшего:

— Марковцы! Позор! Если бы ваш шеф, генерал Марков, увидел ваше отступление! Немедленно вперед!

С усталым безразличием марковцы машинально повернули и также спокойно пошли вперед и с ними верхом на коне командир корпуса. Но едва цепи поднялись на возвышенность с кладбищем, как попали под сильный огонь с левого фланга и поднимавшихся на нее густых цепей красных и... повернули назад без того, чтобы раздалась для этого команда. Команды не было. Ни слова не сказав, ускакал и генерал Казанович.

Полк поднимался на возвышенность под обстрелом красных и залег на гребне. Никто не заметил, что он лежит в грязи. Все видели, что красные наступают, но у них было полное, безразличное спокойствие. Только пулеметчики вяло устанавливали и нацеливали пулеметы. И только когда красные спустились в ложбину и до них оставалось 500—600 шагов, был открыт огонь. Красные, оставляя своих убитых и раненых, быстро отошли на свою возвышенность. Марковцы не двинулись с места и прекратили огонь.

Темнело. Красные стали подбирать своих раненых. Ни одного выстрела не было произведено по ним. Не изменил состояния марковцев даже этот успешный боевой эпизод.

С наступлением ночи полку было приказано отходить. Все с тем же полным безразличием собирались роты, выходили на дорогу и куда-то шли. Многие пулеметы отстали. Это те, которые были вдали от дороги. Лошади выбились из сил, давно не кормленные и не поенные, и тащить двуколку по черноземной грязи не могли. Не помогло и известное средство — «играть» перед ними пучком сена (сена они получали вообще весьма мало — больше солому). Пулеметчикам приходилось разгружать двуколки, оставив на них только пулеметы, чтобы лошади могли дотянуть их до дороги, а самим раза два-три возвращаться за патронными ящиками.

Полк пулеметы не нагнали, в темноте свернув не по той дороге, но натолкнулись на едущую батарею, бывшую при Кубанском полку.

В батарее никто не знал, куда пошел Офицерский полк, и пулеметам оставалось только следовать за батареей. Наконец, приехали в хутор Колонтаевский, где оказались еще несколько отбившихся от полка пулеметов. Искать ночью полк нельзя было и думать. Решили заночевать. Попытка найти что-либо съестное не увенчалась успехом, и пулеметчики заснули голодными.

А Офицерский полк, пройдя верст восемь, остановился на голом высоком гребне, где-то на половине расстояния между селами Высоцкое и Сергиевка, в грязи, сырости и на холоде. Батальоны, слегка лишь разойдясь по гребню, залегли где остановились и уснули. Было выставлено какое-то охранение. Появились было несколько костров, для которых не пожалели подвод, но и те скоро погасли. Полная тишина. Никаких разговоров. «И только слышно было, как лошади жевали солому».

20 декабря. Уже совершенно рассветало, когда марковцы, как по команде, проснулись, зашевелились, стали вяло подниматься и, наконец, производить более энергичные движения, чтобы стряхнуть с себя охватившую их сырость, размять окоченелое тело. Мрачная картина окружающей местности не могла влить в них никакой бодрости. Полное спокойствие на участке не всколыхнуло нервы. Все были в каком-то оцепенении. Несколько оживились, когда батальоны стали разводиться по гребню на указанные им боевые участки. А потом занялись разведанием костров и кипячением чая без чайной заварки. Как-то вдруг дал себя чувствовать сильный голод, но сумки бойцов были совершенно пусты.

Медленно восстанавливалось сознание. Медленно развивались разговоры. Да к этому и не было побудительных причин: на фронте полное спокойствие. Вперед видно версты на две, но там ни одного человека, ни одного живого существа.

Прежде всего была осознана малочисленность рот, в которых оставалось по 20—40 человек. Затем возник вопрос о патронах: в сумках у бойцов их оставалось ничтожное количество, и всех обеспокоило отсутствие многих пулеметов. А фронт полка в 300—350 штыков растянут на 2 версты. Большие интервалы между ротами.

Роты, батальоны, полк? Это, в сущности, одни только слова без содержания. Тогда даже не знали, кто командует ротой, батальоном... Ведь один за другим выбывали командиры.

— Ваня! Ты командуешь ротой? — спрашивают начальника отделения.

Тот отвечает:

— Как будто я!

М: — А батальоном?

Ф: И ответ:

Б: — Кажется...

Из старших начальников в полку «как будто» остался один полковник Сальников, которого никто не видел со времени принятия им полка. Видели командира корпуса, но его не видели. Он командовал не так, как генерал Марков или полковник Тимановский и полковник Гейдеман, Булаткин и даже полковник Наркевич. Он «руководил» боевыми операциями из квартиры штаба, и руководил скверно. Всем особенно памятна ночь под с. Медведским и бессмысленное наступление на с. Шишкино. Таково общее мнение и оценка.

К полудню к полку присоединились пропавшие пулеметы, ставшие в незанятые интервалы между ротами, что весьма подбодрило всех. Встали на позицию тут же, почти в цепях, орудия.

Пулеметчики дали некоторое освещение обстановки в тылу: сзади, верстах в пяти, долина реки Калаус с хуторами, в которых ничего съестного достать нельзя; дальше в тыл — с. Сергиевка и будто бы там обоз и кухни, но село эвакуируется, и ожидать подъезда кухонь не приходится; и это еще и потому, что дорога убийственно тяжелая: они, пулеметчики, употребили 4 часа, чтобы подъехать к полку. Как оборачивается боевая обстановка, не столь интересовало всех, как питание. Оставалось применить крайнюю меру — затянуть покрепче пояса.

Сведения относительно эвакуации с. Сергиевка были близкими к правде: 19-го красные выбили Сводно-гренадерский отряд из с. Калиновка и подошли на 5 верст к с. Сергиевка, но 20-го они были отброшены и с. Калиновка занято снова батальоном кубанцев.

В первый из этих дней едва не было захвачено красными одно орудие, причем погибли 4 офицера, батарейные телефонисты: один был убит пулей, другой — зарублен, а два — прапорщики Степанов и Меньков, взятые в плен, после издевательств над ними голыми были облиты керосином и сожжены живыми. Жутко! Не забыть этого! Эта книга — им Памятник.

Во второй половине дня со стороны с. Высоцкого показались небольшие силы красных, остановившиеся в двух верстах на гребне. Их обстреляли несколькими снарядами. У всех несколько обострились нервы и голод не так сильно давал себя чувствовать. А тут подошла ночь, похолодало — и опять заботы о самосогревании и об усиленной бдительности.

Вторая ночь на высоких холмах.

21 декабря. Под утро получен приказ: в случае наступления противника оказать ему самое упорное сопротивление и не дать себя оп-

рокинуть в долину реки Калаус. От этого сопротивления будет зависеть успех маневра в тыл красным конницы генерала Врангеля.

У марковцев чувство полного безразличия ко всему сменилось чувством надежды. Они приготовились, собрав остатки своей воли и своих физических сил. Они сказали друг другу: «Теперь держись! Держись, невзирая на силы врага!»

Едва засерело, раздалось несколько выстрелов на сторожевых постах. Сигнал, по которому марковцы моментально были на своих местах. Защелкали затворы их винтовок и пулеметов. Когда отбежали посты, сообщившие — «красные наступают», все уже было готово. Тишина и полное внимание вперед. Легкий туман. Видимость шагов на шестьсот.

Но вот в тумане появляются силуэты...

Огонь!

И... в ответ красные рванулись вперед с могучим криком «ура». Но они то залегают, открыв бешеную стрельбу, и тогда смолкает их «ура», то снова с криком бегут вперед, но только на короткое расстояние.

Красные лежат шагах в трехстах. Они отчетливо видны. Стоя стреляют по ним марковцы. Удержатся ли марковцы?

На правом фланге полка «ура» красных не прерывается: там они дорвались до цели, сбили, прорвали фронт... Там идет нервная стрельба; почти смолкли пулеметы... Но вот снова затрещали пулеметы... Сдержат ли противника марковцы?

Прорвавшиеся вперед красные попали под огонь с флангов. Они остановились, залегли; они расстроены. «Ура» — закричали марковцы, ринулись в контратаку и сбили красных.

И вот там, где был прорван фронт марковцев, красные бегут, а за ними неудержимо жиденькие группы последних. Там оказался прорванным фронт наступающего противника. Полк перешел в контр-наступление.

И внезапно, когда навстречу отступающим красным подошли их резервные цепи, те повернули назад и вместе с резервами бешено перешли в контратаку. Огонь не сдержал их. Неизбежна штыковая схватка, чтобы остановить противника, но силы для этого ничтожны, и... марковцы побежали назад. Все кричали «Стой!», но никто не останавливался. Сзади них неслось «ура». Все бежали с одной мыслью: встретить противника со своей позиции, где снова заняли свои места пулеметы.

И вот в этот момент навстречу бегущим вылетает лавой сотня, сабель в 60, 2-го Уманского полка и врывается в цепи красных. Мар-

ковцы мгновенно поворачиваются и также бросаются на них... Красные бегут по всему фронту. До 300 человек их сразу же попадают в плен.

Когда марковцы поднялись на гребень, то они увидели массы бегущих красных. Нагнать их невозможно, даже доблестной сотне казаков, остановавшейся на гребне на взмыленных конях. Видно, как бежали красные также и перед стоявшим левее Кубанским полком. Какое-то время все оставались зрителями наблюдаемой картины и решили: конница Врангеля в тылу у красных. И действительно, далеко к востоку, вдоль реки Мокрая Буйвола, слышна была артиллерийская стрельба.

Полк стал сворачиваться. Снова поредели его ряды: свыше 60 человек выбыло из строя. Меньше 300 штыков осталось в нем. В иных ротах не насчитывалось и 15 штыков. Тревога овладела всеми. За сутки до этого никто не обращал внимания на свою малочисленность; ее видели, и только. Но теперь был успех. Мораль поднялась, ожило сознание. «Пополнимся немедленно пленными», — решили все и сами выбирали пленных и вливали их в свои ряды. Сотней человек пополнился полк и пополнился бы большим числом, если бы большинство пленных не было уведено в тыл.

В колонне полк тронулся к с. Высоцкому. Теперь у всех одно сильное стремление: в село, в теплые дома, утолить жажду, голод, выспаться, отдохнуть. Но полк не остановился в этом селе (в нем остановились кубанцы). Немного терпения, усилий: рядом следующее село — Ореховка.

Не для всех, однако, выпало счастье отдыха: 7-я и 8-я роты с 7 пулеметами и сотня доблестных уманцев назначены в сторожевой отряд. Задача: обеспечить с. Ореховка с южной стороны, для чего сразу же, не входя в село, подняться на возвышенность справа настолько высоко, чтобы иметь хорошее наблюдение к югу, затем, свернув влево, идти вдоль села до дороги на с. Грушевка, где и остановиться.

Полк входил в село, а отряд поднимался без дороги, по размокшему чернозему на возвышенность. 47 штыков (наличный состав 7-й и 8-й рот), три номера при каждом пулемете и 60 всадников. Скоро пулеметные лошади выбились из сил, и пришлось принять крайнее решение: пулеметы снять с двуколок и тащить одной лошадкой каждый; оставить с собой одну подводку с пулеметными лентами, с двойной лошадиной тягой; двуколки же отправить в село.

Когда отряд подошел к дороге, он был обстрелян конной заставой противника. Вскоре появилась колонна красной кавалерии и впереди ее лава. Пулеметным огнем кавалерия была остановлена. Но по отряду

был открыт огонь батареи с поразительной точностью. К счастью, часть снарядов не рвалась, а отряд применился к местности: лег в грязь.

Наступали сумерки — и стрельба прекратилась.

Вскоре сотня была отозвана в село. Ждали отзыва и марковцы, и только в полночь они получили ожидаемое распоряжение. В село они спустились до того уставшими, что, не пытаясь даже искать районы своих частей, завалялись спать в ближайших домах. И только наутро они нашли свои районы и своих, еще спящих крепким сном. Но что за вид был у них: покров грязи облеплял всех с ног до головы, все исхудало, едва произносили слова. Они выделялись среди прошедших спокойно ночь, хотя и те выглядели отчаянно. К тому же в течение недели никто не брился.

22 декабря. День прошел совершенно спокойно, и даже не было выставлено охранение. Сказался большой успех, одержанный конницей генерала Врангеля. Ее удар, направленный на центр расположения Благодарненской группы красных, по известным марковцам селам — Шишкину и Медведскому, стоил последним больших потерь: до 1000 пленными, 12 орудий и 65 пулеметов. Кроме того, разбил на две части группу красных, значительно тем ослабив ее. С этого дня генерал Врангель вступил в командование группой Добровольческой армии, в которую вошел и 1-й армейский корпус.

За день марковцы хорошо отдохнули и привели себя в сравнительный порядок. Отношение к ним жителей было в высшей степени внимательное и радушное. К красным же жители относились с открыто высказываемой ненавистью. Впоследствии немало мобилизованных Ставропольской губернии служило в марковских частях и они на деле проявляли эту ненависть.

23 декабря. За ночь подморозило, и, когда утром наиболее численно сильному 1-му батальону приказано было перейти в с. Грушевка, занятое частями генерала Врангеля, он собрался и выступил в довольно бодром настроении. 20-верстный переход, хотя и через высокую возвышенность, не был утомительным.

Придя в село, батальон нашел там валявшихся на его окраине 20 офицеров и 6 солдат, убитых и еще не погребенных крестьянами. Это были убитые и расстрелянные красными в бою 16 декабря. Их скромно похоронили на кладбище.

Вечером выпал большой снег, а затем температура стала быстро падать и установился настоящий трескучий мороз.

24 декабря. Рождественский сочельник. 2-му и 3-му батальонам хорошо в теплых домах. Мечтали провести в них, среди крестьянских семей, хотя бы первый день Великого Праздника, но пришло при-

Задание: выступить в с. Кононовка с задачей выбить из него красных. Мечта оказалась разбитой, однако сейчас же родилась другая: встретить праздник во взятом селе.

10 Мороз до 20°. С утра густой туман. Переход в 20 верст. Выйдя из Ореховки и идя в гору и по снегу, через несколько верст колонна расстроилась. Мороз подгонял. Все покрылись инеем и стали неузнаваемыми, представляя собой каких-то сказочных рождественских гномов.

1 Ожидаемого боя не произошло. Красные, увидев приближающиеся колонны (в село шел и Кубанский стрелковый полк), очистили село. Марковцы расположились на восточной его части, на южной и западной стали кубанцы и выставили охранение.

Как бы то ни было, хотя и в боевой обстановке, но праздник Рождества Христова удалось встретить в тепле и при радушном внимании крестьян.

25 декабря. Рождество Христово. Мороз и опять густой туман. Ночь прошла спокойно, спокойно начался и день. Однако туман заставляет беспокоиться: «Не хотелось бы плавать в тумане».

Приближалось обеденное время, и тем более приятное, т. к. хозяйки готовили праздничный обед не только для своих семей, но и для «гостей». Однако...

— В западной части села артиллерийская стрельба! — сообщили случайно выходявшие на двор. Ожидание обеда сменилось приготовлением к бою. Вскоре и короткое приказание: «Строиться!» — и через несколько минут часть рот с пулеметами шли на выстрелы.

Бой был недолгим: ворвавшаяся в село кавалерия красных была выбита стрелками с подошедшими марковцами. Вечером из Грушевки пришел 1-й батальон.

26—30 декабря полк спокойно стоял в селе, неся охранение. Объяснение этому было такое: красные уже не могут вести активных действий, и другое: генерал Врангель готовит новый удар в тыл противнику, за которым последует новый скачок вперед.

За эти дни в полк вернулось около 200 человек, выздоровевших от ран и от обмороживания, но ушли из него 30 пулеметчиков в учебно-пулеметную команду при формирующемся в Ставрополе запасном батальоне полка. Кадр последнего составлялся из выздоровевших от ран, а состав пополнялся пленными. В Ставрополе же была окончательно сформирована хозяйственная часть полка.

31 декабря полк сделал «скачок» вперед, в с. Александровское, занятое конницей генерала Врангеля. Здесь он встретил Новый — 1919 год, с определенными надеждами на скорый конечный успех на Северном Кавказе и поход уже не на юг, а на север.

1—2 января 1919 года. Новый «скачок»: полк, после короткого боя, занял с. Саблинское, а на следующий день одним батальоном — с. Греческое. Он вошел в район, где еще не были части Добровольческой армии, — в район глубокого тыла красных. Оба села, в значительной их части, были заняты тысячами раненых и больных красных, оставленных без медицинской помощи и без какого-либо за ними ухода. Помочь этой массе полк ничем не мог, да и держался он от них изолированно, чтобы тифозная зараза, уже вырвавшаяся из его рядов свои жертвы, не охватила сильнее его.

3—4 января неожиданно батальоны полка выступали, но не в южном направлении, а в западном и собрались в с. Нагута, ближе к ст. Минеральные Воды, около которой в это время вел бои 3-й армейский корпус.

5 января 2-й батальон перешел в поселок при ст. Нагута, а 6 января он и батарея построились: им будет делать смотр генерал Деникин. С возбужденной радостью выстраивался батальон в 200 штыков (человек 15—20 осталось на квартирах из-за слабости и состояния обуви), с 6—8 пулеметами. Внешний вид бойцов был потрепанный и усталый. Шинели еще не освободились от покрова грязи; еще не были зашиты на них дыры, оставленные пулями. Сапоги, ботинки нечищены. Но бойцы сохраняли свой высокий и твердый дух.

Генерал Деникин обходил фронт выстроившихся, глядя в глаза каждому своим пронизательным и грустным взглядом. И чувствовалось всеми, что он старается проникнуть в глубину их переживаний, ощущений, понять их дух. Он сказал приблизительно следующее:

— Я с глубокой радостью и в то же время и с глубокой скорбью следил за боевой работой вашего полка. С радостью потому, что с каждым боем вы вписывали в историю своего полка беспримерные страницы жертвенности и доблести в обстановке исключительно тяжелой; и скорби потому, что ряды ваши с каждым боем заметно редели, пополнять их было нечем, но вы продолжали, невзирая на свою малочисленность, упорно делать свое дело.

Теперь настало время заслуженного вами отдыха. За полтора-два месяца отдыха, который будет у вас, вы отдохнете и пополнитесь, а затем откроете большую Московскую дорогу. Передайте мой привет всему полку.

Громким, искренним и полным преданности «ура» ответили бойцы своему Вождю. Ободренные и оживленные разошлись они по своим квартирам. Радовались они не столько оценке их походов и обещанному отдыху, сколько скорому своему выходу на «большую Московскую дорогу».

7 января привет Главнокомандующего 2-й батальон передал 1-му и 3-му батальонам, также пришедшим на ст. Нагута. Походы и бои на Северном Кавказе для 1-го Офицерского генерала Маркова полка окончились. В этот день была взята станция Минеральные Воды и подк находился уже в глубоком тылу — свыше 40 верст от фронта.

150-тысячная Северо-Кавказская XI армия красных отступала по всему фронту, от Кавказских гор до реки Маныч, а через месяц от нее остались жалкие отряды, искавшие лишь спасения. Исключительную заслугу в одержанной победе генерал Деникин приписывал генералу Врангелю, которого 10 января назначил Командующим Добровольческой армией.

После вывода из боев 1-го Офицерского генерала Маркова полка стали выводиться и батареи 1-го артиллерийского дивизиона. 1-я и 3-я батареи остановились на ст. Минеральные Воды; взвод 2-й батареи, дошедший с 1-м Офицерским конным генерала Алексеева полком до города Георгиевска, также перешел на ст. Минеральные Воды. Надолго, до первых чисел февраля, задержалась на фронте лишь 1-я легко-гаубичная батарея, приданная Кубанскому стрелковому полку и участвовавшая с ним в усмирении непокорных аулов Ингушетии.

Задержана была надолго на фронте 1-я Инженерная рота, получившая еще 8 декабря шефство имени генерала Маркова. Она продолжала обслуживать Владикавказскую железную дорогу и ответвления от нее на Святой Крест, на Кисловодск, на Ставрополь и далее — ветки на Дивное и Благодарное. Ее железнодорожный взвод, помимо налаживания связи и движения по железным дорогам, своими вспомогательными поездами все время принимал участие в боевых действиях. У ст. Петровское вспомогатель № 1 вывел, едва не попавший в руки красных, бронепоезд «Адмирал Непенин».

С началом января прекратила свое существование 1-я пехотная дивизия в том составе, в котором начала поход на Кубань. Вышел из ее состава доблестный Кубанский стрелковый полк, с марта, еще в 1-м походе, бившийся совместно с 1-м Офицерским полком, под командой генерала Маркова. Вышел и славный Особый конный дивизион 1-й пехотной дивизии, сначала, при генерале Маркове — «особая сотня», всегда называемый «Марковским» и носивший черные, марковские погоны. Он был влит в Кубанскую казачью дивизию генерала Шкуро и с малочисленным Партизанским полком этой дивизии составил 1-й полк, приняв название Партизанский, но оставив для себя и всего полка черные марковские погоны, в память генерала Маркова. Полком стал командовать героический командир бывшего «Марковского» дивизиона, полковник Растегаев.

Итоги

Марковцам весьма памятен их зимний поход по горам Ставропольской губернии с жестокими боями. За 7 недель ими пройдено по прямой линии всего лишь около 250 верст и только 3 недели проведено собственно в боях. Но эти три недели стоили полку очень дорого. Выступив из города Ставрополя в составе 2 тысяч человек, за время похода получив пополнение до 400 человек, влитыми пленными — около 100 человек и вернувшимися в разное время по выздоровлению до 400 человек, он закончил поход в составе менее 800 человек. Итог: свыше 2200 человек убитыми, ранеными и обмороженными, без вести пропавшими (около 60 человек) и большими потерями он. Зимний поход и бои оказались по числу выбывших из строя наиболее тяжелыми из всех предыдущих периодов. До 40 человек потерял и 1-й арtdивизион.

Всегда чувствительны потери, но особенно когда они в среде авторитетного по чинам, по годам, по доблести, по водительству — командного состава. Марковцы понесли такие потери, невознагражденные, незаменимые: полковники Гейдеман, Миончинский, Волнянский — убиты, генерал Тимановский — ранен, полковник Булаткин — обморожен. Даже уход из строя полковника Наркевича — «орла Недреманной горы», которого «рассчитали», как он говорил, и то чувствовался...

Не было у марковцев за минувший поход боевых успехов, больше неудачи... Но все же в плане общих операций они достойно делали свое дело и способствовали успехам. Делали малыми, молодыми силами, и не только рядового состава, но и командного. Полк вышел из боев, как никогда, с молодым, обер-офицерским командным составом. Но сохранил бодрый, борцовский свой дух.

За зимний поход марковцами было взято до тысячи человек в плен, много пулеметов. Противнику нанесены большие потери. Так бились они. Оставалась у них одна маленькая горечь: потерянное оружие не удалось в боях возместить трофейным. Они подобрали где-то брошенное красными.

МАРКОВЦЫ-АРТИЛЛЕРИСТЫ В ОСЕННЕ-ЗИМНИХ БОЯХ 1918 ГОДА²⁵¹

К 1 октября к Армавиру были сосредоточены все наши орудия: все четыре 2-й батареи и конное полковника Айвазова при генерала Маркова полку, а 2-й взвод генерала Маркова батареи — при Сводно-Гвар-

дейском и конном дивизионе есаула Растегаева. Красные силы оставили намерение отойти на Владикавказ, решили прорываться в Ставрополь, их было до 15 тысяч человек и большой кулак в Армавире.

За эти два месяца отдыха батареи отдохнули и приготовились к новым боям. Почти все старые добровольцы: конкеры, кадеты и вольноопределяющиеся за боевые отличия были награждены Георгиевскими крестами, произведены в прапорщики. Приказом генерала Деникина было восстановлено чинопроизводство. Армия уравнена в правах с гвардией, и чин подполковника упрямлен, но в 1919 году был снова введен.

2 октября генерал Казанович, начальник нашей дивизии, повел наступление на город Армавир, вдоль Владикавказской железной дороги генерала Маркова полком, а со стороны Туапсе Сводно-Гвардейским со 2-м взводом генерала Маркова батареи и конного дивизиона есаула Растегаева. Бой оказался очень упорным и неудачным для нас. Особенно пострадал Сводно-Гвардейский полк, потерявший своего командира, полковника Дорошевича, и 27 офицеров убитыми и 37 ранеными.

В тяжелое положение попал взвод генерала Маркова батареи, пришлось отстреливаться на картечь, и, дабы спасти полк, били в упор. В 3-м орудии убита вся запряжка лошадей; орудие пришлось оставить, как и убитую, это уже третью, сестру милосердия Елену Васильевну Ильченко. Ранены номера орудия: прапорщики Сергеев²⁵², Сорокин²⁵³, Целибеев²⁵⁴, Кашинцев²⁵⁵ и Харламов²⁵⁶.

Грозное положение создалось и со стороны другой, но вылетевший красный бронепоезд был в упор подбит орудием 2-й батареи и захвачен, а конной атакой полковник Тимановский обратил зарвавшихся красных в панику.

В последующие дни пришлось окопаться перед городом, во время одной демонстрации и при продвижении вперед вывезены убитые 2-го числа, и в том числе изуродованное тело Е.В. Ильченко, которую похоронили в Екатеринодаре.

13 октября снова была произведена общая атака Армавира. После упорного боя город взяли, в генерала Маркова батарею смертельно ранен прапорщик Суханов²⁵⁷, умерший в санитарном поезде.

14-го сначала пришлось отбивать яростные атаки красных, а после продвигнуться к хутору Вольному. Дивизии генералов Врангеля и Покровского дрались поблизости.

Начались весьма тяжелые бои и с большими потерями до взятия Ставрополя. По линии железной дороги у сел Успенское, Маломинка и станции Коноково. 18-го, после тяжелого боя и в ветер, сбивавший с ног, пришлось отойти к Вольному... Два дня отбивались атаки крас-

ных, а 21-го, после удачного прорыва генерала Врангеля, снова прошли вперед и заняли ст. Овечка.

Поздно вечером отряд пехоты со взводом генерала Маркова батареи был спешно погружен в вагоны и двинут в Армавир, где красные со стороны Ставрополя взяли Прочноокопский Форштадт. 25-го он был атакован с фронта 1-м Офицерским полком и 2-м взводом генерала Маркова батареи и с тыла конницей генерала Покровского. К вечеру станица взята.

С 26-го началось сосредоточение частей генерала Казановича в ст. Новониколаевской, а 28 октября генерала Маркова и 1-й Кубанский стрелковый полки со своей артиллерией атаковали гору Недреманную, но противник ее удержал. В генерала Маркова батарее ранены пулеметчики Писанов и Виноградов, а у лошади пулеметной тачанки шрапнельным клевком оторвано копыто на задней ноге, но она на трех ногах вывезла галопом повозку. Ночевали в поле при сильном ветре.

29-го с подходом резервов противник был сбит и гора взята. 30-го шел упорный бой у горы Холодной и Меловой и части опять, при сильном холодном ветре, ночевали в поле.

31-го гора взята, а к вечеру занята окраина с. Татарки, и только 1 ноября противник был окончательно выбит из селения генерала Маркова, кубанскими стрелками и Черкесским полком, при поддержке наших батарей. У дроздовцев был ранен полковник Дроздовский, у корниловцев их командир полковник Индейкин убит, и у нас ранен прапорщик Буюкович²⁵⁸.

2-го и 3-го шли упорные бои у города, и с походом конницы генерала Врангеля Ставрополь был окончательно занят. Попытки красных 3-го и 4-го его взять окончились неудачей, к 9-му Ставропольская операция закончилась.

За эти дни генерал Врангель со своим корпусом вел операции у Петровска, а отряд генерала Станкевича — на манычском направлении, где был 2-й взвод нашей 2-й батареи.

Начать с того, что снарядов было мало, противник велик числом, батарее пришлось использовать свою доблесть и выручать пластунов огнем с ближних дистанций — картечью. Особенно с утра 8-го на 9-е, когда был убит командир пластунов генерал-майор Глясе, окруженный взвод пробивался, стреляя на картечь, у с. Софиевка, потеряв убитыми командира взвода полковника Плазовского, подпоручиков Скрябина и Чекарда, причем последний был замучен красными; ранеными: поручиков Александрова и Ставрова, восемь солдат и убитыми — ранеными — 12 лошадей. Орудия все же были спасены.

16 ноября дивизия перешла в с. Старо-Марьевское, а с 17-го по 20-е ведет сильные бои в районе Коноковки, все три ночи приходилось [быть] на морозе в поле, греясь у немногочисленных костров. Здесь был ранен командир генерала Маркова полка генерал-майор Тимановский.

20-го, в бою под с. Спицевка, у красных было взято много пленных, но у нас убит начальник отряда генерального штаба полковник Гейдеман, случайно наехавший на большевистскую цепь, в генерала Маркова батарее ранен прапорщик Хренов Александр²⁵⁹.

25-го в Спицевку пришел из Туапсе первый взвод генерала Маркова батареи, под командой штабс-капитана Шперлинга, а 28-го дивизия переходит в с. Сергиевка.

В эти дни начались упорные бои по всему фронту Добрармии, против 11-й и 12-й советских армий, упорные и с большими потерями для обеих сторон. Генерал Врангель вел бои с Маньчжской группой красных; генерал Казанович своим наступлением обеспечивал ему правый фланг, а генерал Ляхов, более многочисленный, вел бои под Минеральными Водами с 12-й советской армией.

Формирование 1-й отдельной легкой гаубичной батареи

5 ноября последовал приказ по 1-й пех. дивизии о включении в состав дивизии 1-й легкой гаубичной батареи полковника Левикова Всеволода Павловича²⁶⁰, при старшем офицере капитане Песчанникове. На формирование были даны две гаубицы и 20 бомб. Батарея быстро пополнилась офицерами, около 100 человек, при 6 солдатах и ни одной лошади.

Батарее было приказано «прибыть обязательно» в дивизию к 15 ноября, и она прибыла 14-го в Ставрополь, не имея ни одной лошади. В этот же день прибыло 26 мобилизованных солдат, а затем и крестьяне с волами. К дышлу прикрепляется ярмо. На каждую гаубицу по 4 пары волов, и после исключительно трудного перехода батарея 30 ноября прибывает в с. Сергиевка и с этого дня входит в состав дивизии, становится Марковской.

Погода стояла холодная: с морозами, снегопадом, вьюгами, порой виделся красавец Казбек, покрытый снегом, а порой все в тумане, который не расходился в течение целого дня и не позволял видеть на расстоянии одного аршина от своего соседа.

30 ноября, еще при полной темноте и густом тумане, рано утром два полка красной конницы, потеснив заставы, подошли к с. Сергиев-

ка. Орудия открыли огонь на коротких пределах прямо с места парка, находясь под ружейным и пулеметным огнем противника. Наступление было отбито, противник отошел, бросив своих убитых. Ранен у нас прапорщик Мартыненко.

Формирование третьей марковской батареи

Как мы уже знаем, она была сформирована из гвардейских офицеров, при нашем дивизионе, но с 21 ноября почти все офицеры гвардии были переведены в Крым в Гвардейский Отряд, а свою батарею должны были сдать, и она включалась, точнее, оставалась в составе 1-й пехотной дивизии.

Полковник Миончинский назначил ее командиром штабс-капитана Стадницкого-Колендо и несколько офицеров из генерала Маркова батареи: подпоручиков Леонтьева²⁶¹, Никитина²⁶², Ледковского²⁶³, поручика Лопина²⁶⁴, прапорщиков: Качалина²⁶⁵, Парышева²⁶⁶, Сорокина, Бобынина²⁶⁷, Макаревича²⁶⁸ и Афанасьева²⁶⁹, при старшем офицере поручике Щавинском²⁷⁰. Красные погоны у солдат заменены черными марковскими.

26 декабря в с. Калиновка прибыл полковник Лепилин Александр Михайлович, л.-гв. 3-й артиллерийской бригады и перешедший в армию, и вступил в командование, а штабс-капитан Стадницкий-Колендо стал 1-м старшим офицером. Никаких данных о действии батареи, за период ее пребывания в гвардии, не имеется.

30 ноября, с вечера, части заняли район сел Грушевка—Калиновка. Густые туманы и сильные морозы затрудняли наблюдение. Затем разразилась страшная метель, совершенно отрезавшая от тыла, начались испанка и сыпной тиф, питание из-за бедности населения скудное. Прерван был и телефон, а больные и раненые не эвакуировались несколько дней. 13-го в Грушевку прибыли 3-я батарея и две гаубицы, на волах. 1-е орудие под командой штабс-капитана Шперлинга перешло в с. Калиновка в Сводно-гренадерский батальон, при отряде полковника Колосовского.

Смерть полковника Миончинского

14-го отряд полковника Сальникова при трех орудиях генерала Маркова батареи, выступил из Грушевки для наступления на с. Медведовское. Хотя бой за село и был упорный, но выбить противника

не удалось, и отряд остался ночевать на снегу в поле, при сильнейшем морозе. Утром бой возобновился, селение занято. За ночь у многих потрескалась обувь от огня костров и до 30% оказалось обмороженными из-за отсутствия теплой одежды.

16-го с утра отряд перешел в наступление на с. Шишкино, где находились главные силы Таманской армии. Произошел очень упорный бой, ибо к красным подошли резервы.

Вместо полковника Миончинского приехал полковник Третьяков, сказавший, что полковник Миончинский не приедет, так как занят делами хозяйственными по дивизиону. Тем временем бой разгорался, малочисленные цепи марковцев залегли, красные батареи обильно все обстреливали, и вдруг ко 2-му орудию на рыси быстро подъезжает наш командир и говорит: «Не вытерпел, уж так у вас стреляют; наверно, очень весело. Все бросил и решил приехать».

В это время у красных выскочил бронированный трактор; второе орудие получает приказание стрелять по нему, а сам командир с 3-м орудием вылетает вперед и открывает огонь на прицеле 20.

Крутом разрывы, и осколком одной из гранат полковник Миончинский смертельно ранен. Подъехавшая с повозкой батарейная сестра Д.И. Сулацкая стала делать ему перевязку, но рана в живот была тяжела и Д.Т. Миончинский скончался, не приходя в сознание. В батарее ранены Полубинский²⁷¹ и Сокольский²⁷², 4 солдата и 2 лошади. Отряд, теснимый красными, отошел в село Медведовское. В командование дивизионом вступил полковник Машин, а генерала Маркова батареи — штабс-капитан Князев.

Тяжело было на душе у всех марковцев, судьба была жестока к ним. Еще один из их храбрейших начальников пал смертью храбрых.

Через несколько дней тело полковника Миончинского было похоронено в Екатеринодаре в присутствии генерала Деникина, лично несшего гроб, всего штаба армии, английской и французской миссий, многочисленных сослуживцев и друзей, погребено в усыпальнице Соброра, рядом с могилой генерала Алексева.

* * *

17 декабря противник перешел в наступление, и с утра начался сильный бой, никакие потери его не останавливали, и под натиском начался наш отход к с. Ореховка. Ранен пулей в горло генерала Маркова батареи прапорщик Архипов.

Весь день 18-го прошел спокойно: густой туман при 10 градусах мороза

19-го на фронте дивизии начались атаки таманцев с раннего утра, коих превосходство в числе было велико. В с. Калиновка стояло 1-е орудие генерала Маркова батареи с 1-м батальоном генерала Маркова полка и со Сводно-гренадерским, недавно сформированным и нестойким. Накануне батальон генерала Маркова полка был направлен в с. Ореховка, и орудие осталось с гренадерами. Противник повел наступление, а к полудню его конница обошла фланг и заняла часть селения. Гренадеры стали поспешно отступать, орудие осталось без прикрытия. Заметив все это, штабс-капитан Шперлинг на широкой рыси вывел орудие, но четыре наших телефониста, сматывавшие провод, были атакваны конницей. После сопротивления прапорщики: Кислицын²⁷³ убит пулей, Павлов²⁷⁴ зарублен, а Меньков²⁷⁵ и Степанов²⁷⁶ захвачены в плен.

После целого ряда издевательств, в одном белье по снегу и в мороз, их отвели в с. Падинское, где снова издеательства, после которых они были облиты керосином и сожжены живыми.

На правом фланге дивизии еще до рассвета начался бой. В тумане красные атаквали в сторожевом охранении 2-е орудие генерала Маркова батареи, которому пришлось отходить вдоль фронта под ужасным огнем и по скользкой дороге. Был убит солдат-ездовой, несколько лошадей, орудие, затертое в сале повозками, пришлось оставить, причем доблестный прапорщик Лисенко вынес прицел и панораму, а другие и замок орудия. Весь день шел сильный бой. В гаубичной батарее, отходящей в особо тяжелых условиях с волами в уносах, ранены: прапорщик Полухин²⁷⁷, подпоручик Порецкий²⁷⁸ и тяжело полковник Ленартович²⁷⁹, умерший через два дня от заражения крови.

Оставив с. Высоцкое, части дивизии отошли в Сергиевку, откуда 20-го после тяжелого подъема легкие орудия расположились в редких цепях пехоты. Наступал очередной кризис и-конец Ставропольского сражения. Некоторые части пришлось отвести в резерв для пополнения. Фактически сотни стояли против многих тысяч. В полках добровольцев оставалось не более 120—150 человек, лучше было у кубанцев: прибывало пополнение из новых их станиц. В тылу несознательные разлагатели формировали что-то, сидя по кафе и ресторанам. Генерал Деникин пишет: «Люди гибли, но оставались традиции, оставалась идея борьбы и непреклонная воля к ее продолжению. Старые, обожженные, обрубленные, но не поваленные стволы обрастали новыми ветвями, покрывались молодой листвой, и снова стояли крепко в грозу и бурю».

21 декабря кризис разрешен победой. Всю ночь цепи лежали в поле, морозно, сыро и туман. На самом правом фланге Офицер-

...кий полк и 4-е орудие генерала Маркова батареи, правее должна была быть конница, но она на ночь ушла назад кормить лошадей, а левее — кубанские стрелки. В одном полку что-то 117 штыков, а в другом 124 или наоборот. Начинает светать чуть-чуть. Замерзшие люди греются. Начальники 4-го орудия и команды телефонистов пошли выяснять обстановку. Орудие стоит правее всего, и соседей нет, от цепи шагах в двустах. Пехота начинает присматриваться, и едва вышедшие вернулись к орудю, как из тумана бросились танцоры, и началась штыковая работа. Пришлось после короткого сопротивления отходить. Внизу обрыв, выстрелы картечью, подбегает номер орудия и просит длинный телефонный провод, чтобы взорвать пушку, и вдруг справа вылетают лавы со сверкающими шашками. Кто это?.. Это 2-й казачий полк, врывающийся во фланг и тыл красных. Пехота переходит в контратаку. На месте же позиций находит всех своих оставленных раненых, приколотых штыками. Захвачено много пленных, и расстрел комиссаров. Роты и орудия пополнились прекрасными солдатами.

Началось общее отступление красных, в тыл которых произведен был блестящий удар генерала Врангеля с занятием сел Петровское, Сухая Буйвола и Шишкино. К вечеру нами заняты села Орехово и Высоцкое.

...Наша дивизия 31 декабря заняла огромное село Александровское, а 8 января 1919 года собралась на станцию Минеральные Воды. Второй Кубанский поход закончился, и предстояла борьба в Донецком бассейне.

Н. Прюц

ШИШКИНО²⁸⁰

После Великой войны 1914—1918 годов в России война продолжалась. Годы войны 1917—1922 можно назвать войной Национальной. Шла борьба за национальное бытие России.

Историки всякого толка и воззрения, имея или не имея под рукой достаточно исторического материала по Белому движению, естественно, освещали события той эпохи под своим углом зрения.

Дивизии Белой армии на Юге России: Корниловская, Марковская, Дроздовская и Алексеевский полк; артиллерийские бригады: Корниловская, Марковская, Дроздовская и Алексеевский артиллерийский дивизион, поименованные по особенностям их формы «цветными»,

написали коллективным трудом хронологическую, правдивую историю своих частей.

Автор описывает события, им пережитые и виденные, а также те события, которые восстановлены по общим воспоминаниям с Анатолием Михайловичем Раскиным²⁸¹, бывшим сослуживцем по Марковской артиллерийской бригаде.

Описываются только события, чем-либо выдающиеся из общей массы боевых дней.

1-й взвод Первой батареи в ноябре 1918 года прибыл в Ставропольскую губернию с побережья Черного моря, где стоял в селении Зеленом.

Выгрузившись в селе Спицовка, взвод по размытой снегом и дождем дороге совершил длинный переход к селу Грушевка, где и заночевал.

На следующий день отряд пошел в наступление на село Медвежье. По дороге был встречный бой. Противник отошел. В тот день село Медвежье не взяли, остались лежать в снегу перед селом и захватили село только на следующее утро. Отсюда пошли в наступление на село Шишкино.

При наступлении, проходя по одной деревне, взвод в движении попал под ружейный огонь. Взвод остановился, ездовые были спешны, а номерам было приказано взять заволновавшихся подручных коней под уздцы. Некоторое время стоявший на дороге деревни взвод был под сильным, действительным ружейным огнем.

При походе к селу Шишкину начался бой. Во время боя одно орудие взвода меняло позицию и его запряжка была выбита преждевременным разрывом снаряда другого стрелявшего орудия взвода.

Бой был затяжным.

Левый фланг Кубанского стрелкового полка сильно загнулся под напором противника, перешедшего в контратаку с броневиком.

Наступившие в центре части 1-го Офицерского (Марковского) полка залегли. Командир батареи, незабвенный полковник Миончинский получил до боя назначение, но, узнав о неустойке, прискакал в отряд и был смертельно ранен.

Покойный Д. Миончинский происходил из артиллерийской семьи. Высококультурный и образованный, он принадлежал к знаменитой плеяде русских кадровых артиллеристов. Свой опыт Великой войны и Национальной войны он использовал с исключительным успехом. Конечно, найдется достойный, кто напишет его полную биографию и тем воздаст должное его памяти.

Отряд отступил от села Шишкина и пытался задержаться в громадном селе Орехово-Высоцкое.

Командир батареи приказал выставить на правом фланге одно орудие в сторожевое охранение.

Ночью после короткого боя с наступающим противником на этом фланге и в связи с общей неустойкой было приказано орудию обойти.

Но орудие уже было обойдено, путь отступления отрезан, и из-за переувлажненного склона к деревне оказалось невозможным спуститься к орудием. Орудие батареи погибло.

*Э. Гуацинтов*²⁸²

В СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ²⁸³

Пробыв день у моей матери, мы с Петром Алексеевичем Корбутовским²⁸⁴ пошли в Управление артиллерийского командования и там, к своему удивлению и радости, встретили нашего бывшего командира бригады генерал-лейтенанта Илькевича²⁸⁵. Он очень обрадовался, увидев нас. Мы расцеловались и попросили нас назначить как можно скорее в действующую армию. Но получили мы назначение во 2-ю батарею 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона, который впоследствии развернулся в бригаду и получил название артиллерийской бригады генерала Маркова.

Прибыли мы в штаб батареи, который был в Екатеринодаре в это время, нас отослали в Армавир, который только что был занят Добровольческой армией с большими для нее потерями. Получили мы назначение в орудие, которым командовал полковник Тишевский. Вся прислуга, ездовые — все это были офицеры. Мы на первое время заняли должности, которые насмешливо назывались «военные корреспонденты». Потому что делать совершенно нечего было, и во время боя эти военные корреспонденты собирались сзади орудия и «ждали очереди», то есть ждали, когда кого-нибудь убьют или ранят, чтобы занять его место номера около орудия.

* * *

Это происходило в Ставропольской губернии осенью 1918 года. Наше орудие, которым командовал полковник, стояло на позиции, и казалось, что никого ни впереди, ни сзади, ни справа, ни слева нет.

Иногда появлялись красные — мы открывали огонь по ним и также принимали на себя огонь красной артиллерии и пехоты.

Пришлось мне пройти в этом орудии первый стаж мой в Добровольческой армии. Был я сначала, как я говорил, «военным корреспондентом», то есть никаких обязанностей у меня не было. Потом сделался ездовым в орудии, потом — вторым номером и, наконец, попал в конные разведчики батареи. Где были другие орудия этой батареи, я в то время совершенно не знал.

Мне смешно смотреть кинокартины, в которых изображается Белая армия — веселящаяся, дамы в бальных платьях, офицеры в мундирах с эполетами, с аксельбантами, блестящие! На самом деле Добровольческая армия в это время представляла собой довольно печальное, но героическое явление. Одеты мы были кто как попало. Например, я был в шароварах, в сапогах, на мне вместо шинели была куртка инженера путей сообщения, которую мне подарил ввиду поздней уже осени хозяин дома, где жила моя мать, — господин Ланко. Он был в прошлом начальником участка между Екатеринодаром и еще какой-то станцией.

Вот в таком виде мы щеголяли. В скором времени у меня отвалилась подошва от сапога на правой ноге, и пришлось привязать ее веревкой. Вот какие «балы» и какие «эполеты» мы в то время имели! Вместо балов шли постоянные бои. Все время на нас наседала красная армия, очень многочисленная. Думаю, что нас было один против ста! И мы кое-как отстреливались, отбивались и даже временами переходили в наступление и оттесняли противника.

Таким образом мы докатились до Ставропольской губернии. Уже Кубань была освобождена от большевиков. Каждое утро, когда была ясная погода, мы любовались величественным зрелищем Эльбруса, кажется, это самая высокая гора в Европе — больше пяти верст. Действительно — зрелище потрясающее! И снежные вершины были окрашены восходящим солнцем в розовый цвет.

В Ставропольской губернии все было то же самое. Бесперывные бои с переменным успехом, но в общем мы теснили красных к границе Кавказа с Грузией. Бои были очень кровопролитные. Помню один особенно большой бой. Были густые цепи красных, которые залегли перед нами, мы обменивались огнем... И вдруг среди красных наметилось какое-то смятение. Оказывается, это был только что приехавший в Добровольческую армию генерал барон Врангель, впоследствии Главнокомандующий нашей армии, и он, собрав свои конные полки, большей частью состоявшие из кубанских казаков, ударил во фланг красным. Ну, пало их очень много под ударами шашек, и наш

командир дивизиона, знаменитый полковник Миончинский, который впоследствии там же в Ставропольской губернии погиб, убитый в бою под Шишкином, закричал нам: «Коня!» И мы все очутились в седле и помчались за отступающими красными войсками. Победа была полная! И, совершив довольно большой переход уже без всяких боев, так как все было очищено от красных, мы остановились в какой-то деревне.

Помню, 6 декабря — это день рождения Государя Императора — красные решили, что мы в этот день никаких шагов предпринимать не будем — тем более что был сильный мороз. Но мы решили наступать в этот день и пошли по направлению к Александровску (это маленький городок на самой окраине Ставропольской губернии). Подошли мы к этому городку уже поздно вечером, так как деревня, в которой мы ночевали, находилась от этого города верстах в двадцати или тридцати. И тут начался бой! Проблема и для них, и для нас была одна: или отбиться, или провести ночь в голом поле при большом морозе. Мы победили, выгнали красных, и все перемешалось...

Там меня послали на разведку, и, когда были на каких-то улицах слышны голоса, одни спрашивали других: «Какой вы части?» Пока наконец мы не наткнулись на красных и тогда после короткой схватки выбили их вон из города. Мы очень удобно расположились на ночлег в Александровске. Красные беспокоили нас очень мало, так как главные их силы были совершенно уничтожены конницей Врангеля. И только иногда на окраинах города попыхивала перестрелка, которая часто кончалась тем, что красные бежали обратно. Часть их скрылась в горах, другая — перешла в Грузию, где, вероятно, они были интернированы и разоружены. И таким образом, мы провели в Александровске недели две совершенно спокойно. За это время выяснилось, что Северный Кавказ совершенно освобожден от красных полчищ, и до нас дошли слухи, что нас перебрасывают в Донецкий бассейн, в Каменноугольный район. Мы начали движение в обратную сторону — к городу Ставрополю. И там в одной из деревень, где мы заночевали, я заболел. Скоро выяснилось, что своими средствами вылечиться нельзя, и меня отправили в полевой госпиталь. Там определили, что у меня воспаление легких в довольно тяжелой форме — очень сильная была температура.

Об этой болезни у меня сохранилось довольно хорошо одно воспоминание. На одной какой-то маленькой станции перед Ставрополем нас выгрузили из состава и положили на солому в станционные постройки. Мимо меня прошел доктор, который на минутку остановился около меня, послушал мое дыхание и довольно громко, не стес-

няясь, сказал: «Ну, этот кончается, так что больше ему ничего не делайте». Но все-таки какая-то сестра милосердия, которая следовала за этим доктором, вспырынула мне камфару. Как это ни странно, когда я попал наконец в постоянный госпиталь в городе Ставрополе, мне стало лучше и я стал поправляться.

В конце концов я настолько поправился, что был из Ставрополя переведен по моему желанию в Екатеринодар, где в это время жили уже оба мои родителя: отец переехал из Киева в Екатеринодар и получил назначение членом Особого совещания при генерале Деникине, который командовал тогда Вооруженными Силами Юга России (так стала тогда называться Добровольческая армия).

В. Кравченко

ДРОЗДОВЦЫ ПОД АРМАВИРОМ И В СТАВРОПОЛЬЕ²⁸⁶

После разгрома армии Сорокина в боях под Кореновской часть большевиков отступила в направлении на Армавир и туда же отошли и гарнизоны их, бывшие в станицах, расположенных по берегам реки Кубани, после освобождения города Екатеринодара. Этим самым значительно усилились силы красных в районе города Армавира. Вначале против большевиков в районе Армавира действовали части 2-й пехотной дивизии и конной генерала Шкуро.

Заняв плацдарм на берегу Кубани в районе колонии Ново-Ивановки, 2-й конный полк 22 августа повел наступление, расширяя плацдарм в направлении на переправу около станицы Казанской. Сбив лихими атаками красных, дивизион полка под командой ротмистра Гаевского, заняв 23 августа экономию Петрика, обеспечил возможность переправы и у станицы Казанской. Стали наводить мост, по которому могла бы переправиться и пехота 3-й дивизии. Красные весь следующий день, 24 августа, устилали своими трупами следы своих попыток сбить полк с переправы. Наводка моста приближалась уже к концу, как вдруг неожиданно мост развалился, сорванный быстрым течением реки. Видя это, полк отошел из экономии на ночлег в хутор Северин, прикрывая Тифлисскую переправу. Наша пехота под прикрытием полка стала переправляться через Кубань около станицы Тифлисской, закончив ее утром 27 августа. 2-й конный полк, действуя правее наступающей пехоты своей дивизии, атаковал своими 7 эскадронами красную пехоту в районе Армянских хуторов и, несмотря на упорное сопротивление, смял ее. Трофеями полка была

масса винтовок, пулеметы, а оставшиеся на поле сражения 500 трупов красных свидетельствовали об лихой атаке полка. Два эскадрона полка (дивизион ротмистра Гаевского) были на правом фланге наступающей пехоты и также лихо атаковали полк красных, содействуя этим успеху наступления. Весь день продолжались стычки с многочисленными разбедами красных у хуторов Баскунчука и Козловского. 29 августа атакой 2-го и 4-го эскадронов были рассеяны конные эскадроны красных, подходивших к названным хуторам. 30 августа, потеснив нашу пехоту, красные крупными силами конницы и пехоты яростно атакуют 2-й конный полк, прикрывающий фланг пехоты. Три раза отбивал полк конные контратаки красных и понес сильные потери. Почти полностью выбыли из строя 8-й и 9-й эскадроны полка, бесстрашно ходившие в атаку на пулеметы красных, и пал смертью храбрых командир дивизиона ротмистр Михайловский. С наступлением темноты полк отошел в исходное положение на хутор Баскунчук. Остатки 8-го и 9-го эскадронов были влиты в ряды также поредевших других эскадронов полка. На рассвете 31 августа 2-й конный полк в полном составе двинулся на станицу Михайловскую, где и соединился с казачьей дивизией генерала Улагая и совместно с ней повел наступление на станицу.

В район Армавира были направлены также части 1-й конной дивизии под командой генерала Врангеля, сменившего на этом посту генерала Эрдели. Отступившие через горный перевал большевистские части Таманской группы старались пробиться из района Майкопа в Армавир. Против этой группы красных был генерал Покровский со своей дивизией.

Продвигавшаяся к Армавиру 3-я дивизия, уже находясь южнее Отрады-Кубанской, имела необеспеченный свой правый фланг, так как подходившие части 1-й конной дивизии не успели еще продвигнуться на тот же уровень к Армавиру. 3-й дивизии все время висела угроза обхода фланга частями Матвеева из района станицы Михайловской. Кроме того, к этому времени в районе Ставрополя стала усиливаться группа красных и в сентябре (по советским данным) уже увеличилась до 40 тысяч бойцов при 60 орудиях. Об угрозе своих флангов полковник Дроздовский донес в Штаб Армии рапортом № 01270, прося прислать подкрепление или разрешить подождать с наступлением на Армавир, хотя бы до ликвидации группы Матвеева в районе станицы Михайловской. Не получив ответа на свой рапорт, полковник Дроздовский вновь телеграммами № 69/В и 322/Д доносит о создавшемся положении. Ответа из Штаба Армии не последовало.

Соединившись с дивизией генерала Улагая, 2-й конный полк получает задачу: охрану левого фланга дивизии. Полковник Шумов²⁸⁷, командующий полком, с 3-м и 5-м эскадронами переходит на левый фланг дивизии. Вечером этот дивизион возвращается на ночлег в хутор Баскунчук. Ему было послано приказание присоединиться к полку. По присоединении стало известно о понесенных больших потерях в полку после атак в пешем и конном строю на красных у станицы Михайловской.

Пехотные части 3-й дивизии 1 сентября повели наступление на ст. Гулькевичи, имея на правом своем фланге 3-й и 7-й эскадроны 2-го конного полка под командой ротмистра Гаевского. При этом наступлении остальные эскадроны полка были растянуты фронтом до 10 верст вдоль железной дороги, соединяющей Кавказскую с Армавиром. К вечеру ст. Гулькевичи была взята с большими трофеями, из которых половина была захвачена дивизионом ротмистра Гаевского. На другой день, 2 сентября, красные, перейдя в наступление, вначале оттеснили наши части от железной дороги южнее ст. Гулькевичи, но с прибытием наших броневиков положение восстанавливается. 2-й конный полк, перейдя на левый фланг дивизии, на ночлег располагается в хуторах по берегу реки Кубани. Днем 3 сентября под личным руководством полковника Дроздовского батальон 2-го Офицерского стрелкового полка и 2-й конный полк атакуют красных и пробиваются к югу. Пользуясь наступившей темнотой, красная конница, обойдя правый фланг, стремительно атакует наших артиллеристов, но контратака 5-го эскадрона смяла атаковавших красных. Полк на ночлег расположился в экономии, приведя с собой захваченных лошадей красной конницы. К вечеру 4 сентября полк переходит на правую сторону железной дороги и ночует в хуторе Мариинском.

5 сентября 2-й конный полк, под командой подполковника Шумова, усиленным аллюром двигается с задачей перерезать железную дорогу Армавир—Тифлис. После ряда конных атак, встретив на своем пути конницу красных, полк выполняет поставленную ему задачу.

Пехотные части 3-й дивизии с 1-м эскадроном 2-го конного полка ведут стремительное наступление, и город Армавир был взят, но части понесли значительные потери при штурме позиций красных. Полковник Дроздовский немедленно донес о взятии Армавира и в то же самое время указал на свои опасения за тыл, так как в район Армавира стали подходить части Таманской группы красных и оказалась сильная угроза со стороны Ставропольской группы противника, нажимавшего сильно на наши части, занимавшие город Ставрополь. В Армавире были трофеями броневики красных и составы на

станции. Отходивших красных преследует 2-й конный полк до поздней ночи, и зарубленные красные ярко отмечают путь их отхода. Ваночевал полк на хуторе Шахнозарове. 7 сентября и до 12 сентября полк ведет разведку на ст. Урупскую, потом на Смоходинские хутора и окрестные станицы. Было обнаружено накапливание огромных сил противника. К вечеру 12 сентября 3-й эскадрон полка и Урупский казачий отряд наступают на станицу Бесскорбную, но, будучи отбиты, были вынуждены отойти.

После донесения о взятии Армавира от Штаба Армии последовало приказание о наступлении между реками Уруп и Кубанью, а 11 сентября телеграммой было сообщено, что в район Кубанской высылается батальон 1-го Офицерского генерала Маркова полка. Утром командиру этого батальона была отправлена телеграмма вести наступление в сторону Кубанской, чтобы потом совместно с частями 3-й дивизии разбить с северо-запада наступающую колонну противника. Полковник Тимошевский, командир батальона 1-го Офицерского пехотного полка, телеграммой в 12 часов 30 минут сообщил, что его части прошли ст. Гулькевичи, но что в его батальоне всего лишь 370 штыков. 12 сентября большевики вели большими силами упорные атаки на части 3-й дивизии и им удалось перерезать железную дорогу в сторону Кавказской. Контратакой пехоты 3-й дивизии положение было временно восстановлено, но подошедшие значительные резервы красных, атаковавшие дроздовские части, принудили их отступить, и красные стали приближаться к реке Кубани, заняв станцию Кубанская. В темноте новая большая колонна красных подошла к Армавиру и с юга. Создался сплошной фронт, и было обнаружено сближение сил красных для предстоящей атаки на следующий день.

Полковник Дроздовский не мог рассчитывать на помощь подходящих слабых сил 1-го Офицерского пехотного полка, в резерве же имел только три роты и, учитывая создавшееся положение, оставляет в северной части города небольшой заслон, а остальным частям дивизии приказывает отойти в станицу Прочноокопскую.

Утром 13 сентября Урупский полк повел снова наступление на станицу Бесскорбную и в 6 верстах от нее завязался встречный бой с наступающими красными. В это время красные густыми колоннами двигались на Армавир. 2-й конный полк спешно отходит к Армавиру, из которого в это время отходил оставленный там полковником Дроздовским заслон. Два эскадрона переходят реку Кубань в станицу Прочноокопскую, куда 14 сентября сосредоточивается и весь 2-й конный полк. Полк занимает окопы и несет сторожевое охранение.

К этому времени силы красных в Армавире достигали до 50 тысяч бойцов при 65 орудиях и бронепоезде. По пятам их двигались части дивизии, преследуя красных Таманской группы, генерала Покровского, наступающего от станицы Белореченской на станицу Курганную.

14 сентября прибыл офицер связи от полковника Тимановского с сообщением, что к нему прибыло пополнение, что он имеет в своем отряде 1400 бойцов (два батальона и три сотни) и что ему приказано Штабом Армии наступать. Полковник Дроздовский послал полковнику Тимановскому, который сообщил, что он поступает в его подчинение, самостоятельно не наступать, ждать его распоряжения и противника не атаковать 13 сентября. Приказание полковника Дроздовского полковник Тимановский вовремя не получил и, выполняя приказание Штаба Армии, ввязавшись в бой с красными, первоначально имел успех, но, встретив значительные силы противника, понес сильные потери. Вскоре его части стали отходить. Части 3-й дивизии, получив приказ от Штаба Армии, 14-го атаквали красных. Целый день длился упорный бой, части понесли тяжелые потери, но не добились успеха. Город Армавир остался в руках красных, и около него завязались долгие и упорные бои, в которых части Добровольческой армии понесли весьма значительные потери.

Вскоре подошли в этот район бронепоезда «Единая Россия» и «Офицер». 16 сентября на фронт около Армавира прибыл генерал Деникин и было совещание со строевыми начальниками. На этом совещании было решено в первую очередь ликвидировать группу большевиков в районе станицы Михайловской, откуда в любой момент прибывала помощь красным в Армавир. В экспедиции по ликвидации группы красных в Михайловской приняли участие: 3-я дивизия, 1-я конная генерала Врангеля и две роты 1-го Офицерского генерала Маркова полка, но закончилась она 18 сентября после упорного боя — неудачей. Станица Михайловская была взята только 30 сентября 1-й конной дивизией.

В это время на фронте не прекращались весьма упорные бои под Армавиром и Ставрополем. 30 сентября 2-й конный полк переходит в станицу Темнолесскую, в район которой перебрасываются и другие части 3-й дивизии. В районе станиц Борсуковской и Темнолесской было обнаружено большое скопление красных. Переночевав в станице Убеженской, полк 1 октября проходит через сожженную и разграбленную большевиками станицу Николаевскую, в которой вместо цветущих садов и веселых домиков торчали только обгорелые пни, обгорелые стены домов, среди которых ютились оставшиеся в живых дети и старики.

Вслед за полком в этот район перешли и другие части 3-й дивизии вместе с Пластунской бригадой до 10 октября вели бои с красными, отбивая их атаки. 10 октября Невинномысская группа большевиков повела общее наступление большими силами и в ночь на 13 октября атаковала станицу Темнолесскую, где чуть было не попала в плен гаубичная батарея 3-й дивизии. Батарею спас своей хладнокровностью, смелостью и доблестью командир батареи полковник Медведев. Он сам перепрыгал убитых лошадей и лично сам в качестве ездового вывез одно из орудий.

2-й конный полк 3 октября ночевал в станице Николаевской, а на следующий день два эскадрона были высланы в Ново-Марьинскую и один в верхнюю немецкую колонию и ведется усиленная разведка в районе станицы Невинномысской. Неся сторожевое охранение и разведку в крайне тяжелых условиях, ночуя под открытым небом, зачастую и без воды, на громадном протяжении по фронту до 70 верст, участвует в отражении неоднократных попыток красных обойти город Ставрополь.

Полк под напором больших сил красных 14 октября отходит в район горы Недерман, а оттуда 16-го переходит в станицу Ново-Марьинскую. 6-й эскадрон в это время находился в немецкой колонии Дальняя, не будучи предупрежденным, оставаясь там, выдерживает бой с авангардом наступающих красных и только тогда стал поспешно отходить на станицу Темнолесскую, думая там найти свои части. Пробиваясь по незнакомым горным тропам, эскадрон к вечеру подошел к станице, но был встречен огнем красных. Только темная осенняя ночь дала возможность пробиться эскадрону на станцию Надежда. Эскадрон 15 ноября получил приказание вначале занять позицию около Холодной горы, а потом отойти в Ставрополь. Город уже эвакуировался и был обойден со стороны Татарки. Эскадрону были приданы два орудия и 40 плохо вооруженных всадников Инородческого полка с приказанием защищать город во что бы то ни стало. Эскадрон мужественно залпами, пулеметным и орудийным огнем отбил несколько атак густых цепей красных и надолго задержал их продвижение. После этого эскадрон отошел в станицу Михайловскую, в которой находился Полтавский Кубанский казачий полк. Ведя рекогносцировку около станции Надежда и Ставрополя, без дорог по горам, эскадрон блестяще выполнил порученную ему задачу, выяснив, что большая колонна красных двинулась, чтобы перерезать железную дорогу Ставрополь—Кавказская. 17 октября в конном строю Полтавский полк и эскадрон атакуют наступающих красных и задерживают их наступление до прихода Самурского пехотного полка, который их

и сменяет. Эскадрон за это время понес большие потери. 18 октября он присоединяется в станице Ново-Марьинской к своему полку.

Бои за овладение городом Армавиром продолжались, и наши части несли большие потери. После неудачных попыток занять город 14 сентября и 18-го, а также безрезультатной атаки позиций красных 1 октября добровольческие части повели наступление 13 октября, и на этот раз марковцы наступали в лоб, поддержанные огнем бронепоезда «Офицер». Когда наступила у них временная неустойка после занятия Туапсинской станции и их цепи врывались уже в улицы города, встречая упорное сопротивление красных, броневик «Верный» под огнем бронепоезда прорывается в тыл красных, наводит панику на собравшихся в контратаку красных, обстреливая их из всех своих четырех пулеметов. Когда же большевики отошли от города, он, на ходу стреляя, преследовал их, а потом помчался в тыл их бронепоезда, который стал удирать к реке Уруп, где он попадает под обстрел Марковской батареи. Красные отошли за реку Уруп. Город Армавир был взят марковцами при содействии бронепоезда «Офицер», броневика «Верный», Кубанского стрелкового полка и конной бригады, состоящей из Марковского конного полка и Лабинского казачьего, командир которого, войсковой старшина Растегаев, был в бою тяжело ранен. После боя под Армавиром красные главной массой отступили в сторону Ставрополя, а часть их вдоль дороги на Минеральные Воды. Под Ставрополем шел упорный бой, а после его оставления наши части отошли верст на 13—20. Части 3-й дивизии с Корниловским ударным полком занимали позиции на линии Ново-Марьевка—Пелагиада—Дубовка. Части 1-й дивизии 14 октября заняли хутор Вольный, а 15 октября, продвигаясь на восток, после занятия станции и села Коноково, после упорного сопротивления при содействии броневика «Верный», заняли село Успенское. До 22 октября идут упорные бои с красными, которых 22 октября разгромила 1-я конная дивизия генерала Врангеля, захватив только одних пленных свыше 3 тысяч человек. Красные 23 октября повели наступление со стороны Ставрополя на Армавир, заняв станицу Прочноокопскую, подошли почти к самому городу, но когда в тылу их появилась 1-я конная дивизия, поспешили в исходное положение. Во всех боях с 1-й конной дивизией в ее составе принимала участие конно-горная батарея капитана Колзакова.

Части 2-й и 3-й дивизий под общим командованием генерала Боровского, перейдя в наступление, подходят к Ставрополю и 23 октября, атаковав позиции красных, 2-й Офицерский стрелковый полк

занимает монастырь Св. Иоанна Предтечи и часть предместья города. Большевики переходили в контратаки, которые каждый раз отбивались с большими потерями. 25 октября 2-й конный полк около станицы Сенгиевской атаковал отступавших от Армавира красных, массу красноармейцев изрубил, захватил 13 пулеметов, повозки, груженные бомбами и патронами, автомобили и обозы. До 29 октября идут упорные бои с красными под Ставрополем. Утром 29-го красные большими силами атакуют 2-й Офицерский стрелковый полк, который, несмотря на поддержку Самурского полка, после упорного, кровопролитного боя принужден был отойти версты две-три назад, где оба полка окопались.

Погода резко меняется. Ударил сильный мороз. Кругом голая степь и полное отсутствие поблизости деревьев. Все страшно терпели, полулодные, от холода. Начальник дивизии, полковник Дроздовский, лежа в какой-то ямке, дрожал от холода. Позади цепей 2-го Офицерского стрелкового полка стал прибывший в состав дивизии броневик «Верный».

День 30 октября прошел в перестрелке, но на рассвете 31 октября в сильнейший туман (в двух шагах ничего нельзя было разобрать) большевики громадными силами атаковали позиции 2-й и 3-й дивизий, принудив растаявшие части дивизии к отходу. В густом тумане перемешались белые и красные. Кипел жестокий бой, и обе стороны несли большие потери. В этом бою был убит командир Корниловского ударного полка — полковник Индейкин, тяжело ранен командир Самурского полка — полковник Шаберт. Не пощадила братоубийственная пуля и полковника Дроздовского. Он был ранен в ногу. Заброшенный ручными гранатами, сторел со всей своей командой в цепях корниловцев броневик «Витязь». Броневик «Верный» пришлось отбиваться ручными гранатами от подошедших вплотную к нему в тумане большевиков, которые штыками пытались открыть двери броневика. Несколько раз «Верный» во время боя вывозил наполненный до отказа броневик ранеными, отвозя их на станцию Пелагиада.

В этом бою большевики в матросской форме вели себя очень смело и дерзко: с винтовками за плечами и с ручными гранатами в руках, они подходили на 60 шагов к броневик с ругательствами и криками: «И вам будет такая же участь!» — намекая на гибель «Витязя».

К часам 10 утра туман рассеялся и возшло солнце. По степи на Рыдзвяную отходили остатки 2-й дивизии, а на станцию Рождественскую жидкие цепи 2-го Офицерского стрелкового и Самурского полков. Броневик «Верный» задержался на буграх между станцией Пе-

лагиада и Ставрополем, отбивая пулеметным огнем наступающие цепи красных. Справа от него вела залпами огонь по красным цепям откуда-то появившаяся цепь пластунов.

Около 12 часов отошли пластуны, и, расстреляв все свои запасы патронов, «Верный» в 14 часов отошел на станцию Рыдзвяная, где находился Штаб Главнокомандующего и бронепоезд. Подъезжая к самой Рыдзвяной, броневик «Верный» обогнал группу корниловцев, приблизительно в человек 150, шедших со своим знаменем. Впереди ехал капитан Скоблин.

— Где же Корниловский полк? — спросил капитана Скоблина капитан Нилов.

— Вот все, что от полка осталось, — послышался печальный ответ капитана Скоблина.

«Верный» продолжил свой путь и, прибыв на станцию Рыдзвяная, был встречен генералом Деникиным и его начальником Штаба генералом Романовским. Капитан Нилов доложил генералу Деникину обстановку.

— А где «Витязь»? — спросил генерал Деникин.

— Сгорел со всей своей командой, остался один «Верный», — ответил капитан Нилов.

— Вот уж воистину «Верный», — сказал генерал Деникин. — В огне не горит и в воде не тонет. А что вам нужно?

— Нет пулеметных лент, все расстреляли, — ответил капитан Нилов.

Генерал Деникин вызвал командира бронепоезда и приказал ему передать «Верному» почти все пулеметные ленты. После этого «Верный» снова выехал к Пелагиаде.

В то время, когда кипели кровопролитные бои под Ставрополем, 2-й конный полк связался с 1-й конной дивизией и вошел в подчинение генерала Врангеля, который со своей дивизией наступал в направлении Ставрополя. Полку было приказано двинуться на Ставрополь и занять разрытый курган, не считаясь даже с уничтожением полка, как это было сказано в приказе. Так как курган оказался уже занятым энергичным ударом стрелков, полк занял позиции со стороны городской роши. После отхода наших частей полк отражал атаки красных, стремящихся прорваться к станции Пелагиада.

1 ноября с утра Самурский полк и броневик «Верный» атаковали красных, занявших Пелагиаду, и захватили юго-западную часть селения, но дальше не смогли продвинуться, встретив упорное сопротивление красных, стрелявших буквально из каждого окна и из за каждого плетня.

В тот же день повела наступление и 1-я конная дивизия на Ставрополь. Частями дивизии был занят монастырь на окраине города, но продвинуться дальше не смогли, встретив упорное сопротивление красных. На рассвете был отправлен в распоряжение генерала Врангеля броневик «Верный».

1 ноября 3-й эскадрон 2-го конного полка в пешем строю повел наступление на окопы противника, расположенные на окраине города вблизи дома умалишенных (психиатрической больницы), а остальные эскадроны полка в конном строю атаковали красных, засевших в окопах у городской рощи. После тяжелого боя полк выбил красных из окопов, захватив 3 пулемета и бомбомет. Всю наступившую ночь полк вел огневой бой с красными.

Генерал Врангель решил на другой день атаковать красных с юга, со стороны психиатрической больницы, и туда, кроме бывшего в том районе 2-го конного полка, была отправлена бригада полковника Топоркова (Запорожский и Уманский казачьи полки) и броневик «Верный». Спешенные полки и «Верный» атаковали на рассвете красных и по Романовской улице ворвались в город. Впереди двигался «Верный», а за ним спешенные полки. К 12 часам дня красные были выбиты из города. Было захвачено в плен до 12 тысяч красноармейцев и штаб степной советской армии.

Понесший большие потери 2-й конный полк был сведен в 6 эскадронов. 4 ноября 2-й полк был на рассвете вызван на поддержку нашей пехоты в район Монастыря и совместно с пехотными частями отбил попытку красных приблизиться к городу.

5 ноября 2-й конный полк атакует красных и выбивает их из станции Пелагиада. На другой день красные вновь пытались занять станцию, поведя наступление. Полк перешел в контратаку. Красные понесли сильные потери и отступили. Того же дня 1-й и 6-й эскадроны в пешем строю совместно с Кавказским офицерским полком²⁸⁸ повели наступление на село Михайловка, на отлично укрепленную позицию красных перед селом. Эскадроны, неся на руках пулеметы, сбили передовые части красных и подошли к селу, но, не поддержанные Офицерским полком, вынуждены были отойти к станции. Утром 7 ноября полк с подошедшей 1-й конной дивизией без артиллерийской подготовки берет укрепленную позицию красных, захватив пленных и пулеметы. На другой день, пройдя село Пелагиада, в составе бригады генерала Чайковского полк атакует дивизию красной пехоты. В этой атаке тяжелые потери понес Черноморский полк, выдержавший всю тяжесть боя на себе. Вскоре подошла пехота, и вечером на ночлег 2-й конный полк отошел в село Пелагиада. 9 ноября 2-й

конный полк конной атакой занимает ст. Гричаны, захватив пленных. Смененный нашей пехотой, полк уходит на ночлег в село Константиновка. 12 ноября в составе конной бригады атакой взял село Донская Балка, захватив пленных, а утром следующего дня занял село Вербовое, где и заночевал.

Ослабленные своими неудачами и поражением под Ставрополем, красные решили отметить и ночью на 13 ноября напали на село Константиновка, где в это время стояли штаб конного корпуса генерала Врангеля, лазареты и прочие тыловые учреждения, но были отброшены назад. В ночь на 15 ноября 2-й конный полк выступил из Кугульты в село Благодатное, где, соединившись с конным корпусом генерала Врангеля, участвовал в наступлении на село Петровское. Красные оказывали упорное сопротивление, маневрируя около кирпичного завода. Пущенный в атаку на красных в районе завода, 2-й конный полк хотя и понес сильные потери, но врубился в ряды красных и занял завод. Особенно большие потери были в составе 3-го эскадрона, потерявшего убитым и своего беззаветно храброго командира, ротмистра Сыкалова²⁸⁹. Вахмистром эскадрона и ротмистром Кобаровым²⁹⁰ павший смертью храбрых ротмистр Сыкалов был положен в гроб и на санях отвезен в город Ставрополь, где и был похоронен. После похорон ротмистр Кобаров вернулся в полк и был назначен командиром полка, генералом Чекатовским, командиром 3-го эскадрона. Противник был разбит и село Петровское занято конным корпусом. На следующий день 2-й конный и Черноморский полки берут село Николино-Балка, где и заночевали. Утром 17 ноября красные неожиданным ударом сбивают Черноморский полк и благодаря этому 2-й конный полк вынужден был отходить на село Петровское. Подходившие к селу красные тремя конными атаками были опрокинуты и поспешно отошли назад.

В непрерывных боях 2-й конный полк понес большие потери, и его состав уменьшился почти на половину прежнего. Генералом Врангелем полк был отправлен на пополнение и отдых в село Благодатное, где полк пополнил свои ряды добровольцами и усилился с приходом в его состав черкесской сотни, ставшей 7-м эскадронам полка. 20 ноября, отдохнув, 2-й конный полк выступил в составе бригады генерала Майковского и 27 ноября конной атакой выбивает красных из немецкой колонии Мантерсерер, а на другой день берет колонию Фридрихфельд, захватив там пленных и 2 пулемета. После короткого боя полком было занято село Ков-Сала, откуда полк переходит в село Винодельное, где получает приказ выступить в Ставрополь. В Ставрополь прибывает 6 декабря, где останавлива-

есть на отдых перед отправкой на помощь Донской армии в составе Добровольческого корпуса.

В бою под Ставрополем участвовали, за малым исключением, почти все полки Добровольческой армии, понеся громадные потери. 3-я дивизия была отправлена на отдых и пополнение, так как в некоторых ротах в строю осталось 8—10 стрелков. В командование в скором времени вступил генерал Май-Маевский²⁹¹. Полковник Дроздовский был эвакуирован в Екатеринодар.

В начале декабря началась переброска частей дивизии в Донецкий бассейн.

Н. Ребиков

ГАУБИЧНАЯ БАТАРЕЯ В СЕНТЯБРЕ—ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА

Сентябрь 1918 года

1. 1-е орудие перешло в Форштадт напротив Армавира и стало на позицию. 2-е орудие и обоз остались в хуторе Горькореченском.

2—5. 1-е орудие изредка ведет редкий огонь по Армавиру.

6. С рассветом 1-е орудие начало обстреливать Армавир, содействуя наступлению 3-й пехотной дивизии на город. С высокого берега прекрасный обзор и хорошо видны все перипетии боя. 3-я дивизия наступает со стороны Отрады-Кубанской. Корниловцы перешли в наступление со стороны Форштадта и также ворвались в город. Армавир был взят. Батарею приказано перейти из хутора Горькореченского в Армавир.

7. В 6 часов батарея с обозом перешла в город Армавир и стала по квартирам.

8. Батарея спокойно стоит в Армавиру. Снарядов на батарее нет, и на складах их тоже не имеется. Вообще весь Второй Кубанский поход батарея очень страдала от недостатка снарядов.

6-дюймовая гаубица вместе с пластунами участвовала в наступлении на Невинномысскую. Занят хутор Голопузовка. Орудие обстреляло станцию.

9. Город Армавир. На Николаевском проспекте был устроен парад частям третьей дивизии. Взвод 48-линейных гаубиц в параде участия не принял.

6-дюймовая гаубица вместе с пластунами участвовала в небольшом бою при занятии станции Невинномысская. Гаубица стоит на позиции в станице.

10. 3-я дивизия стоит спокойно в Армавире, выставив заставы от 4-го пластунского батальона на станицы Чамлыкскую и Урупскую, с придачей дежурного орудия от 2-й батареи. К вечеру в город стали прибывать беженцы из Чамлыкской и Урупской. Оказывает, Таманская армия движется на Армавир. В городе жизнь течет без перемен.

11. К вечеру красные потеснили заставу, стоявшую в 6 верстах от города по Туапсинской железной дороге. Несмотря на это, ввиду нахождения вблизи города винокурного завода барона Штейнгеля, пьянство в частях не прекращалось. К ночи красные начали группироваться под городом.

12. В 6 часов послышалась стрельба и отдельные орудийные выстрелы. Это красные повели наступление на 4-й пластунский батальон, лежавший в окопах под городом. В городе началась суматоха. Обозы и жители начали уходить из города. Стрельба приближалась. В 9 часов гаубичный взвод, стоявший в городе без снарядов, получил приказание перейти в Форштадт. В 10 часов батарея по деревянному мосту перешла в Форштадт, где стала по квартирам. С высокого правого берега реки Кубани был великолепный обзор и можно было хорошо наблюдать бой под городом.

13. В 10 часов батарея (без 6-дюймовой гаубицы) получила приказание перейти в резерв на станцию Кавказская (хутор Романовский). Через станицу Прочноокопскую, наполовину разграбленную и разрушенную красными, батарея перешла в станицу Григорнолицкую. Переход — 22 версты.

14. В 9 часов батарея выступила и перешла в станицу Темижбекскую. Переход — 20 верст. Вся дорога усеяна беженцами из Армавира. Многие идут с маленькими детьми пешком. Видя идущую батарею, многие беженцы прибавляли шаг, думая, что отступают части, ведущие бой.

15. В 13 часов батарея вступила в хутор Романовский, где стала по квартирам на Пушкинской улице. Хутор Романовский — большой железнодорожный поселок у станции Кавказская.

С 15-го по 4 октября. Батарея стоит в резерве в хуторе Романовском. 17 сентября командированы от батареи в Екатеринодар 4 офицера батареи во главе с капитаном Петровичем (пиротехником) для изготовления дымного пороха П. К. О. для 48-линейных зарядов, т. к. имелись 48-линейные снаряды, но не было к ним зарядов.

На основании приказа Командующего Добровольческой армии от 12 сентября 1918 года за № 483 и начальника артиллерии от 23 сентября 1918 года за № 11/4 из батареи выделена 6-дюймовая гауби-

на личным составом, конями и имуществом для формирования 1-й отдельной полевой тяжелой батареи. Этот приказ подтвердил только существовавшее положение вещей, т. к. 6-дюймовая гаубица только формально числилась в составе 1-й гаубичной батареи. Приказом по группе Армейской артиллерии от 23 сентября 1918 года за № 11 1-я гаубичная батарея переименована в 3-ю легкую гаубичную батарею Добровольческой армии.

Октябрь 1918 года

4. В 7 часов батарея получила приказание погрузиться в эшелон и перейти на станцию Ставрополь. В 21 час эшелон батареи прибыл на ст. Ставрополь. Перед отбытием батарея получила снаряды.

5. В 6 часов батарея выгрузилась и перешла походным порядком в станицу Темнолесскую, где вошла в состав отряда Партизанского полка. Переход — 25 верст.

6. Батарея выступила в Ново-Екатериновку, но в 16 часов вернулась назад в станицу Темнолесскую. Переход — 24 версты.

7—9. Батарея стоит в станице Темнолесской, занимаемой 2-м батальоном 2-го Офицерского стрелкового полка. Красные сосредотачиваются в районе станицы Барсуковской, имея направление на гору Недреманную.

10. К 10-му числу 3-я дивизия имела нижеследующее расположение: станица Темнолесская — 2-й батальон 2-го Офицерского стрелкового полка и гаубичная батарея (две 48-линейные гаубицы); в хуторе Темнолесском — две роты Корниловского ударного полка; в станице Ново-Екатериновской: первый и второй батальоны 2-го Офицерского полка и 1-я батарея; на горе Свистухе — две сотни 4-го пластунского батальона и одно орудие 2-й батареи; в станице Барсуковской 3-я сотня 4-го пластунского батальона и 2-я батарея без одного орудия. Штаб дивизии в деревне Татарке. В 6 часов красные начали наступление на фронте гора Свистуха — станица Ново-Екатериновская. Красные вели наступление по ложине на северо-восток от станции. Наступали густыми цепями. Наша пехота начала отходить. Из станицы Темнолесской вызвали 2-й батальон 2-го Офицерского полка и гаубичную батарею. Сперва после небольшого боя вытеснили красных из хутора Темнолесского. После этого батарея стала на позицию на восток от хутора Мальчевского и открыла огонь по красным, наступавшим на северо-восток от Ново-Екатериновской. Красные, не выдержав огня и атаки 2-го батальона, начали в беспорядке отходить.

рядке отходить на юг от Ново-Екатериновской, где начали окапываться. Батарея на ночь отошла в хутор Мальчевский. 1-е орудие испортилось во время боя и отошло в обоз. Переход — 15 верст. Выпущен 31 снаряд. Бой у горы Свистухи окончился для нас неудачно, и красные заняли гору.

11. В 7 часов 2-е орудие было вызвано на позицию в Ново-Екатериновку, где оно стало на восточной окраине хутора рядом с 1-й батареей. Батареи вели редкий огонь по красным. 2-й Офицерский полк должен был атаковать, как только начнется наступление на правом фланге. Ввиду неудачи у горы Недреманной наступление не состоялось. В 23 часа красные заняли гору Недреманную. Чтобы не быть отрезанными от Ставрополя, приказано отойти к деревне Татарке.

12. В 4 часа 2-е орудие выступило в колонне 2-го Офицерского полка и к 10 часам стало на позицию на высотах к востоку от деревни Татарки. В 15 часов к востоку от реки Егорлык показались красные, имевшие на правом фланге кавалерию. С наступлением темноты красные подошли к нашим цепям версты на две. На ночь орудие отошло в деревню Татарку. 1-е орудие, бывшее с обозом в станице Темнолесской, перешло в город Ставрополь. Переход — 25 верст.

13. В 10 часов 2-е орудие стало на позицию на восточной окраине деревни Татарки и в течение дня обстреливало приближавшиеся цепи красных. За день выпущено 15 снарядов. С наступлением темноты орудие перешло в деревню Татарку, где расположилось на ночь. Кони остались замуниченными. Ночью ожидалась атака красных. Люди очень утомлены предыдущими боями. Красные сосредоточили против нас лучшие силы — Таманскую армию.

14. В 1 час ночи большевистские цепи без единого выстрела подошли к деревне Татарке и открыли огонь залпами. Замуниченные кони, испугавшись стрельбы, понесли. Пвозка с офицерскими вещами налетела на склад бревен и остановилась. На нее налетело орудие и также остановилось. К запутавшейся запряжке выбежали командир батареи полковник Медведев, поручик Маслов²⁹² и добровольцы Деев и Василиу. Через четверть часа орудие распутали. В корень сел командир батареи, в средний унос Деев, а в передний Василиу, и орудие тронулось. Подошедшие красные открыли по орудью ружейный огонь, но безрезультатный. Орудие, проплував в заросшем деревьями овраге, наконец вышло на дорогу и пришло к 5 часам в Ставрополь. Номера, проспав завязку боя и не найдя на месте орудия, пришли пешком в Ставрополь. В Татарке была брошена подвода с офицерскими вещами. Зарядный ящик и телефонная двуколка прискакали без

ездовых во 2-й конный полк и были возвращены в батарею. В 8 часов 1-е орудие прибыло после починки на станцию Ставрополь за снарядами, а 2-е орудие отправилось на позицию. По пути 1-е орудие нагнало батарею. Около 10 часов батарея подошла к будке на шоссе у деревни Татарки и получила приказание стать на позицию на участке Самурского полка, который занимал позицию левее шоссе. В 12 часов батарея стала на позицию. В 12 часов 15 минут наша пехота, ввиду обхода нашего левого фланга, начала отходить. Батарея снялась с позиции и отошла на шоссе. В общей колонне батарея пошла по направлению города Ставрополя. Приказано оставить Ставрополь. В 14 часов на южной окраине города Ставрополя был большой привал. Батарея получила приказание идти за Самурским полком. Около 22 часов прибыли в поселок Пелагиаду, где расположились по квартирам. Переход — 26 верст.

15. После полудня батарея выступила из поселка Пелагиады и перешла в хутор Михайловский, но через два часа вернулась назад в Пелагиаду. Переход — 3 версты.

16. В 10 часов красные повели наступление на село Михайловское, батарея стала на позицию к западу от железной дороги и открыла огонь по цепям. Красные, потеснив цепи Самурского полка, ворвались в огромное село Михайловское. В 16 часов Самурский полк перешел в контратаку и вновь занял село. В 20 часов, ввиду успешного продвижения красных на станицу Николаевскую по правому берегу Кубани и угрозы быть отрезанными от станции Кавказская, было приказано отойти на станицу Рождественскую, где стали квартирбиваком. Выпущено 15 снарядов. Переход — 15 верст.

17. 1-е орудие отправлено для окончательной починки в город Екатеринодар в подвижную артиллерийскую мастерскую.

19. В станицу Рождественскую прибыл Главнокомандующий Добровольческой армии генерал-лейтенант Деникин и произвел смотр частям 3-й дивизии.

21. 2-е орудие получило 20 снарядов. Батарея отдала коней для 2-го орудия тяжелой батареи.

22. В 2 часа батарея выступила в составе колонны Самурского полка из станицы Рождественской правее железнодорожной линии. На «129-й» версте колонна вошла в соприкосновение с красными. Около полудня 4-й пластунский батальон атаковал правый фланг красных и отбросил красные цепи за село Михайловское. Батарея стала на позицию на участке Самурского полка. В 13 часов была занята станция Пелагиада. В 15 часов появился красный броневомобиль и начал теснить наши цепи. Орудие также отошло назад.

Немного спустя наша пехота вновь заняла прежние позиции. Орудие также вернулось назад. Снова показался броневик, орудие зарядили, но при этом заклинился заряд. Несмотря на все усилия, орудие разрядить не удалось. Бронеавтомобиль, обстреляв наши цепи, ушел. В 17 часов бой закончился. Орудие (с заклиненным зарядом) осталось ночевать в поле. Обмундирование на людях было очень плохое, и поэтому эта ночевка под открытым небом при сильном ветре и холоде была весьма мучительна. За день выпущено 50 снарядов. Переход — 24 версты.

23. Ввиду того что орудие разрядить не удалось, его отправили на станцию Рыздвяная, где погрузили и отвезли в Екатеринодар на починку. Передок и зарядный ящик отправили в село Михайловское.

24. В 15 часов прибыло из починки 1-е орудие.

25. В 7 часов 1-е орудие стало на позицию в полуверсте к северу от монастыря под городом Ставрополем. Орудие несколько раз открывало огонь по окопам красных. Ночь орудие провело в поле.

26. 1-е орудие вело редкий огонь по красным.

27. 1-е орудие по-прежнему стояло на позиции в поле и несколько раз стреляло по красным. Вечером было приказано отойти на ночь в монастырь.

28. С рассветом 1-е орудие стало на позицию. Днем артиллерийская перестрелка. На ночь орудие отошло в монастырь.

29. В 5 часов красные, сбив наше сторожевое охранение, повели наступление на монастырь. Наша немногочисленная и окончательно измученная пехота начала отходить. Орудие стало на позицию к северу от Ставрополя и продолжало вести огонь по красным. К вечеру, выпустив последние снаряды, орудие перешло в село Михайловское, где стоял обоз батареи. Переход — 9 верст. Из Екатеринодара после починки прибыло 2-е орудие. Снарядов нет.

30. Батарея ввиду отсутствия снарядов стоит в селе Михайловском.

31. С рассветом при сильном тумане на фронте началась сильная ружейная и пулеметная стрельба. Батарея, не имея снарядов, выступила из села Михайловского (с опозданием, так что красные цепи были видны в тумане). Батарея двинулась в направлении на станцию Пелагиада, вдоль железной дороги. При этом батарея попала под ружейный огонь. Тяжело ранен прапорщик Уласюк²⁹³, и подбита одна лошадь. Батарея пошла рысью. С разъезда уходил железнодорожный эшелон. На поле была видна наша одинокая сестра милосердия, искавшая раненого (ее потом подобрала наша тачанка). В 11 часов батарея прибыла на станцию Рыздвяная, где были получены 26 бомб и 13 шрапнелей. 1-е орудие снова для починки отправлено в Ека-

Екатеринодар. 2-е же орудие получило приказание вернуться на фронт. В 14 часов 2-е орудие выступило и прибыло на будку 129-й версты. Батареей временно командует полковник Де Поллини²⁹⁴. Во время боя 3-я дивизия понесла весьма значительные потери: ранены начальник дивизии полковник Дроздовский и командир Самурского полка полковник Шаберт. В Корниловском ударном полку 31 октября был убит командир полка полковник Индейкин. Орудие ночевало при сильном холодном ветре в поле. Несмотря на потери, назавтра назначено наступление.

Ноябрь 1918 года

1. На рассвете 3-я дивизия перешла в наступление на город Ставрополь. Левее наступает Корниловский ударный полк. Орудие под командой полковника Де Поллини стреляло по станции Пелагиада. Наша пехота, несмотря на свою малочисленность, решительно наступала. В 11 часов удалось занять станцию Пелагиаду. Стало известно, что генерал Врангель со своей конницей наступает со стороны станции Сингилеевской. Положение красных в городе Ставрополе становилось критическим. Со стороны города Армавира наступала 1-я дивизия. Из села Михайловского красных выбить не удалось ввиду малочисленности нашей пехоты (село огромное) и наступления темноты. Орудие ночевало в поселке при станции Пелагиада. Самурский полк выставил сильное сторожевое охранение в сторону села Михайловского.

2. В 7 часов орудие стало на позицию к северу от села Михайловского, но потом, т. к. оно стояло слишком далеко в стороне от пехоты, перешло на западную окраину села. Орудие стреляло по показавшейся кавалерии красных, а затем по пехоте красных за кладбищем. Орудие, выпустив все снаряды, отошло в поселок Пелагиада, где стало по квартирам. Ввиду отсутствия снарядов орудию приказано отойти в резерв. В 20 часов орудие выступило в поход.

3. К 2 часам орудие прибыло на ст. Рыдзвяная, где, соединившись с обозом, перешло в станицу Рождественскую, где стало по квартирам. В 20 часов батарея выступила снова и, пройдя хутора Спорные, прибыла в 24 часа в железнодорожный поселок Изобильное.

4—17. Батарея стоит квартиробиваком в поселке Изобильное. Из города Екатеринодара прибыло, после починки, 1-е орудие. 17-го получено приказание переехать на станцию Кавказская.

17. Батарея погрузилась в эшелон на ст. Изобильное и переехала на ст. Кавказская, где разместилась по квартирам в хуторе Романовском.

С 18 ноября по 17 декабря батарея стояла в резерве в хуторе Романовском.

С. Нилов

НА БРОНЕВИКЕ «ВЕРНЫЙ»

(продолжение)

Первая пехотная дивизия генерала Казановича 13 октября выбила красных из Армавира, перешла реку Уруп и с упорными боями к 16 октября продвинулась до станции Овечка. Но на следующий день большевики перешли в наступление и оттеснили конные части генерала Врангеля за Уруп, а первую пехотную дивизию под Армавир к разъезду Вольному. Заняв главными силами село Конаково, красные выдвинули только конную заставу в хутор Латышский, находившийся в 4 верстах от Конакова. С нашей стороны Марковский офицерский полк занимал хутор Вольный. Промежуток между хутором Вольным и Конаковым протяжением около 20 верст наблюдался разъездами. Каждое утро броневик «Верный» выезжал вперед, выбивал заставу красных из Латышского хутора, доходил до Конакова и, преследуемый артиллерийским огнем, отходил на Латышский хутор, где оставался до наступления темноты.

Вечером 21 октября было получено известие, что 1-я конная дивизия генерала Врангеля разбила дивизию красных и переправилась через реку Уруп, а на следующее утро дивизия генерала Кагановича двинулась на село Конаково. Как всегда, «Верный», оставив позади свою пехоту, подошел к этому селению, но был, против обыкновения, встречен только ружейным огнем. Завязав бой, броневик ворвался в селение и, преследуя красных, вышел на юго-восточную его окраину.

В это время из села Успенского, которое находилось дальше Конакова по дороге на станцию Овечка, выскочили конные лавы и стали спускаться к селу Конакову. Предполагая, что это конница генерала Врангеля, я опасался, чтобы стгоряча, в узких улицах села, мой броневик не приняли бы за большевистский, поэтому я отошел от селения и стал поджидать конницу. Через некоторое время из села показа-

лись всадники, образуя лаву. Я снял с броневика большой трехцветный флаг и, размахивая им, пошел навстречу.

Встреча оказалась далеко не любезной. С окраины села пулеметные тачанки открыли такой огонь, что я не знал, в какую дверцу броневика мне влезть. Флаг был пробит в трех местах... И тотчас конница пошла в атаку... Все в черкесках... Свои?

Я приказал не стрелять. Броневик дал полный газ, завывала сирена, и я стал пускать вперед светящиеся ракеты. Лошади пугались и поворачивали назад.

Три раза повторялись атаки, и три раза броневик их отбивал таким способом. Потом вдруг выскочило штук двенадцать пулеметных тачанок, которые начали сосредоточенным огнем обстреливать нашу машину. В пулеметную бойницу один мой пулеметчик был ранен.

На меня напало сомнение — трехцветный флаг, трехцветные круги, мы не стреляем, а нас атакуют. У красных есть тоже таманские полки из казаков... И лишь только конница опять пошла в атаку, «Верный» открыл огонь. Лавы повернули и скрылись в селении. На выгоне осталось с десятков лошадей и три человека.

Через некоторое время из селения вынеслась конно-горная батарея, лихо повернула и стала сниматься с передков. Дело становилось серьезным, нужно было уходить поскорее.

Но батарея огонь не открыла. От нее отделились три человека и, размахивая фуражками, понеслись к броневикам. Среди них был капитан Колзаков, командир Дроздовской конно-горной батареи, в формировании которой я принял участие в Яссах.

— Ну и наделали вы переполоху, — смеялись офицеры, — мы сразу узнали «Верный»...

Броневик окружили казаки. Это был, если мне не изменяет память, 1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска.

— А мы думали, что это большевистский броневик, который мы отрезали от переправы, — добродушно говорили казаки. — Почему вы не ударили, когда мы вас атаковали?

— Да потому, что мы вас не боялись. Что вы могли бы сделать броневикам?

* * *

«Верный» мирно стоял под деревьями. Рядом в доме команда с аппетитом уплетала яичницу. К броневикам подъехала группа конных и остановилась. Я вышел узнать, в чем дело. Кубанский полковник объяснял окружающим, что вот этот самый красный броневик он отрезал от

переправы через Кубань и захватил его с бою со всей командой. Это был, как я узнал потом, командир кубанский бригады, полковник Т. На броневике развеялся трехцветный флаг; название — «Верный» — на нем было написано через букву ять. Если в пылу боя простые казаки этого не разбирали, то в спокойной обстановке полковник должен был все это видеть.

— Как это вы взяли броневик? — спросил я у полковника.

— А вам какое дело? Кто вы такой?

— Я как раз и есть командир этого броневика и хотел бы знать — как вы его взяли.

— Так это вы моих казаков побили?

— Я!

— Я прикажу вас повесить...

Я не стал ожидать продолжения этого неожиданного оборота дела и дал свисток. Мигом команда «Верного» была на своих местах: загудела сирена, полетели ракеты и испуганные лошади понеслись галопом в разные стороны.

Через четверть часа приехал урядник. Генерал Врангель просит командира броневика на железнодорожную станцию. Когда «Верный» подходил к ней, мы увидели, что со стороны Армавира подошел наш бронепоезд и из него вышли генерал Казанович и его начальник штаба полковник Гейдеман — мое прямое начальство. На платформе стоял высокий генерал в черкеске — начальник 1-й конной дивизии. Это был генерал Врангель, и его видел я впервые.

— Капитан, — сказал он мне с укором в голосе, — вы ранили двух моих лучших офицеров, я не говорю уж про лошадей...

— Ваше превосходительство, ваши казаки тяжело ранили моего офицера-пулеметчика.

Генерал Врангель протянул мне руку.

— Что вы хотите, капитан, у меня казаки и черкесы — они не разбираются ни в каких флагах...

Я приношу свое извинение. Разговор был совсем не тот, что с полковником Т.

— Ваше превосходительство, — сказал я генералу Врангелю, — черкесская бригада пошла на Овечку, прикажете ей помочь?

— Я не могу вам приказывать, — ответил генерал Врангель, — вы не в моем подчинении, но если вы будете любезны, то я буду благодарен.

Полковник Гейдеман взял меня под руку и отвел в сторону. «Поезжайте на Овечку, если вам так хочется, но не слишком увлекайтесь», — сказал он мне.

от

* * *

ли

В конце октября почти все силы большевиков сосредоточились в районе Ставрополя и почти вся Добровольческая армия обложила красных со всех сторон тонкой цепочкой. В густом тумане на рассвете 31 октября большевики своими лучшими частями — Таманской армией — нанесли удар из Ставрополя в северном направлении. Стоявшие здесь и уже сильно поредевшие в непрерывных боях Корниловский и 2-й Офицерский полки понесли тяжелые потери и были отброшены к городу Пелагиаде. Вечером Самурский пехотный полк с броневиком «Верный» перешел в контратаку и занял южную окраину Пелагиады. Весь день 1 ноября самурцы и броневик вели упорный бой в этом селении.

Заняв накануне вечером Ставропольский монастырь, 1-я конная дивизия генерала Врангеля продвинулась к вокзалу, и на следующий день «Верный» был передан в распоряжение генерала Врангеля и переброшен к монастырю. В доме игуменьи, где помещался штаб, генерал Врангель меня приветливо встретил:

— А, старый знакомый!

— Надеюсь, ваше превосходительство, что на этот раз, как уже старые знакомые, мы не подеремся, как у Конакова?

— Что старое вспоминать, — засмеялся генерал. — Садитесь чай пить.

После чая генерал Врангель объяснил обстановку: его дивизия будет атаковать Ставрополь с юга, от психиатрической больницы, куда сейчас и перебрасываются его полки. Врангель просил взять на броневик до этого места его и его начальника штаба.

«Верный» огибал Ставрополь с запада по полевым дорогам, а местами и вовсе без дорог. По целине шли кубанские полки. Генерал Врангель, сидевший на плоской крыше броневика, здоровался с казаками: «Здорово, запорожцы!» Запорожцы смотрели на машину и ничего не отвечали.

— Ваше превосходительство, — сказал я, — машина идет на первой скорости, и мотор так ревет, что и в двух шагах ничего не слышно.

От больницы на Ставрополь катились спешенные сотни 1-го Таманского полка²⁹⁵. Начальник штаба вылез, а Врангель спустился внутрь машины и сказал: «С Богом, атакуйте...»

«Верный» въехал в город и стал спускаться по Госпитальной улице. Из-за заборов, из окон домов невидимые большевики открыли по броневику сильный огонь. Сидя на полу машины, длинный генерал Вран-

гель занимал много места и мешал работе пулеметчиков. Вскоре один из них был ранен в голову — большевики стреляли сверху, а крыша броневика, из тонкого листового железа, легко пробивалась пулями.

— Поворачивай назад! — крикнул я шоферу.

— Почему назад? — спросил Врангель.

— Ваше превосходительство, я здесь командир и я отдаю приказание. Поворачивай, Генрих!²⁹⁶

«Верный» отошел за цепи уманцев и остановился за домом. Я попросил генерала Врангеля выйти из машины:

— Вы мне мешаете, ваше превосходительство, а кроме того, я еще должен отвечать и за вашу жизнь.

Генерал сошел на землю и, взяв руку под козырек, сказал:

— Вы совершенно правы, мне нужно было раньше об этом подумать.

По Госпитальной улице слева направо перебегали толпы большевиков, подгоняемые моими пулеметами. На дверях Епархиального училища, превращенного в лазарет, большими буквами мелом было написано: «Доверяются чести Добровольческой армии». Большевики оставляли в Ставрополе больше 4 тысяч раненых. «Верный», разгневая отдельные группы красных, пересек весь город и по Николаевскому проспекту спустился до вокзала. Здесь было тихо: ни красных, ни добровольцев. Снова поднявшись в центр города, мы на Воронцовской столкнулись с полком кубанцев. Я сидел на крыше броневика, приветливо махая рукой. Всадники в черкесках обтекали «Верный», жались к домам и не отвечали на приветствие.

«Мрачный народ», — подумал я.

По базарной площади нам навстречу шла отставшая сотня. Но в это время из домов стали выскакивать жители и, узнав «Верный», который два месяца воевал в районе Ставрополя, стали кричать, указывая на сотню:

— Это красные, это большевики...

Пулеметная очередь, и сотня сдалась. Я приказал ей спешиться и положить оружие. Через некоторое время с юга появилась конная лава — это были, наконец, наши, настоящие, уманцы. Они мигом завладели лошадьми и отчасти... штанами красных. Сотня, которую я захватил в полк, который я пропустил, приняв его за свой, были красные казаки Таманской армии. Было очень обидно упустить такой случай.

Вечером меня вызвал генерал Врангель.

— У вас отличная команда, — сказал он. — Но она почти раздета, а сейчас наступили холода... Что вы так удивленно смотрите?

— Я первый раз вижу, ваше превосходительство, в Добровольческой армии генерала, который заметил, что мы раздеты.

Генерал Врангель вызвал интенданта своей дивизии и приказал ему выдать команде броневика все, что можно было выдать. Мы получили кожу на сапоги, по смене белья, какую-то коричневую сарпинку на рубашки и полпуда редкого в те времена сахара. Есаул-интендант решил окончательно подавить нас своею щедростью и преподнес четверть спирта.

— Грейтесь, хлопцы, — сказал он.

* * *

На высоком холме раскинулся окруженный рощами Ставрополь-Кавказский. Изрезанный оврагами, весь в садах, похожий на большую деревню, город справедливо гордился великолепной соборной лестницей, рощей и многочисленными фонтанами.

Несмотря на близость Азии, в Ставрополе все дышало старым русским бытом. Издавна жизнь горожан текла тихо и мирно. Они были гостеприимны и хлебосольны: умели жить, умели веселиться, когда к этому был повод. Все пребывало в покое и довольствии.

Но эта патриархальная жизнь резко изменилась, когда город оказался во власти большевиков. Жители притаились, ушли в себя и решили ждать лучших дней.

Доходили неясные слухи о Добровольческой армии на Кубани, но никто о ней ничего толком не знал. Однако в городе нашлась часть военной молодежи, которая составила тайную организацию. Добывалось оружие, патроны и была установлена связь с некоторыми непокорными кубанскими станицами, лежавшими по соседству.

И вот в один солнечный июньский день пришла радостная весть — станция Торговая занята Добровольческой армией. Это обозначало, что большевики, находившиеся на Северном Кавказе, были отрезаны от Центральной России.

Ночью в Ставрополе сделали выступление. Но к сожалению, у организаторов не было опытности, они были плохо связаны друг с другом, да и в последний момент многие заговорщики заколебались и не вышли. Восстание было быстро подавлено, и над его участниками большевики в саду старого юнкерского училища устроили кровавую расправу. Все непокорные и самые смелые погибли.

Потом восстали вразброд некоторые кубанские станицы, но и этот протест красные потопили в крови и удушили в дыму пожаров...

Стих Ставрополь и еще больше ушел в себя. Спасение пришло неожиданно.

1 июля со стороны Татарки появился с казаками Баталпашинского отдела войсковой старшина Шкуро. У Вшивой рощи красные были разбиты и их главковерх Шпак был зарублен казаками. В эти же дни связался с Добровольческой армией Ставрополь. Губернатором его был назначен полковник Глазенап 12 июня, а 14-го мой «Верный» был спешно передан в его распоряжение.

Большевики выбили из Татарки и отбросили к Невинномысской; за ними ушел войсковой старшина Шкуро. В городе остались лишь губернатор и мой броневик. Правда, из местных добровольцев сформировали Ставропольский офицерский полк, но на стойкость его мало надеялись — слишком близко был дом и родные этих добровольцев и, кроме того, наиболее смелые и предприимчивые погибли во время неудачного восстания. Между тем на восток от Ставрополя, со стороны села Благодатного, городу угрожали отряды красных, доходившие даже до Старомарьевки...

В этих случаях меня посылали с броневиком их выбивать, и «Верный» метался из села в село, часто не зная отдыха ни днем ни ночью. Через неделю меня подкрепили двумя сотнями казаков и одним орудием — стало легче... Но 25 июля большевиков собралось несколько тысяч и, заняв Золотую гору, они стали нацеливаться на Ставрополь. К Старомарьевке подтянули Ставропольский офицерский полк и со ст. Кавказская перебросили моих старых приятелей, лихих улаговских пластунов.

На рассвете 28 июля «Верный» и конница зашли с тыла, кинулись в атаку и разбили красных. В Бешпагире утвердился Ставропольский офицерский полк.

Полковник Глазенап отозвал меня в Ставрополь, где я с «Верным» составил его единственный резерв.

Потекли дни мирной жизни. Броневик неподвижно стоял на дворе по Вельяминовской улице, и все мы тут же в доме занимали одну комнату; было тесно, но весело. По утрам искали по карманам мелочь, чтобы собрать пятьдесят копеек, и если это удавалось, то Кобенин бежал за чуречком... Жить приходилось бедно, жалованье в 250 рублей, что нам платили, было слишком недостаточно. Впрочем, мы никогда не жаловались: у генерала Алексеева денег ведь не было, да и сражались мы не из-за жалованья...

Часа в 2 дня наши хозяева, семья С., тащили нас к себе обедать. Ни наши отказы, ни протесты не помогали — нас заставляли садиться за их стол. Это была семья, какую можно было встретить только в

Ставрополе: старуха мать и ее три дочери относились к нам как к родным и своего сына и брата вряд ли так любили, как нас. Вечером мы отправлялись в рошу, слушали музыку и ухаживали...

5 августа, помню, я сидел на скамейке в аллее роши и слушал мою любимую «Молитву» Чайковского. Уже смеркалось. По роше шел быстро гусарский поручик, видимо кого-то разыскивая. Увидев меня, он обрадовался и, поздоровавшись, тихо сказал:

— Вас немедленно просит к себе губернатор.

— А что, разве пахнет гарью?

— Да, и даже очень...

Я отыскал свою команду, приказал быть готовыми, чтобы ехать к губернаторскому дому.

— На ваш броневик одна надежда, — встретил меня полковник Глазенап. — Ставропольский полк после короткого сопротивления сдал Золотую гору и отошел в Старомарьевку. Поезжайте сейчас же туда, явитесь к начальнику отряда генералу Бруневичу²⁹⁷ и помогите ему удержать деревню. Я не послал бы вас на ночь, так как знаю, что броневик ночью работать не может, но положение серьезное, город в опасности.

Две минуты спустя «Верный» мчался вниз по Николаевскому спуску, и Бочковский, по обыкновению, затянул песню. Ее дружно подхватили остальные. Встречные жители при виде мчавшегося броневика в тревоге смотрели на него и шептались между собою, предполагая, что, по-видимому, случилось что-то неладное. Было совершенно темно, когда «Верный» остановился на площади в Старомарьевке. Крутом бродили какие-то люди.

— Где здесь штаб генерала Бруневича? — крикнул я в темноту.

— Какой там генерал! У нас нет генералов! — послышалось в ответ.

Площадь вдруг зашумела множеством голосов:

— Товарищи, это корниловцы! Белые!

Оранжевые огоньки выстрелов начали пронизывать тьму. Вслед за этим разом затрещали мои пулеметы, покрыв своим стрекотаньем шум и крик. Затем «Верный» развернулся и понесся вон из села, продолжая выбрасывать рой пуль в ночную темноту.

В полуверсте от Старомарьевки, у северной окраины селения Надежда, я остановил машину. Здесь было тихо. Я сказал своей команде, что нужно во что бы то ни стало удержать Надежду; Ставропольского полка нет, он, очевидно, рассеялся и, кроме нас, некому защищать город.

Я приказал Шатанину и поручику Александрову взять пулемет Льюиса, ручные гранаты и ракеты и сказал им, что они будут за-

ставую на дороге из Старомарьевки в Ставрополь. В случае наступления они должны бросить гранаты и открыть стрельбу; по этому сигналу «Верный» подойдет к ним на помощь. Время от времени я приказал им пускать светящиеся ракеты, то же самое будет делать и броневик в разных местах, чтобы противник думал, что нас много. Затем я взял ракету и карабин и пошел к Старомарьевке на разведку.

Перед мостом в поле, густо покрытом подсолнечником, было тихо, но на окраине селения слышался глухой шум и лай собак. Я пустил ракету. Она взлетела кверху и медленно опустилась, освещая бледно-зеленым светом ручей и ветлы за ним. Сразу же жалобно запели пули...

У броневика я нашел группу людей. Все они оказались из Ставропольского офицерского полка. Они говорили, что красные их зажали на Золотой горе, их ротный командир был ранен и они поспешно отступили. Я сейчас же приказал Кобенину²⁹⁸ взять этих людей в заставу вправо на хутор и следить, чтобы никто без моего приказа с этой заставы не отходил.

Показалась луна. Вокруг стало видно шагов на тридцать. Со светом появилась уверенность, исчезло щемящее сердце чувство темноты и неизвестности. К нам подъехал большой разъезд казаков Хоперского полка, затем подошла и целая сотня. Узнав, что я командир броневика, командир сотни спросил меня, какие будут распоряжения?

Я дал казакам пулемет Льюиса и послал их сменить мою заставу на дороге, потом выдвинул секреты к Старомарьевке и к востоку от Надежды. На мой вопрос, где находится генерал Бруневич, командир сотни ответил, что он должен быть в каменной школе в Надежде, так ему сказали в Ставрополе в штабе губернатора.

Я отправился отыскивать школу. Пришлось пройти версты полторы по длинному селению до школы, но в ней было пусто и тихо. Когда я возвращался, то вдруг услышал сзади себя шаги. Я обернулся и остановился. На залитой лунным светом и уходившей вдаль улице никого не было. Я двинулся, и снова кто-то сзади зашагал: опять остановился и опять ничего... Становилось неприятно. Я вынул револьвер и... улыбнулся. Меня напугали мои собственные сапоги: они совсем развалились и я привязывал подошвы телефонной проволокой, — эти отвалившиеся подошвы и производили двойной шум шагов.

У броневика, с винтовкой в руках, шагал часовой. Остальная команда спала у своих пулеметов. Пофыркивали привязанные к плетню лошади, и казаки, лежа в канаве, курили, переговариваясь шепотом. А позади, на горе, блестили электрические фонари Ставрополя: там

спокойно и беззаботно спали его жители, не зная, какая маленькая кучка людей защищает их беспечность

Пришли из секретов казаки с донесением и снова исчезли и темноте. Изредка тишину нарушал одиночный ружейный выстрел и вспыхивала ракета. Ночь проходила. Начинало сереть, и от ручья потянуло сыростью.

6 августа

Утром в школе на этот раз оказался штаб генерала Бруневича. Из города приходили пешком или приезжали на извозчиках офицеры и добровольцы Ставропольского полка. Их распределяли по ротам и рассыпали в цепь перед Надеждой. Восточнее, на горе, разворачивался пластунский батальон, и еще правее, за балкой, заняли хутор казаки Хоперского полка.

Около 10 часов на бутре появились автомобили красных: два пулеметных и один с горной пушкой. Они потеснили хоперцев. С большим трудом, подталкиваемый руками, «Верный» перебрался через ручей и медленно пополз вверх по дороге с очень крутым подъемом. Красные автомобили поспешно убрались куда-то в лошину. Хоперцы снова выдвинулись вперед, а я вернулся в Надежду.

В 12 часов вновь затрещала стрельба. Красные перешли в наступление.

— Взберитесь на гору и остановите противника, — приказал мне генерал Бруневич.

— Слушаю, — ответил я.

Но мне не было по душе это приказание. Было очень трудно снова взбираться на гору, перегревая мотор и теряя время. На высотах не было удобных дорог, не было пути назад, да и в случае удачи трудно было преследовать противника, так как в ложине был сломан мост. Было бы невыгоднее самому атаковать красных в Старомарьевке, ворваться в село и действовать в тылу противника. Но мой долг был исполнить приказание, а не рассуждать.

На горе сразу пришлось атаковать красных, наступавших против правого фланга пластунов. Попав под огонь моих пулеметов, большевики бросились назад и залегли в кукурузе. «Верный» отошел к кургану, но тотчас же был послан вправо на помощь хоперцам. Подойти вплотную к цепям красных броневика не удалось — впереди дорогу перерезал глубокий овраг. Пришлось цепи обстрелять во фланг. Позади «Верного» тоже заработал пулемет: оказалось, что на грузовике подъехал генерал Бруневич. Пули подымали пыль и около броневика,

и около грузовика, но последний продолжал стрелять. Генералу Бруневичу нельзя было отказаться в храбрости.

Наконец большевики не выдержали огня и стали отходить, но в то же время они нажали снова на пластунов, и меня с «Верным» вызвали обратно к кургану. Получилось так, что броневнику приходилось все время передвигаться и парировать удары противника в разных местах, вместо того чтобы иметь определенную задачу. От езды по грустым подъемам мотор перегрелся и едва тянул: выкипела и вода в пулеметах. Я хотел остановиться, чтобы послать за водой, но генерал Бруневич уже указывал рукой на двигавшихся большевиков, крича: «Атакуйте!»

И вновь по узкой полевой дороге «Верный» помчался вниз навстречу красным цепям. Передовые цепи мгновенно были смяты и отброшены вправо от дороги, где они скрылись в высоком подсолнечнике. Броневик пошел дальше навстречу новой густой волне наступавших и переходивших небольшую ложину. При виде броневика красные залегли и начали поспешно окапываться. Но было поздно. «Верный» вскочил в середину цепей и начал их в упор расстреливать. Красные кинулись назад, но для этого им нужно было перебежать ложину и шагах в 80 от броневика взбираться на бугор. Это им не удалось — они почти все полегли...

Но в это время мы заметили, что с тыла стали лететь пули, и увидели, что влево, на краю горы, пластуны начали поспешно отходить. Нужно было торопиться отойти назад, чтобы предупредить большевиков хотя бы у кургана. И когда «Верный», с перегретым мотором, медленно полз вверх и поравнялся с полем, покрытым густым подсолнечником, то оттуда посыпался град пуль.

— Огонь! Огонь! — хватал я пулеметчиков за плечи.

Но пулеметы не стреляли... У Батанина застряла пуля в стволе; у пулемета Муромцева²⁹⁹ — какой-то перекосяк... Да кроме того, выкипела вода... Пули барабанили по броне, залетали внутрь машины и разбивались на мелкие осколки. Опасаясь за глаза, команда закрывала лицо шинелями. Большевикам, которые были всего в нескольких шагах, ничего не стоило захватить броневик. Однако они на это не решились.

За курганом я вылез из броневика. Боже! Какой вид имел мой «Верный»! Он уже не был защитного цвета, а стал каким-то крапчатым: он был весь испещрен следами попавших в него пуль. Мотор раскалился. Радиатор был пуст. Я послал Гришинова в Надежду за водой. В это время генерал Бруневич подъехал ко мне и приказал остановить красных, наступавших на левый фланг пластунов.

— Это невозможно, ваше превосходительство, — ответил я. — Ведь там одни промоины и рытвины, а через них броневнику не пройти! Да кроме того, машина не тянет и на первой скорости... В пулеметах нет воды...

Пластуны отходили. На бугре остался один «Верный»; со всех сторон его обтекали цепи большевиков. Команда, просунув в бойницы дула карабинов, отстреливалась из них. Внизу красные перерезали уже единственную дорогу, спускавшуюся вдоль фронта к Надежде. Оставаться дольше на этом месте было бы безумием. «Верный», рискуя свалиться под откос, сполз вниз, молча прошел через цепь красных, с трудом вытянул из ручья и остановился на улице села. Мотор больше не тянул. Но мы были спасены!..

Сейчас же налили воды в пулеметы, заглушили машину, облили мотор маслом и стали ждать красных. Вскоре они показались на конце улицы. Их встретили наши пулеметы. Тотчас же улица опустела.

Когда мотор остыл, я отвел броневик немного назад и укрыл его в переулке, назначив часового наблюдать за большевиками. Теперь, выйдя из стальной коробки на чистый воздух, мы вспомнили, что уже сутки ничего не ели. Кобенин побежал в соседнюю хату за хлебом и скоро вернулся. Его сопровождала баба, которая несла молоко и яйца. Пока мы ели, баба, подперши ладонью подбородок, смотрела на нас. «И все-то вы воюете, родимые, и покормить вас некому!» — говорила она.

Часа четыре мы стояли в Надежде. Кое-кто успел даже поспать. Изредка появлялась разведка красных, но после выстрелов часового скрывалась.

В 6 часов вечера броневик пошел на юго-западный край села, выбил оттуда полуроту красных и отошел к железнодорожному мосту, где собрались все наши силы. Здесь на мосту стоял полковник Глазенап и рассматривал Надежду в бинокль.

— А мне донесли, что вы погибли, — сказал он мне, — и я уже посылал генерала Бруневича вас разыскивать...

Я попросил разрешения отправиться в Ставрополь пополниться бензином и патронами да, кстати, поужинать и накормить команду. По всем признакам было видно, что сегодня наступать красные не будут.

— Нет, вы еще мне нужны, — запротестовал генерал Бруневич, но полковник Глазенап остановил его:

— «Верный» заслужил отдых, и когда это будет нужным, он будет на месте...

На Николаевской улице броневик встретила толпа жителей. Все напереерыв спешили узнать, каково положение, не угрожает ли городу опасность. Я пожимал плечами: «Будем защищать!..»

Особенное впечатление производили следы многочисленных пуль на «Верном». По ним высказывали предположения, что большевики наступают очень сильно. У Городского сада броневик остановился, и мы отправились ужинать и слушать музыку. Несмотря на то что враг был у порога города, сад был полон публикой. Казалось, что горожане жили минутой, не думая о завтрашнем дне.

К полуночи возвратились к мосту. На броневике успели привести все в относительный порядок.

Луна ярко светила, и за мостом серебрилась дорога, убегавшая к противнику. Я решил воспользоваться такой светлой ночью и вывел броневик на дорогу. В версте за мостом я нагнал нашу цепь, осторожно идущую вперед. Я вылез из машины и окликнул.

— Командир «Верного»? — спросил меня высокий человек, подходя к броневику.

— Да. А это какая часть?

— Ставропольский полк, мы здесь занимаем позицию.

В говорившем я узнал командира полка. Я его спросил, что полку известно о противнике. Он мне ответил, что сведений — где красные, у него нет и это его очень беспокоит. Я ему сказал, что я с броневиком продвинулся вперед и, кстати, прикрою его полк, когда он будет разворачиваться.

Тихо работал мотор. «Верный» медленно двигался вперед. Справа, в сторону Надежды, небо стало сереть, приближался рассвет. Пройдя версты четыре и почти поравнявшись с северной окраиной села, я тронул шофера за плечо и шепотом приказал остановить машину, — впереди, шагах в 150, чернели фигуры, спешно рывшие окопы. В стереотрубу была видна линия большевиков, шедшая от шоссе до Надежды: красные, значит, остались на позиции, занятой днем. Броневик завернул и пошел назад. Ставропольский полк занял линию и стал рыть одиночные окопчики.

— Большевики в четырех верстах от вас и продвигаться не думают, — сказал я командиру полка. — Если хотите, я вызову их огонь, чтобы увидеть их фронт.

Полным ходом «Верный» полетел вперед и шагах в пятидесяти от красных остановился.

— Глуши мотор! Давайте споем что-нибудь.

Бочковский³⁰⁰ взял гитару, которую он постоянно возил с собою в броневике, и вылез на крышу «Верного». Остальные тоже высунули

головы из люка, за исключением Муромцева, который навел пулемет. Большевики, заметив броневик, отбежали вправо и влево от дороги и, не стреляя, залегли. Бочковский дал тон, и мы дружно подхватили «Боже Царя храни». Три раза пропели мы гимн, и пораженные большевики слушали. Пропели еще «Вещего Олега» и прокричали громкое «ура».

Мгновение молчания, а затем взрыв брошенной нами бомбы, три ракеты и резкий треск пулемета. Линия большевиков вспыхнула огоньками выстрелов: беспорядочно застрекотали пулеметы и откуда-то из Старомарьевки заметались сполохами желтые огни и загремели пушки. Невидимый до сих пор фронт противника вдруг засветился на несколько верст, и высоко в воздухе вспыхивали разрывы шрапнели. Броневик уже давно ушел, а выстрелы все трещали и трещали. У моста на насыпи стоял, окруженный кучкой людей, генерал Бруневич и тревожно вглядывался в предрассветную тьму. Я поднялся на насыпь и доложил ему о своей ночной разведке.

7 августа

Уже давно взошло солнце, а большевики все оставались на прежних местах и по-прежнему усиленно копали окопы. Было заметно, что силы их значительно увеличились: их правый фланг уже тянулся до станции Пелагиада, а левый кончался где-то далеко за форштадтом. В их тылу усиленно пылили тачанки, иногда подкатывающиеся к передовым цепям.

С нашей стороны тоже было все тихо. В версте от железнодорожной насыпи лежал Ставропольский офицерский полк да далеко на буграх виднелась редкая цепь пластунов. В резерве под мостом стоял «Верный». Это все, что было у нас... Если бы красные сразу же перешли в наступление, то, конечно, они легко сбили бы наши слабые части и Ставрополь бы пал. Но красные ждали еще подкреплений.

Солнце поднималось все выше. Успокоенные тишиной на фронте, к мосту стали съезжаться ставропольцы чуть ли не целыми семьями, и все с корзинками и кульками, наполненными провизией. Жены, матери, невесты обходили стрелков Ставропольского полка и заботливо наделяли их всякой снедью. Одновременно и давали им свои советы — не лезть вперед, не подвергать себя опасности. «Подумай о нас...» — говорили они. И этим мужьям, сыновьям и женихам уже не хотелось лежать в пыльных ямках и ждать, когда запоят пули и принесут с собой опасность, а может быть, и смерть... Всех их уже тянуло обратно в Ставрополь.

Моей же команде и мне никто не давал советов, никто не сожалел о нас. Нас поэтому никуда не тянуло, нам никого не было жаль. Мы лежали в тени броневика, жевали сухой хлеб и запивали водой из пропахших бензином баков. Но и о нас вспомнили! Барышни той ставропольской семьи, в квартире которой мы жили, приехали на грузовике и привезли нам пирожков и яблок. Помню, как мы были им благодарны...

Однако генерал Бруневич нервничал и не давал нам возможности спокойно съесть пирожки. Всякий раз, когда показывались тачанки красных, он посылал меня идти им навстречу. «Верный» пыхтел, лениво мчался вперед на край Надежды, одним своим видом пугал тачанку и мчался обратно, преследуемый градом пуль.

День проходил, и мы вдруг узнали новость — к нам подходят подкрепления... После обеда пришел бронепоезд «Вперед за Родину». Он выдвинулся на насыпь и послал в Старомарьевку несколько снарядов из своих длинных морских пушек. Вечером подошел батальон корниловцев и дроздовская гаубичная батарея. Артиллеристы прибежали к «Верному» и радостно приветствовали своего старого дроздовца. Батареинная кухня тотчас была в нашем распоряжении, и появилась как-то чудом водка.

8 августа

Солнце только что начинало всходить, когда я проснулся от неудобного лежания на камнях шоссе, болело все тело. Вокруг «Верного» лежала его команда в самых разнообразных позах. Мне не хотелось ее будить, но какой-то внутренний голос шептал мне, что сейчас начнется дело и надо быть готовым к нему. Я разбудил шофера и пулеметчиков и приказал приготовить машину.

Через десять минут по всему фронту затрещали выстрелы — красные перешли в наступление. С железнодорожной насыпи было далеко видно вправо и влево, и всюду, куда хватал глаз, поле было покрыто цепями красных. Против нашей редкой, прерывчатой цепочки красные шли пятью цепями: три цепи впереди и через две версты еще две цепи. Позади насыпи глухо ухнула гаубица и на бугре за Надеждой поднялись клубы черного дыма, затем еще и еще... Черные фигурки бросались в сторону от разрывов. Резко и пронзительно застучала легкая батарея — и над цепями красных поплыли белые облачка разрывов.

Бой разгорался. Генерал Бруневич оглянулся, увидел меня и приказал мне с «Верным» атаковать красных.

— Нужно выждать, ваше превосходительство. Бой только что начался, пусть большевики подойдут поближе... В крайнем случае прикажите пехоте поддержать мою атаку. Броневик собьет красных с дороги, но вправо и влево от нее в прогалинах и канавах они останутся, и их должна выгнать пехота...

Однако генерал настаивал на своем и никакого прикрытия мне не дал. Я сознавал всю трудность задачи и видел заранее, что броневик прорвет цепи противника, но ничего существенного не сделает. Но мой долг был исполнить приказание.

— Заводи машину! Вперед! Полный газ! — крикнул я шоферу.

«Верный» помчался вниз из-под моста навстречу красным цепям. Я скомандовал:

— Полный ход!

Промелькнула цепь ставропольцев, застучали по броне пули, и «Верный», врезавшись в первую цепь красных, раскидал ее с дороги и, не останавливаясь, пошел дальше. Вторая и третья цепи большевиков, не дождавшись подхода броневика, кинулись в сторону, засели в канаве и промоинах и открыли по машине огонь со всех сторон. «Верный» в свою очередь строчил из пулеметов, мчался вперед все дальше в тыл красных навстречу двум следующим цепям. Но когда он дошел до четвертой цепи, стало ясно, что броневик только прошел цепи красных, но не остановил их. Вправо и влево от дороги цепи по-прежнему шли вперед. А внутри броневика в это время было несладко.

Шатанин, Муромцев и Александров были ранены; раненному в голову Генриху кровь заливала глаза, и он с трудом правил рулем. Я привстал, чтобы посмотреть через верхний люк, что происходит кругом, но тотчас от жгучей боли присел на пулеметные коробки — пуля засела у меня в поясице. Пуля пробила броню, почему, попав в меня, она потеряла свою ударную силу...

Продвигаться дальше не было уже смысла и приходилось думать, как бы скорее выбраться назад. Я приказал шоферу Генриху поворачивать обратно, но когда броневик разворачивался и подошел к шоссейной канаве, раздался взрыв. «Верный» подпрыгнул, остановился, и мы тотчас же заметили, как из-под низа полезли желтые языки пламени... Скорее машинально, чем соображая, Генрих переставил скорость, и машина поползла по дороге. Оказалось, что большевик, в форме матроса, бросил из-под моста бомбу. Но он был тотчас же убит очередью, выпущенной из пулемета Муромцева.

Между тем машина горела. Был перебит бензинопровод, и разлившийся по полу бензин загорелся; начинало загораться уже и

сиденье шофера. Обожженный Кобенин принужден был бросить свой пулемет.

— Огнетушитель! Скорей огнетушитель, — кричал я Генриху охрипшим голосом.

Свинтив колпак, я стал лить жидкость из огнетушителя на пол и на бензинопровод... И сейчас же в броневике распространились удушливые пары аммиачного газа, но пламя не потухло. От пожара и от удушливого газа у меня кружилась голова. С трудом я открыл верхний люк и высунулся наружу. Поддерживая меня, вылез и Бочковский. Но тотчас же он как-то осел и стал скользить вниз. В канаве, шагах в пяти от броневика, я увидел красноармейца, перезаряжающего винтовку. Я протиснул Бочковского внутрь машины и быстро скользнул за ним сам...

У Бочковского была пробита грудь навывлет, и Кобенин старался остановить ему кровь. Машина шла все тише и тише; Генрих включил уже первую скорость, а нам предстояло еще пройти через три цепи красных. В душу начинало закрадываться сомнение: пробьемся ли мы? Разлитый по полу бензин продолжал гореть; Генриху уже было невозможно оставаться на своем горящем сиденье. Тогда я прикладом карабина нажимал на рычаг скоростей, а Генрих, стоя рядом со мною, правил рулем. Загорелись пулеметные ленты, и, накаливаясь, начали лопаться патроны. Пулеметчикам пришлось оставить пулеметы, лишь Муромцев, сидя в заднем углу, продолжал стрелять, не замечая, казалось, пожара.

Большевики продолжали стрелять со всех сторон в броневик, но не делали попыток его захватить. С пожаром внутри машины мы продолжали медленно ползти назад, и у нас всех была только одна мысль, одно желание: добраться до своих цепей. В эти минуты мы были почти беззащитны: ручные гранаты мы выбросили, боясь их взрыва, пулеметы не действовали и все мы были переранены.

Наконец мы прошли последнюю цепь красных. Шагах в шести-стах виднелась наша цепь — наше спасение. Но перед нами встала новая, более грозная опасность: каждую секунду можно было ожидать, что взорвется бензин, и мы все взлетим на воздух. В броневике невозможно было оставаться из-за жары; то и дело приходилось тушить загоравшуюся на нас одежду. Команда, наконец, не выдержала, и люди, один за другим, стали выскакивать из машины.

Остались только я да Генрих, по-прежнему не выпускавший из рук руля. Не дойдя немного до наших цепей, «Верный» остановился. Команда собралась вокруг него. Я послал Александрова за водой

и попросил помощи у ставропольцев, но они не решились подойти к машине, боясь, что она взорвется. Выбросив поспешно из броневика пулеметные ленты, пулеметы и прочее имущество, команда залегла вокруг горящего «Верного» и открыла огонь из винтовок. Большевики почему-то медлили и не шли вперед.

Вражеские пули стучали по броне «Верного» и поднимали пыль вокруг него. Позади было пустынно, и только на насыпи виднелась кучка людей да по дороге, оставляя кровавый след, тащился Бочковский. По временам он падал, и казалось, что он больше не встанет, но он с трудом поднимался, делал несколько шагов и снова падал...

Наконец, из-под насыпи вылетела подвода с бочкой с водой и га-лопом понеслась к нам. Она тотчас же попала под сильный ружей-ный огонь, и ездовой хотел повернуть обратно, но Кобенин перехватил его и заставил подъехать к «Верному».

Мы стали заливать ведрами огонь. Пламя сменилось дымом и по-гасло. Сейчас же поставили задний пулемет и Муромцев продернул ленту. Цепь красных поднялась было в атаку, но попала под пулемет и снова залегла. А в это время Генрих уже возился с мотором. Работая с невероятной быстротой, он успел поправить бензинопровод, по счастью не сильно поврежденный взрывом, переменял провода и вновь сел за руль.

Завертели ручку, чтобы привести мотор в действие.. Ничего! По-пробовали еще раз.. Мотор неуверенно фыркнул и опять остано-вился. Генрих снова поправил что-то в моторе и вновь крикнул: «Давайте!» Два-три перебоя — и мотор заработал. У нас неволью вырвалось дружное «ура». Быстро вкинули выгруженное имущество и вошли в машину. Несмотря на свистевшие пули, мы вылезли на крышу «Верного» и медленно поехали под виадук.

Корниловский батальон встретил нас рукоплесканиями и крика-ми «ура». Санитарная летучка стала перевязывать раненых. Я от-казался от перевязки и попросил воды. Сестра дала мне напиток, и теперь только я почувствовал, что от удушливого дыма пострада-ли легкие: я задыхался и не мог выговорить ни слова. Но больше всех пострадал Бочковский — у него было прострелено легкое.

Подошел генерал Бруневич и спросил:

— Потгорели?

Не дождавшись моего ответа, он приказал вновь атаковать крас-ных. Я показал ему на свою команду, которая целиком лежала забин-тованная, и сказал:

— Не с кем ехать, ваше превосходительство...

Я открыл дверцу машины. Из броневика пахло таким удушливым запахом дыма, что генерал отвернулся. Внутри все было перевернуто и обгорело.

— Да! Вижу, броневик негоден больше для действия, — согласился генерал. — Уводите его в тыл.

Раненых погрузили на крышу, и «Верный» с трудом пошел в Ставрополь.

Между тем большевики снова повели атаку. Ставропольский полк спешно отошел за железнодорожную насыпь, не прикрыв отхода гаубичной батареи. Последняя, потеряв много людей, несколько раз подавала передки, но огонь красных их выбивал. Уже не оставалось в батарее лошадей. Тогда разведчики и телефонисты батареи с карабинами бросились в контратаку, задержали немного красных и дали возможность вывести орудия на лошадях ставропольской пожарной команды.

Красные энергичнее пошли в наступление. Они уже прорвались к кожевенному заводу, и их правый фланг перерезал железную дорогу у ст. Пелагиада, а левый входил в Новый Форштадт. Ставрополь был охвачен полукольцом.

Однако с другой стороны города в это время на станции выгружались остальные батальоны Корниловского полка и бегом летели на вырубку Нового Форштадта; с ними галопом скакали батареи. А у Пелагиады прямо из вагонов бросился в штыки Партизанский пехотный полк, обойдя правый фланг большевиков.

Около 12 часов дня красные подошли вплотную к насыпи. От вокзала Туапсинской железной дороги выкатил наш бронепоезд и встретил красных в упор картечью и пулеметами. Корниловский батальон, лежавший за насыпью, без выстрела кинулся в штыки. Красные побежали, и скоро их бегство стало всеобщим. Гнаи их от форштадта, гнали от Пелагиады, и все поле, как муравейник, покрылось бегущими людьми. Наша артиллерия открыла по ним шрапнельный огонь, а влево из-за горы вынеслась казачья лава и бросилась рубить отступавших. Отступление превратилось в паническое бегство...

Вот теперь-то, думал я, нужен был «Верный». С ним я прорвался бы в тыл красных, обогнал бы их, прошел бы Старомарьевку и занял бы единственный мост через речку Надежда. Уж наверное, ни одна повозка не ушла бы... Но теперь искалеченный «Верный» стоял у дома губернатора, и полковник Глазенап, смотря на нас, перевязанных бинтами и в обгорелой одежде, говорил мне:

— Да, вы все поработали на совесть, но и вас обработали тоже на совесть... Теперь всем вам надо лечиться.

9 августа

«Верный» отправился в мастерскую на починку, а его вся команда — в госпиталь...

Большевиков отогнали от города так далеко, что в Ставрополе уже не слышно было орудийного гула. Городской сад по-прежнему сиял огнями, в нем играла музыка и гуляла многочисленная публика. В то же самое время город поспешно украшался для встречи генерала Деникина.

Недели через две большинство команды броневика выписалось из госпиталя. От нечего делать мы бродили по городу, ездили на дачу наших квартирных хозяев, обедались там прекрасными фруктами и чувствовали себя счастливыми... Лишь Бочковский да «Верный» продолжали: первый лечиться, а второй серьезно ремонтироваться. Их повреждения были тяжелы, но не безнадежны, и Бочковский, вопреки предсказаниям врачей, не умирал, а дал слово снова взяться за свой пулемет. И он сдержал слово, — впоследствии он оправился от своего тяжелого ранения и вернулся в строй.

С. Мамонтов³⁰¹

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ³⁰²

Батарея

В Екатеринодаре мы наконец почувствовали себя в безопасности. Не надо было больше скрываться. Правда, мы шли на войну, но это было другое дело.

Я пошел к тому самому капитану, который дал нам удостоверение.

— Мы хотим ехать в батарею. Скажите, где мы можем получить оружие, обмундирование и деньги?

Он посмотрел на меня с удивлением и усмехнулся:

— Не забывайте, что мы Добровольческая армия. У нас ни средств, ни складов нет... Оружие и обмундирование вы должны достать сами. В батарее вас этому научат. Денег у нас нет, да они вам не нужны. Армия живет за счет населения... пока что. Впоследствии видно будет.

Меня это поразило, но он оказался прав.

— Но ведь нужно взять билет на поезд?

— Никакого билета. Влезайте в поезд, и никто билета у вас не спросит. В крайнем случае вы покажите удостоверение.

— Где мы найдем батарею?

— Она находится в станице Петропавловской. Доедете поездом до Тифлисской, а там встретите офицера батареи, занятого перевозкой снарядов. Если его нет, обратитесь в станичное правление и вас доставят. Счастливого пути.

Нашли батарею в Петропавловской. Явились к командиру, полковнику Колзакову, были зачислены 27 августа 1918 года и назначены для перевозки снарядов. Я с радостью встретил капитана Колленковского³⁰³, моего прежнего командира. Было еще несколько офицеров 64-й бригады, но их я не знал, кроме Абрамова. В батарее было с сотню офицеров на солдатских должностях и 12 солдат ездовых. Орудия были горные, трехдюймовые, с укороченными снарядами. Все номера были верхом. В батарее было 4 орудия и два пулемета для охраны.

Батарея действовала с только что сформированной первой конной Кубанской дивизией. Полки 1-й Екатеринодарский и 1-й Кубанский (Корниловский) составляли первую бригаду. Командир бригады полковник Топорков. Уманский и Запорожский полки составляли вторую бригаду под начальством полковника Бабиева.

Вскоре после нашего прибытия дивизию принял генерал Врангель, впоследствии Главнокомандующий. Иногда с нами работал 1-й Линейный полк. Уже формировалась вторая конная дивизия под начальством полковника Улагая.

Чины в нашей батарее не играли большой роли. Важна была давность поступления в батарею. Батарея пришла из Ясс, из Румынии, с отрядом Дроздовского и называлась 1-я конно-горная генерала Дроздовского батарея.

* * *

Наша новая служба состояла в быстрой доставке патронов и снарядов в дивизию. Мы жили в Тифлисской, когда приходил поезд, мы грузили патроны и снаряды на повозки и один из нас вез их в Петропавловскую. Обыкновенно мы привозили 10 тысяч патронов и 10 шрапнелей. Это составляло примерно пять патронов на человека. С этим не развоюешься. К счастью, у красных был тоже недостаток патронов. Однажды я привез 100 тысяч патронов и 100 снарядов — меня встретили ликованием.

Я любил эти поездки. Сперва переезжали мутные воды Кубани и проезжали немецкую колонию. Потом безбрежная степь на 60 верст. Глазу не на чем было остановиться. Посреди дороги хутор с деревья-

ми и ручейком. Тут поили лошадей. Над самой станицей Петропавловской был громадный курган.

Мы фактически проводили время в дороге. Возвращаясь с пустыми подводами, я на полпути встречал брата³⁰⁴, везущего патроны, и передавал ему винтовку для охранения. Фронта-то ведь не было. Были отдельные отряды.

В Тифлисской дочь хозяйки взяла мою руку, посмотрела и сказала:

— Вы спокойно можете ехать на войну — вы умрете в старости.

Тогда брат протянул ей свою руку. Она взглянула и ее оттолкнула.

— Меня убьют?

— Нет, вас не убьют на войне.

Больше пояснить она не захотела.

Действительно, брат умер в Константинополе, сейчас же после эвакуации. Предсказание исполнилось.

Я поверил ей и за себя не очень боялся, но боялся за брата.

Вскоре Коленковский умер от тифа. Тиф причинял нам больше потерь, чем бои. У нас не было ни календарей, ни часов. Поэтому я могу только приблизительно определять события месяцами. Задним числом иногда узнавал дату какого-нибудь события.

Наступление

Как я уже сказал, 1-ю Кубанскую конную дивизию принял генерал Врангель. В сентябре 1918 года он предпринял наступление. Внезапно он занял станицу Михайловскую и на спинах бегущих взял станицы Курганную, Чамлыкскую, Черномлыцкую и Урупскую. Брату и мне было приказано присоединиться к батарее, и мы участвовали в наступлении.

До этого у меня появилась экзема на плече. Я пошел к батарейному доктору.

— Вам нужно эвакуироваться, здесь вы от экземы не избавитесь.

— Доктор, я приехал воевать, а не валяться в лазаретах.

— Как знаете.

Действительно, экзема разрасталась, несмотря на все, что я ни делал. Но тут началось наступление, необычайный подъем. Об экземе я забыл и думать. Неделю мы не раздевались, шли все вперед. Наконец попали в баню.

— А где же твоя экзема? — спросил брат.

Тут я о ней вспомнил и провел рукой по плечу. Кожа была гладкая, экзема исчезла. Организм сделал необходимое, пока я о ней не думал и этим не мешал ему. В общем, все произошло по Куэ (самоушшение), хоть тогда я о нем не имел никакого представления.

Урупская

С боем наша дивизия заняла большую станицу Урупскую. Генерал Врангель приехал на автомобиле и был торжественно встречен. Врангель выделялся большим ростом. Он носил русскую форму. Станичный атаман преподнес ему кинжал. Для ответного подарка Врангель отцепил свой револьвер и дал его атаману. На следующий день вторая бригада с нашим первым взводом (1-е и 2-е орудия) пошли куда-то вправо. Мы же, 3-е и 4-е орудия, с каким-то полком вышли из станицы, прошли версты три и встали на позицию около кургана. Наша лава пошла вперед. Была хорошая погода, выстрелов не было слышно. Все казалось спокойно. Мы расположились около орудий, ели арбузы, некоторые заснули. В этот день брата послали куда-то, кажется квартирмейстером, а меня взяли из коноводов к орудию, чтобы заметить его. Оба мы были зачислены в 4-е орудие.

Тут я должен отметить один недостаток горной пушки. В походе пушка идет на низкой коленчатой оси, а когда ставится на позицию, то рычагом перевертывается на высокую ось для стрельбы. Для похода ее нужно снова опустить. На высокой оси орудие легко переворачивается на повороте.

Наш боевой обоз (вещевые повозки) стоял саженьях в ста сзади. На кургане собралось начальство. Приехал Врангель на автомобиле, оставил машину у наших вещевых повозок и пещком большими шагами дошел до кургана. Я из любопытства подошел к кургану, чтобы посмотреть на Врангеля и послушать, что говорят старшие.

Один из офицеров сказал с удивлением:

— Странно... Почему наша лава возвращается?

Все схватились за бинокли.

— Да, странно... Переходят на рысь...

— ...Шашки поблескивают на солнце.

— ...Да это вовсе не наши...

— Красные! Атака!!

— К бою!

Красная конница была уже недалеко, она перешла на галоп. У нас началась паника. Я бросился к орудию. Мы выпустили два выстрела

картечью и рассеяли конницу перед нами, но оба фланга нас захлестнули. Мы прицепили орудие на передок, но не имели времени поставить на низкую ось. Ездовые (Ларионов и Ранжиев) тотчас же тронули крупной рысью. В нашем орудии почему-то было только два выноса (4 лошади) вместо трех. Коноводы подали лошадей. Я еще не вполне отдавал себе отчет в опасности и был удивлен истерическим криком коновода:

— Берите лошадей... Да берите же лошадей, а то я их распушу!

Я схватил повод Ваньки, но он стал крутиться как черт, мешая мне сесть в седло. Он подпал под общую панику. Наконец мне удалось сесть. Я огляделся. Пыль от наших выстрелов еще не улеглась. Выстрелы, крики, кругом силуэты скачущих с шашками всадников. Наши исчезли.

Тогда я так испугался, что почти потерял сознание от страха.

Сознание вернулось как-то сразу. Я скакал между двумя красными всадниками, касаясь обоих коленями. Лица их были налиты кровью, они орали и махали шашками, но, очевидно, находились в состоянии одурения, как я допрежь, потому что они меня не замечали. Я попробовал протиснуться между ними, но мне это не удалось. Тогда я попрдержал Ваньку, пропустил их и взял направление под углом. Сердце билось как на наковальне. Всеми силами я старался сохранить разум. Становишься слишком легкой добычей, если бадаешь. Все же перевел я Ваньку на рысь, чтобы сохранить ему силы, если понадобятся. Снял из-за спины карабин и отвел предохранитель. Я знал, что в нем 5 патронов. Патроны в то время были редкостью. Присутствие карабина меня несколько успокоило. Я искал глазами среди скакавших наших. Наконец я узнал одного офицера. Мы обрадовались друг другу как родные. Вскоре нашли и других офицеров. Мы перешли на шаг. Красная атака остановилась.

Мы рассыпались в цепь и открыли огонь по красным. Мой карабин слабо щелкнул. Я открыл затвор — патронов не было, их у меня украли.

Вдали сзади нам на выручку шел черкесский полк. Впереди красные увозили наши две пушки.

В нашем 4-м орудии потерь не было. В 3-м же потери были. Пушка на высокой оси перевернулась. Все трое ездовых спрыгнули с лошадей и пустились бежать. Все трое были зарублены. Зарублены были еще трое офицеров, у которых почему-то не оказалось лошадей. Вырвались ли лошади? Не дали сесть? Или коновод их не подал? Это осталось невыясненным.

Вспоминаю как во сне: полковник Топорков, в пыли, поворачивает лошадь и взмахивает шашкой над толпой красных, очевидно грабящих одного из наших убитых. Мало кто думал о сопротивлении. Все, как и я, бежали без оглядки. На наше счастье, красная конница состояла из матросов. Хоть и храбрые, они оказались плохими кавалеристами, неуверенно сидели в седле и плохо рубили. Этим объясняются наши малые потери. Будь на их месте настоящие кавалеристы, нам бы пришлось худо.

Наше 4-е орудие тоже опрокинулось. Ларионов, ездовой корня, спрыгнул, отстегнул вагу (железная скоба, к которой припрягаются передние выносы) и сел на круп к Ранжиеву...

Шофер Врангеля включил автомобиль, машина сделала прыжок и заглохла. Шофер выскочил из машины и пустился бежать. Врангель остался без автомобиля, и без лошади, и без револьвера, который он отдал вчера атаману станицы. Он побежал и, на свое счастье, наткнулся на наших ездовых.

— Солдатики, дайте мне лошадь, — крикнул он.

Ранжиев отстегнул подручную лошадь, и Врангель быстро на нее взгромоздился. Большой рост, золотые генеральские погоны и синие штаны с красным генеральским лампасом не ускользнули от внимания красных, и несколько конных пустились его преследовать. Но за лошадью Врангеля болталась вага, подпрыгивала на кочках и отпугивала лошадей преследователей. Так и Врангелю и нашим ездовым удалось спастись.

Со следующего дня Врангель стал носить черкеску и ездить верхом. На боку его висел маузер, который он уже никому не дарил. В черкеске Врангель был хорош. Он напоминал немного Великого Князя Николая Николаевича и был популярен среди казаков.

Командир нашего взвода капитан Шапиловский³⁰⁵ на кургане остался тоже без лошади. Он вскочил в нашу пулеметную тачанку (тарантас). Но в это самое время в запряжку нашего пулемета въехал красный кавалерист, который явно не справлялся со своей лошадью. Стоя в тарантасе, Шапиловский стрелял в него в упор шесть раз, пока в револьвере не осталось патронов, но промазал. Тогда он страшно обругал красного кавалериста:

— Да провались ты ко всем чертям, так-то и так-то.

Сконфуженный кавалерист уехал, и тачанка могла спастись. И это не все. В Урупской явился казачонок 16 лет на крестьянской лошади. Ему дали винтовку, 5 патронов и определили в обоз. Когда началась атака, казачонок струсил и хотел удрать, но необъезженная лошадь не пошла, а уткнулась за нашей вещевого повозкой, удирав-

шей по степи. На вещевой повозке сидел денщик командира батареи. Он и рассказал:

— Казачонка догнал красный кавалерист и полоснул по голове шашкой. На казачонке была баранья папаха, он мотнул головой и выстрелил, не прикладываясь, из винтовки. Красный упал. Та же участь постигла и второго, и третьего красного кавалериста. Баранья папаха спасла казачонка: красные матросы плохо рубили с седла. Голова казачонка была исполосована, и он так струсил, что ничего не помнил. Но когда денщик рассказал ему об его подвиге, то он приосанился и пошел просить у Врангеля Георгиевский крест. Уж не знаю, получил ли он его. Сомневаюсь.

Наша лава, заметив противника, вильнула влево и уклонилась от боя, не предупредив нас.

Это был единственный случай, когда мы в бою потеряли две пушки. Больше терять в бою не пришлось. Случалось, что мы сами уничтожали орудия, но в бою больше не теряли.

Бой под Урупской оставил у меня самое неприятное впечатление. Я стал бояться и понял, как важно приучить лошадь не балдеть и давать сесть в седло, потому что остаться без лошади — это смерть.

Бесскорбная

Наш прорыв на Урупскую облегчил нашей пехоте взятие Армавира. Красные создали новый фронт у станицы Бесскорбной, чтобы защитить большую станицу Невинномысскую.

Батарея очень быстро получила две пушки взамен потерянных. Под Бесскорбной мы были уже снова 4-орудийной батареей. Но снарядов было катастрофически мало. Одно время на всю батарею осталось две шрапнели. Батарея все же выезжала и следовала за полками, чтобы подбодрить наших и чтобы красные не догадались, что мы почти безоружны. К нашему счастью, у красных был тоже недостаток патронов. Станица разделена рекой Уруп надвое. Мы занимали южную, красные северную часть. Дошло до того, что стрельба вовсе прекратилась. Обе стороны смотрели друг на друга через реку. Так длилось два дня, потом мы получили немного патронов и снарядов, очевидно, красные тоже, потому что стрельба возобновилась, но редкая.

Тут мы узнали, что Германия проиграла войну. Это дало нам надежду, что теперь «союзики» нам помогут деятельно, и мы кричали «ура». Как мы были наивны!

* * *

Наш взвод стоял на позиции, не стреляя. Послали одного офицера за едой. Он привез большущий котел с кусками гусятины. Офицеры бросились и как дикари стали хватать руками куски. Брат и я были новичками и, не желая подражать этой толкотне, стояли поодаль.

Капитан Мей³⁰⁶, командир нашего 4-го орудия, обратился к нам:

— Что же вы не берете?

Мы подошли, но в котле остались одни кости. Мей это заметил.

— Вот вы и остались без еды. А я видел, как некоторые хватали по два и даже по три куска.

— Спасибо, мы не голодны.

— Вы так же голодны, как и все остальные. Только у вас заметно еще воспитание, которое исчезло у других.

Это было все.

Вечером Мей пригласил брата и меня поместиться на его квартире. Это было исключительное внимание к новоприбывшим. Дело в том, что Мей пользовался большим авторитетом в батарее. Опытный офицер 64-й бригады, он был старый дроздовец, носил золотое оружие с георгиевским темляком. Он был латыш, большого роста, хмур с другими и мил с нами. Это возбуждало зависть.

Мей что-то хотел показать брату. Из его бумажника выпала картонка, разрисованная как погон.

— Что это такое? — спросил я.

— Это членский знак монархической организации. Лычки-поперечины обозначают чин. Чем больше лычек, тем выше чин, и члены обязаны ему повиноваться.

— Существует еще эта организация?

— Не знаю. Это было в Румынии. С тех пор ничего не слышал о ней.

Как я узнал впоследствии, Мей не преминул рассказать командиру батареи, полковнику Колзакову, об истории с кусками гуся. Колзаков, в присутствии старших офицеров, жаловался на одичание нравов и выразил желание, чтобы среди разведчиков, которые ездили за ним, находились лучшие офицеры, и назвал нас таковыми. Это стало известно всем офицерам, кроме нас, понятно. Как! Только приехали и уже оказались лучшими, а мы, старые, оказались худшими?! Нас стали бойкотировать. Но повторяю, мы этого не знали, что позволило нам остаться естественными.

Как-то под Спицьевкой все полковники находились на кургане. Я подошел к кургану. Вдруг полковник Колзаков спустился с кургана и

пожал мне руку, чем меня, простого коновода, смутил. Подобное повторялось не раз с братом и со мной.

У разведчиков был излишек офицеров. Они ездили за командиром батареи и несли службу связи, командовал ими полковник Андриевский³⁰⁷. Им посылали с донесениями. Это были аристократы батареи, без определенных занятий. Мы попали в разведчики после взятия Ставрополя.

Армавир

Наступил октябрь. Нашу дивизию оттянули в Армавир на отдых. Я забыл разнуздать Ваньку. Поручик Абрамов, который был дневальным при лошадях, объявил об этом во всеуслышанье. Я был очень сконфужен этой оплошностью. Но каково было мое недоумение, когда, придя на коновязь, я нашел Ваньку все еще взнузданным. Абрамов это заметил и не разнуздал. Это было недоброжелательство. Сколько раз потом мне приходилось разнуздывать чужую лошадь и наедине сообщать о том забывчивому всаднику. Бедный Ванька простоял всю ночь взнузданным.

В Армавире много армян. Нас поместили в доме армянина-торговца. Хозяин, молодой человек, выразил нам свое восхищение, что мы сражаемся против большевиков.

— А почему вы не сражаетесь против большевиков?

— Я?!

— Да, вы.

— Вы же солдаты — это ваше дело.

— Вы думаете, что мы родились с ружьем в руках? Мы были частными людьми и пошли добровольцами.

— Но у меня магазин, торговля. Что станет с магазином, если я пойду воевать? Нет, я не могу.

— Если магазин мешает вам исполнить ваш долг, то подарите его кому-нибудь.

— Вы шутите?

— Тогда если мы все разойдемся по нашим делам, то не останется никого, чтобы помешать коммунистам разграбить ваш магазин и повесить вас вдобавок.

После этого хозяин больше не показывался.

Было много эгоистичных трусов, которые нас восхваляли, но не считали себя обязанными следовать нашему примеру. Война ведь вредна для здоровья.

В Армавире я познакомился с прапорщиком Ушаковым. Он хорошо пел Вертинского и ездил на чудной вороной кобыле Дуре, ко-

торую мне часто приходилось держать как коноводу. Свое имя она получила потому, что очень близорукий Ушаков совал ей удил не в рот, а в нос. Лошадь пятилась и задирала голову, а Ушаков в ярости кричал: «Дура!» Так Дурой она и осталась.

В это время наша пехота отбросила красных за Невинномысскую и подошла к Ставрополю, главному городу Северного Кавказа, за который уже давно велись бои. Из Армавира поездом нас привезли в Невинномысскую. Там мы видели Кавказские горы в виде силуэта и видели оскверненную церковь. Губы святого были прострелены и в дырку вставлен окурок. Мы поили лошадей в реке Кубани. В Тифлисской и Екатеринодаре это широкая, мутная и глубокая река, а в Невинномысской — каменистый прозрачный поток, который мы перешли вброд.

На Ставрополь

Из Невинномысской дивизия двинулась на север. У дороги увидели труп, очевидно офицера. Глаза были или выколоты, или съедены воронами. Все побежали смотреть. Я боялся трупов, — еще, не дай бог, приснится — и всегда от них отворачивался. Меня поражало это болезненное любопытство у других. Ведь ничего красивого нет, а часто ужасный смрад. Дальше часто стали попадаться трупы, уже с месяц тут шли бои. Никто больше не бегал смотреть, трупов было слишком много. Все они были раздеты, очевидно ограблены крестьянами. Узнать было нельзя — наши или красные.

Если во время похода видели в степи гусей или лошадь, они становились нашей добычей. Это не считалось предосудительным. Мы жили за счет страны, особенно потому, что мы больше не были на Кубани, нам сочувственной, а в Ставропольской губернии, нам враждебной. Часто видели в степи дроф. Как-то заметили в степи свиней и послали двух человек захватить для нас поросенка. Но конные подъехали, постояли и вернулись.

— Почему вы не взяли свиней?

— Они жрали людские трупы.

* * *

В селе Темнолесском мы нашли много нашей пехоты. Над мелколесьем, что осталось от темного леса, были видны купола Ставрополя и особенно одной очень высокой колокольни. Наша дивизия пошла влево в обход. После большого похода верст в 60, под мелким дож-

дем, мы ночевали в селе Сентилеевском. Хозяйка приготовила нам чай, который мы пить не стали: из чайника когда-то разливали керосин, а она его не вымыла.

На другой день мы пошли дальше и вошли в область лесов и оврагов. Стало уже холодно, особенно по ночам.

После трудного и долгого похода под дождем и ветром, в темноте, мы пришли в деревню Марьевскую. Ведя Ваньку в поводу, я пошел на квартиру, отведенную для 4-го орудия. Но поручик Клиневский мне объявил, что дом тесный и места больше нет, и захлопнул дверь перед моим носом. Неприятно пораженный такой враждебностью, я постоял и пошел искать квартиру в соседних домах. Все двери были заперты, и на мой стук и просьбу впустить мне решительно отказывали. У меня еще была вежливая система. Вскоре я усвоил требовательную систему, которая давала лучшие результаты. Брат был еще чем-то занят при орудии. Впоследствии я подружился с Клиневским, и он со смехом рассказал мне, что отказ впустить меня был следствием бойкота. Наконец я наткнулся на женский монастырь. На мой стук монашка, не открывая ворот, отказалась меня впустить.

— Разве это по-христиански отказывать в гостеприимстве и оставлять усталого человека ночью в холод на улице?

Это подействовало. Шепот, потом:

— Мы боимся одиночного человека.

— Мой брат сейчас придет. Не бойтесь. Я до смерти устал и голоден.

Снова шепот, потом ворота приоткрываются. Я поставил Ваньку в конюшню, вошел в дом, снял фуражку, перекрестился на иконы и затем поздоровался. Это, видимо, успокоило монашек, боязливо за мной наблюдавших. Мало-помалу отношения наладились. Дали воды умыться, полотенце. Накрыли стол, появился самовар. Постелили на полу две постели.

Когда пришел брат, он с удивлением огляделся:

— Ты хорошо устроился.

Разговорились, и я, накормив лошадей, заснул под чтение Апокалипсиса.

Кормежка

Я регулярно поил и кормил Ваньку. Вечером это было трудно. После похода и боя мы падали от усталости. Ставили лошадей на конюшню, давали сена и сами тотчас же засыпали. Когда хозяйка, готовив-

шая нам еду, объявляла, что готово, никто не хотел есть, а продолжали спать, попросив хозяина напоить и накормить лошадей. Ели утром.

Для сна мы не раздевались, иногда снимали сапоги. Спали и слушали. Если раздавались выстрелы, то вставали как автоматы и просыпались в конюшню, седлая лошадей. Промедление могло стоить жизни.

Вечером я всегда боролся со сном и в конце концов вставал и шел в конюшню. Во-первых, я полюбил Ваньку. Во-вторых, я не доверял крестьянину, может быть красному. В-третьих, от хорошего состояния Ваньки зависела моя безопасность. Ведь завтра возможно бегство («драп», по-нашему), и я не хотел, чтобы Ванька сдал. Не могу вспомнить ни одного случая, когда бы я не накормил Ваньку, конечно, если была возможность кормить. Иногда простаивали ночь в поле, не евши и не кормя лошадей. Всякое бывало. Тогда разнуздывали и отпускали подпруги. Я расседывал и протирал спину лошади, другие этого не делали. Ложился на землю спать, держа в руках повод, и каждые полчаса менял место. Летом — чтобы конь мог пастись, зимой — чтобы не замерзнуть.

Итак, победив сон, я шел в конюшню. С помощью каганца (черепок с деревянным маслом и тряпкой, скрученной в фитиль и зажженной, дающей очень мало света) достаешь воду из колодца, много воды. Если колодец глубокий, то это не шуточная работа. Ни спичек, ни свечей, ни керосина во время революции не было. Никто не работал, все только воевали.

Я давал Ваньке воды вволю, конечно, поил Рыцаря, коня брата. А другие лошади? Они смотрели на меня с доверием и вздыхали. Я их всех знал и держал как коновод. Я ругался, но поил всех. Офицеры это заметили и решили, что могут спать спокойно — Мамонтов напоит лошадей. Мало-помалу это вошло в обычай. Мне это не было неприятно. Установилось доверие между лошадьми и мной, и как коновод я мог держать больше лошадей, чем другие. Лошади больше не старались вырваться. Мне даже сдается, что мне никогда не приходилось держать трех лошадей, предписанных по уставу, а всегда больше. А раз я смог увести от красных 12 лошадей, да еще при стрельбе и панике.

Так как я никогда не распускал лошадей и подавал их вовремя, то каждый офицер хотел, чтобы я держал его лошадь. Но бойкот вмешался даже в дело коновода.

Как-то я напоил всех лошадей, не подумав, что капитан Барский приехал позднее. Лошади это не повредило бы, она уже с час стояла

в конюшне. Но Барский воспользовался случаем, чтобы разыграть неприятную сцену.

— Если вы не знаете, что горячую лошадь поить нельзя, то лучше бы вам служить в пехоте. Я вас не просил поить мою лошадь, — демонстративно он поседдал свою лошадь и проскакал на ней.

Формально он был прав, но перебарщивал. Я объявил во всеуслышанье, что больше до чужих лошадей не дотронусь — поите, мол, сами. На самом же деле я их поил по-прежнему, кроме коня Барского, которого я отказывался держать как коновод.

— Не могу взять вашего коня, у меня уже большее число, чем предписано по уставу. — И тут же брал коня другого офицера.

Думаю, что Барский жалел о своей выходке, потому что наш бойкот вскоре кончился и настала моя очередь бойкотировать Барского.

Бедный был убит во время десанта на Кубань в августе 1920 года.

Ставрополь

Мы выступили очень рано из Марьевской и шли лесом часа полтора. Батареею вызвали вперед. Мы вынырнули из оврага. Лес обрывался, и перед нами было большое поле, а за ним начинался город Ставрополь. Все поле было покрыто кавалерией, совсем близко от нас. Развевалось несколько красных знамен. Это были красные.

Батарейя тут же, на краю оврага, снялась с передков и ахнула по кавалерии картечью. Неожиданность была полная. Красные знамена исчезли, кавалерия смешалась и побежала. Наши полки выскочили из леса и атаковали бегущих. Стрелять больше было нельзя, чтоб не задеть наших. Батарейя взялась впередки и рысью пошла за полками. На спинах бегущих мы вошли в город.

Удар во фланг удался блестяще. У красных началась паника, и этим мы облегчили задачу нашей пехоте, наступавшей с другой стороны.

Первым зданием города был женский монастырь. Когда мы проходили мимо него, из ворот выскочила монашка, бегом догнала нашу санитарную двуколку, прыгнула в нее на ходу. Это был переодетый офицер. В предыдущем бою он был ранен и скрылся в монастыре. Монашки его не выдали. Теперь он плакал и смеялся, что опять попал к своим.

С налета казаки прошли до центра города, но в городе конница плохо применима. Красные пришли в себя, оправились и нас из города вытеснили. У красных в Ставрополе были очень крупные силы.

Наша батарея поднималась по узкой крутой улице, когда мы встретили отходящих казаков. Чтобы повернуть батарею, пришлось отцеплять орудия, поворачивать запряжки и снова прицеплять орудия. Чтобы избежать паники, мы шли пешком, а коноводы вели лошадей.

Один красный стрелок взобрался на высокую колокольню и оттуда пускал нам пулю за пулей. Но он волновался и мазал. Вдруг я услышал, как пуля во что-то ударила. Шедший впереди меня поручик Виноградов обернулся:

— Я ранен, посмотрите куда, где-то на спине.

Я осмотрел спину, но крови нигде не заметил. На срезе карабина, который был за спиной у Виноградова, я увидел след пули.

— Меня как палкой по спине ударило.

Несколько дней спина Виноградова болела, но все же карабин спас его.

Мы вернулись к монастырю и провели ночь на площади перед ним. Орудия по очереди стреляли всю ночь по городу, каждые четверть часа. Это действует на нервы. Причем лучше разбрасывать снаряды без всякой системы. Так никто не знает, куда упадет следующая граната.

* * *

Я пошел в монастырь и постучался. Монашенки отказались открыть. Но я уже знал, что говорить.

— Вы отказываете просящему погреться, разве это по-христиански?

Я подождал, но ответа не было. Я ушел и устроился в башне, над воротами. Лег на пол. Пошел первый снег в этом году, но я был закрыт крышей над башней. Вдруг появилась монахиня.

— Это вы стучались к нам?

— Да.

— Так пожалуйста. Приведите ваших друзей. Мы вас ждем.

Я был удивлен. Особенно тем, что она меня нашла среди стольких. Я пригласил брата, Мея, Виноградова, Мукалова и еще кого-то пить чай. Они вытаращили глаза и думали, что я шучу, но пошли за мной. Стол был накрыт, шипел самовар, сидел священник, монашки прислуживали.

Ах, как приятно было выпить чаю в теплом и сухом помещении. Мы сердечно поблагодарили и разошлись. Я лег в своей башне, подложив под голову котелок. Даже выстрелы нашей батареи мне не мешали. Я крепко заснул, и мне чудилось, что сплю я в своей кровати в Москве. Утром был даже удивлен — где я?

В обход

На следующий день решили охватить город еще больше. Послали наше орудие (4-е) с двумя сотнями казаков влево. Плоскогорье было перерезано тремя глубокими балками-оврагами. Наша лава пошла ходко, не встречая сопротивления. Сотни переходили овраги поперек, а орудие должно было следовать по дороге, которая шла зигзагами. Поэтому мы отстали. Когда мы выбрались на гребень третьего оврага, то встретили нашу отходящую лаву под сильным огнем красных. Мы повернулись и пошли крупной рысью, а иногда галопом. Казаки были уже на другом краю балки, а мы еще внизу, когда на гребне появилась красная пехота и стала палить по нас. Так было в каждой балке. Пехота бежала, надеясь отрезать нам путь отступления, а мы скакали что есть мочи. Наконец мы выбрались на ровное место и крупной рысью смогли оторваться от преследования.

Мы шли мимо крайних домов города и заметили слишком поздно казака, который делал нам знаки нагайкой. В этом месте улица выходила в поле. Как только орудие стало пересекать продолжение улицы, там где-то заработал пулемет. Орудие перешло на галоп и благополучно достигло закрытого пространства, за домами на той стороне.

Все же пулеметная лента прошла как раз через орудие. В переносе выносе легко ранен ездовой в плечо и прострелено ухо его лошади. В корне тоже легко ранена лошадь. Но больше всего повезло брату. У Рыцаря было три царпины, одна на гриве и две на крупе, и полшубок брата был прострелен. У меня сердце екнуло: дрогни немного рука наводчика и... У нас с Ванькой ничего не было.

* * *

Наша дивизия была вынуждена выйти из города. Красные думали, что мы отступаем, и погнались за нами. Но просто Врангель вывел конницу из узких улиц в поле. Тут мы должным образом встретили красных и загнали их опять в город. Результат нашего флангового удара оказался. Наша пехота нажала с другой стороны, и красные уходили из Ставрополя.

Последняя граната заклинилась в нашем орудии, и, несмотря на все наши усилия, извлечь нам ее не удалось. В это время раздался радостный крик:

— Квартирьеров в Ставрополь!

Радостная дивизия пошла в город, а наше орудие получило приказание под начальством поручика Виноградова и с несколькими но-

мерами (в том числе и я) идти в наш обоз за 25 верст. Там техник инструментами вытащит гранату. Мы были неприятно поражены этим приказанием. Тем более, что наступил вечер, дороги в этот хутор мы не знали и проводника взять было негде. Решили идти по карте.

Все, радостные, пошли в город, а мы, утрюмые, пошли в другом направлении.

Странная ночь

Наступила ночь, было ветрено и холодно. Мы пошли рысью по громадному полю. Иногда ветер рвал облака и луна освещала белые раздетые трупы. Они были всюду. Лошади их пугались и шарахались. Сознаюсь, и мне это зрелище было неприятно. Наконец мы спустились в лес. Ветер стих, но пошел дождь. Я закутал голову мешком. Тьма в лесу была кромешная. Вдруг мы увидали направо огонь. Орудие остановилось, и Виноградов послал меня посмотреть и расспросить о дороге. Я углубился в лес. Может, это разбежавшиеся красные развели костер? Я достал карабин из-за плеча и взвел предохранитель. Небольшая полянка, и за орешником на холмике пылал костер. Я послал Ваньку и выехал наверх. Я был в недоумении — горел ярким пламенем пень. Никого кругом. Они слышали мое приближение и спрятались.

Я внимательно осмотрел траву вокруг пня. Трава была не измята, даже капли висели на ней.

В это время Ванька фыркнул и грива его встала дыбом. Я почувствовал, как первобытный страх охватил его и от него передался мне. Ванька повернулся на задних ногах и поскакал к орудию. Я же его не удерживал, а пригнулся, чтобы избежать веток. Когда я услышал голоса наших, то сразу пришел в себя и перевел Ваньку на рысь.

— Что там?

— Пень горит и никого нет.

— Вы так скакали, что мы подумали, что вас преследуют.

— Хм...

До сих пор не могу понять, как это пень один без людей горел под дождем? Это не был фосфорический свет гнилого дерева, а яркий огонь.

Еще непонятно, как я мог скакать по лесу и не зацепиться. Лес там крючковатый. Там и днем-то не проскачешь.

Холера

Поздно ночью мы все же нашли хутор и наш обоз. Пол дома был сплошь покрыт спящими солдатами: портные, сапожники, шорники и кучера, не было свободного места. Но под окном широкая лавка была почему-то свободна. Какое везенье! Шагая через спящих, я положил седло в головы, накрылся шинелью и тотчас же заснул. Как раз подо мной лежал больной, который стонал и мешал спать. Помню сквозь сон, что хозяин давал ему пить. А я, к стыду своему, посылал его мысленно к черту.

Когда я проснулся, было утро, солдат уже не было, кроме больного, который спал. Наши офицеры собирались пить чай за столом в другом углу хаты. Я полез в сумы за сахаром и неловко зацепил спящего. Он не шелохнулся. Я посмотрел на него внимательно — он был мертв. Конечно, чаепитие расстроилось. Позвали доктора. Он указал на седло и мою шинель.

— Кто здесь спал?

— Я.

— Как вы себя чувствуете?

— Спасибо, хорошо.

— Покажите язык... Не приближайтесь ко мне. Нет у вас слабости и кровавого поноса?

— Доктор, объяснитесь, в чем дело?

— Он умер от холеры, а вы провели ночь рядом с ним.

Наступило неловкое молчание. А через четверть часа у меня появилась слабость и кровавый понос. Слабость увеличивалась.

Доктор потребовал, чтобы я остался в обозе.

— Ни за что на свете. Если я действительно болен, то нужно лечиться в городе. Там мой брат.

Все стали меня уговаривать остаться, и я понял, что они боятся заразы и могут силой запереть меня в амбар, чтобы от меня отделаться. Я решил не спорить.

— Хорошо, я останусь. Отведу Ваньку в обоз.

Это решение всех успокоило, и меня оставили в покое. Я так ослаб, что не мог поднять седло, чтобы поседлать Ваньку. Пришлось вцепиться в Ванькину шерсть и, перебирая ее, поднимать седло. Я был близок к обмороку, холодный пот струился по всему телу. Я повел Ваньку не направо в обоз, а налево к Ставрополю. Сесть в седло я уже не мог, мне пришлось, как в детстве, влезть раньше на забор и оттуда в седло. Ванька понимал, что что-то не так, он стоял смирно. Я шагом пошел к городу.

Вскоре наше починенное орудие меня догнало.

— Как ты? Почему ты не остался в обозе?

— Пошли к черту с вашим обозом. Это самый верный способ сдохнуть. Не бойтесь. Я поеду сзади и вас не заражу.

Пока ехали шагом, было сносно. Но вот орудие пошло рысью, и я с отчаянием почувствовал, что сейчас свалюсь. Сил не было. Я вцепился в Ванькину гриву и не свалился.

Выглянуло солнце, птички защебетали, ездовые запели хором, мы увидели золотые купола Ставрополя, и я как-то отвлекся от своей болезни.

В городе нас встретили овацией, барышни нам улыбались и бросали цветы, толпа нас приветствовала. Одна дама бросилась и поцеловала мой грязный сапог. Виноградов повернулся ко мне:

— Мамонтов, подравняйтесь.

Я занял место в ряду. Мы приосанились. Только прибыв на квартиру и расседывая Ваньку, я вдруг вспомнил холеру. Сразу же я почувствовал слабость, но уже не так, как прежде.

Я открыл дверь дома. Посреди комнаты был накрыт стол белой скатертью, стояли всякие яства и бутылки. Наши офицеры окружали интересную брюнетку в цыганской шали, с ногами сидящую на диване. Она перебирала струны гитары и грудным голосом пела:

Для тебя одной я живу еще,
Для тебя одной льется песнь моя.
Моя деточка, моя милая,
Моя ласточка перелетная...

По всей видимости, здесь не скучали. Держась за косяк двери, я слабым голосом сказал:

— Федя, я очень болен.

Дружный взрыв хохота приветствовал мои слова.

Капитан Мукалов вскочил и налил мне полный стакан водки:

— Вот лучшее лекарство.

«Что же, — подумал я, — водка должна продезинфицировать кишки».

Я залпом выпил, и приятная теплота разлилась по всему телу. А когда певунья сказала:

— Идите сюда, я вас вылечу, — я забыл все и свою холеру.

Много позднее я познакомился с теорией Куэ (самовнушение). Я понял, что сделался жертвой самовнушения от глупых слов доктора. Конечно, доктор сам не знал, от чего солдат умер. Хата была

полна народу, все спали с ним рядом, и хозяин поил его, а доктор придрался только ко мне. Но я глубоко уверен, если бы я тогда остался в обозе, я бы умер от самой настоящей холеры.

Дубровка

Из Ставрополя красные отступили к северу и укрепились в селе Михайловка. После нескольких дней отдыха в городе наша дивизия пошла на север. Было несколько боев, но мы не смогли взять Михайловки. Тогда переменяли тактику. Дивизия выступила ночью и пошла влево, не встречая противника. Рассвело, и вдруг сзади прилетели несколько шрапнелей и лопнули над нашей колонной.

— Наши артиллеристы спятили — стреляют по своим.

— Нет, это не наши, а красные стреляют.

— Как красные? Сзади?

— Мы находимся в их тылу. Ночью мы миновали фронт.

— В тылу? Хм... а если... неудача, что мы тогда будем делать?

Мы впервые шли в тыл красных и робели. Но вскоре убедились, что страх красных гораздо больше нашего.

Мы стояли на бутре, внизу деревня Дубровка, очевидно база красных. При первом же выстреле там произошла невероятная паника. Неожиданность нашего появления была полная. Сотни подвод неслись в разные стороны из деревни, по дорогам и без дорог, сталкивались, опрокидывались. На мосту случился затор. Впоследствии мы часто ходили по красным тылам и у нас создался опыт использовать первую неожиданность и панику. А в Дубровке мы потеряли много времени в нерешительности. Все же это была легкая победа. Несколько снарядов, пущенных в деревню, довершили панику. Мы захватили большую добычу, пленных, а главное — посеяли панику во всей округе. Появилась с севера красная пехота, но после нескольких шрапнелей пустилась бежать.

Возвращаясь, мы зашли в тыл Михайловке и на этот раз с легкостью ее заняли. Все же мы были рады наладить контакт со своей пехотой, которая нас встретила как героев (довольно робких героев!).

Думаю, что у нас потерь не было или очень мало.

* * *

Генерал Врангель получил командование над нашим конным корпусом. В него вошла наша дивизия и дивизия полковника Улагая.

Не знаю, из-за какой протекции Врангель затребовал брата и меня для службы в штабе корпуса. Но мы уже сжились с батареей, с людьми и лошадьми и не хотели с ней расставаться. Мы отказались. Это понравилось командиру батареи и нашим товарищам, и бойкот прекратился. Нас окончательно приняли в батарейную семью. Нас перевели в разведчики батареи.

Степь оживает

Я выбрал самый высокий курган. Ваньке пришлось карабкаться, чтобы взобраться на него. Сверху открывался широкий вид на безграничную степь, усеянную курганами, свидетелями былой буйной жизни.

Длинные колонны конницы пересекали степь.

«Как прежде», — подумал я.

Я насчитал пять колонн. В ближайшей, нашей, были видны всадники в бурках и папахах, слышался шум повозок, изредка ржание коня. Дальше колонны казались темными лентами, едва двигавшимися. Пять бригадных колонн не шутка. Мне казалось, что я превратился в монгольского хана и перенесся в XIII век. Я почувствовал ту же гордость и радость, что чувствовал, должно быть, монгол.

Колонны двигались на северо-восток. Неглубокий снег не всюду покрывал сухую траву, было холодно.

Кугульта

Наша колонна пришла первой. Полковник Топорков оставил полки в низине, скрыв их от глаз противника. Он взял полусотню казаков и нашу батарею и направился в сторону красных. Перед нами были цепи красной пехоты. Мы посылали им редкие шрапнели не столько для поражения, но чтобы дать знать другой колонне, которая должна была взять их с тыла, о нашем присутствии. Красные, воодушевленные нашим незначительным числом и редким огнем, шли в нашу сторону. Их пули стали чаще «цыкать» мимо наших ушей. Мы уже подумывали об отходе, но Топорков, казалось, ничего не замечал. Он смотрел вдаль.

— Наконец-то, — воскликнул он. — Вот они.

Далеко в тылу красных лопнули шрапнели. Красная цепь остановилась.

— Это психологический момент. Нужно их атаковать немедленно. Наши полки слишком далеко... Ну, артиллеристы, шашки вон и пошли с Богом.

Полусотня и мы, артиллеристы, развернулись в лаву. Наш трубач протрубил атаку, и мы пошли, сперва рысью, потом перешли в галоп. Огонь красных усилился. Я пригнулся к шее Ваньки и, как в Урупской, потерял голову.

— Что ты кричишь? — сказал мне товарищ. — Все уже кончено.

Очень сконфуженный, я пришел в себя. Наша атака удалась. Человек 60 красных сдалось, несколько было зарублено, остальные бежали вдали. У нас было двое легко раненных.

Наши полки проходили мимо нас на рысях для новой атаки.

— Молодцы артиллеристы, хорошо сработали! — крикнули казаки. Мои товарищи ответили шутками, я же молчал.

Кирилл и Мефодий

Мы ночевали в Кугульте. Был сильный мороз. Хозяйка наша была не в духе. Наконец она не выдержала:

— Не стыдно вам? Сами сидите в тепле, а солдат своих держите в сарае, при таком морозе. Они же там замерзнут.

Мы выпучили глаза от удивления. Наши солдаты были прекрасно расквартированы за три дома от нас.

— Какие такие солдаты?

— Нешто я знаю? Их с десятков в сарае.

Мы взяли карабины и пошли в сарай. Нашли 7 красных, разбежавшихся накануне. Они зарылись в солому. А мы и не подозревали их присутствия. Если бы они были посмелей, то могли ночью нас перерезать или увести лошадей.

Мы не знали, что делать с нашими пленными. Надо отдать их казакам.

— Они же их расстреляют, — сказал брат. — Давайте оставим нам двух. Они будут готовить еду и убирать лошадей.

Выбрали двух. Одного пожилого Кирилла, другого помоложе назвали Мефодий. Мефодий был разбитной и сразу сумел войти в нашу солдатскую среду. Я вижу его сидящим на нашей вещевой повозке рядом с кучером и всегда с гусем под мышкой. Кирилл же был застенчив. На следующий день я встретил его на улице.

— Почему ты не сидишь в хате при таком холоде?

— Ничего, я люблю холод. Прогуливаюсь.

Заподозрив что-то, я пошел к солдатам и спросил причину.

— Мы не желаем этой красной свиньи у нас в доме.

Вот те на! А Мефодий сидел тут же, и сами ездовые забыли, что их выбрали из пленных. Я взял Кирилла к нам в хату. Он оказался услужливым и довольно развитым. Вскоре их обоих демобилизовали и отослали по домам.

Разное

Был дикий мороз, и выбрали как раз этот день, чтобы чистить оружие. Чистили оружие два раза в год, при случае. А чистить при морозе — просто зверство. Нельзя прикоснуться к стволу, кожа прилипает и отрывается.

Из Кутульты мы пошли на восток и заняли Константиновку, из которой красные нас дважды выбивали. Дело в том, что к селу со стороны красных примыкает плоскогорье, с которого село хорошо обстреливается. Так что Константиновку мы брали три раза.

Кроме Константиновки, были бои и походы. Но название деревень не записал, а бои забыл. Обыкновенно запоминается победа или скверная ситуация, а каждодневный нудный бой, под морозящим дождем, без решительной атаки легко забывается и уступает место в памяти какому-нибудь красочному событию. Так, однажды под вечер, под дождем, при затихающем бое, на нашу батарею прискакал великолепный комиссар, весь в звездах и красных бантах. Он стал распекать батарею за то, что она не следует его приказаниям. Глядя на него, мы глазам не верили и немного опешили. Он принял нашу батарею за свою и заметил свою ошибку слишком поздно. В его седельных сумках было много денег.

В дивизии появилась казачья конная батарея. Неважная, по отзывам самих казаков. Работала она в другой бригаде, и мы редко встречались.

Петровское

Вдоль реки Кальмиуса находится высокое плоскогорье. Оно возвышается над степью метров на 500. Наверху совершенно ровная плоскость, переходящая в Маньчские степи. Внизу когда-то было море. Края обрывов покрыты окаменелыми ракушками. Обрывы очень круты и представляют натуральную крепость. Это плоскогорье находит-

ся к востоку от реки Кальмиуса Маленький городок Петровское лежит у подножия обрыва и служит углом плоскогорью, которое тут уходит на восток Сама река вырыла глубокое, метров в 50, ущелье. Для всадника оно непереходимо. В Петровское попадаешь по железному мосту через реку. Из Ставрополя через Петровское идет железная дорога на север в Дивное и из Петровского ветка на восток на Благодарное.

Дивизия осталась в Константиновке, а батарею, под начальством полковника Шафрова, послали к Петровскому произвести демонстрацию. С нами было 29 казаков Корниловского полка как прикрытие. Дивизия Улагая наступала на плоскогорье, и наша батарея должна была отвлечь внимание красных.

Мы выступили поздно и подошли к Петровскому часов в 5 вечера. Противника мы нигде не встретили. На плоскогорье, к северу от Петровского, шел бой, лопались шрапнели и казалось, что бой движется вправо, то есть Улагай наступает. Посланный в Петровское разъезда не обнаружил красных. Мы стояли в степи перед мостом.

— Что нам делать? — сказал полковник Шафров. — Начинает смеркаться, и пошел снег. Мне вовсе не улыбается идти 24 версты опять в Константиновку. Есть вероятность, что Улагай займет Петровское. Пойдемте туда его дожидаться и там проведем ночь

Удивительно, что никто из наших опытных капитанов не протестовал против такого легкомыслия.

Мы перешли мост и по узкой кривой улице вышли на площадь. Мы поставили орудия на площади, распрягли их, увели лошадей в конюшни и заняли дома вокруг площади. Конюшни же не выходили на площадь, а на улицу за площадью. В общем, расположились как у себя дома, без всякого охранения конечно. Правда, лошадей не расседывали.

— Мне эта авантюра вовсе не нравится, — сказал мне брат.

— Почему?

— У нас только один выход — узкая кривая улица и мост. Достаточно красным занять мост десятком стрелков — и мы попались, как в мышеловке. Река непроходима даже для пешего. Наши 29 казаков не смогут ничего сделать.

— Но вся дивизия Улагая, которая придет?

— Откуда ты это знаешь, что она придет? Это только предположение Шафрова.

Наши разведчики расположились в просторном доме и, благо в доме было тепло, сняли рубашки и, при свете каганца, стали уничтожать вшей, которые на войне всегда есть.

Дверь отворилась, и появилась заснеженная фигура в бурке и папахе. Очевидно, квартирьер Улагая. Мы были оголены по пояс.

— Вы какой части? — спросил он.

— Батарея.

— Этот дом назначен для штаба дивизии. Вы должны очистить дом.

— Мы его заняли, мы в нем и останемся.

— Это мы еще увидим, — сказал он выходя. — Приказано встать по прежним квартирам. — И он исчез.

Мы смотрели друг на друга с раскрытыми ртами.

— Это вовсе не Улагай, а красные, раз они занимают прежние квартиры.

Мы стали поспешно одеваться и послали предупредить Шафрова.

Командир батареи приказал: собраться к орудиям, ведя лошадей в поводу. Не курить, не разговаривать, не отвечать на вопросы.

«Мышеловка», — подумал я.

Собрав вещи, бросился в конюшню. Она выходила на другую улицу. Чтобы попасть на площадь, нужно было пройти две улицы. Я привязал повод Ваньки узлом, и он, дергая за повод, затянул мокрые ремни узла, — я никак не мог развязать узел. Товарищи мои взяли лошадей и ушли, а я все бился с узлом. Никогда больше не завязывал поводья, а накидывал петлей на что-нибудь. Наконец, испуганный наступившей тишиной, я вспомнил о перочинном ноже в кармане и перерезал поводья. Я повел Ваньку на сборный пункт.

«Проклятая мышеловка, — подумал я. — Слава богу, что темно и идет снег — можно пройти незаметно».

Вдруг сердце мое скакнуло. На углу вырисовывались три силуэта конных. Мне нужно пройти мимо них.

Наши? Красные?.. Это красные. Они курят и громко разговаривают. Что делать? Только не останавливаться и не вызывать у них подозрения.

Сердце билось во всеушышанье. Но я продолжал идти не спеша, прижимаясь к угловому дому. Карабин был за спиной. Заряжен ли он? Конные не обратили на меня внимания, и я уже думал, что мне удастся пройти незамеченным, но Ванька, проходя, не мог не укунить одну из лошадей. Раздались ругательства.

— Надо убить такого коня да владельца вместе с ним. Ты не можешь смотреть за своей лошадей. Сволочь.

В ужасе я втянул голову и прибавил шаг. Когда отошли, я сказал тихо Ваньке:

— Ты хоть герой, но дурак. Из-за тебя чуть не влип.

Наконец площадь. Молчаливая группа — наши. Орудия уже запряжены.

— Проверьте, все ли тут, — говорит Шафров вполголоса.

— Все в сборе.

— В поводу. Шагом марш. Казаки идут сзади.

Идущая в поводу батарея меньше привлекает внимания. Мы пошли к мосту. Вошли в изгибы улицы. Несколько выстрелов сзади, потом тишина. Мы прибавили шагу. Мы узнали потом, что казаки решили использовать ситуацию. Они подходили к отдельным всадникам и просили прикурить. Когда всадник наклонялся, его стягивали с седла и пыряли кинжалом. Одному удалось вырваться, что вызвало выстрелы. Красные, не подозревая нашей малочисленности, не решились нас преследовать в темноте.

У моста стоял уже красный часовой.

— Какой части? — спросил он.

Молчание.

— Я вас спрашиваю, какой вы части?

Никто не ответил.

— Язык у вас отнялся или вы оглохли?

Вдруг он догадался. Он пытался отступить, но за ним был обрыв. Он весь съежился и замолк. Мы перешли мост.

— Стой. Садись. Рысью марш.

Какая радость оказаться вновь в степи, на просторе. Вышли из мышеловки!

Мы пошли в Константиновку.

Тревога за брата

Поздно ночью подошли к Константиновке. Тут снега не было, а была гололедица. Светила луна. Мы увидали гусей в поле и решили захватить одного для еды. Несколько человек отделились от колонны, окружили гусей и зарубили двух. Колонна уже исчезла в селе. Мы крупной рысью пошли догонять батарею. Я догнал батарею и встал на свое место. Вдруг я услышал крик:

— Лошадь поручика Мамонтова (брат был поручиком, я прапорщиком).

Я выехал туда, где кричали, и вижу тяжело дышащего Рыцаря со съехавшим седлом и оборванным поводом. Я поправил седло, взял Рыцаря и поехал назад искать брата.

— Очевидно, он упал. Почему?

Доехав до того места, где мы ловили гусей, никого не встретил. Вернулся на квартиру — брата нет. Очень обеспокоенный, я поставил Рыцаря и Ваньку в конюшню и пошел пешком опять по дороге, стуча во все дома и спрашивая, не видали ли офицера. Никто ничего не знал. Я волновался все больше.

В это время из-за туч вышла луна и осветила разорванный сапог на дороге — сапог брата. Я стал внимательно осматривать дорогу и нашел гуся и несколько предметов из карманов брата.

Тут он свалился и, вероятно, сильно расшибся, раз оставил даже сапог.

Не произошло ли на него нападение? Что делать? Пойду на квартиру и попрошу кого-нибудь идти со мной обыскивать ближайшие дома.

Тревога сжала сердце. Я стал горячо молиться. Единственно гусь меня несколько успокаивал. Если бы брата застрелили и унесли, то унесли бы, конечно, и гуся.

Я пришел на квартиру и, о радость, нашел брата. Вот что произошло.

Он шел крупной рысью, и на повороте, на гололедице Рыцарь поскользнулся и упал, сейчас же вскочил, но нога брата осталась в стремени. Рыцарь испугался и поскакал и проволоч брата саженой десять. К счастью, сапог был плохой и разорвался и освободил ногу брата. Брат был так избит о мерзлую землю, что едва пришел в себя, влез в проезжавшую повозку и доехал до квартиры. Три дня он едва мог двигаться.

Нападение

Мы стояли два дня в Константиновке. Наци офицеры играли в карты и редко выходили наружу. Брат, вследствие падения, плохо двигался, и я кормил Ваньку и Рыцаря, да за компанию и других лошадей, и часто проводил время в конюшне. На третий день я поил в конюшне лошадей, когда услышал выстрел, еще и еще. Я вышел на двор, и около меня цыкнула пуля. На краю плоскогорья стояла цепь, очевидно красные. Стрельба усилилась. Мешкать было нельзя. Я оседлал всех лошадей, проклиная наших в хате, ничего не слышащих. Потом вихрем ворвался в хату.

— Красные!

Все вскочили, стали спешно одеваться и собирать вещи. Очень обрадовались, увидев оседланных уже лошадей. Стреляли уже по всему селу. Мы бросились в парк. Ездовые запрягли. Дивизия скорей вы-

катилась, чем вышла из Константиновки. Штаб Врангеля выскочил поудастым. Несколько казаков попались в плен. Когда назавтра мы снова заняли Константиновку, то нашли их изуродованные трупы. Это очень озлобило людей, и пленных расстреляли.

К

Испуг

Меня как разведчика послали однажды ночью из Петровского в Донскую Балку, где стоял наш взвод, с донесением. Очень неприятно. Ночь темная, дороги не знаю, и она идет вдоль обрыва, занятого наверху красными. Фронта никакого нет и могут быть разъезды. Я мобилизовал местного жителя с повозкой, прицепил Ваньку сзади и сам лег на сено в повозке с карабином в руках, напряженно приглядываясь и прислушиваясь к темноте. Как я заснул, сам не знаю. Проснулся я оттого, что повозка остановилась и чиркнувшая спичка осветила трех склонившихся надо мной всадников. Кровь ударила мне в голову, схватив карабин, я вихрем скатился с повозки и юркнул в кусты. Только там я совсем проснулся и с запозданием осознал, что спичка осветила погоны на их плечах.

— Черт вас дерит, как вы меня напугали, — крикнул я робко из кустов, — я уж думал, что вы красные.

— Ха-ха. Мы и сами напугались, когда ты с карабином сиганул в кусты.

Слава богу, это был наш разъезд. Больше я не засыпал и был рад-радешенек приехать в наш взвод.

Плоскогорье

Петровское плоскогорье нас задержало на некоторое время. Обрывы были очень круты — от 400 до 600 метров высоты. Красная пехота могла легко их защищать, а нашей коннице было трудно на них взобраться. Кроме того, места, где можно было подняться, то есть где были тропинки, были редки и хорошо охранялись красными.

Все наши полки влезли наверх. Батарея лезла вслед за полками. Тропа была крута и извилиста. Упряжные лошади дымились от пота. Номера должны были все время напирать на колеса, чтобы продвинуть орудие в особенно крутых местах. Даже мне, коноводу, было трудно вести лошадей по тропе. Наконец мы достигли плоского верха и сели на коней. Но полки отступали, и пули летели роями.

— Что вы тут делаете? — крикнул нам полковник Топорков. — Проваливайтесь, и живо.

Если это говорил Топорков, ему можно было верить. Он не был паникером. Очевидно, положение было пиковое. Мы затормозили наглухо колеса орудий и спустились на рысях, чуть не опрокинув пушки.

Когда мы достигли низа, прискакал казак на взмыленной лошади.

— Приказ полковника Топоркова. Батарея, поднимайтесь поскорей. Положение восстановлено. Полковник требует вас немедленно.

Поворчали и снова полезли наверх. Но только мы вылезли на плоское, нас окатил красный пулемет. Полковник Топорков как раз начал спускаться.

— Поздно... Нужно было прийти раньше. Теперь уходите, если не хотите потерять орудий.

Мы опять скатились вниз. Несколько красных стрелков добежали до края обрыва и посылали нам пули, когда зигзаг тропы был им виден. У нас ранило двух лошадей. Вероятно, подъем длился около часа, а спуск 20 минут или меньше. Под вечер прискакал казак.

— Батарея... Приказ полковника...

Но командир батареи наотрез отказался лезть наверх. Мы встали на холм внизу и посылали наши гранаты, через гребень обрыва, наверх вслепую. Казаки потом говорили, что наши снаряды иногда ложились там, где надо.

Плоскогорье нам занять на этот раз не удалось. Но мы заняли Петровское под обрывом. На обрыве же оставались красные.

Позиции

Батарея стреляла почти всегда с открытой позиции. В Северо-Кавказских степях, совершенно плоских, очень трудно найти закрытую от глаз противника позицию. Практика показала, что при маневренной войне некогда искать закрытых позиций, а нужно действовать быстрее, чем противник.

Выкатывались на позицию на виду у противника, снимались с передков под свист пуль, подравнивали орудия на глаз и скорей открывали огонь. Тогда стрельба противника, как по волшебству, смолкала и красные бежали, потому что очень трудно вынести огонь батареи, которая в тебя стреляет в упор. Это холодит кровь и связывает все движения. Не до стрельбы, а как бы поскорей убраться. Красные ба-

тарей стреляли плохо, очевидно без офицеров. Это давало нам возможность рисковать.

Стреляли и с закрытых позиций, и даже проводили телефон, но это было редко, когда не спешили. Нормально же командир находился рядом с батареей и давал команды голосом. Стреляли ведь с малых дистанций (хорошая видимость), никогда не превышавших трех верст, а чаще много меньше. Мы установили, что стрельба картечью дает самые лучшие результаты и в смысле поражаемости, и в смысле психологическом. Параллельного веера никогда не строили.

Спицевка

С тех пор как генерал Врангель принял командование Кубанским конным корпусом, его успехи превратились в триумфальный марш. Но справа от нас, у нашей пехоты была неудача. Красные собрали значительные силы и нанесли удар с востока в направлении на Ставрополь. Они отбросили нашу пехоту у сел Спицевка и Сергеевка, угрожали Ставрополю и вышли в тыл нашего корпуса. Положение было очень серьезное.

Врангель реагировал быстро и решительно, как всегда. Он просто снял свой корпус с петровского направления, шел всю ночь, наутро ударил неожиданно во фланг прорвавшимся красным, уничтожил их и на следующий день вернулся на свои старые позиции, раньше чем красные собрались что-нибудь предпринять.

Петровское. В 5 часов пополудни нам объявили:

— Завтра дневка, ни боев, ни походов. Отдыхайте.

Это нас обрадовало, потому что каждый день были и бои и походы. Поручик Коренев и я пошли в поле, поймали барана и отдали его хозяйке жарить. Я отдал белье стирать.

Но в 9 часов вечера новый приказ:

— Седлать, заамунничивать. Выступаем через 15 минут.

Вот тебе и отдых! Забрали недожаренного барана. Я засунул в сумы седла мокрое белье. Бог знает, когда и где оно теперь высохнет. Наступила ночь. Впоследствии мы узнали, что это сделали нарочно, чтобы обмануть красных. Хитрость удалась. Предупрежденные своими агентами о нашей дневке, красные решили тоже отдохнуть. Когда же на следующий день они узнали о нашем исчезновении, опасаясь засады, они ничего не предприняли. А послезавтра мы были снова на местах с вестью об одержанной большой победе.

Мы шли впотьмах всю ночь, часто рысью, не зная, куда мы идём. Перед рассветом мы остановились в неглубокой балке. За ночь мы проделали 60 верст.

«Не курить и не разговаривать» — Это значило, что красные под боком.

Стало светать, и мы с изумлением увидели, шагах в 300 от нас, разгуливающих по гребню красных пехотинцев. В ложбине, где мы находились, было еще темно, и они нас не видели. Но посветлело, и раздались отдельные выстрелы.

— По коням. Садись. Шагом марш!

И несколько колонн конницы стали молча, не отвечая на выстрелы, подниматься на бутры. Огонь усилился, потом смолк. Мы не отвечали, а молча двигались. Это неожиданное появление на их фланге масс конницы вызвало у красных панику. Красные побежали. Мы перешли на рысь.

В нашем корпусе было 8, а может быть, и все 10 полков. Считая по 500 шашек на полк, это составляло от 4 до 5 тысяч шашек, не считая батареи. Это очень внушительная сила. А главное — полная неожиданность.

Мы поднимались на холмы за первым Линейным полком, пятым в нашей дивизии. В этом полку казаки носят красные башлыки. А так как казаки справляются на службу сами, то не было ни одного одинакового красного цвета, от малинового до ярко-красного. На черных бурках и на фоне белого снега это была картина незабываемая, освещенная восходящим солнцем. После стольких лет стоит только закрыть глаза — и я ее снова вижу.

Мы все шли вперед, не останавливаясь и не обращая внимания ни на сдающихся, ни на обозы. Сдавались все кругом. Мы почти не встречали сопротивления. А где встречали, там с радостью разбивали сопротивление в несколько минут и шли дальше. Приходилось проходить полями, сплошь утыканными винтовками, штыками в землю. Никогда такого количества видеть больше не приходилось. На пленных не обращали внимания, гнались за бегущими. Сдавшихся было даже чересчур много — это становилось опасно. Но психологическая победа была так сильна, что она отняла у них всякую инициативу.

Пройдя 18 верст, большей частью рысью, мы оказались перед невысокой, но крутой цепью холмов. Какая позиция для красных! Здесь под холмами скучились остатки красных дивизий. Они бежали эти 18 верст и, чтобы уйти от нас, должны были перевалить через эти холмы. Но сил и дыхания у них больше не было. Тут-то разыгралась главная атака всего корпуса. Атака целого корпуса неопишима, надо ее

пережить. Мурашки бегают по спине от восторга. Земля дрожит от топота копыт.

Батарея, охваченная общим энтузиазмом, скакала к красным, не отдавая себе отчета, что она там будет делать. Просто пришли в теплячий восторг.

Вдруг мы увидели четырехорудийную красную конную батарею. Она шла рысью, стараясь обогнуть холмы слева и уйти от нас.

— Поймать мне эту батарею! — завопил полковник Шапиловский.

Всякая осторожность была забыта. Номера и разведчики кинулись вскачь за батареей. Несколько казаков поскакали ей наперерез. Красная батарея шла теперь карьером. Первому орудию и номерам второго удалось улизнуть, но казаки остановили три других орудия, и мы с торжеством привели их с номерами к нашей батарее. Дали им офицеров, и так они за нами и ездили.

Очень мало кому из красных удалось уйти. Разгром был полный. Несколько красных дивизий перестали существовать.

Наши полки рассыпались и сгоняли пленных как баранов. Повозки собирали винтовки. Бой был кончен.

Мы пошли в село Сергеевка ночевать. Заперли наших пленных артиллеристов в сарай. Слишком усталые, чтобы их сторожить, мы им посоветовали не двигаться, не то... Они и не двинулись.

Страшно усталые, после похода и боя, мы заснули как убитые. Но я все же проснулся по привычке. Надо было накормить Ваньку. Бедняга не ел со вчерашнего дня, а работать пришлось на совесть. После недолгой борьбы со сном я встал и вышел на улицу. Невольно подался назад: вся широченная улица была полна красной пехотой.

— Ах да. Это же пленные.

У стены нашей хаты стоял прислонившись казак и дремал, держа винтовку.

— Что это такое?

— Да пленные.

— Ты что же, их стережешь?

— Как их устережешь? Их ведь тысячи... Но их так пужнули, что они теперь тихие стали... Ничего.

Утром корпус пошел обратно в Петровское. Между полками шли громадные четырехугольные колонны пленных, думаю, по тысяче человек. Шел полк, колонна пленных, опять полк, опять пленные и так далее. Когда полки переходили на рысь, то пленные бежали бегом. Нужно было торопиться вернуться в Петровское. Думаю, что пленных было 5—6 тысяч человек, а то и больше. Впервые пленных не

расстреливали, а послали в тыл и из них сформировали белые полки, которые сражались вполне прилично.

По дороге полки остановились и построились в широкое каре. Рядом с нашими четырьмя орудиями построились три красные пушки, которые мы все возили с собой. В каре галопом вошел генерал Врангель. Он осадил своего чудного коня, снял папаху и зычным голосом крикнул:

— Спасибо, орлы!!

Громовое «ура» было ему ответом.

Передний ездовой красного орудия тоже сорвал папаху и вопил «ура». Был ли он захвачен грандиозностью картины или хотел подлизаться? Кто его знает? Считаю, что под Спицевкой Врангель одержал одну из самых значительных побед на Северном Кавказе. После Спицевки красные больше не пробовали проявлять инициативы и очистили Терек. Мы же перешли в Манычские степи.

Спицевка была одним из редких боев, когда я вовсе не испытывал страха.

*В. Шеффер*³⁰⁸

ПЕЧАЛЬНАЯ СТРАНИЧКА ИЗ ВРЕМЕН ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА КУБАНИ³⁰⁹

Наша конно-горная генерала Дроздовского батарея, в которую я был назначен по прибытии в Екатеринодар, была офицерской, т. е. вся прислуга при орудиях, за исключением ездовых и коноводов, были офицеры. Начав свою службу 4-м (правильным) номером, я постепенно дошел до взводного фейерверкера. Наша батарея была придана 1-й конной дивизии (в составе 4-х конных полков), которой командовал генерал Эрдели, но спустя некоторое время дивизию, по болезни генерала Эрдели, принял прибывший в армию генерал Врангель.

Вскоре после этого дивизия была спешно двинута под Ставрополь, чтобы взять город, который до тех пор крепко держали в своих руках красные — конница Кочубея. На другой же день, по прибытии туда, лихой атакой нашей дивизии, со стороны монастыря, Ставрополь был взят, причем впереди всех, на броневом автомобиле «Верный», в город влетел генерал Врангель. Конница Кочубея, задержавшись еще на некоторое время на вокзале, отступала по дороге на соседнюю станицу, прикрывая свой многочисленный обоз. Наша ба-

таря, при преследовании, все время перекатывалась с позиции на позицию, чтобы держать под непрерывным огнем отступающих красных, которых теснила наша лава.

Взяв и эту станицу, генерал Врангель послал два полка дивизии с одним взводом нашей батареи (два орудия) в обход отступающей конницы Кочубея, чтобы перерезать им путь отступления ударом во фланг, а наша бригада (другие два полка) с нашим взводом продолжала свое преследование. На одной из таких позиций, когда наш взвод, все время увеличивая прицел, держал под огнем отступающие массы красной конницы, генерал Врангель со своим штабом и с нашим командиром батареи, полковником Колзаковым, был слева от нас, саженьх в 10—15 на одном кургане, и оттуда наблюдал наше преследование. В прикрытии у нас и штаба были три сотни от одного из полков и тут же были и наши передки, и наши коноводы с лошадьми номеров.

Мы уже подняли наши пушки на высокую ось, чтобы вести огонь на большей дистанции, как вдруг справа впереди от нас верстах в $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{3}{4}$ из долины, развернувшись, блистая на солнце обнаженными шашками, на нас карьером устремилась красная лава приблизительно в два эскадрона. Мы сразу же открыли огонь по несущейся на нас, растянувшейся красной лаве, но огонь наших двух пушек, хотя и беглый, приводил в расстройство лишь в тех местах, где рвались наши снаряды, а вся остальная масса продолжала нестись на нас.

Наша картечь тоже не остановила несущейся озверевшей красной нечисти, которая уже видела свой полный успех, т. к. в тот момент, когда мы вели огонь «на картечь», наши три сотни «прикрытия», вместо того чтобы встретить красных встречной атакой... повернули своих лошадей назад и пустились удирать, бросив своего начальника дивизии и свою артиллерию. Командир батареи успел лишь подать команду «на задки», и наши ездовые уже дернули орудия назад, но, не проехав каких-нибудь 10—20 саженьх по пахоте и кочкам, наши пушки, будучи на высокой оси, одна за другой перевернулись вверх колесами (времени у нас, номеров, уже не было перевести орудия на низкую ось для движения). Наши же коноводы, тоже заразившись паникой «прикрытия», бросили наших лошадей и сами удрали!

После того как мы взяли на задки наши пушки, полковник Черногузов (командир взвода) и я успели вскочить на своих, брошенных коноводами и очутившихся тут же около передков, лошадей.

— Руби постромки! — крикнул полковник Черногузов, т. к. красные уже налетели и нужно было освободить хотя бы беспомощных

ездовых от перевернувшихся пушек. Хотя постромки и успели перерубить, но красные с криками «пушки! пушки!» уже рубили наших и ездových и номеров, оставшихся без своих лошадей. Полковник Черногубов шашкой, а я с наганом в руке отбивались от налетавших на нас обалдевших красных (у многих из них, на околышах фуражек, были георгиевские ленты). В очень короткое время, когда все наши номера и ездových были перерублены и только мы вдвоем оставались около наших перевернувшихся пушек, полковник Черногубов крикнул мне повернуть лошадей и уходить, т. к. оставаться здесь нам было уже бессмысленно.

И вот в этот момент я увидел недалеко от нас генерала Врангеля, который, оказавшись пешим, т. к. автомобиль его, завязнув в пахоте, был брошен и генерал с маху сел на одну из наших подручных оружейных лошадей, с волочащимися по земле постролками, тоже поскакал с нами в тыл. Перегоняя рассеявшихся красных, я посылал им в спину очередную пулю из своего нагана. Проскакав так километра $1\frac{1}{2}$ —2, мы, наконец, встретили нескольких офицеров из тех трех сотен прикрытия. Генерал Врангель с руганью, что он в жизни никогда не видел такого позора, приказал всем оказавшимся здесь офицерам вместе с ним рассыпаться в лаву и карьером вперед отбивать наши пушки, но было уже поздно — когда мы прискакали на место рубки, то нашли только тела наших изрубленных номеров и ездových и в стороне тело начальника штаба дивизии (не помню фамилии), пушки же наши уже были увезены.

Наш командир батареи спасся на нашей пулеметной тачанке, пулемет которой в нужную минуту тоже отказал нас поддержать! Этой же ночью я был послан с телами убитых в Екатеринодар и там в похоронной процессии было 12 гробов. Это была единственная позорная страничка из всей моей боевой жизни Гражданской войны. Получив вскоре новые, уже полевые, пушки, наша дивизия взяла потом и большое село Петровское

Когда вся Кубань была очищена, генерал Врангель был назначен Командующим Кавказской армией, а перед своим отъездом, т. к. наша батарея была переведена во вновь сформированный 5-й конный корпус генерала Юзефовича, он обратился к нам со следующими словами:

— Ваша батарея будет праматерью всех конных батарей!

Увы! Хотя мы, впоследствии, и выделяли от себя, т. е. половинили, выделяя 2-ю батарею (по 4 орудия каждая), когда с отбиваемыми у красных орудиями наш состав доходил до 8 орудий, все же словам генерала Врангеля не суждено было сбыться.

* * *

Не могу не упомянуть маленькую подробность накануне этого боя: генералу Врангелю ночью явился один офицер-черкес и просил генерала принять его с сотней черкесов в состав дивизии. Когда генерал дал свое согласие, этот офицер, в знак благодарности, снял с себя кинжал и подарил его генералу. Чтобы ответить ему, генерал Врангель, не имея ничего под рукой, вынул из кармана свой браунинг и дал его этому черкесу.

Об этом генерал рассказал уже после этого рокового боя, а я видел, как генерал, быстро шагая по направлению к нашей слоняющейся подручной лошади и озираясь по сторонам, искал что-то руками по всем карманам... Он искал свой браунинг!

Б. Прянишников

С ПАРТИЗАНСКИМ АЛЕКСЕЕВСКИМ ПОЛКОМ

(продолжение)

Ставрополь

Тем временем на нашем левом фланге произошли следующие события. В тылу у красных действовал партизанский отряд полковника Шкуро. В конце июня Шкуро занял Кисловодск, но удержать этот город ему не удалось. Оставив Кисловодск, Шкуро бродил по тылам красных и при нашем приближении к Кубани установил связь с Добровольческой армией. Когда наша дивизия овладела Кавказской, Шкуро появился со своим отрядом у Ставрополя. Находившемуся там гарнизону красных Шкуро предъявил ультиматум — немедленно сдать ему город. Красные покорно подчинились требованию Шкуро и очистили город.

Поскольку силы Шкуро были незначительны, постольку у генерала Боровского возникли новые заботы по предотвращению покушений на Ставрополь со стороны красных. Боровский выделил часть дивизии (кажется, 4-й Сводно-Кубанский полк, 1-й батальон нашего полка и несколько рот корниловцев с одной батареей). Но в середине августа, сосредоточив довольно крупные силы, они атаковали защитников Ставрополя и поставили их в тяжелое положение.

Генерал Боровский был вынужден бросить на Ставрополь остальные части нашего и Корниловского полков. 21 августа мы были спешно погружены в поезда и направлены со станции Кавказская к Ставрополю. Красные завершали окружение города в тот момент, когда наши эшелоны подходили к станции Пелагиада, верстах в десяти севернее Ставрополя. Не доходя до станции, наши эшелоны остановились. Быстро выгрузившись из вагонов, мы развернули наши цепи и ударили в тыл и во фланг красным. Неожиданный удар вызвал в рядах красных панику. Они бежали в разных направлениях, бросая оружие и снаряжение. Все это произошло в ранние послеобеденные часы и так быстро, что уже вечером мы гуляли по улицам Ставрополя, жители которого сердечно и радостно приветствовали победителей.

В последующие дни наша дивизия расширяла плацдарм вокруг Ставрополя. Красные отступили сперва к селу Татарка, верстах в десяти южнее города. Будучи выбиты из Татарки, они отошли к хребту и заняли сильную позицию на горе Недреманной. Попытка вытеснить красных с Недреманной была неудачной, и бои за Недреманную приняли затяжной характер.

Наш молодежный взвод продолжал нести потери убитыми и ранеными. Вышел из строя наш поручик. На место павших и раненых приходили новые добровольцы, в большинстве своем кубанцы. В Ставрополе взвод был преобразован в команду связи. Мы получили несколько полевых телефонов и десятка два катушек проводов. Конечно, использование этого трофейного имущества дало возможность улучшить связь между штабом полка и его подразделениями.

Невинномысская

В первой половине сентября наша дивизия ударом через Беломечетинскую вышла на Кубань и 15 сентября с боем ворвалась в станицу Невинномысскую. Эта большая станица расположена у пересечения Владикавказской железной дороги с Кубанью. В данной обстановке занятие Невинномысской означало, что красные, зажатые между Лабой и Кубанью, лишались возможности отступления через Невинномысскую и Ставрополь на Царицын. Занятие Невинномысской привело к тому, что весь правый берег Кубани от этой станицы до Армавира оказался в наших руках. Пала гора Недреманная, были заняты станицы Темнолесская, Убеженская и Прочноокопская.

Значительные силы армии Сорокина с присоединившейся к нему Таманской красной армией Матвеева оказались в окружении. К сожалению, наша армия не была достаточно многочисленной, чтобы разгромить втрое сильнеего противника. Именно используя свое численное превосходство, красные прилагали все усилия к тому, чтобы вырваться из окружения и уйти на Ставрополь. 17 сентября, после энергичной артиллерийской подготовки, они атаковали наш и Корниловский полки по всему фронту. Под бешеным огнем пулеметных команд наших двух полков, не щадя своих животов, неся колоссальные потери, красные с мужеством отчаяния рвались вперед. Попытка увенчалась успехом, и наши части вынуждены были оставить Невинномысскую. Но ненадолго. 21 сентября, после перегруппировки и усиления резервами, генерал Боровский вновь овладел Невинномысской. Бои вновь приняли ожесточенный характер. В один из дней мы отбили четыре атаки сильной группы красных. В полном смысле слова Кубань окрасилась кровью. В течение недели красные вели атаки превосходными силами и каждый раз терпели неудачи.

Но 28 сентября, после отражения всех лобовых атак на всем участке нашей дивизии, красным удалось переправиться через Кубань выше Невинномысской, на крайнем левом фланге, прикрывавшемся небольшим отрядом конницы. Глубоко охватив наш левый фланг, красные вынудили генерала Боровского отдать приказ об отходе. Измученные боем, красные нас не преследовали. Партизаны и корниловцы отошли в полном порядке. Нам, телефонистам, пришлось срочно снимать линии и аппараты, грузить их на повозки и отвозить имущество в тыл. Наши полки отошли к хребту, поднимающемуся верстах в десяти от Невинномысской.

Вскоре, протягивая телефонный провод от 2-го батальона к штабу полка, я неожиданно встретился с командиром полка. Я видел П.К. Писарева несколько раз в Невинномысской, где он спокойно и уверенно руководил отражением атак красных. Но тогда ему было, конечно, не до меня. Но сейчас, в момент затишья, Писарев спросил меня:

— А не пора ли молодому воину вернуться домой? Тебе нужно учиться, кончать корпус. Теперь и без тебя обойдемся. Спасибо за службу.

И в этот день был выписан мне литерный билет для возвращения в Новочеркасск. Сердечно распростился я со своими соратниками. На душе было спокойно — вера в победу была слишком велика, слишком сильна. Было спокойно и потому, что и я внес свою лепту в святое дело борьбы за Россию.

ПО СЛЕДАМ ПАМЯТИ

(продолжение)³¹⁰

В отпуск ехал я с комфортом — в вагоне 2-го класса... Хорошо помню симпатичного седого старика, вошедшего в купе на одной из станций. Оказалось — генерал Гулыга. Несколько станций проехали вместе, и он все время расспрашивал меня, интересуясь буквально всем. На одной из станций мы расстались.

Проехал я Ростов, Новочеркасск, Лихую... Не помню, как добрался со станции домой. Дома все было так придавлено, так безрадостно: мать не только не могла двигаться, но даже не могла сама и есть; отец скорбился, постарел. В доме полно малышей и никого из старших. Я уже знал, что мать подарила нам еще одну сестренку, знал я также, что спустя несколько месяцев после родов ее разбил паралич и навсегда приковал ее к постели. Старшая сестра, окончившая Высшие женские курсы в Киеве, не подавала о себе вестей; обо мне и убитом брате не было никаких известий. Мать свалилась после полученной ею новости о смерти третьего брата. Ничего утешительного не привез домой и я. Рассказал о смерти брата и о своей жизни за истекший год. Мать в слезах. Ни от нее, ни от отца не услышал я ни одного упрека за то, что увлек за собой братьев.

Интересная встреча произошла с дядей, младшим братом матери, служившим в дравшейся против нас 39-й пехотной дивизии. Уехал он с фронта с небольшой частью из последних. Где-то у Кубани их высадили из поезда и под угрозой расстрела приказали идти сражаться с таким-сяким Корниловым. Конечно, пришлось идти. Однако, не доходя до нашей переправы, забрались в заросли, где и пролежали, не шевелясь, целый день. Рассказывал дядя и сам смеялся.

Прогостил я дома одну неделю и с тяжелым чувством возвращался в полк. Остановился я на один день в Новочеркасске: взглянуть на родимый город. Встретил много друзей и знакомых и отправился в обоз второго разряда, чтобы забрать оттуда моего коня. На обратной дороге я завернул в хутор Романовский, где меня ожидали заказанные сапоги. В обозе мною была оставлена на выкорм молодая, совсем отошавшая кобылица. Теперь, когда я увидел ее, бывшая кляча стала красавицей. Понадобилось объездить ее и обучить. Два дня провозился я с нею, пока, наконец, сел и поехал. Дефект ее был в том, что на карьере ее трудно было остановить — могла занести вперед. Но постепенно и это сгладилось.

...Я нашел свой полк в районе Ставрополя. Жалкий вид имел он: боевой состав сократился не меньше чем на 50%. Много было убито и ранено у Ставрополя, но главным образом покосил тиф — свирепый и беспощадный.

Не помню уже названий сел Ставрополя, которые мы брали или проходили. Была ст. Невинномысская, село Петровское... Был я в передовом дозоре, когда занимали какое-то село или слободу. Ехали медленно. Вдали стояли привязанные к забору две лошади. Я с двумя казаками, перейдя на рысь, быстро очутился около них. Седловка казачья. Мои казаки спешили. Из хаты вышли два кубанца и сдались нам без малейшего сопротивления; сдали и какое-то важное донесение, которое они должны были куда-то доставить. После короткого разговора показались они нам неплохими ребятами. Передал я их и донесение командиру сотни с просьбой взять их под свою защиту, если таковая понадобится.

15 ноября проходили мы село, где был штаб генерала Врангеля и где мы оставили и наш лазарет. Никак не могу вспомнить название села, куда мы отправились в тот день. Заняли его без боя, но... ранним утром помчались на рысях на выручку генерала Врангеля, застигнутого красными ночью врасплох. Расстояние было большое, и когда мы въезжали в село, на виселице уже болтались трое предателей, проведенных сюда ночью красных. Что и как произошло ночью, не знаю, но помню рассказ нашей сестры, как она удирала без седла и в одной рубашке. В тот же день мы вернулись в село, занятое нами накануне.

На другой день, не так рано, мы выступили в восточном направлении. Был я тогда во взводе, который состоял, вместе со мной, из семи-восьми человек, да и вся сотня не превышала 35 человек. Пройдя 5—6 верст, мы остановились, тогда как другие эскадроны пошли вперед, пока их не остановил огонь противника, занимавшего село. Передние эскадроны ввязались в бой. Красные открыли довольно меткий артиллерийский огонь. Вскоре ветряная мельница перед селом была занята нашими частями. Весь бой, принимавший затяжной характер, был в поле нашего наблюдения. Начала отвечать и наша артиллерия. Санитарка возила раненых. Взрыв у мельницы. Полетели вверх комья земли и лошадь со всадником, под которой разорвался снаряд. Кажется, зацепило и еще кого-то. Наши все продвигались вперед.

Начало вечереть, когда мы получили приказание построиться фронтом на юг: надо было остановить наступавшую оттуда группу красных. Перевалили взгорье и увидели очень густую, но недлинную цепь

противника. Пошли рысью на сближение. У красных — никакого замешательства, и открытый ими огонь не так уж силен. Когда мы перешли на карьер — стрельба усилилась. Цепь красных не теряет своей стройности, хотя уже близко — можно рассмотреть отдельные лица. Я не слышал команды, но вдруг заметил, что наша жиденьякая лава повернула назад. Мне трудно было остановить мою «неудачку» сразу: она чуть замаялась, и в тот же момент я упал на правую сторону, а лошадь камнем свалилась влево.

Боли я не чувствовал, но сдвинуться с места не мог: левая нога не двигалась. Мысли — что молнии. Красные подходят, а наших нигде не видно. Вытащил револьвер из кобуры. Обойма полная. Выбросил один-два патрона для проверки. Никакого страха, волнения или колебания. Револьвер у виска. Взор прикован к подходящим красным, а мысли мчатся своим чередом: мать, отец, семья и все прошлое. Подсознание распоряжается самостоятельно. Еще рано: те, впереди, хотя уже близко, но как будто остановились.

Трудно сказать, сколько прошло времени — такое переживание не знает ни часов, ни минут. Почти стемнело. Сзади кто-то схватил руку с зажатым в ней браунингом и с какой-то шуткой быстро отвел ее в сторону. Два офицера из нашей сотни! Они подползли незаметно, пользуясь уже густыми сумерками... Один из них калмык, хорунжий Харашкин, а другой, который и рассказал историю поисков — о нем речь будет впереди. Оттащили они меня немного и стали пробовать снять сапог, и здесь только я впервые ощутил боль: страшную, острую, режущую. Принесли носилки. Разрезали и стащили сапог. Нога как бы переломилась в голени. Наскоро перевязали и на носилках донесли до подводы... Какая-то хата — перевязочный пункт. Лежу на соломе на полу. Наконец бегло осмотрели: раздробление обеих берцовых костей. Ногу положили в лубок из двух тонких досок. Большой надлом берцовой кости вышел наружу. Пуля, раздробив мою ногу, пронзила и сердце лошади.

Рано утром уложили меня на подводу, объявив, что везут нас в Ставрополь и что большая часть дороги идет вдоль фронта, поэтому всем могушим владеть оружием были выданы винтовки. Наш караван состоял более чем из десятка подвод. Сухая, но ухабистая дорога при быстрой езде на каждой встряске вызывала такую острую боль, что в голове мутнело. Но надо было спешить, чтобы ночь не застала нас в дороге. Волнения, вызываемые небезопасностью дороги, боль, обратившаяся в продолжительное мученье, не передать словами! Уже поздно вечером въехали мы наконец в Ставрополь. Этого города я совсем не знал. Истинные адские муки начались, когда мы стали под-

ниматься по улице, мощенной крупным булыжником. К несчастью, ехать пришлось долго. И теперь дрожь пробегает по телу при этом тягостном воспоминании — тогда я и плакал, и ругался.

В госпитале сейчас же взяли на перевязку. Нога чудовищно вспухнула. Женщина-врач сперва заявила, что у меня торчит наружу застрявшая пуля. Пришлось сказать, что пулю следует искать в убитой ею лошади. Утром началась погрузка в поезд для отправки в тыловой госпиталь.

Только на четвертый день попал я в Ейский госпиталь на операцию. Делал ее молодой симпатичный врач, доктор Фокин. Нога еще больше распухла и посинела, представляя собой большую темную колоду. Кончилась моя фронтовая жизнь — началась лазаретная. На операцию я шел с большим опасением, ибо вид ноги не обещал ничего доброго, а спросить доктора, что он собирается с ней делать, как-то не решался, да и не сказал бы он мне. Под маской досчитал я до 20 и «провалился». Проснулся я, когда меня везли обратно в палату.

Делать большую и сложную операцию не нашли нужным и лишь обрезали часть выходявшей наружу кости, зашили рану, а всю ногу, до самого бедра, положили в гипс. На койке уже все было приготовлено для вытяжения. На ступню надели крепкую петлю, к которой привязали длинную веревку с крючком на конце. Веревка была пропущена через блок, находившийся на уровне ноги, и через второй, метром выше. На крючок вешался мешок с песком положенного веса.

Ейский войсковой госпиталь представлял собой суший муравейник — все было забито. Хирург едва успевал делать срочные операции. В большой палате, куда меня поместили, находились и легко-, и тяжелораненые, были и умирающие. Не забуду бесстрастного лица лежавшего поблизости от меня красноармейца. С тяжелой раной в голову, он поднимался на койке и, забираясь рукой под перевязку, ковырялся в собственной ране. Эту операцию он производил спокойно-равнодушно, очевидно уже не чувствуя боли. Через два дня его вынесли в мертвецкую. Напротив, у дверей, лежал тоже обреченный: капитан, у которого то и дело повторялись приступы столбняка. Больно было смотреть на него в это время. Вскоре его унесли в другую палату.

Мне не было видно, что творилось в другом конце палаты, но койки через четыре от меня лежала группа корниловцев, оставившая самое приятное воспоминание. Их бодрое и жизнерадостное настроение заражало всех. Из этой компании мне запомнились три фамилии: поручик Святополк-Мирский, капитан Делов (кавалер ордена Святого

Геоorgia) и капитан Пух³¹¹. Двое первых вскорости уехали на фронт, а капитан Пух еще долго доставлял нам удовольствие своим приятным баритоном под собственный аккомпанемент на гитаре. Пел он с каким-то естественным задором, и казалось, что это доставляет ему самому особую радость.

Население госпиталя все время менялось. одни уезжали на фронт, а на их место прибывали новые раненые. Не прошло и недели со времени отъезда Святополк-Мирского и Делова, когда вновь прибывший раненый корниловец сообщил, что капитан Делов убит в первом же бою после своего возвращения из госпиталя.

Отношение к нам со стороны персонала и жителей города было очень сердечным, и нередко нам приносили вареники, блины, а то и «дефицитный продукт» — табачок. В общем, жизнь как-то скрашивалась, но лежать становилось все нуднее и нуднее. На вытяжении надо было пролежать не менее шести недель. На перевязку носили редко, так как и входное и выходное отверстия закрылись очень быстро, а шов от операции не давал нагноения. Температура — нормальная. При лежании боли в ноге не чувствовалось, но на спине появились пролежни, и казалось, что на ноге под гипсом копошатся насекомые. Только после семи недель повезли меня в перевязочную, чтобы снять гипс. Оказалось, что малая берцовая кость срослась, но уступом, а большая вообще не срослась. Образовался ложный сустав. Снова положили в гипс, но уже без вытяжения. Начал я учиться ходить на костылях. Наука эта — несложная, но трудно было преодолеть головокружение, которое сразу появлялось, как только я становился на ноги после столь долгого неподвижного лежания. Вначале приходилось прибегать к помощи санитары или сестры, чтобы не рухнуть на пол.

Была необходима вторая операция — уже сложная, для чего через две недели меня отправили в Ростов. С костылями я уже управлялся свободно. На эвакуационном пункте я получил назначение в Свято-Троицкий госпиталь в Нахичевани и отпуск на несколько дней в Новочеркасск. Из Новочеркасска добрался я до госпиталя, помещавшегося, кажется, в Екатерининской женской гимназии.

Здесь царил уже иная атмосфера — другой и распорядок. Суеты в нем вообще не существовало, тишина, покой, порядок, чистота.

В палате, куда я попал, было всего каких-нибудь 20 коек, и стояли они не так близко одна от другой. Нашей палатной сестрой была княжна В. Уварова, соседней — дочь одного профессора из Новочеркасска; старшей сестрой — княгиня Волконская. В моей палате лежали только тяжелораненые — или уже оперированные, или готовившиеся отправиться на операционный стол.

«Спустя неделю пришла и моя очередь. Дали мне на ночь выпить изрядную дозу какой-то «гадости», утром промыли желудок, целый день ничем не кормили, а вечером дали выпить снотворного. В операционной, куда меня принесли, большой персонал. У доктора только глаза не закрыты, вся голова окутана белой густой марлей. Положили меня на стол, надели маску и приказали считать. Вскоре все стало куда-то уплывать и... уплыло.

Странное ощущение испытал я при пробуждении, когда открыл глаза. Пытаюсь что-то спросить и не могу: рот будто набит ватой. Сестра сидит рядом и успокаивает:

— Операция прошла хорошо, длилась два часа, но язык запал в горло и закрыл дыхание; вынули его щипцами и так держали более часа.

Была уже полночь — все спали. Ощутил во рту распухший язык, но боли не было. Не было ее и в ноге, которая снова покоилась в гипсе и на вытяжении. Состояние — расслабленное. Хотелось пить и слегка поташнивало. Под утро началась рвота. Сначала пустой желудок выбрасывал какую-то противную слизь, а дальше началась рвота с конвульсиями, не дававшая ничего, кроме страшной горечи, расхлывшейся во рту и вызывавшей мучительное желание пить. Отдал бы все за один глоток воды, но пить не давали. Доктор разрешил сестре окунать чайную ложку в стакан с водой и класть ее мне в рот. Это чуть помогало, но не прекращало спазматической рвоты, как будто стремившейся выкинуть наружу желудок. Это воспоминание осталось во мне как самое мучительное из тех, которыми сопровождалось пребывание в госпитале. Полегчало мне только после полудня, а к вечеру сестра влила мне в рот первую чайную ложку воды. Слегка отошел и мой язык, но желания говорить не было. Из рассказа сестры я узнал, что операция была сложная и долгая: на костях сделаны были специальные разрезы, после чего их сложили, просверлили и сшили особой золотой проволокой и т. д. Доктор говорил мне, что пришлось применить так называемый «французский замок». Новых семь недель предстояло пролежать на вытяжении.

Из нашей палаты часто брали на операции или перевязки, а иногда переводили в другую палату, но покидавших госпиталь почти не было. Случалось, что на операции брали совершенно здоровых на вид людей. С поврежденными артериями, они ежеминутно рисковали кровоизлиянием. Если таковое происходило, то весь госпиталь приходил в движение. Среди персонала начиналась лихорадочная работа, а все мы гадали: останется жив или истечет кровью? Какое волнение бывало в нашей палате, когда из нее брали кого-нибудь на подобную

операцию! С нетерпением ждали мы появления нашей сестры: по ее виду сразу было видно, как прошла операция. Один раз унесли от нас молодого поручика. Вид у него был совершенно здорового человека, и двигаться он мог самостоятельно. Но ему даже подниматься с постели было запрещено, так как он считался одним из самых опасных раненых, имея пробитую у самого бедра артерию. Минут через 40 вышла заплаканная сестра, села на стул и разразилась настоящими рыданиями. Утирали слезы и мы: поручику ампутировали ногу по самое бедро.

Операции как мне, так и другим делал еще нестарый врач, доктор Тамаревский. Когда я попал в палату, против меня лежал скелет, обтянутый темной кожей, — хорунжий Войска Донского, кажется, станицы Калитвинской. Его все считали явно обреченным: общее заражение крови. Температура у него была постоянно высокая; на перевязки его почти не носили, и находился он все время в бредовом состоянии. Часто ему делали вливание солевых растворов. Время от времени сестра приносила тазик и все нужное для перевязки. Она снимала бинты и прямо ножницами вырезывала из раны отгнившие куски мяса. Ужасная рана! Огромная по размерам и почти черная. Человек гнил! Большой боли он как будто не чувствовал и лишь немного морщился. В нем тлел последний огонек жизни. И в таком состоянии он находился много недель. И вот как-то раз сестра объявила нам, что у «живого покойника» появились признаки улучшения, а через неделю радостно подтвердила, что он определенно идет на поправку. Я все еще лежал, когда у хорунжего вернулось сознание. Теперь он уже ел, и на его почерневшем лице появился первый румянец. Крепкий организм приобрел. Вернулся к нему и дар речи, но говорил он еще еле слышным шепотом. Несказанно радовалась наша сестра. Радовались и мы.

Медленно тянулось время в госпитале. Часто навещали нас гимназистки, приносившие нам книги для чтения и всячески старавшиеся нас развлечь.

Большой разрез от операции затянулся быстро, но состояние кости вызвало сомнения. От долгого лежания на спине становилось труднее засыпать: подушка выбрасывалась из-под головы, голова заваливалась ниже туловища, и тогда, наконец, удавалось заснуть. Пробуждения бывали мучительны: болела шея, тяжелела голова.

Прошло 7 недель, пока сняли гипс. Кость не срослась. Через некоторое время старший врач, тоже хирург, хотел сделать мне новую операцию, но я попросил отправить меня на осмотр к профессору Напалкову — лучшему ростовскому хирургу. С помощью костылей и

санитара добрался я на извозчике до кабинета профессора при университетской клинике. Он предложил мне перевестись в 4-й госпиталь — Белого Креста, — где профессор состоял консультантом. Госпиталь помещался на Таганрогском проспекте.

В новом госпитале снова повело фронтом. Палата, где я приютился, большая, шумная. Были в ней и тяжелораненные, были и «бегающие», то есть выходявшие в город. Одни лежат подолгу, другие через две-три недели покидают госпиталь, а на их место прибывают новые. Каждый день свежие новости.

Старшим врачом был доктор Габрильяну, ординатором — доктор Чижов, назначенную мне операцию делал доктор Напалков. Длилась она чуть больше сорока минут. Опять гипс, опять семь недель на спине.

*Е. Емельянов*³¹²

ПАРТИЗАНСКИЙ ПОЛК ПОД СТАВРОПОЛЕМ³¹³

7 ноября. Наконец-то дивизию нашу, сильно потрепанную, отвели на отдых. С 10 сентября по 3 ноября были в непрерывных боях, не имели даже ни единой дневки. Выпадали дни, что и по два боя в день: на заре подойдем к какому-нибудь селу Безопасному, атакуем, часам к 9—10 утра выйдем из села большевиков и расположимся на отдых... в 3—4 часа дня тревога. В ружье. Идем 10—15 верст, и к закату опять бой, атака, и лишь глубокой ночью уснешь. То бросят нас от нашего тыла (города Ставрополя), где обоз и хозяйство, к реке Маныч на 150 верст; то глядишь — Ставрополь опять в руках большевиков, и быстрым маршем днем и ночью — спасибо, хоть на обывательских подводах — поворачиваешься кругом и идешь отбивать Ставрополь.

Вышел в поход, имея у себя офицерский батальон около 600 бойцов, а на отдых пришел с 30. Во 2-й роте у меня остались в строю: ротный командир и один казак. Так под Ставрополем и лежали оба рядышком в цепи и постреливали.

В особенности памятна мне дорогой ценой купленная атака одной деревни — Малая Джалга... Далеко-далеко на севере Ставропольской губернии, среди бесконечной степи лежит она. Прогнав с боем большевиков из дер. Кевсалы, полк наш заночевал в дер. Большая Джалга. Было роковое 13 октября. По утрам заморозки. Еще не вставало солнце, и мы, неприятно ежась от холода, двинулись в поход.

До дер. Малая Джалга было не более 7—8 верст. Показались крылья ветряных мельниц, крест на церкви и верхушки оголенных деревьев, что по задкам дворов. Неприятель приветствовал одним-другим оружейным выстрелом. Приказано было 2-му и 3-му батальонам держаться уступом за левым флангом 2-го батальона в резерве. Местность, как ладонь, ровная. Показался красный диск солнца... Для многих, очень многих оно было последним в их жизни...

Малая Джалга, как и все степные села и деревни, длинной лентой верст на 5—6 растянулась по балочке, где струится какой-то жалкий ручеек. Вижу — 2-й и 3-й батальоны, широко рассыпав цепи, пошли в атаку. До неприятеля, до опушки леса, 2—3 версты. Минут через пять мне приказано тоже рассыпать цепи влево от 2-го батальона и атаковать деревню. Роты рассыпали цепи — стрелок от стрелка шагов на двадцать, а то и больше. «Цепи вперед! С Богом! — команду — Направление на ветряную мельницу»

В атаку ходим без перебежек, во весь рост: и скорее, и меньше потерь.

Двинулись. Неприятель участил стрельбу по нас. Смотрю — сестра милосердия Наташа в белой косыночке, в белом переднике, с красным крестом на груди, торопливо оправляя огромную для ее роста фельдшерскую сумку, спешит к своей роте.

— Наташа! Куда вы? — останавливаю я ее. — Оставайтесь при обозе!

— Господин полковник, моя рота в атаку пошла... Как же я останусь при повозках? Мое место там, при роте, — деловито докладывает она мне.

Я гляжу на нее, на эту еще не девушку даже, а скорее подростка. Вижу ее хорошенькую головку, ее миниатюрную фигурку и... больно мне стало за нее. Побежала догонять свою роту... Пошла, чтобы больше не вернуться: недалеко, почти что перед деревней, «братская» пуля косила ее, и долго виднелась ее белая косынка между серых шинелей, что легли недалеко от нее среди широких задонских степей.

Михаил Николаевич Харченко, адъютант моего 1-го батальона, то и дело подскакивает ко мне на лошади и просит разрешения закричать ротам «ура!», так как, судя по беспорядочному огню «товарищей», они должны вот-вот побежать... Я говорю ему, что рано еще, до неприятеля еще далеко, и даю ему какое-нибудь поручение, чтобы немного отвлечь его внимание. Пули свистят все чаще и чаще... Нет-нет да и упадет кто-нибудь из бойцов на землю: убитый или тяжело раненый — не видно. Наши цепи все двигаются и двигаются.

Наконец со стороны неприятеля беспорядочность стрельбы достигла своего апогея. Видна суета. До окопов уже недалеко...

— Ура! — кричу я...

— Ура! — пронеслось по всему фронту на разные голоса, с разными переливами...

Вот уже недалеко и мельница.. Огромные крылья ее как-то весело смотрят, улыбаются. Я — у мельницы... Мельница уже позади нас. Передо мной — брошенные неприятелем окопы... Окровавленные, рваные шинели, расстрелянные гильзы, два-три убитых неприятеля; один, тяжело или смертельно раненный, еще вздрагивает... По огородам, садам, задворкам торопливо отходит, бежит неприятель. Я приостановился дух перевести и привести в порядок роты.

— Господин полковник, нас обходят слева! Стреляют по нас слева... во фланг!

Гляжу налево:

— Это же наша четвертая рота!..

— Никак нет! Это «товарищи», наша четвертая рота вот уже где — в степи, отходит назад!

Начинают пятиться, отходить назад и остальные три роты. Выстрелы слева все чаще и чаще. Мы отходим... Мельница уже далеко позади... Люди все чаще и чаще падают, валяются на моих глазах — и я бессилён. Стоны, крики, мольбы раненых, упавших и оставляемых в поле... Пальба со стороны неприятеля становится как будто потише...

— Полк, стой! — слышу голос командира полка полковника Писарева.

Цепи останавливаются, быстро ложатся, окапываются. Командир полка верхом. С ним несколько человек конных разведчиков.

— Что вышло? — обращается он ко мне.

А вышло то, что без резерва не все атаки удаются... Взяли мельницу, выбили неприятеля из окопов.. Да малы силы наши... Пластуны не поддержали нас: не пошли в атаку. Нас обошли... И вот мы здесь!

Он бледен, ему с коня виднее все поле, усеянное убитыми и тяжело ранеными офицерами моего батальона... Подсчитываю батальон: из 670 налицо 220 человек.

Ночь провели на позиции... На другой день мы взяли Малую Джалгу. Неприятеля отбросили к Дивному. Помог полковник Улагай со своей дивизией, зайдя глубоко в тыл неприятелю.

В селе Большая Джалга, куда мы отошли после боя на ночлег, в братскую могилу опустили мы до 70 наших трупов. Все покойники

были раздеты догола, изуродованы, исковерканы... Иные трупы имели до пятнадцати и более штыковых ран, очевидно, глумились уже над мертвыми: иные застыли в своих ужасных позах, у двоих-троих черепа были совершенно расплющены прикладами. Одного лишь командира 4-й роты, у которого правая рука была искусственная — протез и который всегда носил и солдатский крест 4-й степени и офицерский Святого Георгия, почему-то не тронули; пуля попала между бровей — убит был наповал; искусственную руку положили на грудь, сняли новые сапоги, ордена, вынули бывшие с ним казенные деньги и даже чуть-чуть присыпали землей...

Кое-чем прикрыли покойников в могиле.

— Сотвори им, Господи, вечную память! — произнес батюшка, и слезы полились у него из глаз.

В нашей могиле оставалось еще свободное место

— Положите и их сюда! — указал я на большевистские трупы. Их было немного больше десяти.

— Не надо, господин полковник! Пусть наши лежат отдельно! — стали упрашивать меня и офицеры, и казаки. — Мы лучше выроем для них отдельную могилу. — И они быстро принялись рыть ее.

Несколько человек из тяжело раненных и оставленных нами в злополучную неудавшуюся атаку ночью с нечеловеческими усилиями доползли до наших цепей.

А вечером, только я расположился в хате, слышу голос:

— Являюсь, господин полковник!

Оглядываюсь — мой батальонный адъютант, М.Н. Харченко. Бледный. Грудь неестественно приподнята. Сквозная рана в грудь навывлет. Пуля, пробив грудь, вышла через лопатку. Забинтован.

— Не берите, господин полковник, другого адъютанта: я через неделю-другую вернусь обратно в полк!

Я успокаиваю юношу, говорю, что место ему возле меня всегда найдется, но, взглянув на него — бледного, воскового, — сильно-сильно усомнился. Он вскоре скончался.

14 октября мы взяли Малую Джалгу, а на рассвете 15 октября нас спешно двинули обратно. Оказывается, что город Ставрополь, откуда мы вышли, в руках большевиков. Пришлось снова отбивать Ставрополь.

При атаке деревни Пелагиады вижу — недалеко от меня младший из братьев Алтабаевых, Михаил, несет, взваливши себе на плечи, старшего, Константина. У того пуля в животе.

— Миша, брось, оставь меня: я все равно умру. Иди лучше в цепь! — доносится до меня голос раненого.

Я посылаю одного из посылочных помочь. Сам с цепями продвигаюсь вперед. Мои посыльные все оглядываются и перешептываются.

— Что случилось?

— Да, мабуть, поручик вмер уже! Щось роют землю они там!

Оказалось, что действительно он умер.

— Закопали их, да могила неглубока только. Как бы волки или лисицы не учуяли да не разрыли могилы... — доложил мне вернувшийся посыльный. Младшего Алтабаева я видел немного спустя, он догонял свою цепь.

В том же бою, невдалеке от меня, был смертельно ранен пулей в горло и шею мой незабвенный помощник по строевой части подполковник Александр Алексеевич Крюков. Я до боя еще предлагал ему снять белую папаху и тулуп с белым воротником: все же не такая резкая цель на сером фоне земли. Молодой — бравировал, не послушался меня...

Выбив неприятеля из д. Михайловки, мы по пятам пошли за ним к Ставрополю. Около 9—10 верст, вплоть до самого города, поле было усеяно их убитыми и ранеными. Были брошены обозы, походные кухни, пулеметы. Среди поля валялась амуниция, солдатские шинели и торчала масса винтовок, воткнутых штыками в землю. Все говорило о том, что неприятель не отошел, а бежал к Ставрополю.

Наступили уже вечерние сумерки, когда я с первым батальоном подошел к городу. Неприятель залег на горе, за железнодорожным полотном. Соседний полк (кубанцы) и мы пытались продолжать атаку, но от переутомления приостановились в полугоре. Будь у нас какая-нибудь свежая, нерастрепанная часть, то Ставрополь в тот же день был бы в наших руках. Но... ничего этого не было...

Настала долгая, глубокая, осенняя, холодная, с заморозками ночь. Мы лежали внизу на ветру, по огородным канавам. Вот лезу я в свое логово-канаву, куда вестовой натаскал соломы, и слышу женский голос:

— Ой, на руку наступили!

Темень, ни зги не видать.

— Кто тут?

— Да мы, господин полковник.

Оказывается, две беденькие сестры милосердия нашего полка, Женя и Вера, продрогли, прозябли в бесконечную холодную ночь и, наткнувшись среди ночи на кучу соломы в канаве, забрались туда: все же теплее, чем на ветру. Пришлось мне поделиться с ними соломой, снял с себя кожух, что принес мне как-то покойный командир 4-й роты, укрыл их, а сам пошел сначала проверить цепи, а

потом пристроился кое-как в канаве и проклевал носом до рассвета. Уж как потом подростки-сестры благодарили меня!

...Раз цепи отошли почти на полверсты назад и забыли предупредить сестру милосердия нашу: была она в хатенке. Взглянула она в окно — наших не видать. Перепугалась страшно, припомнились зверства большевиков. Мужское население огородов — все сочувствующие «товарищам». Но на счастье сестры нашей в хате хозяйкой оказалась одна лишь пожилая баба. Та быстро сообразила, в чем дело:

— Снимай все это! Одевайся в наше «крестьянское» платье. Как придут, скажу, что ты моя дочка. Да принимайся живо за работу: мети хоть хату!

Сестра быстро преобразилась в крестьянку. Хорошо, что цепи наши скоро вернулись обратно и заняли свои недавно оставленные места.

Больше недели простояли мы под Ставрополем. Дорого стоила нам осада его. Командира тоже ранили в руку, и пришлось на некоторое время мне вступить в командование полком. Полк таял, люди изнервничались...

* * *

Не особенно радушно встретили нас жители города Новороссийска, куда нас отвели на отдых. В особенности так называемая интеллигенция, которая ведь благодаря нам вырвалась из большевистских лап. Бедное, измотавшееся в боях офицерство принуждено было ютиться по кухням и передним у той же интеллигенции, а залы и гостиные пустовали. Мне с адъютантом отвели у какого-то грека проходную комнатку, я рад был и этой...

В первых числах ноября, кажется 8-го, наш Алексеевский полк отправился без ружей на пристань: встречать союзников. Они достигли своего — победили немцев и ликующие, сияющие прибыли к нам. В почетный караул была наряжена рота от Сводно-Гвардейского полка. Мы же стояли шпалерами. Английский генерал обходит почетный караул и видит на груди у одного рядового рядом с русским офицерским Георгиевским крестом и английский офицерский Георгий. Спрашивает у сопровождавшего его русского генерала, не ошибка ли это. Но когда ему разъяснили, что рядовой этот — капитан лейб-гвардии Преображенского полка, англичанин смутился и стал всему караулу подавать руку.

Сияющие, ликующие, радостные проносятся мимо нас один автомобиль с союзниками за другим...

— Вот она, награда нам за четырехлетнюю Великую войну. Вместо того чтобы занять одно из первых мест в мире, мы стоим.. нищими стоим, — говорит Дедюра³¹⁴.

Рядом со мной стоял на левом фланге полка Владимир Яковлевич Дедюра, первопоходник. Он принадлежал к числу тех кадровых офицеров, которые сразу круто и навсегда отмежевались от большевиков. Был ротным командиром, кажется, в Киевском военном училище и при первом приближении к городу большевиков, когда все порастерялось, он собрал свою роту и, объяснив им, в чем дело, вызвал желающих идти с ним к Корнилову. Пошли все как один. Пристали и из других рот. Сильно потрепанный, пришел к Корнилову. А когда ряды его отряда сильно поредели и сам он был ранен, влили его в Партизанский пеший казачий полк. Немало мучений пришлось пережить и жене Дедюры: держали в тюрьме, мучили, все пытались узнать, где и куда скрылся ее муж.

В январе я уехал в отпуск в Екатеринодар. Зашел в штаб узнать о моем племяннике Коле. Оказывается, убит под Ставрополем. А еще не так давно видел его в Одессе, и он спрашивал меня: «Что делать, дядя?» — «Как, что делать? Иди к Корнилову!» Он послушался, пошел и... лег под Ставрополем...

КОРНИЛОВСКИЙ ПОЛК В БОЯХ ПОД АРМАВИРОМ И СТАВРОПОЛЕМ³¹⁵

Непосредственного участия во взятии Екатеринодара корниловцы не принимали, так как были переброшены в Ставропольский район, где большевистские войска с трех сторон угрожали Ставрополю, освобожденному от большевиков казацким партизаном Шкуро еще 8 июня. Сразу же по прибытии в Ставрополь Корниловскому и Партизанскому полкам пришлось прямо из вагонов броситься в бой. Поезд еще не остановился, как была команда:

— Выходить из вагонов в левую дверь! На восходящее солнце, по третьему взводу... интервал десять шагов... бегом в цепь!

— Куда наступать, господин полковник? — переспросил начальника отряда командир 3-го взвода офицерской роты.

Полковник протянул обе руки с растопыренными пальцами:

— В этом направлении... — и тут же упал с раздробленным черепом.

Красные шли тремя группами. 3-й взвод врезался в цепь китайцев. Молодой подпоручик Недодаев с размаха засадил свой штык в саженного роста китайца. Тот судорожно схватился обеими руками

за винтовку. На расстоянии шага безумными глазами глядели друг на друга два человека и шатались. Недодаев пытался выдернуть винтовку и не мог. Подбежал другой китаец и в упор выстрелил в офицера. Два врага рухнули... Потери полка 137 человек.

Бои за Кавказскую—Гулькевичи и Армавир дорого обошлись корниловцам, несмотря на богатство захваченного вооружения и все прибывающее пополнение. Все это требовало времени для приведения в порядок и на обучение, но времени обстановка не давала, начинались кровопролитные бои за Ставрополь и его район. В течение целого месяца корниловцы вели бои в этом районе, то спускаясь к юго-западу от города, то поднимаясь на север. Особенно упорные бои были у Сентилеевки и Терновки.

Во время этих боев в Ставрополь приезжал генерал Деникин. Он вызвал к себе полковника Индейкина и благодарил Корниловский Ударный полк за его боевую службу. Тогда же генерал Деникин просил передать полку икону Иверской Божией Матери, преподнесенную Главнокомандующему Ставрополем. Потери при Сентилеевке и Терновке 230 человек.

К сентябрю 1918 года юго-западная часть Кубанской области и Черноморская губерния были очищены от большевиков. Красные войска пробивались на восток, к городу Армавиру, в районе которого их в конце концов сосредоточилось до 70—80 тысяч при 100 орудиях. Для того чтобы выйти в тыл Армавирской группе красных, генерал Деникин приказал 2-й дивизии генерала Боровского атаковать станицу Невинномысскую. Атака корниловцев началась как раз в тот день, когда командующий красными войсками Северного Кавказа Сорокин отдал приказ группе Гайчинца, расположенной в Невинномысской, взять Ставрополь. Потери полка 76 человек.

«В полдень 2 сентября 1918 года, — сообщала оперативная сводка, — доблестные части генерала Боровского, несмотря на чрезвычайное упорство и стойкость противника, ворвались в станицу; продолжая стремительное наступление, овладели ею и перекинули часть сил на левый берег Кубани. Громадные толпы противника в полном беспорядке бросились бежать к Армавиру... В момент атаки в Невинномысской находилось шесть большевистских штабов, в том числе и штаб Сорокина, который бежал верхом за Кубань...»

Паника красных была такова, что корниловцы захватили не только обоз Сорокина, но и его оркестр.

Через несколько дней корниловцам вновь пришлось брать Невинномысскую, так как красная конница Жлобы выбила из этой станицы оставленную там для ее охраны Пластунскую бригаду.

В этом бою на моих (пишущего эти строки) глазах был убит на площади станицы штабс-капитан Доманицкий, бывший моим отделенным в 3-й офицерской роте, под командой которого мы в 1-м Кубанском походе, в бою под Кореновской 4 марта, ходили в атаку на бронепоезд около железнодорожного моста. Упал он как подкошенный, и потом мне говорили, что пулевое ранение прямо в сердце было настолько незаметным, что его с трудом обнаружили. В его лице корниловцы лишились верного и идейного последователя генерала Корнилова. Потери полка 60 человек.

В то самое время, когда Корниловский полк дрался около Невинномысской, его три роты под командой полковника Молодкина³¹⁶ (это тот самый полковник Молодкин, который в станице Усть-Лабинской был освобожден полком из тюрьмы с группой офицеров в 1-м Кубанском походе) приняли участие в бою по овладению Армавиrom. Эти роты сначала были переброшены на подводах в станицу Убеженскую, расположенную на правом берегу Кубани наискось против Армавира. «Войны» здесь не было. По утрам постреливал бронепоезд добровольцев. Эхо усиливало звук и долго разносило его по холмам звонкими перекатами. К полудню все затихало. Днем изредка подымалась ружейная или пулеметная стрельба, которую открывали из прибрежных кустов казаки, бежавшие к большевикам. Казаки стреляли по своим виноградникам и баштанам, оберегая их от набегов «кадет». Один богатый казак со своими тремя сыновьями обстреливал свой виноградник даже из бомбомета.

Казачки в станице наперебой угощали корниловцев так, что никто не подходил к своим ротным кухням. Корниловцы отъедались, отсыпались и жили несколько дней беззаботно, как только могут жить на войне молодые двадцатилетние прапорщики. Удручала их только рваная обувь, но и тут прапорщик Яремчук 2-й³¹⁷ утешал всех тем, что пальцы на ногах после грязевых ванн теперь принимают солнечные.

Несколько раз вызывали корниловцев в соседнюю станицу Прочнокопскую с ее знаменитым форштадтом — старинным укреплением времен «Кавказской линии», расположенным на мыску, вдающемся в реку против Армавира. Здесь было хуже. Красные за недостатком патронов стреляли пулями собственного изготовления из кусочка железа, которые наносили страшные рваные раны. Стреляли красные и разрывными пулями.

Рано утром 6 сентября дроздовцы подошли к Армавиру и повели наступление. Корниловцы тотчас перешли мост через Кубань, быстро вошли в город и бегом пустились на окраину, где шел бой. Здесь от-

личилась 4-я рота, которая бросилась в штыки на броневомобиль, расстреливавший дроздовцев. Когда Армавир был взят и левый берег Кубани был очищен от красных, корниловские роты вернулись в Убеженскую.

В этой станице корниловцы были свидетелями, как станичный сход творил суд и расправу над вернувшимися от большевиков казаками. Молодым казакам присудили по 25 нагаек, более взрослым по 50, а старикам за то, что не нажили ума до седых волос, по 75. Богатого казака, который от жадности защищал свой виноградник бомбометом, повесили.

Красная армия, окруженная добровольцами, решила перейти на правый берег Кубани и прорваться к Ставрополю. Начались жестокие бои. Большевики снова овладели Армавиром и форсировали реку южнее и севернее Невинномысской. С огромными потерями корниловцам пришлось отходить на Ново-Екатериновку. Во время отхода 1-я офицерская рота имени генерала Корнилова была в арьергарде полка. Противник преследовал нас не отрываясь, его кавалерия все время обходила наши фланги, пытаясь переходить в атаку, но наши пулеметы на тачанках успешно отбивали их. На одной из таких тачанок с пулеметом был поручик Сахаров, который в 1-м Кубанском походе, во время нашей атаки в Саратовских хуторах, ведшейся по личному приказанию генерала Корнилова, уложил красноармейца, стрелявшего в меня в упор, и тем, как я полагаю, спас меня. Теперь этот доблестный корниловец погиб на наших глазах. Его тачанка почему-то сильно отстала от арьергарда и осталась в одиночестве. Этим воспользовалась красная кавалерия и атаковала тачанку. Пулемет, сделав несколько выстрелов, отказался работать, а винтовок у них не было. В пять минут их участь была решена, и они пали при исполнении ими священного долга прикрытия своего родного полка. Наши пулеметы с дальнего расстояния разогнали красную кавалерию, но контратаковать подходившую пехоту у нас не было сил. В бинокль никаких признаков жизни около тачанки обнаружено не было, перебиты были даже лошади. В Ново-Екатериновке полк недосчитался многих, потери были велики, только за этот бой мы потеряли убитыми и ранеными 133 человека.

Судьба не особенно жаловала в эти дни Белое Воинство, каждый бой уносил из его рядов сотни и сотни жертв, а в эти особенно тяжелые дни 25 сентября была получена телеграмма о смерти основателя Добровольческой армии генерала Алексеева.

На похороны генерала Алексеева в Екатеринодар была отправлена 1-я офицерская имени генерала Корнилова рота в составе

180 штыков (всего она имела 250 штыков). За день до отъезда роты мне, как ее фельдфебелю, доложили об исчезновении из секрета прапорщика Войцеховского. Из госпиталя в полк я вернулся дней десять тому назад и нашел в роте незнакомый мне на $\frac{3}{4}$ офицерский состав. На занятиях я обратил внимание только на бледность лица Войцеховского. Поездка на похороны в Екатеринодар отвлекла нас от выяснения этого редкого для нас явления. На похоронах рота стояла на правом фланге, левее нас была какая-то часть гвардейского формирования. Калейдоскоп событий и это тяжелое событие для Добровольческой армии как-то ступсывались. Мы смотрели тогда на все примитивно практически: отдав должное большому Русскому патриоту генералу Алексееву, мы спокойно видели наше руководство в достойных руках генерала Деникина, но... и замечали что-то неприятное для нас: это чрезмерное засорение города здоровым мужским элементом. В данном случае я был далек от какого-либо упрека им, но виденное уже нечто подобное в Ростове-на-Дону до первого похода как-то тревожно вспоминалось. Вообще, пуганый куста боится.

Похороны, чересчур переполненный город и положение на фронте привели меня в мрачное состояние, и я был рад отбытию в полк. Не успели мы доехать до полка в Ново-Екатериновке, как в Ставрополе узнали о новом постигшем нас горе: сбежавший перед нашим отъездом из сторожевки прапорщик Войцеховский оказался провокатором: он оценил отсутствие в полку первой боевой единицы и, зная местность, провел красных в тыл полку. Не упустил он из вида и то, что полк рано утром всегда выходил на занятия без патронов, а потому атака была приурочена как раз к этому моменту. Здесь был убит полковник Лисовский, смертельно ранен адъютант полка поручик Пожаров-Романов и больше пятисот корниловцев, главным образом убитых. Потери 514 человек.

Потери могли быть и большими, но корниловцы все же лучше красных знали местность и инстинктивно, хотя и разрозненно, отскочили за гору на окраине станицы и там не только отбили красных, но контратакой выбросили их под обрыв, к Невинке. Роль предателя была раскрыта им самим: он имел маленький чемоданчик, оставленный им при переходе к красным в доме, где он стоял, и теперь пришел взять его. Хозяйка дома сразу его узнала и в ужасе ничего не могла ему сказать. Он же, взяв свое, тоже удалился молча. Среди ада братоубийственной войны предатель не смутился при виде стольких геройски павших корниловцев и спокойно пошел подбирать свои тряпки! Не раз после этого я задавал себе вопрос: какое основа-

ние было для того, чтобы называть русский народ «народом-Богоносцем»? Недостойны были тогда русские этого...

Обстановка под Ставрополем все ухудшалась, армия Сорокина настойчиво пробивалась из окружения добровольцев. Корниловцы были переброшены в город Ставрополь, где погрузились в эшелоны и тронулись на станцию Торговая для проведения операции по очищению севера губернии от красных банд. Не успели мы разгрузиться в Торговой, как нас снова вызывают в Ставрополь, где под селением Татарка дроздовцы понесли большие потери. Обратный полк прибыл довольно быстро, стал в Ставрополе по старым квартирам и мог до утра отдохнуть. С утра началась какая-то непонятная игра нашим положением в резерве: будто бы по приказанию генерал-губернатора города Ставрополя наш полк должен был «дефилировать» по улицам для успокоения населения. Помню, что мы при известии об этом немало чертыхались. Ирония судьбы: сотни корниловцев в последний раз шли в рядах своего славного полка, даже восхищались его мощью, техникой и подтянутостью. Полк снова был хорошего состава: офицерская рота имени генерала Корнилова имела 250 штыков, три солдатских батальона и десятка три пулеметов со своей артиллерией. На наше несчастье, было даже жарко, хотя было 14 октября. Совершенно ненужная прогулка всех утомила, и в довершение всего полковник Индейкин получает приказ отбить наступление красных со стороны Татарки. 1-й батальон полка занял фронт левее полотна железной дороги, красные спускались от села густыми цепями. Как выяснилось после, это были матросы. Наша артиллерия открыла огонь, пулеметы поддержали, дошла очередь и до нас. Видно было, как полковник Индейкин с группой офицеров стоял на полотне железной дороги совершенно открыто. «Командир ищет смерти», — говорили тогда. Полк оставался на занятой позиции, приказания о переходе в атаку не было, вывели заключение, что будем только пассивно оборонять город. Ходили слухи, что дроздовцы уже сильно пострадали, что красные подбили два наших броневомобиля. Огневой бой разгорался. Позиция 1-й офицерской роты шла по ровному месту, убитых и раненых много. Хорошо видно, как матросы умело делают перебежки, местами поднимаются как бы для атаки, но сила нашего огня их косит. Здесь первая пуля пробивает мне ногу выше колена, нога онемела, но я остаюсь на месте, фельдфебелю неудобно оставлять роту в такую минуту. Падает командир роты, лихой капитан Пух, у него раздроблена пятка. Через полчаса тяжело ранен его помощник, старый вояка поручик Граков³¹⁸. Это ранение лишает его ноги. До этого в Великую войну на фронте против болгар он лишил-

ся глаза. В эмиграции, когда полк попал в Болгарию, он застрелился и был похоронен около селения Горно-Паничерево, за военными казармами, на кладбище военнопленных сербов.

Удар в правую мою ногу обнаружил второе, слепое ранение, и в сапоге уже хлюпает кровь. Приближается вечер. Вижу, что потери колоссальны и только наши пулеметы отбивают красных. Снова знакомый мне удар в кисть левой моей руки, и фонтан крови указывает, что это уже третье ранение, и нужно пока не поздно выходить из-под удара красных.

Почему-то близко оказались наши артиллеристы, и я при их содействии был погружен на повозку, переполненную такими же ранеными. Ехать пришлось через город, и было несколько неприятных минут, когда к нам приближались конные разъезды и мы не знали, чьи они. Погрузка раненых происходила где-то за городом. В дороге мы узнали, что красные заняли город на следующий день. В этом бою полк понес исключительно большие потери, более 600 человек. О размере потерь Корниловского ударного полка можно судить по 1-й офицерской роте имени генерала Корнилова: из 250 штыков в братской могиле оказалось 70 человек. Раненые все были отправлены в город Ейск, где заполнили весь госпиталь. В Болгарии в 1924 году была получена из Ставрополя фотография нашей братской могилы, около которой сидела женщина в белом с низко опущенной головой.

Нам, оторвавшемуся от полка, картина рисовалась безотрадной. Инициатива явно переходила к противнику. Неясным оставался только вопрос, что это: прорыв красных из нашего окружения или только сокращение своего тоже сильно разбросанного фронта с приближением своего тыла к Царицыну? Пока же для выяснения создавшегося положения бесспорным оказалось, что успехи противника достаются ему дорогой ценой и что он тоже выдыхается. Его колоссальный перевес в силах на Ставропольском участке фронта был создан не по доброй его воле, а благодаря взятию нашими войсками 13 октября Армавира.

Остатки полка после оставления города Ставрополя заняли позицию у с. Пелагиада, немного севернее города. Через два дня большевики пытались прорвать наш фронт. Они повели наступление крупными силами. Высоты около этого села переходили из рук в руки, и хотя под конец они и остались за большевиками, но все-таки прорваться им через корниловцев на этот раз не удалось. Корниловский ударный полк отошел на две версты и удержался со своими 25 пулеметами. Войска добровольцев и красных все время переходили поочередно в наступление.

22 октября добровольцы перешли по всему фронту в наступление. Корниловцам удалось выбить красных из Пелагиады и, взяв до тысячи пленных, подойти даже к подступам Ставрополя (потери полка 67 человек), но...

31 октября красные сами перешли в наступление. Начало этого наступления обнаружил прапорщик Чернов³¹⁹, оно было театральным: из густого от мороза тумана перед ним точно встали видения пута-чевских времен, одни всадники были в бурках и смушковых папахах, другие в церковных облачениях, из-под которых блестили шпоры, а один даже надел на голову митру. Пулеметы Чернова смели «видения», но за ними высыпали полчища красных. С гиканьем и криками они обрушились на корниловцев. Пули взрывали землю, у прапорщика Чернова была переранена вся пулеметная прислуга. Он вынул замки из пулеметов, сунул их в карманы, взвалил на свои плечи тяжело раненного своего друга, подпоручика Стратоновича, и понес его вдогонку за своими уползавшими ранеными пулеметчиками. Он благополучно пересек небольшое поле с еще подергивающимися телами корниловцев и наткнулся на своего командира полка полковника Индейкина. Он шел с опущенной головой, а следом за ним вел на поводу командирского коня его вестовой Санька, мальчуган лет двенадцати. До Чернова долетел плачущий голос Саньки: «Господин полковник, да садитесь же скорей на коня. Убьют ведь, смотрите, наших почти не видно!..» И действительно, реденькая цепь корниловцев маячила вдали от командира. Чернов, еле переводя дух от своей тяжелой ноши, не успел сказать: «Господин полковник, опасно...» — как Санька опять застонал: «Да я ж вам говорю, садитесь скорее, вон уже большевики на бутрах...» Полковник Индейкин вскочил в седло, поднялся на стременах и во всю мочь закричал: «Корниловцы, не отступать!» Потом, круто повернув своего коня в сторону большевиков, успел еще крикнуть: «Корниловцы, впе...» — и как сноп свалился с коня. Пуля сразила его прямо в лоб. Тело убитого командира полка, совершенно раздетое, было найдено через несколько дней, уже после того, как Ставрополь был взят добровольцами. Потери полка достигали 100 человек.

Странное впечатление производит смерть на войне. Дома, когда умирает близкий человек, сразу прерывается обычная жизнь, наступает тишина, благолепие, надгробное рыдание. Со смертью главы семьи родные, как спицы без втулки, теряют опору, разбредаются. А на войне погибает командир, тот центр, от которого тянутся нити, часто более крепкие, чем кровные узы, и нет места ни унынию, ни горести, боевая жизнь полка ни на одно мгновение не за-

медляет хода, тем же темпом, уже с новым командиром, она не-сется дальше...

1 ноября командиром Корниловского ударного полка был назна-чен старейший корниловец молодой капитан Скоблин.

Лично от себя добавлю, что сам полковник Индейкин стал напрас-ной жертвой, переоценив свои командирские возможности. Хотя и говорят, что «привычка великое дело», но и она срывается, когда пер-естает оперировать реальностями. После боя у Татарки и особенно при обороне Ставрополя в полку могло остаться три неполных роты, и если полк отбивал противника, то только пулеметами и артиллери-ей. Ночь и туман лишают командира возможности использовать эту силу, и он должен был видеть, что почти несуществующую пехоту и перебитых пулеметчиков никакая сила не бросит в контратаку. Он, как выдающийся командир полка, с большим боевым опытом на этой должности, своей горячностью лишил Добровольческую армию и свой Ударный полк блестящего и верного сына России. Вечная и славная ему память!

Потери полка с 15 октября у с. Пелагиада и до 1 ноября 285 че-ловек.

Подобно полковнику Кутепову под Екатеринодаром, капитану Скоблину пришлось принять лишь остатки полка, всего 220 шты-ков. Через несколько дней и от этого осталось только 117 штыков.

Красная армия, выбитая из Ставрополя, всей своей массой двину-лась на север и разорвала кольцо добровольцев, пробившись через фронт 2-й дивизии. После этих боев под Ставрополем Корниловский ударный полк был отправлен в Екатеринодар на отдых и пополнение. Весь полк со своей хозяйственной частью свободно разместился в восьми вагонах.

От начала 2-го Кубанского похода и до отправки полка на пополне-ние в Екатеринодар полк понес потери в 2693 человека убитыми и ранеными, потеряв в последних боях своего доблестного командира полка полковника Индейкина. Полк редко имел в своих рядах 1200 человек, и если принять во внимание его большие потери, то можно смело сказать, что за 2-й Кубанский поход он три раза сменил свой состав. Главная сила полка, как и в первое время, была в пулеме-тах. Пополнялся же полк через свои вербовочные пункты главным об-разом пленными, от командования он и половины не имел. Для умень-шения потерь у нас многого не доставало, особенно бронемашин. Способ бить противника живой силой никогда не выгоден, а в те вре-мена в особенности, так как техники все же больше было у красных. Выручала нас жертвенность добровольцев и сознательной части казаче-

ства Крестьяне Ставропольской губернии, не в пример иногородним Кубани и Дона, относились к нам благожелательно, но реально помочь нам не могли, потому-то мы заняли только часть их территории, да и та постоянно переходила из рук в руки

Ноябрь 1918 года в Екатеринодаре

По городу сразу разнеслась весть «приехали корниловцы», и в тот же день с раннего утра в здание городского училища, где разместились полк, стали приходить разные люди за справками о судьбе своих родственников. В 4 часа утра первым пришел пожилой мужчина. Некоторые офицеры еще не спали. Взволнованным голосом ранний посетитель обратился к ним:

— Родные мои, это вы корниловцы?

— Да, здесь корниловцы, — ответил дежурный офицер.

— Дорогие мои, — продолжал посетитель, — когда вы были в Армавире, а потом уходили дальше, я благословил на ратный подвиг двух своих сыновей. Одному 12 лет, другому 14. Карповы (фамилия вымышлена по понятным причинам) они называются. С вами ушли... Что с ними? Скажите, ради бога, скажите скорее, душа истомилась...

— Кто тут Карповы? — громко спросил дежурный офицер.

Услышав эту фамилию, к незнакомцу подошел прапорщик Чернов, еле спасшийся со своим раненым другом из плена, и спросил, в чем дело.

— Да я родной отец этих Карповых, — услышал Чернов. — Вот уже несколько недель я их поджидаю... Покой потерял... Писал им, но так и не получил от них никакой весточки ..

— Успокойтесь, успокойтесь, Бог сохранил ваших детей .. Вот они спят. — И Чернов показал на нары.

Отец всхлипнул, быстро подошел к нарам и нагнулся, всматриваясь в дорогие лица. Потом трижды перекрестил своих сыновей и поцеловал их.

— Славные мои, проснитесь... Ваш папа пришел... Проснитесь же...

— Уйди, не мешай спать, — сквозь сон, не открывая глаз, баском протянул старший.

— Знаете что? — сказал Чернов. — Не будите детей, пусть отсыпаются, уже недолго до рассвета.

Отец согласился, отошел в сторону, потоптался немного на месте, а потом опять подошел к офицерам. Ему надо было слушателей. Он стал рассказывать, как его дети попали в Корниловский полк:

— Учились они у меня в Армавире, в гимназии. Старший был в четвертом классе, а младший во втором. Когда началась у нас смута и воцарились большевики, дети мои ни одного дня мне не давали покоя. Отпусти да отпусти в Добровольческую армию. Я их и так и эдак уговаривать: малы вы, кончайте сначала гимназию, а там видно будет. А они мне в ответ: никаких гимназий, за Россию сейчас надо воевать, а учение потом. Не благословишь нас, все равно уедерем в Корниловский полк. Больше всех полюблился им ваш полк.. Ну что мне оставалось делать? Времена тяжелые... И благословил я их... Господи, какая радость, дождался я, увидел своих воинов. .

Через несколько часов дети, захлебываясь и перебивая друг друга, подробно рассказывали отцу, как они в боях подносили патроны, помогали раненым и даже сами стреляли из пулемета. Старший с еле заметным пушком на губе, напрягая ломающийся голос, все время старался показаться перед отцом, какой он старый, обстрелянный солдат, а младший, хорошенький мальчик, прижался к отцу и прошептал, что ему было тоже куда удобнее носить винтовку, чем ранец с книгами...

В городе корниловцы расположились в здании городского училища и с места принялись приводить себя в порядок. Первые дни были отмечены радостными и печальными справками о своих родных и близких знакомых, служивших в нашем полку. Екатеринодар представлял собой тогда шумный военный лагерь, где элемент с деньгами позволял себе кутежи и неприятные для нас вольности. Сначала наше обмундирование не позволяло нам даже выходить в город, особенно на главные улицы, но потом мы принарядились и стали оценивать обстановку. Первый раз корниловцы познакомились с этим городом в печальные дни 1-го похода с его окраин, второй раз наша офицерская рота была здесь на похоронах генерала Алексева, и теперь остатки полка приехали пополниться и отдохнуть от своих ратных трудов. Ни первое знакомство, ни второе с третьим не радовали наше деловое сознание. С приездом многих выздоровевших от ран было решено подать генералу Деникину рапорт-письмо от оставшихся первопоходников с просьбой: для прекращения кричащего разгула среди покрывшего нас мрака Гражданской войны просим назначить комендантом города помощника командира нашей офицерской роты поручика Гракова, еще не выздоровевшего от раны, полученной 14 октября, с обещанием сохранения должного чинопочитания ко всем военнослужащим. Ответ был отрицательным, хотя и с изложением причин отказа.

Мы понимали, что военным нужно время от времени встряхнуться, но это не должно было доходить до открытых кутежей воинских

чинов, со стрельбой и чуть ли не рубкой на улицах. И как это ни печально, все эти явления, нарушавшие столь необходимую нам для ведения войны мирную жизнь рабочего населения, преподносились главным образом героями тыла или ловчилами с фронта. Радовало и поднимало настроение в полку возвращение корниловцев из госпиталей и приток новых добровольцев.

Я, пишущий эти строки, прибыл в полк, залечив три свои раны, полученные в бою за Ставрополь 14 октября, из города Ейска примерно дней за десять перед отбытием полка снова на фронт. Госпиталь в Ейске, как мне тогда казалось, был заполнен только корниловцами. Несмотря на бодрость и молодость, все же страдания были велики. Бедному нашему командиру роты капитану Пуху все время оперировали его разбитую пятку. Он почему-то просил доктора, чтобы я присутствовал при операциях, и поэтому я видел, как он при даче ему хлороформа считал до пятидесяти, снова считал, задыхался и вообще все переносил очень болезненно. В то же время тот же хлороформ не позволял мне считать дальше пяти, после чего меня резали спокойно. Ежедневный вид этих страданий расстраивал психику и у выздоравливающих, и это часто бывало причиной преждевременного выхода из госпиталя. Средства и состояние наших костюмов не располагали к выходам на прогулки или развлечения, а потому ехали в полк, помимо причин и побуждения чисто патриотического, еще и по причинам вышеизложенным.

С прибытием в полк я снова был назначен фельдфебелем 1-й офицерской имени генерала Корнилова роты. В это время в полк прибыли два выдающихся офицера, полковник Камионко³²⁰ и полковник Гордеенко Карп Павлович³²¹. Полковник Камионко был назначен командиром 1-го батальона, а полковник Гордеенко командиром нашей офицерской роты. Полковник Камионко, офицер славного Апшеронского полка, представлял собой образец офицера, а четкость и сила его голоса были удостоены нами двустилишем: «Кто кричит так громко? Это наш полковник Камионко». В Каменноугольном бассейне он был взят от нас на формирование своего родного Апшеронского полка и, по словам его однополчанина, ныне нашего, полковника Рябинского, погиб со своим полком в боях где-то в горах Кавказа. Полковник же Гордеенко с должности командира роты получил наш 1-й батальон и потом был удостоен высокой чести быть командиром нашего прославленного в Великую войну, а потом и в Гражданскую 1-го Корниловского ударного полка. Его знание строевого дела, родная корниловскому сердцу лихость и простота в обращении создали ему прочное положение на новом и почетном для него месте служения нашей Родине.

Все дни стоянки Корниловского полка в Екатеринодаре шла спешная работа. Прием пополнения, ежедневные занятия, хозяйственные заботы шли непрерывно. Готовились к смотру перед Главнокомандующим. Хотелось показаться во всем блеске, и швейные машины стучали в мастерских не хуже пулеметов на фронте. С прибытием пополнения со всех концов корниловцам был устроен парад 26 ноября. Парад принимал сам Командующий Добровольческой армией генерал Деникин. Весь город высыпал на Соборную площадь. Полк построился. Начался вынос знамен. Среди ветхих полотнищ колыхался черно-красный стяг полка. Горожане склонили обнаженные головы. Раздалась команда «смирно!», и перед фронтом показался в серой шинели командир полка Скоблин, на днях произведенный в полковники.

— Да какой же их командир молоденький да тоненький, — зашептали в толпе женские голоса.

Через несколько минут звонким голосом на всю площадь уже подал команду сам командир.

В своем неизменном пальто цвета хаки и серой офицерской папахе вышел на середину фронта генерал Деникин. Поздоровался негромким, но четким голосом. Ответ заглушили крики «ура» и колокольный звон. Из собора выходило духовенство.

— И еще молимся о многострадальной родине нашей, — в полной тишине провозглашал диакон, подымая руку к небу, а хор протяжно взывал:

— Господи, помилуй...

После молебна на площади перед собором, при массовом стечении публики, генерал Деникин благодарил полк за его жертвенную боевую работу, которой мы лишней раз подчеркнули, что достойны памяти своего Вождя и Шефа полка генерала Корнилова. Несмотря на то что в тот момент полк состоял из только что влитого пополнения, генерал Деникин остался доволен видом полка, а полк, в свою очередь, прокричал ему чисто русское свое громкое «ура». Конечно, генерал Деникин, как старый и опытный военный, не увидел в наших рядах, хотя и стройных, бывшего лихого корниловского духа, но сказал нам хорошее, воодушевляющее слово, вспоминая наше славное прошлое. Корниловцы это поняли, и настроение от этого у нас тогда сильно поднялось.

После парада долго долетала до площади постепенно замирающая песня уходящего полка:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую...

Приезд в Екатеринодар от союзников английского генерала Пуля был большим событием. Почетный караул ему был выставлен от Корниловского ударного полка. Настроение у всех было приподнятое, все тогда верили, что союзники нам окажут большую помощь. 6 декабря в Войсковом собрании Кубанского войска корниловцы в торжественной обстановке отпраздновали именины своего командира полка. Было много почетных гостей, англичане, министр иностранных дел Сазонов³²², именитые горожане. Говорили речи, полные веры в скорое возрождение России, с надеждой взирали на корниловцев.

В то же самое время эти самые корниловцы, оплот и упование, сидели в громадной комнате напротив, через улицу, и спокойно взирали на это пиршество, закусив чем бог послал из ротной кухни. Быть может, и мы попали бы на этот пир, не хуже же, на самом деле, были мы других, только что прибывших и теперь попавших туда, но мы сами уклонились, многие из нас так и не смогли освежить свой заношенный костюм, а поражать своей бедностью джентльменов-англичан национальная гордость не позволяла. Зависти к пирующим у нас не было, так как мы знали, что было достойное представительство.

За несколько дней до Рождества, когда уже все готовились к праздникам и корниловцы бегали по магазинам, чтобы хоть чем-нибудь отблагодарить радушных хозяев, на чьих квартирах они разместились, неожиданно пришел приказ: готовиться к погрузке. Проводы были торжественные: были Наталия Лавровна Корнилова³²³ с братом Юрием и много родных и знакомых. За время отдыха полк ходил на место смерти генерала Корнилова и полковника Неженцева³²⁴, где была отслужена панихида. И теперь многие из нас, отрываясь от этих мест навсегда, с гордостью вспоминали наше историческое и в то же время трагическое прошлое. Жизнью вождя, генерала Корнилова, была принесена великая жертва во имя спасения самого бытия России, зажигался светоч борьбы. Светоч разгорелся, и это было нашей гордостью. Родные, знакомые провожали полк до вокзала. Выкрикивали дорогие имена, махали шапками, слали добрые пожелания, свали в руки уходящих свертки, плакали. Отъезжали эшелоны корниловцев весело, пели «Корниловцу удалой, ты люби свой полк родной и для славы его не жалея ничего!».

Мужайтесь, матери, отцы,
 Терпите, жены, дети,
 Господь за нас, мы победим,
 Да здравствует Россия!

Мужайтесь, матери, отцы,
Терпите, жены, дети.
Для блага Родины своей
Забудем все на свете.

Состав полка был более 1200 человек. Выгрузили корниловцев в Ставрополе, а оттуда через несколько дней направили в село Петровское. По приказанию генерала Врангеля, тогда командира конного корпуса, Корниловский ударный полк из села Петровского перешел в Малые Айгуры.

В Ставрополе были подсчитаны наличный состав и техническая часть, и оказалось, что полк насчитывает в своих рядах более тысячи человек. Не густо, но и это слава богу. В Малых Айгурах полк поступил в распоряжение командира Корниловского Кубанского конного полка полковника Бабиева. Накануне красная кавалерия внезапно налетом пыталась овладеть Малыми Айгурами, и большевикам готовилось возмездие.

Вечером накануне Нового года отряд полковника Бабиева растянулся по дороге на селение Каз-Гулак, занятое 9-м и 10-м советскими полками. Было приказано подойти к селению вплотную, окружить его пулеметами и по сигнальному выстрелу из гаубицы сразу открыть огонь из всех орудий и пулеметов. Подошли к селению. Шепотом пронеслась команда: «Стой!» Отдельными ротами с пулеметами селение было окружено. Быстро шло время напряженного ожидания. Хрустел снег под ногами, лаяли собаки. Вдруг блеснул сноп огня, рванула гаубица и, перебивая друг друга, загрохотали орудия и застроили пулеметы. Через двадцать минут Каз-Гулак был взят. Светало. Около реки за селением столпились полураздетые люди. Одни стояли молча, другие метались и кричали истощенным голосом. Некоторые бросались в воду, но их подхватывало течение и уносило под лед. На площади выстроили до 600 пленных. Их ряды обошел полковник Скоблин.

— Кто хочет служить России вместе с нами, а не с красными супостатами, три шага вперед! — скомандовал Скоблин.

На месте осталось пять комиссаров.

Прапорщик Чернов пошел раздобывать фураж. В одной скирде нашел закопавшихся в соломе трех мужчин.

— Кто вы такие? — воскликнул Чернов.

— Ваше бла-бла-городие... Мы... мы за офицеров, — насили заговорил один лохматый, весь облепленный соломой.

— Идите за мной...

Чернов повел их к своему взводу.

— Ваше благородие, отпустите душу на покаяние, помилосердствуйте, не расстреливайте, — стонали пленники.

Самый старший из них, лет около 50, вдруг протянул руку к Чернову и стал совать ему кошелек и царские пятирублевые кредитки:

— Ваше благородие, яви Божескую милость, купи на эти деньги булочки и пошли их моим детям на помин души по отцу... Адрес мой найдешь в кошельке...

— Да убери ты свои деньги, — вскипел Чернов, — никто и не собирается вас расстреливать. А ты, коли хочешь, ступай ко мне во взвод ездовым. Но служить будешь не мне, не офицерам, а России. Понял? России. Чтобы Россия была по-прежнему великой, русской, православной...

Пленники перекрестились.

Мои впечатления об этом: бедный русский простолыдин, сбитый с толку пропагандой большевиков, сулившей ему золотые горы, рубил в куски первого попавшего ему под руку, показавшегося ему «врагом народа», но когда мнимый «враг народа» сам стукнет ему по лбу, как это случилось с вышеуказанными тремя пленными, тут их мозги сразу проясняются, результатом чего на этот раз было пополнение для Корниловского полка в 600 человек. Подобного рода случаи мы увидим потом и при ликвидации движения Махно, когда во 2-й Корниловский ударный полк было влито из ставропольцев и махновцев пополнение, которое верой и правдой служило России в наших ударных полках.

В тот же день отряд полковника Бабиева направился к селению Овоши. Оно было укреплено окопами с проволочными заграждениями. Красные, думая, что к ним идет подкрепление, закричали было «ура», но потом спохватились и открыли стрельбу. Стремительной атакой 3-го батальона под командой капитана Морозова красные были выбиты из окопов. Входили корниловцы в село под звуки Егерского марша, выдуваемого при сильном морозе на Георгиевских трубах, зашаченных с оркестром красных.

В этих боях я командовал временно офицерской ротой полка и был свидетелем блестящей работы тоже Корниловского, но конного, Кубанского полка под командой уже тогда прославленного полковника Бабиева, сына генерала Бабиева³²⁵, впоследствии начальника Кубанской конной дивизии. Красные в этом бою имели в своих рядах какую-то унтер-офицерскую бригаду и дрались упорно, местами переходили в контратаки и снова возвращались в свои окопы. Поэтому офицерской роте было приказано ударом с нашего левого фланга помочь 3-му батальону. Передвигался тогда полк главным образом на подводах, и потому движение по снежному полю Корниловского

ударного полка и Корниловского конного Кубанского представлялось внушительной силой. И вот на фоне этой картины 3-й наш батальон врывается в окопы красных, которые не думают уходить. Офицерская рота на виду у противника и под его обстрелом соскакивает с повозок, направляясь на усиление нашего левого фланга, а левее роты сотня за сотней несется змейками конный полк полковника Бабиева, маскируясь легкими складками местности. Я был в восторге от согласованности удара конницы с пехотой и вообще от красоты этой живой картины. Удар во фланг и тыл противника был настолько молниеносным, что кончился полным разгромом красных. Сотни кубанцев, как стаи волков, выскакивали в тыл и рубили красных. В этом же бою я был свидетелем неоднократно виденного мною явления, которое у нас называется «судьбой». Когда офицерская рота оставила свои повозки и рассыпалась в цепь, ко мне подходит бледный прапорщик и просит разрешения остаться на повозке. По его лицу было видно, что с ним происходит что-то исключительное, и я дал согласие. Не успел он занести ногу на повозку, как я слышу легкий стон и вижу, как он сползает вниз и падает. Я не мог отставать в такой момент от роты и должен был быть на своем месте, а потому только по окончании боя узнал, что предназначенная ему пуля и здесь нашла его, что он и предчувствовал. Вечная ему память!

Два следующих дня отряд полковника Бабиева отбивал атаки красных на село Овоши, а 4 января 1919 года было получено приказание полку спешно выступить на присоединение с 1-й дивизией генерала Казановича. Большими переходами по 30—35 верст, в трескучие морозы, 7 января корниловцы соединились с 1-й дивизией на хуторе Марвинском, откуда все двинулись на Минеральные Воды.

Сопrotивление Северо-Кавказской красной армии было сломлено. Красноармейцы расплылись. На своей русской земле, не смея заходить в станицы, они шли по железнодорожным путям и тысячами гибли от холода, голода и тифа. Так бесславно гибли те, которые еще так недавно громили турецкую армию и штурмом брали Эрзерум.

А. Рябинский

БРОНЕАВТОМОБИЛЬ «ВИТЯЗЬ»³²⁶

В бою на ставропольском направлении (31 октября 1918 года) перед селом Пелагиада глухой взрыв и поднявшийся к небу столб черного дыма возвестили всем о геройской гибели броневтомобиля «Витязь».

На нем находились первопоходники: капитан Гунько, дроздовец, командир машины; унтер-офицер вольноопределяющийся Николай Назаров, донец, шофер броневика; поручик Орловский, корниловец, наблюдатель и шофер заднего руля; подъесаул Борис Федосенко, корниловец, пулеметчик на правой башне; подпоручик Безклаубов, корниловец, пулеметчик на левой башне.

Спустя немного времени генерал Врангель препроводил в Штаб Добровольческой армии задержанного на фронте его дивизии бывшего пулеметчика на «Витязе», подъесаула Бориса Федосенко, служившего у красных и перебежавшего на нашу сторону. Федосенко был отдан под суд.

— Доложите суду, — обратился к нему председательствующий, — как вам удалось избежать общей участи команды броневомобиля «Витязь»?

— В этот злосчастный день, — начал свой доклад Федосенко, — мы работали с Корниловским ударным полком, в успехе наступления которого не сомневались. Мы выехали и на максимальной скорости машины быстро проскочили все цепи большевиков; совершенно потеряли зрительную связь с корниловцами. Капитан Гунько хотел, по примеру боев у Белой Глины, Тихорецкой, Армавира и др., влететь в Пелагиаду и, наведя там панику, обратным рейсом действовать в тыл наступавшим большевикам. Противник вел сильный артиллерийский огонь, но вначале нас не обстреливал. А на ружейные пули, как градом колотившие броню машины, мы не обращали внимания. Осколком пули, попавшей в прицел пулемета, я был ранен в щеку.

Множество целей перед Пелагиадой потребовало большого расхода патронов. Густые цепи «товарищей» шли одна за другой. Подавляющая и невиданная доселе численность их была очевидна, но все же у нас всех оставалась уверенность, что вот-вот они начнут если не бежать, то отступать. Мы израсходовали массу патронов. Несмотря на термосифонное охлаждение пулеметов, пар струями выходил из паротводных трубок. По нас начала бить артиллерия, и мы принуждены были продвигаться вперед скачками. О том, чтобы двинуться назад, и мысли ни у кого не было.

Наши части не подходили. Мы не могли их видеть даже в бинокль. Всюду были видны только большевики. Чувствуя неладное, командир приказал включить задний руль и двигаться назад. Но в этот момент снарядом было повреждено заднее колесо машины. Капитан Гунько приказал бережно расходовать патроны; огнем держать противника в отдалении, чтобы с наступлением сумерек оставить машину. Поручи-

чик Орловский подал нам последние две ленты с бронебойными пулями, хранившиеся как неприкосновенный запас.

На фронте настало затишье. Очевидно, наши отошли. Наступившие сумерки позволили большевикам приблизиться к машине. «Огонь! Огонь! И мы оставляем машину!» — крикнул капитан Гунько. В револьверные отверстия мы открыли огонь из револьвера. Я выпустил последнюю очередь, замолчал и пулемет Бесплюбова. «Товарищи» подошли очень близко. Слышны были их брань и крики: «Кадеты, выходи!» «Господа! — обратился к нам Гунько, — прощайтесь друг с другом: я взрываю машину. Кто хочет, выходите». — «Игорь, стой, — сказал я, — я выхожу». Я пролез в башенный люк и соскочил с броневика. Не успел я сделать и пяти шагов, как взорвалась и загорелась машина. «Товарищи» хотели меня сразу расстрелять, но их начальник приказал для допроса отвести меня в Штаб.

В Штабе доктор, перевязавший рану Федосенко, принял в нем участие и оставил его в качестве фельдшера при подвижном госпитале. Федосенко получил верховую лошадь и однажды, воспользовавшись паникой у красных, бежал к своим.

В память героически погибшего «Витязя» следующая по выпуску из Запасного Броневого автомобильного дивизиона машина была названа «Памяти Витязя». И этот броневой автомобиль, как и «Витязь», со всей командой взорвался и сгорел в сентябре 1919 года в отряде генерала Троянова под Черным Яром. Подробности его гибели никому не известны. Имена погибших Ты, Господи, веши.

А. Чуйков³²⁷

ИХ БЫЛО ЧЕТВЕРО³²⁸

В изданной в прошлом году юбилейной брошюре «Корниловцы» в отделе «Корниловская артиллерия» при описании подвигов офицеров-артиллеристов почему-то не было упомянуто о героическом подвиге четырех офицеров второго орудия Первой Корниловской батарее.

В связи с пятидесятью годовщиной боя, в котором погибли эти офицеры, мне и хотелось бы заполнить этот пробел.

В конце сентября 1918 года корниловцы, отступив от станицы Невинномысской, остановились и закрепились в станице Темнолесской. Эта станица находилась в юго-восточной части Кубанской области, на границе Ставропольской губернии, и была расположена на высокой горной террасе с глубокими, крутыми склонами, на западе —

в сторону ст. Невинномысской и на юге — в сторону бедного селения Голопузовка. С этих точек открывается красивый вид на окрестности

На восток от станицы местность уже иная, слегка пологая, а на север, наоборот, имеет небольшой подъем. Туда вела дорога в город Ставрополь через станицу Татарскую, дорога, по которой в прошлом столетии двигались как армия, так и отдельные лица из России на Кавказ и обратно. На самой вершине подъема был небольшой лесок.

Как известно, в 1918 году артиллерия Корниловской дивизии действовала поорудийно, как самостоятельная боевая единица, придаваемая какой-либо части пехоты; это при наличии слаженности в работе орудийного расчета и легкой маневренности давало большой боевой эффект орудия.

26 сентября 1918 года (по ст. стилю) наше второе орудие неожиданно было вызвано на западную окраину станицы, и мы увидели вдали цепь конных; по-видимому, это была разведка красных.

Выпустив по ним несколько шрапнелей, мы увидели, как конные повернули и умчались. Значит, нужно ожидать в скором времени атаки с их стороны, решили мы и вернулись обратно.

Наш орудийный расчет в это время, включая и командира орудия, состоял из семи человек: двух штабс-капитанов, поручика, двух подпоручиков и двух прапорщиков — меня и другого, исполнявшего обязанности наводчика; я же был четвертым номером (основной моей обязанностью было изменять направление орудия, передвигая лафет орудия в горизонтальном направлении по указанию наводчика).

Фамилий своих соратников я не помню, кроме одной — поручика Бакунина. Мы его звали «папашей», жена его работала сестрой милосердия в лазарете станицы Тихорецкой.

Вместо командира орудия, капитана Мутсо³²⁹, уехавшего в Ставрополь, нами временно командовал один из штабс-капитанов. В ту ночь, то есть в ночь на 27 сентября, весь наш расчет спал в одной комнате на полу.

И вот рано утром нас неожиданно разбудил дневальный криком: «Тревога!» Мы быстро оделись и — на улицу, а там уже слышна была ружейная трескотня. Запряжка ждала готовой, и мы мчимся, по направлению выстрелов, на восточную окраину станицы.

Надо сказать, что в это время почти каждый день по утрам стоял густой туман, который часам к девяти расходился.

Выскочили мы из станицы, но через минуты две были задержаны офицером-корниловцем:

— Я командир роты, моя цепь недалеко, очень прошу открыть огонь, необходима поддержка.

Отъехав немного в сторону, быстро снимаемся с передка, вынимаем лотки со снарядами, отсылаем передки в укрытие в станицу и... теряемся...

— Куда стрелять, ведь ничего же не видно, — обращается командир орудия к корниловцу.

— Ничего, ничего, открывайте огонь, это крайне необходимо для моральной поддержки. Цепи наши не дальше версты, — крикнул тот и скрылся в тумане.

Даем несколько выстрелов с большими интервалами: снарядов не так много, а стрелять «на авось» не принято, ибо есть правило: «не вижу — не стреляю».

Стали посвистывать пули... По дороге потянулись легкораненые... Провели какого-то офицера, видно, как крепко держат его за руки и успокаивают. Слышен его истерический крик: «Брата убили, брата моего убили, пустите, отдайте винтовку, я отомщу!»

Свист пуль усиливается, иногда слышится звук рикошетов.

Бесцельная стрельба нас нервирует... Подбегает уже знакомый нам командир роты и кричит:

— Имейте в виду, цепи отходят!..

Но мы это видим теперь и сами. Туман рассеивается, и, как в театре после поднятия занавеса, перед нами открылась вся картина.

Шагах в трехстах впереди — медленно отходящие цепи корниловцев, а за ними наступающие цепи противника, за которыми группируется конница, очевидно в ожидании атаки.

Ясно, что при таком положении необходимо сменить позицию, оттянув орудие назад, и командир орудия уже собрался меня послать за передком, но тут к нам неожиданно прискакал наш командир батареи, полковник Королев³³⁰.

Одоблив решение о перемене позиции, он сам вызвался прислать наш передок и умчался обратно в станицу. Но мы, не теряя времени, ведем интенсивный огонь по цепям противника.

Выстрелы чередуются спокойно и четко, каждый хорошо знает свое дело. Становится жарко, сбрасываем шинели...

Доносится крик: «Пулемет слева!» Это кричат наши и показывают влево, но мы и сами заметили, орудие уже направлено в ту сторону.

Первый разрыв шрапнели — недолет. Второй — удачнее... Пулеметная тачанка повернула назад и помчалась. Шлем вдогонку третий снаряд. Пулеметной тачанки больше не видно.

Переносим огонь опять на цепи противника. Стрельбе мешает близость своих цепей.

Но вот сзади послышался лошадиный топот. Это мчится передок нашего орудия. Надо сниматься с позиции. Приготовились к прицепке орудия, но в тот момент, когда передок развернулся и подкатил к орудию и нам осталось только надеть хобот на шкворень передка, правая коренная падает как подкошенная, судорожно забившись и захрапевши, горло, шея и голова в крови! Чтобы прекратить мучения, командир орудия пристрелил ее из нагана, а оба подпоручика бросились освободить из-под убитой лошади упряжь.

Это очень трудно сделать, тем более что коренная лошадь была очень грузной. Снять натянутые как струны постромки, вытащить упряжь и запрячь, вместо убитой, лошадь командира орудия — на все это нужно время.

Откатываем орудие в сторону от убитой лошади, чтобы дать возможность упряжке вновь захватить к орудию, а пока ведется перепряжка, открываем вновь огонь по цепям противника.

Я перетаскиваю снаряды и наши шинели на новое место и наблюдаю за упряжкой. Ее удалось как-то поставить в продольное положение к фронту. Это хорошо, так как уменьшает площадь поражения, но плохо то, что передняя правая лошадь стала чересчур нервничать: становится на дыбы и переступает постромки, видно, что чем-то напугана, а может быть, и ранена. Да и остальные лошади не стоят спокойно. Это и немудрено: наши цепи лежат почти на линии нашего орудия. Сказывается и присутствие убитой лошади.

Вижу, как один из подпоручиков отбежал в сторону, присел и начал перевязывать ногу, а потом заковылял в станицу. Через некоторое время другой — спешит к нам: в одной руке лоток со снарядами, а другая, окровавленная, поднята; бросает лоток, вынимает из кармана шинели полотенце, обматывает простреленную руку — ранение в ладонь — и скорым шагом направляется в станицу.

Стрельба наша продолжается. Уже можно стрелять «на картечь», так как нашей пехоты впереди нет: она отошла.

Орудийный щит надежно защищает нас от пуль. Нас пятеро при орудии и десятка два снарядов... Слева опять показывается пулемет... По приказанию командира орудия навожу в этом направлении. Даем выстрел, другой... И вдруг чувствую удар в носок правого сапога. Вижу там маленькое отверстие и кровь. Чувствую кровь в сапоге. Заявляю командиру орудия:

— Я ранен в ногу.

— Сможете сами дойти?

— Попробую.

Делаю пару шагов, но тут же приседаю от резкой боли в подошве ноги... Неужели не дойду? Пробую ставить ступню на ребро. Больно, но терпеть можно, да и нужно. Ковыляю в станицу, иногда вприпрыжку на левой ноге... Остановился передохнуть у плетня первого дома. Двор большой — на весь квартал, большая часть его — под садом. В саду несколько наших пехотинцев и пулеметная двуколка.

Я оглянулся. У орудия копошатся трое, четвертого не видно. Продолжают стрелять... Кого же это нет? Ага, нет «папаши»! Убит? Так где же труп? Правда, его трудно обнаружить среди разбросанных шинелей, кустиков бурьяна, молочая, и я, напрягая зрение, никак не могу найти! Ломаю голову, стараясь понять, почему не отходят, сняв замок с орудия? Ведь наши цепи все отступают и отступают, а отдельные бойцы уже достигли станицы и заехали в садах...

Где-то впереди справа застучал пулемет...

Ноющая боль в раненой ноге выводит из оцепенения, и я плетусь дальше. Сзади раздался орудийный выстрел... И еще.

Я не оглядываюсь, так как орудия уже не видно. Дохожу до угла, заворачиваю налево и тяжело валяюсь на наваленные бревна.

...Орудийных выстрелов больше не слышно.

Недалеко стоит подвода. С нее спрыгнули две милосердные сестры и подбежали ко мне:

— Вы ранены?

— Да, в ногу...

Одна сестрица снимает сапог и ловко бросает его на подводу, другая быстро обтирает ступню и забинтовывает. Пуля попала в ступню. Разорвала подошву и вышла в пятку.

— Ждите нас, мы едем за ранеными и на обратном пути заберем вас, — сказала одна из сестер, и подвода уехала.

Нервничаю и непрерывно курю. Выстрел... Неужели из нашего орудия? Жду еще, но напрасно! Это был последний, погребальный!

Мои мысли там, с ними, у моего орудия. Что случилось?..

А там разыгралась драма, каких, конечно, в Гражданскую войну было много и какие были обычным явлением, но для меня она была тяжелым ударом, так как касалась лиц мне близких, с которыми долгое время делил и горе, и радость... Не зная еще ничего определенного, я ждал, что вот вдруг из-за угла появится кто-нибудь из тех троих, оставшихся.

Опять прострочил уже совсем близко пулемет, а через некоторое время из соседнего проулка появилась пулеметная двуколка и напра-

вилась в мою сторону. Рядом с ней шли офицер и солдат, другой солдат сидел на двуколке. Поравнявшись со мной, офицер крикнул:

— Что же вы сидите? Мы последние. Уходите!

Я объяснил ему, что жаду подводу, и показал на раненую ногу.

— Может быть, вы разрешите мне сесть на двуколку? — спросил у него.

— О нет, дорогой! Ранена лошадь, а на двуколке уже сидит раненый.

— Ну, тогда разрешите хоть за двуколку держаться.

— Это, конечно, можно...

Я, ухватившись за край, заковылял рядом. Лошаденка еле плелась, на ее спине сочащаяся кровь. Недружелюбно думаю о сидящем на двуколке солдате: «Мог бы и идти, а я бы присел, ноги-то у него, наверно, не ранены». Спросил у офицера, не видел ли он орудия?

— Как же, конечно, видел. Я был сзади, видел, как около него во-зились двое и стреляли. Вот это герои!!! — ответил он с восхищением.

«Уж только двое», — подумал я и опять спросил:

— Почему же они не отступали, как по-вашему?

Офицер пожал плечами:

— Я вел стрельбу вправо, поэтому насчет орудия сказать ничего не могу, был занят своим делом.

Голову сверлит мысль: «Что могло случиться?» Может быть, у них был тяжелораненый и его не хотели бросить или ждали, что наши перейдут в контратаку? Все может быть, кто знает? Предположений могло быть сколько угодно.

Остановились, чтобы дать передохнуть лошадке, у какого-то переул-ка. Я закурил и предложил папиросу раненому солдату, но другой, здоровый, махнув испуганно рукой, предупредил:

— Нет-нет, ему нельзя курить! У него прострелена грудь!

— Грудь? — удивленно спросил я.

Мне всегда казалось, что ранение в грудь смертельно. Я посмотрел на раненого, и мне стало как-то неловко и стыдно за те мысли о нем, которые в первое время встречи невольно роились в моей голове.

Я расположился на земле у плетня. Офицер-пулеметчик подошел к углу, всматриваясь в переулочек. К нему подошел какой-то солдат и стал что-то объяснять, показывая в глубь проулочка. Пулеметчики собрались стрелять. Ездовой, передав вожжи раненому, стал помогать офицеру у пулемета... Дали очередь... А лошадка — никакого внима-ния, стоит понуря голову.

После очереди офицер окликнул меня и, указывая на солдата, сказал:

— Вот этот вам может о вашем орудии кое-что рассказать!

К сожалению, ничего нового я не услышал. Находясь левее орудия, он, правда, видел при орудии сначала пять человек, потом четверых и трех, а потом только двух. Видел, как все время меняли положение орудия то влево, то вправо и что последняя стрельба велась вправо. Вот и все.

Тронулись дальше. После долгих перипетий, переползая овраг и еле выкарабкавшись по крутизне наверх, я страшно ослабел, у меня закружилась голова и я почти терял сознание, когда неожиданно услышал:

— Еще немного, дружище, здесь цепь...

Через некоторое время я скатился в большой естественный ров, образованный стоками дождевой воды, в котором оказались корниловцы, которые, будучи возбуждены боем, отдыхали и постреливали по станице, где теперь засел противник.

Отдохнув, я побрел дальше по неровному дну оврага, опираясь на откос. Затем вылез и вскоре был на перевязочном пункте. После осмотра и перевязки через станицу Татарскую я уехал в ставропольский госпиталь, где впоследствии узнал, что мое предположение о гибели четырех офицеров второго орудия оказалось верным.

Из семи офицеров орудийного расчета трое были ранены, а четверо убиты. Орудие осталось на месте вследствие невозможности его вывезти и, очевидно, попало в руки красных, но в тот же день станица Темнолесская снова была занята нами и наше орудие взято обратно. Тело одного из штабс-капитанов было найдено, зверски изуродованное, на дороге между позицией орудия и станицей.

Не пожелали ли погибшие оставить орудие из-за соблюдения долга чести или не смогли этого сделать по другим причинам, не все ли равно?

Они пали смертью храбрых, ведя бой до последней возможности!

Склоним же головы перед их подвигом.

Их было четверо: два штабс-капитана, поручик и прапорщик.

Фамилия поручика — Бакунин. Фамилий остальных не помню.

А. Чуйков

НА НЕВИННОМЫССКУЮ³³¹

Обладание станицей Невинномысской и железнодорожной станцией при ней, отстоящих на 78 верст от города Армавира в сторону Баку, в период времени август—сентябрь 1918 года, для Белой армии имело большое стратегическое значение, именно: оно разъединяло

группы красных, действующих в районах — одна в Армавирском, другая в Минералводском, и в то же время «связывало» свою группу, оперирующую в Ставропольском районе, с районом Баталпашинского и части Лабинского отделов Кубанской области.

Важно было и то обстоятельство, что на станции Невинномысская имелось основное паровозное депо с крупными мастерскими, где была возможность ремонтировать и даже оборудовать вновь бронепоезда, а это для красных, в руках которых находилась железнодорожная линия от ст. Кавказская и до Баку, была бы чувствительная потеря.

Участие в боях по обладанию станицы Невинномысской, точнее станцией, и поселка при ней принимал и Корниловский полк в составе дивизии генерала Боровского. Брали станицу и станцию два раза: первый раз 2 сентября и второй 8-го, причем в первый раз пробыли там только два дня, после чего были переброшены в станицу Темнолесскую. Станица Невинномысская Добровольческой армией была оставлена.

Захват станицы в первый раз был сопряжен с большими потерями для участвовавшего в этой операции Ставропольского офицерского полка. Когда мы прибыли в Темнолесскую из Невинномысской, туда неожиданно прилетел Командующий армией генерал Деникин и приказал собрать всех офицеров на окраину станицы.

Я явился туда с опозданием. Там уже было много выстроившихся офицеров и сам генерал Деникин, чем-то сильно возбужденный. Он уже в течение нескольких минут держал гневную речь, и я разобрал только отрывистые фразы, вроде: «...среди вас еще имеются малодушные и трусы... выбросьте вы таких из своей среды... помните о своем призвании офицера...» и т. п.

Когда мы стали расходиться, я спросил знакомого офицера, в чем дело, за что генерал нас так ругал. Тот пробурчал что-то насчет поведения Ставропольского офицерского полка в боях под Невинномысской, когда его бойцы, отрезанные бронепоездом красных от других наших частей, так растерялись и впали в такую панику, что кончали жизнь самоубийством, вместо того чтобы как-то реорганизоваться и выйти с честью из тяжелого положения. А когда я потом попытался расспросить одного из офицеров этого полка — правда ли, что о них говорят, тот нехотя ответил, что было и так, но что это в основном касалось тяжелораненых. Вскоре Ставропольский офицерский полк был расформирован как небоеспособный.

Сразу же по отбытии генерала Деникина и, вероятно, по его приказанию корниловцы вновь направились в сторону Невинномысской, несколько отклонившись на восток, и заняли с боем станцию и ма-

денький поселок при ней, что в 13 верстах от ст. Невинномысской, где и переночевали. Станция эта носила название Барсуки.

На другой день рано утром началось общее наступление дивизии Боровского на станицу Невинномысскую, причем корниловцы имели направление на станцию.

Я артиллерист, был номером при 2-м орудии 1-й Корниловской батареи. Вся наша орудийная прислуга — офицеры-артиллеристы, уже основательно «обстрелянные», бывалые. Наше орудие следовало ускоренным шагом, обгоняя какие-то двуколки. На одной из двуколок, покрытой брезентом, лежала дощечка с надписью «огнеопасно». Кто-то пояснил, что на этой двуколке везут пироксилиновые шашки для взрыва железнодорожного пути.

Сколько прошло времени, не помню, как сзади раздался оглушительный взрыв. Оглянувшись, примерно в полуверсте от нас, увидели огромное светлое «пятно», ярче дневного света, формой похожее на куриное яйцо... Это, как потом выяснилось, взорвалась двуколка с пироксилиновыми шашками и будто на этом месте остались лишь вокруг разбросанные куски от двуколки и солдат, бывших при ней...

Мы уже недалеко от своего батальона. Он рассыпался в цепь и залег. Сразу же завязалась интенсивная перестрелка. Стали на позицию и мы и открыли огонь по цепям противника, и тот не остался в долгу: стал обстреливать нас. Так продолжалось долго, у нас появились потери: ранен запасной номер при подноске снарядов, телефонист и ездовой, а также его лошадь...

Но вот наша пехота поднялась и пошла в атаку. Поднялись и цепи противника, но атаку не приняли и двинулись к станции...

Снялись с позиции и мы, и в тот же момент впереди слева появились два разрыва 3-дюймовых снарядов, потом опять два, но уже ближе к дороге. Следующие разрывы появились уже далеко справа от нашей дороги, а потом слева на старом месте. И так несколько раз. Такая непонятная стрельба дала нам возможность проехать опасную зону благополучно, так как стреляли по правилам, последующие разрывы должны были бы произойти где-то вблизи дороги, и тогда нам пришлось бы туго. Ломали голову над такой странной стрельбой и пришли к выводу, что ею руководил или незнакомый с правилами стрельбы командир, или, что более вероятно, нам сочувствующий, намеренно искажавший эти правила...

Торопливо продвигаемся вперед. По дороге встречаются медленно выходящие на дорогу раненые, видны и убитые. Их отмечают их же винтовками, втыкая штыком в землю так, что по торчащему прикладу сразу можно догадаться, в чем дело. Настроение при виде та-

кой картины становится грустным, подавленным, несмотря на то что его старается поднять наш неугомонный весельчак и балагур штабс-капитан, а вот фамилию, как ни напрягаю память, не могу припомнить. Как будто бы она заканчивалась на «ин».

Этот капитан «ин» был замечательной личностью, и о нем стоит сказать несколько слов. Веселый, остроумный, он с первого раза начинал всем нравиться. Назначенный в «штат» 2-го орудия, я отправился знакомиться со своими будущими соратниками, занятыми в тот момент чистой орудия. Я отрекомендовался, и тогда-то ко мне подошел с засученными рукавами и с засаленными руками капитан «ин» и, сделав «свирепую» физиономию, рявкнул:

— Прапорщик, дайте мне в зубы, чтобы дым пошел!

Я опешил, но, увидя, как один из чистивших орудие мимикой мне показал, что он, мол, просит закурить, засмеялся, вынул папиросу и сунул в рот капитану.

В мировую войну капитан «ин» находился на Кавказском фронте, и его шутки и неиссякаемые анекдоты были «пропитаны» кавказским духом, а обладая прекрасным музыкальным слухом и мастерством актера-комика, он веселил нас до упаду своими песенками с грубо искаженными словами. Исполнялись виртуозно и притом чудным тенором. Припоминается один куплет одной из таких песенок:

На один бе-риг ишак сто-ит,
 На другой бе-риг ему мать пла-акит,
 Он его лю-бит, он ему ма-ать,
 Он его хо-чит обнима-ать .. и т д.

Тут и «холодный вода», из-за чего мать ишака боится перейти речку, и сама мать, пробующая «ножкой», не холодная ли вода, и все в таком духе. Бывало, и грустит, но быстро приходит в свое обычное состояние балагура-весельчака. Вот и сейчас, глядя на убитого солдата, он с грустью запел арию Германа из оперы «Пиковая дама»: «Сегодня ты, а завтра я...» — тыча себе в грудь. Он-таки накаркал на себя: через несколько дней был убит под Темнолесской. .

Вот впереди слева уже показалась железнодорожная станция и окружающий ее поселок, а впереди справа неожиданно послышались отдаленные крики «ура». Глянули туда — и с замиранием сердца стали наблюдать захватывающее зрелище: наша конница, сверкая шашками, лавою помчалась в атаку. Но это, к большому огорчению, продолжалось недолго, передние всадники что-то замялись... остановились и... повернули назад, а за ними и остальные понеслись таким же аллюром, что и при наступлении. Крики «ура» смолкли сразу: видимо, атака не

удалась — напоролась на сопротивление. Несколько лошадей без всадников, потоптавшись, срывались и мчались за отступившими...

Мы спешим... Опять видны убитые и раненые: здесь, видимо, красные задержались. По полю, перебегая от одного раненого к другому, двое в белых халатах. Это врач и фельдшерница из местной больницы, как я потом узнал, по своей инициативе разыскивали наших раненых, чтобы оказать им помощь...

Мимо, мимо... Вот уже и станционный поселок. Он большой и тянется до самого железнодорожного моста. Неожиданно послышались звуки военной музыки. Играют какой-то марш. Исполняется не так уже хорошо, но все-таки музыка. Откуда она?

Въезжаем в поселок, музыка слышится яснее, а через пару кварталов впереди видим, окруженный детворой, «оркестр» из пяти... пленных австрийцев, судя по одежде. У одного скрипка, у остальных старые духовые инструменты. Этот «оркестр» встречает и провожает наши части. Вот он смолк и, как только мы поравнялись с ним, грянул какой-то марш. «Капельмейстер», полный солидный австрияк, обернувшись лицом к нам, с большим напряжением вдывая в свой кларнет, успевает и дирижировать и играть одновременно, даже отдать честь и что-то нам прокричать. Мы посмеялись и в знак благодарности помахали им.

Въезжаем на большую площадь, сворачиваем налево и останавливаемся у самого тротуара. Через площадь видна улица, ведущая к мосту через реку Кубань, вся запруженная повозками, брошенными убежавшими большевиками. Получилась, таким образом, так называемая «пробка».

«Пробка»! Какое это страшное слово при отступлении! Кто из участников военных действий не знает того кошмара, который вызывает «пробка»... Идет себе спокойненько обоз, и вдруг у самого переезда или моста откуда-то со стороны втискивается какой-нибудь паникер, чтобы поскорее проскочить, или экипаж с начальством, а то и колонна другого обоза откуда-то со стороны. Зацепилась одна повозка — и все стали, все нарушилось. Задние напирают или пытаются объехать. Ругань, крики, угрозы, а дело стоит. Хорошо, если найдется энергичный и авторитетный военный, который поможет «распутать» повозки, а если нет такого да еще паника вдобавок, или бросай все, или ищи другого места для переезда. А что приходится делать отступающей артиллерии?!

Из-за образовавшейся «пробки» нам проехать нельзя, и мне было приказано разузнать, когда же она рассосется. Оказалось, что почти вся улица до моста, протяжением в три квартала, забита брошенными

ми повозками, среди которых выделялся красивый фургон. Лошади выпряжены, вероятно, самими седоками, валяются хомуты, а на козлах, уткнув голову в колени, убитый кучер, даже вожжи держал в застывших руках. Рядом тачанки с хозяйскими вещами, в которых уже копались местные жители.

У самого моста солдаты заняты расчисткой прохода к нему, заворачивая подводы в проулок... Слышится отдаленная стрельба.

Трудно сказать, когда будет расчищен путь, чтобы нам можно было проехать на мост. Я возвращаюсь... В конце площади тоже расчищают «пробку» таким же способом, как и у моста. На площади остановился и обоз корниловцев, заняв место напротив нас...

Послышался гул самолетов... Всмотрелся и по знакам определил, что это наши. Их два, они направились к мосту, а потом развернулись и... вдруг услышал свист бомб, а потом их разрывы и там, где расположился обоз корниловцев, и там, где происходит расчистка «пробки». Увидел недалеко от себя разрыв бомбы, как раз около беженской подводы. Упала тяжело раненная лошадь, а с подводы соскочил и тут же свалился возчик. Слышен женский крик и детский плач... А бомбы продолжали падать. Они небольшого размера, но смерть несли!

Я бегу к своему оружию. Вижу, как на площадь выскакивают женщины с простынями и, растянув их, машут ими — сигнал летчикам, дескать, куда же вы бросаете бомбы — здесь же ваши. А самолеты опять заходят, чтобы повторить свою безумную ошибку. Вот выскакивает на площадь какой-то капитан с винтовкой, лицо разъяренное, целит в самолет, но, осознав абсурдность своей затеи, обрушивает каска брони по адресу летчиков.

Мы тоже кипим негодованием, нас тоже бесит наша беспомощность, но что можно сделать?.. Самолеты скрылись, нанеся потери своим же... Забегая вперед, вспомнил, когда я лежал в госпитале в городе Ставрополе раненым, через открытую дверь нашей большой палаты увидел военного в форме летчика, кому-то из раненых дававшего знаки выйти к нему. И вот мимо меня прошел смеющийся офицер из числа раненых и направился к летчику. На обратном пути я спросил его, почему он смеется. Он ответил, что в дверях стоял один из тех летчиков, которые по ошибке бомбили корниловцев, и он теперь боится их, тем более что здесь имеются его «пациенты».

Летчики же оправдывались тем, что им при вылете было дано задание бомбить скопление противника перед мостом и никто из них не думал, что наши части смогут так скоро занять станцию и поселок.

Пройдя после ликвидации «пробки» мост через реку Кубань и простояв на занятой позиции до вечера, вернулись в поселок и оста-

новились у ближайшей к мосту железнодорожной будки (шагов 400 от моста). Наша задача — охрана моста. Забаррикадировали оружие имевшимися при будке шпалами и расположились на отдых. Начальник заставы, охраняющий мост, держит с нами связь.

Поздно вечером со стороны моста и неподалеку от нас раздалось несколько ружейных выстрелов и вслед за тем к нам прибежал запыхавшийся по виду корниловец-пехотинец и срывающимся голосом сообщил, что он был в карауле на мосту и туда пробрались красные и нашу заставу уже, наверное, перебили, а вот он, отстреливаясь, убежал, чтобы нам доложить об опасности. Тяжело дышал и испуганно ерзал. Сразу бросилось в глаза, что тут что-то не так. Вырвав у паникера винтовку, наш командир приказал отвести его в находящийся в квартале от нас штаб батальона для выяснения личности, а мне со связным от заставы быстро пройти к мосту.

Когда мы прибыли туда, там было очень беспокойно: суетились солдаты, встревоженные выстрелами и отсутствием начальника заставы... Но вот появился и он и сразу успокоил всех. Была ложная тревога, и никакой опасности нет.

На другой день узнали, что задержанный нами паникер оказался большевистским агентом. Создать панику среди наших частей ему не удалось, так как не поддержали его сотоварищи. В самом поселке была раскрыта подпольная организация красных, центр которой находился при паровозном депо.

Первая ночь на «завоеванной территории» прошла тревожно. Коротали время у маленького костра, разведенного во дворе будки. Было не до сна: уж больно много впечатлений оставил нам такой долгий и богатый переживаниями день. И при всем этом чувствовалась как-то удовлетворенность, как и у всех участников выполнения задания по овладению станицей Невинномысской. Хотелось верить, что не за горами благоприятный для нас конец Гражданской войны, когда, наконец, все успокоится и станет на свое место.

А. Чуйков

ОБ ОДНОЙ НЕТОЧНОСТИ³³²

В своей статье о бое в станице Темнолесской³³³ В. Гету пишет: «...Орудийная прислуга вся погибла на штыках, но этого было мало для зверей, они, по правилам убийц и растлителей, изуродовали их, отрезали носы, уши и даже головы, а в каждом трупе оказалось по

двадцать штыковых уколов. Оправились наши, опытные начальники собрали своих, других и соединились с ударниками. Теперь началось наше противодействие, недолго сопротивлялись нападавшие, по обыкновению, они были смяты и с большими потерями выброшены из станицы. Мое орудие оказалось благополучным, а Карл Иванович нашел только одинокую пушку, вокруг которой лежали боевые друзья, принявшие мученическую смерть...»

Выходит по Гетцу, что не менее половины корниловцев, якобы захваченных врасплох спящими, должны были бы или погибнуть, как прислуга второго орудия, или «ускользнуть», как это сделала прислуга его орудия: ведь корниловцы (пехота) были размещены по всей станице, а церковная площадь в каждой станице находится в центре ее. Потом, почему из орудийного состава (около двадцати пяти человек) никто больше не пострадал, а ведь он всегда размещался вместе.

Поясняю: второе орудие в станице Темнолесской не стояло на церковной площади, а находилось на одной из улиц, против дома, в котором помещался орудийный расчет, а по соседству — ездовые и другие лица, чтобы все было «под рукой». Если убитые и лежали на церковной площади, то это вполне понятно: их туда свезли с места боя для совершения обряда погребения, и там же, для почести, поставлено было осиротелое орудие.

Корниловцы не были захвачены врасплох: охранение было, как и всегда в боевой обстановке, на своем месте, на что указывает хотя бы то обстоятельство, что, когда мы выехали за станицу, наши цепи были впереди, не менее чем в одной версте.

Когда я явился после излечения ранения в батарею, меня спрашивали не как погибли четверо, а почему они не отступили с нашими цепями. Я объяснял так, как сказано в моем очерке. Ездовые, участвовавшие в перевозке трупов, передавали, что троих они нашли около орудия, а четвертого — на полпути между орудием и станицей. Головы у трупов не были отрезаны, но сами трупы изуродованы.

Кроме того, был же приказ по батарее, в котором описывалось все так, как передаю я, как командир батареи я тоже был свидетелем боя и посетил на месте орудие.

Правда, сам В.И. Гетц в начале своих воспоминаний упоминает, что он не ручается за точность изложения из-за давности происшествия, а я добавляю, что они легче забываются теми, кто о них только слышал, чем теми, кто их пережил. Да и сейчас найдутся корниловцы, участники боя под станицей Темнолесской 27 сентября 1918 года, которые смогли бы подтвердить мою правоту.

Невольно хочется указать и на не совсем верное изложение другого события (в той же статье), опять-таки связанного с именем капитана Мутсо. Делаю это не для того, чтобы изобличить Гетца в искажении факта, а просто с целью уточнить характерный боевой эпизод скромного маленького подразделения в бурный 1918 год, тем более что он упомянут Гетцом и в книге «Корниловцы».

Гетц пишет, что при наступлении наших частей на город Армавир на станции Отрада-Кубанская второе орудие первой Корниловской батареи, выдержав бой с бронепоездом красных, не понесло потерь в людях («отделалось царапинами среди прислуги», а само орудие получило «пробоины в щите и колесах»).

В действительности дело обстояло так: корниловцы не наступали, а отступали из Армавира и расположились на хуторе барона Штейнгеля и в версте от него, на станции Кубанская, а не Отрада-Кубанская, в пакгаузах и маленьком поселке при станции. Погода все время была дождливая.

Числа 17 июля 1918 года (старого стиля) со стороны Армавира подошел бронепоезд красных и начал обстреливать станцию. Был послан взвод корниловцев отогнать его, а нашему второму орудию дано задание поддержать взвод в выполнении им его задачи.

Капитан Мутсо поставил орудие на открытой позиции в поле у переезда. Бронепоезд был хорошо виден. Он был верстах в четырех от нас и медленно двигался хвостом вперед к станции Кубанская.

Из-за шедших дождей земля была рыхлая и вязкая, и вести интенсивную стрельбу было крайне тяжело: хобот орудия после каждого выстрела зарывался в грунт, а колеса вязли. Тогда капитан Мутсо решил переставить орудие прямо на переезд. Оттуда был хорошо виден только хвост бронепоезда.

После первых двух наших выстрелов с бронепоезда, видимо, нас обнаружили, и так как им было легко точно определить дистанцию (расстояние между будками — верста, а если они находились между будками, по пикетам или по телеграфным столбам), то первая же их шрапнель разорвалась у нас над головами при небольшом перелете. Слышно было, как позади нас захрустела от попадания шрапнелек черепица на крыше железнодорожной будки. Конечно, мы учи возможность более или менее точного обстрела нас красными и потому после каждой замечаемой вспышки от орудийного выстрела на бронепоезде приготавливались спрятаться под защиту орудийного щита, насколько это возможно было сделать семи человекам. Особенно опасны для нас были шрапнельные разрывы спереди сбоку, так как в этих случаях пули могли хорошо раздеть наш

«хвост» и наше прятание уподобилось бы страусу, при опасности прячущему голову в песок.

Что же касается капитана Мутсо, то надо отдать ему справедливость: он во все время «дуэли» стоял слева от орудия, у колеса и спокойно следил за стрельбой.

Мы стреляли гранатой и в промежутках между выстрелами с бронепоезда. Разрывы наших гранат ложились, из-за рассеивания, то слева, то справа, вблизи бронепоезда (это, так сказать, по широте), но как хорошо по дальности — судить нельзя было, и потому капитан Мутсо то увеличивал, то уменьшал прицел, и все в пределах от трех до четырех верст.

Кажется, уже третья шрапнель нашего врага разорвалась для нас трагически: получил первую «царапину» штабс-капитан Шинкевич Федор. Тяжело раненного, снесли его за будку и передали в руки санитаров. Вскоре получил вторую «царапину» поручик Кочетков³³⁴ — сквозное ранение в ногу выше колена. Унесли и его за будку. Третья «царапина» выпала на долю кадета, который был у нас шестым номером, контузия, очевидно, от рикошета пули или осколка камня в спину между лопатками. Неестественно выгнув спину, он ушел сам за будку. На спине у него появился продолговатый синяк, а вокруг багровая ссадина. Через три дня он вернулся в строй...

Но вот уже видим, как паровоз бронепоезда задымил. Послали оттуда еще одну шрапнель. Она разорвалась в стороне от нас, над лужичами, и ясно заметны были всплески от пуль. Подумать только, двести пятьдесят смертоносных пуль от одной шрапнели! Замечен был и шрапнельный стакан, как он, опорожненный от пуль, врезался в землю, затем подскочил и, кувыряясь, далеко отлетел...

Тем временем бронепоезд скрылся, «вспугнутый» то ли посланным взводом корниловцев, то ли нашими гранатами, а быть может, и тем и другим.

Бронепоезд вел стрельбу только шрапнелью из трехдюймового орудия. Прямых попаданий в него нашими гранатами не наблюдалось.

Никаких повреждений наше орудие не получило. Наивно говорить о пробоях в щите и в колесах. Шрапнельные пули орудийный щит не пробивают. Могли бы быть пробоины при разрыве гранаты вблизи щита, но в этом случае орудийный расчет царапинами не отделался бы.

Наконец мы вздохнули свободно и, возбужденные «дуэлью», стали делиться своими переживаниями. Через некоторое время к нам подошел полковник, инспектор артиллерии, отвел в сторону капитана Мутсо и стал его за что-то отчитывать, показывая на место сто-

янки нашего орудия. Мы решили, что это выговор за выбор такой рискованно-открытой позиции и неудачной — для корректирования стрельбы.

И тем не менее нужно отдать должное капитану Мутсо, храброму офицеру в бою и чуткому человеку в обыденной обстановке. О нем у всех знающих его всегда останется самое хорошее воспоминание.

В. Гетц³³⁵

1-Я ИМЕНИ ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА БАТАРЕЯ³³⁶

Батарея эта была участницей 1-го Кубанского Ледяного похода. Боевой дух сохранила она до конца своего существования, она ковала для Корниловской арт. бригады дух удали, инициативы и искусство глазомера и полевых способов ведения стрельбы. Здесь выработались приемы подвижной войны и упразднилась тяжеловесность способов регулярной войны, как то: разведка позиции, разбивка фронта позиции батареи, установка приборов, построение веера — все это поглощало сравнительно много времени и терялся один из важных моментов открытия огня — его своевременность. Корниловская же бригада упростила все это, и опережавший врага огонь ее батарей в начале боя зачастую создавал благоприятные условия для достижения успеха. Весь 1918 год прошел в подвижной войне, в которой батарея действовала по установившемуся способу: двигаясь в походе вместе со своей пехотой, в головной части ее колонны, она, под прикрытием передовых частей пехотного охранения, при первом соприкосновении с противником обыкновенно занимала открытую позицию и немедленно открывала огонь, а затем сопровождала огнем и движением свою наступающую пехоту. Это сопровождение велось перекатами повзводно, а большей частью отдельными орудиями. Таким образом, орудие стало играть роль тактической единицы, а бывший орудийный фейерверкер «вырос» в начальника орудия, каким он стал именоваться, с возложением на него обязанности решать и исполнять самостоятельные боевые задачи. Кажущееся распыление сил батареи и уменьшение мощности огня окупалось достигнутой ловкостью в скоротечном бою и выгодой огневой поддержки отдельными орудиями во всех точках на фронте завязавшегося боя. Действия орудий нашли широкое применение по мере разрастания фронта и недостатка артиллерии, чем и вызвано было назначение орудий в отдел.

Один из таких случаев выпал на 4-е орудие батареи, каковым имел честь командовать пишущий эти строки. 4-е орудие было отправлено в составе сборного отряда полковника генерального штаба Слащева³³⁷ для овладения станицей Невинномысской в сентябре—октябре 1918 года, и оно пробыло в командировке около месяца. Исходным пунктом намеченной операции была станица Темнолесская. Наше наступление началось без помехи от врага, окопавшегося на высотах восточнее станицы Невинномысская. Не доходя позиции большевиков, наши колонны развернулись и движение продолжалось к железной дороге, которая вела на город Грозный. На левом фланге двигался только что сформированный Ставропольский офицерский полк, около 400—500 человек, имевший задачей пересечь железную дорогу и повернуть фронт на запад в обход позиции красных, в то время как пластуны направлялись непосредственно на станицу, перед которой противник возвел окопы.

Орудие двигалось за фронтом Офицерского полка³³⁸, поддерживая огнем его наступление. Полк легко овладел участком железной дороги и стал поворачивать на фланг противника. Полку пришлось двигаться по довольно крутому подъему, на рубеже которого находился окопавшийся противник, переночевавший там на соломенной подстилке, которая прекрасно обозначила линию окопов, и, будь у нас достаточно снарядов и главным образом гранат, пожалели бы товарищи о предательском комфорте проведенной ночи. Лихо шел в гору наш Офицерский полк, нисколько его не удерживал сильный огонь красных. Расстояние быстро уменьшалось. Но когда полк приблизился на 500 шагов до окопов, неожиданно из выемки железной дороги на полном ходу выкатился бронепоезд и открыл по цепям пулеметный огонь. Минута была критической, но удачные попадания снарядов орудия в бронепоезд заставили его с той же скоростью скрыться в свое убежище.

Бегство это окрылило наши цепи, бросившиеся вперед. Но вот красные поднялись из окопов и своей густой массой устремились навстречу нашим героям. Казалось, что эта лавина сотрет их; однако герои шли, не дрогнув, вперед с наклоненными штыками, чтобы либо победить, либо умереть; в этот вновь назревший критический момент шрапнель нашего орудия в рядах красных прошла губительной косой. Но я все же не могу взять на себя смелость утверждать, что это было причиной отражения контратаки противника: он морально был потрясен бесстрашием героев-офицеров, шедших безудержно вперед.

Сначала красные на момент замялись на местах, а затем бросились назад в свои окопы и из окопов в тыл, вот тогда они усеяли скат

своими трупами от меткого огня и орудия, и наступающих цепей полка. Все говорило о победе. Орудие же снялось с позиции, чтобы ближе подойти к своей пехоте, как вновь вырвался тот же бронепоезд из выемки и выдвинулся во фланг наших цепей, открыв огонь из всех своих пулеметов. Орудие выпустило последние 3 снаряда и замолчало. Катастрофа разразилась над Офицерском полком. Герои, уцелевшие в своем наступлении под убийственным огнем неприятельской пехоты, теперь были скошены бронепоездом, действовавшим в полной безопасности; только 60 человек вырвались из огневого ада. Наступление было сорвано, а беспомощное орудие отходило к исходному положению без всякого прикрытия, обстреливаемое неприятельской батареей. При этом отходе 8 километров оно могло стать легкой добычей неприятеля, если бы тот перешел к преследованию.

В этом примере выявляется бедность нашего арсенала. Что произошло бы на поле боя, если бы орудие наше имело достаточно снарядов? Несомненно, порыв бронепоезда был бы погашен, а он загнан в прежнее убежище, пехота же наша довершила разгром врага.

Говоря о действии батареи, можно много привести случаев одионого применения орудий, так весь период боев под Ставрополем и Армавиром изобилует примерами самостоятельной орудийной работы. Роль командира батареи сводилась к наблюдению за полем боя, инспектированию действий орудий и пополнению снарядного запаса, зато начальник орудия становился ответственным функционером артиллерийского огня на своем участке.

Все мы, прошедшие школу подвижной войны в рядах славной батареи, с любовью вспоминаем боевую в ней службу и благодарны за приобретение зарядки того духа, который поддерживал нашу бодрость и веру в победу.

*Р. фон Вирен*³³⁹

РАЗЪЕЗД БАЗОВАЯ³⁴⁰

Конец августа 1918 года... Морской бронепоезд «Адмирал Непенин» бьется у Армавира под Андреевским флагом против Таманской армии Сорокина. У добровольцев (в рядах белых тогда были еще одни лишь дроздовцы) на этом боевом участке неполных 2 тысячи бойцов, у красных не менее 30 тысяч.

«Адмирал Непенин» под командой капитана 2-го ранга В.Н. Маркова (линейный корабль «Слава») заходит в тыл неприятеля, спасает

под огнем всех оставшихся в живых с бронепоезда «Корниловец» и с боем пробивается обратно к своим. Дважды входит он, не имея более снарядов, во фланг красных и одним пулеметным огнем отгоняет их от полотна железной дороги. Одним выходом своим поддерживает бодрость лихих самурцев, и часто слышим мы, равняясь с нашими окопами: «Ура! Флот идет!..» Последним, прикрывая отступление, покидает «Адмирал Непенин» Армавир и надолго задерживает врага у железнодорожного моста через Кубань (станция Отрада-Кубанская).

Наконец 17 сентября его сменяют, и он, сильно поврежденный, идет на ремонт в Екатеринодар. На основании боевого опыта, после ремонта вид «Адмирала Непенина» другой. Вместо старого, залатанного своими средствами паровоза, теперь блиндированный локомотив. Открытые (угольные) орудийные платформы (плутонги) получают добавочную защиту бортов, непроницаемую для пуль. Десантный (товарный) вагон, с люком внизу, как на троянском коне, тоже получает «броневую» защиту. В крыше у него вырез над внутренним командирским мостиком. Мостик теперь имеет телефонную связь с плутонгами и на нем новый 12 фут. «Бар и Струд». Кроме того, прилагаются две балластные платформы, нагруженные шпалами, к обоим концам поезда. Это на случай неприятельских «брандеров». Вооружение «Адмирала Непенина» 1/100 мм, 4/75 мм и 1/47 мм зенитные морские пушки и 6 пулеметов. Боевой личный состав: 20 офицеров флота, 12 сухопутных (из них 6 артиллеристов и 6 летчиков), 2 гардемарина и 2 кадета Морского Корпуса.

Служба течет на «Адмирале Непенине» по возможности согласно Морскому уставу — с утренней приборкой, подъемом флага, учениями с горнистом, вахтенным журналом, съездом на «берег» и т. д. Дух на поезде морской. Наши сухопутные сослуживцы давно уже прониклись и сроднились с ним. Большая индивидуальность, чем у них, во взаимоотношении среди офицеров вне службы не кажется им уже несовместимой с особенно строгим, точным и быстрым исполнением приказаний на службе. Мы «плавали» на рельсах, и традиции Императорского флота свято чтятся на «Адмирале Непенине».

Окончание ремонта совпало с уходом В.Н. Маркова. Командиром был назначен наш старший офицер, старший лейтенант Анатолий Макаров³⁴¹ с линейного корабля «Иоанн Златоуст» (Макарову удалось спастись при очередном расстреле офицеров на Малаховом кургане; раненный, он скрылся в темноте, а затем на рыбацкой лодке пробрался на Кубань). Одновременно с этим 5 октября был получен приказ идти к Ставрополю и вступить в состав 3-й дивизии полковника Дроздовского. Это назначение было всем по сердцу. Дроздовского мы зна-

ли по многим боям, он был доблестный воин, монархист по убеждению, рыцарь по поступкам и непримиримый враг большевиков. Вспоминаются его слова, обращенные к нам перед одним выходом в бой: «Я горжусь, что моряки под моей командой... Всегда точное исполнение приказаний... Матросы (большие отряды матросов Черноморского флота с затопленной под Новороссийском эскадры были в армии Сорокина) наш самый опасный враг, только удары одних офицерских полков они не выдерживают... На суше при защите Севастополя отличались матросы, затем в Порт-Артуре и теперь... Г. г. офицеры, может, вид родного флага и форма своих офицеров пробудит... — и вдруг, резко махнув левой рукой — правая не действовала, закончил: — Вперед за Россию»...

С 7 октября начались непрерывные бои на Ставропольском фронте, со много превышавшим нас (3-ю дивизию) своею силою противником. Вечером 13 октября, после жестокого боя у селения Татарка, «Адмирал Непенин» получил разрешение идти в Ставрополь, пополнить запас нефти и к рассвету быть вновь на позиции. Ночью, в полной темноте, возвращался он к Татарке. Военный губернатор Ставрополя, полковник Глазенап, в эту ночь потерял связь с Дроздовским, и мы шли в полную неизвестность. Невольно приходили в голову мысли о расширенных рельсах, заваленном или заминированном пути с непременной засадой или, что еще хуже, о возможном взрыве дороги позади, отрезающем тем путь к отступлению. Ведь в движении своем мы были существа первого измерения...

В зловещей тишине предрассветной тьмы «Адмирал Непенин» медленно подходил к Татарке... Вдруг какие-то фигуры метнулись к поезду. Верный пароль, и 4 дроздовца офицерского полка (через час у разъезда Базовая все пали в бою) быстро поднялись к нам и доложили командиру: «Дроздовский отступил от железной дороги после ночного боя, Татарка занята красными, спешно идите в Ставрополь, может, еще удастся проскочить»... Полным ходом поезд пошел назад, начало светать... Справа, как-то странно, боком, промчалась артиллерийская двуколка, но без человека... Прошло еще немного времени. Вдруг, теперь уже с передней платформы, раздался крик впередсмотрящего: «Стоп, назад — путь завален»... Поздно, поезд не успевает тормозить, и балластная платформа соскакивает с рельс. Одновременно с земли поднимаются серые фигуры, их много, очень много, 1000, 2000, не все ли равно, и мы слышим крики: «Кадеты, м...ы, попались»... Начинают трещать пулеметы — наши и красных. К сожалению, почти все большевики внутри мертвого угла снижения наших пушек... Четыре офицера соскакивают с поезда, чтобы расчистить путь

и сбросить балластную платформу, но тут же падают убитыми. Командир дает задний ход, стрелочник переводит поезд в тупик, насыпь по обе стороны становится все выше и выше, и кривун дороги закрывает нам горизонт. Над головой мы видим клочок неба. «Адмирал Непенин» остановился, он попал в ловушку у разезда Базовая... (Автоматически выпавшие на рельсы шпалы с балластной платформой парализовали какое-либо движение.)

Вот появляются над гребнем насыпи шапки и руки большевиков и в нас летят ручные гранаты. Мы стреляем из ружей по этой цели. Макаров, по-видимому заметив с мостика, что красные полукольцом переходят рельсы для окружения поезда, отдает приказание испорить замки, взять ружья и отступить на Мамайку (направление к форпосту Ставрополя). Приказание немедленно исполняется, замки испорчены, и мы покидаем «Адмирал Непенин»; два тяжело раненных прапорщика по адмиралтейству (к сожалению, забыл фамилии) со второго plutonga застрелились. Локомотив был подорван.

Перелезая через насыпь, падает раненый Макаров. К нему подбегает, чтобы поднять командира, лейтенант Варгасов³⁴² («Иоанн Златоуст») и падает на него, сраженный пулей в голову. При той же попытке постигает та же участь мичмана Турцевича³⁴³ («Иоанн Златоуст») ... Слышу голос командира (после командира я был старшим в чине морским офицером; лейтенанты Б.А. Новиков³⁴⁴ и Н.А. Мацылев³⁴⁵ случайно в этом бою не были): «Ведите на Ставрополь, пристрелите меня». Рука не поднимается убить командира... Но это делает другой офицер (с более высокой моралью). Он подходит сзади и в упор стреляет в затылок Макарову...

В первый момент отступления, кроме четырех, лежавших на рельсах, двух на поезде и трех офицеров с «Иоанна Златоуста», падают убитыми прапорщик по морской части Поляков; поручик летчик Гаврилов³⁴⁶ и поручик артиллерии князь Шаховской³⁴⁷. Мичман Поплавский³⁴⁸ долго не отходит от трупa командира и стреляет с колена в большевиков, его примеру следует кадет (кажется, Гусев)...

Мы отступаем тремя группами, т. е. бежим, отстреливаемся и снова бежим. Слево от моего plutonga лейтенант Куров³⁴⁹, а далеко вправо лейтенант Тарановский³⁵⁰ с остатком 1-го plutonga. Из моей группы четырех уже нет, вдруг штабс-капитан артиллерии Казанский с криком: «Командира в бою нельзя оставлять» бросается с поднятой шашкой (на ней георгиевский темляк за Великую войну) навстречу большевикам и... падает, заколотый красными... Вот падает мичман Завадовский³⁵¹, а за ним мичман Хрущев...³⁵² Останавливаемся и стреляем в кучу «копашащихся» над телом Хрущева красных... Смотрю, рядом со мной пору-

чик Васильев, а слева быстрым шагом идет капитан артиллерии Лопко. Карманы его офицерского пальто мирного времени всегда набиты патронами. Он отличный стрелок и по привычке охотника бьет из ружья навскидку и редко промахивается. Нас трое... Расстояние до большевиков все увеличивается, теперь до ближайших не менее 100 шагов, в начале схватки — 10—20 шагов.

Утомленные ночным переходом, они главной массой остались у «Адмирала Непенина». Остальные тоже больше не движутся, залегли и стреляют в нас. «Охота на человека»... Все время видны — справа, слева, впереди — мгновенно потухающие бороздки от рвущих землю пуль и слышно безостановочное повизгивание...

У самого гребня возвышенности Мамайки падаю раненным в левое плечо. После перевязки двигаемся дальше. Больше красных не видим, они остались за холмами.

Проходим мимо ограды Ставропольского кладбища, слышим церковное пение, там идут мирные похороны. Отвязываем, несмотря на протесты кучера, лошадь батюшки и мчимся на его линейке к вокзалу... Все белые учреждения уже эвакуированы. Стоит готовый к отходу последний поезд, к нему прицеплены вагоны нашей базы. Остатки плутонга Тарановского уже там. Стонут тяжело раненные мичман Александров³⁵³ и помощник нашего «машиниста» инженер-механика мичмана Снегоцкого³⁵⁴, поручик по механической части Шапошников³⁵⁵. Доктор Буроменский удивлен, как хватило у них сил добраться до вокзала... Лежу у себя в каюте (купе), входит капитан Лопко, а за ним мичманы Вл. Шаховский³⁵⁶ и Казанский³⁵⁷, братья только что павших у них на глазах в бою поруч. и шт. капитана. Поезд тронулся, мы молча курим...

По приказанию Главнокомандующего генерал-лейтенант Хростицкий³⁵⁸ (бывший командир Гренадерского корпуса в Великую войну) произвел дознание по поводу гибели морского бронепоезда (показания я делал в Екатеринодарском госпитале, где узнал, что наш начальник дивизии ранен в ночь гибели бронепоезда; Дроздовский скончался от этой раны). Примерно через месяц генерал Врангель в конной атаке взял Ставрополь. Начальник Морского управления при Ставке, капитан 1-го ранга В.И. Лебедев³⁵⁹ получил разрешение с подобающими почестями похоронить опознанные тела офицеров с «Адмирала Непенина». Вырытые тела были в ужасном виде. Раздетые догола, они носили на себе следы колотых и режущих ран по живому и мертвому телу; были и следы надругательства... Оставшиеся в живых (в бою у разезда Базовая потери убитыми на «Адмирале Непенине» были больше 50% личного состава, ранено 8 человек, всего выбыло из строя

72%) почти все перешли на вновь формировавшийся морской бронепоезд «Дмитрий Донской» к капитану 2-го ранга Бушену³⁶⁰ (крейсер «Громобой»), и ни один до самого конца белой активной борьбы не попал в тыл...

Этой статьёй мне хотелось на страницах нашего родного «Морского Журнала» почтить память погибших добровольцев с морского бронепоезда «Адмирал Непенин», офицеров Императорской Армии и Флота, сложивших свои головы на войне более жестокой, но и более идейной, чем внешняя, т. е. в земной проекции небесной борьбы, борьбы против мирового зла — красного интернационала.

А. Власов

О БРОНЕПОЕЗДАХ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

(продолжение)

Во второй половине августа 1918 года Добровольческая армия наступала на красную армию Сорокина, которая занимала район Армавира с его узловой станцией. Бронепоезда могли поддерживать наши части, действовавшие вдоль двух железнодорожных линий: Ставрополь—Армавир и Кавказская—Армавир. На линии от Ставрополя находились в это время легкий бронепоезд № 2 и Батарея дальнего боя. В конце августа в бою у станции Державная был убит механик Батареи дальнего боя и ранены командир батареи полковник Скопин и два офицера. Во временное командование батареей вступил подполковник Левиков. 7 сентября Батарея дальнего боя была переименована в тяжелый бронепоезд «Единая Россия». На линии Кавказская—Армавир находились 1-й Бронированный поезд и бронепоезд «Вперед за Родину». С 28 августа бронепоезда поддерживали наступление 3-й пехотной дивизии и за три дня заняли с боем станции Гулькевичи и Отрада-Кубанская. 31 августа красные, получив подкрепление, перешли в контр-наступление, и у станции Отрада-Кубанская начался упорный бой. 1 сентября около полудня наши части были вынуждены отойти под давлением противника от станции Отрада-Кубанская. Бронепоезд «Вперед за Родину» продолжал оставаться на станции, задерживая своим огнем конницу красных, которая стремилась преследовать наших пластунов. Противник в свою очередь сосредоточил по станции сильный огонь. Маневрируя под обстрелом, бронепоезд налетел своей пулеметной бронеплощадкой на разбитый снарядами путь. Бронеплощадка со-

шла с рельс и была отцеплена, но бронепоезд продолжал вести бой с конницей красных. Затем попаданием снаряда была сброшена скатом с рельс и орудийная бронеплощадка. Конница красных стала выходить в тыл бронепоезду. Тогда были сняты пулеметы, замок и прицел с орудия и снаряды. Бронепоезд начал отходить к станции Гулькевичи в составе только бронепаровоза и десантного вагона. На расстоянии 8 верст были встречены части 2-го Офицерского полка, занимавшие позицию. В этом бою были ранены три офицера бронепоезда «Вперед за Родину». Бронепоезд отправился на следующий день в Екатеринодар для получения новых боевых площадок.

* * *

К 1 сентября 1918 года, по старому стилю, в Добровольческой армии было уже шесть бронепоездов, упомянутых выше. К началу сентября Добровольческой армии удалось освободить от красных две трети Кубанской области, но красные еще занимали восточную ее часть. Главные силы советских войск, под командой Сорокина, находились в районе Армавира и станции Невинномысская, вдоль главной линии Владикавказской железной дороги. Добровольческая армия охватывала их с северо-востока и с северо-запада. Но при этом командованию Добровольческой армии приходилось считаться и с другим серьезным противником. Так называемая Таманская советская армия продвинулась вдоль морского берега от Новороссийска до Туапсе. Там она нанесла поражение грузинским войскам, пытавшимся преградить ей дорогу. Таманцы захватили у грузин всю их артиллерию: 16 орудий с 6 тысячами снарядов. Усилившись таким образом, таманцы стали наступать для соединения с войсками Сорокина вдоль железной дороги Туапсе—Армавир.

Для нашего нового наступления в сторону Армавира были собраны на участке железной дороги Кавказская—Армавир: 1-й Бронированный поезд, бронепоезд «Офицер» и Морская батарея № 2, которую называли также «Морской бронепоезд»³⁶¹. Около 1 сентября бронепоезду «Офицер» было поручено произвести глубокую разведку расположения противника. Пройдя примерно 10 верст от станции Гулькевичи, бронепоезд «Офицер» отогнал бронепоезд красных и вступил в бой с пехотой противника, которая засела в кукурузном поле близ железнодорожного полотна. Ее поддерживал взвод артиллерии красных. При быстром движении вперед с целью поражать красных во фланг бронепоезд «Офицер» наскочил на разобранные рельсы. Повреждение пути не было своевременно замечено, так как наступали сумерки. Передние

колеса пулеметной площадки, едущей впереди, сползли на насыпь. Цепь красных открыла сильный ружейный огонь и пыталась выйти на железнодорожное полотно позади бронепоезда. Тогда бронепоезд «Офицер» стал медленно отходить, отстреливаясь из пулеметов и таща за собой по шпалам пулеметную площадку. Несмотря на пулеметный огонь красных, с площадки было снято и вынесено вооружение. Пройдя с боем около 2 верст, бронепоезд «Офицер» остановился и спустил цепь из разведчиков 2-го Офицерского полка, которые выехали в этот день на бронепоезде в качестве десанта. С помощью прибывших рабочих пулеметная площадка была поднята, и бронепоезд вернулся в темноте на станцию Гулькевичи.

Успешное наступление 3-й дивизии полковника Дроздовского закончилось взятием Армавира 3-го и 4 сентября 1918 года. Наши бронепоезда поддерживали наступление и должны были неоднократно чинить взорванный противником путь. Когда наши части заняли курганы у северо-западной окраины Армавира, бронепоезд «Офицер» оставался всю ночь в сторожевом охранении и несколько раз вел бой с бронепоездом красных. Бронепоезда сближались до 200 сажен. При своем отходе красные выпустили на бронепоезд «Офицер» груженую платформу, к буферам которой был прикреплен динамит. Эту платформу удалось остановить, и динамит был с нее снят.

Около 5 сентября два наших бронепоезда были высланы, по приказанию полковника Дроздовского, в набег на станцию Коноково, находящуюся в 22 верстах от Армавира, по главной линии Владикавказской железной дороги. Первым шел бронепоезд «Офицер», а за ним Морской бронепоезд. Выйдя из Армавира около 7 часов вечера, бронепоезда чинили в нескольких местах путь и приблизились к станции Коноково около 11 часов ночи. Когда бронепоезд «Офицер» подошел к семафору станции, были замечены при свете луны по обе стороны от железнодорожного полотна отходящие обозы красных. Командир бронепоезда подозвал одного из красноармейцев с заставы. Этот красноармеец не догадался, с кем он имеет дело, а командир бронепоезда приказал перевести стрелки. После этого бронепоезд «Офицер» быстро вошел на станцию Коноково и открыл огонь. Снаряд с бронепоезда попал в отходящий от станции состав. В это время рядом с бронепоездом взорвалась платформа, которая, по-видимому, была нагружена взрывчатыми веществами. Осколками был убит офицер из числа разведчиков 2-го Офицерского полка, находившийся на тендере, и ранено 15 человек, в том числе 6 чинов команды бронепоезда. Отойдя несколько назад, командир бронепоезда «Офицер» приказал занять десантом станционные постройки, в ко-

торых скрывались красные. Захваченные с оружием в руках 7 красноармейцев были расстреляны. Налет на станцию Коноково был настолько неожиданным для красных, что они не успели сообщить об этом своим. Командир бронепоезда «Офицер» лично разговаривал по телефону с командиром советского бронепоезда, который находился на соседней станции Овечки. Он просил пропустить какие-то составы. На станции Коноково была захвачена платформа, на которую был погружен исправный грузовой автомобиль с пулеметом и запасом лент. Были также взяты брошенные красными бомбометы и винтовки. Наши бронепоезда оставались на станции Коноково около часа и к рассвету вернулись на станцию Армавир.

6 сентября 1-й Бронированный поезд и Морской бронепоезд прибыли на станцию Андрее-Дмитриевская, на железнодорожной линии Армавир—Туапсе, в 20 верстах к юго-западу от Армавира. Там они поступили в распоряжение командира Самурского пехотного полка. Следующая станция, Курганная, была занята красными. Позднее оказалось, что это были передовые части Таманской армии, наступавшей от Туапсе на Армавир. Наши бронепоезда получили приказание произвести ночной налет на станцию Курганная и двинулись в сторону этой станции около полуночи. Впереди шел 1-й Бронированный поезд, а за ним Морской бронепоезд. Еще дальше шел вспомогательный поезд, который был предназначен не для боевых действий, а для помощи бронепоездам и для ремонта пути. Ввиду того что путь был освещен ярким лунным светом, бронепоезда двигались довольно быстро. Когда 1-й Бронированный поезд подходил по высокой насыпи к мосту через овраг близ станицы Михайловской, в темноте близ железной дороги был обнаружен отряд пехоты. Эти пехотинцы спокойно пропускали бронепоезд. Но когда, в ответ на окрик с бронепоезда, они назвали спрашивавшего «товарищем», то стало ясно, что это красные. По ним был немедленно открыт огонь, и они устремились с насыпи в овраг. Встреча оказалась неожиданной для всех. Механик 1-го Бронированного поезда, не дожидаясь приказа, поспешил дать задний ход. В то время еще не был приобретен достаточный опыт в совместном движении двух бронепоездов. Шедший вторым Морской бронепоезд не ожидал этого маневра и продолжал двигаться вперед. Произошло столкновение. Задняя предохранительная площадка 1-го Бронированного поезда и передняя предохранительная площадка Морского бронепоезда были разбиты и сошли с рельс. Предохранительными площадками в составе бронепоезда назывались обыкновенные товарные платформы, на которых не было вооружения, а складывались

запасные рельсы и инструменты на случай ремонта пути. Самое название «предохранительные» указывало на то, что эти платформы, помещавшиеся впереди и позади боевого состава бронепоезда, должны были до известной степени предохранять боевые площадки от схода с рельс при неисправности железнодорожного пути. Из-за происшедшего столкновения обратный путь для 1-го Бронированного поезда был прегражден. Был вызван вспомогательный поезд. А между тем совсем рассвело. Из-за холма за оврагом появился бронепоезд красных. Первый снаряд с 1-го Бронированного поезда разорвался на пути как раз перед советским бронепоездом. Он тотчас же двинулся обратно и скрылся за холмом, выпустив на ходу несколько снарядов. Эти снаряды дали перелеты. Со стороны станции Михайловской начали стрелять по нашим бронепоездам две гаубицы красных. Морской бронепоезд отцепил разбитую предохранительную платформу и несколько отошел, чтобы обстреливать красную кавалерию, которая стала продвигаться в тыл бронепоездам. Опасаясь порчи пути в тылу, которая могла привести к гибели двух бронепоездов, командир Морского бронепоезда, состоявший временно начальником группы бронепоездов, принял решение отходить, не дожидаясь расчистки пути на месте столкновения. Исполняя полученное приказание, команда 1-го Бронированного поезда сняла затвор с орудия, взяла с собой часть пулеметов и снаряды и погрузилась на Морской бронепоезд. Остальные пулеметы были приведены в негодность. После этого Морской бронепоезд быстро отошел к станции Андрее-Дмитриевская и присоединился к нашим войскам. Произведенная 7 сентября попытка спасти боевой состав 1-го Бронированного поезда не имела успеха. Эта задача была не по силам одному Морскому бронепоезду со спешенной командой 1-го Бронированного поезда, тем более что наступающие красные начали оттеснять наши части.

8 сентября Морской бронепоезд участвовал в обороне станции Андрее-Дмитриевская и удачным огнем остановил наступление красных. Советский отряд предпринял обход и внезапно подошел к станции, на которой находился так называемый «резерв» бронепоезда, то есть обыкновенные вагоны, приспособленные для жилья команды. Если численность команды бронепоезда это позволяла, то команда разделялась на две смены. Они выезжали в бой на бронепоезде по очереди. Тогда незанятая смена находилась при вагонах «резерва». Красные готовы были броситься на эти вагоны, но вовремя подоспела рота Самурского полка. С позиции подошел и Морской бронепоезд, так как с него успели заметить артиллерийский обстрел станции. Одним

из неприятельских снарядов было разбито купе командира Морского бронепоезда в вагоне «резерва».

К востоку от Армавира бронепоезд «Офицер» вновь занял станцию Коноково 8 сентября и должен был содействовать нашему наступлению на селение Успенское в 6 верстах от этой станции. Командир бронепоезда капитан Харьковцев спустил десант с пулеметами и лично руководил его наступлением. Красные открыли ружейный и пулеметный огонь из домов и садов села. На село Успенское наступала также наша конница, состоявшая из казаков и черкесов. Конница спешилась, но ее цепь не могла продвинуться дальше насыпи. Между тем десант с бронепоезда подошел на расстояние 500 шагов к каменному зданию школы. В это время командир бронепоезда капитан Харьковцев был тяжело ранен пулей в живот. Бронепоезд не мог поддержать свой десант артиллерийским огнем на близкой дистанции, так как угол горизонтального поворота орудия был весьма ограничен. Десант отошел на бронепоезд, куда был доставлен и раненый командир. В командование бронепоездом вступил поручик Хмелевский³⁶². Бронепоезд несколько отошел и обстреливал село Успенское артиллерийским огнем. Затем бронепоезд прикрывал отвод на станцию Коноково обоза, который ранее был отбит нашей конницей у красных.

10 сентября бронепоезд «Офицер» вышел из Армавира по Туапсинской железной дороге, продвинулся на 16 верст от позиции наших войск и внезапно атаковал станцию Андрее-Дмитриевская, которая к тому времени была занята противником. Встреченный огнем двух батарей и бронепоезда красных, бронепоезд «Офицер» медленно отходил до вечера, обстреливая и задерживая цепи советской пехоты. Советское наступление привело к упорным боям за Армавир с 11-го по 13 сентября. Красные матросы наступали тремя густыми цепями на окопы, занятые ротой Самурского полка близ станции Армавир Туапсинской железной дороги. Морской бронепоезд врезался в цепи красных, открыл по ним огонь и принудил их к отходу. В тот же день советская пехота предприняла еще три атаки, но всякий раз была отбита с помощью Морского бронепоезда. Когда красные перезажи железнодорожный путь в сторону станции Кавказская, Морскому бронепоезду пришлось постепенно отходить с боем к станции Армавир-Товарный, а затем и к станции Армавир-Пассажирский. После оставления Армавира нашими войсками Морской бронепоезд перешел за реку Кубань к станции Убеженская и обстреливал красных, пытавшихся переправиться через реку. Часть пулеметной команды с двумя пулеметами была временно высажена для обороны двух бродов через Кубань.

Бронепоезд «Вперед за Родину», лишившийся двух бронеплощадок в бою 1 сентября на станции Отрада-Кубанская, был отправлен в Екатеринодар для получения новой боевой части 14 сентября бронепоезд вернулся на фронт в составе одной бронеплощадки с легким 3-дюймовым орудием образца 1900 года на колесах и двух пулеметных бронеплощадок. По прибытии на станцию Кубанская в 18 верстах к северо-западу от Армавира бронепоезд поступил в распоряжение генерала Казановича, начальника 1-й дивизии, которая заменила 3-ю дивизию на этом боевом участке. Бронепоезд продвинулся в сторону Армавира и вступил в бой с красными. В этом бою на бронепоезде «Вперед за Родину» был убит поручик Дебогорий-Мокриевич и ранены два офицера-пулеметчика Марковского полка, временно прикомандированные к бронепоезду. Бронепоезд «Офицер» действовал с 15-го по 17 сентября на этом же направлении. Затем он был отправлен в Новороссийск для ремонта. 1-й Бронированный поезд получил в конце сентября боевую часть в составе одной бронеплощадки с 3-дюймовым орудием образца 1895 года, одной бронеплощадки с 3-дюймовым орудием образца 1902 года и одной пулеметной бронеплощадки. Установка обоих орудий позволяла круговой обстрел. Это было важным преимуществом по сравнению с орудиями, которые наскоро устанавливались в то время на боевых площадках на обыкновенных колесных лафетах. В начале октября 1-й Бронированный поезд был отправлен далеко от района боев у Армавира, а именно к станции Торговая, на линии Тихорецкая—Царицын. Ей угрожали советские войска, которые усилились в степной полосе к северу от Ставрополя.

Между тем 1-я дивизия генерала Казановича предприняла новое решительное наступление на Армавир. С утра 2 октября бронепоезд «Вперед за Родину» получил приказание выдвинуться к цепям красных и оттеснить их к городу. За бронепоездом шли: слева от железной дороги части Марковского полка, а справа Сводно-Гвардейский батальон. Советская пехота отступила. В этот день в составе бронепоезда, кроме бронеплощадки с 3-дюймовым орудием, была и бронеплощадка с 75 мм орудием с круговым обстрелом. Но к этому орудию имелось лишь около 10 снарядов. Поэтому впереди была поставлена площадка с 3-дюймовым орудием. Поддерживая дальнейшее наступление наших частей и ведя бой с бронепоездом красных, бронепоезд «Вперед за Родину» израсходовал к 2 часам дня свой небольшой запас снарядов. Командир бронепоезда послал офицера на нашу батарею, стоявшую недалеко, с просьбой снабдить его

хоть небольшим количеством снарядов. Но оказалось, что и у батареи снаряды были на исходе. Тогда командир бронепоезда донес начальнику дивизии генералу Казановичу и просил разрешить отойти в тыл для пополнения боевых припасов. Генерал Казанович в этом отказал ввиду того, что (по его мнению) присутствие бронепоезда в первой линии, хотя бы и без снарядов, было необходимо для поддержания духа нашей пехоты. Находясь на открытом пространстве близ кладбища, бронепоезд «Вперед за Родину» был все время под обстрелом красных, которые засели в домах предместья. Затем справа от железной дороги выехало на открытую позицию неприятельское орудие. С дистанции в полторы версты оно стало расстреливать бронепоезд, оборонявшийся только пулеметным огнем. На красном бронепоезде заметили, вероятно, что наш бронепоезд остался без снарядов. Бронепоезд противника быстро пошел на сближение. Так как бронепоезду «Вперед за Родину» не было разрешено отойти, то он двинулся навстречу неприятелю. Между бронепоездами оставалось расстояние в 300 сажен. Находившийся на передней боевой площадке штабс-капитан Языков стал обстреливать из пулемета прикрытое щитом неприятельское головное орудие. Так как пули были не бронебойные, то они не могли причинить вреда красным, а производили лишь моральное впечатление. В этом бою бронепоезд «Вперед за Родину» получил пять прямых попаданий снарядами в бронеплощадки и два прямых попадания в бронепаровоз. Последний неприятельский снаряд попал в котел паровоза и там разорвался. Из котла стал вырываться пар. Бронепоезд был таким образом выведен из строя. Командир бронепоезда подполковник Григорьев и поручик Малыгин были смертельно ранены. Кроме них, были ранены еще 4 офицера бронепоезда. В момент последнего попадания бронепоезда «Вперед за Родину» имел движение назад. Поэтому он прокатился без пара, по инерции еще около версты и тогда остановился. Неприятельский бронепоезд сначала следовал за бронепоездом «Вперед за Родину» с целью захватить его. Однако наша батарея внезапным выстрелом попала в неприятельский паровоз, и он также остановился. С разрешения начальника дивизии был вызван паровоз со станции Кубанская. Он вывез в тыл поврежденный боевой состав бронепоезда «Вперед за Родину». В командование бронепоездом вступил полковник Кельберер. Несмотря на понесенные большие потери, нашим войскам не удалось взять Армавир в этот день 2 октября. Он был взят Добровольческой армией при содействии бронепоездов лишь 13 октября. Этим бои у Армавира закончились.

* * *

В первой половине октября 1918 года по старому стилю началось контрнаступление красных, приведшее к упорным боям в районе Ставрополя после того, как войска Добровольческой армии занимали этот город в течение трех месяцев. Главная масса советских войск занимала в то время сравнительно узкий район между верхним течением реки Кубани и ее левыми притоками. Войска Добровольческой армии охватывали красных с трех сторон: с запада, севера и востока. Но после присоединения к советским войскам Сорокина так называемой Таманской армии красных оказалось, что красные по численности превосходят войска Добровольческой армии почти в 4 раза (примерно 150 тысяч красных при 200 орудиях против 40 тысяч добровольцев при 100 орудиях). Таким образом, советское командование могло сосредоточить на избранном им направлении превосходные силы с целью прорвать охватывающий фронт Добровольческой армии. В среде советского командования происходили смуты, которые привели к убийству Сорокина. Однако советское командование все же подготовило внезапное наступление для прорыва фронта Добровольческой армии в северо-восточном направлении и захвата Ставрополя. Предполагалось, что снабжение для красных войск будет доставляться из Астрахани по степным дорогам, через Святой Крест и Петровское на Ставрополь.

В первой половине октября командир тяжелого бронепоезда «Единая Россия» полковник Скопин вернулся после ранения в строй и вступил в командование. Командиром 1-го Бронированного поезда, вместо полковника Стремоухова, был назначен полковник Зеленецкий³⁶³. В командование Морским бронепоездом, вместо капитана 2-го ранга Маркова, вступил старший лейтенант Макаров. Морской бронепоезд состоял в это время в распоряжении начальника 3-й дивизии генерала Дроздовского. «Резерв» бронепоезда, то есть вагоны, приспособленные для жилья, был оставлен на станции Ставрополь. Боевая часть действовала по линии Ставрополь—Армавир. Бронепоезд был усилен вновь приданной бронеплощадкой с морским 100 мм орудием. К вечеру 12 октября красные повели наступление большими силами. Находившийся близ станции Недреманная Морской бронепоезд поддерживал своим артиллерийским огнем части нашей пластунской бригады, которые были вынуждены отходить. Было израсходовано около половины имевшихся 75 мм и 47 мм снарядов. С утра 13 октября Морской бронепоезд вышел на позицию, занятую частями 2-го Офицерского полка близ станции Татарка. День прошел

спокойно, но к вечеру были получены сведения о глубоком обходе красными нашего левого фланга в направлении на Ставрополь. В 8 часов вечера Морской бронепоезд с разрешения генерала Дроздовского отправился для снабжения водой на станцию Ставрополь. Там он должен был ожидать боевого приказа. В случае же неполучения приказа, при отсутствии перемен в обстановке, бронепоезд должен был к рассвету вернуться на старую позицию у станции Татарка.

В 2 часа ночи на 14 октября Морской бронепоезд, не получивший никаких новых приказаний, вышел из Ставрополя на позицию. По пути он несколько раз был обстрелян пулеметным огнем. Когда же бронепоезд дошел до позиции, то там наших войск не оказалось. Начался обстрел Морского бронепоезда из дер. Татарки. Бронепоезд стал медленно отходить. На рассвете были встречены посланные генералом Дроздовским 3 офицера и 2 солдата. Они передали, что обходящая колонна красных приближается к разъезду Базный. Генерал Дроздовский приказывает бронепоезду спешно вернуться в Ставрополь, где получить и выполнить боевой приказ, посланный еще в полночь. Морской бронепоезд двинулся назад к Ставрополю и в утреннем тумане, при плохой видимости, вошел на разъезд Базный. Только на расстоянии в 200 шагов был замечен с передней бронеплощадки в выемке впереди разрушенный и заваленный шпалами участок пути. Одновременно в долине справа было замечено большое скопление красной пехоты. Впоследствии выяснилось, что это были советские 1-й и 3-й Таманские полки. По ним был открыт с бронепоезда пулеметный огонь. На бронепоезде не имелось ни телефона, ни рупора. Крики с передней бронеплощадки об испорченном пути не были услышаны на паровозе, который находился по принятым правилам в середине боевого состава. Морской бронепоезд наскочил на груды шпал. Контрольная платформа и передняя орудийная бронеплощадка сошли с рельс. Красные стали забрасывать открытую переднюю бронеплощадку гранатами. Орудие на ней заклинило. Команда передней бронеплощадки, расстреляв последние 5 снарядов другого 47 мм орудия, успела перейти на вторую бронеплощадку. Последовавшая атака красных была отражена только ружейным и пулеметным огнем, так как второе 75 мм орудие не могло стрелять из-за выемки, а 100 мм орудие не было приспособлено для стрельбы с борта, то есть топерек железнодорожного пути. Выйдя из десантного вагона, командир бронепоезда старший лейтенант Макаров приказал команде покинуть бронепоезд и отходить на Ставрополь пешим порядком. Последние чины бронепоезда сошли с него в тот момент, когда красные уже овладели первой бронеплощадкой. В это время командир

бронепоезда старший лейтенант Макаров был смертельно ранен. Поспешившие к нему на помощь штабс-капитан Казанский и лейтенант Варгасов были убиты выстрелами с близкого расстояния. Старший офицер бронепоезда капитан Лайко принял командование. По его приказанию чины бронепоезда стали отходить цепью, отстреливаясь из пулеметов и винтовок. Красные преследовали команду бронепоезда, ведя сильный ружейный и пулеметный огонь. Команда стала нести большие потери. Красные кавалеристы выехали ей во фланг, предательски надев погоны и белые отличительные углы на шапки. Потому они были подпущены на близкое расстояние. На требование сдаваться чины Морского бронепоезда ответили стрельбой. Несколько всадников было убито, а остальные рассеялись. Отход с боем продолжался на расстоянии около 2 верст. Затем цепи красных прекратили преследование, чтобы не подставить свой фланг частям 2-го Офицерского полка. Во время оставления бронепоезда и отхода из 42 чинов команды бронепоезда было убито 18 человек и ранено 5 человек. Кроме названных ранее офицеров, были убиты: штабс-капитан князь Шаховской, мичманы Завадовский и Хрущов, прапорщики флота Поляков³⁶⁴, Лысенко³⁶⁵ и Березовский³⁶⁶, военный летчик подпоручик Гаврилов. После выхода из-под обстрела красных раненые чины команды были устроены на реквизированных подводах. Команда Морского бронепоезда прибыла в город Ставрополь, и около 4 часов дня состав «резерва» бронепоезда, переполненный принятыми нашими ранеными и гражданскими беженцами, отошел в направлении на станцию Кавказская. Ставрополь был взят красными 17 октября.

В то время как развивалось наступление красных на Ставрополь, части Добровольческой армии начали новое наступление на Армавир. Легкий бронепоезд № 2 и тяжелый бронепоезд «Единая Россия» поддерживали наши части: Марковский полк, 1-й Кубанский стрелковый полк и пластунские батальоны, подвигавшиеся к Армавиру вдоль главной линии Владикавказской железной дороги. При взятии Армавира нашими войсками 13 октября легкий бронепоезд М-2 получил попадание снарядом в орудийную площадку. Была пробита и разворочена броня. Противники как бы поменялись местами: в начале сентября 1918 года бронепоезда Добровольческой армии действовали от станции Кавказская и Ставрополя в сторону Армавира. В конце октября нашим бронепоездам пришлось действовать от станции Кавказская и Армавира в сторону Ставрополя. На линии Армавир—Ставрополь находились в это время: 1-й Бронированный поезд и тяжелый бронепоезд «Единая Россия». На линию Кавказская—Ставрополь был направлен бронепоезд «Вперед за Родину», который получил в Екате-

ринодаре новый боевой состав: одну бронеплощадку с 75 мм орудием, одну бронеплощадку с 3-дюймовым орудием образца 1900 года и бронепаровоз. 14 октября бронепоезд «Вперед за Родину» прибыл на станцию Рыдзвяная, в 33 верстах к северо-западу от Ставрополя, и поступил в распоряжение начальника 2-й пехотной дивизии генерала Боровского. 20 октября бронепоезд содействовал усиленной рекогносцировке частей 2-й пехотной дивизии в сторону Ставрополя и подходил к станции Пелагиада. Огнем бронепоезда была рассеяна кавалерия красных, пытавшаяся перейти в конную атаку на наши части. После взятия станции Пелагиада бронепоезд «Вперед за Родину» 23 октября выезжал к Ставрополю и поддерживал огнем наступление Корниловского полка. Вечером после упорного боя нашими войсками был занят завод близ города. К этому времени войска Добровольческой армии начали охватывать с трех сторон красных, занимавших Ставрополь. Но красные оказывали упорное сопротивление и переходили в яростные контратаки. В боях 24-го и 25 октября у Ставрополя на участке Корниловского полка приняли участие бронепоезд «Вперед за Родину» и вновь прибывший после ремонта бронепоезд «Офицер», в составе двух пулеметных бронеплощадок и десантного вагона. Командиром бронепоезда «Офицер» был назначен полковник Ионин. 26 октября бронепоезд «Вперед за Родину» был отправлен на станцию Егорлык (на линии Кавказская—Ставрополь) для охраны железной дороги от появившихся за нашим левым флангом отрядов красных. В течение нескольких дней бронепоезд выезжал по 2—3 раза в сутки на линию и сопровождал поезд со снабжением. На позиции под Ставрополем, за расположением Корниловского полка, остался бронепоезд «Офицер». 29 октября бронепоезд «Офицер» прикрывал отступление нашей пехоты во время внезапного прорыва фронта. Когда отступление остановилось, то бронепоезд несколько раз среди дня выезжал к расположению противника, укрепившегося в районе кладбища и кожевенного завода, и обстреливал красные цепи в упор пулеметным огнем. Красные же, зрываясь за гребнями путевых выемок, старались забрасывать бронепоезд ручными гранатами. 31 октября они предприняли контратаку от Ставрополя в северном направлении, чтобы отбросить наши войска, охватывавшие их полукольцом. Наши части 2-й и 3-й дивизий были потеснены, и генерал Дроздовский ранен. После боя у станции Пелагиада наши войска были вынуждены отходить под натиском противника. При этом бронепоезд «Офицер» попал под залповый обстрел советской пехоты. Пуля пробила паропроводную трубу, и давление пара в паровозе стало быстро падать. Бронепоезд «Офицер»

едва успел отойти последним, когда пехота красных уже занимала станцию Пелагиада.

Начальник 1-й конной дивизии генерал Врангель воспользовался наступлением красных на север от Ставрополя и атаковал их с запада во фланг. После упорных боев, происходивших 1-го и 2 ноября, Ставрополь был взят войсками Добровольческой армии. Но в последние дни боев у Ставрополя связь между отдельными частями наших войск была затруднительна, и сведения об общей обстановке были недостаточно ясны. 1 ноября бронепоезд «Вперед за Родину» вернулся к Ставрополю, на станцию Рыдзвяная. В командование бронепоездом вступил вновь назначенный командир полковник Гада. На следующий день 2 ноября бронепоезд продвинулся дальше на станцию Пелагиада и поддерживал атаку частей Корниловского полка на село Михайловка. Выйдя вперед, бронепоезд оказался под обстрелом орудия красных, стоявшего в полутора верстах от железнодорожного полотна. Под ответным огнем бронепоезда орудие противника снялось с позиции и отошло за гребень. Село Михайловка было взято нашими войсками. 3 ноября проявились трудности службы на бронепоезде в зимнюю погоду: нефть в цистернах застыла от мороза и не накачивалась. Команде бронепоезда пришлось выбирать нефть для паровоза на станции Рыдзвяная ведрами в течение ночи. По приказанию генерала Боровского бронепоезд «Вперед за Родину» прошел через Пелагиаду на Ставрополь, многократно чиня железнодорожный путь. Станция и город Ставрополь еще обстреливались артиллерийским и ружейным огнем красных. 4 ноября советские войска еще раз перешли в наступление крупными силами, и станция Пелагиада была срочно эвакуирована. По приказанию командующего 3-й пехотной дивизией полковника Витковского бронепоезд «Вперед за Родину» маневрировал весь день на участке Пелагиада—Ставрополь, находясь под артиллерийским огнем противника и поддерживая части наших 3-й пехотной и 1-й конной дивизий. К концу дня у 75 мм орудия бронепоезда оставалось лишь три снаряда. 5 ноября бронепоезд «Вперед за Родину» находился у станции Рыдзвяная в распоряжении генерала Боровского. Вечером было получено от него приказание идти на станцию Пелагиада и выяснить, в чьих руках она находится. Если окажется, что станция Пелагиада занята частями 1-й конной дивизии, то было поручено передать старшему начальнику два пакета от Главнокомандующего генерала Деникина, для отправки их офицерскими разъездами начальнику дивизии генералу Врангелю и командиру бригады генералу Чекотовскому. Бронепоезду было приказано вообще установить, где и какие наши части находятся между Пелагиадой и

Ставрополем, и привезти от их начальников донесения о действиях за последние сутки. Бронепоезд успешно выполнил эту задачу и возвратился на станцию Рыдзвяная на рассвете.

С 13-го по 16 ноября бронепоезд «Вперед за Родину» состоял в распоряжении генерала Врангеля, назначенного командиром конного корпуса из двух дивизий. В районе станции Спицевка (на линии Ставрополь—Петровское) бронепоезд поддерживал части 2-й Кубанской казачьей дивизии генерала Улагая, которая вела упорный бой с превосходящими силами красных. Возвращаясь 17 ноября вечером, как обычно, в Ставрополь для снабжения водой и топливом, бронепоезд «Вперед за Родину» потерпел крушение, так как наскочил на перегоне на карьерную стрелку, которая была злоумышленно переведена в поле. Весь боевой состав сошел с рельс и был сильно поврежден. После этого бронепоезд был отправлен для ремонта на станцию Тихорецкая.

Южнее Ставрополя наши части продвигались в конце октября вдоль главной линии Владикавказской железной дороги от Армавира на Невинномысскую. Их поддерживали: бронепоезд «Единая Россия» и 1-й Бронированный поезд, командиром которого был назначен полковник Гонорский. 27 октября 1-й Бронированный поезд был двинут к станции Невинномысская по правому пути, тогда как левый путь был забит на протяжении многих верст поездными составами, которые были брошены красными. Путь шел под уклон и постепенно закружился влево, так что видимость перед бронепоездом была ограничена. В 3 верстах от станции Невинномысская 1-й Бронированный поезд внезапно наскочил на шпалы, положенные поперек пути. Контрольная платформа, пулеметная и одна орудийная бронеплощадки потерпели крушение. Бронепаровоз был поврежден. При крушении были убиты поручик Калмыков и два казака и ранены два офицера. При виде крушения бронепоезда и встретив огонь красных от станции Невинномысская, наша конница стала отходить. Для обороны бронепоезда были выставлены извлеченные из-под обломков пулеметы. Под их прикрытием удалось спасти раненых и более ценное имущество: орудие с бронеплощадки, пулеметы, боевые припасы и т. д. По окончании этой работы вспомогательный поезд отвез поврежденный бронепаровоз и одну орудийную площадку 1-го Бронированного поезда в Армавир.

В ноябре 1918 года дальнейшее наступление наших войск возобновилось. Но для того, чтобы продвинуться на расстояние около 50 верст от станции Невинномысская до станции Курсавка, требовалось вести бои больше месяца. В боях у разъезда Дворцовый

приняли участие легкий бронепоезд № 2, который получил новое название: «Генерал Корнилов»³⁶⁷, и вновь сформированный бронепоезд «Витязь»³⁶⁸. 4 ноября огнем бронепоезда «Генерал Корнилов» были подбиты два советских бронепоезда, о чем было сказано в сводке Штаба Главного командующего Боевой состав бронепоезда «Витязь» первоначально уступал по качеству советским бронепоездам. Орудие образца 1895 года не было скорострельным и стреляло дымным порохом Другое орудие на лафетной установке имело очень ограниченный горизонтальный угол обстрела. Тем не менее бронепоезд «Витязь» вел упорный бой с бронепоездом красных у разъезда Дворцовый на расстоянии немного более версты. Бронепоезд «Витязь» получил одно попадание снарядом в бронеплощадку. Были ранены все находившиеся на ней чины команды. Красный бронепоезд также получил попадание в бронеплощадку и не мог отойти, так как позади него снарядами был поврежден путь. Однако бронепоезд «Витязь» не мог еще более сблизиться с противником, находившимся в трудном положении Вследствие изгиба пути и неудобной лафетной установки орудия советский бронепоезд оказался бы тогда вне поля обстрела

Около 20 ноября новое наступление вдоль главной линии Владикавказской железной дороги было предпринято нашими войсками под командой генерала Ляхова. Красные на этом участке превосходили по численности наши части вдвое Генералу Ляхову приписываются слова «лучше расплавиться железом, чем кровью». Это означало, что при наступлении наши бронепоезда должны были выполнять самые трудные задачи и тем уменьшать потери в нашей пехоте. 21 ноября к разъезду Дворцовый прибыли в распоряжение генерала Ляхова 1-й Бронированный поезд и бронепоезд «Офицер». 22 ноября бронепоезд «Офицер» вступил в бой с бронепоездом красных и отогнал его Но в это время неприятельское орудие с закрытой позиции за бутрами стало быстро пристреливаться, пользуясь тем, что бронепоезд «Офицер» стоял к нему боком. Командовавший в этот день боевой частью бронепоезда полковник Месхи приказал открыть огонь по орудью красных. Но орудие бронепоезда едва успело дать несколько выстрелов, как три неприятельских снаряда попали в орудийную бронеплощадку. Полковник Месхи, штабс-капитан Понировский и наводчик орудия прапорщик Кондратьев были убиты, а орудийная установка разбита Бронепоезд «Офицер» отошел на станцию Невинномысская За время с 27 ноября по 15 декабря наши войска при п о д е р ж к е бронепоездов «Единая Россия», «Офицер» и 1-го Бронированного поезда последовательно заняли станции Киан, Водо-

раздел и Курсавка. На бронепоезде «Единая Россия» было два попадания снарядами красных в орудия, и были ранены три офицера. На 1-м Бронированном поезде был убит поручик Броунс. Во временное командование бронепоездом «Офицер» вступил полковник Лебедев³⁶⁹. При общем наступлении наших частей на станцию Курсавка 14 декабря бронепоезд «Офицер» вышел во фланг отходивших красных и расстреливал их в упор пулеметным огнем. К вечеру, оттесняя бронепоезда красных, бронепоезд «Офицер» дошел до семафора станции. Но дальнейшее преследование пришлось прекратить, ввиду израсходования всех снарядов. Станция Курсавка была взята на следующий день.

Между тем советское командование приводило в порядок свои войска, еще остававшиеся на Северном Кавказе. Из разных советских отрядов, носивших названия: «корпус», «колонна» и т. д., было сформировано несколько дивизий. Они составили 11-ю советскую армию. По спискам в фронтовых частях этой армии числилось до 60 тысяч человек при 5 бронепоездах. Около 20 декабря эти войска перешли в наступление на правый фланг Добровольческой армии с целью снова овладеть Армавиром. Это привело к весьма упорным боям у станции Курсавка. Бронепоезд «Офицер» получил несколько попаданий, в том числе 48-линейным снарядом в десантный вагон. На 1-м Бронированном поезде был убит капитан Головач и ранены 9 офицеров. Во временное командование бронепоездом вступил 20 декабря подполковник Шамов³⁷⁰. Вследствие множества прямых попаданий все бронеплощадки 1-го Бронированного поезда были приведены в негодность и постепенно отправлены в тыл, в ремонт. 23 декабря 1-й Бронированный поезд вышел в бой в составе обыкновенного паровоза и обыкновенного товарного вагона с пулеметами.

Наконец сопротивление красных было сломлено. 11-я советская армия потерпела полное поражение. Началось преследование, которое вскоре привело к освобождению от красных всей Терской области. После исправления поврежденных мостов на узловую станцию Минеральные Воды вошли 6 января 1919 года наши бронепоезда «Единая Россия», «Витязь» и вновь прибывший на фронт Морской бронепоезд³⁷¹. Командиром его был назначен старший лейтенант Бушен. 8 января произошел бой у станции Солдатская между этими тремя нашими бронепоездами и тремя бронепоездами красных. Попаданием неприятельского снаряда в бронеплощадку Морского бронепоезда были ранены два офицера. В дальнейшем Морской бронепоезд был направлен по железнодорожной линии Прохладная—Кизляр, на которой нашими войсками были взяты 15 января крас-

ные бронепоезда под названиями «Победа» и «Истребитель». Преследование красных закончилось около 20 января 1919 года, когда Морской бронепоезд подошел на 30 верст к Кизляру вместе с войсками генерала Покровского, а бронепоезд «Единая Россия» дошел до Владикавказа с войсками генерала Шкуро.

А. Осипов³⁷²

КРАТКИЙ ВОЕННЫЙ КАЛЕНДАРЬ ЛЕГКОГО БРОНЕПОЕЗДА «ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ»³⁷³

12 июня 1918 года при взятии ст. Торговая было захвачено одно 3-дюймовое орудие, которое по приказанию генерала Деникина было поставлено на открытую платформу, наскоро бронированную шпалами; придано два пулемета 1-го стрелкового полка, и таким образом получился первый бронепоезд, носивший неофициальное название «еловый». Команда названного бронепоезда состояла из чинов Марковской батареи и 1-го Стрелкового Офицерского полка. Этот бронепоезд действовал по линии Торговая—Тихорецкая и в средних числах (19) июня под ст. Белая Глина был сожжен неприятельскими снарядами.

Взамен сожженного бронепоезда был сформирован другой такого же типа бронепоезд, который продолжал действовать до 29 июня 1918 года, когда и погиб между ст. Ея и ст. Порошинская. Команда этих бронепоездов не была постоянной и обслуживала бронепоезд по нескольку дней.

1 июля 1918 года, после взятия ст. Тихорецкая, были вновь сформированы уже три бронепоезда — один тяжелый и два легких. Тяжелый бронепоезд получил название «Единая Россия», а легкие — один «1-й Бронированный поезд», а второй «Вперед за Родину». 1-й Бронированный поезд впоследствии был переименован в 1-й Бронированный генерала Алексеева поезд, а затем в легкий бронепоезд «Генерал Алексеев». Состоял он в первое время из одной орудийной бронеплатформы с одним орудием 1900 года на лафете, с обстрелом 35—35 градусов, и одной пулеметной площадки.

4 июля начальником группы армейской артиллерии генералом Бодиско³⁷⁴ на бронепоезд был назначен постоянный командир полковник Стремоухов и постоянная команда. Приказом начальника группы армейской артиллерии было объявлено считать бронепоезд сформированным с 1 июля 1918 года.

6—7 сентября — переброска на туапсинское направление. Неудачный ночной налет на станцию Курганная совместно с Морским бронепоездом № 2. Крушение и гибель бронепоезда.

Подробности этого боя следующие:

6 сентября 1918 года, после взятия Армавира, 1-й Бронированный поезд перебрасывается на туапсинское направление и к вечеру 6 сентября прибыл на ст. Андрее-Дмитриевская в распоряжение командира Самурского пехотного полка. Красные, после дневного боя, отступили по направлению ст. Курганная. Точное их местонахождение известно не было, так как Самурский пехотный полк с темнотой потерял с ними соприкосновение. Было точно известно, что ст. Курганная ими занята. Это выяснилось из разговора по исправному телефону одного из офицеров бронепоезда с красными на ст. Курганная. Вечером же бронепоездом было получено приказание, совместно с Морским бронепоездом № 2, произвести ночной налет на занятую красными Курганную. Начальником этой операции был назначен старший в чине командир Морского бронепоезда, и ему был придан в качестве поддержки взвод пехоты количеством в 20 человек. Около 12 часов ночи бронепоезда, имея Бронепоезд № 1 в голове, сопровождаемые вспомогательным поездом, двинулись в направлении на Курганную. Светлая лунная ночь позволяла идти довольно быстрым ходом. Орудия и пулеметы находились в полной боевой готовности. Часть команды стояла с винтовками на борту бронеплощадок.

Когда 1-й Бронированный поезд вышел на высоту станции Михайловской и по высокой насыпи начал подходить к мосту через глубокий овраг, в темноте на насыпи у самого полотна железной дороги была обнаружена группа неизвестной пехоты, спокойно пропускавшая бронепоезд. Когда в ответ на окрик с бронепоезда они назвали спрашивающего «товарищем», стало ясно, что это красные, принявшие бронепоезд за свой, и под мостом началась паника. В предраассветной темноте были слышны крики и стук удиравших подвод. Встреча оказалась для всех настолько неожиданной, что механик, не ожидая приказа, дал задний ход. Шедший сзади Морской бронепоезд не ожидал этого маневра и продолжал двигаться вперед. Произошло столкновение. Задняя предохранительная платформа 1-го Бронированного поезда и передняя предохранительная платформа Морского бронепоезда № 2 оказались разбитыми и сошли с рельс, закупорив обратный путь 1-му Бронированному поезду.

Немедленно был вызван вспомогательный поезд для очистки пути. К этому времени совсем рассвело. Были приняты меры к отражению могущего появиться бронепоезда красных. И действительно, он не

заставил себя ждать, и из-за холма за оврагом появился сначала дым, а затем и бронепоезд красных. Первый же снаряд 1-го Бронированного поезда разорвался на путях перед самым бронепоездом красных и заставил его тотчас же дать задний ход и скрыться за холмом. Выпущенные им на ходу несколько снарядов дали большие перелеты. Одновременно со стороны ст. Михайловской по бронепоездам открыли огонь две гаубицы красных. Морской бронепоезд № 2, отцепив разбитую предохранительную площадку, отошел немного назад и открыл огонь по невидимой с 1-го Бронированного поезда цели, вправо от полотна железной дороги. В этот момент было замечено продвижение красной кавалерии в тыл бронепоездов. Опасаясь возможной порчи пути в тылу бронепоездов, что могло повлечь за собой гибель двух бронепоездов, начальник группы бронепоездов решил, не ожидая очистки пути, оставить 1-й Бронированный поезд, забрав его команду. Быстро сняв затвор с орудия, повредив прицел, захватив с помощью пехоты, приданной бронепоездам, снаряды и часть пулеметов, приведя в негодность оставшиеся, команда 1-го Бронированного поезда погрузилась на Морской бронепоезд № 2, который вслед за этим полным ходом пошел в сторону ст. Андрее-Дмитриевская на соединение со своими частями. Произведенная в этот же день попытка к спасению 1-го Бронированного поезда не увенчалась успехом, так как он оказался далеко в тылу красных, а производство столь глубокого наступления не позволяло отсутствию достаточных сил; одному Морскому бронепоезду № 2 со спешенной командой 1-го Бронированного поезда это было не по силам.

8/9 — 12/9 1917 г. — Пребывание личного состава с базой на ст. Андрее-Дмитриевская Армавири-Туапсинской железной дороги.

13/9 — Переезд на ст. Екатеринодар.

14/9 — 26/9 — Стоянка на ст. Екатеринодар и формирование бронепоезда. Получение материальной части: одной орудийной бронеплатформы с 3-дюймовым орудием 1902 года с круговым обстрелом и одной пулеметной бронеплатформы с 4 пулеметами.

27/9 — Отправка на фронт на участок ст. Торговая — ст. Великокняжеская.

28/9 — 30/9 — Боевые действия в означенном районе.

1/10 — Боевые действия там же. Получение еще одной бронеплатформы с орудием 1895 года на тумбовой установке с круговым обстрелом.

2/10 — 13/10 — Боевые действия в том же районе.

14/10 — Переезд на ст. Армавир в распоряжение начальника 3-й пехотной дивизии Добрармии. Командиром бронепоезда вместо полковника Стремоухова назначен полковник Зеленецкий.

15/10 — 18/10 — Боевые действия в районе ст. Убеженская.

19/10 — 23/10 — Боевые действия в районе ст. Державная

24/10 — Боевые действия между ст. Державная и ст. Убеженская. Отход за реку Кубань. Спасение одного легкого орудия, брошенного нашей батареей у железнодорожного моста на правом берегу реки Кубани.

25/10 — Боевые действия у железнодорожного моста через реку Кубань.

26/10 — Переброска на минераловодское направление Командиром бронепоезда вместо полковника Зеленецкого назначен полковник Гонорский³⁷⁵.

27/10 — Наступление на станцию Невинномысская. Крушение бронепоезда. Разбиты: одна орудийная бронеплощадка и три контрольных. Убиты: поручик Калмыков и два казака. Ранены: штабс-капитан Борисов и поручик Мухортов.

Подробности боя следующие:

27 октября бронепоезду было приказано совместно с кубанскими конными частями занять Невинномысскую с целью дальнейшего наступления вдоль железной дороги. Ввиду того что по полученным сведениям путь до Невинномысской был в полной исправности, а ст. Невинномысская была занята слабыми силами красных, было решено боевой частью бронепоезда совместно с базой занять Невинномысскую, после чего, оставив базу на означенной станции, развивать дальнейшее наступление. Не доезжая до Невинномысской, левый путь на протяжении многих верст оказался забит брошенными красными при поспешном отступлении порожними составами. Правый путь совершенно свободен. Путь шел под уклон и медленно закрутился влево, благодаря чему видимость пути перед бронепоездом была ограничена. Не доезжая 3—4 верст до Невинномысской, бронепоезд неожиданно насккивает на шпалы, положенные поперек пути. Контрольные площадки сходят с рельс и врезаются в порожняк, стоящий на левом пути. Вслед за ними терпят крушение пулеметная бронеплатформа и следующая за ней орудийная. У бронепаровоза смяты буфера и поврежден левый цилиндр. Немедленно было приступлено к извлечению из-под обломков раненых и убитых, для чего потребовалась помощь вспомогательного поезда. Наша кавалерия, видя гибель бронепоезда и встретив редкий огонь со стороны красных от Невинномысской, начала отходить. Бронепоезду пришлось спешно организовать самооборону на случай возможного

наступления красных, для чего были использованы извлеченные из-под обломков исправные пулеметы и размещены вокруг бронепоезда и на крышах вагонов базы. Одновременно с извлечением раненых и убитых из-под обломков, потребовавшим несколько часов усиленной работы, производилось спасение имущества. Красные держали себя пассивно, что дало возможность без помехи с их стороны произвести все необходимые работы и спасти все мало-мальски ценное имущество, как то: орудие с бронеплощадки, пулеметы, огнеприпасы, телефонное имущество и пр. По окончании всех работ, при помощи вспомогательного поезда, база и остатки бронепоезда, состоящие из поврежденного бронепаровоза и одной орудийной площадки с орудием 1895 года, были отведены на ст. Армавир.

28/10 — Переезд на ст. Тихорецкая для ремонта.

29/10 — 16/11 — Стоянка на ст. Тихорецкая в ремонте. Получение материальной части: одной бронеплатформы с орудием 1900 года на лафете с колесами без кругового обстрела, одной бронеплатформы бомбометно-пулеметной и одного бронированного десантного вагона. Приказом Главнокомандующего Добрармии от 16 ноября 1-й Бронированный поезд переименовывается в 1-й Бронированный генерала Алексева поезд.

17/11 — Переезд на ст. Песчаноокопская для содействия успешному проведению мобилизации.

18/11 — 19/11 — Содействие означенной мобилизации.

20/11 — Переезд на ст. Невинномысская в распоряжение генерала Ляхова.

21/11 — 26/11 — Позиция и сторожевое охранение у разъезда Дворцовый совместно с 8-м пластунским батальоном.

27/11 — Боевые действия у ст. Киан.

28/11 — 3/12 — Боевые действия и сторожевое охранение в районе ст. Киан — ст. Водораздел.

4/12 — 10/12 — Боевые действия в районе ст. Водораздел — ст. Курсавка.

11/12 — 14/12 — Боевые действия в районе ст. Курсавка совместно с бронепоездами «Офицер» и «Единая Россия». Убит поручик Броунс, контужен поручик Ивачев.

15/12 — 18/12 — Боевые действия в том же районе. Убит вольноопределяющийся Грицевич, ранены: поручик Сапешко, подпоручик Курбас³⁷⁶, подпоручик Протасов и прапорщик Третьяков.

19/12 — Боевые действия там же. Убит капитан Головач, ранены: поручик Коковин, прапорщик Захаров, прапорщик Флавицкий³⁷⁷ и прапорщик Борисов, контужен поручик Амайский.

20/12 — Боевые действия в том же районе. Во временное командование бронепоездом вступил подполковник Шамов.

21/12 — 22/12 — Боевые действия там же. Отравлены газами химических снарядов подполковник Шамов и штабс-капитан Тер-Никагосов.

В период боев с 27 ноября по 23 декабря бронеплатформы и материальная часть вследствие множества прямых попаданий были приведены в совершенную непригодность и одновременно направлены в город Екатеринодар для ремонта.

23/12 — Боевые действия в том же районе. Выезд бронепоезда в бой в составе небронированного паровоза и обыкновенного товарного вагона с пулеметами.

24/12 — Переезд на ст. Кавказская в ремонт и за получением новой материальной части.

25/12 — 31/12 — Стоянка на ст. Кавказская в ремонте.

М. Шилле

ИЗ ДНЕВНИКА КАВАЛЕРИСТА

(продолжение)³⁷⁸

Был декабрь 1918 года. Добровольческая армия делала последнее усилие для ликвидации красных на Северном Кавказе. Стояли дикие холода. Бои шли уже где-то под Ставрополем, и наш 1-й Офицерский конный полк из-за больших снегов дрался чаще в пешем строю, помогая марковцам и корниловцам в их тяжелой боевой обстановке.

В этот памятный день наш эскадрон был спешен и лежал в цепи в канаве, наполненной снегом. Висел тяжелый густой туман.

— Посмотри вправо от нас, — говорил мне Мачудзе, вольноопределяющийся нашего эскадрона, — видишь эту рощу покрытых снегом деревьев? Ведь оттуда могут подойти нам во фланг так тихо, что мы этого даже не услышим!

— Не бойся, Кацо; в этой роще четвертый взвод с корнетом Ростовцевым, а к этому так просто не подойдешь, он видит и слышит как кот, — успокоил я его. — А левее от нас лежат второй и первый взводы, которые знают, что делают. Так что нам остается только наблюдать из-за этого кустарничка, который, видишь, начинается где-то слева и идет прямо перед нами и уходит куда-то к густому туману. Понятно?

Грузин никак не успокаивался.

— И какой дурак посадил этот кустарник? Ведь он идет по самой меже, и из-за него нам ничего не видно.

— Мачудзе, чудака ты этакий, руготней делу не поможешь! Ты лучше подумай о том борще, который мы не успели доесть у нашей хозяйки. А хлеб, братику, такой белый хлеб можно получить только здесь, в Ставропольской губернии.

Мачудзе был небольшого роста, но очень крепко сбитый грузин из Сочи и так же, как мы все, очень любил свой дом — третий эскадрон. Он был вспыльчив, как порох, но очень быстро остывал и был мастер уговорить хозяйку сделать что-нибудь покушать, даже если у нее ничего не было.

— Да что там вспоминать, — пробурчал он. — Если бы вахмистр не начал орать: «выводи!» — мы и до сих пор сидели бы в тепле. И куда они всегда торопятся, даже поесть не дадут.

Нашу дружественную перебранку прервал силуэт, появившийся перед нашим носом из тумана.

— Где командир взвода?

— Если ты повернешься направо и, протянувши руки перед собой, пройдешь несколько шагов, то упадешь к нему как раз в объятия, — посоветовал я ему. — А в чем дело?

— Так что командир эскадрона приказал разъезд от третьего взвода.

Я проглотил скверное словечко, готовое у меня сорваться, так как не мог понять, почему опять от 3-го взвода, но то же самое сказали бы и в других взводах.

Поднявшись, я вместе с ним отправился искать сотника Клепикова.

Это был маленького роста казак, очень добрый человек и хороший офицер. Его беда была в том, что он был слабого здоровья и, несмотря на это, упорно отказывался отправиться в тыл. Мы, молодые офицеры, правда, с нетерпением ждали этого момента, чтобы получить его коня по имени Кардаш — высокого рыжего жеребца из донских косяков, который был предметом вождения всего эскадрона.

Приняв записку и прочитав ее не торопясь и внимательно, он обратился ко мне:

— Сам приказал послать офицерский разъезд в 10 коней впереди наших цепей. Рассыпья лавой и посмотри, что там делается. Понятно?

— Так точно, господин сотник! Просто, как апельсин, — добавил я неофициально, — иди, пока не упадешь в объятия красным.

Но делать было нечего. Разъезд так разъезд. Взводный унтер-офицер назначил людей и отправил четырех в балку к коноводам за конями.

Рассыпавшись в лаву так, чтобы видеть друг друга, потихоньку, не разговаривая и всматриваясь в густоту тумана, мы начали двигаться вперед. Снег был довольно глубокий, но кони, отдохнувши за несколько дней, пока мы изображали из себя пехоту, шли очень бодро.

Затаив дыхание и прислушиваясь, я пялил глаза в белый свет, как в копеечку, и мечтал, что вот сейчас какая-нибудь пулька — именно пулька — ударит меня в плечо навывлет, конечно, и я смогу ввиду такого ранения отправиться в тыл для лечения в большой, светлый и теплый госпиталь. От этой мысли мне делалось уже тепло и весело, и я ждал этой пульки и даже в седле сидел как-то боком.

Пройдя примерно около двух верст по чистому, покрытому снегом полю, которое постепенно спускалось в балку, мы услышали какой-то шум. Вероятно, противник был недалеко, но густота тумана не давала нам возможности видеть его и определить расстояние по слуху. Мы остановились и начали прислушиваться. Где-то очень близко слышались голоса и скрип повозок, но ничего не было видно. Наше нервное состояние передавалось коням, и они вертелись на месте.

Наконец из мглы тумана начали появляться силуэты шедшего в цепи неприятеля. Увидев нашу лаву, он, видимо, оторопел и в первый момент застыл на месте, но это был лишь момент, так как вслед за этим началась беспорядочная стрельба; вероятно, от страха и впопыхах они стреляли выше наших голов. Мы также были поражены, увидев пехотные цепи неподалеку от нас, но все же, будучи подготовлены к этому, сделали полный поворот и, пригнувшись к гривам коней, дали шпоры и исчезли в тумане по направлению цепей эскадрона.

Теперь мы знали, что делалось впереди нас. Отправив коней в балку, а людей в цепи, я подошел к командиру эскадрона с докладом о приближении цепей противника и вдруг услышал резкий свист пули и почувствовал удар в ногу. Я покачнулся и упал бы, если бы меня не поддержали. Разрезали голенище сапога — портянка была в крови. Пуля вошла с левой стороны немного выше бабки.

Стрельба со стороны противника усилилась. Наши молчали. Неприятель подходил к цепям эскадрона. Было еще несколько раненых, и нас всех отправили в поселок. Очутившись в хате, мы перевязали друг другу раны, как могли, и успокоились.

Во дворе начали ухать пушки, а впереди поселка завязывался бой. Пулеметы работали всюю, а ружейная трескотня была все ближе и ближе. Нас погрузили в сани и отправили в дальнее село, где бы нам

могла быть оказана медицинская помощь, которой у нас в эскадроне сейчас не было. Мы ехали на дровнях буквально вповалку, так как нас было много, а сани одни, а кроме того — так было и теплее. Нашелся табачок, и пошли всякие прибаутки и веселые разговорчики. Стало как-то легче на душе. Отошла забота и думы о неизбежном, так как оно осталось там позади, где ухали пушки и слышалась пулеметная стрельба. А впереди? Пока что хорошо, а дальше видно будет. Целую ночь мы двигались куда-то. Останавливались и опять двигались. Нога болела, и я был убежден, что кости раздроблены и что мне больше никогда не вернуться домой в эскадрон.

Туман рассеялся. Была морозная ясная ночь. Небо было так высоко, как никогда, и звезды сверкали. Созвездие Большой Медведицы и Полярная звезда горели лихорадочным блеском, и Млечный Путь теплится матовым фосфорическим светом.

Медицинский пункт, куда мы приехали, находился в большом доме сельской школы, набитой ранеными, и состоял из доктора и трех усталых, но ласково улыбающихся сестер милосердия.

Осмотр и перевязки шли быстро.

— Что у вас такое? — спросила у меня сестра.

— Мне кажется, что разбита кость выше бабки, — ответил я мрачно, смотря на ее милое, полное заботы лицо. Она улыбнулась.

Доктор осмотрел, пощупал пальцами. Я стиснул зубы, было очень болезненно.

— Возможно раздробление «os calcis'а», отправить дальше в тыл.

Я посмотрел на доктора, на сестру, и сказанные слова меня и смущали, и обрадовали. Дело было в том, что как раз этот день приходился на 22 декабря. Мне вдруг безумно захотелось ехать дальше, подальше от этого холода, разъездов, коней, грязи, вшей и вечной, невылазной войны. Дальше — даже если бы мне отрезали ногу. Мне хотелось попасть в Новороссийск, так как через три дня настанет Рождество Христово. Меня отправили.

Нас погрузили в телегу, и через два дня, в самый Сочельник, я был помещен в большом, светлом и теплом лазарете в моем милым Новороссийске.

Я был очень рад видеть из окна город, смотреть на елку, которую украшали, приготавливаясь к Рождеству, чувствовать себя в тепле, уюте и, главное, в бесконечной, родной и ласковой заботе. Моя мечта исполнилась — я нашел свою пульку, но меня очень беспокоила моя нога. Мысли мои были все же довольно мрачные, и я приготавливал себя к ампутации.

— Следующий!

Подпрыгивая на одном костыле, я вошел в приемную. Как здесь было светло! Пахло йодом, эфиром и разными лекарствами. Я подошел к перевязочному столу, лег, закрыл глаза и отдал себя на милость Божию. Повязка была снята. Боли я не чувствовал.

— Марлю! Пинцет!

У меня захватило дыхание, и я тихонько открыл один глаз. Доктор взял пинцет, ковырнул и снял корочку с одной стороны... потом с другой стороны... и, пощупав этот ужасный «os calcis», сказал:

— Йоду!.. Вы счастливо отделались. Ранение в таком месте обыкновенно кончается потерей ступни. Поздравляю вас, завтра вы можете обратно ехать в полк.

— Ну. Доктор, это никак не возможно. Завтра все равно я не поеду никуда. Завтра Рождество Христово.

И мы оба рассмеялись. А через три дня, веселый и радостный, я возвращался к себе домой в свой лихой 3-й эскадрон.

* * *

Девель был убит первым выстрелом.

Пуля пробила патронгаш и вошла прямо в сердце. Там и осталась. Это была его пуля.

Стоял январь 1919 года.

Наш разъезд получил задание нащупать неприятеля.

Был морозный солнечный день. Все кругом сверкало белизной свежевыпавшего снега. Далеко вдали темнели очертания Штеровских динамитных заводов. Кругом в складках местности чернел кустарник. Было тихо и как-то торжественно печально.

Полувзвод двигался медленно, маленькой неровной лавой. Снег скрипел под копытами коней. Они шли бодрым шагом, слегка похрапывая и фыркая от свежего морозного воздуха. Впереди маячили дозорные. Одним из них был Девель.

Когда он упал, его конь прибежал к нам, а он остался лежать между нами и красными на широкой снежной поляне.

— Стой!.. Слезай!.. Коноводы!.. В цепь!..

Мы спешили и залегли. Началась перестрелка. Немного погодя подошла лава эскадрона. Под вечер пришла пехота.

Наша задача была исполнена, и нам было приказано отойти версты за две на хутора.

Ночью мы вернулись и вынесли тело Девеля.

Ночь была лунная. Медленно плывшие густые и тяжелые облака часто и надолго закрывали месяц, что очень облегчало нашу задачу.

Тяжелое замерзшее тело с трудом передвигалось по рыхлому снегу. Когда мы сошли с бугра, дело пошло скорее. Положив Девеля на пулеметную тачанку, мы быстро домчали его до хутора.

Бобка ушел, обещав сменить меня часа через два, и я остался один. В хате стояла немая тишина. Каганец дымил.

Теперь я был предоставлен самому себе и стал невольно прислушиваться к тому, что незримо хранилось в моей душе.

Нас было трое. Три неразлучных друга. Жорж Девель — юнкер Гвардейской школы³⁷⁹, Бобка Сукин-Брызгалов — юнкер Южной школы³⁸⁰ и я.

Молодость и походная жизнь соединили нас, а вечный страх перед неизбежным сроднил нас троих в крепкую братскую дружбу.

Для меня он все еще был Девель, несмотря на то что теперь его уже не было с нами, и я с тоской смотрел на тело дорогого мне человека.

Девель лежал на столе под образами. Колеблющееся пламя каганца неровно освещало его лицо. Оно было спокойно и выражало как бы удивление. Очевидно, смерть наступила сразу, не причинив ему боли.

Было около двух часов ночи.

Вдали на буграх слышались одиночные выстрелы и очереди из пулемета.

Ухо, еще полное дневного шума, слышало несуществующие звуки, а глаз отчетливо видел в перебегающих и колеблющихся тенях создания моего собственного воображения. Мне было немного жутко.

Еще не так давно на одной из ночевок, которые нам теперь так редко выдавались, после солидной порции борща и закулив сигарку из самосада, смешанного с древесными листьями, мы начали философствовать, и он убеждал нас, что каждый солдат имеет свою пулю, которая рано или поздно найдет его. Тогда он был убежден, что его пуля еще не вылита. А вот смотри же, какой-то красный носил ее уже в своей обойме, а он и не знал об этом. Вот и мы с Бобкой не знаем, где и у кого находятся наши пули. Может быть, их еще вообще нет, а может быть, их кто-нибудь уже загнал в дуло своей винтовки.

Мысли переходили от одного к другому. Время тянулось. Старая обстановка потрескивала, и в окна стучался лютый мороз. В хате было тепло и пахло талым снегом и сыростью сохнувшей одежды.

Затихший воздух чутко держал каждый шорох и параллельно с этим мои собственные чувства.

Мне хотелось плакать. Хотелось хоть как-нибудь освободить ту тоску и боль, которые находились в моей душе.

Я вспомнил рассказы Девеля о его матери. О том, как он любил ее и как был дружен с нею. Рассказы о семье, о Гвардейской школе.

Великий Боже, за что Ты наказал нас этой ужасной войной? За что поднял брата на брата? За что разлучил нас навеки с нашими дорогими? Мы не знаем, что с ними, и они, может быть, никогда не узнают, что случилось с нами.

И вспомнились мне слова казачьей песни:

А там за горами, где вьются метели,
Зимою морозы лютые трещат,
Где сдвинулись грозно и сосны, и ели,
Казачие кости под снегом лежат.

Было тихо. Стрельба на буграх прекратилась.

Эта непривычная тишина давала полный разгул воображению и создавала тревожное настроение, готовое каждую минуту перейти в панику. Я посмотрел на Девеля, и меня охватил жуткий страх. Что-то сильное сдавило горло, и тяжелая кровь ударила в голову.

Девель стал вытягивать руку.

Я ясно видел, как разжимались его скрюченные пальцы.

Стол заскрипел, и нога мертвого, соскользнувши, повисла, слегка покачиваясь.

В ужасе я хотел бежать, но не мог двинуться с места.

Его веки полукоткрылись, и он смотрел на меня немигающим взглядом.

Почти без сознания, с диким криком, я выскочил во двор и, добежав до хаты, где спали наши, открывши дверь, упал. Меня била лихорадка, и челюсти стучали одна о другую.

Пока меня привели в себя и мы рассудили, что все это произошло оттого, что замерзшее тело бедного Девеля в теплой хате стало принимать свое нормальное положение, прошло, может быть, около часа.

Вернувшись в хату, мы нашли Девеля лежащим на столе во весь его исполинский рост. Его руки были сложены на груди и глаза закрыты.

У иконы горела свеча, и какая-то старая женщина стояла на коленях и молилась. Может быть, она молилась не только о Девеле, но и о своем сыне, судьбы которого она не знала...

Утром Девель был похоронен, и эскадрон ушел.

Ушли с ним и мы, так как мы тоже принадлежали к этой дружной братской семье, которая называлась 3-м эскадронам, и, садясь в холодное седло и разбирая поводья, невольно думали о той пуле, которая нас когда-нибудь и где-нибудь найдет... А может быть, и нет.

НА «МОРЯКЕ» В ДОБРОВОЛЬЧЕСКУЮ АРМИЮ
В 1918 ГОДУ³⁸²

Редкому русскому человеку не пришлось испытать в минувшее смутное время и Гражданскую войну всевозможных необычайных положений и путешествий, из которых тогда была соткана жизнь. В настоящее время, увы, слишком многих участников событий этих мы не досчитываемся и многое интересное безвозвратно кануло в Лету. Просматривая список моих спутников по путешествию на «Моряке», я вижу, что чуть не половина их пала на поле брани во время Гражданской войны. Ряды их несомненно сильно поредели с тех пор. Так исчезают участники событий, а с ними и память о самих событиях. Между тем в каждом имеются факты, не лишённые интереса для историка пережитой бурной эпохи.

Одним из путешествий в духе своего времени является памятное путешествие парохода «Моряк» из Одессы в Новороссийск осенью 1918 года. Описание такового я решил сделать, основываясь на данных моего дневника и памяти.

Киев, 20 октября 1918 года. Итак, то, что было решено в принципе, получает наконец осуществление — я еду в Добровольческую армию. В первый раз за все мое 6-месячное пребывание в Киеве я могу наконец вздохнуть полной грудью. Довольно этой придуманной украинизации, этих сытых немецких офицеров и солдат и голодных русских... Завтра утром все это будет позади. Но многое и не забудется. Не забудется никогда, что шесть месяцев тому назад я, только что приехавший с фронта в Киев русский офицер, должен был быть посажен в лагерь для военнопленных в Дарнице, откуда едва успели уйти взятые нами в плен австрийцы и немцы. Если бы не гетманский переворот, так и пришлось бы, наверное, быть в плену... в Киеве.

Одесса. 22 октября. Путешествие из Киева было кошмарным. Поезд ушел в 8 часов утра уже переполненным. Но чем дальше он двигался, тем хуже становилось. Беспорядок царил всюду ужасный. Австрийская революция сразу превратила австрийских солдат в «товарищей», ничем не отличающихся от наших. На одной станции австрийцы только что убили своего генерала, на другой — своих офицеров. Хорошо знакомая картина. Начиная от Жмеринки, поезд стали осаждать наши военнопленные, возвращающиеся из Австрии

толпами. В вагонах не считаются ни с чем. Набились такие кучи оборванцев-солдат, что в полном смысле слова нельзя было вдохнуть. В моем маленьком полукупе, нормальном для двоих, сидит восемь человек. Еще несколько стоит. В коридор и уборную нельзя и подумать выйти. Военнопленные все форменные большевики. От их разговоров и выражений прямо тошнит, несмотря на всю привычку к ним. За этот перегон вагон пришел в отчаянное состояние. В уборную превращены узкие расстояния между двумя рамами в окнах. Вонюча отчаянная. Поезд шел больше суток. В Одессу приехали лишь к 11 часам утра. Спать не пришлось, конечно, ни минуты, но, что еще хуже, не было возможности даже встать.

* * *

На Одесском вокзале помылся и привел себя в порядок. Здесь все чисто и в порядке. Как будто военное положение. В помещении I и II кл. расквартирована офицерская рота и часовые-офицеры на каждом шагу. В городе, по внешнему виду, жизнь кипит. Поражает повсюду обилие меняльных лавок и контор. На каждом шагу столешки, за которыми менялы производят свои операции. Немецкие, австрийские, украинские, старые русские и керенки размениваются одни на другие. Но при этом строго учитывается состояние билета. Склеенный билет или с оторванными уголками принимается с потерей в курсе. Донские деньги и английские фунты достаются тут же, но нелегко.

* * *

Я очень опасался, что не успею на пароход, которым должен был выехать. К счастью, он стоит еще в порту, у Карантинного мола, погрузка идет полным ходом и продлится даже еще, вероятно, несколько дней. Познакомился с начальником отряда Красного Креста, к которому временно прикомандировался, С.И. Бибиковым³⁸³. Меня сразу же взяли в оборот, и до темноты пришлось руководить погрузкой краснокрестных тюков в трюмы. Устал страшно. К счастью, капитан парохода предложил мне занять маленькую каюту рядом с кают-компанией, и я ночевал уже в ней. Иначе мне негде было бы, вероятно, преклонить моей главы, ибо все гостиницы переполнены. Пароход называется «Моряк», он грузовой и принадлежит Русскому Дунайскому Пароходству. Кюта моя имеет около четырех шагов длины и 1,5 ширины. Имеется диванчик, узкий и покатый, на котором можно лежать лишь на боку, да и то с риском свалиться при малейшем толчке. Поэтому я предпо-

чел расставить мою походную койку, часть которой, не помещаясь в каюте, вылезает в столовую. После окончания работы перевез вещи с вокзала на пароход и заснул как убитый.

Одесса, 24 октября. За эти два дня познакомился со всем составом отряда, в котором состою, чтобы пробраться в Добровольческую армию. Он немногочисленный. Начальник, два помощника, из коих один я, делопроизводитель, две сестры милосердия и врач. С утра до вечера грузим тюки, так что с трудом лишь раз в город, чтобы победать и сделать необходимые покупки. Получил командировочное свидетельство с «заграничной» визой Одесского градоначальника. В Одессе жизнь иная, чем в Киеве. Немцев почти не видно. Квартируют австрийские войска, но они уже не хозяева положения. Проезжая по одной улице, я был свидетелем того, как наш конный полицейский гнал двух австрийских солдат, нанося им удары шашкою плашмя по спине. Порядок поддерживается главным образом офицерскими дружинами.

Сегодня после обеда начальник отряда сообщил мне по секрету, что немцы, которым не по вкусу сношения Одессы с Новороссийском и начавшаяся посылка помощи Добровольческой армии, хотят воспрепятствовать отходу парохода. Возможно, что придется уходить поэтому тайком. Погрузка к вечеру не закончена еще и наполовину. Пароход небольшой, но трюмы основательные. Вечером я съездил в город для покупок. В 9 часов вернулся на пароход и только стал устраиваться на ночь, как на «Моряке» началось движение. Появились какие-то офицеры, которые, запыхавшись, притащили ящики с пулеметами и патронами. Один из них, артиллерийский штабс-капитан, познакомившись со мною, сообщил, что адмиралом Ненюковым получены достоверные сведения о принятом немецким командованием решении не выпускать пароход. Опасаются реквизиции груза, и потому адмиралом решено отправить пароход сегодня же ночью, не дожидаясь конца погрузки. На «Моряку» назначена команда из двух десятков отборных офицеров, отправляемых в армию, а как представитель Красного Креста поеду я один. И действительно, начальник отряда, появившийся вскоре, подтвердил мне это и дополнил сообщением, что, за исключением меня, весь отряд Красного Креста выедет из Одессы в Новороссийск на ближайшем пассажирском пароходе «Саратов». Что же касается «Моряка», то он должен пойти сначала на Дунай, где заберет артиллерийский груз, оставшийся от нашей старой армии, и отвезет его в Новороссийск. Таким образом, я попаду туда, наверное, позже отряда. В воздухе запахло приключением.

Между тем на пароход прибыл назначенный его комендантом старший лейтенант Туркул и офицеры, которые привезли еще несколько ящиков и тюков с пулеметами, патронами и ручными гранатами. Около полуночи снова появился тот же штабс-капитан, привезший на этот раз знамена полков железной стрелковой дивизии, которою командовал генерал Деникин. Знамена эти, выкраденные из какого-то общественного хранилища, предназначены для передачи Деникину по приезду в Екатеринодар. В полной темноте все на пароходе было приведено в порядок, офицеры разместились частью в кают-компаниях, частью в особом помещении под нею, имеющем выход непосредственно на палубу. Помещение это обширное и весьма холодное, к тому же обитает много крысами. Называется оно камбузом и другими именами, каждый окрещивает его по-своему. Наконец, в полной темноте, около 9 часов утра пароход отошел от мола и вышел на внешний рейд. Стоял довольно густой туман. Простояв короткое время, мы бесшумно двинулись дальше и к рассвету находились уже на линии Большого Фонтана, где нас, по обыкновению, изрядно покачало.

В море, 25 октября. Утром все постепенно повывезали из своих нор и собрались в кают-компаниях. Состав едущих такой: генерального штаба генерал-майор Аппельгрэн³⁸⁴ и затем молодые офицеры всех родов оружия. Компания производит приятное впечатление, особенно генерал. Ему отводят каюту, тоже выходящую в кают-компанию, и в нее помещены на хранение знамена. Почти все офицеры в погонах, один лишь казачий есаул Дутов в штатском платье и широкополой фетровой шляпе. У всех приподнятое настроение и разговоры только и идут о предстоящей боевой работе в Добровольческой армии. Выясняется, что мы зайдем дня на два в Килию, порт на Дунае, ныне румынский, где должны погрузить русские патроны и снаряды, оставшиеся там в неограниченном количестве после войны. Разрешение на это получено уже русским военно-морским представителем в Румынии капитаном 2-го ранга Драшусовым³⁸⁵, который должен нас встретить на месте.

Сегодня утром выяснилось, что вопрос с нашим питанием стоит не вполне благополучно. Ввиду того что отъезд наш явился для всех полной неожиданностью, ни пассажиры, ни пароходное начальство не имели возможности сделать необходимую закупку продуктов. Обед наш вышел сегодня очень несытным, чтоб не сказать больше. Капитан обещает сделать в Килии необходимые запасы провизии.

С грустью стали мы смотреть на приближающиеся берега румынизированной Бессарабии. Едущие с нами, прошедшие минувшую кампанию на Дунае морские офицеры показывают все достопримечательно-

сти, которые, впрочем, немногочисленны: потопленные после революции баржи да разрушенные здания. Берега низменны и пустынные. При входе в реку наш «Моряк» поднял желто-голубой флаг, что немедленно вызвало всеобщее наше возмущение. Однако капитан, кстати человек милый, объясняет, что в данный момент он не может поднять русский флаг по формальным причинам — «Моряк» приписан к одесскому порту и обязан иметь украинский флаг. К вечеру подходим к Килии и, ввиду наступившей темноты, останавливаемся близ берега, но сходни не спускаем... По рассказам бывавших здесь, Килия маленький грязный городишко, интересного в нем ничего нет, а потому мы жаждем поскорей начать нагрузку да и выбраться из этой «Румынии». Настроение у всех довольно вялое, да оно и понятно. Полуголодный день, несбившаяся компания и перспектива скучнейшей стоянки в течение ближайших дней. Со мною в каюте устраивается на узком и коротком диванчике есаул Дутов, брат известного Атамана Оренбургского войска³⁸⁶. Мой спутник кажется мне интересной личностью. Видимо, много повидал и испытал, человек не глуп. Едет на Кавказ с надеждой пробраться дальше к брату в Оренбург. Вид у него самый несчастный. В потрепанном легком костюмчике, гол как сокол, багажа никакого, кажется, вплоть до зубной щетки.

Килия, 26 октября. С утра на наш пароход явились местные румынские власти, подробно допрашивали нашего капитана и генерала, кто мы такие и для чего приехали. На первый вопрос им ответили прямо, а на второй — что цель наша забрать санитарный груз, пожертвованный Румынской Королевой Добровольческой армии. Румыны выразили удивление тому, что они никем не предупреждены, и уехали обратно, прося до поры до времени никому, кроме повара, с парохода не сходить. Благовидным предложением явился у румын вопрос благополучия нашего в санитарном отношении... Решено поэтому на берег никому не сходить, а чтобы убить время, капитан предлагает открыть трюмы и заняться перемещением тюков. Трюмы почти на три четверти пустые, а тюки помещены неправильно, что заставляет пароход слегка крениться. Это все из-за спешного ухода из Одессы. Все послеобеденное время мы работаем в трюмах. Все удивляются, что капитан Драшусов не был в Килии, хотя, в сущности, это вполне естественно — очевидно успели предупредить.

Килия, 27 октября. Утром нам пришлось увидеть, что против «Моряка» на берегу стоит румынский часовой. Когда повар наш захотел сойти на берег, то это ему не удалось вследствие решительных действий часового, немедленно взявшего винтовку наперевес. После переговоров и вызова румынского начальства повар был отпущен в

город, но под конвоем вооруженного солдата. Мы все собрались в кают-компания и решили припрятать куда-нибудь подальше наши пулеметы, гранаты и патроны, которые совершенно открыто находятся в офицерском помещении, в знаменитом камбузе, а также в шлюпках. После переговоров с капитаном выяснилось, что единственным местом, куда можно эти предметы припрятать, является угольный трюм. Пользуясь тем, что спускаться в него надо с противоположной берегу стороны, решено проделать это немедленно. С большими предосторожностями, дабы не возбудить подозрений часового, а также и уличных зевак, недостатка в которых нет и среди которых могут оказаться и тайные наблюдатели, мы потащили пулеметы и все прочее в угольную яму и усердно зарыли в угле. Едва успели закончить эту работу, как с берега прибыли власти. Капитан порта, черный с проседью румын, с несколькими сопровождающими. В кают-компании, где собрались представители обеих сторон, румыны снова стали допрашивать, кто мы такие и подробности цели нашего путешествия. Объяснение, как и в первый раз, велось на французском языке, причем генералу Аппельгрёну еще раз пришлось повторить то, что было сказано раньше. Так как румыны стали интересоваться, нет ли на пароходе оружия, им были даны заверения, что у нас лишь груз Красного Креста. Мои документы фигурировали в качестве доказательства. После этого комендант порта, сделав поверхностный осмотр офицерского помещения и трюмов, не спускаясь вниз, остался как будто бы удовлетворен и отбыл. Предварительно захватил с собой список всех едущих и обещал, после кучи любезностей, послать телеграмму в Яссы успокоительного характера. Оказывается, Яссы были уже осведомлены о нашем появлении на Дунае и живо им интересуются.

Хотя визит румынского коменданта и вселил в нас некоторые надежды на скорейшее разрешение нашего дела, однако возникли и некоторые тревоги и опасения. Во-первых, запас угля на «Моряке» был весьма незначительный, совершенно не рассчитанный на длительное путешествие. Между тем до сих пор пароход стоит под парами, готовый в любой момент продолжать свое путешествие. Крепя сердце капитан решил поддерживать отныне огонь под одним только котлом. Он был мрачен и хмур и не верил румынским обещаниям. «Наверное, какую-нибудь гадость сделают», — твердил он.

Под вечер нам пришлось увидеть идущий вниз по течению румынский монитор, который, пройдя мимо нас, описал круг и остановился ниже по течению. С наступлением темноты он стал освещать лучами своего прожектора берега Дуная, но вместе с тем часто и долго оставался на «Моряке».

Сгушающиеся над нами тучи не слишком влияют, однако, на психику нашу. Компания уже сбилась и не намерена нисколько скучать, особенно под вечер. Дешевое бессарабское вино, поставляемое в неограниченном количестве, помогает заметно разгонять тоску. Обеды и ужины проходят удивительно весело, под музыку и пение. Необычайно интересным спутником оказался есаул Дутов, мастером на экспромты и сыпящим ими вовсю. Почти все присутствующие награждены этими экспромтами, распеваемыми на мотив популярного «Гулинджана». На маленького штабс-капитана В., не в меру распевавшего под влиянием винных паров и притом каким-то замогильным сильным голосом, Дутов сочинил:

Капитан... был
Маленьким, но хватом.
И когда вино он пил,
Пел благим он матом.

Дружные беседы наши затягиваются далеко за полночь, и лишь одинокий румынский часовой является свидетелем этого веселья.

Килия, 28 октября. Сегодня утром на «Моряк» приехал румынский врач и, допросив меня снова и подробно о целях наших, пожелал осмотреть трюмы. Пришлось открыть их и спуститься вместе с ним. Наудачу были вскрыты несколько тюков с бельем, после чего, проверив документы, врач отбыл с уверениями, что даст самый благоприятный отзыв о нас начальству.

Как все это глупо складывается. Сколько времени теряем мы бессмысленно здесь, вместо того чтобы находиться уже в армии. Визиты румын раздражают всех. С одной стороны, это кажется естественным и понятным, с другой — невольно закрадываются мысли, не хотят ли румыны просто вознаграждения себе. Гоню эту мысль прочь. С одной стороны, у нас нет денег, с другой — ведь ездят к нам не какие-нибудь мелкие сошки, а комендант и врачебный инспектор.

Килия, 1 ноября. За эти дни никаких перемен. Безделье невыносимо тяготеет над всеми. От Драшусова никаких вестей. Комендант нашего парохода послал телеграммы в разные стороны с просьбой о помощи, но телеграфа в Килии нет, и депеши приходится посылать по почте. Вероятнее всего, их никуда и не отправляют. Все дни мы проводим в бесцельном шатании по пароходу, на котором изучили каждую гайку. В город сходило дважды по два спутника под конвоем часовых. В Килии даже и купить нечего. Капитан парохода объявил, что еще немного, и у него не хватит угля дойти до Новороссийска. Заходить же в Одессу, если выберемся отсюда, на что уже начинаем

терять надежду, теперь будет еще более рискованным. Дунай продолжает бесстрастно катить свои мутные волны, и ничто не нарушает однообразия его низменных унылых берегов. Раз в два дня проплывает какая-нибудь баржа или лодчонка, и лишь грозный румынский монитор неустанно следит за нами, передвигаясь время от времени вверх и вниз по течению. Невольно является у многих мысль о бегстве, но как и куда бежать. Мы не знаем, что делается не только на белом свете, но и у нас на родине. За все время нашего пребывания на Дунае мы не имели даже газет, не говоря уже о письмах или частных сообщениях. Кроме того, почти все мы в военном одеянии, и из Килии нас никто не выпустит. Тоска все больше и больше овладевает пассажирами. Удивительную выдержку показывает генерал Аппельгрэн, который всегда находит всякому сказать подбадривающее слово. Милейший генерал вызывает общее восхищение не только своей выдержкою, но и своей закаленностью. Каждое утро, обнажившись до пояса, он выходит на палубу мыться под помпой и, несмотря на весьма прохладную погоду, особенно по утрам, продельывает это с такою тщательностью и продолжительностью, видимо наслаждаясь, что вызывает бурные восторги не только наши, но и зевак на берегу, недостатка в коих никогда нет.

Хотя по вечерам настроение расходится и веселая атмосфера продолжает царить в нашей кают-компании, однако днем, с чего бы разговоры ни начинались, они неизменно сворачивали на безвыходность положения, и бессильная злоба подымается, не находя никакого выхода. Единственным посетителем нашим и как бы живой газетой является местный парикмахер, который, с разрешения коменданта порта, ежедневно является на пароход и сообщает свежие городские убийственно-скучные новости. О том, что делается в Добровольческой армии или на Западном фронте, он не знает ничего. Этому брадобрею работы всегда достаточно. Один Дутов регулярно берет не меньше 20 минут своим бритвем. Борода у Дутова растет обильно и быстро, и щетина такая твердая, что бритва звенит и лишь с громадным трудом делает свое дело. Бритье это, повторяющееся изо дня в день, привлекает обычно всех спутников и является тем поворотным моментом, когда дурное утреннее настроение сменяется хорошим вечерним.

Килия, 3 ноября. Сходивший утром с парохода повар сообщил, что нас собираются арестовать и посадить с «Моряка». С целью проверки, отчасти чтобы хоть немного проветриться, я послал коменданту просьбу разрешить сойти на берег и пройти к находящемуся в Килии агенту нашего пароходства. В 11 часов явились на набережную два вооруженных солдата, в сопровождении которых я и прошлепал через весь гряз-

ный городишко к агенту. Этот последний, грек, занимающийся своими коммерческими делами, только один раз, в течение нашего пребывания в Килии, пришел на пароход и больше не появлялся. Мне хотелось узнать новости о нашей судьбе, если таковые могли быть известны греку, а также вообще о том, что делается на белом свете. Действительность превзошла ожидания. Агент сразу же сказал, что сегодня ночью комендант порта получил распоряжение конфисковать «Моряк» и груз, посадив всех сопровождающих в тюрьму. Ошеломленный новостью, я вернулся на пароход, на котором сообщение вызвало общее негодование. Что делать с нашими знаменами? Куда скрыться? Фактически не к кому и обратиться за помощью против такого безобразного произвола. Как черная туча нависла над нашими головами перспектива попасть в румынскую тюрьму. Несколько отвлек внимание наше неожиданный приход русского пассажирского парохода «Адмирал Кашерининов», ставшего ниже нас по течению у пристани, но немедленно тщательно изолированного от нас часовыми. После обеда приехал комендант порта и сообщил, что получил приказание начальства арестовать нас. О причинах этого он говорил довольно туманно. Генерал Аппельгрэн коснулся вопроса об уходе нашем без груза или об отъезде на «Кашерининове», но об этом комендант не хотел и слышать. Единственно, что он пообещал сделать, — это послать подтверждение о нашей добропорядочности — и с этим вернулся на берег. Провожая его, мы имели возможность узнать, что стража наша увеличена и вместо одного часового их стоит теперь целая цепь.

Но что же Драшусов, невольно задаю я себе вопрос, не может же он провалиться сквозь землю? А может быть, и он угодил в заключение? Кто теперь знает, особенно в такой стране, где самое название «румын» является больше профессией, нежели национальностью.

4 ноября 1918 года. Вчера за ужином настроение всех радикально изменилось. Отчего-то все повеселели. Ужин оказался нисколько не траурным, но, наоборот, самым веселым из всех, бывших на пароходе. Дутов сыпал остротами и экспромтами. Перебрал он буквально всех, а про себя самого он пропел так:

Из Одессы шел «Моряк»,
Плавал по Дунаю
И застрял на нем Казак,
Для чего, не знаю

Было около семи с половиной вечера, когда, отяжелевшие от сытного ужина и беспрерывного хохота, мы вышли подышать свежим воздухом на палубу. Вечер был тихий и теплый, Дунай был спокой-

нее обыкновенного. На излучине реки, в нескольких верстах от нас, появилось небольшое судно, спускавшееся по течению и невольно приковавшее наше внимание. При приближении стало возможным разобрать, что это буксирный пароход, ведущий большую баржу. «Это Драшусов идет», — заметил кто-то в шутку, но невольно сердца наши забились. Мы не отрываясь наблюдали за баржей. Все разговоры смолкли, во взоре каждого читалась надежда. При приближении к нам буксир стал заворачивать вправо, а затем, сделав крутой поворот, взял курс прямо на нас. Сомнений быть больше не могло. В человеке, стоявшем на буксире, узнали Драшусова. Еще не успел буксир ошвартоваться, как Драшусову вкратце объяснили наше положение. Неожиданно появился и комендант порта. Взойдя на «Моряк», Драшусов встретился с ним как со старым знакомым, взял его под руку и, горячо разговаривая, повел в сторону. Затем оба они перешли на соседа нашего «Кашеринина». Прошло томительных полчаса. За это время мы уже подробно ознакомились с пришедшей баржей «Анастасия» и с ее содержимым. Снаряды всех калибров и сортов, патроны и прочее заполняли баржу, вселяя безграничную радость в сердца наши.

* * *

Наконец появился и Драшусов, сияющий, с вестью о благополучном исходе дипломатических переговоров. Однако времени терять нельзя и необходимо начать погрузку немедленно же с тем, чтобы закончить ее к утру. К 9 часам мы должны находиться уже вне Килии. Работа закипела, но нас оказалось слишком мало. Чудо пришло на помощь. Через какие-нибудь четверть часа на пароход опять приехал комендант порта в сопровождении начальника килийского гарнизона и нескольких офицеров. Его южное лицо, окаймленное черной бородой, сияло от счастья, он расточал любезности, жал руки и без устали говорил, что счастлив благополучному разрешению дела. У меня невольно закралась мысль о том, почему погрузка должна быть проведена так скоро, почему мы должны уйти до 9 часов утра, даже если не закончим ее, в то время как необходимые разрешения привезены Драшусовым. Неожиданно на пароход прибыло около сотни румынских солдат для участия в погрузке. Эта последняя новость меня совершенно ошеломила. Погрузка пошла лихорадочным темпом. Лебедки закрипели. «Вира» и «майна» неслось то с баржи, то с парохода. Наши офицеры взяли руководство погрузкой, грубую же работу, естественно, возложили на солдат. Грузить стали

одновременно и в носовые, и в кормовые трюмы. На мою долю выпал носовой № 2. Имевшиеся там красно-крестные тюки были отодвинуты в глубину, и лебедка начала опускать ящики с 3-дюймовыми снарядами, которые немедленно складывались румынами по сторонам трюма. Вскоре после начала над трюмом засветил большой электрический фонарь. Румыны работали старательно. Многие из них говорили по-русски, так что объясняться было легко. Лебедки без усталости опускали в трюмы новые и новые ящики. Уже два ряда их было установлено на дне, когда, несмотря на сильный шум в трюме, внимание мое было привлечено крепкой бранью, донесшейся сверху. Я узнал голос нашего штабс-капитана, распорядившегося на барже, и невольно поднял голову. В ту же минуту дрожь пробежала по моей спине. Почти прямо надо мной в воздухе, эффективно проектируясь на свете фонарей, висела кипа ящиков, плохо закрепленных петлей. Мгновение спустя верхний ящик плавно скользнул, а за ним и другие. Они бесшумно полетели прямо в трюм. «Гранаты», — мелькнуло у меня в голове, и едва успел я отскочить в сторону, как ящики разбились о дно трюма. Все замелькало вокруг. Ящики разбились в щепы, гранаты разбросало кругом, гильзы отскочили, порох рассыпался. Еще мгновение, и все стихло. Мне не верилось глазам, было тихо и спокойно. Оглянувшись, я увидел, что, кроме штабс-капитана Куликова, работавшего в одном со мной трюме, в нем не было больше ни души. Румыны, как кошки, взобрались по отвесным лесенкам в критическую минуту, и теперь их любопытные головы смотрели на нас сверху. Да и не только их. Сбежались почти все. Мы же с Куликовым осенили себя крестным знаменем и вылезли наверх подкрепиться стаканом вина. В кают-компании я встретил Драшусова, с которым разговорился и который поведал мне тайну магического превращения коменданта порта. Она не была очень сложна. Невозможность добиться согласия румынских властей честным путем, фабрикация соответствующих разрешений несколькими румынами за соответствующую мзду, «дружеский», с передачей денежного подарка, разговор с комендантом порта. Последний принял к исполнению подложный, привезенный одним из спутников Драшусова приказ министра оказать нам содействие. На этом основании к нам в помощь были командированы солдаты, но к 9 часам утра мы должны быть уже вне Килии, ибо к этому времени ожидается ответ из Ясс на запрос коменданта порта. Отрываясь лишь на самое короткое время для отдыха и подкрепления, мы грузим всю ночь напролет бесконечное количество ящиков и заполняем обширные трюмы...

Как сильно забилося мое сердце, когда при утреннем уже свете можно было убедиться, что по меньшей мере три четверти содержимого баржи перегружено на «Моряк». И чего мы только там не забрали. В первую очередь снаряды, затем патроны, порох и вообще все, что ни попадалось под руку. Разбираться не было времени, а «там», в Добровольческой армии пригодится все. Несмотря на страшную усталость, мы продолжаем погрузку вплоть до того момента, когда, отдав концы, «Моряк» начинает уже двигаться. Драшусов спускается в шлюпку и съезжает на берег. Он весело машет нам рукой. Громкие крики восторга несутся к нему с парохода.

Увеличивая скорость, «Моряк» спускается по Дунаю. Килия разворачивается перед нашими взорами, не возбуждая ничьей симпатии. Наконец она отходит от нас, как дурной сон, и мы полным ходом идем к морю. Но как мы ни устали, никому не было до отдыха. Все толпились на палубе, горячо обмениваясь впечатлениями и воспоминаниями, дружно восхваляя Драшусова и ругая румын. Вот уже и Черное море, встречающее нас своим свинцовым небом и волнами. Неожиданно в кают-компани, за столом, вижу румынского офицера, который оказывается отныне моим спутником по каюте. Он очень воспитанный, симпатичный, отлично говорит по-французски. Я узнал, что он едет с нами до Новороссийска, а оттуда с особой миссией в Петербург...

Путь наш через море прошел удовлетворительно, но, увы, угля не хватило, к счастью, был попутный ветер. Поставили паруса. Погода была удовлетворительная, от безделья мы затевали игры, в том числе стрельбу из револьвера в пустые бутылки, брошенные в волны. Капитан очень хмуро смотрел на эту забаву — боялся, что подстрелим одного из многочисленных дельфинов, что у моряков является очень дурной приметой.

Новороссийск, 9 ноября. Рано утром мы подошли к Новороссийскому порту. Печально торчали из воды трубы наших миноносцев, потопленных большевиками в море. Чины Добровольческой армии были заняты изъятием из их трюмов, под водой, артиллерийских снарядов. Наконец мы подошли к пристани и отшвартовались в непосредственной близости от парохода «Саратов», на котором находился и мой красно-крестный отряд. Нашему восторгу не было конца. Многие из спутников сразу же отправились в Екатеринодар, а разгрузка «Моряка» началась через какой-нибудь час после его прихода, и вечером уже отошел от нас первый поезд, увозивший ценные снаряды на фронт.

* * *

Много лет спустя, будучи в 1933 году в Брюсселе, я узнал, что там проживает наш бывший военно-морской агент в Румынии капитан 2-го ранга Драшусов. Я счел своим долгом зайти к нему, чтобы вспомнить описанный эпизод и узнать кой-какие подробности. Милейший Драшусов ничего не забыл, ни имен, ни даже денежных сумм, кои ему пришлось выложить румынам.

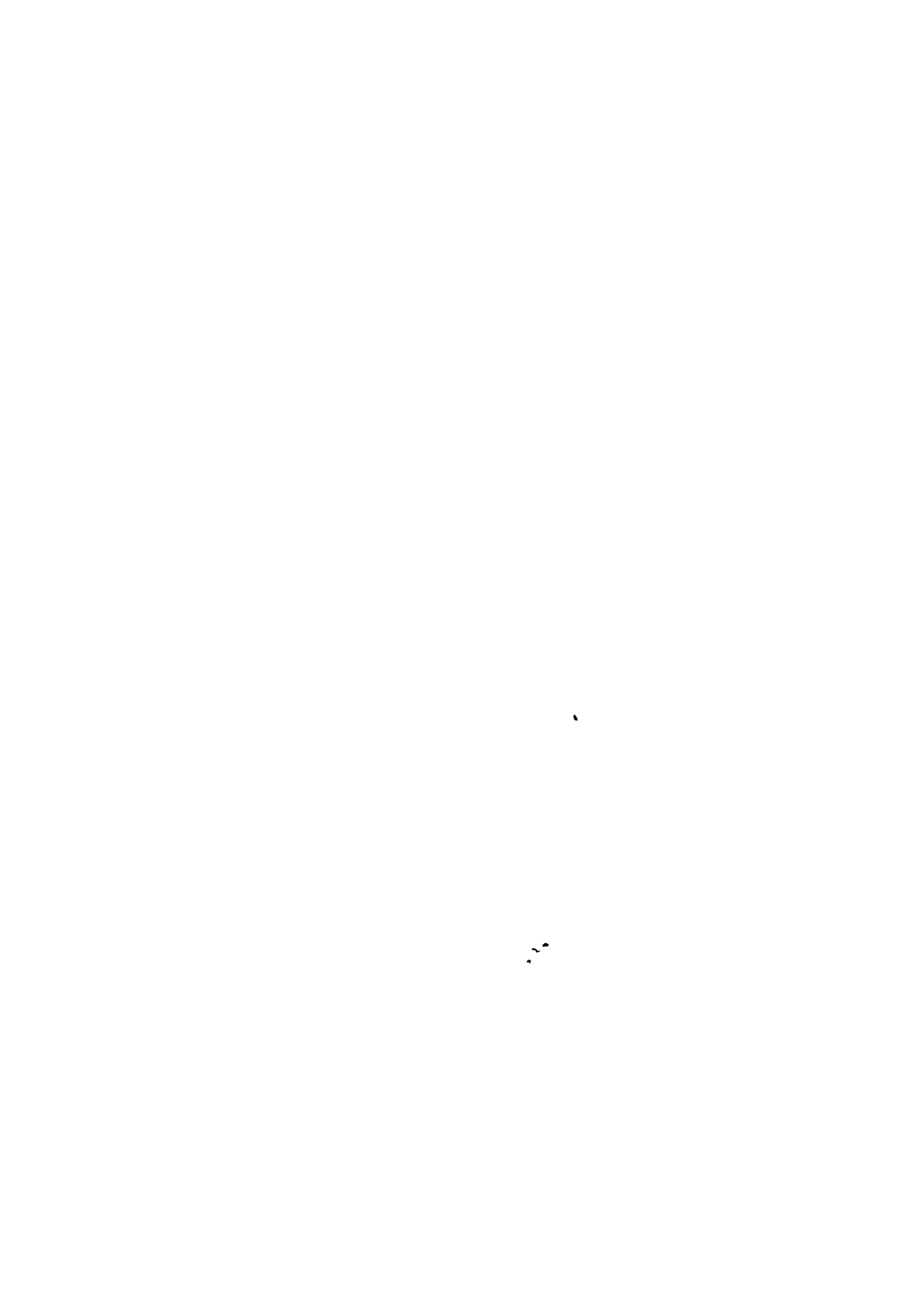
Действовал он совместно с одним другом России, б. морским агентом Франции в Петербурге, капитаном 1-го ранга маркизом де Беллуа, состоявшим в описываемое время начальником французской военной миссии в Румынии.

Баржа «Анастасия», или, вернее ее содержание, хотя и принадлежавшее бесспорно России, была куплена в Галаце у каких-то темных посредников за 70 тысяч лей. Драшусову пришлось сфабриковать фальшивые документы, в чем принимал деятельное участие румынский лейтенант, оказавшийся моим спутником, и, сверх того, один румынский жандармский вахмистр мастерски испортил телефон между Килией и Белградом (80 верст), где находился свирепый румынский военный начальник генерал Чехоцкий, приказавший посадить нас в тюрьму и схватить груз с «Моряка». Однако капитан над портом Килия, описанный выше полный, красивый, веселый офицер Н., и начальник гарнизона в Килии, майор Б., оба находились полностью на стороне Драшусова и, надо отдать им справедливость, сделали все, чтобы нам помочь, хотя и небескорыстно.

Как ни ничтожен, быть может, был людской, артиллерийский и санитарный груз, привезенный «Моряком» в Добровольческую армию в начале ее героического существования, он несомненно сыграл свою роль в тот момент, когда, завоевав Северный Кавказ, армия выходила на широкую российскую дорогу. То была ее весна.

КОММЕНТАРИИ

¹ Деникин Антон Иванович, р. 4 декабря 1872 в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Окончил Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта, с 29 августа 1917 г. под арестом в Быхове. После освобождения 19 ноября 1917 г. участник организации Добровольческой армии, в начале января 1918 г. командующий войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. В 1-м Кубанском походе — заместитель генерала Л.Г. Корнилова, которого 31 марта 1918 г. сменил на посту Главнокомандующего. 26 декабря 1918 г. — 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР. В эмиграции в апреле—августе 1920 г. в Англии, затем до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. д. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрборе.

² Впервые опубликовано: А.И. Деникин. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1924. Т. 3. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май—октябрь 1918 г. В настоящем издании публикуются главы, посвященные 2-му Кубанскому походу и боям под Ставрополем.

³ Сорокин Иван Лукич, р. 1884 в ст. Петропавловской. Из казаков Кубанской обл. Окончил военно-фельдшерскую школу и 2-ю Тифлисскую школу прапорщиков (1915). Служил в 3-м Линейном полку Кубанского казачьего войска. Сотник. В начале 1918 г. возглавлял большевистские силы на Кубани в должности помощника командующего Юго-Восточной революционной армией. В дальнейшем был главнокомандующим Красной армией Северного Кавказа, но находился в напряженных отношениях с политическим руководством возникавших там «советских республик». 30 октября 1918 г. он был арестован в Ставрополе и на следующий день убит в тюрьме.

⁴ Эрдели Иван Георгиевич, р. 1870 Из дворян Окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Генерал от кавалерии, командующий Особой армией. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быхо-

вец. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., в январе—марте 1918 г. представитель армии при Кубанском правительстве, с марта 1918 г. командир отдельной конной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 16 апреля 1919 г. Главнначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа), до марта 1920 г. начальник Владикавказского отряда. В эмиграции во Франции, с 1930 г. председатель Союза офицеров—участников войны во Франции, с июня 1934 г. начальник 1-го отдела РОВС. Умер 7 июля 1939 г. в Париже.

⁵ Марков Сергей Леонидович, р. 1878. Из дворян. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1898), академию Генштаба (1904). Генерал-лейтенант, начальник штаба Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии с 24 декабря 1917 г. начальник штаба командующего войсками Добровольческой армии, с января 1918 г., начальник штаба 1-й Добровольческой дивизии, с 12 февраля 1918 г. командир Офицерского полка, с апреля 1918 г. командир 1-й отдельной пехотной бригады, с июня 1918 г. начальник 1-й пехотной дивизии. Убит 12 июня 1918 г. у ст. Шабалиевка.

⁶ Быкадоров Исаак Федорович, р. 19 мая 1882 в ст. Нижне-Кундрючевской Области Всевеликого Войска Донского (ВВД). Из дворян ВВД, сын полковника. Ростовская гимназия, Новочеркасское военное училище (1902), офицер с 1903, академия Генштаба (1910). Полковник, командир 58-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Донской армии; один из организаторов Общедонского восстания, март 1918 г., руководитель восстания в районе ст. Бело-Калитвенской, командир отряда восставших казаков, командующий ополчениями станиц Нижне-Калитвенской, Кундрючевской, Усть-Белокалитвенской и других, с 1 апреля—август 1918 г. командующий Задонской группой, с 12 мая по декабрь 1918 г. войсками Задонского района и Южной группой Восточного фронта Донской армии, с 23 февраля 1919 г. командующий 2-й Донской армией, с 11 марта по апрель 1919 г. командир 8-го Донского армейского корпуса. 1918—1920 гг. товарищ председателя Войскового Круга ВВД. Генерал-майор (с 7 мая 1918). Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». В эмиграции в Югославии, Чехословакии, Франции. С начала 1930-х и до смерти товарищ председателя Войскового Круга ВВД. Умер 20 сентября 1957 г. в Анже (Франция).

⁷ Дроздовский Михаил Гордеевич, р. 7 октября 1881 в Киеве. Из дворян, сын генерала. Окончил Киевский кадетский корпус (1899), Павловское военное училище (1901), академию Генштаба (1908). Полковник, начальник 14-й пехотной дивизии. В начале 1918 г. сформировал отряд добровольцев на Румынском фронте, с которым 26 февраля 1918 г. выступил на Дон. После соединения с Добровольческой армией начальник 3-й пехотной дивизии. Генерал-майор (12 ноября 1918). Умер от ран 1 января 1919 г. в Ростове.

⁸ Боровский Александр Александрович, р. 1875. Из дворян. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1896), ака-

демию Генштаба (1903). Генерал-майор, командир бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., организатор и командир Студенческого батальона. С 12 февраля 1918 г. командир Юнкерского батальона, с марта 1918 г. командир Офицерского полка, с июня 1918 г. начальник 2-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 2-го армейского корпуса, с 24 декабря 1918 г. командир Крымско-Азовского корпуса, с 22 июля 1919 г. командующий войсками Закаспийской области, затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, уволен с 29 октября 1919 г. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Весной 1920 г. покинул Крым. Умер в 1938 г.

⁹ **Кутепов Александр Павлович**, р. 1882. Из дворян, сын лесничего. Окончил Архангельскую гимназию, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командующий л.-гв. Преображенским полком. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., командир офицерской роты, с декабря 1917 г. войсками таганрогского направления. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир роты Корниловского полка, затем командир того же полка, командир бригады, начальник 1-й пехотной дивизии, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, с декабря 1918 г. Черноморский военный губернатор, с 13 января 1919 г. командир 1-го армейского корпуса, затем образованного из Добровольческой армии Добровольческого корпуса. В Русской Армии командир 1-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командующий 1-й армией. Генерал от инфантерии. С 1928 г. председатель РОВСа. Похищен и убит агентами ОГПУ 26 января 1930 г. в Париже.

¹⁰ **Жебрак-Русанович Михаил Антонович**, р. 1875. Из крестьян. Окончил Виленское военное училище, Военно-юридическую академию. Полковник, командир 2-го Балтийского морского полка. Организатор офицерского отряда в Измаиле, с которым в 1918 г. присоединился к полк. Дроздовскому. С 22 апреля 1918 г. командир Офицерского полка отряда Дроздовского. Убит 24 июня 1918 г. под Белой Глиной.

¹¹ Воспоминания А.В. Туркула публикуются ниже.

¹² **Романовский Иван Павлович**, р. 1877. Из дворян, сын офицера. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1897), академию Генштаба (1903). Генерал-майор, генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., начальник строевого отдела штаба Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с февраля 1918 г. начальник штаба Добровольческой армии, 8 января 1919 г. — 24 марта 1920 г. начальник штаба Главнокомандующего ВСЮР. Генерал-лейтенант. В марте 1920 г. эвакуирован в Константинополь, где убит 5 апреля 1920 г.

¹³ Марковский полк (1-й офицерский полк, 1-й офицерский генерала Маркова полк, с апреля 1920 г. 1-й генерала Маркова пехотный полк) был сформирован 12 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 1-го, 2-го и 3-го Офицерских батальонов, Ударного дивизиона Кавказской кавалерийской дивизии, части 3-й Киевской школы прапорщиков, Ростовской офицерской и Морской

рот как Сводно-офицерский полк. Первоначально состоял из 4 рот и команды связи и подрывников при 13 пулеметах. В середине марта 1918 г. в полк вторым батальоном влит Особый Юнкерский батальон (5-я и 6-я роты). С середины марта 1918 г. входил в состав 1-й бригады. Части, вошедшие в состав полка, практически полностью состоявшие из офицеров, начали 1-й Кубанский поход в составе около 1320 человек (в т. ч. Сводно-Офицерский полк около 800), под Екатеринодаром — 800, после штурма — 400 человек (по 40—100 в роте), на 13 апреля до 600, в мае — около 500. Во время похода в полк было влито несколько сот кубанцев, и он перестал быть чисто офицерским. С начала июня 1918 г. получила наименование 1-й Офицерский полк и вошел в состав 1-й пехотной дивизии. Переформирован в 9 рот (3 батальона), из которых 5-я состояла из учащейся молодежи, 6-я — из чинов гвардии, а 7-я, 8-я и 9-я были чисто офицерскими и более многочисленными (по 200 человек против 150 в других). С 13 июня 1918 г. именовался 1-й офицерский генерала Маркова полк.

В августе 1918 г. из полка (около 800 человек) были выделены на формирование своих частей гвардейцы, гренадеры, моряки, поляки (в Польский отряд), офицеры для пластуных батальонов, 100 человек в особую роту при Ставке — всего до 400 человек. После пополнения насчитывал свыше 3000 человек. Переформирован в 3 батальона по 4 роты (по более 200 штыков, в т. ч. 7-я и 9-я чисто офицерские по 250 штыков). В конце октября, после боев у Армавира в полку было 1500 шт. (по 40—120 в роте), столько же в середине ноября (роты по 100 штыков, офицерские свыше 200), в конце месяца — 2000. В середине января 1919 г. в полку было до 800 шт. (по 50—80 в роте, в офицерских — по 150), в конце месяца до 1500, в начале апреля до 550 (по 10—35 в роте). В это время офицерские роты наполовину состояли из солдат. На 1 октября 1919 г. в полку было около 3000 человек, на 5 октября 1919 г. его боевой состав насчитывал 882 штыка при 20 пулеметах, в середине октября около 1200 штыков. С 14 октября 1919 г. входил 1-м полком в состав Марковской дивизии. На 12 декабря 1919 г. имел 800 штыков и 60—100 сабель в конной сотне, в конце декабря осталось около 300 (в ротах по 4—6 человек). В середине марта 1920 г. в Крыму насчитывал около 450 штыков при 15 пулеметах (3 батальона по 3—4 роты), в начале октября в ротах было по 30—40 человек при 4—5 офицерах, в конце месяца, после отхода в Крым, полк насчитывал 400 штыков. Полк вынес на себе основную тяжесть боев, особенно в 1918 г., и провел через свои ряды десятки тысяч людей. Только одна из рот (7-я офицерская) за год существования к июню 1919 г. пропустила через свои ряды около 600 офицеров, 70 кубанских казаков и до 200 солдат. За это время она потеряла убитыми около 120 (20% потерь), ранеными по 2 и более раза до 300, по 1 разу около 160, пропавшими 5—6 офицеров, 30 остались полными инвалидами, и только один офицер ни разу не был ранен (22—23 офицера воевали в ней с первого дня).

Потери полка часто были весьма значительными. Части, вошедшие в состав Марковского полка, практически полностью состоявшие из офицеров еще до 1-го Кубанского похода, потеряли около 600 человек (уже под Ки-

зиторинкой погибло около 20 офицеров, а всего при взятии Ростова в конце ноября 1917 г. выбыло около 150, в т. ч. до 40 убитых). В 1-м Кубанском походе под Выселками и Кореновской марковцы потеряли до 200 человек при 45 убитых, под Екатеринодаром около 350 (около 80 убитых и до 50 пропавших), т. е. 50% состава, у ст. Медведовской до 75 (15 убито), у Лежанки 20 апреля до 50 и 21-го более 100 (15 убито), у Соськи около 100 человек, всего за поход около 1175 человек (из которых около 300 убитыми и до 80 пропавшими). Во 2-м Кубанском походе 25 июня 1918 г. у Кагальницкой полк потерял 400 человек, в т. ч. около 80 убитых (по другим данным — 317, в т. ч. 31 убит), причем почти все потери пришлись на чисто офицерские роты — 305 человек (около 65 убитых), 6 июля под Екатериновской до 350 (в т. ч. 150 — офицерские роты), а всего за неделю — до 500. В боях под Армавиром: 13 сентября около 350, 14-го — до 250, 19-го — свыше 150 (из них 7-я офицерская рота до 100 при 24 убитых), 2 октября свыше 200, 13-го — свыше 300, а всего до 2000. В начале ноября под Ставрополем до 500, в зимних боях в Ставропольской губ. 16 декабря у с. Грушевка 20 офицеров и 6 солдат, а всего 2200 человек. За весь же 1918 г. (не считая потери до 1-го Кубанского похода) марковские части потеряли более 10 тысяч человек. В Донбассе 20 января 1919 г. у ст. Доломит одна из офицерских рот полка потеряла до 40 человек, к концу января за 9 дней полк потерял до 300 человек, в начале февраля одна 1-я рота — 60 (20 убиты), а всего за четыре месяца боев до начала мая полк потерял до 2000. При начале майского наступления полк потерял 150 человек, а к июню — до 300, с 6-го по 27 августа до 800, 31 августа до 80, при наступлении на Ливны к 20 сентября — 800. При обороне Ливен к 15 октября комендантская рота полка потеряла 117 человек, 29 октября одна из рот полка потеряла до 100, весь полк с 7-го по 31 октября — до 2000, с 4-го по 10 ноября — 200. В Крыму при штурме Перекопа 4 апреля 1920 г. полк потерял до 60 человек, 13 июля у Янчекрака — до 400 человек и т. д. Для чинов полка в эмиграции был установлен нагрудный знак в виде черного мальтийского креста с белой узкой каймой, в центре черный прямоугольник с пересекающимися по диагонали линиями, окруженный серебряным терновым венком; на конуях креста дата: «12», «фев», «19», «18».

Командиры: ген.-лейт. С.А. Марков (12 февраля — середина марта 1918), ген.-майор А.А. Боровский (середина марта — 20 апреля 1918), полк. Н.Н. Дорошевич (20—21 апреля 1918), полк. кн. И.К. Хованский (21—27 апреля 1918), полк. Н.С. Тимановский (27 апреля — октябрь 1918), ген.-майор Н.Н. Ходаковский (октябрь 1918), полк. Наркевич (врио, октябрь — 19 ноября 1918), полк. В.И. Гейдеман (19—27 ноября 1918), полк. А.Н. Сальников (27 ноября 1918 — март 1919), полк. А.Н. Блейш (март 1919 — середина февраля 1920), полк. Трусов (врио, март 1919), полк. И.П. Докукин (врио, 14—21 ноября 1919), полк. Д.А. Слоновский (врио, 21 ноября — 18 декабря 1919), кап. (полк.) Д.А. Марченко (22 декабря 1919 — начало октября и с 21 октября 1920), подполк. Г.А. Лебедев (октябрь 1920; убит), кап. В. Коломацкий (врио, октябрь 1920). Командиры батальонов: полк. Н.Н. Дорошевич, полк. Назимов, полк. Нар-

кевич, подполк. Н.Б. Плохинский (убит), ротм. Дударев (убит), полк. А.Н. Блейш, полк. А.С. Булаткин (убит), полк. С.Г. Волнянский (убит), полк. Трусов, полк. Шульга, кап. Д.А. Марченко, полк. Д.А. Слоновский, полк. Бржезицкий, кап. Папков (убит), подполк. Г.А. Лебедев. Командиры рот: полк. Лаврентьев, полк. А.П. Кутепов, полк. Ширяев, ротм. Дударев, полк. Зотов, полк. Коротаяев, полк. Ценат (убит), полк. Попов (убит), полк. А.Н. Блейш, полк. С.Г. Волнянский, полк. А.С. Булаткин, шт.-капитан Поляков, полк. Табунов (убит), пор. Савельев, кап. Пиллер, кап. Залесский, кап. Большаков (убит), кап. Д.В. Образцов, кап. Павлов, кап. Ждановский, кап. Верещагин, шт.-капитан Александрович (убит), кап. Урфалов, кап. Букин, пор. В. Бетьковский, кап. Сухарев, пор. Румянцев, кап. Шевченко.

¹⁴ **Казанович Борис Ильич**, р. 1871. Из дворян. Окончил Могилевскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1892), академию Генштаба (1899). Генерал-майор, начальник штаба и командующий 6-й Сибирской стрелковой дивизией. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с марта 1918 г. командир Партизанского полка, в мае—июне командирован в Москву в Национальный центр. С 12 июня 1918 г. начальник 1-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го армейского корпуса, уволен по болезни 13 января 1919 г. С 8 октября 1919 г. до начала 1920 г. командующий войсками Закаспийской области. С мая 1920 г. в резерве чинов Русской Армии, в августе 1920 г. начальник Сводной пехотной дивизии в десанте на Кубань. Генерал-лейтенант (12 ноября 1918 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, председатель Общества офицеров Генерального Штаба, председатель Главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода. Умер 2 июня 1943 г. в Панчево (Югославия).

¹⁵ 1-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1919 г. — пехотная). Состав: 1-й Офицерский, 1-й Кубанский стрелковый, 1-й офицерский конный полки, 1-я Инженерная рота, 1-я Офицерская батарея и Отдельная конная сотня. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В сентябре 1918 стала включать Марковский, Корниловский, Дроздовский, Партизанский и Самурский полки. 19 октября 1918 г. с выделением из Марковского Сводно-гвардейского полка стала включать две бригады. С 15 ноября 1918 г. вошла во 2-й, с 15 мая 1919 г. — в 1-й армейский корпус. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Корниловские, 1-й, 2-й и 3-й Марковские полки, запасный батальон (полк. Коновалов; 1122 штыка, 7 пулеметов), 1-ю артиллерийскую бригаду, 1-й запасный артиллерийский дивизион и 1-ю инженерную роту, до 27 августа также Кабардинский полк, до 1 сентября 1919 г. Алексеевский полк. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 7170 штыков при 148 пулеметах. 14 октября 1919 г. расформирована и разделена на Марковскую и Корниловскую дивизии. Начальники: ген.-лейт. С.Л. Марков (до 12 июня 1918), ген.-майор Б.И. Казанович (12 июня — 15 ноября 1918), ген.-лейт. С.Л. Станкевич (15 ноября 1918 — 11 марта 1919; умер), ген.-майор А.П. Колосовский (с 21 марта 1919), ген.-майор Н.С. Тимановский (до 27 октября 1919). Нач. штаба: полк. В.И. Гейдеман (до 19 ноября 1918), полк. А.Н. Кардашенко

(с 19 ноября 1918), полк. В.А. де Роберти (до 22 июля 1919), А.А. Биттенбиндер (с 22 июля 1919). Командиры бригад: ген.-майор Н.С. Тимановский (1-й, октябрь 1918 — 31 января 1919), полк. Р.М. Туненберг (2-й, 19 ноября 1918 — 11 марта 1919), ген.-майор А.Н. Третьяков, полк. Н.В. Скоблин.

¹⁶ 3-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1919 г. пехотная). Состав: 2-й офицерский стрелковый, 2-й офицерский конный (с 1 июля также Самурский) полки, 3-я инженерная рота, 3-я Отдельная легкая, конно-горная и Гаубичная батареи. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле 1918 г. за 10 дней боев дивизия потеряла 30% состава, с 16 августа за месяц боев около 1800 человек, т. е. более 75% своего состава. 11 ноября 1918 г. ей были переданы 1-й и 2-й стрелковые полки расформированной 4-й дивизии. С 15 ноября 1918 г. вошла в состав 2-го армейского корпуса, с 27 декабря 1918 г. — Крымско-Азовского корпуса (в это время включала также Ингерманландский конный дивизион, Чехословацкий пехотный батальон, Петропавловский, Александровский и Романовский отряды, 3-й легкий и 3-й парковый ардивизионы, запасный батальон, 3-й авиаотряд, Чугуевский и Белгородский конные отряды). 17 января 1919 г. в ее состав был передан Сводный дивизион 9-й кавалерийской дивизии. С 15 мая 1919 г. включена в состав 1-го армейского корпуса. Летом и на 5 октября 1919 г. включала 1-й, 2-й и 3-й Дроздовские и Самурский полки, запасный батальон (полк. Еньков; на 5 октября 1919 г. 850 штыков, 4 пулемета), 3-ю артиллерийскую бригаду, 3-й запасный артиллерийский дивизион и 3-ю инженерную роту, до 1 сентября 1919 г. также Сводно-стрелковый и Белозерский полки. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 5945 штыков при 142 пулеметах. 14 октября 1919 г. преобразована в Дроздовскую дивизию. Начальники: полк. (ген.-майор) М.Г. Дроздовский (июнь — 31 октября 1918), ген.-лейт. В.З. Май-Маевский (врид 19 ноября 1918 — январь 1919), ген.-майор В.К. Витковский (с января 1919). Нач. штаба: полк. Чайковский (6 сентября — 8 октября 1918), полк. Ерофеев (с 19 ноября 1918), полк. Н.А. Корнев (6 декабря 1918 — 28 апреля 1919), полк. Б.А. Штейфон (весна 1919), полк. Ф.Э. Бредов (с 22 июля 1919). Начальники артиллерии: ген.-майор В.Ф. Кирей (до 8 ноября 1918), полк. В.А. Мальцов (с 11 ноября 1918). Командиры бригад: ген.-майор Смирнов (до 22 ноября 1918), полк. В.К. Витковский (с 24 ноября 1918), ген.-майор Н.Н. Ходаковский (до 21 марта 1919).

¹⁷ 1-я конная дивизия сформирована в Добровольческой армии 6 июня 1918 г. из Отдельной конной бригады, причем 2-й бригадой в нее вошел конный отряд ген. Покровского. Первоначальный состав: 1-й Кубанский (Корниловский), 1-й Черкесский конные, 1-й Кавказский и 1-й Черноморский Кубанского казачьего войска полки и конно-горная батарея. Участвовала во 2-м Кубанском походе. В июле—августе 1918 г. включала Корниловский конный, 1-е Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный, 2-й Черкесский полки. За август и сентябрь 1918 г. потеряла 260 офицеров и 2460 казаков — почти 100% своей численности. Все батареи дивизии в августе—сентябре 1918 г. (1-я и 2-я конно-горные и 3-я конная) имели почти исключительно офицерский состав. В 1-й конно-горной батарее в август-

те 1918 г. было около 100 офицеров на солдатских должностях и 12 солдат ездových. 31 октября 1918 г. в состав дивизии был включен стрелковый полк (сформирован 22 сентября 1918 г.; полк. Чичинадзе, с 22 июля 1919 г. полк. Черкезов). С ноября 1918 г. входила в 1-й Кубанский корпус. 7 декабря 1918 г. Черкесские полки были выведены из дивизии. После переформирования корпусов и в октябре 1919 г. в 4-й конный корпус. К 5 октября 1919 г. (без Корниловского и 1-го Партизанского, но с 1-м Линейным полком) насчитывала 519 штыков, 419 сабель, 23 пулемета и 7 орудий. Осенью 1919 г. в нее входили: Корниловский (на 5 октября 1919 г. в 3-й Кубанской казачьей дивизии), 1-й Екатеринодарский, 1-й Партизанский (на 5 октября 1919 г. нет в дивизии), 1-й Уманский, 1-й Запорожский Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (519 штыков, 12 пулеметов; полк. М.К. Чичинадзе, май — 22 июля 1919, полк. Черкезов с 22 июля 1919, ген.-майор И.Д. Павличенко — до октября 1919) и 1-й конно-артиллерийский дивизион (полк. Черкезов, полк. В. Щеголев): 2-я (в ремонте), 3-я (2 орудия) и 4-я (1 орудие) конные и 1-я конно-гаубичная (4 гаубицы) батареи. Начальники: ген.-кав. И.Г. Эрдели (с 6 июня 1918 до 31 октября 1918), ген.-кав. А.М. Драгомиров (июнь — август 1918), ген.-майор бар. П.Н. Врангель (август — 31 октября 1918 — январь 1919), полк. В.Г. Науменко (с 19 ноября 1918), ген.-майор П.Н. Шатилов (с 10 января 1919), полк. П. Тутов (врио, 5 мая 1919; убит), ген.-майор Н.М. Успенский (23 мая — 23 октября 1919), ген.-майор И.Д. Павличенко (врио, 5 октября 1919), полк. (ген.-майор) В.В. Муравьев (с 23 октября 1919). Нач. штаба: полк. Р.К. Дрейлинг (до 7 октября 1918), полк. В.И. Соколовский (23 октября — 19 ноября 1918), полк. А.Т. Гаевский (с 24 января 1919), кап. Петров. Командиры бригад: 1-й — полк. В.Г. Науменко (до 19 ноября 1918), полк. В.В. Муравьев (17 марта — 23 октября 1919), 2-й — полк. (ген.-майор) С.М. Топорков (2 ноября 1918 — 19 января 1919), полк. Е. Жарков (22 января — 11 марта 1919; умер), полк. М.П. Растегаев, полк. П. Тутов (апрель — 5 мая 1919), ген.-майор И.Д. Павличенко (с 23 октября 1919).

¹⁸ 1-я Кубанская казачья дивизия сформирована в Добровольческой армии 5 мая 1918 г. как 1-я Кубанская казачья бригада в составе 2-го и 3-го Кубанских конных полков и взвода артиллерии. Участвовала во 2-м Кубанском походе, в ходе которого 24 июля развернута в дивизию (2-й и 3-й Сводные Кубанские, 2-й Уманский, 2-й Запорожский, 1-й Кубанский, 1-й и 2-й Хоперские полки, 2-й и 6-й Кубанские пластунские батальоны, 1-й и 4-й Кубанские конно-артиллерийские дивизионы, 3-я конная и 1-я конно-горная Кубанские батареи). В июле—августе 1918 г. включала 2-е Уманский, Запорожский, Екатеринодарский и Линейный полки. С ноября 1918 г. входила в 1-й Кубанский корпус. 29 июля 1919 г. 2-й Уманский полк передан в 4-ю Кубанскую казачью дивизию. К 5 октября 1919 г. (временно, без 2-го Черноморского полка, во 2-м Кубанском корпусе) насчитывала 741 штык, 584 сабли, 40 пулеметов и 4 орудия. Осенью 1919 г. в нее входили: 2-й и 3-й Сводные Кубанские казачьи полки, 2-й Черноморский и 2-й Линейный Кубанского казачьего войска полки, Кубанский гвардейский казачий дивизион (в Екатеринодаре; полк. Свидин), стрелковый полк (с 1 марта 1919; 741 штык, 20 пулеметов) и 1-й

Кубанский казачий конно-артиллерийский дивизион (полк. П. Козинец): 1-я (4 орудия) и 4-я (на укомплектовании) Кубанские казачьи конные батареи. 25 октября в дивизию вошел 1-й Таманский полк. С 11 ноября 1919 г. дивизия включена в состав 4-го конного корпуса. Расформирована 6 мая 1920 г. Начальники: ген.-майор В.Л. Покровский (до 3 января 1919), ген.-майор В.В. Крыжановский (с 22 января — осень 1919). Нач. штаба подполк. Ю.В. Сербин (с 24 июля 1918), полк. И.А. Ребдев (ноябрь 1918). Командиры бригад: 1-й — полк. В.В. Крыжановский (до 22 января 1919), полк. Захаров, 2-й — полк. Д.Г. Галушко (31 октября 1918 — 12 января 1919), полк. В.Л. Маевапов (12 января — 6 декабря 1919), полк. Т.И. Остроухов (с 6 декабря 1919), 3-й — полк. Т.И. Остроухов (1 октября 1918 — июнь 1919).

¹⁹ 2-я дивизия сформирована в Добровольческой армии в начале июня 1918 г. (с 21 мая 1918 г. пехотная). Состав: Корниловский ударный, Партизанский, 4-й Сводный Кубанский конный полки, 2-я Инженерная рота и 2-я Офицерская батарея. Участвовала во 2-м Кубанском походе. 16 января и 15 мая 1919 г. Корниловский ударный и Партизанский полки исключены из ее состава. Летом — осенью 1919 г. составляла основу войск Черноморского побережья. Включала Кавказский офицерский, Черноморский стрелковый и 1-й Кубанский стрелковый полки, запасный батальон (полк. Семашко; 1100 штыков, 10 пулеметов), 2-ю артиллерийскую бригаду и 2-ю инженерную роту (полк. Бершов; 194 человека), а также (до 29 июля 1919) 2-й Кавказский полк Кубанского казачьего войска. На 5 октября 1919 г. насчитывала всего 3837 штыков, 82 пулемета и 14 орудий. Расформирована в начале 1920 г. Начальник ген.-майор А.А. Боровский (июнь — 27 ноября 1918), ген.-майор А.Н. Черепов (с 27 ноября 1918 — осень 1919). Нач. штаба полк. П.А. Бородаевский (с 28 апреля — октябрь 1919), полк. В. Васильев (с 14 ноября 1919). Командиры бригад: ген.-майор А.Н. Черепов (до 27 ноября 1918), ген.-майор П.К. Писарев (с 15 декабря 1918), ген.-майор М.Я. Бурневич (15 декабря 1918 — 1 сентября 1919), ген.-майор Р.М. Туненберг (11 марта — 26 июля 1919).

²⁰ **Покровский Виктор Леонидович**, р. 1889. Из дворян. Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище (1908). Капитан 10-го гренадерского полка, командир 12-го армейского авиационного отряда. В январе 1918 г. сформировал на Кубани добровольческий отряд, с 24 января 1918 г. полковник и командующий войсками Кубанского края, с 13 февраля командующий Кубанской армией, с 13 марта 1918 г. генерал-майор, с июня 1918 г. командир Кубанской конной бригады, июль 1918 г. — 3 января 1919 г. начальник 1-й Кубанской конной дивизии. С января 1919 г. командир 1-го конного корпуса, январь—август 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, со 2 ноября 1919 г. по 8 марта 1920 г. командующий Кавказской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919 г.). В мае 1920 г. покинул Крым. В эмиграции в Болгарии. Убит 9 ноября 1922 г. в Болгарии жандармами.

²¹ 1-й конный генерала Алексеева полк (1-й офицерский конный полк). Сформирован в Добровольческой армии 25 марта 1918 г. как 1-й конный (конный, конно-партизанский) полк (3 эскадрона) из 1-го и 2-го (конные

отряды полковника Глазенапа и подполковника Корнилова) кавалерийских дивизионов. Состоял тогда почти исключительно из офицеров (после соединения с Кубанским отрядом офицеры и юнкера-кубанцы составили 2-ю офицерскую сотню во главе с полк. Рашпилем) и понес огромные потери в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром (в одной только сотне Рашпиля убито 32 офицера). С мая—июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 14 февраля 1919 г. 1-й конный генерала Алексеева полк. С 27 мая 1919 г. входил в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал также 2 эскадрона 10-го драгунского Новгородского и 2 эскадрона 10-го уланского Одесского полков. На 5 октября 1919 г. насчитывал 196 сабель при 16 пулеметах. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II). 30 декабря 1919 г. при сведении ее в Сводную кавалерийскую бригаду сведен в дивизион. По прибытии в Крым дивизион полка вошел в 1-й кавалерийский полк, а 8 августа 1920 г. переформирован в конный дивизион 6-й пехотной дивизии под названием Отдельного конного генерала Алексеева дивизиона. Чины полка носили белые с красным околышем фуражки и красные с белой выпушкой погоны. Для чинов полка установлен нагрудный знак в виде черного равностороннего креста с широкой белой каймой, на который слева снизу-направо наложен серебряный меч рукоятью (золоченой) вниз; на крест навешен серебряный терновый венок, в центре золоченая буква «А» славянской вязи, на верхней стороне креста белая дата «1917». Командиры: полк. К. Корсун (июнь—сентябрь 1918), полк. В.П. Глинский (сентябрь—ноябрь 1918), полк. (ген.-майор) А.П. Колосовский (ноябрь 1918 — 21 марта 1919), полк. Сабуров (7 апреля — осень 1919).

²² 2-й конный генерала Дроздовского полк (2-й офицерский конный полк, с 10 октября 1919 г. 2-й конный генерала Дроздовского полк). Создан из офицеров-добровольцев на Румынском фронте ротм. Гаевским 5 марта 1918 г. как конный дивизион (2 эскадрона) в составе 1-й Отдельной бригады русских добровольцев и участвовал в Дроздовском походе Яссы — Дон. 29 апреля 1918 г. переформирован в конный полк (4 эскадрона, конно-пулеметная и саперная команды), с 31 мая — 2-й конный полк. Состоял преимущественно из офицеров и учащейся молодежи. С июня 1918 г. входил в состав 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. В середине июня 1918 г. насчитывал 650 человек (6 эскадронов). К 7 августа состоял из 7, к концу августа из 9 эскадронов. К 11 января 1919 г. в полку осталось только 78 сабель. С 22 мая 1919 г. входил в состав Отдельной кавалерийской бригады. С 19 июня до осени 1919 г. входил в состав 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 6 эскадронов. Участвовал в Бредовском походе в составе Отдельной кавалерийской бригады и был интернирован в Польшу. Дивизион полка (3 эскадрона), сформированный в Крыму, с 16 апреля 1920 г. обращен на формирование Отдельной кавалерийской бригады (II), с 28 апреля 1920 г. вошел в 5-й кавалерийский полк. Из Польши полк прибыл 25 июля в составе 650 человек. 8 августа 1920 г., соединившись со своим крымским

дивизионом, переформирован в конный дивизион Дроздовской дивизии под названием Отдельного конного генерала Дроздовского дивизиона. В начале августа 1920 г. насчитывал до 600 сабель, в середине октября — 500. Полк нес довольно большие потери (например, 14 мая 1919 г. — 71 человек, 5 июня — 87, 2 ноября 1919 г у Жуковки — 50, 19 октября 1920 г. у Отрады — 30). Всего этот полк, каждый эскадрон которого в 1918 г. — первой половине 1919 г. на три четверти состоял из офицеров, потерял за войну убитыми и ранеными до 2 тысяч человек. Для чинов полка в эмиграции установлен наградный знак в виде гербовой формы черного шита (копия наруканной нашивки, носимой на левом рукаве у плеча) с серебряными буквами: в центре «Д», сверху «2», справа «о», слева «к», внизу «полка», т. е. «2-й офицерский генерала Дроздовского конный полк». Командиры: ротм. Б.А. Гаевский, ген.-майор И.И. Чекотовский (с 11 июля 1918), полк. Шумов (август 1918 — 11 января 1919), ротм. Поспелов (с 11 января 1919), полк. Б.П. Гаттенбергер, полк. И.Г. Барбович (1 марта — 7 июля 1919), полк. Б.А. Гаевский (врио; 5 июня, 7—17 июля 1919), полк. А.Г. Шапран, дю Ларре (7 июля — 26 ноября 1919), подполк. (полк.) Д.А. Сишкин (26 ноября 1919 — 8 августа 1920), полк. В.А. Амбразанцев (до августа 1920), полк. М.А. Кабаров (с августа 1920). Командиры эскадронов: полк. Кушелев, ес. Фролов (убит), ротм. Михайловский (убит), ротм. Сыкалов (убит), ротм. Войцеховский (убит), шт.-ротм. Малиновский (убит), ротм. Спицын, кап. Галицкий, ротм. Полторацкий и др.

²³ Тимановский Николай Степанович, р. 1889. Полковник, командир Георгиевского батальона ставки ВГК. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. С 12 марта 1918 г. помощник командира Сводно-офицерского полка, начальник штаба 1-й отдельной пехотной бригады, с мая 1918 г. командир Марковского полка, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор, командир 1-й бригады 1-й дивизии. В начале 1919 г. направлен в Одессу, с 21 января — начальник Отдельной бригады Русской Добровольческой армии в Одессе (с 27 января — Отдельной Одесской стрелковой бригады), с которой отступил в Румынию, с 18 мая по 13 июня начальник развернутой из бригады 7-й пехотной дивизии, со 2 июня 1919 г. — начальник 1-й пехотной дивизии, с 10 ноября 1919 г. — начальник Марковской дивизии. Генерал-лейтенант (с лета 1919 г.). Умер от тифа 18 декабря 1919 г. в Ростове.

²⁴ Самурский полк (83-й пехотный Самурский полк). Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. Сформирован 21 июня 1918 г. на ст. Песчаноокской из пленных красноармейцев, захваченных 3-й пехотной дивизией как Солдатский батальон (3 роты) с офицерским кадром Дроздовского полка. После успешных действий в бою 1 июля за Тихорецкую развернут в ст. Ново-Донецкой в 1-й пехотный Солдатский полк (4, затем 6 рот). По соединении 14 августа 1918 г. в ст. Усть-Лабинской с батальоном (180 штыков) кадра 83-го пехотного Самурского полка (сохранившим знамя) переименован в Самурский. На 1 марта 1919 г. насчитывал 1337 штыков и 32 пулемета, на 20 июня — 591 штык и 26 пулеметов, на 1 июля — 795 штыков и 26 пулеметов, на 5 октября 1919 г. — 1304 штыка и 26 пулеметов. Входил в состав 1-й, затем 3-й пехотной дивизии, 14 ок-

тября (реально 4 декабря) 1919 г. вошел в состав Алексеевской дивизии. По прибытии в Крым 16 апреля 1920 г. расформирован и обращен на пополнение Дроздовской дивизии. 21 июня 1920 г. восстановлен и включен в состав 1-й бригады 6-й пехотной дивизии. В Галлиполи влит в Алексеевский полк. Командиры: полк. К.А. Кельнер (до 19 июля 1918), полк. Н.Н. Дорошевич (19 июля — начало августа 1918), подполк. (полк.) К.Г. Шаберт (по 14 августа, сентябрь — 29 октября 1918), полк. Силягин (14 августа — сентябрь 1918), полк. М.А. Звягин (29 октября — декабрь 1918, 18 мая — ноябрь 1919), полк. Ильин (декабрь 1918 — 18 мая 1919), полк. Е.И. Зеленин (начало декабря 1919 — 16 апреля 1920), полк. Д.В. Житкевич (21 июня — ноябрь 1920).

²⁵ 2-й офицерский полк (2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с 22 августа 1919 г. 1-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк, с апреля 1920 г. — 1-й стрелковый генерала Дроздовского полк)! Сформирован в начале мая 1918 г. в Новочеркасске как Офицерский полк из стрелкового полка Отряда полковника Дроздовского. После соединения последнего с Добровольческой армией получил наименование 2-го офицерского и вошел в 3-ю пехотную дивизию, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. После смерти М.Г. Дроздовского получил его имя и с 4 января 1919 г. именовался 2-й офицерский стрелковый генерала Дроздовского полк. С 14 октября 1919 г. входил в состав Дроздовской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1352 шт. при 45 пул., в начале августа 1920 г. — свыше 1000 шт., на 21 сентября — свыше 1500. Нес тяжелые потери. В начале 2-го Кубанского похода в бою под Белой Глиной в ночь на 23 июня 1918 г. потерял около 400 человек, в т. ч. до 80 офицеров убитыми. 28 января 1919 г. к северу от Бахмута погибла дроздовская офицерская рота, убито 37 офицеров. 9 января 1920 г. полк потерял около 70 человек, при взятии Ростова 9 февраля — около 220, 31 июля под Гейдельбергом — более 300 человек. Для чинов дроздовских частей в эмиграции установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, верхний и правый концы которого малиновые, а левый и нижний белые, в середине буква «Д» славянской вязи, сверху надпись «Яссь», внизу дата «1917».

Командиры: ген.-майор В.В. Семенов (до 21 апреля 1918), полк. М.А. Жебрак-Русанович (22 апреля — 23 июня 1918), полк. В.К. Витковский (24 июня 1918 — январь 1919), полк. К.А. Кельнер (с 18 января 1919), полк. В.А. Румель (до 11 октября 1919), полк. А.В. Туркула (11 октября 1919 — август 1920), полк. В. Мельников (август — 23 сентября 1920), полк. (ген.-майор) Н.В. Чеснаков (с 23 сентября 1920). Командиры батальонов: полк. Е.Б. Петерс, полк. В.В. Манштейн, подполк. Чертков, шт.-капитан Ройбул-Вакаре, кап. Боровский; кап. (полк.) Тихменев, полк. Ханьков, полк. Бикс, полк. В.П. Коньков, кап. Янчев. Командиры рот и команд: пор. М. Димитраш, пор. Рябоконь (убит), кап. П. Иванов (убит), пор. Усиков (убит), пор. Моисеев (убит), шт.-капитан (полк.) Трусов, кап. П.М. Трофимов, подпор. (кап.) Барабаш, кап. Ковалев, пор. Давидович, пор. Ауэ, пор. Гуревич (убит), кап. Байтодорев, пор. Бураковский, пор. Злобин, пор. Кумачев, шт.-капитан Карнаопуло, полк. Лапков, пор. Григорьев (убит), пор. Домбровский, пор. Чу-

гуев, пор. Бюро, пор. Малашенюк (убит), подпор. Цветков, кап. Искрицкий, подпор. Станишевский, подпор. Бикс, пор. Годлевский, кап. Алексеев, шт.-капитан Сосновский и др.

²⁶ **Миончинский Дмитрий Тимофеевич**, р. 26 октября 1889 в Казани. Из дворян, сын генерала. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1906), Михайловское артиллерийское училище (1909). Георгиевский кавалер. Подполковник, командир батареи 31-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 12 декабря 1917 г.; с 14 декабря командир Юнкерской батареи, участник похода отряда Чернецова. С 12 марта 1918 г. командир Юнкерской батареи 1-го легкого добровольческого артиллерийского дивизиона, с марта 1918 г. командир 1-й отдельной легкой батареи, с 10 июля 1918 г. командир 1-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Полковник. Убит 16 декабря 1918 г. у с. Шишкина Ставропольской губ.

²⁷ 1-й Кубанский стрелковый полк был сформирован 1 марта 1918 г. в ауле Шенжий в составе Кубанского отряда как 1-й стрелковый полк, насчитывая 1200 штыков и 4 пулемета (в т. ч. 700 офицеров, 400 юнкеров и 100 казаков) и 60 человек пулеметной прислуги; после соединения с Добровольческой армией вошел в состав ее 1-й бригады как Кубанский стрелковый полк. С начала июня 1918 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 16 января 1919 г. — 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1324 штыка при 43 пулеметах. Летом 1920 г. входил в состав 1-й Сводной пехотной дивизии. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 2-й бригады 7-й пехотной дивизии. Командиры: подполк. (полк.) Р.М. Туненберг (1 марта 1918 — 26 июля 1919), полк. Дмитриев (с 10 августа 1919).

²⁸ **Хованский Иван Константинович** (1-й). Полковник л.-гв. Литовского полка. Участник боев в Петрограде. В декабре 1917 г. главначальствующий Ростова, затем в 3-й Офицерской роте. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, с 1 апреля 1918 г. командир 3-й роты Офицерского полка, 21—27 апреля 1918 г. командир Офицерского полка, в июне 1918 г. командир 2-го батальона того же (Марковского) полка. Убит 24 июля 1918 г. у ст. Выселки.

²⁹ **Плохинский Назар Борисович**. Из крестьян. Подполковник. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.; командир 1-й офицерской роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Офицерском (Марковском) полку; командир роты, затем командир 1-го батальона. Ранен 16 июля 1918 г. у ст. Кореновской. Умер 19 июля 1918 г.

³⁰ Приводимые здесь воспоминания марковцев приводятся по книге подполковника В.Е. Павлова, составленной по запискам и дневникам более 100 чинов марковских частей: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962. Павлов Василий Ефимович. Окончил Алексеевское военное училище (1914). Капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 7-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с июня 1918 г. помощник командира, с июля 1918 г. командир 7-й роты. В октябре 1919 г. командир 3-го батальона в 3-м Марковском

полку, в Русской Армии до эвакуации Крыма. Подполковник. Галлиполиец. В эмиграции во Франции.

³¹ Краснов Петр Николаевич, р. 10 сентября 1869 в Санкт-Петербурге. Из дворян ВВД, сын генерала. Окончил Александровский кадетский корпус (1887), Павловское военное училище (1889). Генерал-майор, командир 3-го конного корпуса. В октябре 1917 г. возглавлял части, верные Временному правительству, в боях под Петроградом. В феврале 1918 г. прибыл с остатками корпуса на Дон и до весны скрывался в ст. Константиновской. С 4/17 мая 1918 г. войсковой атаман Всевеликого Войска Донского. Генерал от кавалерии (1918). Находясь на этом посту, возглавлял сопротивление большевикам донского казачества. Придерживался прогерманской ориентации и с образованием Вооруженных сил Юга России и включением в их состав Донской армии 2/15 февраля 1919 г. ушел в отставку. С 22 июля 1919 г. в рядах Северо-Западной армии ген. Юденича, где возглавлял отдел пропаганды и вместе с писателем А.И. Куприным организовал ежедневную газету «Приневский край», затем с января 1920 г. был представителем армии в Эстонии. В эмиграции в Германии. С марта 1944 г. начальник Главного управления казачьих войск при министерстве восточных областей Германии. В составе Казачьего Стана сдался англичанам и выдан 19 мая 1945 г. в Лиенце советским властям. Казнен в Москве 17 января 1947 г.

³² Южная Армия формировалась летом 1918 г. в Киеве союзом «Наша Родина» (генр. Г. Лейхтенбергский и М.Е. Акацатов), имела монархическую и прогерманскую ориентацию. В июле 1918 г. при союзе в Киеве было образовано бюро (штаб) армии, которым руководили полковники Чеснаков и Вилямовский, имевшее целью вербовку добровольцев и отправку их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губ., где формировалась 1-я дивизия ген.-майора В.В. Семенова. Начальником штаба армии был приглашен ген.-майор К.К. Шильбах, начальником контрразведки армии в Киеве в августе 1918 г. был будущий создатель Русской Западной армии подполк. П.Р. Бермондт (кн. Авалов). В августе началось формирование 2-й дивизии ген.-лейт. Г.Г. Джонсона в Миллерово и штаба корпуса. В течение трех месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, через которые отправлено в армию около 16 тысяч добровольцев, 30% которых составляли офицеры, и около 4 тысяч в Добровольческую армию через Донского атамана П.Н. Краснова. В Пскове вербовочное бюро армии возглавлял подполк. Бучинский. В конце августа были сформированы эскадрон 1-го конного полка (полк. Якобсон) в Черткове и пехотный батальон в Богучаре. В штаб армии начали поступать предложения от целых офицерских составов кавалерийских и пехотных полков, сохранивших свои знамена и штандарты, вступить в армию при условии сохранения их частей.

Идею создания армии активно поддерживал гетман П.П. Скоропадский. Именно он передал в армию кадры 4-й пехотной дивизии (13-й Белозерский и 14-й Олонецкий полки), из которых планировалось еще весной создать Отдельную Крымскую бригаду украинской армии. Кроме того, Южной армии были переданы кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии. Именно они послужили основой для

1-й и 2-й дивизий Южной армии. Немецкое командование, видя в Добровольческой армии силу себе враждебную, препятствовало поступлению в нее добровольцев, поощряя, напротив, комплектование Южной Армии, в результате чего многие офицеры были дезориентированы и в итоге не попали ни в одну из них.

Предполагалось, что Южная Армия будет действовать вместе с Донской, и П.Н. Краснов требовал перевода этих формирований в Кантемировку. 30 сентября 1918 г. Донской атаман издал приказ о формировании Особой Южной армии из трех корпусов: Воронежского (бывшая Южная Армия), Астраханского (бывшая Астраханская армия) и Саратовского (бывшая Русская народная армия) во главе с ген. Н.И. Ивановым (нач. штаба ген. Залесский). Осенью 1918 г. она насчитывала более 20 тысяч человек, из которых на фронте находилось около 3 тысяч бойцов. После перевода частей Южной Армии в район Чертково и Кантемировки обнаружилось, что их насчитывается едва 2000 человек, в т. ч. не более половины боеспособных. К октябрю боевой элемент Южной Армии исчислялся всего 3,5 тысяч человек. К концу октября, после четырех месяцев формирования армия насчитывала едва 9 тысяч штыков. Она (теперь под названием «Воронежский корпус»; ген.-лейт. кн. Н.П. Вадбольский) была передана Северо-Восточному фронту Донской армии, и 7 ноября 1918 г. ген. Семенов со своей дивизией выступил на фронт. Однако в ноябре при 3000 штыков на фронте армия имела в тылу более 40 штабов, управлений и учреждений и в ней числилось около 20 тысяч человек. Части армии, действовавшие на воронежском направлении, понесли большие потери. В феврале—марте 1919 г. они были переформированы и вошли в состав 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³³ Астраханская армия формировалась рядом организаций крайне правого направления в Киеве летом 1918 г. независимо от Южной Армии, но одновременно с ней и, в отличие от последней, была очень тесно связана с германским командованием. Одним из ее организаторов был полк. Потоцкий. Как и Южная, формировалась при непосредственном участии гетмана П.П. Скоропадского: ей были переданы значительные суммы из украинской казны. В армии служило также немало офицеров — уроженцев нижнего Поволжья. После 1-го Кубанского похода в Астраханскую армию из Добровольческой по призыву шт.-кап. В.Д. Парфенова перешли до 40 только что произведенных офицеров (через полтора месяца от них осталось 8 человек). Части армии, действовавшие на царичыньском направлении, понесли большие потери. 30 сентября 1918 г. приказом Донского атамана была преобразована в Астраханский корпус (корпус Астраханского казачьего войска) и включена вместе с частями Южной Армии и Русской народной армии в состав Особой Южной армии. Астраханский корпус во главе с Астраханским атаманом полк. кн. Тундутовым (нач. штаба полк. Рябов) насчитывал около 3000 человек пехоты и 1000 конницы и оборонял степи за Маньчешем. Реально в корпусе был сформирован лишь 1-й Астраханский пехотный (1-й Астраханский добровольческий) полк. 12 апреля 1919 г. корпус был расформирован и его части вошли в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии ВСЮР.

³⁴ Чехословацкий корпус был сформирован в 1917 г. на Юго-Западном фронте из военнопленных австрийской армии чехов и словаков, добровольно пожелавших воевать на стороне России. Включал 2 дивизии и запасную бригаду (всего сначала около 30, затем 45 тысяч человек). После большевистского переворота и Брестского мира был отправлен на Западный фронт через Сибирь, и к лету 1918 г. эшелоны корпуса растянулись от Пензы до Владивостока. Наиболее крупные группировки находились в районах Пензы, Сызрани и Самары (8 тысяч; пор. С. Чечек), Челябинска и Миаса (8,8 тысячи; полк. С.Н. Войцеховский), Новоиколаевска и ст. Тайга (4,5 тысячи; кап. Р. Гайда), во Владивостоке (около 14 тысяч; ген. М.К. Дитерихс), а также Петропавловска, Кургана, Омска (кап. Сыровой). 25 мая 1918 г. при попытке большевиков разоружить корпус чехословацкие части выступили против них, создав благоприятные условия для ликвидации советской власти в Поволжье и Сибири. Летом 1918 г. части корпуса вели бои с большевиками вместе с Сибирской и Народной армиями, но осенью, когда их лучшим элементом был в основном выбит, стали отводиться в тыл и в дальнейшем не принимали участия в боях, сосредоточившись вдоль Транссибирской магистрали. Во время Великого Сибирского Ледяного похода сыграли крайне отрицательную роль, заняв своими эшелонами железнодорожные пути и мешая отходу войск Восточного фронта. Командир ген.-майор В.Н.Шокоров. Нач. штаба ген.-лейт. М.К. Дитерихс.

³⁵ Марковская инженерная рота (1-я Отдельная инженерная генерала Маркова рота). Образована в Добровольческой армии в середине марта 1918 г. из Технической роты как 1-я Инженерная рота. 8 декабря 1919 г. получила имя генерала С.Л. Маркова. Входила в состав 1-й бригады, с начала июня 1918 г. — 1-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. — Марковской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывала 563 человека. Командир полк. Г.М. Гротенгельм.

³⁶ 1-я Офицерская батарея. Ведет происхождение от Сводной Михайловско-Константиновской батареи. С декабря 1917 г. входила 1-й батареей в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион (I) Добровольческой армии. При расформировании его в середине марта 1918 г., включив в свой состав 4-ю батарею дивизиона, стала именоваться 1-й отдельной батареей, приданной 1-й бригаде. С начала июня 1918 г. вошла в состав 1-й пехотной дивизии. С формированием 8 июля 1918 г. второй батареи развернулась в 1-й Отдельный легкий артиллерийский дивизион (II). С 7 августа 1918 г. 1-я батарея дивизиона именовалась 1-я генерала Маркова батарея. Командир подполк. Д.Т. Миончинский. Командиры орудий: шт.-капитан А.А. Шперлинг, пор. Казанли (убит), подьесаул Золотарев, кап. Рудницкий, кап. Б.В. Харьковцев 1-й, пор. Н. Боголюбский, Начальники команд: подпор. Давыдов, подпор. Гагеман.

³⁷ **Растегаев Михаил Петрович.** Из казаков ст. Некрасовской Кубанской области. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. Подьесаул 1-го Кавказского казачьего полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м Кубанском конном полку, в марте 1918 г. при-

дан Офицерскому полку. Есаул. В августе 1918 г. войсковой старшина в Марковских частях, с сентября 1918 г. командир конно-артиллерийского дивизиона, с января 1919 г. полковник в Кубанской казачьей дивизии, с октября 1919 г. командир 1-го Партизанского полка Кубанского казачьего войска, март 1920 г. командир Кубанского казачьего полка и бригады. Генерал-майор (1919). С марта 1920 г. в отставке. Галиполиец; комендант штаба 1-го армейского корпуса. В эмиграции во Франции. Умер 6 июля 1961 г. в Париже.

³⁸ **Третьяков Александр Николаевич**, р. 1877. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище, Михайловскую артиллерийскую академию. Полковник, командир дивизиона л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии со 2 января 1918 г.; командир 3-й батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 марта 1918 г. командир 4-й батареи, с марта 1918 г. при штабе генерала Маркова, затем командир 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с 4 апреля 1919 г. командир 1-й артиллерийской бригады, с июня 1919 г. командир 1-й бригады 1-й пехотной дивизии, с июня 1919 г. начальник Алексеевской дивизии, с 16 октября 1919 г. командир Алексеевской бригады. С 26 марта 1920 г. начальник Марковской дивизии. Генерал-майор (1918 г.). Застрелен 14 октября 1920 г. у с Днепровка.

³⁹ Полковник **Василий Николаевич Биркин** (офицер 6-го гренадерского полка) был преподавателем Донского кадетского корпуса. После 1-го Кубанского похода, который он до конца проделал в 4-й роте 1-го Офицерского полка, вернулся в корпус, с которым весной 1920 г. был эвакуирован в Египет. Умер в эмиграции.

⁴⁰ **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 1857, сын солдата сверхсрочной службы. Окончил Тверскую гимназию, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академию Генерального штаба (1890). Генерал от инфантерии. С 1 апреля 1917 г. Верховный главнокомандующий, с 30 августа до 11 сентября 1917 г. начальник штаба при главнокомандующем А.Ф. Керенском. Основоположник Добровольческой армии; с декабря 1917 г. член триумвирата «Донского гражданского совета», с 18 августа 1918 г. Верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

⁴¹ Корниловский ударный полк был создан приказом по 8-й армии (ген. Л.Г. Корнилова) 19 мая 1917 г. из добровольцев как 1-й Ударный отряд, 1 августа преобразован в полк (4 батальона). В августе 1917 г. переименован в Славянский ударный полк и включен в состав Чехословацкого корпуса. Принимал участие в октябрьских боях с большевиками в Киеве. После захвата власти большевиками чины полка группами пробрались в Добровольческую армию. Основной эшелон полка прибыл в Новочеркасск 19 декабря 1917 г., а к 1 января 1918 г. собралось 50 офицеров и до 500 солдат. На таганрогском направлении сражалась сводная рота полка (128 штыков при 4 пулеметах), 30 января 1918 г. смененная офицерской ротой (120 человек). 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода в полк были влиты Георгиевская рота и Офицерский отряд полковника Симановского. При выступлении

насчитывал 1220 человек (в т. ч. 100 человек Георгиевской роты), треть его составляли офицеры. С середины марта 1918 г. входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. 2-й пехотной дивизии, с которой участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 января 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии. На 1 января 1919 г. насчитывал 1500 человек, в сентябре 1919 г. 2900 при 120 пулеметах (3 батальона, офицерская рота, команда разведчиков и эскадрон связи). На 5 октября 1919 г. имел 945 штыков при 26 пулеметах. С 12 июля 1919 г. 1-й Корниловский ударный полк; с формированием 14 октября 1919 г. Корниловской дивизии вошел в нее тем же номером.

Нес большие потери. Оборона Ростова в феврале 1918 г. стоила полку 100 человек. Из 18 человек командного состава (до командиров рот), вышедших в 1-й Кубанский поход, за войну погибло 13. В начале штурма Екатеринодара полк имел 1000 штыков и пополнился во время боя 650 человек кубанцев, после штурма осталось 67 (потери в 1583 человека). Всего за поход он потерял 2229 человек (теряя в отдельных боях от 6 до 60 человек), в двух наиболее крупных под Кореновской и переходе через р. Белую 150 и 200. За 2-й Кубанский поход полк трижды сменил состав, с начала его до 1 ноября 1918 г. он потерял 2693 человека. В первом же бою под Ставрополем потерял до 400 человек, к 1 ноября осталось 220 человек, а через несколько дней 117. С 1 января по 1 мая 1919 г. в 57 боях в Донбассе полк также переменял полностью три состава: при средней численности в 1200 человек было 3303, в т. ч. 12 командиров батальонов (2-й батальон потерял 6 и остальные по 3), 63 командира рот (3-я — 9, 9-я — 8, 1-я — 7, 6-я — 6, 8-я, 11-я и 12-я по 5, 5-я и 10-я по 4, 2-я и 4-я по 3) и 683 офицера, служивших в качестве рядовых. В Орловско-Кромском сражении потерял 750 человек. 31 июля 1920 г. в бою за Куркулак 61 офицера и 130 солдат — четверть состава. В конце августа, после Каховской операции, в полку осталось 107 человек.

Для чинов корниловских частей установлен серебряный штампованный жетон (копия голубой нарукавной нашивки, носившейся на левом рукаве у плеча) формы гербового щита, в середине которого череп со скрещенными костями, над ним дуговая надпись «корниловцы», внизу скрещенные мечи рукоятью вниз, между рукоятями пылающая граната и ниже даты «1917—18». Нагрудный знак представлял собой черный равносторонний крест с белой каймой, наложенный на серебряный терновый венец, под которым серебряный с золотой рукоятью меч (слева снизу-вверх, рукоятью вниз), в центре голубой щит, подобный жетону, но мечи опущены вниз и дата отсутствует (все изображения золоченые).

Командиры: полк. М.О. Неженцев (до 31 марта 1918), полк. А.П. Кутепов (31 марта — 12 июня 1918), полк. В.И. Индейкин (12 июня — 31 октября 1918), полк. Н.В. Скоблин (31 октября 1918 г. — лето 1919), полк. М.А. Пешня (лето — 14 октября 1919), полк. К.П. Гордиенко (с 14 октября 1919), шт.-капитан (подполк.) В.В. Челядинов (врид, январь—август 1920), пор. (кап.) М. Дашкевич (врид, январь, февраль, июль — 21 августа 1920), шт.-капитан (подполк.) Д. Ширковский (врид, февраль 1920). Командиры батальонов: полк. Булюбаш, полк. Мухин (убит), ес. Кисель, полк. Шкуратов,

полк. Ильин, кап. Морозов (убит), полк. Молодкин, пор. Федоров. Командиры рот и команд: подпор. Андреев (убит), шт.-капитан Заремба, кап. Миляшкевич (убит), шт.-капитан кн. Чичуа (убит), кап. Минервин (убит), кап. Пигровский (убит), шт.-капитан Томашевский (убит), шт.-капитан Петров (убит), пор. Салбиев (убит), кап. Лызлов (убит), шт.-капитан Мымыкин (убит), ес. Милеев, пор. Дашкевич, пор. Потло, кап. Сапета, кап. Франц, кап. Трошин, пор. Бурьян, подпор. Пинский, кап. Натус (убит), пор. Редько и др.

⁴² **Сербинов Григорий Михайлович.** Младший унтер-офицер. В Добровольческой армии; с 17 июня 1918 г. в пулеметной команде 1-го Офицерского (Марковского) полка. Ранен 24 октября 1918 г. под Прочноокопской. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галиполи. Старший унтер-офицер. В эмиграции во Франции. Подпрапорщик. Во время 2-й мировой войны лейтенант РОА. Служил в Русском Корпусе Поручик. Умер 17 июля 1964 г.

⁴³ **Блейш Александр Николаевич.** Из дворян. Полковник, командир ударного батальона. В Добровольческой армии с мая 1918 г., с июня 1918 г. в Марковском полку: командир 9-й (офицерской) роты, с 22 июля 1918 г. командир 1-го батальона, в июле—августе 1919 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка, с декабря 1919 г. командующий Марковской дивизией, с января 1920 г. помощник начальника той же дивизии, в марте 1920 г. начальник Марковской дивизии. Полковник (старшинство в чине 14 декабря 1919). Умер от тифа 5—11 марта 1920 г. в Новороссийске

⁴⁴ Полковник **Наркевич** в июне—августе 1918 г. был командиром 3-го батальона, с августа 1918 г. врио помощника командира, с 9 октября 1918 г. помощник командира 1-го Офицерского (Марковского) полка, октябрь—ноябрь 1918 г. командир Марковского полка. Ранен 24 июля 1918 г.

⁴⁵ **Погорлецкий Александр Емельянович,** р. 12 сентября 1895 в Павлограде. В 1914 г. поступил добровольцем в артиллерию. Поручик. В Добровольческой армии; в июне 1918 — июле 1919 г. в 9-й роте и команде конных разведчиков 1-го Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галиполи. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Югославии. Капитан. В эмиграции там же. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в США. Умер 5—6 сентября 1964 г. в Милвилле (США).

⁴⁶ «Верный» — первый броневик Добровольческой армии. Имел 4 пулемета. Участвовал в Дроздовском походе Яссы—Дон как броневик № 3, по прибытии на Дон получил свое название. Участвовал во 2-м Кубанском походе. Входил в состав 1-го (3-го, с октября 3-го бронеавтомобильного генерала Дроздовского) броневое отряда. Погиб осенью 1919 г. под Суджей. Командир кап. С.Р. Нилов. Экипаж: шт.-капитан Антипов, пор. Бочковский, подпор. Муромцев, прап. Шатагин, прап. Гребенщников, у.-оф. Кобенин, у.-оф. Г. Хораб.

⁴⁷ **Шкуро Андрей Григорьевич (Шкура),** р. 7 февраля 1887. Из дворян, сын полковника, казак ст. Пашковской Кубанской обл. Окончил 3-й

Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1907). Полковник, командир 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, командир Кубанского конного отряда особого назначения. В мае 1918 г. возглавил восстание против большевиков в районе Кисловодска, в июне сформировал на Кубани добровольческий отряд, в июле 1918 г. присоединился к Добровольческой армии; начальник Кубанской партизанской отдельной бригады, с 9 ноября 1918 г. начальник Кавказской конной дивизии, с 30 ноября 1918 г. генерал-майор. До апреля 1919 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 4 мая 1919 г. командир 3-го Кубанского конного корпуса, с 29 января по март 1920 г. командующий Кубанской армией. Генерал-лейтенант (4 апреля 1919). В эмиграции во Франции. Участник формирования антисоветских казачьих частей в годы Второй мировой войны. Выдан в 1945 г. англичанами и казнен 17 января 1947 г. в Москве.

⁴⁸ **Дорошевич Николай Николаевич** (Дорошевич-Никшич). Полковник, командир л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. (прибыл со знаменем полка). С февраля 1918 г. командир 3-й офицерской (гвардейской) роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир 2-го батальона Офицерского полка. С апреля 1918 г. помощник командира 1-го офицерского (Марковского) полка, в июне 1918 г. командир полка, в июле 1918 г. командир 3-го батальона того же полка, июль—август, до 23 сентября 1918 г. командир Солдатского (затем Самурского) полка, затем в 4-м батальоне Марковского полка, с 28 сентября 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. Взят в плен и убит 2 октября 1918 г. под Армавиром.

⁴⁹ **Волнянский Сергей Григорьевич**. Из Екатеринослава. Полковник. В Добровольческой армии; в июле—августе 1918 г. командир 3-й роты, затем командир 3-го батальона Марковского полка. Ранен 16 декабря 1918 г. у с. Шишкино Ставропольской губ. и умер от ран 19 декабря 1918 г.

⁵⁰ **Булаткин А.С.** Полковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в 1-м Офицерском (Марковском) полку: в июле—августе 1918 г. командир 9-й роты, с 9 октября 1918 г. командир 3-го батальона, с ноября 1918 г. помощник командира, с 19 ноября по 13 декабря 1918 г. командир Марковского полка, затем командир батальона. Убит 13 (25) марта 1919 г. в Донбассе в с. Ольховатка.

⁵¹ **Туненберг Ростислав Михайлович**. Из дворян. Штабс-капитан, командир роты Киевского военного училища. В феврале—марте 1918 г. в войсках Кубанского края, с марта 1918 г. подполковник, командир Кубанского стрелкового полка, с 17 марта командир 1-го Кубанского стрелкового полка, полковник. С 9 ноября 1918 г. член комиссии по организации кубанских частей, с 19 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й дивизии с оставлением командиром полка, с 30 ноября 1918 г. в составе комиссии для рассматривания проекта новой организации армии, с 11 марта 1919 г. командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии с оставлением командиром полка, с 15 июня 1919 г. генерал-майор. 26 июля 1919 г. уволен от службы. В марте 1920 г. начальник участка на Перекопе, в мае командир бригады 34-й пехотной дивизии.

⁵² Прапорщик **Петр Эдуардович Шмидт** (р. около 1878), один из первых добровольцев Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й инженерной роте. Убит в августе 1918 г. петлюровцами в Екатеринославе.

⁵³ **Харьковцев Борис Васильевич** (1-й), р. 1890. Из дворян. Капитан. В Добровольческой армии; с июня 1918 г. командир орудия 1-й Офицерской ген. Маркова батареи, с августа 1918 г. в Марковской артиллерийской бригаде; с 12 августа 1918 г. командир бронепоезда «Офицер», затем начальник конвоя ген. Кутепова; с сентября 1918 г. до марта 1920 г. и в мае 1920 г. командир бронепоезда «Слава Офицеру», с 6 августа 1920 г. — сентябрь 1920 г. командир 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник.

⁵⁴ **Колосовский Андрей Павлович**, р. 1870. В службе с 1889 г., офицером с 1891 г. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В августе 1918 г. командир 1-го конного полка, с 27 сентября 1918 г. командир Приморского добровольческого отряда в Новороссийске, с 15 ноября 1918 г. генерал-майор, с 21 марта, в мае—июне 1919 г. начальник 1-й пехотной дивизии, с октября, в конце 1919 г. начальник Астраханской казачьей дивизии; в октябре 1919 г. также командир Чернойорского сводного отряда на черноморском направлении, в мае 1920 г. командир Терско-Астраханской бригады; с августа 1920 г. участник Кубанского десанта. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии. Умер в 1941 г. в Белграде.

⁵⁵ **Моллер Михаил Николаевич**, р. 22 апреля 1889. Офицер с 1909 г. Полковник л.-гв. Преображенского полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; декабрь 1917 г. в 3-й Офицерской роте; январь 1918 г. командир гвардейской роты в офицерском батальоне. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир отделения гвардейского взвода, с 17 марта 1918 г. командир гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка. В июне 1918 г. в 4-м батальоне 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 28 сентября 1918 г. в Сводно-гвардейском полку, с 29 сентября 1918 г. начальник хозяйственной части того же полка, октябрь 1918 г. командир Сводно-гвардейского полка. В Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован в январе—марте 1920 г. из Новороссийска. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции во Франции, к 1931 г. в Версале. Умер в 1964 г. (По ошибочным данным убит 14 июля 1918 г. под Армавиром.)

⁵⁶ Партизанский полк (в сентябре—ноябре 1918 г. Партизанский пеший казачий полк, с 27 ноября 1918 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с 10 октября 1919 г. 1-й Партизанский генерала Алексева пехотный полк, с апреля 1920 г. Партизанский генерала Алексева пехотный полк) был сформирован 11—13 февраля 1918 г. в ст. Ольгинской при реорганизации Добровольческой армии в начале 1-го Кубанского похода из 3 пеших сотен бывш. партизанских отрядов полк. Краснянского, ес. Лазарева и полк. Чернецова (главным образом из донских партизан учащейся молодежи), в полк был влит также отряд киевских юнкеров во главе с полк. Дедурой. С середины марта 1918 г., пополненный батальоном Кубанского

стрелкового полка (образовавшим 2-й батальон), входил в состав 2-й бригады, с начала июня 1918 г. 2-й пехотной дивизии. Под Екатеринодаром насчитывал 800 человек, после штурма 300, в начале 2-го Кубанского похода в июне 1918 г. 600 (2 батальона, 6 сотен). 25 сентября 1918 г. получил имя ген. Алексева. Летом 1919 г. входил в состав 1-й пехотной дивизии, с 1 сентября 1919 г. 9-й пехотной дивизии, с 14 октября 1919 г. Алексеевской дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 1118 штыков при 28 пулеметах. 10 октября 1919 г. из него был выделен 2-й Алексеевский полк. Участвовал в десанте в начале апреля 1920 г. у Генгическа. 16 апреля 1920 г. сведен в батальон и влит в 52-й пехотный Виленский полк, 14 июня восстановлен и в августе участвовал в десанте на Кубань. С 4 сентября 1920 г. входил в состав 1-й бригады 7-й пехотной дивизии.

Полк нес значительные потери. Под Екатеринодаром потерял 500 человек, 2—3 июля у Песчаноокопской около 300, под Ставрополем только в 1-м (офицерском) батальоне осталось из около 600 лишь 30 человек. Понес также огромные потери в десанте у Генгическа. Гренадерский батальон полка целиком погиб 2 августа 1920 г. при десанте на Кубань (убито и зарублено в плену более 100 человек). При отходе в Крым у с. Богдановка 15 октября 1920 г. полностью погибли все обозы, лазарет и нестроевые команды полка, а из полка осталось не больше роты. В Галиполи в Алексеевский пехотный полк были сведены все остатки пехотных частей, кроме «цветных» и гвардейских, коренные Алексеевцы составили 1-ю роту. Для чинов полка 22 декабря 1939 г. установлен нагрудный знак в виде креста с удлиненными вертикальными сторонами, разделенного по горизонтали на белую (верхняя) и голубую части, в центре золоченая буква «А» славянской вязи, внизу дата «1917». Командиры: ген.-лейт. А.П. Богаевский (12 февраля — середина марта 1918 г.), ген.-лейт. Б.Н. Казанович (середина марта — начало июня 1918 г.), полк. (ген.-майор) П.К. Писарев (начало июня — 15 декабря 1918 г.), полк. Е.Ф. Емельянов (врио, октябрь 1918 г.), полк. кн. А.А. Гагарин (с 17 января 1919 г.), кап. (полк.) П.Г. Бузун (лето 1919 г. — ноябрь 1920 г.). Командиры батальонов: кап. Курочкин (убит), подполк. Абрамов (убит), полк. Шклеиник (убит), кап. Рачевский (убит), полк. Логвинов. Командиры рот: полк. Т.П. Краснянский (убит), ес. Р. Лазарев, ес. Власов (убит), войск. старш. Ермолов, кап. Осипенко, пор. Лебедев и др.

⁵⁷ **Улагай Сергей Георгиевич**, р. 1875. Сын офицера. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, командир 2-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. Участник выступления генерала Корнилова. С конца 1917 г. командир отряда Кубанских войск, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 22 июля 1918 г. начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, с 27 февраля 1919 г. командир 2-го Кубанского корпуса, с 12 ноября 1918 г. генерал-майор. Затем в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 28 ноября 1919 г. в распоряжении командующего Добровольческой армией; с марта 1920 г. командующий Кубанской армией, с 5 июля 1920 г. командующий Группой войск особого назначения, с августа 1920 г. руководитель десанта на Кубань, после неудачи которого отставлен. Генерал-лейтенант (1919 г.).

В эмиграции в Югославии. В годы Второй мировой войны участник формирования антисоветских казачьих частей. Умер 20 марта 1947 г. в Марселе.

⁵⁸ **Станкевич Сильвестр Львович**, р. 1866. В службе с 1888 г., офицером с 1891 г. Генерал-лейтенант. В Добровольческой армии в резерве чинов при штабе армии, с 9 октября 1918 г. командир стрелковой бригады 4-й дивизии, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й дивизии, с января 1919 г. начальник 3-й пехотной дивизии. Умер от тифа 11 марта 1919 г. в Таганроге.

⁵⁹ **Плазовский Константин Антонович**. Сын генерал-лейтенанта. Полковник. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. старший офицер, затем командир взвода 2-й батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Убит 9 ноября 1918 г. у Софиевки в районе Ставрополя.

⁶⁰ **Савельев Михаил Федорович**, р. 1891. Окончил Тифлисское военное училище (1913). Поручик (капитан). В Добровольческой армии; с января 1918 г. в прикомандировании к Ударному дивизиону Кавказской кавалерийской дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка, с 25 августа 1918 г. командир той же роты 1-го Офицерского (Марковского) полка, с 12 мая 1919 г. командир Особой офицерской Ставки Главнокомандующего ВСЮР роты, с 26 ноября 1919 г. командир 3-го Марковского полка. Ранен 8 июля 1918 г. под Кисляковской. Полковник. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе (во 2-м полку). После 1945 г. в Германии, председатель отдела Союза Первопоходников и начальник 1-й группы 2-го отдела РОВС. Умер 9 июля 1956 г. в лаг. Пассинг под Мюнхеном.

⁶¹ **Фишбейн Михаил Яковлевич**, р. в Бессарабии. Прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Офицерском полку. В июне 1918 г. в 1-м Офицерском (Марковском) полку. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Поручик. В мае 1921 г. в Константинополе.

⁶² **Фон Бонин Борис Евгеньевич**. Полковник. В Добровольческой армии с февраля 1918 г., командир Технической роты. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 1-й инженерной роты.

⁶³ **Штабс-капитан Згривец** был убит в мае 1918 г. под Сосыкой.

⁶⁴ Публикуемые здесь материалы представляют собой воспоминания офицеров Марковской артиллерийской бригады. Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

⁶⁵ **Черняев Василий Федорович**. Подпоручик гвардии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, февраль—март 1918 г. в 4-й, затем в 1-й батарее. Тяжело ранен 12 июня 1918 г., с марта 1919 г. в 4-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. В Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. во 2-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арддивизиона в Болгарии. Капитан. В эмиграции во Франции. Умер в июле 1939 г. в Париже.

⁶⁶ **Рево Сергей Валентинович**. Кадет. В Добровольческой армии; летом в 1-й Офицерской батарее. Тяжело ранен 12 июня 1918 г. Во ВСЮР и Русской Армии; в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1920 г.

подпоручик 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Подпоручик. В эмиграции во Франции. Умер 9 мая 1978 г. в Шателеро (Франция).

⁶⁷ **Стадницкий-Колендо Вячеслав Иосифович.** Штабс-капитан. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й, затем 1-й батареи; 21 ноября — 26 декабря 1918 г. командир 3-й батареи, затем старший офицер той же батареи; в сентябре 1920 г. подполковник, командир 3-й батареи; с 21 сентября 1919 г. командир 5-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Кавалер ордена Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Польше. Погиб до 1945 г.

⁶⁸ **Плотников Борис Александрович.** Окончил Ташкентский кадетский корпус (1917). Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батареи, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батареи, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 6-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Поручик. Убит 11 октября 1919 г. у с. Чернава под Ельцом.

⁶⁹ **Кокин Василий Васильевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батареи, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батареи, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского арtdивизиона в Болгарии. Штабс-капитан.

⁷⁰ Воспоминания Н. Прюца помещены ниже.

⁷¹ **Поручик Лев Казанли** с 9 февраля 1918 г. состоял в Офицерской батареи, затем командир орудия 1-й батареи. Убит во 2-м Кубанском походе 24 июля 1918 г. под Выселками.

⁷² **Боголюбский Николай Николаевич (1-й).** Поручик. В Добровольческой армии в Юнкерской батареи. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пешего взвода 1-й батареи, с июня 1918 г. командир орудия той же батареи, с марта 1919 г. старший офицер 4-й батареи, с 7 октября 1919 г. командир 2-й батареи Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции во Франции. Умер 19 августа 1976 г. в Париже.

⁷³ **Юнкер Рудзит** (с 12 февраля 1918 г. прапорщик). Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й батареи. С 7 мая 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка. Убит 25 июня 1918 г. под Кагальницкой.

⁷⁴ **Михайлов Алексей Алексеевич.** Подполковник 48-й артиллерийской бригады. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. заведующий хозяйственной частью 4-й батареи, затем старший офицер 1-й батареи, с 3 июля 1918 г. командир 2-й батареи, с марта 1919 г. командир 2-го дивизиона в Марковской артиллерийской бригаде. Полковник. Галлиполиец, командир 2-й батареи Марковского артиллерийского дивизиона. Погиб до 1945 г.

⁷⁵ **Поручик Стариков** к сентябрю 1920 г. был капитаном 7-й батареи Марковской артиллерийской бригады.

⁷⁶ **Пок Иван Иванович**, р. 1895. Подпоручик. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в 3-й Кубанской пластунской батарее до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Эвакуирован на корабле «Великий Князь Александр Михайлович».

⁷⁷ **Михеев Владимир Федорович**. Подпоручик. В Добровольческой армии; с 3 июля 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде; сентябрь 1920 г. в 7-й батарее. Поручик.

⁷⁸ **Березовский Павел Ефимович**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе (апрель 1918 г. начальник разведки дивизиона). Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1919 г. поручик, командир взвода) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан (к маю 1920 г.). В эмиграции. Пропал без вести до 1967 г.

⁷⁹ **Ларионов Виктор Александрович**, р. 13 июля 1897 г. в Санкт-Петербурге. Окончил 13-ю Санкт-Петербургскую гимназию (1916), после чего учился в Отдельных гардемаринских классах, с июня 1917 г. юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде; летом 1919 г. поручик, в октябре 1920 г. капитан. В эмиграции член боевой организации Кутепова, с 1927 г. жил во Франции, затем в Германии. Умер после 1984 г. в Мюнхене.

⁸⁰ **Рейер Петр Александрович**. Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской (затем Корниловской?) артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан. В эмиграции в Чехословакии, член Общества Галлиполийцев в Праге. Разыскивался в 1934 г.

⁸¹ **Хартулари Сергей**, р. в Москве. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в 1-й батарее Марковской артиллерийской бригады. Штабс-капитан. В эмиграции пропал без вести до 1967 г.

⁸² **Канищев Виктор.** Окончил 2-й кадетский корпус, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Летом 1919 г. поручик, адъютант командира Марковской артиллерийской бригады, затем шт.-капитан Убит 18 декабря 1919 г. в с. Алексеево-Леоново.

⁸³ **Мартыненко Павел Ксенофонович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища (не кадет). В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР в 1-й (затем Марковской) артиллерийской бригаде, с 28 августа 1919 г. поручик. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Болгарии. Умер до 1967 г.

⁸⁴ **Улановский Владимир Януриевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (в начале 1920 г. поручик, в сентябре 1920 г. штабс-капитан 1-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

⁸⁵ **Баянов Сергей.** Инженер, юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от холеры в мае 1920 г. в Перекопе.

⁸⁶ **Машин Петр Николаевич.** Подполковник. С конца 1917 г. в отряде капитана Покровского на Кубани, в феврале—марте 1918 г. старший офицер 4-й батареи, затем в 1-й батарее, начальник хозяйственной части, с 10 июля 1918 г. командир 1-й батареи, с 16 декабря 1918 г. полковник, с 4 апреля 1919 г. командир 1-го дивизиона, с июня 1919 г. командир Марковской артиллерийской бригады, с 6 июня 1920 г. генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции командир Марковского артиллерийского дивизиона до декабря 1926 г.

⁸⁷ **Квещинский Станислав.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской, затем 1-й батарее Убит 20—25 июля 1918 г. под Выселками.

⁸⁸ Имеется в виду прапорщик Константин Клементьев.

⁸⁹ **Лепилин Александр Михайлович.** Капитан гвардейской артиллерии. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й отдельной батарее, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе: в июле 1918 г. во 2-й батарее, с 3 (17) августа 1918 г. командир

3-й батарее. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (август—сентябрь 1920 г. командир 1-го дивизиона). Полковник (с января 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец, командир 1-й батареи дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Чехословакии.

⁹⁰ **Давыдов Борис Антонович.** Подпоручик артиллерии. В Добровольческой армии; ноябрь 1917 г. в Юнкерской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник команды разведчиков 1-й батареи, затем старший офицер 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Умер от тифа 28 декабря 1919 г. в Кушевке под Ростовом.

⁹¹ **Айвазов Георгий Владимирович.** В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 17 августа 1918 г. командир конного орудия при 2-й батарее, январь 1919 г. командир взвода (капитан), с 13 апреля 1919 по август 1919 г. командир 4-го дивизиона в 1-й, затем Марковской артиллерийской бригаде. Галлиполиец, командир 3-й батареи Марковского арtdивизиона. Полковник. Умер 21 апреля 1929 г. в Бианкуре (Франция).

⁹² **Князев Андрей Серапионович.** Из дворян Области Войска Донского, сын офицера. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1905). Штабс-капитан, командир батареи. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с декабря 1917 г. старший офицер в Юнкерской батарее. В январе 1918 г. участник рейда Чернецова. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: старший офицер 1-й батареи; с 16 декабря 1918 г. командир 1-й батареи, с 24 апреля 1919 г. командир 4-й батареи Марковского арtdивизиона, с августа 1919 г. командир 2-й батареи Марковской артиллерийской бригады. Капитан. Убит 7 октября 1919 г. у с. Казанцева под Ельцом.

⁹³ **Прюц Николай Александрович.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1920 г. штабс-капитан 3-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан.

⁹⁴ Опубликовано: Прюц Н.А. Очерки. Лос-Анджелес, 1967.

⁹⁵ **Лисенко Иван Эрстович (2-й).** Сын офицера. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Осенью 1918 в 1-й батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, в июле 1919 г. командир орудия 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде, с сентября 1920 г. шт.-капитан 4-й батареи той же бригады. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Чехословакии. Капитан. В эмиграции с 1933 г. в Чехословакии, затем в США, член отдела Общества Галлиполийцев. Умер 17 января 1969 г. в Сан-Франциско (США).

⁹⁶ **Сулацкая Домна Ивановна.** Из казаков ст. Кумшацкой Области Войска Донского. С ноября 1917 г. сестра милосердия в Юнкерской, затем 1-й Офицерской батарее. После похода в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. В эмиграции. Умерла до 1967 г.

⁹⁷ **Сергиевский Сергей.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й Офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе.

⁹⁸ **Шоколи Николай Александрович,** р. 1886. Из дворян. Окончил Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию. Капитан, курсовой офицер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., командир артиллерийской роты, затем Константиновско-Михайловской батарее. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й батарее Марковского артиллерийского дивизиона и бригады. Эвакуирован до августа 1920 г. из Севастополя. Полковник. В эмиграции председатель Общества Офицеров-артиллеристов. Умер 9 августа 1963 г. в Нью-Йорке.

⁹⁹ **Кравченко Владимир Михайлович.** В Добровольческой армии и ВСЮР в Дроздовской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан. В эмиграции в Германии, начальник 2-го отдела РОВСа. Умер 23 декабря 1976 г. в Мюнхене.

¹⁰⁰ Впервые опубликовано: Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973.

¹⁰¹ «Корниловец». Один из первых броневедомств Добровольческой армии (с июня 1918 г.). Участвовал во 2-м Кубанском походе. Поврежден в октябре 1918 г. у Армавира, после чего экипаж получил новую машину «Витязь», на которой погиб в ноябре 1918 г. под Ставрополем. Восстановленный «Корниловец» вместе с броневиком «Память Витязя» входил в состав 4-го броневедомства. Командир кап. Гунько. Экипаж: полк. Рябинский, пор. Бесклубов, у.-оф. Назаров, добр. Возген и Федосенко.

¹⁰² **Ковалевский Владимир.** Капитан. В Добровольческой армии в 1-й батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Убит на бронепоезде 1 июля 1918 г. под Тихорецкой.

¹⁰³ **Капитан Колзаков** был офицером Кавказской гренадерской артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; август 1918 г. командир 1-й конно-горной батареи, осенью 1918 г. полковник, командир Дроздовской конно-горной батареи, с 13 июля 1919 г. командир Отдельной конно-горной ген. Дроздовского батареи, август 1920 г. командир конно-артиллерийского дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. Генерал-майор (1919). Галлиполиец, командир сводной Дроздовской конной батарее.

¹⁰⁴ **Витковский Владимир Константинович,** р. 21 апреля 1885. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил 1-й кадетский корпус (1903), Павловское военное училище (1905). Полковник л.-гв. Кексгольмского пол-

ка, командир 199-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии; с весны 1918 г. в отряде полк. Дроздовского, летом 1918 г. командир Солдатского батальона (затем Самурского полка), командир 2-го офицерского (Дроздовского) стрелкового полка, с 24 ноября 1918 г. командир бригады 3-й дивизии, с 18 декабря 1918 г. генерал-майор, с февраля 1919 г. начальник 3-й (затем Дроздовской) дивизии. В Русской Армии со 2 августа 1920 г., командир 2-го армейского корпуса, затем командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант (с апреля 1920 г.). На 28 декабря 1920 г. начальник 1-й пехотной дивизии и заместитель ген. Кутепова в Галлиполи. В эмиграции на декабрь 1924 г. председатель объединения л.-гв. Кексгольмского полка, к 1931 г. председатель объединения 1-го армейского корпуса и Общества Галлиполийцев в Ницце (Франция), на ноябрь 1951 г. представитель объединения л.-гв. Кексгольмского полка в США, с 1960 г. член правления ПРЭ. Умер 18—19 января 1978 г. в Пало-Альто (США).

¹⁰⁵ **Кельнер Константин Александрович.** Полковник. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку; с 23 июня до июля 1918 г. командир Солдатского батальона, затем полка, с 18 января 1919 г. командир 2-го Офицерского полка (27 января 1919 г. старшинство в чине); сентябрь—ноябрь 1919 г. командир 1-й бригады 3-й пехотной (затем Дроздовской) дивизии, с мая 1920 г. помощник начальника той же дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В 1922 г. выслан из Болгарии. Осенью 1925 г. в составе 1-й Галлиполийской роты в Югославии. Генерал-майор.

¹⁰⁶ Имеется в виду подполковник Карл Генрихович Шаберт.

¹⁰⁷ **Звягин Михаил Андреевич.** Полковник, командир 108-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с 29 октября 1919 г. командир Самурского полка, в апреле 1920 г. полковник, командир Алексеевской бригады (из Алексеевского и Самурского полков), начальник десанта у Геническа. В Русской Армии начальник 6-й пехотной дивизии. Генерал-майор. В эмиграции комендант города Галлиполи до 29 января 1921 г. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. Служил в Русском Корпусе. Убит до 1945 г.

¹⁰⁸ **Зеленин Евгений Ильич,** р. 1885 в Гжатске. Подполковник, командир 720-го пехотного полка. В Добровольческой армии и ВСЮР в Самурском полку, в феврале 1919 г. командир батальона, весной, в сентябре 1919 г. командир Самурского полка, 8 ноября 1919 г. утв. переименование в полковники; командир бригады 6-й пехотной дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Эвакуирован из Севастополя на транспорте «Корнилов». В эмиграции в Болгарии. Вернулся в СССР, делопроизводитель Маслоцентра. Арестован 14 августа 1930 г. Расстрелян 8 апреля 1931 г. в Москве.

¹⁰⁹ Это не совсем так. 6-я пехотная дивизия, сформированная в Русской Армии, с 7 июля 1920 г. входила в состав 1-го, с 4 сентября 1920 г. 3-го, а с конца октября 1920 г. 2-го армейских корпусов. С 4 сентября 1920 г. она включала Кавказский стрелковый, Самурский (1-я бригада), 25-й пехотный Смоленский и Сводно-стрелковый (2-я бригада) полки, 6-ю артиллерийскую

бригаду, запасный батальон, отдельную инженерную роту и Отдельный конный генерала Алексеева дивизион.

¹¹⁰ **Гаевский Борис.** Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр. Участник похода Яссы—Дон в Добровольческой армии и ВСЮР; командир конного дивизиона, затем во 2-м конном полку, с 5 июня 1919 г. врид командира того же полка, с 1 августа (25 октября) 1919 г. командир Сводно-гусарского полка. Полковник (с 14 мая 1919 г.)

¹¹¹ **Димитраш Мелентий.** Поручик 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии командир пулеметного взвода 2-го Офицерского стрелкового (Дроздовского) полка. Убит 26 января 1919 г. в Донбассе.

¹¹² **Штабс-ротмистр 8-го драгунского Астраханского полка Аникеев (Аникиев)** был участником похода Яссы—Дон, где он командовал эскадроном в отряде полковника Дроздовского.

¹¹³ **Чекатовский Игнатий Игнатьевич**, р. 1875. В службе с 1893 г., офицером с 1895 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку, с 11 (13) июля 1918 г. командир того же полка, в июле—августе 1919 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии В эмиграции во Франции, начальник объединения Кавалерийской дивизии и Союза Инвалидов в Париже, к 1934 г. председатель Общества друзей «Часового».

¹¹⁴ **Туркула Антон Васильевич**, р. 1892 в Тирасполе. Из дворян Бессарабской губ. Окончил Тираспольское реальное училище. Прапорщик запаса. Штабс-капитан 75-го пехотного полка. Участник похода Яссы—Дон, с апреля 1918 г. командир офицерской роты. С января 1919 г. командир офицерского батальона 2-го офицерского генерала Дроздовского полка, с октября 1919 г. командир 1-го Дроздовского полка. С апреля 1920 г. генерал-майор, с 6 августа 1920 г. начальник Дроздовской дивизии. В эмиграции издатель и редактор журнала «Доброволец». С 1935 г. организатор и глава Русского Национального Союза Участников Войны, в 1945 г. начальник управления формирования частей РОА в Австрии, затем председатель Комитета русских невозвращенцев. Умер 20 августа 1957 г. в Мюнхене (похоронен в Сен-Женевьев-де-Буа).

¹¹⁵ В настоящем издании публикуется глава из книги А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». Воспоминания ген. Туркула в литературной обработке Ивана Лукаша были опубликованы впервые в 1937 г. в Белграде, 2-м изданием в 1948 г. в Мюнхене и 3-м изданием в 1990 г. в Нью-Йорке.

¹¹⁶ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 26. Ноябрь 1963 г. Автор публикации не указан.

¹¹⁷ **Ребиков Николай Николаевич.** Студент Московского университета. Окончил Сергиевское артиллерийское училище (1916). Прапорщик Кавказской стрелковой артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; в июле 1918 г. в 3-й гаубичной батарее, затем в 3-й артиллерийской бригаде; с 14 марта 1919 г. подпоручик, с 22 июля 1919 г. поручик, летом 1919 г. начальник орудия 7-й батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Штабс-ка-

питан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артиллерийского дивизиона во Франции. Капитан (с 14 апреля 1921 г.). Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (1-й вып.). Во время Второй мировой войны командир батальона РОА. После 1945 г. в Германии, к 1967 г. сотрудник журнала «Военная быль». Умер 18 июня 1969 г. в Гамбурге

¹¹⁸ Впервые опубликовано: Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918—1921. Нью-Йорк, 1960

¹¹⁹ **Подзиков Михаил Николаевич**, р. 1875. Из дворян. Окончил Орловский кадетский корпус, Павловское военное училище (1895). Полковник, командир артиллерийского дивизиона Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир легкой батареи. В Добровольческой армии в 3-м легком артиллерийском дивизионе (27 января 1919 г. старшинство в чине), затем командир дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде Генерал-майор. Галлиполиец. В эмиграции с апреля 1922 г. в Болгарии. Умер 6 июня 1938 г. в Вассербилнге (Люксембург).

¹²⁰ **Фридман Александр Карлович**, р. 1876. В службе с 1895 г., офицером с 1898 г. Полковник в Добровольческой армии во 2-м Офицерском (Дроздовском) стрелковом полку, затем помощник командира 2-го Дроздовского полка, старшинство в чине с 5 ноября 1919 г., на 30 декабря 1919 г. помощник командира 1-го Дроздовского полка; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции в Чехословакии. В 1945 г. схвачен в Праге и вывезен в СССР.

¹²¹ **Скопин Иван Васильевич**, р. 1875. Офицер с 1897 г. Полковник, командир 28-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии; летом 1918 г. командир 1-й тяжелой (3-й гаубичной) батареи 3-й дивизии, со 2 июля 1918 г. на бронепоезде «Единая Россия», с 11 декабря 1918 г. командир того же бронепоезда, с 7 апреля 1919 г. командир 1-го бронепоездного дивизиона. В Русской Армии в 1-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегед». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона.

¹²² **Медведев Александр Константинович**, р. 1882. Окончил Московский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Подполковник (капитан), командир 2-й батареи 4-го мортирного артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. Участник похода Яссы—Дон, командир взвода артиллерии. В Добровольческой армии; сентябрь 1918 г. — январь 1919 г. командир 1-й (3-й) отдельной легкой гаубичной батареи, командир 7-й легкой гаубичной батареи 3-й артиллерийской бригады, с 13 апреля 1919 г. командир 4-го дивизиона 3-й (Дроздовской) артиллерийской бригады, в мае 1920 г. командир гаубичного дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Полковник (до сентября 1918 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона во Франции. Умер 12 февраля 1964 г. в Шартре (Франция)

¹²³ **Петрович Лев Матвеевич**. Из Екатеринослава. Окончил пиротехническую школу. Капитан. В Добровольческой армии; в июле 1918 г. в 1-й

(3-й) гаубичной батарее, затем в 7-й батарее 3-й (впоследствии Дроздовской) артиллерийской бригады, с марта 1919 г. на бронепоезде «Генерал Шкуро». Убит летом 1919 г.

¹²⁴ **Черепов Александр Николаевич**, р. 17 августа 1877. Из дворян Курской губ. Окончил Орловский кадетский корпус, Одесское военное училище (1898). Генерал-майор, командир бригады 4-й пехотной дивизии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с 5 декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Командир бригады 1-й дивизии, затем 2-й дивизии, с 27 ноября 1918 г. начальник 2-й дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. начальник 2-й пехотной дивизии и 6-й пехотной дивизии, Черноморский военный губернатор. В Русской Армии в августе 1920 г. участвовал в Кубанском десанте, командир бригады 7-й пехотной дивизии, начальник Отдельного сводного отряда у Каховки, начальник 6-й пехотной дивизии. В эмиграции в Югославии. Возглавлял отдел Союза Первопоятников в г. Нови-Сад. Служил в Русском Корпусе (командир 4-го полка). Председатель Союза Инвалидов в Германии, председатель Союза Первопоятников, вице-председатель Союза чинов Русского Корпуса в США. Умер 15 марта 1964 г. в Нью-Йорке.

¹²⁵ 1-й Ставропольский офицерский полк (1-й Ставропольский стрелковый полк). Сформирован в начале июля 1918 г. в Добровольческой армии после занятия отрядом полковника Шкуро Ставрополя из имевшихся в городе офицеров, юнкеров, студентов и гимназистов. Вошел в состав Добровольческой армии. Расформирован 16 апреля 1919 г. Командир полк. Малышкин.

¹²⁶ **Нилов Сергей Родионович**. Капитан 61-й артиллерийской бригады. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне—октябре 1918 г. командир бронеавтомобиля «Верный», затем командир 1-го бронепоезда. В Русской Армии с мая 1920 г. переведен из бронечастей в 7-ю батарею Дроздовской артиллерийской бригады, в октябре 1920 г. командир той же батареи до эвакуации Крыма. Полковник. Ранен. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (6-й вып.). Умер 21 августа 1976 г. в Монморанси (Франция).

¹²⁷ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 27. Май 1966.

¹²⁸ **Протасович Виктор Александрович**. Окончил Псковский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1905). Подполковник, командир батареи 28-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР в июне 1918 г. рядовой в 3-й артиллерийской бригаде, затем командир 2-й батареи, с 13 апреля 1919 г. командир 2-го дивизиона в Дроздовской артиллерийской бригаде, сентябрь—октябрь 1919 г. 1-го дивизиона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник (с 16 июня 1920 г.). Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона на Корсике. В эмиграции в Болгарии и Франции, с 1931 г. помощник командира Дроздовского артиллерийского дивизиона в Париже. 1956—1964 гг. начальник 1-го отдела РОВС, член правления Общества Галлиполийцев. Умер 2 октября 1966 г. в Монморанси (Франция).

¹²⁹ **Гуныко Игорь Дмитриевич**. Штабс-капитан. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; в июне 1918 г. командир броневтомобилей «Корниловец», затем броневтомобилей «Витязь», командир дивизиона броневтомобилей. Капитан. Убит 31 октября 1918 г. у с. Пелагиада Ставропольской губ.

¹³⁰ **Прянишников Борис Витальевич**, р 21 июля 1903 в Вилоне Кашишской губ. Кадет 5-го класса Донского кадетского корпуса. В Добровольческой армии. Участник боев за Ростов в ноябре 1917 г. В мае 1918 г. в Партизанском (Алексеевском) полку. Участник 2-го Кубанского похода. С декабря 1919 г. снова в Донском кадетском корпусе, с января 1920 г. юнкер в Атаманском военном училище до эвакуации Крыма. Ранен под Каховкой. Эвакуирован на корабле «Лазарев». Был на о. Лемнос. Георг. крест IV ст. 28 июля 1921 г. Окончил Атаманское военное училище. Хорунжий (22 июля 1922 г.). Осенью 1925 г. в составе училища в Болгарии. В эмиграции с 1925 г. во Франции, Германии, Румынии. Основатель и редактор журнала «Посев» (1945—1946), газеты «Эхо» (с 1947). С 1949 г. в США, председатель отделения НТС в Нью-Йорке.

¹³¹ Впервые опубликовано: Партизанский генерала Алексева пехотный полк. 1917—1920. Сборник. Первопоходник. № 21. Октябрь 1974

¹³² **Писарев Петр Константинович**, р 30 декабря 1874 на Дону. Из дворян Области Войска Донского. Окончил Техническое училище, Новочеркасское военное училище (1898). Полковник, командир 42-го Донского казачьего полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 1-го батальона Партизанского полка. Летом 1918 г. генерал-майор, осенью 1918 г. командир Алексеевского полка, с августа 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса, затем начальник 6-й пехотной дивизии, в сентябре—октябре 1919 г. Сводно-гренадерской дивизии, затем командир 1-го Сводного корпуса в Кавказской армии. В Русской Армии командующий Севастопольской крепостью, командир Сводно-казачьего корпуса, командир 3-го армейского корпуса, с августа 1920 г. командир 1-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции председатель Союза Первопоходников. Умер 22 декабря 1967 г. в Шель (Франция).

¹³³ **Прянишников Виталий Яковлевич**, р 28 апреля 1865. Из казаков ст. Новочеркасской Области Войска Донского, сын чиновника. Окончил Новочеркасскую гимназию, Новочеркасское военное училище (1886). Есаул, командир 4-го Донского запасного полка. В Донской армии; с лета 1918 г. войсковой старшина, помощник начальника охраны железных дорог ВВД. Вышел в отставку полковником 4 апреля 1920 г. Остался в Крыму. Жил на Кубани. Умер в 1942 г.

¹³⁴ **Бузун Петр Григорьевич**. Капитан. Во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку, с 31 марта 1918 г. командир 2-го батальона и помощник командира Партизанского (Алексеевского) полка, с июня 1919 г. командир 1-го Алексеевского полка, с ноября 1919 г. полковник, с апреля 1920 г. командир Алексеевского полка. В эмиграции в Югославии. Служил в Русском Корпусе. Убит 19 мая 1943 г. у Вальево.

¹³⁵ **Постовский Владимир Иванович**, р. около 1886. Войсковой старшина В Добровольческой армии командир батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку. Полковник. В Донской армии; 6 октября — конец октября 1918 г. начальник Сальского отряда, ноябрь 1918 г. начальник отряда под Царицыном, октябрь 1919 г. командир бригады из 2-го Дроздовского и Самурского полков под Касторной. Генерал-майор. Вышел в отставку 28 апреля 1920 г. Эвакуирован в апреле 1920 г. из Севастополя. В эмиграции во Франции (в Париже). После 1945 г. вернулся в СССР.

¹³⁶ Автор подписывался как «Доброволец Иванов». По-видимому, это псевдоним, во всяком случае, ни с кем из лиц соответствующего круга с такой фамилией его отождествить не удалось. Он родился на Дону, происходил из духовенства, учился в Донской духовной семинарии, в 1917 г. был студентом переведенного в Новочеркасск Варшавского ветеринарного института. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. По возвращении из похода откомандирован в распоряжение штаба ВВД, однако вскоре поступил в 4-ю сотню конного полка отряда полковника Дроздовского (2-й конный офицерский полк), в котором и воевал в дальнейшем. После ранения эвакуирован в феврале 1920 г. с госпиталем в Египет, откуда возвратился в Русскую Армию в Крым. После эвакуации был в Галлиполи. Затем жил в Болгарии, пел в казачьем хоре. Он оставил довольно обширные воспоминания, из которых в настоящем издании публикуется фрагмент, относящийся ко времени 2-го Кубанского похода.

¹³⁷ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 34. Июль 1964 г.

¹³⁸ **Подъесаул гвардии Фролов** был участником похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии; с 16 апреля 1918 г. командир конного казачьего дивизиона, сформированного в ст. Ново-Николаевской в отряде полк. Дроздовского. В начале 2-го Кубанского похода командир 4-й Донской казачьей сотни во 2-м конном полку. Убит 12—13 июня 1918 г. у с. Капустино под Торговой.

¹³⁹ **Силкин Дмитрий Алексеевич**, р. 22 октября 1889 г. в Новочеркасске. Из дворян ВВД, казак ст. Новочеркасской. Окончил Новочеркасское реальное училище, Новочеркасское военное училище (1912). Подъесаул 4-го Донского казачьего полка. В Добровольческой армии; в июне 1918 г. командир сотни 2-го офицерского конного полка, затем до 26 ноября 1919 г. помощник командира того же полка. Тяжело контужен 2 ноября 1919 г., с 7 декабря 1919 г. есаул, с 9 декабря 1919 г. войсковой старшина В Русской Армии с июля по 8 августа 1920 г. командир 2-го конного полка, затем конного дивизиона Дроздовской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (с 1920 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, шофер в Париже; в 1931 г. возглавлял группу Дроздовского конного полка в Париже. Во время 2-й мировой войны в казачьих частях германской армии, командир бригады и 1-й казачьей пешей дивизии, заместитель походного атамана казачьих войск. Генерал-майор (с 15 мая 1945 г.). Выдан в Лиенце 19 мая 1945 г. и вывезен в СССР. Умер в лагере.

¹⁴⁰ Приводимые воспоминания корниловцев были опубликованы в сборниках, составленным М.А. Критским (Корниловский ударный полк. Париж,

1936) и М. Н. Левитовым (Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж. 1974).

¹⁴¹ **Шкуратов Николай Николаевич**, р. 1872. В службе с 1891 г., офицером с 1895 г. Полковник. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: 31 марта 1918 г. командир батальона кубанцев, влитого в Корниловский ударный полк; в мае 1918 г. заместитель командира и командир Корниловского полка. Убит 25 июня 1918 г.

¹⁴² **Индейкин Владимир Иванович**. Из крестьян Области Войска Донского. Полковник, командир 23-го Сибирского стрелкового полка. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: с 12 февраля 1918 г. командир батальона Корниловского ударного полка, с 28 марта 1918 г. одновременно помощник командира, с 15 июля 1918 г. командир Корниловского полка. Убит 31 октября 1918 г. под Ставрополем.

¹⁴³ **Скоблин Николай Владимирович**, р. 1894. Сын коллежского асессора. Штабс-капитан 126-го пехотного полка, затем 1-го ударного полка. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; помощник командира, с 1 ноября 1918 г. командир Корниловского полка, с 12 ноября 1918 г. полковник, с 26 марта 1920 г. генерал-майор, начальник Корниловской дивизии Галлиполиец. В эмиграции во Франции, в 1930 г. завербован советской разведкой, участвовал в похищении начальника РОВСа генерала Е. К. Миллера в 1937 г., после чего переправлен в Испанию, где, по неподтвержденным сведениям, умер в 1938 г.

¹⁴⁴ **Полковник Ильин** был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

¹⁴⁵ **Дашкевич Михаил Никитич**. Из духовного звания. Духовная семинария. Поручик. В Добровольческой армии с ноября 1917 (?) в Корниловском ударном полку; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918 г. командир роты, с июля 9-й роты Корниловского полка, октябрь 1919 г. командир 1-го батальона в 1-м Корниловском полку, в конце 1919 г. командир 4-го Корниловского полка, с января до февраля 1920 г. командир 1-го Корниловского полка. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В июле 1920 г. подполковник, врид командира 1-го Корниловского полка до августа 1920. Орден Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Полковник. С 24 декабря 1921 г. командир 1-го батальона Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка во Франции, с 1930 г. во французском Иностранном легионе в Индокитае.

¹⁴⁶ **Потлог Федор Федорович (Потло)**. Подпоручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918 г. командир роты, с июля — 10-й роты Корниловского полка. Поручик.

¹⁴⁷ **Капитан Сапега** был участником 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

¹⁴⁸ **Франц Игнатий Игнатьевич**. По национальности хорват. Подпоручик. В Добровольческой армии; в ноябре 1917 г. вступил в Корниловский полк в Киеве. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С июня 1918 г.

командир 12-й роты Корниловского полка, с 26 июля 1919 г. командир 2-го батальона в 3-м Корниловском полку; октябрь 1919 г. командир 3-го Корниловского полка, затем командир 4-го Корниловского полка. Капитан. Убит 27 декабря 1919 г. при переходе через Дон под ст. Александровской.

¹⁴⁹ **Левитов Михаил Николаевич.** Из духовного звания. Духовная семинария, Виленское военное училище (1914). Поручик 178-го пехотного полка. В Добровольческой армии в партизанском генерала Корнилова отряде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Корниловском полку, командир роты, в мае 1919 г. командир батальона во 2-м Корниловском полку, с июля 1919 г. командир 1-го батальона, с 10 ноября 1919 г. врид командира в 3-м Корниловском полку, затем помощник командира во 2-м Корниловском полку. 13 марта 1920 г. произведен из поручиков в подполковники, с 15 июля 1920 г. командир 2-го Корниловского полка до эвакуации Крыма. Ранен 6 раз. Орд. Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 2-го батальона Корниловского полка. До осени 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Полковник (с июня 1920 г.). В эмиграции председатель полкового объединения, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 15 декабря 1982 г. в Париже.

¹⁵⁰ Воспоминания В.И. Гетца приводятся ниже.

¹⁵¹ **Миляшкевич Николай Николаевич.** Капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 1-й роты полка. Во ВСЮР и Русской Армии в корниловских частях до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. командир запасного Корниловского полка). На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. Капитан. Умер до 1936 г.

¹⁵² **Морозов Владимир Михайлович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: начальник связи полка. В июле 1918 г. командир офицерских роты полка, затем командир батальона. Капитан (с 26 декабря 1918 г.). Убит в феврале—марте 1919 г. у ст. Енакиево под Дебальцево. (По другим данным, тяжело ранен в 1920 г. и умер в Константинополе осенью 1920 г.)

¹⁵³ **Бояринцев Митрофан Иванович,** р. 1894. Окончил Киевское военное училище (1915 или 1914). Штабс-капитан(?), командир батальона 5-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с сентября 1918 г. в Корниловском полку, затем командир сотни 5-го Кубанского пластунского батальона, затем вновь в Корниловском полку командир роты и батальона. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник. На 18 декабря 1920 г. в 3-й роте Корниловского полка в Галлиполи. В эмиграции во Франции, председатель полкового объединения, сотрудник журнала «Военная быль». Умер 17 сентября 1971 г. в Шелле (Франция).

¹⁵⁴ **Рябинский Аполлинарий Александрович,** р. 15 июля 1890 в Витебске. Из дворян, сын генерала. Окончил Симбирский кадетский корпус (1911), Киевское военное училище (1913). Штабс-капитан 81-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с декабря 1917 г.

с Корниловским полком; в боях с 18 января 1918 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир пулеметной роты Корниловского полка. Ранен 14 октября 1918 г. под Армавиром. Во ВСЮР и Русской Армии в 1-м Корниловском полку до эвакуации Крыма. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. Полковник. В эмиграции в Югославии, председатель полкового объединения 81-го пехотного полка. Сотрудник журнала «Военная быль». Умер 10 апреля 1982 г. в Буэнос-Айресе.

¹⁵⁵ Впервые опубликовано: Вестник Первоходника. № 46. Июнь 1965 г.

¹⁵⁶ **Федосенко Борис Маркович.** Поручик (подъесаул). В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте полка. Летом 1918 г. в экипаже броневедомобиля «Корниловец», затем в экипаже броневедомобиля «Витязь» в 1-м броневом автомобильном дивизионе. Взят в плен 31 октября 1918 г., возвратился в армию; с 25 февраля 1919 г. штабс-капитан, с 15 марта 1919 г. капитан. Полковник. В эмиграции с 1933—1935 гг.

¹⁵⁷ **Коротков Константин Васильевич.** В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в пулеметной роте Корниловского ударного полка. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии.

¹⁵⁸ **Поручик Безклубов** был убит на броневедомобиле «Витязь» 31 октября 1918 г. у с Пелагиада Ставропольской губ.

¹⁵⁹ **Кариус Эдуард Фердинандович.** Окончил Виленское военное училище. Капитан, начальник отдельной пулеметной команды 5-й Кавказской казачьей дивизии. С января 1918 г. на Кубанском бронепоезде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник пулеметной команды 1-го Кубанского стрелкового полка, с 27 сентября 1918 г. начальник Кубанских пулеметных курсов, с 29 января 1919 г. полковник, затем генерал-майор. В эмиграции в США. Умер 19 июля 1974 г. в Лос-Анджелесе.

¹⁶⁰ Впервые опубликовано: Вестник первоходника. № 3. Ноябрь—декабрь 1961 г.; № 8. Май 1962 г.; № 11. Август 1962 г. В настоящем издании помещен фрагмент воспоминаний, касающийся 2-го Кубанского похода. Предыдущая часть помещена в предыдущих томах серии «Белое движение».

¹⁶¹ **Староверов Венедикт Трофимович.** Войсковой старшина. В Добровольческой армии; января 1918 г. на Кубанском бронепоезде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во 2-м Кубанском походе помощник командира пулеметной команды 1-го Кубанского стрелкового полка. Во ВСЮР к сентябрю, до 15 ноября 1919 г. командир 9-го Кубанского пластунского батальона. Полковник (до сентября 1919 г.).

¹⁶² **Цыганок Спиридон Филимонович (Цыганов).** Из казаков ст. Ново-Николаевской Кубанской области. Войсковой старшина. В начале 1918 г. на Кубанском бронепоезде. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во 2-м Кубанском походе заведующий хозяйственной частью и обозом 1-го Ку-

банского стрелкового полка. Полковник, с 9 ноября 1918 г. командир 3-го Кубанского пластунского батальона, на 5 октября 1919 г. врид командира 3-й Кубанской пластунской бригады, с 28 ноября 1919 г. командир той же бригады. В Русской Армии; с сентября 1920 г. командир пластунского полка до эвакуации Крыма. Генерал-майор. Был на о. Лемнос, 1921 г. начальник 2-й Кубанской стрелковой дивизии, начальник 3-й группы Кубанской казачьей дивизии, 2-й бригады той же дивизии.

¹⁶³ **Ивченко Иван Федорович.** Хорунжий. В Добровольческой армии в 1-м Кубанском стрелковом полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во 2-м Кубанском походе в том же полку, с 4 октября 1918 г. сотник. Есаул.

¹⁶⁴ **Глазенап Петр Владимирович,** р. 3 марта 1882 в Гжатске. Из дворян, сын офицера. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1903). Ротмистр гвардейского запасного кавалерийского полка. Полковник, командир особого ударного отряда. В Добровольческой армии с декабря 1917 г., участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир кавалерийского дивизиона, с 25 марта 1918 г. командир 1-го офицерского конного полка, с июня 1918 г. начальник 1-й отдельной Кубанской казачьей бригады, с 9 октября 1918 г. начальник 4-й дивизии, затем Ставропольский военный губернатор, с 23 марта 1919 г. начальник Сводно-Горской конной дивизии, с 27 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР (с 12 ноября 1918 г. генерал-майор), отчислен с 8 октября 1919 г. С лета 1919 г. в Северо-Западной армии; генерал-губернатор Северо-Западной области, помощник Главнокомандующего, 23 (28) ноября 1919 г. — 22 января 1920 г. командующий Северо-Западной армией. Генерал-лейтенант (1919). Весной 1920 г. формировал и до августа 1920 г. командовал 3-й Русской Армией в Польше. В эмиграции в Константинополе, собирався ехать в Крым. В эмиграции в Венгрии (Будапешт), с 1922 г. в Германии, с 1925 г. в Данциге, с 1939 г. в Варшаве. С 1946 г. организатор и председатель Союза Андреевского флага. Умер 27 мая 1951 г. в Мюнхене.

¹⁶⁵ **Крыжановский Владимир Васильевич.** Войсковой старшина 2-го Полтавского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода: командир 2-го батальона в 1-м Кубанском стрелковом полку; с 12 марта 1918 г. полковник, затем командир 1-й бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 22 января, сентябрь—октябрь 1919 г. начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. В 1919 г. командир 1-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. Убит в феврале 1920 г. под Белой Глиной.

¹⁶⁶ **Кисиль Никифор Лукич (Кисель).** Сотник Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Вступил в Корниловский полк 27 марта 1918 г. во главе 300 казаков и 28 марта назначен командиром 2-го батальона. Весной 1918 г. рядовой команды конных разведчиков Марковского полка. Во 2-м Кубанском походе начальник конной разведки при ген. Кутепове. Есаул. В эмиграции в Югославии, в 1931 г. возглавлял группу Союза Первопоходников в Шабаче.

¹⁶⁷ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 14. Ноябрь 1962 г.

¹⁶⁸ **Носак Ефим Тимофеевич.** Из казаков ст. Старо-Щербиновской Кубанской области. Подъесаул Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, летом 1918 г. командир 2-й сотни в 1-м Кубанском стрелковом полку. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. Был на о. Лемнос. Осенью 1925 г. в составе Кубанского технического батальона в Югославии. Есаул

¹⁶⁹ Автор этих заметок подписался как «Полковник Васильев». Возможно, это либо Григорий Григорьевич, либо Михаил Александрович Васильев, бывшие участниками 1-го Кубанского («Ледяного») похода.

¹⁷⁰ Впервые опубликовано: Первопоходник. № 1. Июнь 1971 г.

¹⁷¹ **Шилле Михаил Эрнестович (Эдуардович).** В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Осенью 1918 г. в том же полку, с ноября 1918 г. прапорщик. Ротмистр. В эмиграции в США, 1961—1968 гг. — член редколлегии журнала «Вестник Первопоходника» в Лос-Анджелесе.

¹⁷² Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 20. Май 1963 г.

¹⁷³ **Власов Андрей Алексеевич,** р 1899. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Георг. крест IV ст. Подпоручик 6-го артдивизиона. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (5-й вып.), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов. К 1969 г. сотрудник журнала «Военная быль». Умер 13 декабря 1980 г. в Шелле (Франция).

¹⁷⁴ Впервые опубликовано: Военная быль. № 95. Январь 1969 г.

¹⁷⁵ «Генерал Алексеев». Легкий бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Первый бронепоезд Добровольческой армии. Создан 1 июля 1918 г. на ст. Тихорецкая из трофейных бронеплощадок как 1-й бронированный поезд (именовался так до января 1919 г.). Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получила наименование «Генерал Алексеев». В 1919 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. В Крыму возрожден (приказ от 12 марта 1920 г.) на базе бронепоезда «Севастопольц № 3». С 16 апреля 1920 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Погиб 19 октября 1920 г. на ст. Сокологорное при отходе из Северной Таврии. На момент эвакуации команда бронепоезда состояла из 70 человек. Командиры: полк. Стремюхов (1 июля — начало октября 1918 г.), полк. А.А. Зеленецкий (октябрь 1918 г.), полк. Б.Н. Гонорский (октябрь 1918 г. — 12 января 1919 г.), полк. М.Ф. Кельберер (17 января — 17 февраля 1919 г.), подполк. (полк.) Б.Я. Шамов (17 февраля 1919 г. — октябрь 1920 г.).

¹⁷⁶ «Вперед за Родину». Легкий бронепоезд ВСЮР. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 1 июля 1918 г. на ст. Тихорецкая из трофейных бронеплощадок как 3-й бронированный поезд. Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получила наименование «Вперед за Родину». В 1919 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Понес тяжелые потери 9 февраля 1920 г. под Белой Глиной (убито 4 офицера, 14 солдат). Оставлен 2 апреля 1920 г. у ст. Лео при отходе из

района Туапсе. В Крыму 16 апреля 1920 г. расформирован, а личный состав обращен на пополнение команды бронепоезда «Севастополец». Командирь: кап. Высево (1 июля — 1 августа 1918 г., убит), подполк. Григорьев (1 августа — 2 октября 1918 г., убит), полк. М.Ф.Кельберер (2 августа — 25 октября 1918 г.), полк. Гада (25 октября 1918 г. — 7 апреля 1919 г.), полк. Скоритовский (7 апреля — 24 августа 1919 г., убит), кап. В.А. Юрьев (24 августа 1919 г. — 2 апреля 1920 г.).

¹⁷⁷ «Единая Россия». Тяжелый бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 1 июля 1918 г. на ст. Тихорецкая из трофейных бронеплощадок как Батарея дальнего боя. С 7 сентября 1918 г. 5-й бронированный поезд Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Единая Россия». В 1919 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Участвовал в боях под Царицыном. Расформирован 12-го и оставлен 13 марта 1920 г. при эвакуации Новороссийска. Возрожден в марте 1920 г. в Крыму на базе 3-й батареи 1-го дивизиона морской тяжелой артиллерии. С 16 апреля 1920 г. входил в состав 1-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 1 ноября 1920 г. при эвакуации Севастополя. Командиры: полк. Скопин (1 июля 1918 г. — 7 апреля 1919 г.), полк. В.В. Карпинский (7 апреля — 3 ноября 1919 г.), полк. В.И. Окушко (3 ноября 1919 г. — 14 апреля 1920 г., 7 июня — 24 августа, октябрь 1920 г.), кап. Смирнов (14 апреля — 7 июня 1920 г.), полк. А.А. Зеленецкий (24 августа — октябрь 1920 г.). Врио (старшие офицеры): подполк. Левиков (август—октябрь 1918 г.), кап. Михайлов (май 1919 г.), кап. Зиверт (май 1919 г.).

¹⁷⁸ Григорьев Александр Александрович. Из Орла. Подполковник. В Добровольческой армии; с 1 августа 1918 г. командир бронепоезда «Вперед за Родину». Убит 2 октября 1918 г. под ст. Отрада-Кубанская.

¹⁷⁹ Полковник Громыко с 7 апреля, в сентябре—октябре 1919 г. был начальником 2-го бронепоездного дивизиона.

¹⁸⁰ «Офицер». Легкий бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 7 августа 1918 г. в Екатеринодаре из трофейных бронеплощадок, оставленных красными на левом берегу Кубани как 4-й бронированный поезд. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Офицер». В 1919 г. входил в состав 2-го бронепоездного дивизиона. В марте 1920 г. насчитывал 48 офицеров и 67 солдат. Оставлен 13 марта 1920 г. при эвакуации Новороссийска. Возрожден 24 марта 1920 г. в Крыму на базе боевого состава бронепоезда «Слава Кубани». С 16 апреля 1920 г. входил в состав 2-го бронепоездного дивизиона. Погиб 29 октября 1920 г. у ст. Таганаш в Крыму. Командиры: кап. Б.В. Харьковцев (7 августа — 24 октября 1918 г.), полк. Ионин (24 октября 1918 г. — 23 мая 1919 г.), полк. М.И. Лебедев (23 мая 1919 г. — октябрь 1920 г.). Врио (старшие офицеры): полк. В.А. Месхи (убит 22 ноября 1918 г.), полк. М.И. Лебедев (22 ноября — 20 декабря 1918 г., 18—21 февраля, май 1919 г.), подполк. Б.Я. Шамов (декабрь 1918 г.), кап. Муромцев (февраль—март 1919 г.), кап. В.П. Магницкий (март 1919 г.), шт.-капитан В. Разумов-Петропавловский (март 1919 г.), шт.-капитан (кап.) Лабович (апрель—август 1919 г., октябрь 1920 г.), шт.-капитан Г.Э. Симмот

(сентябрь 1919 г., июнь 1920 г.), шт.-капитан Н.Е. Шахаратов (сентябрь 1919 г.), пор. Хмелевский (апрель 1920 г.).

¹⁸¹ «Дмитрий Донской». Легкий бронепоезд ВСЮР и Русской Армии. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 11 августа 1918 г. в Екатеринодаре из трофейных бронеплощадок как Морская батарея № 2. Имел также неофициальное название «Морской бронепоезд» («Адмирал Непенин») и был первоначально укомплектован морскими офицерами. В боях с сентября 1918 г. под Армавиром. 14 октября 1918 г. у раз. Базного под Ставрополем из 42 человек команды было убито 18 (в т. ч. 10 офицеров) и ранено 5. С 14 февраля 1919 г. «Дмитрий Донской». В 1919 г. входил в состав 3-го бронепоездного дивизиона. В Крыму с 16 апреля 1920 г. входил в состав 3-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 2 ноября 1920 г. при эвакуации Керчи. Командиры: кап. 2-го ранга Марков (11 августа — начало октября 1918 г.), ст. лейт. Макаров (начало октября — 14 октября 1918 г., убит), ст. лейт. (кап. 2-го ранга) Бушен (октябрь 1918 г. — 1 июля, 17—19 августа 1919 г.), кап. Лихачев (1 июля — 17 августа 1919 г.), кап. Плесковский (19 августа 1919 г. — 3 мая 1920 г.), полк. К.Я. Маралин (3 мая — 2 ноября 1920 г.). Врио (старшие офицеры) кап. Ю.А. Лойко (октябрь 1918 г.), кап. Герасимов (сентябрь—октябрь 1919 г.), кап. Лагутин (июнь 1920 г.), пор. Ассеев (июль 1920 г.), полк. Подопригора (октябрь 1920 г.).

¹⁸² Марков Вячеслав Николаевич, р. 1885 Окончил Морской корпус (1904). Капитан 2-го ранга линейного корабля «Слава», командир канонерской лодки «Грозный». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 11 августа 1918 г. командир «Морского бронепоезда» («Адмирал Непенин», затем «Дмитрий Донской»), с сентября 1919 г. на Каспийской флотилии, с 20 сентября 1919 г. начальник отряда мелкосидящих судов флотилии. Тяжело ранен 18 сентября 1919 г. Капитан 1-го ранга. В эмиграции с 1936 г. в Бельгии. Умер 11 июля 1948 г. в Брюсселе.

¹⁸³ Отряд полковника Шкуро был создан в мае 1918 г., насчитывал первоначально 7 офицеров и 6 казаков. В июне поднял восстание в Баталпашинском отделе Кубанской области. В середине июня была сформирована конная дивизия (см. 2-я Кубанская казачья дивизия) и Пластунская бригада. Около 20 июня к отряду присоединились остатки Южно-Кубанской армии. В июле 1918 г. вошел в состав Добровольческой армии и был расформирован. В сентябре 1918 г. вновь развернулся на базе Отдельной Кубанской партизанской бригады и стал включать 1-ю Кавказскую казачью дивизию, 1-ю Туземную горскую дивизию, пластунскую бригаду (Офицерский, Терский и Хоперский батальоны) и 5—6 батарей (по 4 орудия). Расформирован в начале октября 1918 г. Командир полк. А.Г. Шкуро. Нач. штаба полк. Я.А. Слащев (до начала июля 1918 г.), полк. В.Н. Плющевский-Плюшкин (с 25 сентября 1918 г.).

¹⁸⁴ 1-я Кавказская казачья дивизия (1-я Кавказская конная дивизия). Сформирована в Добровольческой армии в конце сентября 1918 в Отряде полковника Шкуро в составе 1-го и 2-го Партизанских, 1-го и 2-го Хоперских (II), 1-го (II) и 2-го Волгских полков как Кубанская партизанская

отдельная бригада; с 9 ноября 1918 г. 1-я Кавказская конная дивизия. Полки 1-й и 2-й Волгские, 1-й Терский, 3-й Хоперский, 1-й и 2-й Партизанские были включены в состав дивизии приказом от 15 декабря 1918 г. В ноябре—декабре 1918 г. входила в состав 3-го армейского корпуса (I). 8 декабря 1918 г. в состав дивизии включен Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (полк. Жарков, полк. М. Сейделер, с 2 августа 1919 г.): 2-я Кубанская казачья конная и Терская казачья конно-горная батареи. В январе 1919 г. Волгские полки переданы 1-й Терской казачьей дивизии. В середине июня—октябре 1919 г. входила в 3-й Кубанский корпус. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-й (II), 2-й (II) и 3-й Хоперские Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (с 1 мая; полк. Саппо) и Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (полк. Сейделер). На 5 октября 1919 г. включала 1-й и 2-й Хоперские (II), 1-й (придан из 1-й конной дивизии) и 2-й Партизанские Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк, 2-ю и 3-ю Кубанские казачьи батареи (всего 980 штыков и 1341 сабля при 81 пулемете и 8 орудиях). Кроме того, при ней состояли: Волчий дивизион (538 сабель, 8 пулеметов), Отдельный сводный дивизион 4-й отдельной Кавказской бригады (215 штыков, 140 сабель, 8 пулеметов), нештатная партизанская (4 орудия), 1-я и 2-я 1-го стрелкового артдивизиона (8 орудий) батареи и радиостанция. В конце 1919 г. в ее состав входил Сводно-кавалерийский полк (4 эскадрона — в т. ч. татарский и черкесский). Начальники: полк. (ген.-майор) А.Г. Шкуро (октябрь 1918 г. — май 1919 г.), полк. Офросимов (врио; ноябрь 1918 г.), полк. Бегиев (врио; декабрь 1918 г. — 7 января 1919 г.), ген.-майор А.М. Шифнер-Маркевич (май 1919 г.), ген.-майор (ген.-лейт.) А.А. Губин (с 14 мая 1919 г.). Нач. штаба: полк. А.М. Шифнер-Маркевич (с начала октября 1918 г.), полк. В. Соколовский. Командиры бригад: 1-й полк. (ген.-майор) П.К. Беломестнов (январь 1919 г.), ген.-кав. В.А. Ирманов (до 23 октября 1919 г.), 2-й ген.-майор А.А. Губин (21—27 марта 1919 г.), полк. П. Бочаров.

¹⁸⁵ 2-я Кубанская казачья дивизия. Сформирована в середине июня 1918 г. в Отряде полковника Шкуро как конная дивизия (1-й и 2-й Хоперские (I) и 1-й Волгский полки), около 20 июня преобразована в 1-ю казачью (еще 1-й Лабинский полк). При соединении с Добровольческой армией 22 июля 1918 г. переименована во 2-ю Кубанскую. В июле—августе 1918 г. включала 1-й и 2-й Хоперские (I), 1-й Лабинский и 2-й Кубанский, к 1 ноября 1-й Полтавский, 1-й Лабинский, 1-й и 2-й Кубанские полки. 14 декабря 1918 г. из нее был взят 2-й Кубанский полк и взамен из 1-й конной дивизии передан 1-й Линейный. В 1919 г. после реформирования корпусов и в октябре 1919 г. входила во 2-й Кубанский корпус. К 5 октябрю 1919 г. (без 1-го Линейного, но со 2-м Кубанским полком) насчитывала 157 штыков, 553 сабли, 29 пулеметов и 7 орудий. Осенью 1919 г. в нее входили: 1-й Линейный (на 5 октября 1919 г. в 1-й конной дивизии), 1-й Кубанский, 1-й Лабинский, 1-й Полтавский Кубанского казачьего войска полки, стрелковый полк (расформирован 21 мая и вновь сформирован 20 июля 1919 г.), 2-й Кубанский казачий конно-артиллерийский дивизион (полк.

М. Сейделер, до 2 августа 1919 г., полк. Я. Безладнов, со 2 августа 1919 г.), 3-я и 7-я Кубанские казачьи конные (по 2 орудия) и 1-я Кубанская казачья конная гаубичная (3 гаубицы) батареи. К апрелю 1920 г. включала Корниловский конный, 1-й и 2-й Лабинские, 1-й и 2-й Кубанские и 2-й Сводно-Кубанский полки. Капитулирована на Черноморском побережье 24 апреля 1920 г. Расформирована 6 мая 1920 г. Начальники: полк. Удовенко (середина июня 1918 г.), подесаул Солоцкий (июнь — начало июля 1918 г.), полк. А.Г. Шкуро (по 22 июля 1918 г.), полк. С.Г. Улагай (22 июля 1918 г. — 27 февраля 1919 г.), ген.-майор Д.В. Репников (4 апреля — 4 августа 1919 г.), ген.-майор П.П. Мамонов (4 августа — 26 сентября 1919 г.; убит), полк А.И. Шляхов (врид. 5 октября 1919 г.), ген.-майор М.А. Фостиков (с 10 декабря 1919 г.). Нач. штаба: полк. П.И. Соловкин (19 сентября 1918 г. — 13 июля 1919 г.), ген.-майор бар. А.В. Арпсгофен (с 13 июля 1919 г.). Командиры бригад: в. ст. Солоцкий (июль 1918 г.), 1-й ген.-майор С.Д. Говорущенко (апрель, до 29 сентября 1919 г.), 2-й полк. (ген.-майор) Д.В. Репников (6 декабря 1918 г. — 4 апреля 1919 г.), ген.-майор А.П. Шапринский (4 апреля — октябрь 1919 г.).

¹⁸⁶ **Гартман Борис Егорович**, р. 19 июня 1878 в Нижнем Новгороде. Из дворян, сын тайного советника. Окончил Пажеский корпус (1898), академию Генштаба. Генерал-майор, командир л.-гв. конного полка, начальник Отдельного Курдистанского отряда. В Добровольческой армии с конца 1917 г.; с октября 1918 г. командир Горской конной дивизии и пластуношской бригады отряда Шкуро; с 7 декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Добровольческой армии и Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, затем военный агент в Лондоне. В эмиграции с 1924 г. в Бельгии, в 1931 г. начальник 6-го отдела РОВС, в 1936 г. в Льеже, начальник 5-го отдела РОВС, председатель Союза русских офицеров в Бельгии, председатель объединения л.-гв. конного полка. Умер 29 апреля 1950 г. в Ментоне (Франция).

¹⁸⁷ **Барон Врангель Петр Николаевич**, р. 15 августа 1878 в Ростове. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын директора страхового общества в Ростове. Окончил Ростовское реальное училище, Горный институт (1901), сдал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1902), академию Генштаба (1910). Офицер л.-гв. конного полка. Генерал-майор, командующий сводным конным корпусом. В Добровольческой армии с 25 августа 1918 г.; с 28 августа 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, с 31 октября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 15 ноября 1918 г. командир 1-го конного корпуса, с 27 декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с 10 января 1919 г. командующий Кавказской Добровольческой армией, с 26 ноября по 21 декабря 1919 г. командующий Добровольческой армией. Эвакуирован в феврале 1920 г. из Севастополя на корабле «Посадник». С 22 марта 1920 г. Главнокомандующий ВСЮР и Русской Армии. Генерал-лейтенант (с 22 ноября 1918 г.). В эмиграции, с 1924 г. начальник образованного из Русской Армии Русского Обще-Воинского Союза (РОВС). С сентября 1927 г. в Бельгии. Умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе.

¹⁸⁸ Печатается по изданию: Врангель П.Н. Воспоминания. Франкфурт, 1969.

¹⁸⁹ Сальников Дмитрий Николаевич. Окончил академию Генштаба. Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник оперативного отдела штаба армии, на 26 июня 1918 г. в Донской армии, затем полковник, и.д. генерал-квартирмейстера штаба Добровольческой армии, с 27 ноября 1918 г. — март 1919 г. командир 1-го Офицерского (Марковского) полка. В белых войсках Восточного фронта; июнь—сентябрь 1919 г. начальник штаба Восточного фронта, с ноября 1919 г. командующий войсками Барнаульского и Бийского районов (не прибыл). Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 г., до середины февраля 1920 г. начальник штаба Северной колонны. Генерал-майор. В эмиграции. Умер после 1922 г.

¹⁹⁰ Апрелев Георгий (Юрий) Петрович, р. 1 марта 1889. Окончил Пажеский корпус (1908), академию Генштаба (1913). Ротмистр, командир эскадрона л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (Генштаба капитан). В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Тяжело ранен; в мае 1918 г. в штабе армии, в июне 1918 г. адъютант ген. Деникина. Ранен во 2-м Кубанском походе 23 июня 1918 г., затем при штабе Добровольческой армии; с 14 ноября 1918 г. в эскадроне своего полка; 1919 г. (июль, сентябрь—октябрь) март 1920 г. командир Сводно-уланского полка, с января 1920 г. командир 2-го Сводно-кавалерийского полка. Полковник. Эвакуирован в марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии. В эмиграции в Югославии (на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка), на Дальнем Востоке (к 1932 г. в Шанхае) и во Франции; на ноябрь 1951 г. представитель в Гвардейском объединении от 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Директор кадетского корпуса в Версале. Умер 10 января 1964 г. в Париже.

¹⁹¹ Асмолов Юрий Владимирович, р. в Ростове. Окончил Ростовскую гимназию, Московский университет. Офицер из вольноопределяющихся (1915). Поручик 7-го гусарского полка в штабе 7-го кавалерийского корпуса. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку. Летом 1918 г. в разведывательном отделе штаба армии. В Русской Армии начальник разведывательного отдела штаба корпуса до эвакуации Крыма. Галлиполиец. С 1921 г. помощник начальника информационного отдела штаба Главнокомандующего. Ротмистр. В эмиграции в Югославии и Франции. Умер 19 апреля 1927 г. в Париже.

¹⁹² Отдельная Кубанская казачья бригада была сформирована в Добровольческой армии осенью 1918 г. из Отряда полковника Шкуро.

¹⁹³ 2-я Кубанская пластунская отдельная бригада. Сформирована в Добровольческой армии в сентябре 1918 г. из восставших казаков Майкопского отдела (приказ от 14 ноября 1918 г.). В ноябре—декабре 1918 г. входила в состав 3-го армейского корпуса (1). В середине июня 1919 г. входила в состав Добровольческой армии (с 8 июля в Полтавском отряде), в октябре 1919 г. 1-го Кубанского корпуса. К 5 октября 1919 г. насчитывала

3299 штыков, 78 пулеметов и 8 орудий. Состав: 2-й (1108 штыков, 20 пулеметов; полк. Наумов), 4-й (605 штыков, 26 пулеметов, 2 орудия; полк. Б. Запольский), 8-й (765 штыков, 21 пулемет; полк. Захаров, с 18 июня 1919 г.), 9-й (821 штык, 11 пулеметов; полк. Староверов, с 15 ноября 1919 г. полк. Невзоров). Кубанские пластунические батальоны и 2-й Кубанский казачий пластунический артиллерийский дивизион: 2-я легкая (3 орудия) и 2-я гаубичная (3 гаубицы) пластунические батареи. Начальники: ген.-майор А.А. Гейман (с 15 ноября 1918 г.), полк. Б. Запольский (5 октября 1919 г.). Нач. штаба: полк. Захаров (19 ноября 1918 г. — 18 июня 1919 г.), полк. В.А. Замбрыцкий (22 июля — 28 ноября 1919 г.).

¹⁹⁴ **Граф фон дер Пален Алексей Петрович**, р. 22 марта 1874. Окончил Санкт-Петербургский университет (1895), Николаевское кавалерийское училище (1897). Полковник, старший офицер л.-гв. Конного полка, командир стрелкового полка 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Летом 1917 г. руководитель офицерской организации в Петрограде. В Северо-Западной армии с января 1919 г.; в начале 1919 г. командир батальона Островского полка, в мае 1919 г. начальник боевого участка, с июня 1919 г. генерал-майор, командир 1-го стрелкового корпуса; с января 1920 г. председатель ликвидационной комиссии Северо-Западной армии, затем начальник 2-й стрелковой дивизии в 3-й Русской армии в Польше. Генерал-лейтенант (декабрь 1919 г.). В эмиграции в Прибалтике. Умер 6 июля 1938 г. в Вайтенфельде.

¹⁹⁵ **Драгомиров Абрам Михайлович**, р. 21 сентября 1868 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Черниговской губ., сын генерала от инфантерии. Окончил Пажеский корпус (1887), академию Генштаба (1893). Офицер л.-гв. Семеновского полка. Генерал от кавалерии, главнокомандующий войсками Северного фронта. Георгиевский кавалер. С августа 1918 г. помощник Верховного руководителя Добровольческой армии, с 3 октября 1918 г. — сентябрь 1919 г. одновременно председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. С 11 сентября 1919 г. по декабрь 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Киевской обл. С 8 марта 1919 г. заместитель председателя комиссии по эвакуации Новороссийска, с 19 сентября 1920 г. председатель кавалерской думы. Орд. Св. Николая Чудотворца. В эмиграции в Югославии (в Белграде), с 1924 г. генерал для поручений при председателе РОВС, с 1931 г. во Франции, руководитель особой работы РОВС, председатель Общества офицеров Генерального штаба. В годы 2-й мировой войны в резерве чинов при штабе РОА. Член Общества Ветеранов. Умер 9 декабря 1955 г. в Ганьи (Франция).

¹⁹⁶ **Генерал от кавалерии Павел Карлович фон Ренненкампф** (р. 1854), во время 1-й мировой войны командующий 1-й армией, был расстрелян большевиками 1 апреля 1918 г. в Таганроге.

¹⁹⁷ **Афросимов Михаил Александрович**. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии, до 29 августа 1918 г. одновременно командующий той же дивизией, с 5 ноября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии. В Русской Армии до эвакуации Крыма.

¹⁹⁸ **Науменко Вячеслав Григорьевич**, р. 25 февраля 1883. Из дворян. Окончил Воронежский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище, академию Генштаба (1914). Подполковник, начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии. В ноябре 1917 г. начальник Полевого штаба Кубанской области. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Летом 1918 г. командир Корниловского конного полка Кубанского казачьего войска, сентябрь 1918 г. полковник, командир 1-й бригады 1-й конной дивизии, с 19 ноября 1918 г. начальник 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, член Кубанского войскового правительствa, с 25 января 1919 г. зачислен по Генеральному штабу. Походный атаман Кубанского казачьего войска. 1919 г. командир 2-го Кубанского конного корпуса. В Русской Армии с сентября 1920 г. командир конной группы (бывш. ген. Бабиева). Генерал-лейтенант. В эмиграции. Кубанский войсковой атаман. Во время 2-й мировой войны врид начальника Главного управления казачьих войск. После 1945 г. в США. Умер 30 октября 1979 г. в Нью-Йорке.

¹⁹⁹ **Рогов Дмитрий Павлович**. Окончил академию Генштаба. Капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом—осенью 1918 г. старший адъютант штаба 1-й конной дивизии, с 28 апреля 1919 г. старший адъютант штаба 4-й пехотной дивизии. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 28 декабря 1920 г. в штабе Кавалерийской дивизии в Галлиполи. Полковник. В эмиграции в Чехословакии, к 1940 г. в Праге.

²⁰⁰ 1-й Екатеринодарский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии в июле 1918 г. Входил в состав 1-й конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 120 саб., 1 пул. Командиры: в ст. Ермоленко (до 26 августа 1918 г.), в.ст. (полк.) В. Муравьев (с 12 августа 1918 г. — 17 марта 1919 г., апрель 1919 г.), полк. О. Лебедев (с 17 марта 1919 г.).

²⁰¹ **Баумгартен Александр Федорович**. Окончил академию Генштаба. Полковник л.-гв. Драгунского полка. В Добровольческой армии; летом—осенью 1918 г. начальник штаба 1-й конной дивизии. Умер 27 сентября 1918 г.

²⁰² Корниловский конный полк (1-й Кубанский конный полк). Сформирован как Кубанский конный дивизион, в который после соединения 14 марта 1918 г. Кубанского отряда с Добровольческой армией была сведена кубанская кавалерия. Входил в состав конной бригады, с 6 июня 1918 г. 1-й конной дивизии как 1-й Кубанский конный полк. На начало июня 1918 г. насчитывал 510 сабель при 4 пулеметах. С 4 августа 1918 г. получил наименование Корниловского, а 14 сентября знамя, пожалованное в 1803 г. Черноморскому войску. К апрелю 1919 г. имел около 400 человек (200 сабель), на 5 октября 1919 г. 334 сабли при 21 пулемете. Летом—осенью 1919 г. был придан 3-й Кубанской казачьей дивизии. В апреле 1920 г. капитулировал под Адлером. Вновь образован в Крыму из собравшихся там чинов полка 7 июля 1920 г. и вошел в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (II). На 27 октября 1920 г. имел 300 сабель, 16 пулеметов. Награжден серебряными трубами ордена Св. Николая Чудотворца. После эвакуации Крыма на о. Лемнос вошел в состав 3-го Сводно-Кубанского полка. Командиры: подполк.

А. Корнилов, полк. Г.Я. Косинов (апрель—май 1918 г.), полк. В.Г. Науменко (27 июня — 12 августа 1918 г.), в.ст. Ермоленко (12 августа — 7 сентября 1918 г.), полк. Федоренко (7—17 сентября 1918 г.; убит), в.ст. (полк.) Н.Г. Бабиев (17 сентября 1918 г. — 26 января 1919 г.), ес. (в.ст.) Ф.И. Елисеев (февраль — 18 июня 1919 г.), полк. Головин (с 18 июня 1919 г.), в.ст. В. Безладный (апрель 1920 г.), полк. Макеев (октябрь 1920 г.).

²⁰³ 1-й Уманский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии в июле 1918 г. Входил в состав 1-й конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 151 сабaju, 2 пулемета. В Русской Армии входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (II). Командиры: полк. Е. Жарков (до 22 января 1919 г.), полк. П. Тутов (март—апрель 1919 г.), полк. Золотаревский (до 9 августа 1919 г.), ген.-майор И.Д. Павличенко (с октября 1919 г.).

²⁰⁴ 1-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии в июле 1918 г. Входил в состав 1-й конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 58 сабель, 2 пулемета. Командиры: полк. С.М. Топорков (до 2 ноября 1918 г.), полк. Рыжонков (с 19 ноября 1918 г.), полк. Волошинов, полк. (ген.-майор) И.Д. Павличенко (с июля до 23 октября 1919 г.).

²⁰⁵ 1-й Линейный полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии в июле 1918 г. Входил в состав 1-й конной, с 14 декабря 1918 г. 2-й Кубанской казачьей дивизии (к 5 октября 1919 г. был придан 1-й конной дивизии и там же был к апрелю 1920 г.). На 5 октября 1919 г. насчитывал 90 сабель, 6 пулеметов. В Русской Армии входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии (II). Командиры: полк. К.К. Мурзаев (28 сентября — 20 ноября 1918 г.; убит), полк. Л.А. Артифесков (с 8 декабря 1918 г.), полк. В.В. Муравьев (октябрь 1919 г.), полк. П. Тутов (с 13 марта 1919 г.).

²⁰⁶ 2-й Черкесский конный полк. Сформирован в Добровольческой армии летом (приказ от 10 сентября) 1918 г. В июле—августе 1918 г. входил в состав 1-й конной дивизии, с 7 декабря 1918 г. Черкесской конной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 523 сабли. Командиры: полк. Султан Адиль-Гирей (11 ноября — 8 декабря 1918 г.), полк. Адрианов (с 11 декабря 1918 г.).

²⁰⁷ **Топорков Сергей Михайлович**, р. 25 сентября 1881. Из казаков ст. Акшинской Забайкальского казачьего войска. Произведен в офицеры за боевое отличие (1904), выдержал офицерский экзамен. Полковник, командир Чеченского и Татарского конного полков. В Добровольческой армии летом—осенью 1918 г. командир 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска, с 2 ноября 1918 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 8 декабря 1918 г. генерал-майор, с 19 января 1919 г. начальник Терской казачьей конной (1-й Терской казачьей) дивизии, с 22 июля, на 5 октября 1919 г. командир 4-го конного корпуса, в марте 1920 г. командир 3-го Кубанского корпуса. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, в 1922 г. атаман Донской казачьей станицы в Белой Церкви. Умер 1931 г. в Белграде.

²⁰⁸ **Беляев Иван Тимофеевич**, р. 19 апреля 1875. Окончил 2-й кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893). Офицер л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. Генерал-майор, командир артиллерийской бригады Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; 1918 г. командир батареи, август 1918 г. начальник артиллерии 1-й конной дивизии, с 17 марта до ноября 1919 г. инспектор артиллерии 1-го армейского корпуса, инспектор артиллерии Кавказской армии. Эвакуирован 25 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Бюргермейстер Шредер». Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, с 1924 г. в Парагвае, в 1931 г. служил в армии и отличился в войне с Боливией. Генерал-лейтенант. Умер 19 января 1957 г. в Асунсьоне.

²⁰⁹ **Чайковский Дмитрий Леонтьевич**. Окончил академию Генштаба (1911). Полковник, старший адъютант штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 6 сентября 1918 г. начальник штаба 3-й пехотной дивизии, с 8 октября 1918 г. начальник политической канцелярии помощника Главнокомандующего ВСЮР, на 1 августа 1920 г. Русской Армии. В эмиграции. Умер после 1922 г.

²¹⁰ **Фон Дрейер Владимир Николаевич**, р. 1876. Окончил 2-й Оренбургский кадетский корпус (1894), Павловское военное училище, академию Генштаба. Генерал-майор, начальник штаба 7-й кавалерийской дивизии и Сводного конного корпуса. С лета 1918 г. в Екатеринодаре, затем в Крыму; в приеме в ВСЮР ему было отказано. В эмиграции во Франции. Умер 22 февраля 1967 г. в Монте-Карло.

²¹¹ **Лукомский Александр Сергеевич**, р. 1868. Из дворян. Окончил Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище (1888 г.), академию Генштаба (1897). Генерал-лейтенант, начальник штаба Верховного главнокомандующего. Участник выступления ген. Корнилова в августе 1917 г., быховец. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г., начальник штаба Алексеевской организации. С 24 декабря 1917 г. начальник штаба Добровольческой армии, с 2 февраля 1918 г. представитель Добровольческой армии при атамане Всевеликого Войска Донского. С февраля 1918 г. в командировке Царицын—Харьков—Севастополь—Одесса для связи с офицерскими организациями. В июле 1918 г. возвратился на Дон, с августа 1918 г. зам. председателя Особого совещания и помощник командующего Добровольческой армией, с октября 1918 г. начальник Военного управления. С 12 октября 1919 г. до февраля 1920 г. председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР. В марте 1920 г. выехал в Константинополь, с апреля 1920 г. представитель Русской Армии при союзном командовании. С ноября 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. В эмиграции в Белграде, США, во Франции; помощник вел. кн. Николая Николаевича, с 1928 г. в распоряжении председателя РОВС. Умер 25 февраля 1939 г.

²¹² 10-й гусарский Ингерманландский полк. Возрожден в Добровольческой армии. 12 офицеров этого полка в феврале 1918 г. пытались пробиться на Дон, но были схвачены, остальные, оставшиеся на квартирах полка в Чугуеве, не пожелав служить у гетмана, летом группами прибыли в Добровольческую ар-

мию. Первая из них, со спасенным пор. Яновским полковым штандартом, прибыла в Новочеркасск 29 августа 1918 г. Ядром к восстановлению полка послужил ординарческий взвод, сформированный из офицеров кавалерии при 1-й конной дивизии; в октябре в развернутом на его основе разведывательном дивизионе было 16 кадровых офицеров полка. С 25 октября 1918 г. он (как сохранивший полковой штандарт) именовался Ингерманландским гусарским дивизионом. 27 мая 1919 г. развернут в полк (5 эскадронов) и включен в состав 1-й бригады 1-й кавалерийской дивизии (I). В июле 1919 г. включал 2 эскадрона. На 5 октября 1919 г. насчитывал 270 штыков и 240 сабель. С 19 ноября 1919 г. входил в состав 1-й кавалерийской дивизии (II) (с февраля 1920 г. дивизион в 1-м Сводно-кавалерийском полку). С 16 апреля 1920 г. дивизион полка (3 эскадрона) входил в 5-й, а с 8 августа 1920 г. в 1-й кавалерийский полк. В Добровольческой армии воевали почти все офицеры полка, состоявшие в нем к моменту революции, — 41 офицер. Полк потерял в Белом движении 21 офицера (в мировую войну 14). Командир ротм. (полк.) М.И. Тихонравов (сентябрь 1918 г. — ноябрь 1920 г.). В 1927 г. создано полковое объединение, насчитывавшее на 1954 г. около 20 человек. Пред.: ген.-лейт. И.Г. Барбович и полк. М.И. Тихонравов, секр. ротм. Комаровский, пред. отдела во Франции ротм. Холщевников. Нач. полковой группы (Кавалерийской дивизии) во Франции ротм. С.А. Слезкин.

²¹³ **Муравьев Всеволод Вениаминович.** Войсковой старшина Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-м конном полку; с 12 августа 1918 г. командир 1-го Екатеринодарского полка Кубанского казачьего войска, с 17 марта 1919 г. командир 1-й бригады 1-й конной дивизии (полковник), с 23 октября 1919 г. начальник той же бригады, затем командующий 1-й конной дивизией, с 10 декабря 1919 г. начальник той же дивизии, с 27 (29) января 1920 г. начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, с 14 мая 1920 г. отчислен. Генерал-майор (с 9 декабря 1919 г.). В эмиграции в Болгарии. Убит в 1924 г. в Варне (Болгария).

²¹⁴ **Войсковой старшина Мурзаев** офицер 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии в своем полку, в сентябре 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 28 сентября 1918 г. командир бригады 1-й конной дивизии и 1-го Линейного полка. Полковник. Убит 20 ноября 1918 г. под ст. Спицевкой.

²¹⁵ **Фон Анатолий Владимирович,** р. 3 июля 1879 в Оренбурге. Из дворян Новгородской губ. Окончил Псковский кадетский корпус (1897), Константиновское артиллерийское училище (1900). Полковник Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, командир 51-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с 4 июня 1918 г. рядовым в конно-горной батарее 3-й дивизии, с 2 июня 1918 г. командир 2-й конно-горной батареи, затем командир 1-го конно-горного артиллерийского дивизиона, сентябрь 1918 г. командир артиллерийского дивизиона 1-й конной дивизии, с 25 декабря 1918 г. инспектор артиллерии 1-го Кубанского корпуса и командир 2-го конно-артиллерийского дивизиона, с 10 ноября 1919 г. командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады, с 18 ноября 1919 г. началь-

ник тыла Кавказской армии, с марта 1920 г. снова командир Кавказской стрелковой артиллерийской бригады (с весны 1920 г. Отдельного сводно-артиллерийского дивизиона), апрель 1920 г. командующий артиллерией Перекопского укрепленного района, затем командир 6-й артиллерийской бригады, с октября 1920 г. инспектор артиллерии 2-го армейского корпуса до эвакуации Крыма. Генерал-майор (19 августа 1919 г.). Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии и Франции, в 1931 г. возглавлял группу 1-го армейского корпуса в Париже. Окончил курсы Генерального штаба в Париже. Доброволец армии ген. Франко, подпоручик испанской армии. Убит 4—6 сентября 1937 г. в Кинто де Эбро под Сарагосой.

²¹⁶ **Чичинадзе Михаил Константинович**, р. 1870. В службе с 1889 г., офицером с 1893 г. Полковник 8-го гренадерского полка. В Добровольческой армии и ВСЮР с 23 сентября 1918 г.; с 2 ноября 1918 г. командир стрелкового полка 1-й конной дивизии (утв. в должности 3 января 1919 г.), с 22 июля 1919 г. командир 1-й бригады 6-й пехотной дивизии, сентябрь—октябрь 1919 г. командир 1-й бригады Сводно-гренадерской дивизии, на 5 октября 1919 г. врид начальника, затем начальник той же дивизии. Генерал-майор (с 23 мая 1919 г.). Убит 24 декабря 1919 г. (январь 1920 г.) на ст. Абганерово.

²¹⁷ **Князь Черкезов Георгий (Николай?) Дмитриевич**. Сын полковника. Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с сентября 1918 г. в 1-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, 27 сентября 1918 г. переименован в полковника. С октября 1918 г. в пластунском батальоне 1-й конной дивизии, затем помощник командира стрелкового полка той же дивизии, с 22 июля 1919 г. командир стрелкового полка 1-й конной дивизии, затем командир 2-го Кавказского стрелкового полка, с 26 ноября 1919 г. командир 1-й бригады Кавказской стрелковой дивизии.

²¹⁸ **Бабиев Николай Гаврилович**, р. 30 марта 1887 г. в ст. Михайловской Кубанской области. Сын генерал-майора. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1909). Войсковой старшина, командир 1-го Черноморского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии; с 10 января 1918 г. в боях на Кубани. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в дивизионе полк. Кузнецова, в марте 1918 г. взят в плен, но освобожден. Затем в 1-м Лабинском полку, с 18 октября 1918 г. командир Корниловского конного полка, с 14 января 1919 г. (25 сентября 1918 г.) полковник, с 26 января 1919 г. генерал-майор. С 26 января, на 5 октября 1919 г. начальник 3-й Кубанской казачьей дивизии. В Русской Армии начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии и конной группы. Генерал-лейтенант (18 июня 1919 г.). Убит 30 сентября 1920 г. у с. Шолохова.

²¹⁹ В дальнейшем 1-й Кубанский корпус. Сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й конной и 2-й Кубанской дивизий. 26 февраля 1919 г. переименован в 1-й Кубанский. Входил в состав Кавказской армии. После реформирования в него входили 1-я Кубанская, 2-я Терская казачья и 6-я пехотная дивизии, в сентябре — октябре 1919 г. включал Сводно-Гренадерскую дивизию с 2-м гусарским Павлоградским полком, 1-ю Кубанскую казачью дивизию, 2-ю Кубанскую пластунскую бригаду

и 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. К 5 октября 1919 г. корпусу был придан также 4-й дивизион 2-й артиллерийской бригады: 7-я (2 гаубицы) и 8-я (4 гаубицы) батареи и 3-я Кубанская пластунская бригада, и корпус всего насчитывал 6418 штыков, 762 сабли, 172 пулемета и 43 орудия. 21 февраля 1920 г. у Белой Глины погиб весь штаб корпуса, в т. ч. около 70 офицеров. Командиры: ген.-майор бар. П.Н. Врангель (15 ноября — 27 декабря 1918 г.), ген.-лейт. В.А. Покровский (3 января — 26 ноября 1919 г.), ген.-майор П.К. Писарев (врид. 5 октября 1919 г.). Нач. штаба: полк. В.И. Соколовский (с 19 ноября 1918 г.), ген.-майор А.К. Разгонов (24 января — 10 февраля 1919 г.), ген.-майор К.К. Петерс (28 апреля — 22 июля 1919 г.), полк. И.А. Ребдев (сентябрь—октябрь 1919 г.), полк. Бастраков (врид.). Инспектор артиллерии ген.-майор В.А. Стопчанский.

²²⁰ 1-й армейский корпус был сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. С 15 мая 1919 г. включал 1-ю и 3-ю пехотные дивизии, в середине июня 1-ю, 3-ю и 7-ю пехотные дивизии, 1-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (до 1 августа 1919 г.), 3-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион (с 1 августа 1919 г.), отдельную тяжелую тракторную батарею, 1-ю отдельную инженерную роту и 1-ю отдельную телеграфную роту, к 15 сентября 1919 г. 1-ю, 3-ю и 9-ю пехотные дивизии и Сводный полк 1-й отдельной кавалерийской бригады, Горско-мусульманский дивизион, 3-й отдельный тяжелый пушечный тракторный дивизион, корпусное радиотелеграфное отделение, 5-ю отдельную телеграфную роту и отдельную инженерную роту (на 5 октября 1919 г. 256 человек). При нем состояли также 3-й отряд танков (5 танков), броневые автомобили «Генерал Корнилов», «Славный», «Кубанец» и «Генерал Дроздовский». На 5 октября 1919 г. насчитывал всего 15 907 штыков, 831 саблю, 335 пулеметов, 55 орудий. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал Корниловскую, Марковскую, Дроздовскую, Алексеевскую и 9-ю пехотную дивизии. Командиры: ген.-лейт. Б.И. Казанович (15 ноября 1918 г. — 13 января 1919 г.), ген.-лейт. А.П. Кутепов (с 13 января 1919 г.). Нач. штаба: полк. Гейдеман (19—20 ноября 1918 г.; убит), ген.-майор Н.П. Ефимов (6 декабря 1918 г. — март 1919 г.), полк. М.Х. Полеводин (врио до 10 марта 1919 г.), ген.-майор Н.В. Абутков (с 10 марта 1919 г.), ген.-лейт. В.П. Агапеев (сентябрь—октябрь 1919 г.). Инспектор артиллерии ген.-майор И.Т. Беляев (с 17 марта 1919 г.).

²²¹ 2-й армейский корпус был сформирован в Добровольческой армии 15 ноября 1918 г. в составе 1-й (до 15 мая 1919 г.) и 3-й (до 27 декабря 1918 г.) пехотных дивизий. С 21 мая 1919 г. состоял из 5-й и 7-й пехотных дивизий, 1 августа 1919 г. в его состав включен 2-й отдельный тяжелый гаубичный дивизион. С 14 октября 1919 г., после переформирования дивизий, включал также Сводно-гвардейскую дивизию. С 19 сентября 1919 г. составлял основу войск Киевской области, насчитывая 4691 штык при 118 пулеметах и 63 орудиях. Принял участие в Бредовском походе и был интернирован в Польше. С 2 марта 1920 г. включал 5-ю пехотную дивизию и Отдельную гвардейскую бригаду (1-й и 2-й сводные гвардейские полки и сводный артиллерийский дивизион). Расформирован 5 августа 1920 г. Командиры: ген.-лейт. А.А. Боровский (15 ноября — 24 декабря 1918 г.), ген.-инф. В.З. Май-Маевский

(15 февраля — 1 июня 1919 г.), ген.-лейт. М.Н. Промтов. Нач. штаба: ген.-майор А.К. Аппельгрэн (19 ноября 1918 г. — 24 января 1919 г.), кап. Пашковский (врид; 23 января — 5 февраля 1919 г.), ген.-майор В.П. Агапеев (5 февраля — 1 июня 1919 г.), ген.-майор Н.В. Абутков (1 июня — 11 ноября 1919 г.), полк. Галкин (врид; август—октябрь 1919 г.), ген.-майор А.Г. Фалеев (11 ноября 1919 г. — 9 августа 1920 г.). Инспектор артиллерии ген.-майор В.К. Бодиско (с 17 марта 1919 г.).

²²² **Соколовский Василий Иоаникиевич**. Окончил академию Генштаба (1915). Подполковник. В Добровольческой армии и ВСЮР с 23 сентября 1918 г. в 1-й конной дивизии, с 23 октября 1918 г. начальник штаба 1-й конной дивизии, с 11 ноября 1918 г. начальник штаба 1-го конного корпуса, с декабря 1918 г. начальник штаба армейской группы ген. Врангеля, с мая 1919 г. начальник штаба корпуса Шкуро, осенью 1919 г. начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Константиновского военного училища в Болгарии. В эмиграции во Франции, в 1931 г. возглавлял группу Константиновского военного училища. Председатель Объединения Киевлян-Константиновцев в Париже, с 30-х годов начальник Константиновского военного училища. Умер в 1930-х гг. в Париже.

²²³ **Ляхов Владимир Платонович**, р. 20 июня 1869. Окончил 1-й Московский кадетский корпус (1887), Александровское военное училище (1889), академию Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-лейтенант, командир 1-го Кавказского армейского корпуса. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 15 ноября 1918 г. командир 3-го армейского корпуса, с 10 января 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края, с 16 апреля 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с лета 1919 г. в отставке. Убит 30 апреля 1920 г. в Батуми.

²²⁴ **Плющевский-Плющик Юрий Николаевич**, р. 2 июня 1877. Окончил Александровский кадетский корпус (1895), Константиновское военное училище (1898), академию Генштаба (1905). Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады, состоял в прикомандировании к л.-гв. Семеновскому полку. Полковник, 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного Главнокомандующего. В Добровольческой армии с декабря 1917 г. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в штабе армии. С 27 ноября 1918 г. генерал-квартирмейстер штаба армии, январь—ноябрь 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба ВСЮР. Генерал-майор (13 февраля 1919 г.). В эмиграции с 22 марта 1920 г. с ген. Деникиным в Югославии, затем во Франции. Умер 9 февраля 1926 г. в Париже.

²²⁵ **Филимонов Александр Петрович**, р. 1866 в ст. Григорополисской. Окончил Киевский кадетский корпус (1884), Александровское военное училище (1886), Военно-юридическую академию, Археологический институт. Полковник, атаман Лабинского отдела Кубанского казачьего войска, с 1917 г. председатель Кубанского правительства, с 12 октября 1917 г. войсковой атаман Кубанского казачьего войска до 10 ноября 1919 г. Участ-

ник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Генерал-лейтенант. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции в Югославии, председатель Союза Первопоходников. Умер 4 августа 1948 г. в Осеке (Югославия).

²²⁶ **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 в Висбадене. Правнук гетмана Украины в начале XVIII века И.И. Скоропадского. Окончил Пажеский корпус 1893. Офицер л.-гв. конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

²²⁷ **Граф Келлер Федор Артурович**, р. 12 октября 1857 в Курске. Окончил Приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, сдал офицерский экзамен при Тверском кавалерийском юнкерском училище, затем Офицерскую кавалерийскую школу. Произведен в офицеры за боевое отличие (1878). Командир л.-гв. Драгунского полка (1906—1910). Генерал от кавалерии, командир 3-го кавалерийского корпуса. Предполагаемый возглавитель Северной Армии. 19—26 ноября 1918 г. Главнокомандующий всеми вооруженными силами на территории Украины в гетманской армии; в ноябре—декабре 1918 г. в Киеве. Убит петлюровцами 21 декабря 1918 г. в Киеве.

²²⁸ **Миллер Евгений-Людвиг Карлович**, р. 25 сентября 1867 в Динабурге. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Окончил Николаевский кадетский корпус (1884), Николаевское кавалерийское училище (1886), академию Генштаба (1892). Офицер л.-гв. Гусарского полка. Генерал-лейтенант, представитель Ставки при итальянской главной квартире. В белых войсках Северного фронта; с 15 января 1919 г. генерал-губернатор Северной области, член правительства: заведующий отделом иностранных дел Главнокомандующего Северного фронта, с мая 1919 г. Главнокомандующий войсками Северной области, с 10 июня 1919 г. Главнокомандующий войсками Северного фронта, с сентября 1919 г. Главный начальник Северного края, март 1920 г. заместитель председателя ВПСО. В эмиграции Главноуполномоченный Главнокомандующего Русской Армии в Париже, с марта 1922 г. начальник штаба Русской Армии, с ноября 1922 г. помощник Главнокомандующего Русской Армии. 1 сентября — 23 декабря 1924 г. начальник 1-го отдела РОВС, с декабря 1923 г. состоял при Великом Князе Николае Николаевиче, с 29 апреля 1928 г. помощник председателя РОВС, с 26 января 1930 г. председатель РОВС. Состоял также председателем: Объединения офицеров 7-го гусарского полка, Общества взаимопомощи бывших воспитанников Николаевского кавалерийского училища, Общества северян. Похищен советскими агентами в 1938 г. в Париже и расстрелян 11 мая 1939 г. в Москве.

²²⁹ **Юденич Николай Николаевич**, р. 18 июля 1862 в Москве. Из дворян Минской губ., сын директора Землемерного училища. Окончил Московское земледельческое училище (1879), Александровское военное училище (1881), академию Генштаба (1887). Офицер л.-гв. Литовского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий Кавказского фронта. В Северо-Западной армии; с 5 июня 1919 г. Главнокомандующий российскими вооруженными сухопутными и морскими силами в Прибалтийском районе. В эмиграции во Франции. Умер 5 октября 1933 г. в Каннах (Франция).

²³⁰ 2-й Лабинский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии (приказ от 5 ноября 1918 г.). С 14 декабря 1918 г. входил в состав 3-й Кубанской казачьей дивизии, с 6 марта 1919 г. в отряде ген. Виноградова. На 26 мая — 14 июня насчитывал 907 человек. К 5 октября 1919 г. в Отдельной казачьей бригаде, с которой участвовал в Бредовском походе и был интернирован в Польше. Командиры: полк. (ген.-майор) Л.В. Шимкевич (3 января — 8 августа 1919 г.), полк. Рада (с 8 августа 1919 г.), полк. Ерохин (октябрь 1919 г.).

²³¹ Воспоминания П.Н. Шатилова публикуются далее.

²³² **Юзефович Яков Давидович**, р. 1872. Из дворян. Окончил Полоцкий кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1893), академию Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, командир 26-го армейского корпуса, командующий 12-й армией. В Добровольческой армии и ВСЮР с лета 1918 г.; с 1 января 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, командир 3-го конного корпуса, 8 мая — 27 июля 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, затем командир 5-го кавалерийского корпуса, с 28 ноября 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. С апреля 1920 г. руководитель строительством укреплений в Северной Таврии, в июне—сентябре 1920 г. генерал-инспектор конницы. В эмиграции с 1921 г. в Эстонии. Умер 1929 в Тарту.

²³³ **Кусонский Павел Алексеевич**, р. 1880. Окончил Полтавский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1900), академию Генштаба. Полковник, начальник оперативного отдела Ставки ВГК. В Добровольческой армии и ВСЮР; генерал для поручений Главнокомандующего ВСЮР, с 1 января 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба Добровольческой армии; 1919 г. генерал-квартирмейстер штаба группы ген. Врангеля, осенью 1919 г. начальник штаба 5-го кавалерийского корпуса, 1920 г. начальник штаба 2-й армии. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Бельгии, после 1934 г. начальник канцелярии РОВС. Арестован немцами в 1941 г. в Брюсселе. Умер в лагере Бреендонк.

²³⁴ **Петров Василий Петрович**, р. 29 января 1869. Окончил Курское землемерное училище (1889), Военно-топографическое училище (1891), академию Генштаба (1903). Генерал-майор. Начальник штаба 34-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 27 декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 12 января 1919 г. дежурный генерал штаба Кавказской армии до начала 1920 г., затем в резерве чинов ВСЮР, с 17 мая, в августе 1920 г. комендант главной квар-

тиры штаба Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии. Умер в 1929 г. в Белграде.

²³⁵ **Рузский Николай Владимирович**, р. 6 марта 1854. Окончил 1-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию (1870), Константиновское военное училище (1872). Офицер л.-гв. Гренадерского полка. Генерал от инфантерии, главнокомандующий армиями Северного фронта. Убит большевиками 18—19 октября 1918 г. в Пятигорске.

²³⁶ Они были не расстреляны, а зарублены в ночь с 18-го на 19 октября 1918 г. в Пятигорске.

²³⁷ **Шатилов Павел Николаевич**, р. 13 ноября 1881 в Тифлисе. Из дворян, сын генерала. Окончил 1-й Московский кадетский корпус, Пажеский корпус (1900), академию Генштаба (1908). Офицер л.-гв. Казачьего полка. Генерал-майор, генерал-квартирмейстер штаба Кавказского фронта. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР с декабря 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 10 января 1919 г. начальник 1-й конной дивизии, затем командир 3-го и 4-го конного корпуса, с мая 1919 г. генерал-лейтенант, до 22 мая 1919 г. начальник штаба Добровольческой армии, 27 июля — 13 декабря 1919 г. начальник штаба Кавказской армии, с 26 ноября (13 декабря) 1919 г. по 3 января 1920 г. начальник штаба Добровольческой армии; 8 февраля уволен от службы и эвакуирован из Севастополя в Константинополь. С 24 марта 1920 г. помощник Главнокомандующего ВСЮР, с 21 июня 1920 г. начальник штаба Русской Армии. Генерал от кавалерии (с ноября 1920 г.). В эмиграции в Константинополе, состоял при ген. Врангеле, затем во Франции, 1924—1934 гг. начальник 1-го отдела РОВС, на ноябрь 1951 г. почетный председатель объединения л.-гв. Казачьего полка. Умер 5 мая 1962 г. в Аньере (Франция).

²³⁸ Впервые опубликовано: Военно-исторический вестник. № 33. Май 1969 г.

²³⁹ **Павличенко Иван Диомидович**. Из казаков. Произведен в офицеры за боевое отличие из урядников. Сотник 1-го Запорожского полка Кубанского казачьего войска. В Добровольческой армии (перешел от красных с полком) с лета 1918 г. и произведен в подесаулы, с 11 ноября 1918 г. есаул. В январе 1919 г. командир 1-го Запорожского полка, с 27 января 1919 г. полковник, с 23 октября 1919 г. командир 2-й бригады 1-й конной дивизии, с 2 июля 1919 г. генерал-майор, затем командир Кабардинской конной дивизии, на 5 октября 1919 г. врид начальника 1-й конной дивизии. Эвакуирован в декабре 1919 г. — марте 1920 г. На май 1920 г. в Югославии, 1—16 августа 1920 г. возвратился в Русскую Армию в Крым. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии. В середине 1920-х гг. атаман Кубанской станицы в г. Нови-Сад. После 1945 г. в Бразилии, к 1956 г. в Сан-Паулу. Умер 9 августа 1961 г. в Бразилии.

²⁴⁰ **Георгиевич Михаил Милошевич**, р. 1883. Окончил Киевский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище (1903), академию Генштаба (1909), Офицерскую кавалерийскую школу (1910). Полковник, начальник штаба пехотной дивизии (в плену с 1917 г.). В Вооруженных си-

лах Юга России с начала 1919 г. в конном корпусе ген. Врангеля, с января 1919 г. начальник штаба 1-й Кубанской конной дивизии, затем в штабе Кавказской армии, начальник штаба 1-й кавалерийской дивизии, сентябрь—октябрь, до 11 ноября 1919 г. начальник штаба 4-го конного корпуса, затем в штабе Главнокомандующего ВСЮР, командирован к адм. Колчаку, вернулся в Крым; в Русской Армии до эвакуации Крыма, начальник Корниловского военного училища. Генерал-майор (с 29 сентября 1919 г.). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе училища в Югославии. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Австралии, начальник отдела РОВС. Умер 8 мая 1969 г. в Сиднее.

²⁴¹ **Хазов Иван Иванович**, р. 1861. В службе с 1881 г., офицером с 1883 г. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 22 октября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии, с марта 1919 г. командир 2-й Терской пластунской бригады, с 11 августа 1919 г. в резерве чинов при штабе войск Северного Кавказа.

²⁴² **Драценко Даниил Павлович**, р. 1876. Из мещан. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1897), академию Генштаба (1908). Полковник, командир 153-го пехотного полка. В начале 1918 г. командир русского корпуса в Закавказье. В Добровольческой армии и ВСЮР; с февраля 1919 г. командир Терской пластунской бригады, затем начальник 1-й конной дивизии, с 31 мая 1919 г. начальник Астраханского отряда, командующий войсками Западного побережья Каспийского моря, командующий группой войск астраханского направления, с 1920 г. представитель Главнокомандующего ВСЮР в Батуми. В Русской Армии в августе 1920 г. начальник штаба группы войск ген. Улагая во время Кубанского десанта, затем начальник штаба 2-й армии, с 2 сентября до 2 октября 1920 г. командующий 2-й армией. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Югославии, 1931 г. начальник Загребского отдела РОВС и председатель Комитета по сбору средств в Фонд спасения России. Служил в Русском Корпусе. Умер в 1941—1945 гг.

²⁴³ **Алексинский Иван Павлович**, р. 3 мая 1871 в с. Опарине Владимирской губ. Профессор медицины. Член Государственной думы. В Добровольческой армии и ВСЮР; в начале 1919 г. член Ялтинской эвакуационной комиссии, хирург госпиталя в Екатеринодаре. В эмиграции с 1921 г., член Русского Совета. Умер 28 августа 1945 г. в Касабланке (Марокко).

²⁴⁴ Публикуемые здесь воспоминания марковцев приводятся по книге подполковника В.Е. Павлова, составленной по запискам и дневникам более 100 чинов марковских частей: Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 годов. Т. 1. Париж, 1962.

²⁴⁵ **Тимченко-Островерхов Михаил Васильевич**, р. 20 января 1886. Окончил Школу прапорщиков (1916). Поручик л.-гв. Гренадерского полка. В Добровольческой армии; январь 1918 г. в 3-й офицерской (гвардейской) роте, был ранен. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в гвардейском взводе 3-й роты Офицерского полка, затем в 1-м Офицерском (Марковском) полку, затем в Сводно-гвардейском полку, ранен 2 октября 1918 г. под Армавиром. В августе—сентябре 1919 г. начальник команды

конных разведчиков батальона л.-гв. Гренадерского полка во 2-м Сводно-гвардейском полку, затем в 1-м Сводно-гвардейском полку. Штабс-капитан. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон». В эмиграции во Франции. Умер 21 июля 1955 г. в Париже.

²⁴⁶ **Ходаковский Николай Николаевич (Ходак-Ходаковский)**, р. 25 октября 1879 в Кубанской области. Из дворян. Окончил Киевский кадетский корпус (1898), Павловское военное училище (1900). Генерал-майор, начальник 42-й пехотной дивизии. В Добровольческой армии с 30 августа 1918 г. в резерве чинов при штабе армии. 9—26 октября 1918 г. командир Марковского полка, в октября 1918 г. ранен и оставил полк, с 26 октября 1918 г. начальник войск Невинномысского района, с 18 ноября командир 2-й отдельной пластунской бригады и левого участка 3-го армейского корпуса, с 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской Добровольческой армии, затем командир бригады 3-й пехотной дивизии, с 14 марта 1919 г. в резерве чинов при штабе Крымско-Азовской армии, с 21 марта 1919 г. комендант крепости Керчь, с 30 июля 1919 г. Керчь-Еникальский градоначальник с оставлением в прежней должности.

²⁴⁷ **Пиллер Валентин Яковлевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии в 9-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, с июля 1918 г. командир роты. Ранен 14 сентября 1918 г. под Армавиром, но остался в строю; 16 октября — 2 ноября 1918 г. и с 16 ноября 1918 г. командир 12-й роты того же полка. Убит 12 февраля 1919 г. в Донбассе.

²⁴⁸ **Залесский Анатолий Дмитриевич**. Штабс-капитан. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в 12-й роте 1-го Офицерского (Марковского) полка, 4—15 ноября и с 16 декабря 1918 г. командир той же роты.

²⁴⁹ **Мальшев Иван Васильевич**. Подпоручик. В Добровольческой армии; с октября 1918 г. в пулеметной команде 1-го Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР и Русской Армии в марковских частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии. Капитан.

²⁵⁰ **Стаценко Василий Павлович**. Окончил Александровское военное училище 1916. Подпоручик 21-го Сибирского стрелкового полка. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в Марковском полку; в сентябре 1918 г., июле 1919 г. в пулеметной и учебной командах 1-го Офицерского (Марковского) полка, начальник пулеметной команды, с 30 сентября 1919 г. штабс-капитан (одновременно с чином поручика), в январе 1920 г. командир батальона во 2-м Марковском полку. В Русской Армии в Марковской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в составе Марковского полка в Галлиполи. Капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка во Франции. В эмиграции. Умер 7 апреля 1970 г. в Кито (Эквадор).

²⁵¹ Публикуемые здесь материалы представляют собой воспоминания офицеров Марковской артиллерийской бригады. Впервые опубликовано: Марковцы-артиллеристы. 50 лет верности России. Париж, 1967.

²⁵² **Сергеев Василий**. Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») по-

хода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде, сентябрь 1919 г. начальник пулеметной команды. Поручик. Убит 14 октября 1919 г. у д. Афанасьевки в районе Ельца.

²⁵³ **Сорокин Леонид Федорович.** В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; в феврале—марте 1918 г. в 4-й батарее, затем в 1-й Офицерской батарее, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма; сентябрь 1920 г. в 3-й батарее. Штабс-капитан. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. В эмиграции во Франции. Умер около 14 февраля 1933 г. в Париже.

²⁵⁴ **Целибеев Николай Николаевич** (1-й). Прапорщик. В Добровольческой армии; участник экспедиции в Екатеринодар. Взят в плен и в январе—мае 1918 г. сидел в Новороссийской тюрьме. Во ВСЮР в 1-м легком артиллерийском дивизионе и 1-й артиллерийской бригаде, в марте 1919 г. переведен из 1-й в 4-ю батарею. Подпоручик и поручик с 30 сентября 1919 г. В Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. поручик 2-й батареи). Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Капитан. Умер 5 октября 1955 г. в Париже.

²⁵⁵ **Кашинцев Владимир Андреевич.** В Добровольческой армии с 1917 г. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 3-й батарее). Поручик. Дважды ранен. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции в Болгарии, во Франции. Умер 31 марта 1927 г. в Ницце (Франция).

²⁵⁶ **Харламов Александр Николаевич.** Прапорщик. В Добровольческой армии; участник экспедиции в Екатеринодар. В январе—мае 1918 г. в плену в Новороссийской тюрьме, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 1-й батарее). Подпоручик. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

²⁵⁷ **Суханов Юрий.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, фельдфебель пешего взвода 1-й батареи, затем в 1-й батарее 1-го легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона. Убит 13 октября 1918 г. под Армавиром.

²⁵⁸ **Буякович Юрий.** Кадет. В Добровольческой армии; участник экспедиции в Екатеринодар, в январе—мае 1918 г. в плену в Новороссийске, затем в Марковской артиллерийской бригаде, октябрь 1918 г. в 1-й батарее. Прапорщик. Ранен 1 ноября 1918 г. В Вооруженных силах Юга России в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Ранен. Эвакуирован 8 марта 1920 г. из Новороссийска на корабле «Херсон».

²⁵⁹ **Хренов Александр.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Убит до сентября 1920 г.

²⁶⁰ **Левиков Всеволод Павлович.** Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 5 ноября 1918 г. командир 1-й отдельной легкой гаубичной батареи, с которой вошел в Марковскую артиллерийскую бригаду, с августа 1919 г. по сентябрь 1920 г. командир 7-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде.

²⁶¹ **Леонтьев Александр Михайлович.** Подпоручик. В Добровольческой армии в 1-м легком артиллерийском дивизионе, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (осенью 1919 г. в 3-й батарее). Капитан. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона во Франции. В эмиграции в Бельгии. Умер 27 декабря 1985 г. в Брюсселе. Соч.: главы истории Марковской артиллерийской бригады.

²⁶² **Никитин Михаил Иванович.** Подпоручик. В Добровольческой армии в 1-м легком артиллерийском дивизионе, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии. Капитан.

²⁶³ **Ледковский Андрей Михайлович.** Подпоручик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; февраль—март 1918 г. в 4-й, затем в 1-й батарее, с 21 ноября 1918 г. в 3-й батарее 1-й артиллерийской бригады, с 22 июля 1919 г. поручик. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде. Штабс-капитан (с 30 сентября 1919 г.).

²⁶⁴ **Лопин Павел Петрович.** Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 28 ноября 1919 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею 1-го легкого артиллерийского дивизиона (штабс-капитан). В Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 3-й батарее). Капитан. Галиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона в Болгарии.

²⁶⁵ **Качалин Владимир Иванович.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в отдельной батарее; 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею 1-го легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона. Подпоручик.

²⁶⁶ **Парышев Иосиф.** Прапорщик. В Добровольческой армии в 1-м легком артиллерийском дивизионе, 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею, затем в Марковской артиллерийской бригаде. Поручик. Убит до сентября 1920 г.

²⁶⁷ **Бобынин Владимир Александрович.** Прапорщик. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, затем в 1-м легком артиллерийском дивизионе, с 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в

3-ю батарею. Во ВСЮР в Марковской артиллерийской бригаде. Подпоручик (с 14 декабря 1919 г.).

²⁶⁸ **Макаревич Николай.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 21 ноября 1918 г. из 1-й переведен в 3-ю батарею, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (сентябрь 1920 г. в 3-й батарее). Штабс-капитан. В эмиграции. Умер до 1967 г.

²⁶⁹ **Афанасьев Валентин Николаевич.** Юнкер Михайловского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 21 ноября 1918 г. переведен из 1-й в 3-ю батарею, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. штабс-капитан 3-й батарее). Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона во Франции. Капитан. Умер до 1967 г.

²⁷⁰ **Щавинский Вадим Всеволодович.** Из дворян, сын генерала. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1914), Михайловское артиллерийское училище (1915). Поручик 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с июня 1918 г. в 1-й батарее, с 21 ноября 1918 г. старший офицер 3-й батареи 1-го отдельного легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона, с 9 декабря 1919 г. командир 3-й батареи Марковской артиллерийской бригады, сентябрь 1920 г. подполковник, старший офицер 4-й батареи той же бригады до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского арtdивизиона во Франции. В эмиграции в Париже (Клиши), с 1934 г. командир Марковской артиллерийской бригады, член правления Общества Галлиполийцев. С 1964 г. начальник 1-го отдела РОВС и 2-й заместитель начальника РОВС, председатель Общества Галлиполийцев. Умер 29—30 января 1976 г. в Париже.

²⁷¹ **Полубинский Николай Иосифович,** р. 4 апреля 1899. Из дворян Курской губ. Окончил Сумский кадетский корпус (1917). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с 15 ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Чернецовец. С 12 марта 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, с 13 августа 1918 г. начальник пулеметной команды, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе, с 9 мая 1919 г. подпоручик, с 23 мая 1919 г. поручик, с 14 июля 1920 г. штабс-капитан, с 1 октября 1920 г. командир взвода 1-й батареи Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, 29 января 1921 г. разжалован в канониры на 1 год с переводом в Корниловскую артиллерийскую бригаду. Осенью 1925 г. в составе Корниловского арtdивизиона во Франции. Подпоручик. Пропал без вести до 1967 г.

²⁷² **Сокольский Михаил Николаевич.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юн-

керской батарее, январь 1918 г. участник экспедиции в Царицын; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 1-й батарее). Штабс-капитан. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. В эмиграции пропал без вести до 1967 г.

²⁷³ **Кислицын Александр.** Юнкер. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, январь 1918 г. участник рейда партизанского отряда полк. Чернецова. С 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. телефонист 1-й (Марковской) батареи 1-го легкого артиллерийского дивизиона. Убит 19 декабря 1918 г. в с.Калиновка в районе Спицевка-Грушевка под Ставрополем.

²⁷⁴ Имеется в виду прапорщик Сергей Павлов.

²⁷⁵ **Меньков Василий.** В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, доброволец в 1-м Офицерском полку, с мая 1918 г. в 1-й батарее. Прапорщик. Взят в плен и сожжен живьем 19 декабря 1918 г. в с. Падинском Ставропольской губ.

²⁷⁶ **Степанов Павел.** Юнкер артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее. Прапорщик (с февраля 1918 г.), телефонист 1-й батареи 1-го легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона. Взят в плен и сожжен живьем 19 декабря 1918 г. в с. Падинском Ставропольской губ.

²⁷⁷ **Полухин Яков Тимофеевич**, р. 24 марта 1895. Окончил Реальное училище, Константиновское артиллерийское училище (1916). Прапорщик 26-го мортирного артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии; участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. В декабре 1918 г. в 1-й гаубичной батарее 1-го артиллерийского дивизиона. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма (сентябрь 1920 г. в 7-й батарее). Подпоручик. Дважды ранен. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона во Франции. Поручик. Штабс-капитан. Доброволец армии ген. Франко. Убит в августе 1937 г. в районе Кинто де Эбро под Сарагосой.

²⁷⁸ **Порецкий Иван Михайлович** (1-й), р. 5 января 1894. Во ВСЮР и Русской Армии в Марковской артиллерийской бригаде (декабрь 1918 г. поручик гаубичной батареи, ранен, сентябрь 1920 г. штабс-капитан 2-го дивизиона) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Штабс-капитан. В эмиграции с 1934 г. активист НОРР. После 1945 г. во Франции. Умер 16 января 1963 г. в Париже.

²⁷⁹ Имеется в виду полковник Ромуальд Ленартович.

²⁸⁰ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 8. Май 1962 г.

²⁸¹ **Раскин Анатолий Михайлович**, р. 1898. Санкт-Петербургский институт путей сообщения (не окончил). Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в Юнкерской батарее, участник рейда партизанского отряда полк. Чернецова; с 12 февра-

ля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, на 21 марта 1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Во ВСЮР и Русской Армии в 4-й батарее Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского артиллерийского дивизиона во Франции. В эмиграции там же и в Бельгии. Умер в 1957 г. в Брюсселе.

²⁸² **Гиацинтов Эраст Николаевич**, р. 10 ноября 1894 в Царском Селе. Сын действительного статского советника. Окончил Николаевский кадетский корпус (1912), Константиновское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с сентября 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого артиллерийского дивизиона, с февраля 1919 г. на бронепоезде «Генерал Корнилов», с августа 1919 г. начальник связи и команды конных разведчиков 2-го дивизиона Марковской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Подполковник. Служил во французском Иностранном легионе. Окончил политехнический институт в Праге, затем инженер во Франции, с 1951 г. в США. Член КИАФ. Умер 18 января 1975 г. в Сиракузах (США).

²⁸³ В настоящем издании публикуется фрагмент главы из книги: Гиацинтов Э. Записки белого офицера. СПб., 1992.

²⁸⁴ **Корбутовский Петр Алексеевич**. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1911), Михайловское артиллерийское училище (1914). Штабс-капитан 3-й гренадерской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР с сентября 1918 г. во 2-й батарее 1-го легкого (Марковского) артиллерийского дивизиона, с 6 ноября 1919 г. капитан. Затем старший офицер 5-й батареи в Корниловской артиллерийской бригаде. Подполковник. Ранен 5 раз. В эмиграции в Болгарии, окончил Софийский университет, Духовную академию, преподаватель русской гимназии. В 1945—1955 гг. в лагерях Воркуты. Вернулся в Болгарию, затем во Францию. Умер 1 июля 1966 г. в Париже.

²⁸⁵ **Илькевич Николай Андреевич**, р. 17 июня 1868 в Ахалцихе. Из дворян Херсонской губ. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1886), Михайловское артиллерийское училище (1889), академию Генштаба (1894). Офицер л.-гв. 3-й и 1-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, инспектор артиллерии Особой армии. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии с сентября 1918 г.; с 15 октября 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, затем председатель комиссии по рассмотрению наградных представлений на офицеров и классовых чинов, с 13 января 1919 г. инспектор артиллерии ВСЮР. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Эвакуирован на корабле «Сцегад». В эмиграции в Югославии. Председатель Общества офицеров-артиллеристов в Белграде, на 22 ноября 1931 г. действительный член Общества гг. офицеров л.-гв. 1-й артиллерийской бригады в Югославии. Умер 1 декабря 1932 г. в Белграде.

²⁸⁶ Впервые опубликовано: Кравченко В. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Т. 1. Мюнхен, 1973.

²⁸⁷ **Шумов Владимир Александрович**, р. 1873. В службе с 1893 г., офицером с 1896 г. Полковник 12-го уланского полка. В январе 1918 г. формиро-

вал добровольческий отряд в Кишиневе. В Добровольческой армии с 24 июня 1918 г. во 2-м конном полку. Умер от тифа 8 апреля 1919 г. в Ростове.

²⁸⁸ Кавказский офицерский полк. Сформирован во ВСЮР. Входил в состав 2-й пехотной дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 717 штыков при 16 пулеметах. Располагался в тыловом районе Добровольческой армии. Командиры: ген.-майор М.Я. Бурневич (до 15 декабря 1918 г.), ген.-майор Ушак (с 10 января 1919 г.), полк. П.А. Бородаевский (с октября 1919 г.), полк. Кириллов (ноябрь 1919 г.).

²⁸⁹ Ротмистр Сыкалов был офицером 7-го драгунского Кинбурнского полка.

²⁹⁰ Кобаров Михаил Алексеевич. Окончил Тверское кавалерийское училище (1907). Офицер 7-го драгунского полка. В Добровольческой армии; участник похода Яссы—Дон. В Вооруженных силах Юга России во 2-м конном (Дроздовском) полку: командир 3-го офицерского эскадрона; в Русской Армии сформировал из чинов полка дивизион, вошедший в состав Дроздовской дивизии. Полковник. В эмиграции в Болгарии и Новой Зеландии. Умер 10—11 июня 1962 г. в Веллингтоне (Новая Зеландия).

²⁹¹ Май-Маевский Владимир Зенонович, р. 1867. Из дворян. Окончил 1-й кадетский корпус (1885), Николаевское инженерное училище (1888), академию Генштаба (1896). Офицер л.-гв. Измайловского полка. Генерал-майор, командующий 1-м гвардейским корпусом. В Добровольческой армии с 1918 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего, с 19 ноября 1918 г. врид командующего 3-й дивизией, с декабря 1918 г. начальник 3-й пехотной дивизии, 15 февраля — 1 июня 1919 г. командир 2-го армейского корпуса, с апреля 1919 г. командующий Донецкой группой войск, 22 мая — 27 ноября 1919 г. командующий Добровольческой армией, с 26 ноября 1919 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант. Умер 30 октября 1920 г. в Севастополе.

²⁹² Маслов Лев Львович, р. около 1896. Окончил Орловский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Поручик. Участник похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии, ВСЮР в 3-й гаубичной батарее, с 27 января 1919 г. штабс-капитан, с 29 января 1919 г. капитан, затем в Дроздовской артиллерийской бригаде (осенью 1919 г. командир 6-й батареи) до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского артдивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе. После 1945 г. в Германии. Умер 12 сентября 1959 г. в Розенхайме (Германия).

²⁹³ Прапорщик Уласюк в Добровольческой армии служил в 1-й (затем 3-й) гаубичной батарее 3-й дивизии. Тяжело ранен 31 октября 1918 г. под Ставрополем, затем подпоручик, начальник орудия 7-й батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Тяжело ранен 25 сентября 1919 г. под Комаричами. В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Штабс-капитан. Эвакуирован на транспорте «Ялта».

²⁹⁴ Де Полаини Борис Брониславович. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Полковник. В Добровольческой армии и ВСЮР; октябрь 1918 г. в 3-й гаубичной батарее 3-й (Дроздовской) артиллерийской брига-

ды, с 4 января 1919 г. в тяжелой батарее, с 24 апреля 1919 г. командир 8-й батареи, с 23 октября 1919 г. командир 3-го отдельного тяжелого гаубичного артиллерийского дивизиона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец, начальник Гимнастическо-фехтовальной школы. Осенью 1925 г. в составе Алексеевского артдивизиона (прикомандирован к 1-й Галлиполийской роте) во Франции. Умер около 19 апреля 1969 г.

²⁹⁵ 1-й Таманский полк Кубанского казачьего войска. Полк Императорской армии. Возрожден в Добровольческой армии. С 11 ноября 1918 г. входил в состав 3-й Кубанской казачьей дивизии. На 5 октября 1919 г. насчитывал 120 сабель, 8 пулеметов. Командиры: полк. Д.В. Репников (4 ноября — 6 декабря 1918 г.), полк. Гречкин (с 10 января 1919 г.).

²⁹⁶ **Хораб Генрих Иванович.** Бомбардир. Участник похода Яссы—Дон в бронепоезде, шофер бронепоезда «Верный». В Добровольческой армии, ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в 3-м батальоне Технического полка в Галлиполи. Фельдфебель.

²⁹⁷ Фамилия искажена. **Бурневич Матвей Яковлевич**, р. 1872. Окончил Восточный институт (1910). Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР; командир Кавказского офицерского полка, с 15 декабря 1918 г. командир бригады 2-й пехотной дивизии, сентябрь—октябрь 1919 г. командир Сводного Сибирского стрелкового полка, 1919 г. командующий войсками ВСЮР в Сочинском округе, март 1920 г. начальник обороны Черноморского побережья.

²⁹⁸ Вольноопределяющийся унтер-офицер **Кобенин** был участником похода Яссы—Дон на бронепоезде «Верный».

²⁹⁹ Подпоручик **Муромцев** был участником похода Яссы—Дон на бронепоезде «Верный». В Добровольческой армии в августе 1918 г. на том же бронепоезде. Ранен. Во ВСЮР и Русской Армии во 2-м бронепоездном дивизионе до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован из Севастополя на корабле «Дооб».

³⁰⁰ **Поручик Бочковский** был участником похода Яссы—Дон на бронепоезде «Верный». Ранен в августе 1918 г. В августе 1919 г. командир того же бронепоезда. Убит 12 августа 1919 г. (?).

³⁰¹ **Мамонтов Сергей Иванович**, р. в феврале 1898. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1917). Прапорщик 64-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады. Поручик. В эмиграции во Франции. Умер 3 марта 1987 г. в Каннах (Франция).

³⁰² В настоящем издании публикуются фрагменты книги: Мамонтов С. Походы и кони. Париж, 1981.

³⁰³ **Коленковский Сергей П.** Окончил Одесский кадетский корпус (1906), Павловское военное училище. Капитан 5-й резервной и 64-й артиллерийских бригад. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, затем в 1-м конно-артиллерийском дивизионе, командир 2-й конной батареи. Полковник (25 февраля 1919 г.). Умер от тифа 14 сентября 1919 г. в Крыму.

³⁰⁴ **Мамонтов Федор Иванович.** Поручик Перекопского пехотного полка. Участник боев в Москве. В Добровольческой армии с августа 1918 г. в 1-й конно-горной батарее, с апреля 1919 г. во 2-й конной батарее Дроздовской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Умер в декабре 1920 г. в Константинополе.

³⁰⁵ **Шапиловский Владимир Павлович,** р. 15 июля 1886. Из дворян Ярославской губ., сын офицера. Окончил Нижегородский кадетский корпус, Константиновское артиллерийское училище. Капитан 53-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. командир взвода, декабрь 1918 г. старший офицер 1-й конно-горной батареи, с апреля 1919 г. командир 2-й конной батареи в Дроздовской артиллерийской бригаде. Полковник (к декабрю 1918 г.). В Русской Армии в той же бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона в Чехословакии. В эмиграции там же, до 1930-х гг. член Общества Галлиполицев, 1937 г. зам. председателя Союза инвалидов в Чехословакии, к 1934 г. член СУВВ в Праге. Умер в 1954 г. в Праге.

³⁰⁶ Капитан 64-й артиллерийской бригады Мей был участником похода Яссы—Дон. В Добровольческой армии осенью 1918 г. в 1-й конно-горной батарее. Убит 11 марта 1919 г. в хут. Ольховатке в Донбассе.

³⁰⁷ **Андреевский Всеволод Иванович.** Окончил Одесский кадетский корпус (1913), Михайловское артиллерийское училище. Офицер 9-й Сибирской артиллерийской бригады. В Добровольческой армии и ВСЮР; старший офицер конной батареи Дроздовской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в США. Умер 23 ноября 1961 г. в Нью-Йорке.

³⁰⁸ **Шеффер Владимир Эдуардович,** р. 1891. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Капитан. В Добровольческой армии; летом — осенью 1918 г. в Дроздовской конно-горной батарее. В эмиграции. Служил в Русском Корпусе (лейтенант). Ранен в 1945 г. После 1945 г. в США. Умер 19 ноября 1968 г. в Каракасе (Венесуэла).

³⁰⁹ Впервые опубликовано: Наши Вести. № 263. Март 1968 г.

³¹⁰ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 35. Август 1964 г.

³¹¹ **Пух Роман Филиппович.** Штабс-капитан. В Добровольческой армии с ноября 1917 г. в офицерском отряде полк. Симановского. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, командир 3-й офицерской роты Корниловского полка. Тяжело ранен в сентябре 1918 г. под Ставрополем. В начале 1920 г. помощник командира 3-го Корниловского полка, с августа 1920 г. командир того же полка до эвакуации Крыма. Ранен. Галлиполиец, с 24 декабря 1921 г. командир 1-й роты Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе полка в Болгарии. Подполковник. В эмиграции в Люксембурге. Полковник, начальник подотдела 5-го отдела РОВС. Священник. Умер 17 июня 1958 г. в Люксембурге.

³¹² **Емельянов Ефим Федотович,** р. 1867. В службе с 1887 г., офицером с 1890 г. Полковник. В Добровольческой армии; осенью 1918 г. коман-

дир 1-го батальона Партизанского Алексеевского полка. Во ВСЮР и Русской Армии командир роты во 2-й Севастопольской команде выздоравливающих до эвакуации Крыма. Эвакуирован на транспорте «Ялта». В эмиграции. Соч.: воспоминания.

³¹³ Впервые опубликовано: Партизанский генерала Алексеева пехотный полк. 1917—1920. Сборник. Первопоходник. № 21. Октябрь 1974.

³¹⁴ **Дядюра Владимир Яковлевич.** Подполковник, командир роты 3-й Киевской школы прапорщиков. В Добровольческой армии с ноября 1917 г., начальник 3-й Киевской школы прапорщиков, командир отряда юнкеров. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Партизанском полку. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Полковник. Галлиполиец. В сентябре 1922 г. в Болгарии, осенью 1925 г. в составе Алексеевского полка во Франции. В эмиграции во Франции. Умер 14 января 1926 г. в сан. Берк-Пляж (Франция).

³¹⁵ Приводимые воспоминания корниловцев были опубликованы в сборниках, составленных М.А. Критским (Корниловский ударный полк. Париж, 1936) и М.Н. Левитовым (Материалы для истории Корниловского ударного полка. Париж, 1974).

³¹⁶ **Молодкин Иван Иванович.** Подполковник. В Добровольческой армии (в марте 1918 г. освобожден из тюрьмы в ст. Усть-Лабинской) в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода; в сентябре 1918 г. командир батальона Корниловского полка.

³¹⁷ **Яремчук Антоний Прокофьевич (2-й).** Окончил Николаевское военное училище. Прапорщик 321-го пехотного полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции, 1932 г. начальник группы Корниловского полка и РОВС в Клермон-Ферране. Доброволец армии ген. Франко в Русском отряде испанской армии. Во время Второй мировой войны в итальянской армии в России. Капитан испанской армии, директор радиопередач РНО. Умер 14 марта 1985 г. в Мадриде.

³¹⁸ **Граков Владимир Николаевич.** Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 13 июля 1919 г. штабс-капитан. Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Тяжело ранен. Капитан. На 18 декабря 1920 г. в комендантской команде Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. начальник команды пеших разведчиков того же полка. Подполковник. Застрелился 22 февраля 1922 г. в Горно-Паничерево (Болгария).

³¹⁹ **Чернов Авксентий Николаевич.** Во ВСЮР и Русской Армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. На 18 декабря 1920 г. в пулеметной роте Корниловского полка в Галлиполи. Подпоручик. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка во Франции. Капитан.

³²⁰ **Камионко Игнатий Доминикович.** Полковник 80-го пехотного полка. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в Корниловском полку,

командир 1-го батальона полка, затем формировал Апшеронский пехотный полк, с 23 мая 1919 г. командир 84-го пехотного Ширванского полка. Погиб в начале 1919 г. на Кавказе.

³²¹ **Гордиенко Карп Павлович**, р. 1891. Окончил Ялтинскую гимназию, Владимирское военное училище (1914). Полковник Сибирского стрелкового полка, врид командира 13-го Особого полка. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку; с 28 октября 1918 г. командир офицерской роты полка, в июле 1919 г. командир батальона в 1-м Корниловском полку, с сентября 1919 г. командир того же полка. В Русской Армии на той же должности до эвакуации Крыма. Орд. Св. Николая Чудотворца. На 18 декабря 1920 г. в штабе Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. помощник командира Корниловского полка. Осенью 1925 г. в составе того же полка в Болгарии. В эмиграции во Франции, фермер. Умер 29 июля 1969 г. в Грассе (Франция).

³²² **Сазонов Сергей Дмитриевич**, р. 29 июля 1860. Окончил Александровский лицей (1883). Министр иностранных дел. Представитель правительства адм. Колчака, член Особого Совещания ВСЮР. В эмиграции во Франции. Умер 24 декабря 1927 г. в Ницце.

³²³ **Корнилова Наталия Лавровна** (в зам. Шапрон дю Ларрэ). Дочь генерала Л.Г. Корнилова. В Добровольческой армии и ВСЮР с ноября 1917 г.; сестра милосердия. В эмиграции в Бельгии. Умерла 24 января 1983 г. в Брюсселе.

³²⁴ **Неженцев Митрофан Осипович**, р. 1886. Сын коллежского асессора. Окончил Николаевскую гимназию, Александровское военное училище (1908) академию Генштаба (1914). Подполковник, командир 1-го Ударного полка. Участник боев в Киеве в октябре 1917 г. В Добровольческой армии; 19 декабря 1917 г. привел в Новочеркасск остатки полка и стал командиром Корниловского ударного полка. Полковник. участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Убит 29 (30) марта 1918 г. под Екатеринодаром.

³²⁵ **Бабиев Гавриил Федорович**, р. 18 марта 1860. Из казаков Кубанской области. Окончил Ставропольское казачье юнкерское училище. Офицер Кубанского гвардейского дивизиона. Генерал-майор, командир бригады 1-й Кубанской казачьей дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в Кубанской дружине; с 1 августа 1918 г. в резерве чинов Кубанского казачьего войска. Генерал-лейтенант. Умер 1921 г. на о. Лемнос (погребен во Вранье, Югославия).

³²⁶ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 28. Январь 1964 г.

³²⁷ Автор публикуемых ниже воспоминаний, прапорщик А. Чуйков, осенью 1918 г. служил в 1-й батарее 2-й (затем Корниловской) артиллерийской бригады. Умер в эмиграции после 1969 г.

³²⁸ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 86—87. Декабрь 1968 г.

³²⁹ **Мутсо Карл Иванович**. Окончил Виленское военное училище (1911). Капитан 137-го артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии; апрель 1918 г. в 1-й батарее. Во ВСЮР и Русской Армии в Корни-

ловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Галлиполиец. В феврале 1921 г. во 2-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Полковник. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона в Эстонии. В эмиграции в Эстонии, начальник артиллерийской дивизии эстонской армии. За мучен красными в 1941 г. в тюрьме в Юрьеве.

³³⁰ **Королев Федор Павлович**, р. 1888. Окончил Тифлисское военное училище (1912). Капитан 52-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода во 2-й офицерской батарее. В сентябре 1918 г. командир 1-й батареи, с ноября 1919 г. командир 1-го дивизиона Корниловской артиллерийской бригады до эвакуации Крыма. Полковник (к сентябрю 1918 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В феврале 1921 г. в 1-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона в Болгарии. Умер в ноябре 1970 г. (январь 1971 г.) в СССР.

³³¹ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 90. Май—июнь 1969 г.

³³² Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 88. Январь—февраль 1969 г.

³³³ Речь идет о воспоминаниях В. Гегца, помещенных в сборнике «На службе Отечества». Сан-Франциско, 1963.

³³⁴ **Кочетков Константин Петрович**. Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР во 2-й артиллерийской бригаде. Ранен в июле 1918 г. под Армавиром. В Русской Армии в Корниловской артиллерийской бригаде до эвакуации Крыма. Капитан (с 30 сентября 1919 г.). Галлиполиец. В феврале 1921 г. в 1-й батарее Корниловского артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе того же дивизиона во Франции.

³³⁵ **Гегц Викентий Иванович**, р. 19 февраля 1889 в Витебске. Окончил Реальное училище в Двинске, Виленское военное училище (1911). Капитан, командир батареи 137-го артиллерийского дивизиона. В Добровольческой армии с апреля 1918 г., рядовой 1-й батареи, начальник орудия, с весны 1919 г. старший офицер 4-й батареи 1-й артиллерийской бригады, затем командир той же батареи, к ноябрю 1919 г. командир 6-й батареи Корниловской артиллерийской бригады. В Русской Армии до эвакуации Крыма. Орден Св. Николая Чудотворца. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, возглавлял группу Корниловской артиллерийской бригады в Софии. Служил в Русском Корпусе. С 1950 г. в Норвегии, с 1956 г. в США. Умер 22 февраля 1968 г. в Нью-Йорке.

³³⁶ Впервые опубликовано: Корниловцы. Юбилейная памятка. Париж, 1967.

³³⁷ **Слащев Яков Александрович**, р. 29 декабря 1885 в Санкт-Петербурге. Из дворян, сын офицера. Окончил Реальное училище в Санкт-Петербурге (1903), Павловское военное училище (1905), академию Генштаба (1911). Полковник, командир л.-гв. Московского полка. В Добровольческой армии с 18 января 1918 г., в июне 1918 г. начальник штаба отряда Шкуро, с июля 1918 г. командир Кубанской пластунской бригады, с 15 ноября 1918 г. начальник 1-й Кубанской пластунской отдельной бригады, затем на-

чальник штаба 2-й Кубанской казачьей дивизии, с апреля 1919 г. генерал-майор, начальник 5-й пехотной дивизии, со 2 августа 1919 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с ноября 1919 г. командир 3-го армейского корпуса, с марта 1920 г. командир 2-го армейского корпуса, с 19 августа 1920 г. в распоряжении Главнокомандующего. Генерал-лейтенант (с марта 1920 г.). В эмиграции, с 21 декабря 1920 г. в отставке. 3 ноября 1921 г. вернулся в СССР и служил в Красной армии. Убит 11 января 1929 г. в Москве.

³³⁸ В данном случае имеется в виду 1-й Офицерский (Марковский) полк.

³³⁹ **Фон Вирен Роберт Эдуардович**, р. 1891 в Ревеле. Окончил Морской корпус (1912). Лейтенант Черноморского флота. В Добровольческой армии; август 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», после октября 1918 г. на бронепоезде «Дмитрий Донской», с марта 1919 г. на Каспийской флотилии: апрель 1919 г. на «Успехе», 15 июля — 22 сентября 1919 г. командир канонерской лодки «Надежда», 18 сентября 1919 г. тяжело ранен, в 1920 г. командир канонерской лодки «Салгир». 21 ноября 1920 г. командир канонерской лодки «Грозный». Орд. Св. Николая Чудотворца. Эвакуирован с флотом в Бизерту. Старший лейтенант. В эмиграции во Франции, с 1935 г. в Эстонии (в Ревеле), с 1940 г. в Германии, служил в германской армии. Умер 23 марта 1953 г. в Бонне.

³⁴⁰ Впервые опубликовано: Морской журнал. № 111. Март 1937 г.

³⁴¹ **Макаров Анатолий Дмитриевич** (3-й), р. 1888. Окончил Морской корпус (1908) (офицером с 1909 г.). Старший лейтенант линейного корабля «Иоанн Златоуст». В декабре 1917 г. ранен при расстреле на Малаховом кургане. В Добровольческой армии; весной 1918 г. старший офицер и с сентября 1918 г. командир морского бронепоезда («Адмирал Непенин»). Убит 14 октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

³⁴² **Варгасов Николай Павлович**, р. 1892. Окончил Морской корпус (1913). Лейтенант линкора «Иоанн Златоуст». В Добровольческой армии на бронепоезде «Адмирал Непенин». Убит 14 (15) октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем.

³⁴³ Речь идет о мичмане **Николае Туцевиче** (офицер с 1916 г.).

³⁴⁴ **Новиков Борис Леонидович**, р. 1888. Окончил Морской корпус (1909) (офицером с 1910 г.). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», с 27 марта 1919 г. старший лейтенант, декабрь 1919 г. командир канонерской лодки «Страж», с марта 1920 г. командир вооруженного ледокола «Гайдамак» 2-го отряда судов Черноморского флота, затем командир эсминца «Беспокойный». Капитан 2-го ранга (26 октября 1920 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Эвакуировался с флотом в Бизерту (Тунис). На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции художник и архитектор в Бейруте. В начале 1930-х гг. член кают-компании в Бейруте, 1933—1938 гг. подписчик «Морского журнала». Умер 16 июня 1966 г. в Бейруте.

³⁴⁵ **Мацылев Николай Александрович**, р. 1890. Окончил Морской корпус (1911). Лейтенант. В Добровольческой армии и ВСЮР; 1918 г. на морском бронепоезде «Адмирал Непенин». 1919—1920 гг. на Каспийской флотилии: летом 1919 г. командир парохода «Арап», с 18 июля 1919 г. командир

парохода «Европа». Старший лейтенант (28 марта 1920 г.). К лету 1921 г. в Басре. С сентября 1921 г. на Сибирской флотилии, командир корабля «Патрокл» той же флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, 1936—1939 гг. член кают-компаний в Шанхае. Умер в 1952 г. в СССР.

³⁴⁶ **Гаврилов Алексей**. Прапорщик, помощник командира воздушного корабля «Илья Муромец-14». В Добровольческой армии на морском бронепоезде («Адмирал Непенин»). Подпоручик (поручик). Убит 14 октября 1918 г. на разъезде Базовая под Ставрополем

³⁴⁷ Имеется в виду князь **Игорь Петрович Шаховской**, р. 1896, сын полковника Петра Петровича Шаховского, командира роты Сумского, а во ВСЮР и в эмиграции Крымского кадетского корпуса.

³⁴⁸ **Поплавский Петр**. Окончил Отдельные гардемаринские классы (1918). Старший гардемарин. В Добровольческой армии до 14 октября 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин». Во ВСЮР и Русской Армии в Черноморском флоте до эвакуации Крыма. Мичман (24 января 1919 г.) На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, в июне 1921 г. — августе 1922 г. ревизор на миноносце «Пылкий». В эмиграции во Франции. Погиб 21 июля 1943 г. в Шербуре (Франция).

³⁴⁹ **Куров Сергей Владимирович**, р. 1895. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. В Добровольческой армии до 14 октября 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», после октября 1918 г. на бронепоезде «Дмитрий Донской». В Вооруженных силах Юга России на Каспийской флотилии. Лейтенант. К 16 мая и летом 1921 г. в Басре (Месопотамия). В белых войсках Восточного фронта на Сибирской флотилии. При эвакуации 1922 г. командир корабля «Свирь» той же флотилии в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции в Китае, 1937 г. в Гонконге, 1936—1939 гг. член кают-компаний в Шанхае.

³⁵⁰ **Тарановский Александр Владимирович**, р. 1895. Окончил Морской корпус (1914). Мичман. В Добровольческой армии и ВСЮР; до 14 октября 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», после октября 1918 г. на бронепоезде «Дмитрий Донской». Лейтенант (19 января 1919 г.).

³⁵¹ **Иван Завадовский**, о котором здесь идет речь, был не мичманом, а гардемаринном.

³⁵² Имеется в виду мичман **Аркадий Николаевич Хрущов** (окончил Морской корпус в 1917 г.; сын подполковника по адмиралтейству Николая Аркадьевича).

³⁵³ Имеется в виду мичман **Николай Александров**.

³⁵⁴ Имеется в виду мичман **Бронислав Снегоцкий**.

³⁵⁵ **Шапошников Симон Симонович**, р. 1892. Окончил Морское инженерное училище (1914). Поручик корпуса корабельных инженеров, наблюдающий по кораблестроительной части за постройкой кораблей на Черном море. В Добровольческой армии и ВСЮР; помощник начальника работ по подъему корабля «Императрица Мария» в Севастополе. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 25 марта 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших

воспитанников Морского инженерного училища, в 1928 г. член Военно-морского ист. кружка в Париже. Капитан. Умер 8 июля 1962 г. под Парижем. Но возможно, имеется в виду мичман (с 1917 г.), инженер-механик Иван Шапошников.

³⁵⁶ **Князь Шаховской Владимир Петрович**, р. 1897. Окончил Морской корпус (1916). Мичман. В Добровольческой армии; до 14 октября 1918 г. на бронепоезде «Адмирал Непенин», после октября 1918—1919 г. на бронепоезде «Дмитрий Донской» и на Каспийской флотилии. Лейтенант. К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия). В эмиграции. Умер в 1941 г.

³⁵⁷ Не совсем понятно, о ком в данном случае идет речь. Мичмана Казанского в русском флоте тогда не было, к концу 1917 г. имелись прапорщик по адмиралтейству Валериан Александрович (р. 1889, в службе с 1913 г., офицером с 1915 г.), поручик по адмиралтейству Николай Иванович (р. 1885, в службе с 1914 г., офицером с 1915 г.) и старший лейтенант Владимир Капитонович (р. 1885, в службе с 1903 г., офицером с 1905 г.). Возможно, имеется в виду один из них.

³⁵⁸ **Хростицкий Анатолий Владимирович**, р. 1867. В службе с 1885 г., офицером с 1888 г. Генерал-лейтенант, командир Гренадерского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; летом 1918 г. постоянный представитель армии в Москве, с 11 сентября 1918 г. и на 22 января 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР, с 2 февраля 1919 г. в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии; одновременно с 1 ноября 1918 г. представитель армии в правлении Кубанского союза общественных организаций им. ген. Корнилова. Осенью 1918 г. производил дознание по гибели на бронепоезде «Адмирал Непенин». Умер 5 марта 1919 г.

³⁵⁹ **Лебедев Виктор Иванович**, р. 1881. Окончил Морской корпус (1900). Капитан 1-го ранга, начальник дивизионов Черноморской минной бригады (2-го и 5-го). В Добровольческой армии и ВСЮР; начальник Морского отделения штаба Главнокомандующего Добровольческой армией, сентябрь—декабрь 1918 г. начальник Морского управления, с декабря 1919 г. помощник начальника того же управления при ставке ВСЮР, с 27 марта до 3 мая 1919 г. командир крейсера «Кагул», март 1920 г. командир дивизиона миноносцев Черноморского флота. К 1 января 1922 г. член Совета Союза морских офицеров в Константинополе. В эмиграции в 1931 г. возглавлял группу СОУВ, 1933—1938 гг. председатель Союза офицеров в Тунисе. Умер 25 февраля 1944 г. в Тунисе.

³⁶⁰ **Бушен Борис Николаевич**, р. 1884. Окончил Морской корпус (1906) (офицер с 1907 г.). Старший лейтенант крейсера «Громобой». В Добровольческой армии и ВСЮР; с 7 апреля 1919 г., осенью 1919 г. командир бронепоезда «Дмитрий Донской», с 20 сентября 1919 г. командир вспомогательного крейсера «Дмитрий Донской» Каспийской флотилии, в начале 1920 г. врио командующего флотилией. Капитан 2-го ранга (27 марта 1919 г.). К 16 мая 1921 г. в лагере в Басре (Месопотамия), с сентября 1921 г. на Сибирской флотилии. В эмиграции во Франции, 1928—1937 гг. член Военно-морского исторического кружка в Париже, затем в Египте. Умер 9—10 сентября 1956 г. в Александрии.

³⁶¹ Этот бронепоезд именовался также «Адмирал Непенин». См. выше воспоминания Р. фон Вирена.

³⁶² **Хмелевский Евгений Игнатьевич**. Поручик. В Добровольческой армии и ВСЮР; сентябрь 1918 г. командующий бронепоездом «Офицер», в марте 1920 г. на том же бронепоезде. В Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. во 2-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Капитан. Осенью 1925 г. в составе Марковского полка в Болгарии.

³⁶³ **Зеленецкий Александр Александрович**. Окончил 3-й Московский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище. Полковник 114-й артиллерийской бригады. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 14—26 октября 1918 г. командир бронепоезда «Генерал Алексеев», сентябрь—октябрь 1919 г. начальник бронепоезда Корниловской дивизии, командир бронепоезда «Иоанн Калита» и группы бронепоездов, январь 1920 г. командир 8-го бронепоездного дивизиона, с 24 августа 1920 г. командир бронепоезда «Единая Россия» до эвакуации Крыма. Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе Дроздовского арtdивизиона во Франции. Умер 27 июня 1960 г. в Монморанси (Франция).

³⁶⁴ По-видимому, речь идет о прапорщике по адмиралтейству Александр Полякове (офицер с 1916 г.), но возможно, что это мичман военного времени Евгений Поляков (офицер с 1917 г.).

³⁶⁵ Речь может идти об одном из следующих лиц: мичмане военного времени (с 1917 г.) **Александр Лысенко**, подпоручике по адмиралтейству **Иване Лысенко** (офицер с 1917 г.) или прапорщике по адмиралтейству **Павле Павлович Лисенко** (р. 1888, в службе с 1912 г., офицером с 1914 г.).

³⁶⁶ Имеется в виду мичман военного времени **Александр Березовский** (офицер с 1917 г.).

³⁶⁷ «Генерал Корнилов». Легкий бронепоезд ВСЮР. Один из первых бронепоездов Добровольческой армии. Создан 27 июля 1918 г. как 2-й бронированный поезд. Участвовал во 2-м Кубанском походе. С 16 ноября 1918 г. получил наименование «Генерал Корнилов». В 1919 г. входил в состав 2-го бронепоездного дивизиона. К 5 октября 1919 г. — в составе Закаспийского отряда Войск Северного Кавказа. Оставлен 23 марта 1920 г. у ст. Гойтх при отходе из района Туапсе. 16 апреля 1920 г. расформирован. Командиры: полк. Громыко (с 27 июля 1918 г.), кап. Лазарев (до 19 февраля 1919 г., убит), кап. Молчанов (19 апреля—сентябрь 1919 г.), шт.-капитан (кап.) Заздравный (сентябрь 1919 г., убит), кап. Прокопович.

³⁶⁸ «Витязь». Легкий бронепоезд ВСЮР. Создан в конце октября 1918 г. (приказ от 6 ноября 1918 г.) в Добровольческой армии. В боях с ноября 1918 г. под Армавиром. В 1919 г. входил в состав 3-го бронепоездного дивизиона. Оставлен 29 января 1920 г. у ст. Тирасполь. Командиры: полк. Тутолмин (с 25 октября 1918 г.), полк. Александров, полк. Гурский (с августа 1919 г.). Врио (старший офицер) — кап. Имшеник-Кондратович (сентябрь 1919 г.).

³⁶⁹ **Лебедев Михаил Иванович**, капитан. В Добровольческой армии на бронепоезде «Офицер», с начала декабря 1918 г. врид командира того же бронепоезда. Во ВСЮР и Русской Армии; в июле—октябре 1919 г. до эвакуации Крыма командир бронепоезда «Офицер» (в сентябре 1920 г. командир бронепоездного дивизиона). Полковник (27 января 1919 г.). Орден Св. Николая Чудотворца. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона в Болгарии. В эмиграции к 1938 г. во Франции.

³⁷⁰ **Шамов Борис Яковлевич**, р. около 1883. Подполковник, командир батареи 6-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии с 15 сентября 1918 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев», с 20 декабря 1918 г. командир 1-го бронепоезда; в декабре 1918 г. врид командира бронепоезда «Генерал Алексеев», с марта 1919 г. до эвакуации Крыма командир того же бронепоезда. Полковник. Эвакуирован на эсминце «Цериго» и затем на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 3-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Застрелился 29 мая 1930 г.

³⁷¹ Имеется в виду бронепоезд «Дмитрий Донской».

³⁷² **Осипов Алексей Владимирович**, р. в Саратовской губ. Вольноопределяющийся. В Добровольческой армии; в июне—сентябре 1918 г. бомбардир на бронепоезде № 1 («Генерал Алексеев»), с 10 ноября 1918 г. прапорщик. Во ВСЮР и Русской Армии в бронепоездных частях до эвакуации Крыма. Поручик. Эвакуирован на о. Проти на корабле «Кизил Ермак». Галлиполиец. На 30 декабря 1920 г. в 1-й батарее 6-го артиллерийского дивизиона. Осенью 1925 г. в составе 6-го артдивизиона во Франции. Штабс-капитан. В эмиграции во Франции. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (2-й вып.), в 1938 г. руководитель (помощник руководителя) тех же курсов, член редколлегии журнала «Армия и Флот». После 1945 г. — в США, 1950—1951 гг. член Общества Галлиполийцев в Калифорнии, к 1956 г. в Лос-Анджелесе. Умер после 1963 г.

³⁷³ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 55—56. Апрель—май 1966 г.

³⁷⁴ **Бодиско Владимир Константинович**, р. 1866. В службе с 1884 г., офицером с 1887 г. Офицер л.-гв. 1-й артиллерийской бригады. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, начальник артиллерийского снабжения армии. В июне 1918 г. начальник группы армейской артиллерии, с 17 марта 1919 г., сентябрь—октябрь 1919 г. инспектор артиллерии 2-го армейского корпуса. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию. Умер после 1932 г. в Загребе.

³⁷⁵ **Гонорский Борис Николаевич**, р. 1880. Сын подполковника. Окончил Орловский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище 1901. Полковник. Георгиевский кавалер. В Добровольческой армии и ВСЮР; 26 октября 1918 г. — январь 1919 г. командир бронепоезда «Генерал Алексеев», с 12 января 1919 г. командир батареи Учебно-подготовительной артиллерийской школы, затем начальник Офицерской артиллерийской школы; в Русской Армии до эвакуации Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. в со-

ставе Офицерской артиллерийской школы в Болгарии. Полковник. В эмиграции во Франции, с 1931 г. начальник групп Офицерской артиллерийской школы и 1-го армейского корпуса и председатель Общества Галлиполийцев в Риве. Умер 30 октября 1969 г. в Риве (Франция).

³⁷⁶ **Прапорщик Всеволод Курбас** был произведен в подпоручики только 29 января 1919 г.

³⁷⁷ **Флавицкий Петр.** Юнкер Константиновского артиллерийского училища. В Добровольческой армии; с 12 февраля 1918 г. прапорщик. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 1-й офицерской батарее, 3 апреля — 7 мая 1918 г. в 1-м Офицерском полку; декабрь 1918 г., на 3 января 1919 г. на бронепоезде «Генерал Алексеев». Умер от тифа 6 марта 1919 г. в Ростове.

³⁷⁸ Впервые опубликовано: Вестник Первопоходника. № 9. Июнь 1962 и № 27. Декабрь 1963 г.

³⁷⁹ Таково было распространённое в офицерской среде название Николаевского кавалерийского училища — бывшей Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров.

³⁸⁰ Так называлось Елисаветградское кавалерийское училище.

³⁸¹ **Литвинов Алексей Алексеевич** (2-й), р. 1890. Из дворян Новгородской губ. Окончил Александровский лицей (1910). Чиновник Главного управления по делам местного хозяйства. Произведен в офицеры за боевые отличия в 1917 г. Прапорщик л.-гв. 2-й артиллерийской бригады. В Добровольческой армии; с ноября 1918 г. в эскадроне л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка, переведен в полк 26 января 1919 г., с 24 марта, и 12 мая 1919 г. в эскадроне того же полка в Сводном полку гвардейской кирасирской дивизии. 4—27 июня 1919 г. командир отдельного стрелкового полуэскадрона, затем корнет; 2—15 ноября 1919 г. и 2 декабря 1919 г. — 1 февраля 1920 г. командир эскадрона; с апреля 1920 г. помощник адъютанта Сводно-кирасирского полка. Штабс-ротмистр. После эвакуации Крыма в распоряжении российского военного агента, переводчик при союзных миссиях. В эмиграции на 1 января 1921 г. в списке л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка. Директор отделения бельгийского банка в Элизабетвиле (Конго), с 1957 г. в Бельгии, председатель Союза Инвалидов, член совета РНО, с 1967 г. сотрудник журнала «Военная быль». Умер 1 октября 1972 г. в Брюсселе.

³⁸² Впервые опубликовано: Военная быль. № 54. Май 1962 г.

³⁸³ **Бибиков Сергей Илларионович**, р. около 1881. Чиновник банка. В Вооруженных силах Юга России по ведомству министерства внутренних дел. Эвакуирован из Новороссийска. Летом 1920 г. в Константинополе, на о. Лемнос и в Сербии.

³⁸⁴ **Аппельгрэн Арвид Конрадович**, р. 1867. В службе с 1894 г., офицером с 1896 г. Окончил академию Генштаба. Генерал-майор. В Добровольческой армии и ВСЮР из Одессы; 18 ноября 1918 г. — 23 января 1919 г. начальник штаба 2-го армейского корпуса, с 24 января 1919 г. генерал для поручений при командующем Крымско-Азовской армией, с 1 мая 1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР.

³⁸⁵ **Драшусов Николай Евгеньевич**, р. 1880. Окончил Морской корпус (1901). Капитан 2-го ранга отряда особого назначения в Румынии. В Добровольческой армии и ВСЮР; октября 1918 г. военно-морской представитель в Румынии, затем для связи при штабе ген. Бертело, затем командир Днепровской флотилии. Капитан 1-го ранга. В эмиграции в Бельгии. Умер 15 января 1951 г. в Брюсселе.

³⁸⁶ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академию Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.). С 6 декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с 14 октября 1918 г. генерал-лейтенант, с 17 октября командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 г. (до 16 октября 1919 г.) генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. походный атаман всех казачьих войск, с 21 сентября — 16 октября 1919 г. командующий Оренбургской армией Восточного фронта, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 25 января 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1

<i>А. Деникин. На Кубань!</i>	9
Марковцы во Втором походе на Кубань	24
Марковцы-артиллеристы во Втором Кубанском походе	88
<i>Н. Прюц. Шаблиевка</i>	99
<i>В. Кравченко. Дроздовцы во Втором Кубанском походе</i>	107
<i>А. Туркул. Суховей</i>	122
Нечаянная радость	128
<i>Н. Ребиков. Гаубичная батарея во 2-м Кубанском походе</i>	132
<i>С. Нилов. На броневике «Верный» (из воспоминаний 1918 года)</i>	143
<i>Б. Прянишников. С Партизанским Алексеевским полком во 2-м Кубанском походе</i>	159
<i>Иванов. По следам памяти</i>	167
Корниловцы во Втором Кубанском походе	173
<i>А. Рябинский. На броневом автомобиле</i>	183
<i>Э. Кариус. Второй...</i>	189
<i>Н. Кисиль. Мои заметки</i>	223
<i>Васильев. Из воспоминаний</i>	225
<i>М. Шилле. Из дневника кавалериста</i>	228
<i>А. Власов. О бронепоездах Добровольческой армии</i>	233

Раздел 2

<i>А. Деникин. Бои под Армавиром и Ставрополем</i>	237
<i>Бар. П. Врангель. Освобождение Северного Кавказа</i>	255
<i>П. Шатилов. В Добровольческой армии (из воспоминаний)</i>	308

Марковцы под Армавиром и в Ставрополье	323
Марковцы-артиллеристы в осенне-зимних боях 1918 года	380
Н. Прюц. Шишкино	387
Э. Гиацинтов. В Ставропольской губернии	389
В. Кравченко. Дроздовцы под Армавиром и в Ставрополье	392
Н. Ребиков. Гаубичная батарея в сентябре—декабре 1918 года	403
С. Нилов. На броневике «Верный» (продолжение)	410
С. Мамонтов. Северный Кавказ	429
В. Шеффер. Печальная страничка из времен Гражданской войны на Кубани	460
Б. Прянишников. С Партизанским Алексеевским полком (продолжение)	463
Иванов. По следам памяти (продолжение)	466
Е. Емельянов. Партизанский полк под Ставрополем	473
Корниловский полк в боях под Армавиром и Ставрополем	479
А. Рябинский. Бронеавтомобиль «Витязь»	495
А. Чуйков. Их было четверо	497
А. Чуйков. На Невинномысскую	503
А. Чуйков. Об одной неточности	509
В. Гецц. 1-я имени генерала Корнилова батарея	513
Р. фон Вирен. Разъезд Базовая	515
А. Власов. О бронепоездах Добровольческой армии (продолжение)	520
А. Осипов. Краткий военный календарь легкого бронепоезда «Генерал Алексеев»	536
М. Шилле. Из дневника кавалериста (продолжение)	541
А. Литвинов. На «Моряке» в Добровольческую армию в 1918 году	548
Комментарии	563

ISBN 5-227-01652-6

Научно-просветительное издание

ВТОРОЙ КУБАНСКИЙ ПОХОД И ОСВОБОЖДЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Составление, научная редакция и комментарии
д.и.н. Сергея Владимировича Волкова

Ответственный редактор *С.А. Сапожников*

Редактор *Т.С. Ковалева*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Л.И. Витушкина*

Корректоры *Т.В. Вышегородцева, Д.Б. Соловьев*

Изд. лиц. АР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.12.2001

Формат 60x90¹/16. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,0

Уч.-изд. л. 39,21 + 1 альбом = 40,26

Тираж 3 000 экз. Заказ № 248

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

